ИСТОРІЯ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ЛИТОВСКАГО ПОЛКА.

Составилъ А. Маркграфскій.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-38910
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

ВАРШАВА.

1887.

Печатано съ разрѣшенія Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба.

Въ типографіи Варшавскаго Жандармскаго Округа.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ III.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Тридцать семь лѣтъ тому назадъ, въ 1850 году, Командовавшій Гвардейскимъ и Гренадерскимъ Корпусами, ***ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ****, нынѣ въ Бозѣ почивающій* ***ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II****, по личному желанію* ***СВОЕГО АВГУСТѢЙШАГО РОДИТЕЛЯ****,* ***ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I****, представилъ* ***ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ*** *въ рукописи краткую хронику лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, составленную въ 1846 году капитаномъ этого полка Траскинымъ, которая была прочтена* ***ГОСУДАРЕМЪ*** *и удостоилась одобренія* ***ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ВАШЕГО АВГУСТѢЙШАГО ДѢДА.***

Этотъ историческій примѣръ, равно какъ и высокомилостивое вниманіе, всегда оказываемое ***ВАШИМЪ***

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ военно-историческимъ трудамъ, внушили мнѣ смѣлость представить на Всемилостивѣйшее ВАШЕ, ГОСУДАРЬ, воззрѣніе и мой скромный трудъ—Исторію лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, имѣющаго счастіе числить въ своихъ спискахъ АВГУСТѢЙШЕЕ ИМЯ ВАШЕ.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданнической преданности имѣю счастіе быть

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВѢРНОПОДДАННЫЙ,

Ротмистръ Андрей Маркграфскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе I

Глава I. Увеличеніе состава гвардейской пѣхоты. — Формированіе л.-гв. Литовскаго полка.—Полковникъ Удомъ, первый командиръ полка. — Штаты полка и организація батальоновъ и ротъ.— Первый смотръ полка Государемъ. — Пожалованіе, прибивка и освященіе знаменъ. — Внутренняя служба.—Настроеніе офицеровъ полка и ихъ отношеніе къ службѣ.—Правила для укомплектованія полковъ гвардіи 1

Глава II. Выступленіе въ походъ. — Молебенъ и высочайшій приказъ 7 марта 1812 года. — Численный составъ полка при выступленіи. — Походъ и прибытіе въ Свенцяны. — Формированіе въ Петербургѣ запасныхъ гвардейскихъ батальоновъ.— Высочайшій смотръ въ Вильнѣ. — Начало войны; отступленіе и его нравственное вліяніе на армію. — Пріѣздъ Кутузова въ Царево-Займище.—Дальнѣйшее отступленіе къ с. Бородину . 7

Глава III. Краткій обзоръ Бородинской позиціи и расположенія на ней нашихъ войскъ. — Какъ провела русская армія 25-е августа и ночь на 26-е. — Атака Даву и Нея на лѣвый флангъ.—Движеніе л.-гв. Литовскаго полка на лѣвый флангъ къ сел. Семеновскому.—Важность этого пункта.—Бой на Семеновскихъ укрѣпленіяхъ и отступленіе русскихъ за Семеновскій ручей, подъ покровительствомъ л.-гв. Измайловскаго и Литовскаго полковъ. — Перекрестный огонь французскихъ батарей.—Полкъ атакованъ французскими латниками.—Отраженіе кавалерійской атаки и дѣйствія 2-го батальона л.-гв. Литовскаго полка. — Послѣдующія атаки кавалеріи. — Атака саксонскихъ кирасировъ. — Занятіе полкомъ высоты у начала Семеновскаго оврага и бой на ней.—Подвигъ Шварца.—Наступленіе ночи. — Отзывы начальствовавшихъ лицъ о подвигахъ полка.—Награды.—Отступленіе къ Можайску . 15

Глава IV. Отступленіе къ Москвѣ и оставленіе столицы.—Видъ Москвы 2-го сентября. — Бивакъ у с. Панковъ. — Пожаръ Москвы.—Настроеніе арміи.—Переходъ съ рязанской на калужскую дорогу.—Бивакъ на берегахъ рѣки Пахры. — Перемѣна въ настроеніи войскъ: подъемъ духа.—Тарутинская позиція и мѣры, принятыя фельдмаршаломъ для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ. — Возвращеніе генерала Удома.— Оставленіе Тарутинскаго лагеря и движеніе къ Малоярославцу.—Сраженіе у Малоярославца 41

Стр.

Глава V. Фланговое преслѣдованіе. — Французы въ Смоленскѣ. Приказъ Кутузова отъ 29 октября. — Бивакъ и дневка л.-гв. Литовскаго полка у Краснаго. — Движеніе къ Копысу и его трудности. — Трехнедѣльный походъ отъ Копыса къ Вильнѣ. Картина бѣдствій французской арміи. — Прибытіе полка въ Вильну.—Потери полка. — Прибытіе къ арміи Государя и назначеніе Великаго Князя Константина Павловича Шефомъ л.-гв. Литовскаго полка. — Укомплектованіе полка и переформированіе въ трехбатальонный составъ 53

Глава VI. Переходъ границы. — Стоянка полка въ Калишѣ.— Встрѣча Фридриха-Вильгельма III.—Встрѣча русскихъ войскъ въ Пруссіи и Саксоніи.—Высочайшій приказъ 13 апрѣля 1813 года. — Раздѣленіе гвардейской пѣхоты на двѣ дивизіи.— Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. — Смерть Кутузова. — Люценское сраженіе и отступленіе въ Силезію. — Перемиріе. — Сраженіе подъ Дрезденомъ. — Сраженіе 17 и 18 августа при Кульмѣ. — Шестинедѣльная стоянка полка у Кульма. — Движеніе полка къ Лейпцигу. 71

Глава VII. Переправа черезъ Рейнъ. — Приказъ Императора Александра I. — Походъ въ предѣлахъ Франціи. — Отступленіе отъ Труа къ Лангру.—Движеніе союзныхъ армій къ Парижу.—День сдачи Парижа. — Двухмѣсячное пребываніе полка въ столицѣ Франціи. — Настроеніе парижанъ.— Молебствіе на площади Согласія въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья. Большой парадъ въ честь прибытія въ Парижъ Людовика XVIII. Отзывъ Герцога Веллингтона о гренадерахъ русской гвардіи. Заключеніе мира и обратное движеніе л.-гв. Литовскаго полка къ предѣламъ Россіи. Переправа черезъ Рейнъ у Форъ-Луи.—Торжественная встрѣча въ Германіи.—Повелѣніе о командированіи третьяго батальона въ Варшаву.— Причины, его вызвавшія. — Движеніе первыхъ двухъ батальоновъ къ Любеку и переѣздъ моремъ въ Кронштадтъ 90

Глава VIII. Прибытіе въ Петербургъ первыхъ двухъ батальоновъ л.-гв. Литовскаго полка.—Приказъ объ увольненіи нижнихъ чиновъ въ кратковременные отпуски.—Походъ 1815 года. — Увлеченіе плацъ-парадами и мелочами фронтовой службы. — Первый командиръ л.-гв. Литовскаго полка, генералъ-маіоръ Удомъ. — Различіе во взглядахъ на воспитаніе солдата. — Либеральное направленіе военной молодежи и разладъ въ средѣ офицеровъ. — Упадокъ дисциплины и склонность къ составленію тайныхъ обществъ. — Петербургское общество въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Императора Александра I.—Масонство. — Переѣздъ Двора въ Москву и приказъ о переименованіи первыхъ двухъ батальоновъ л.-гв. Литовскаго полка л.-гв. въ Московскій полкъ 100

Глава IX. Вступленіе гвардейскаго отряда въ Варшаву. — Веселое настроеніе этого города.—Формированіе польской арміи

Стр.

и литовскаго корпуса.—Назначеніе варшавскаго гвардейскаго отряда и его организація до 1817 года.—Инструкція генералъ-фельдмаршала Барклая-де-Толли.—Состояніе строеваго образованія въ батальонѣ л.-гв. Литовскаго полка и порядокъ службы. — Матеріальное положеніе офицеровъ и солдатъ.—Непріязненныя отношенія польскихъ и русскихъ войскъ. Смѣшанные браки. — Торжественный въѣздъ Императора Александра I въ Варшаву въ 1815 г. 110

Глава X. Формированіе новаго л.-гв. Литовскаго полка въ 1817 году.—Новая организація гвардейскаго отряда и ея недостатки.—Пожалованіе л.-гв. Литовскому полку новыхъ георгіевскихъ знаменъ.—Порядокъ службы въ лагерѣ и казармахъ. Нѣкоторыя особенности караульной службы 127

Глава XI. Система обученія нижнихъ чиновъ и нововведенія, происшедшія въ ней въ двадцатыхъ годахъ.—Служебная дѣятельность Великаго Князя Константина Павловича и степень его личнаго вліянія на порядокъ службы и характеръ управленія полкомъ 136

Глава XII. Бытъ солдата въ двадцатыхъ годахъ. — Примѣры строгости взысканій. — Донесенія высшей секретной варшавской полиціи. — Печальные результаты жестокаго обращенія. Состояніе дисциплины въ полкахъ варшавскаго гвардейскаго отряда.—Злоупотребленія.—Ротмистръ-музыкантъ. — Семейные солдаты.— Состояніе здоровья.— Пища, жилище и одежда. — Увольненіе въ неспособные и въ отставку. — Призрѣніе отставныхъ нижнихъ чиновъ. — Общее заключеніе о жизни солдата. 145

Глава XIII. Бытъ офицеровъ 167

Глава XIV. Смотръ стотысячной арміи подъ Брестомъ. — Послѣдній пріѣздъ Императора Александра I въ Варшаву. — Извѣстіе о смерти Императора Александра и впечатлѣніе, произведенное имъ на варшавянъ и русскія войска. — Присяга новому Государю и первая милость его л.-гв. Литовскому полку. — Краткій обзоръ политическихъ событій въ Варшавѣ послѣ смерти Императора Александра.— Описаніе торжества коронаціи Императора Николая Царемъ Польскимъ.— Трость верховнаго визиря, пожалованная л.-гв. Литовскому полку Государемъ. — Новый командиръ полка, Карлъ Георгіевичъ Энгельманъ. — Пріѣздъ Государя въ 1830 году. — Признаки бури. — Бытъ подпрапорщиковъ въ полкахъ и школѣ пѣхотныхъ подхоронжихъ. — Мѣры предосторожности и „Марковскія посидѣлки.“—Планъ заговорщиковъ 202

Глава XV. Нападеніе на Бельведеръ. — Возмущеніе школы пѣхотныхъ подхоронжихъ; затруднительное положеніе подпрапорщиковъ Литовскаго и Волынскаго полковъ и бѣгство ихъ черезъ окно.—Выходъ л.-гв. Литовскаго полка по тревогѣ на

*

Стр.

„plac Broni."—Плѣнъ генераловъ: Рихтера, Энгельмана и Есакова. — Столкновеніе волынцевъ у арсенала съ четвертымъ линейнымъ полкомъ польскихъ войскъ. — Ночная перестрѣлка литовцевъ съ мятежниками и поведеніе гренадеровъ польской гвардіи. — Ночь св. Сатурнина. — Недочетъ въ рядахъ литовцевъ.— Заботы о продовольствіи полка. — Разграбленіе казармъ мятежниками.— Переходъ русской пѣхоты къ Мокотову.—Плѣнъ капитана Грессера. — Отступленіе кавалерійскихъ полковъ къ Мокотову 224

Глава XVI. Могъ-ли Великій Князь подавить возстаніе?—Цесаревичъ, по просьбѣ генерала Потоцкаго, посылаетъ польскихъ конноегерей въ Варшаву. — Сборъ русскаго отряда на Мокотовской позиціи и лишенія, имъ испытанныя. — Къ Великому Князю является депутація временнаго правительства.—Мотивы, заставившіе Цесаревича начать отступленіе. — Трудность предстоявшаго похода. — Заботы о продовольствіи отряда.— Цесаревичъ избѣгаетъ встрѣчи съ польскими войсками.— Порядокъ марша.—Изъ дневника А. А. Одинцова.— Приказъ Цесаревича, отданный по прибытіи въ Брестъ-Литовскъ.— Двухнедѣльная стоянка полка въ м. Высоко-Литовскѣ.— Смотръ отряда въ присутствіи генералъ-адъютанта Орлова.— Мѣры для снабженія полка всѣмъ необходимымъ.—Переходъ полка въ м. Голынку.—Мѣры для поддержанія дисциплины.— Прибытіе главнокомандующаго.—Формированіе резервовъ въ г. Несвижѣ.—Выступленіе на войну 237

Глава XVII. Роль л.-гв. Литовскаго полка въ кампанію 1831 г.— Выступленіе изъ Голынки и переходъ границы. — Устройство продовольственной части: реквизиціи и фуражировки.—Переправа черезъ Бугъ. — Грохово. — Расположеніе на тѣсныхъ квартирахъ въ Мястковѣ и Серокомлѣ.—Переходъ къ Сѣдлецу.—Бивакъ у гор. Лукова. — Холера. — Исчисленіе жертвъ и холерный комитетъ. — Переходъ къ Минску и Сѣдлецу.— Бивакъ у Ополе. — Движеніе къ Остроленкѣ. — Походъ въ Литву.—Смерть графа Дибича-Забалканскаго.—Участіе л.-гв. Литовскаго полка въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ.— Смерть Цесаревича Константина и командированіе отъ полка депутаціи.—Преслѣдованіе Роланда.—Народная война.— Высочайшій приказъ войскамъ бывшаго варшавскаго отряда по поводу кончины Цесаревича.—Назначеніе новаго шефа и причисленіе полка къ составу гвардейскаго корпуса. — Движеніе на соединеніе съ главными силами.—Надаржинъ. — Приготовленія къ штурму Варшавы. — Передвиженіе полка на полѣ битвы 25 и 26 августа. — 5-й полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ при атакѣ укрѣпленія № 54.—Потери. — Награды.—Вступленіе въ Варшаву.—Возвращеніе плѣнныхъ.—Перемѣна формы. — Самоубійство полковаго командира. — Приказъ о сформированіи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи . . 260

Стр.

Глава XVIII. Подробности захвата въ плѣнъ генерала Энгельмана. — Плѣнъ прапорщика Макарова. — Поручикъ Лишинъ и подвигъ военныхъ кантонистовъ.— Награда.— Прапорщикъ Забѣлло. — Подпрапорщики братья Константинъ и Владиміръ Развадовскіе; ихъ плѣнъ, побѣгъ и производство въ офицеры. Общее число нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, оставшихся въ плѣну у поляковъ.— Рядовой Гордѣйчукъ.—Высочайшій приказъ о плѣнныхъ офицерахъ и чиновникахъ бывшаго гвардейскаго отряда. 294

Глава XIX. Походъ въ г. Шавли и расположеніе въ его окрестностяхъ на кантониръ-квартирахъ. — Новый командиръ полка, Павелъ Яковлевичъ Девиттъ.— Печальный случай въ Шавляхъ.—Переименованіе 2-го батальона въ третій. — Походъ въ Петербургъ. — Сформированіе 2-го батальона изъ резервныхъ ротъ.— Переходъ въ Ораніенбаумъ и Петергофъ.— Сравненіе новой стоянки съ варшавской. — Освященіе знамени, пожалованнаго второму батальону, парадъ по этому случаю и приказъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, отданный его августѣйшимъ шефомъ. — Высочайшій приказъ 18-го марта 1833 года.—Служба полка въ Ораніенбаумѣ. — Замѣчательныя событія и торжества, въ которыхъ части полка принимали участіе. — Учрежденіе въ полку библіотеки для офицеровъ.— Краткая характеристика новаго шефа, Великаго Князя Михаила Павловича. 304

Глава XX. Расквартированіе полка въ Петербургѣ. — Освященіе новой казарменной церкви и дѣло о пріобрѣтеніи церковной утвари. — Характеръ обученія войскъ въ царствованіе Императора Николая I.—Сложность строеваго устава. — Примѣры. Сводный гвардейскій учебный батальонъ. — Маневры.—Ходъ занятій въ л.-гв. Литовскомъ полку въ теченіе года. — Обученіе рекрутъ.—Состояніе въ полку стрѣлковаго дѣла.— Вооруженіе.—Штуцера Гартунга. — Смотры стрѣльбы. — Обученіе разсыпному строю.—Фехтовальная наука Ренгау. — Причина, почему она не привилась въ полку.— Обученіе гимнастикѣ по иниціативѣ де-Паули. — Теоретическое обученіе нижнихъ чиновъ.—Обученіе маневрированію и верховой ѣздѣ.— Обученіе дѣйствіямъ при орудіяхъ.— Гарнизонная служба и ея отличительныя черты. — Формалистика и строгость тогдашнихъ служебныхъ требованій. — Примѣры. — Военные кантонисты; положеніе о школахъ. — Состояніе школы военныхъ кантонистовъ л.-гв. Литовскаго полка 317

Глава XXI. Общее заключеніе о жизни солдата въ царствованіе Императора Николая I. — Безсрочные, годовые, временные и кратковременные отпуски.—Постепенное смягченіе системы тѣлесныхъ наказаній.—Примѣры строгости взысканій. — Побѣги и мѣры къ уменьшенію ихъ числа. — Поощрительныя и карательныя мѣры для начальниковъ, въ частяхъ которыхъ

Стр.

рѣдки или слишкомъ часты случаи побѣговъ. — Мѣры къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ и предписаніе Великаго Князя по этому предмету генералу Девитту.—Мѣры къ предупрежденію развитія холеры.—Одежда.—Пища.—Семейные нижніе чины и мѣры призрѣнія ихъ женъ и дѣтей. — Запрещеніе ѣздить въ экипажахъ, посѣщать библіотеки и театры. — Развлеченія солдатъ въ часы досуга.—Первыя солдатскія изданія. 338

Глава XXII. Мѣры къ улучшенію матеріальной обстановки офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка. — Прибавка жалованья.— Всемилостивѣйшія пособія и подарки.— Учрежденіе въ полку офицерскаго капитала и комитета по завѣдыванію онымъ. Мѣры къ погашенію офицерскихъ долговъ. — Квартиры.— Установленіе для офицеровъ безсрочныхъ отпусковъ.— Отпуски годовые, продолжительные и кратковременные.—Отставки офицеровъ.—Брачные союзы и формальности при ихъ заключеніи.— Общій уровень образованія офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка.—Франтовство и приказъ о волосахъ. — Ежегодныя командировки офицеровъ на Кавказъ для участія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ.—Нравы тогдашней гвардейской молодежи.—Вліяніе романтизма.—Поклоненіе свѣтскимъ приличіямъ.—Point d'honneur и бреттерство. — Примѣры кровавой расправы изъ-за пустяковъ 353

Глава XXIII. Знамя запаснаго батальона. — Пожалованіе л.-гв. Литовскому полку андреевскихъ лентъ на знамена. — Открытіе тріумфальныхъ воротъ у Московской заставы.—Рота Е. В. присутствуетъ при открытіи памятника на поляхъ Бородина. — Характеристика генералъ-маіора Девитта. — Фонъ-Аммонтъ. — Краткій историческій очеркъ формированія при полку запасныхъ частей до 1849 года.—Походъ л.-гв. Литовскаго полка въ 1849 году. — Кончина шефа, Великаго Князя Михаила Павловича, и краткая его характеристика.— Михайловскій капиталъ. — Назначеніе командиромъ полка барона Зальца и характеристика его. — Пожалованіе полку новыхъ знаменъ и празднованіе 150 лѣтн. юбилея. — Хроника полка, составленная капитаномъ Траскинымъ, удостоена Высочайшимъ прочтеніемъ. — Расформированіе 4-го (запас.) батальона въ 1850 г. — Сформированіе 4-го (запас.) батальона въ Москвѣ въ 1854 году и приведеніе полка на военное положеніе.—Походъ въ Эстляндію. — Заботливость Наслѣдника Цесаревича о войскахъ, Ему ввѣренныхъ.—Служба полка въ Ревелѣ.—„Туманные“ караулы и ложныя тревоги. — Анекдоты о генералѣ Овандерѣ.—Трудность караульной службы и крѣпостныя работы. — Зачисленіе 4-го батальона въ число дѣйствующихъ и присоединеніе его къ полку въ Ревелѣ.— Сформированіе л.-гв. Литовскаго резервнаго полка.—Стоянка дѣйствующаго полка въ Вольмарѣ. — Извѣстіе о смерти Императора Николая и присяга полка на вѣрность Императору Але-

Стр.

ксандру II. — Пожалованіе полку мундира почившаго Государя 366

Глава XXIV. Дѣйствующій полкъ снова въ Ревелѣ.—Назначеніе командиромъ полка генералъ-маіора Федорова. — Сформированіе стрѣлковыхъ ротъ въ резервномъ и дѣйствующемъ полкахъ.—Стоянка въ Везенбергскомъ уѣздѣ. — Назначеніе командиромъ полка барона Меллеръ-Закомельскаго. — Перемѣна полковыхъ командировъ въ л.-гв. Литовскомъ резервномъ полку. — Передвиженіе частей резервнаго полка во время лѣта 1855 г.—Зимнія занятія резервнаго и дѣйствующаго л.-гв. Литовскихъ полковъ.— Новая система обученія войскъ.— Переходъ дѣйствующаго полка изъ Везенберга въ Красное Село.— Расформированіе л.-гв. Литовскаго резервнаго полка.— Походъ дѣйствующаго полка въ Москву. — Жизнь и служба въ Москвѣ.— Назначеніе Шефа. — Переѣздъ въ Красносельскій лагерь и лѣтнія занятія войскъ.—Загородное расположеніе полка и расформированіе 3-го батальона. — Перемѣщеніе въ Семеновскія казармы. — Постепенное развитіе и усовершенствованіе новой системы обученія.—Развитіе грамотности въ полку.—Выборъ книгъ для солдатскаго чтенія. — Военныя бесѣды и военныя игры въ полку. — Важнѣйшія распоряженія по военному вѣдомству за этотъ періодъ. — Командированіе ротъ въ Новгородъ ко дню празднованія тысячелѣтія Россіи. — Зачисленіе Великаго Князя Константина Николаевича въ списки л.-гв. Литовскаго полка. — Отправленіе полка въ Варшаву въ составѣ гвардейскаго отряда 395

Глава XXV. Первыя Варшавскія впечатлѣнія. — Военное положеніе въ царствѣ Польскомъ и трудность службы.— Мѣры на случай неожиданнаго нападенія на казармы. — Способъ дѣйствія мятежническихъ шаекъ въ царствѣ въ 1863 году.— Участіе л.-гв. Литовскаго полка въ усмиреніи мятежа.— Дѣло въ Болимовскомъ лѣсу. — Дѣло 8 апрѣля въ Марьяновскомъ лѣсу, близъ Бжузы; потери и награды.— Слова Государя Императора, сказанныя поручику фонъ-Витторфу въ Петербургѣ, на обѣдѣ, данномъ 2-й стрѣлковой ротѣ городскимъ обществомъ. — Дѣла у д. д. Нова-Вѣсь и Пясечно; потери и награды.—Формированіе 3-го батальона.—Назначеніе генералъ-маіора Фуругельма командиромъ полка; его предшествовавшая служба.—Послѣдній приказъ барона Меллеръ-Закомельскаго. — Польская система террора. — Покушеніе на жизнь графа Берга.—Репрессивныя мѣры.— Депутація отъ общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка подноситъ семилѣтнему Шефу первую шашку.—Служба полка въ 1864 году. — Зачисленіе Государя Императора и графа Берга въ списки полка.— Разсказъ Берга о началѣ его служебной карьеры. — Новый командиръ полка, генералъ-маіоръ В. В. Каталей.—Подарокъ Великаго Князя Константина Николаевича и учрежденіе въ

Стр.

полку Константиновскаго капитала. — Поднесеніе Государю альбома съ портретами офицеровъ полка. — Приведеніе полка въ мирный составъ 414

Глава XXVI. Дѣятельность В. В. Каталея по командованію л.-гв. Литовскимъ полкомъ.—Его стремленіе поднять нравственный уровень нижнихъ чиновъ.—Общество трезвости.—Развлеченія въ часы досуга.—Прощальный приказъ Каталея, какъ характеристика общества офицеровъ Литовскаго полка въ то время.—Назначеніе командиромъ полка С. Е. В. генералъ-маіора барона А. Н. Корфа.—Вооруженіе полка винтовками системы Крынка.— Трудъ прапорщика Ратке. — Пріѣздъ Государя въ Варшаву въ 1871 году. — Назначеніе гр. Берга вторымъ шефомъ л.-гв. Литовскаго полка. — Отправленіе отъ полка депутаціи на погребеніе генералъ-фельдмаршала гр. Берга.—Прощальный приказъ барона Корфа и пріемъ полка новымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ барономъ Аргегофенымъ.— Пріѣздъ Государя Императора въ Варшаву въ 1875 году и зачисленіе Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича въ списки л.-гв. Литовскаго полка. — Поздравительная телеграмма Шефа.—Формированіе въ полку четвертой стрѣлковой роты и 4-го батальона. — Пріѣздъ Государя въ Варшаву въ 1876 году.— Празднованіе совершеннолѣтія Шефа и зачисленіе въ списки полка Е. И. В. В. К. Николая Николаевича Старшаго.—Эпизодъ изъ Сербской войны 438

Глава XXVII. Признаки войны: командированіе чиновъ полка въ составъ конвоя Его Величества и въ Кавказскую армію.— Мобилизація полка и выступленіе изъ Варшавы. — Переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Фратешти. — Первые переходы за Дунаемъ. — Переходъ черезъ Горный Студень и встрѣча полка Государемъ. — Стоянка въ Эски-Баркачѣ. — Телишъ.—Л.-гв. Литовскій полкъ входитъ въ линію обложенія Плевны. — Постройка редута Мирковича. — Караулы въ траншеяхъ на Волынской горѣ.—Постройка редута Старынкевича. — Бивачная жизнь подъ Плевной. — Ночь наканунѣ сдачи Плевны.— Дѣйствія л.-гв. Литовскаго полка 28 ноября. — Трофеи полка въ этотъ день. 449

Глава XXVIII. Отъ Плевны до Орханіе.—Переходъ черезъ Балканы. — Бой подъ Ташкисеномъ.— Дѣла при Дольнихъ— Комарцахъ, 20 декабря, и подъ Петричевымъ, 21 декабря.— Занятіе Петричева. — Бой подъ Филиппополемъ, 3-го января 1878 г. 467

Глава XXIX. Переправа 4 января черезъ рѣку Марицу и вступленіе въ Филиппополь.—Бой подъ Карагачемъ въ ночь съ 4 на 5 января.—Трофеи и потери полка. — Движеніе къ Паша-Махале.—Бой 5-го января.—Стоянка въ Станимакахъ.—Походъ къ Адріанополю 486

Стр.

Глава XXX. Походъ къ Константинополю. — Описаніе отдѣльныхъ дѣйствій ротъ 1-го батальона. — Стоянка полка въ Кумъ-Бургасѣ и Эниватесѣ. — Своеобразность греческихъ нравовъ. — Заключеніе мира и праздникъ въ Эниватесѣ.— Стоянка въ Кшастеро и Ялосѣ.—Буюкъ-Чекмеджи.— Эремъ-Бургасъ.—Амбарли.—Парадъ у Ай-Мама и возвращеніе въ Россію 497

Глава XXXI Казарменное размѣщеніе полка послѣ войны и демобилизація.—Назначеніе новаго полковаго командира, ген.-маіора Водара. — Теоретическія занятія офицеровъ. — Посѣщеніе Варшавы Государемъ въ 1879 году и милости, оказанныя полку.—Назначеніе полковника Никитина флигель-адъютантомъ. — Высочайшее посѣщеніе офицерскаго собранія.— Картина карагачскаго боя 507

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія полка или небольшой войсковой части должна служить матеріаломъ для изученія военнаго быта въ разныя эпохи существованія нашей арміи. Она, по преимуществу, исторія бытовая. Военныя дѣйствія небольшой части, за весьма рѣдкими исключеніями, не представляютъ особенной поучительности. Гораздо болѣе важны въ нихъ и интересны для изслѣдователя примѣры доблести и самоотверженія отдѣльныхъ лицъ, или цѣлой разсматриваемой части; не подлежитъ сомнѣнію, что эти примѣры должны быть сохранены для потомства. Воспоминаніе о нихъ возвышаетъ духъ части и пробуждаетъ справедливое чувство благодарности къ героямъ, давно сошедшимъ въ могилу. Нѣтъ высшей награды, какъ благодарность потомства.

Но изслѣдованіемъ однихъ только военныхъ дѣйствій и подвиговъ не должна ограничиваться задача полковаго исторіографа. Онъ долженъ въ трудѣ своемъ представить вѣрную картину внутренняго быта, описаніе обыденной жизни войсковой части не только въ военное, но и въ мирное время.

Не такъ давно еще полковые исторіографы или совершенно обходили этотъ вопросъ, или же въ своихъ бытовыхъ описаніяхъ видимо стремились представить все въ самомъ радужномъ цвѣтѣ: говорили только о хорошемъ, все-же дурное предавали забвенію, упуская изъ виду, что исторія не должна ничего забывать. Происходило это въ большинствѣ случаевъ не отъ недостаточнаго знакомства съ оборотною стороною медали, а отъ предвзятаго убѣжде-

нія, что въ исторіи полка нельзя писать ничего дурнаго, чтобы не повредить репутаціи части... Но могутъ-ли бросить тѣнь на нынѣшній составъ части тѣ темныя пятна, которыя появлялись въ ея исторіи и уже давно стерты временемъ? Казалось бы, что знакомство съ темными сторонами прошлаго, при сравненіи его съ настоящимъ, можетъ только поселить сознаніе, что теперь многое неизмѣримо улучшилось.

Читая трудъ, составленный по прежнему способу, можно подумать, что прежде и офицеру, и солдату жилось, пожалуй, лучше, чѣмъ теперь. На самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ. Поэтому, чтобы не вводить другихъ въ заблужденіе, историкъ долженъ съ одинаковою ясностью и полнотою очертить, какъ хорошія, такъ и дурныя стороны прошлаго. Несообразности въ воспитаніи солдата, недостатки хозяйственной системы, излишняя строгость взысканій, суровость нравовъ вообще и обращенія съ подчиненными въ частности, примѣры упадка или нарушенія дисциплины и т. п.— все это не должно ускользать отъ вниманія историка, иначе трудъ его потеряетъ всякое значеніе. Эти исходныя точки мы имѣли въ виду при составленіи исторіи л.-гв. Литовскаго полка. На страницахъ ея мы отвели должное мѣсто описанію внутренняго быта полка въ царствованія Императоровъ: Александра I, Николая I и Александра II, безъ предвзятаго намѣренія представить прошлое наше въ наилучшемъ видѣ.

При составленіи труда мы пользовались слѣдующими источниками:

ПЕЧАТНЫЕ:

1) Записки А. П. Ермолова.
2) „Русь и Русскіе въ 1812 году“ соч. Любецкаго.
3) Записки генерала Брандта.
4) „Исторія Отечественной войны 1812 года“ соч. Богдановича.
5) „Histoire de l'expédition de Russie“ par Chambray.
6) Военно энциклопедическій лексиконъ.

7) „Bataille de la Moscowa“ par Pélet.

8) „Историч. Обозрѣніе л.-гв. Измайловскаго полка.“

9) „Исторія Гвардейской Артиллеріи“ Ратча.

10) Записки генерала Н. П. Ковальскаго, Русск. Вѣст. 1887 г.

11) Описаніе войны 1812 года. Михайловскаго-Данилевскаго.

12) „Походныя Записки подполковника И. Р., изданныя въ 1835 г.“

13) Записки сэра Роберта Вильсона.

14) Записки И. С. Жиркевича, Русск. Стар. 1872—1874 г. г.

15) Souvenirs du lieutenant—général Dumas.

16) Исторія войны 1813 года, Богдановича.

17) Исторія войны 1814 года, его-же.

18) Воспоминанія офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, Русск. Бесѣда 1860 г. № 1.

19) Воспоминанія адмирала П. А. Колзакова, Русск. Стар. 1870 года.

20) Rys Życia Jego Cesarskiej Mości W. X. Konstantego, Warszawa 1833 r.

21) Записки М. Ф. Орлова. (О взятіи Парижа).

22) Исторія л.-гв. Павловскаго полка.

23) Записки Принца Евгенія Вюртембергскаго.

24) Записки Ивана Меньшаго.

25) Записки партизана Д. В. Давыдова о польской войнѣ 1830—1831 г. г. Русск. Стар. 1872 г.

26) Записки генерала Маевскаго, Русск. Стар. 1882 г.

27) „Генералъ Васильчиковъ и его командованіе гвардейскимъ корпусомъ.“

28) „Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.“

29) „Исторія польскаго возстанія 1830—1831 г.г.,“ сочин. Смита.

30) „Исторія Уланскаго Его Величества полка,“ Крестовскаго.

31) Замѣтки о польскомъ возстаніи 1830 г. М. К. Максимовича, Военн. Сборникъ 1875 г.

32) „Le Marquis Wielopolski...“ par Lisicki.

33) Записки лейбъ-хирурга Тарасова, Русск. Стар. 1872 г.

34) Воспоминанія сенатора И. Д. Данилова.

35) Rapport du Comité d'enquête a S. A. J. le Grand Duc Konstantin, Warsovie 1827.

36) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 г. Циммермана. Воен. Сборн. 1859 г. № 8.

37) Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка, Бараніуса.

38) Воспоминанія Макарова.

39) Исторія л.-гв. Финляндскаго полка.

40) Воспоминанія плѣннаго офицера, Военный Сборникъ 1862 года.

41) „Изображеніе дѣйствій 1-й арміи.“ Барклая-де-Толли.

РУКОПИСИ:

42) „Подробности о дѣйствіяхъ 2-го батальона л.-гв. Литовскаго полка въ Бородинской битвѣ.“ Записки генерала Тимофѣева.

43) Хроника л.-гв. Литовскаго полка, составленная Траскинымъ.

44) Журналъ военныхъ дѣйствій 1812 года.

45) Инструкція генералъ-фельдмаршала Барклая-де-Толли. 1815 года.

46) Записки генерала отъ инфантеріи А. А. Одинцова.

47) Записки Владим. Петров. Желтухина, скончавшагося въ 1876 году.

48) Письма Великаго Князя Константина Павловича къ Сипягину, Аракчееву, Курутѣ и др.

49) Письма Дибича къ Великому Князю Константину Павловичу.

50) Письма гр. Бенкендорфа къ Дибичу.

51) Донесенія высшей секретной варшавской полиціи съ 1817 по 1830 г. г.

52) Неизданные очерки кампаніи 1831 года, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго.

53) Записки Федорова, Евдокимова и Поспѣлова объ участіи л.-гв. Литовскаго полка въ Турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ.

54) Приказы, документы и разнаго рода переписка, хранящіеся въ архивахъ: 1) Военно-ученомъ Главнаго штаба, 2) Общемъ Главнаго штаба (въ С.-Петербургѣ), 3) Въ Московскомъ его отдѣленіи, 4) Штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, 5) Штаба Варшавскаго военнаго округа и 6) въ архивѣ л.-гв. Литовскаго полка.

Неоцѣненную услугу дѣлу составленія настоящаго труда оказали устные разсказы лицъ, коимъ дорого прошлое л.-гв. Литовскаго полка, а именно: покойнаго генералъ-адъютанта графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга (участника войнъ 1812, 1813 и 1814 г.г.), генераловъ отъ инфантеріи А. А. Одинцова и графа К. И. Развадовскаго, Э. А. Пущиной, генераловъ Кузьмина, Дуве и Тальберга, полковниковъ: Костарева, Нандельштедта, Логинова, капитана Нарбута и др.

Съ особенною благодарностью вспоминаемъ о тепломъ участіи, оказанномъ намъ въ дѣлѣ составленія исторіи полка А. А. Одинцовымъ и А. К. Водаромъ.

ИСТОРІЯ
ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ
ЛИТОВСКАГО ПОЛКА.

ГЛАВА I.

(1811 — 1812).

Увеличеніе состава гвардейской пѣхоты.—Формированіе л.-гв. Литовскаго полка.—Полковникъ Удомъ, первый командиръ полка.—Штаты полка и организація батальоновъ и ротъ.— Первый смотръ полка Государемъ. — Пожалованіе, прибивка и освященіе знаменъ.— Внутренняя служба.— Настроеніе офицеровъ полка и ихъ отношеніе къ службѣ.—Правила для укомплектованія полковъ гвардіи.

1811 годъ Россія провела въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Наполеономъ. Могущество соперника побуждало Императора Александра употребить все возможное для увеличенія боевой силы своей арміи. Поэтому и численный составъ гвардейской пѣхоты былъ значительно увеличенъ сформированіемъ новыхъ частей. Въ октябрѣ 1811 года былъ сформированъ л.-гв. Финляндскій полкъ изъ батальона того-же имени, а 8 ноября того-же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о формированіи л.-гв. Ли-

товскаго полка въ трехбатальонномъ составѣ, съ правами и преимуществами старой гвардіи, изъ 2 батальона Преображенскаго полка. Кромѣ этого батальона, вошедшаго въ новый л.-гв. Литовскій полкъ,[1]) для его укомплектованія поступили офицеры и нижніе чины изъ полковъ: л.-гв. Семеновскаго,[2]) Лейбъ-Гренадерскаго,[3]) Гренадерскаго графа Аракчеева,[4]) Кексгольмскаго,[5]) Петровскаго,[6]) Невскаго,[7]) Азовскаго и учебнаго гренадерскаго батальона.[8]) Недоставшее число офицеровъ было пополнено выпускомъ изъ военно-учебныхъ заведеній: Пажескаго и 1-го кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка.[9])

Музыкантскій хоръ былъ составленъ изъ музыкантовъ учебнаго гренадерскаго и Преображенскаго полковъ. Командиромъ полка назначенъ Высочайшимъ приказомъ шефъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ Иванъ Федоровичъ Удомъ. Хорошо извѣстный Императору Александру I, какъ по своей служебной и боевой опытности, такъ и по личнымъ качествамъ, Иванъ Федоровичъ Удомъ вполнѣ удовлетворялъ своему новому назначенію и, какъ показали послѣдствія, оправдалъ довѣріе къ нему Государя. Онъ былъ прекрасно образованъ; относясь строго къ себѣ, былъ снисходителенъ къ другимъ, вѣжливъ и обходителенъ съ подчиненными и съ достоинствомъ держалъ себя относительно старшихъ. Обладая красивою наружностью, онъ избѣгалъ общества и былъ всецѣло преданъ интересамъ службы, находя отдыхъ и развлеченіе только въ кругу своего семейства.

---

[1]) Въ числѣ 15 оберъ-офицеровъ, 58 унтеръ-офицеровъ, 592 рядовыхъ, 37 нестроевыхъ и 1 лекаря. (Списокъ офицеровъ 2 батальона Преображенскаго полка, вошедшихъ въ составъ л.-гв. Литовскаго полка, см. въ приложеніи № 1.)

[2]) 7 рядовыхъ.

[3]) Что нынѣ л.-гв. гренадерскій. Изъ полковаго приказа послѣдняго видно, что 16 ноября 1811 года изъ списковъ гренадерскихъ ротъ исключены въ л.-гв. Литовскій полкъ: фельдфебель 1, унтеръ-офицеровъ 15, рядовыхъ 177.

[4]) Штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 5, унтеръ-офицеровъ 10, рядов. 165.

[5]) Штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 6, рядовыхъ 165.

[6]) Унтеръ-офицеровъ 9, рядовыхъ 164.

[7]) Унтеръ-офицеровъ 10, рядовыхъ 165.

[8]) Унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 25.

[9]) Полный списокъ офицеровъ полка по ротно по сформированіи его въ 1811 году, съ обозначеніемъ кто и откуда переведенъ, см. въ приложеніи № 2.

Вновь сформированному полку даны были штаты л.-гв. Преображенскаго полка. Всѣ три батальона, какъ и въ прочихъ тогдашнихъ полкахъ ,были четырехротнаго состава. Первыя роты батальоновъ назывались гренадерскими, остальныя— фузелерными. Какъ тѣ, такъ и другія носили въ полку отдѣльную нумерацію, такъ что 1-й батальонъ состоялъ изъ 1-й гренадерской, 1, 2 и 3 фузелерныхъ; 2-й батальонъ—изъ 2-й гренадерской, 4, 5 и 6 фузелерныхъ; 3-й батальонъ—изъ 3-й гренадерской, 7, 8 и 9 фузелерныхъ. Каждая рота дѣлилась на 2 взвода; взводъ—на 2 полувзвода и 4 отдѣленія. Гренадерскія роты состояли изъ одного гренадерскаго и одного стрѣлковаго взводовъ. Въ батальонномъ строю гренадерскій взводъ назывался первымъ и стоялъ на правомъ флангѣ батальона, а стрѣлковый—восьмымъ и стоялъ на лѣвомъ его флангѣ. Въ гренадерскія роты назначались лучшіе люди, какъ по виду и росту, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Вообще же въ составъ полка были назначены видные люди, высокаго роста. Правофланговый солдатъ въ первой гренадерской ротѣ полка, Тимофѣй Кузнецовъ, имѣлъ 2 арш. 14 вершковъ роста. Весь полкъ, со всѣми наличными офицерами, былъ помѣщенъ въ домѣ Глѣбова у Семеновскаго моста, гдѣ въ послѣднее время помѣщался штабъ мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа.

Обмундированіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ отличій въ цвѣтѣ сукна и т. п., въ Литовскомъ полку было такое же, какъ и въ другихъ полкахъ гвардейской пѣхоты. Тотъ-же темнозеленый двубортный мундиръ, на манеръ фрака, со стоячимъ краснымъ воротникомъ, красными обшлагами и такими-же отворотами; тѣ-же бѣлые панталоны (зимой суконные, лѣтомъ полотняные), узкіе и неудобные, тѣ-же застегивающіяся на пуговицы краги изъ черной кожи, обхватывающія ногу ниже колѣна; тотъ-же широкій кверху киверъ съ двуглавымъ орломъ и высокимъ волосянымъ султаномъ. Вооруженіе и снаряженіе также ничѣмъ не отличалось отъ другихъ полковъ. Трудная задача формированія полка, выпавшая на долю полковника Удома и его ближайшихъ сотрудниковъ, была выполнена довольно успѣшно и сравнительно въ небольшой промежутокъ времени. Особенно трудно было и требовало большихъ хлопотъ и настойчивости устройство на-ново всей хозяйственной части, при тог-

дашнихъ малыхъ отпускахъ отъ казны. Но энергія полковаго командира, его тактъ и умѣнье направлять служебную дѣятельность подчиненныхъ, наконецъ, его безупречная честность—преодолѣли всѣ затрудненія. Формированіе и обмундированіе полка подвигалось настолько быстро, что уже 12 декабря 1811 года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ приказа, первый и третій батальоны полка были представлены на смотръ Государю. Послѣ смотра Императоръ Александръ I объявилъ свое совершенное удовольствіе Великому Князю Цесаревичу Константину Павловичу, подъ наблюденіемъ котораго полкъ формировался, командиру полка полковнику Удому и батальоннымъ командирамъ, подполковникамъ Шварцу и Тимофѣеву за скорое сформированіе полка. Нижнимъ чинамъ пожаловано отъ Государя по 1 рублю, а отъ Цесаревича по чаркѣ водки. Это была первая награда, полученная вновь созданнымъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ.

Войдя въ составъ гвардейской дивизіи, Литовскій полкъ вмѣстѣ съ Измайловскимъ составилъ вторую ея бригаду. Первую бригаду этой дивизіи составляли полки Преображенскій и Семеновскій, вторую, какъ сказано—Измайловскій и Литовскій, а третью—Финляндскій и Егерскій. Командиромъ 2 бригады былъ назначенъ генералъ-маіоръ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, впослѣдствіи герой 12 года, замѣчательный по своей дѣятельности на Кавказѣ.[10]) 25 декабря полку Высочайше даровано 6 знаменъ, въ каждый батальонъ по два; изъ нихъ одно называлось шефскимъ.[11]) На другой день, 26 декабря, происходила въ мраморномъ дворцѣ въ Высочайшемъ присутствіи прибивка знаменъ къ древкамъ. Кромѣ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ полка, въ этой церемоніи принимали участіе, въ качествѣ депутатовъ, по 1 фельдфебелю, 1 унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ отъ каждой роты.

27 декабря, также въ Высочайшемъ присутствіи, полку

---

[10]) Въ своихъ запискахъ А. П. Ермоловъ объ этомъ назначеніи упоминаетъ вскользь. „Въ 1881 году вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ въ бригаду, въ которую Государь назначилъ меня командиромъ". Записки А. П. Ермолова стр. 112.

[11]) Грамота на эти знамена, подписанная рукою Императора Александра, хранится нынѣ въ л.-гв. Литовскомъ полку.

былъ произведенъ парадъ въ Михайловскомъ манежѣ. Освященіе знаменъ совершалъ митрополитъ С.-Петербургскій Амвросій. Вновь освященныя знамена были отнесены въ строй по мѣстамъ и приняты полкомъ съ подобающими почестями. Императоръ Александръ I обошелъ фронтъ всего полка и поздравлялъ каждую роту отдѣльно съ полученіемъ знаменъ. Послѣ церемоніальнаго марша Государь выразилъ свое благоволеніе Цесаревичу и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ полка, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по серебряному рублю. Этимъ торжественнымъ для полка днемъ закончился процессъ его формированія. Но впереди предстояла еще не менѣе трудная работа внутренняго совершенствованія; нужно было изъ различныхъ частей, составлявшихъ полкъ, образовать одно цѣлое, одинъ стройный, правильно воспитанный организмъ. Однимъ изъ средствъ для этого служило правильное и строгое отношеніе всѣхъ чиновъ полка къ исполненію внутренней и гарнизонной службы. Требовательность, бдительность и дѣятельность тогдашняго начальника С.-Петербургской инспекціи, Великаго Князя Константина Павловича, исключали всякую возможность иного отношенія къ дѣлу. Въ порядкѣ внутренней службы нельзя пройти молчаніемъ одного правила, введеннаго въ полкахъ гвардіи по личному желанію Императора Александра Павловича. Въ праздничные дни передъ обѣдней во всѣхъ ротахъ читались статьи законовъ, относящіяся къ нижнимъ чинамъ. Это дѣло поручалось ротнымъ командирамъ и младшимъ офицерамъ, которые были обязаны кромѣ того объяснять прочитанное.

Отличительной чертой офицеровъ того времени (мы говоримъ о нѣсколькихъ мѣсяцахъ, протекшихъ отъ сформированія полка до выступленія въ походъ) была скромность, отсутствіе кутежей и усердіе къ службѣ. Каждый сознавалъ, что для Россіи настаетъ тяжелая година испытаній, которую надо встрѣтить съ достоинствомъ, къ которой нужно готовиться; каждый сознавалъ, что кутить не время. Благодаря этому сознанію важности минуты, между офицерами съ перваго же дня существованія полка установился строгій и правильный взглядъ на службу. Людей богатыхъ въ полку было мало; большинство офицеровъ жили на жалованье, которое тогда было очень невелико и едва хватало на удовлетвореніе необходимыхъ потреб-

ностей, не смотря на существовавшую въ то время дешевизну.[12]) Только бережливость и нерѣдко взаимная товарищеская помощь избавляли офицеровъ отъ долговъ.

Къ 1 января 1812 года недостававшее до штата число нижнихъ чиновъ въ полку было пополнено выборомъ изъ армейскихъ полковъ. Въ первые годы царствованія Императора Александра I постоянныхъ правилъ для укомплектованія войскъ гвардіи не существовало. Только въ апрѣлѣ 1811 года вышло первое Высочайше утвержденное руководство для укомплектованія гвардейскихъ полковъ. Съ этого времени ежегодно назначалось къ переводу въ гвардейскіе полки изъ полковъ арміи извѣстное число нижнихъ чиновъ, отличавшихся видною наружностью, хорошимъ поведеніемъ, ловкостью и знаніемъ службы. Изъ каждаго гренадерскаго, пѣхотнаго и егерскаго полка выбиралось въ гвардію нѣсколько человѣкъ. Самый выборъ производился гвардейскими офицерами, извѣстными своею опытностью и знаніемъ дѣла. Эти офицеры, обыкновенно, отправлялись къ 1 сентября въ раіоны расположенія войскъ, въ которыхъ производился выборъ. Командиры армейскихъ полковъ выводили всѣхъ наличныхъ людей для осмотра ихъ командированными гвардейскими офицерами. Выбранные такимъ образомъ нижніе чины, вмѣстѣ съ офицерами, производившими выборъ, слѣдовали въ Петербургъ и зачислялись въ полки гвардіи непремѣнно до 1 января наступавшаго новаго года. Можно себѣ представить, что за люди были тогда въ гвардейскихъ полкахъ при такой системѣ ихъ укомплектованія.

---

[12]) Вотъ годовые оклады, присвоенные чинамъ гвардейскихъ пѣхотныхъ частей, до 1 января 1817 года:

Полковнику	жалованья	836	руб.	асс.;	раціоновъ	204;	всего	1040	р. ас.
Капитану	„	448	„	„	„	180;	„	628	„ „
Штабсъ-Капитану		375	„	„	„	132;	„	507	„ „
Поручику	„	340	„	„	„	60;	„	400	„ „
Подпоручику	„	276	„	„	„	48;	„	334	„ „
Прапорщику	„	237	„	„	„	48;	„	285	„ „

Унтеръ-офицеръ получалъ жалованья 57 руб. асс.; рядовой старшаго оклада 22 руб. 2½ коп.; рядовой младшаго оклада 13 руб. 44½ коп. асс. въ годъ.

ГЛАВА II.

(1812).

Выступленіе въ походъ. — Молебенъ и Высочайшій приказъ 7 марта 1812 года. —Численный составъ полка при выступленіи.—Походъ и прибытіе въ Свенцяны.—Формированіе въ Петербургѣ запасныхъ гвардейскихъ батальоновъ.—Высочайшій смотръ въ Вильнѣ.—Начало войны; отступленіе и его нравственное вліяніе на армію.—Пріѣздъ Кутузова въ Царево-Займище.—Дальнѣйшее отступленіе къ селу Бородину.

Насталъ славный для Россіи 1812 годъ. Грозныя тучи, скоплявшіяся на западѣ, заставляли заблаговременно принять мѣры для охраны нашей западной границы. Съ начала года русскія войска потянулись на западъ со всѣхъ концовъ Имперіи. Гвардія также усиленно готовилась къ походу и въ началѣ марта получила повелѣніе выступить изъ Петербурга.

Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ въ походъ 7 марта въ одинъ день и въ одномъ эшелонѣ съ л.-гв. Измайловскимъ полкомъ.

Въ этотъ памятный день полкъ въ 6 часовъ утра былъ выстроенъ на полковомъ дворѣ въ полной походной формѣ и ожидалъ пріѣзда Цесаревича. Затѣмъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Цесаревичъ пропустилъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ, пожелалъ счастливаго пути и уѣхалъ. Вѣроятно, полкъ, идя въ походномъ порядкѣ, былъ встрѣченъ Государемъ, потому что въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 7 марта 1812 года читаемъ:

„Его Императорское Величество объявляетъ свое благоволеніе Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу, бригадному начальнику генералъ-маіору Ермолову, командиру л.-гв. Измайловскаго полка полковнику Храповицкому, командиру л.-гв. Литовскаго полка полковнику Удому и всѣмъ г.г. штабъ и оберъ-офицерамъ за совершенную исправность, въ каковой выступили сего числа оные

полки изъ С.-Петербурга, а нижнимъ чинамъ, выступившимъ съ сими полками, жалуетъ по 1 фунту рыбы, по чаркѣ вина и по 1 рублю на человѣка. При чемъ Его Императорское Величество увѣреннымъ остается въ пламенномъ стремленіи сихъ полковъ къ подвигамъ, соотвѣтственнымъ отличному ихъ званію, и что Литовскій полкъ, составленный изъ столь отборныхъ воиновъ, дѣяніями своими докажетъ, что оный достоинъ той чести, каковую получилъ при самомъ началѣ существованія его сопричисленіемъ къ значительному корпусу лейбъ-гвардіи".[13])

Въ запискахъ А. П. Ермолова упоминается о выступленіи гвардіи слѣдующимъ образомъ:

„Въ началѣ марта 1812 года гвардія выступила въ Литву. Цесаревичъ повелъ колонну, составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ моей командой, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.... Черезъ нѣсколько дней я получилъ повелѣніе быть командующимъ гвардейскою пѣхотною дивизіею".[14])

Передъ походомъ всѣмъ офицерамъ полка было выдано не въ зачетъ третное жалованье. Нижнимъ чинамъ повелѣно было выдавать четыре раза въ недѣлю винную и 3 раза въ недѣлю полуфунтовую мясную порціи во все время похода. Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ въ походъ въ слѣдующемъ составѣ: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 53,[15]) унтеръ-офицеровъ 171, музыкантовъ 81, рядовыхъ 1774, нестроевыхъ 95, казенныхъ деньщиковъ 117— всего 2295 человѣкъ.

Въ Петербургѣ частію по болѣзни, частію по службѣ было оставлено полкомъ 12 унтеръ-офицеровъ, 154 рядовыхъ и 11 нестроевыхъ.[16])

За полкомъ слѣдовалъ весь полковой обозъ, кромѣ палаточныхъ ящиковъ. Въ обозѣ находилось 149 подъемныхъ лошадей. Полкомъ командовалъ полковникъ Удомъ; батальонами— первымъ— подпол-

---

[13]) Общій архивъ главнаго штаба.

[14]) Записки А. П. Ермолова т. I стр. 113—120.

[15]) Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ, выступившихъ въ походъ, см. въ приложеніи № 3.

[16]) Строевой рапортъ о состояніи полка.

ковникъ А. Е. Шварцъ, вторымъ—подполковникъ В. И. Тимофѣевъ, 3-мъ подполковникъ П. А. Угрюмовъ. Бригаднымъ начальникомъ былъ сначала, какъ уже сказано, А. П. Ермоловъ, а по назначеніи его дивизіоннымъ начальникомъ, командовалъ бригадой командиръ Измайловскаго полка полковникъ Храповицкій.

Походъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ изъ Петербурга въ Виленскую губернію (черезъ Ямбургъ, Гдовъ, Псковъ, Островъ, Люцынъ, и Свенцяны), какъ и слѣдовало ожидать, представилъ много затрудненій. Въ началѣ движеніе затрудняли глубокіе снѣга. Часто вслѣдствіе усталости солдатъ, выбившихся изъ силъ въ снѣгу выше колѣна, приходилось измѣнять маршрутъ, давая дневки и отдыхи. По мѣрѣ движенія къ юго-западу и наступленія весны дороги дѣлались непроходимы отъ грязи; а вскрывшіяся отъ льда рѣки, на которыхъ не было постоянныхъ мостовъ и переправъ, задерживали движеніе эшелоновъ, а въ особенности обозовъ. Особенно затруднительна была переправа черезъ Двину у Динабурга.

Бѣдность и малонаселенность страны, по которой приходилось двигаться, чрезвычайно затрудняли продовольствіе полка. Часто комиссаріатскіе чиновники совершенно отказывались отъ возложеннаго на нихъ порученія продовольствовать полкъ. Доставка фуража была особенно затруднительна, и лошади по цѣлымъ недѣлямъ питались соломой съ крышъ.

Почти одновременно съ выходомъ гвардіи изъ Петербурга было сдѣлано распоряженіе о формированіи гвардейскаго резерва, дѣлившагося на 6 отдѣльныхъ частей, соотвѣтственно числу гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ.[17])

Вѣроятно, эти резервныя части не получили правильной организаціи, потому что ни о назначеніи въ ихъ составъ офицеровъ отъ полковъ, ни о самомъ существованіи ихъ— свѣдѣній никакихъ не

---

[17]) Высочайшій приказъ 17 марта 1812 г. „Формируется гвардейскій резервъ, въ который опредѣляются маіоры пѣхотныхъ полковъ: Кексгольмскаго—Мордвиновъ и Рыльскаго—Тихоновъ. Резервъ сей дѣлится на шесть равныхъ частей: первая—для Преображенскаго, вторая—для Семеновскаго, 3-я—для Измайловскаго, 4-я—для Литовскаго, 5-я—для Егерскаго и 6-я—для Финляндскаго лейбъ-гвардіи полковъ. Командовать сими частями: первыми тремя маіору Мордвинову, а послѣдними тремя маіору Тихонову.“ (Общій арх. Главн. штаба).

имѣется. Можетъ быть, что при общей суматохѣ, при отсутствіи къ тому-же въ столицѣ Государя и Цесаревича Константина Павловича, формированіе ихъ не было окончено и онѣ просто имѣли видъ небольшихъ командъ съ недостаточнымъ числомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Только 12 октября Высочайше повелѣно было сформировать для гвардейской пѣхоты шесть запасныхъ батальоновъ, по одному на полкъ, съ цѣлью укомплектованія полковъ. Тогда же утверждены были и штаты этихъ батальоновъ.[18]) Вѣроятно, кадрами для нихъ отчасти и послужили команды, о которыхъ мы только что упоминали. Формированіе батальоновъ поручено было генералъ-маіору Башуцкому, подъ наблюденіемъ Великаго Князя Цесаревича, возвратившагося въ Петербургъ изъ дѣйствующихъ армій еще до Бородина. На вооруженіе запасныхъ гвардейскихъ батальоновъ даны были новыя ружья Сестрорѣцкаго завода. Рекруты назначались лучшіе, по выбору Цесаревича, изъ числа тѣхъ, которые по общему росписанію предназначались въ войска, расположенныя въ Петербургѣ и Финляндіи. Офицеры были назначены частію изъ другихъ полковъ и командъ, частію изъ кадетскихъ корпусовъ.

Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ въ началѣ мая пришелъ въ Виленскую губернію, гдѣ и былъ расположенъ по квартирамъ въ мѣстечкѣ Свири, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Свенцянъ и въ шестидесяти девяти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Вильны. Штабъ 5 (гвардейскаго) корпуса находился въ Свенцянахъ, вокругъ которыхъ въ небольшомъ раіонѣ были расквартированы гвардейскіе полки.

Императоръ Александръ въ это время былъ уже въ Вильнѣ, куда пріѣхалъ 14 апрѣля, выѣхавъ изъ Петербурга тотчасъ же по полученіи извѣстія о наступленіи французскихъ войскъ къ Кенигсбергу.[19]) Въ Вильнѣ-же находилась и главная квартира 1 западной арміи.

---

[18]) Числительность людей по штатамъ слѣдующая: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 28, унтеръ-офицеровъ 80, батальонный барабанщикъ 1, горнистовъ 16, флейтистовъ 8, рядовыхъ 920, нестроевыхъ 60 (Воен. уч. арх. Гл. Штаба).

[19]) Государь прибылъ въ Вильно въ вербное воскресенье, въ 2 часа по полудни. Военный Министръ графъ Барклай—де-Толли и весь генералитетъ ожидали его за заставою и сопровождали при вшествіи въ городъ. У заставы Государь

29-го мая происходилъ Высочайшій смотръ и маневры войскамъ, расположеннымъ вокругъ Вильны; въ этомъ смотру участвовалъ весь гвардейскій корпусъ, собранный къ этому дню въ Вильну изъ мѣстъ своего временнаго квартированія.

„Въ качествѣ дивизіоннаго начальника прихожу я на маневры въ Вильну, пишетъ А. П. Ермоловъ въ своихъ запискахъ. „Всѣ находятъ гвардію превосходною по ея устройству, и часть похвалы, принадлежащей ей по справедливости, удѣляется мнѣ, безъ малѣйшаго на то права съ моей стороны. Послѣ краткаго пребыванія въ Вильнѣ, гвардія возвратилась на свои квартиры въ г. Свенцяны.“ [20])

На Высочайшемъ смотру 29 мая л.-гв. Литовскій полкъ былъ почти въ томъ же самомъ численномъ составѣ, какъ и при выступленіи изъ Петербурга, почти 3 мѣсяца тому назадъ. Ни одного офицера не было больнаго— всѣ были на лицо. Изъ нижнихъ чиновъ въ госпиталяхъ не было никого и только 28 человѣкъ числились больными при полку.[21]) Принявъ во вниманіе двухмѣсячный трудный походъ въ весеннюю распутицу, предшествовавшій смотру, нельзя не признать такое число больныхъ весьма умѣреннымъ.

Получивъ Высочайшую благодарность за отличный порядокъ, выправку и добрый видъ людей, л.-гв. Литовскій полкъ на другой день послѣ смотра выступилъ опять въ г. Свенцяны.

Между тѣмъ, тучи съ запада надвигались все ближе и ближе и наконецъ, въ ночь съ 11 на 12 Іюня, до разсвѣта, передовыя войска Наполеона перешли границу. „Заколыхались мосты и двинулась многочисленная сила, гремя ружьями и бряцая саблями, писалъ одинъ изъ современниковъ той эпохи; топотъ и гулъ ея разносились далеко; враги ринулись въ наши области. Застонала земля русская“... Наши солдаты тогда говорили: „столько валитъ вражьей силы, что плюнуть негдѣ, если штыкомъ мѣста не очистишь.“

былъ встрѣченъ войсками со всѣми почестями, съ пушечной пальбой и музыкой. Торжественный колокольный звонъ возвѣстилъ о прибытіи Государя въ городъ; густыя толпы народа привѣтствовали Царя, выражая свой восторгъ радостными восклицаніями, Вечеромъ городъ былъ ярко иллюминованъ. (Русь и Русскіе въ 1812 году. Любецкаго).

[20]) Записки А. П. Ермолова т. I, стр. 121.

[21]) По строевому рапорту 29 мая 1812 г. въ л.-гв. Литовскомъ полку состояло на лицо: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 53, унтеръ-офицеровъ 157, музыкантовъ 81, рядовыхъ 1709, нестроевыхъ 98, итого 2102.

По объявленіи Высочайшаго манифеста о войнѣ 5 (гвардейскій) корпусъ былъ собранъ въ Свенцянахъ. Вскорѣ русскія арміи начали свое знаменитое отступленіе, по заранѣе обдуманному плану. Говорятъ, что, замѣтивъ отступленіе русскихъ, Наполеонъ съ досадою сказалъ:

„Эта война будетъ безъ сраженій, одна увеселительная травля людей; русскіе трусливы, какъ зайцы."

Но всѣ видѣли и самъ Наполеонъ сознавалъ, что русскіе не бѣжали, а стройно отступали отъ напора сильнѣйшихъ враговъ, завлекая ихъ во внутрь Россіи и сражаясь на каждомъ шагу.

Ѣдкія и лишенныя правды слова великаго полководца ясно показываютъ, что отступленіе русскихъ армій вовсе не входило въ его разсчеты и было для него крайне непріятно. Съ самаго вторженія французовъ въ предѣлы Россіи Наполеонъ старался вовлечь русскую армію въ генеральное сраженіе, въ надеждѣ истребить ее, пользуясь огромнымъ превосходствомъ своихъ силъ, но каждый разъ, когда онъ готовился нанести ей рѣшительный ударъ, она ускользала отъ него, отступая въ совершенномъ порядкѣ.

Мы не станемъ описывать подробностей этого отступленія. Всѣмъ извѣстны и стоянка въ Дрисскомъ лагерѣ, и очищеніе Полоцка (8 іюля) и Витебска (11 іюля), и соединеніе обѣихъ западныхъ армій у Смоленска (22 іюля) и, наконецъ, оставленіе и разореніе этого древняго города (6 августа). Во все это время л.-гв. Литовскій полкъ находился по прежнему въ составѣ западной арміи и 5 (гвардейскаго) корпуса, никакихъ особенныхъ задачъ не выполнялъ и въ сраженіяхъ до самаго Бородина не участвовалъ.

Отступленіе вообще не въ характерѣ русскаго солдата, и Суворовъ не даромъ говорилъ: „Русакъ не ракъ, задомъ ходить не умѣетъ." Но отступленіе, влекущее за собой разореніе и поруганіе врагомъ родныхъ городовъ селъ и деревень, положительно было для него невыносимой нравственной пыткой, а потому всѣ въ полку горячо жаждали боя, какъ жаждала его и вся русская армія. Приказъ объ очищеніи Смоленска и дальнѣйшемъ отступленіи возбудилъ всеобщее неудовольствіе. „Солдатъ роптalъ на безпрерывное отступленіе, читаемъ въ запискахъ А. П. Ермолова, и въ сраженіи надѣялся найти конецъ ономy. Главнокомандующимъ былъ недоволенъ;

въ главную вину ставилъ ему то, что онъ былъ не русскій; измѣна первое свойство, которое приписываетъ русскій солдатъ начальнику иноземцу; довольно, если успѣхи не совсѣмъ рѣшительны, не совершенно согласны съ ожидаемыми, чтобы недовѣріе, ненависть и проклятія его сопровождали.“

Оставивъ Смоленскъ, русскія войска въ унынiи продолжали отступать по Московской дорогѣ черезъ Дорогобужъ, Вязьму и Гжатскъ. 16 августа Великій Князь Константинъ Павловичъ оставилъ армію и уѣхалъ въ Петербургъ, а начальствованіе гвардейскимъ корпусомъ было поручено генералъ-лейтенанту Лаврову.

17 августа въ Царево-Займище прибылъ новый главнокомандующій, князь Кутузовъ. Съ восторгомъ встрѣтили русскіе воины любимаго вождя, сподвижника Суворова, Кутузова, побѣды котораго въ только что окончившуюся турецкую войну были извѣстны каждому солдату. Одно имя этого полководца одушевило и воскресило духъ въ войскахъ. Генералы и офицеры поздравляли другъ-друга, какъ съ одержанною побѣдою; всѣ обнимались, цѣловались; прибытію Кутузова радовались, точно на помощь прибыла другая армія. „Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водой, бросили все и побѣжали встрѣчать новаго командира своего, про котораго говорили, что онъ, подобно Суворову, знаетъ большую дорогу къ солдатскому сердцу. Старые служивые вспоминали походы свои съ нимъ еще въ царствованіе Екатерины II и разсказывали молодымъ солдатамъ о томъ, какъ тогда пролетѣла ружейная пуля сквозь оба виска Кутузова, какъ одинъ глазъ едва усидѣлъ у него, а другой вылетѣлъ, какъ воробей изъ гнѣзда.“[22])

Всеобщая надежда, что дѣла примутъ благопріятный оборотъ, возстановила бодрость войскъ, и Кутузовъ, пользуясь такимъ подъемомъ духа, казалось, готовъ былъ помѣряться силами со своимъ знаменитымъ соперникомъ.

Объѣхавъ позицію у Царева-Займища, главнокомандующій одобрилъ ее. 18 августа войска оставались на позиціи; никто не сомнѣвался въ наступленіи роковаго часа.... 19 неожиданно для всѣхъ, было отдано приказаніе отступать.

---

[22]) „Русь и русскіе въ 1812 году“ соч. Любецкаго.

Кромѣ нравственныхъ страданій, это отступленіе влекло за собою и физическія лишенія. Дни стояли жаркіе и сухіе; термометръ часто подымался до 30° реомюра. Войскамъ приходилось двигаться въ тучахъ пыли, которая залѣпляла носъ, глаза и ротъ, затрудняя дыханіе.[23]) Часто при страшной жарѣ приходилось терпѣть недостатокъ въ водѣ и съѣстныхъ припасахъ. Такъ какъ при открытіи военныхъ дѣйствій никто не могъ предполагать, что намъ придется отступать такъ далеко во внутрь страны, то всѣ большіе магазины были учреждены въ западныхъ областяхъ Имперіи, а потому при отступленіи отъ Смоленска необходимо было прибѣгнуть къ реквизиціямъ и сбору запасовъ подъ квитанціи.[24])

Французская армія также начинала ощущать недостатокъ въ продовольствіи. Осень приближалась, и французы, утомленные долгимъ походомъ, съ нетерпѣніемъ ожидали мира, котораго надѣялись достигнуть побѣдою. Желаніе сраженія было общимъ для всей французской арміи, отъ Императора до послѣдняго солдата... скоро это желаніе исполнилось.

19 августа л.-гв. Литовскій полкъ, пройдя Гжатскъ, расположился у селенія Ивашкова. Въ этотъ день къ арміи прибыли подкрѣпленія, приведенныя изъ Калуги генераломъ Милорадовичемъ въ числѣ 15 тысячъ, которыя поступили на укомплектованіе полковъ обѣихъ западныхъ армій, а кадры ихъ были немедленно отправлены въ Калугу для формированія новыхъ полковъ.

Усилясь войсками, приведенными Милорадовичемъ, русскія арміи 20 августа отступили къ Дурыкину, 21—къ Колоцкому монастырю, а 22—къ селу Бородину, гдѣ къ нимъ присоединились ополченія Московское и Смоленское, въ числѣ десяти тысячъ.[25])

---

[23]) Прусскій генералъ Брантъ, сражавшійся въ 1812 году въ рядахъ Наполеоновой арміи, по поводу этой пыли говоритъ въ своихъ запискахъ:

„Ни въ чисто военныхъ, ни въ военно-историческихъ книгахъ, нигдѣ не упоминается о пыли, какъ о тягости, сопровождающей войска въ походѣ. Если бы мнѣ предоставили выборъ между 6—8 градусами холода, безъ вѣтра, я предпочелъ-бы холодъ для всякаго рода военныхъ дѣйствій, даже для бивака, той пыли, которая сопутствовала намъ чуть не ежедневно съ самаго выхода изъ Смоленска. Кромѣ того, приходилось терпѣть почти постоянный недостатокъ въ водѣ.“ (Записки генерала Бранта).

[24]) Исторія отечеств. войны 1812 г. Богдановича т. II.

[25]) Ист. Отеч. войны 1812 г. Богдановича т. II.

ГЛАВА III.

БИТВА НАРОДОВЪ.

(24 — 26 Августа 1812 года).

Краткій обзоръ Бородинской позиціи и расположенія на ней нашихъ войскъ. — Какъ провела русская армія 25 августа и ночь на 26.—Атаки Даву и Нея на лѣвый флангъ.—Движеніе л.-гв. Литовскаго полка на лѣвый флангъ къ селу Семеновскому.— Важность этого пункта.—Бой на Семеновскихъ укрѣпленіяхъ и отступленіе русскихъ за Семеновскій ручей подъ покровительствомъ л.-гв. Измайловскаго и Литовскаго полковъ.— Перекрестный огонь французскихъ батарей.— Полкъ атакованъ французскими латниками.— Отраженіе кавалерійской атаки и дѣйствія 2 батальона л.-гв. Литовскаго полка.—Послѣдующія атаки кавалеріи.—Атака саксонскихъ кирасировъ.—Занятіе полкомъ высоты у начала Семеновскаго оврага и бой на ней.— Подвигъ Шварца.— Наступленіе ночи.— Отзывы начальствовавшихъ лицъ о подвигахъ полка.— Награды.— Отступленіе къ Можайску.

Позиція, занятая нашей арміей 23 августа позади села Бородина, носитъ великое, какъ для насъ, такъ и для французовъ, названіе Бородинской позиціи.[1]) Пересѣкая большую Смоленскую дорогу, она занимала по фронту болѣе 5 верстъ и простиралась вправо до лѣса, находившагося близъ впаденія рѣки Калочи въ рѣку Москву, а влѣво до кустарника и лѣса, черезъ который пролегала старая Смоленская дорога (см. планъ).

Не вдаваясь въ подробное описаніе позиціи, скажемъ только, что на правый ея флангъ, прикрытый рѣкою Калочею, текущею въ высокихъ обрывистыхъ берегахъ, главнокомандовавшій обратилъ особенное вниманіе: тамъ расположены были 2 и 4 пѣхотные, 1 и 2 кавалерійскіе корпуса и 9 казачьихъ полковъ Платова. Въ центрѣ позиціи находился 6 пѣхотный корпусъ, а на лѣвомъ флангѣ, не-

---

[1]) Село Бородино съ его историческими полями составляетъ въ настоящее время собственность Государя Императора. Бородинская позиція отъ Москвы отстояла въ 108, а отъ Смоленска въ 275 верстахъ

обезпеченномъ никакими естественными преградами, висѣвшемъ, такъ сказать, на воздухѣ, были первоначально расположены только 7 и 8 армейскіе корпуса и 2 кирасирская дивизія. 5 (гвардейскій) корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лаврова, 3 пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова I и 1 кирасирская дивизія Депрерадовича составляли главный резервъ, поставленный позади селенія Князькова.

Таково было расположеніе русскихъ войскъ до начала битвы. Оно кажется еще тѣмъ болѣе страннымъ, что Кутузовъ, какъ видно, самъ сознавалъ слабость лѣваго фланга своей позиціи. Въ донесеніи Государю объ избраніи позиціи при Бородинѣ онъ, между прочимъ, писалъ: „Слабое мѣсто сей позиціи, которое находится съ лѣваго фланга, постараюсь исправить я посредствомъ искусства.[2])

Слѣдствіемъ этого была постройка флешей, извѣстныхъ впослѣдствіи подъ именемъ Багратіоновыхъ, и батареи, названной потомъ батареею Раевскаго. Но этого было недостаточно.

Геній Наполеона однимъ взглядомъ оцѣнилъ обстановку. Онъ рѣшилъ повести главную атаку на лѣвый флангъ русской позиціи, поддерживая ее атакой на центръ. 24 августа произошло дѣло у Шевардина (передовой пунктъ нашей позиціи), служившее, по выраженію Шамбрэ, прелюдіей „величайшей изъ битвъ со времени изобрѣтенія пороха.“[3])

25 августа прошло спокойно въ обѣихъ арміяхъ. Каждый сознавалъ уже, что онъ стоялъ на мѣстѣ для встрѣчи врага. Солдаты въ тишинѣ готовились къ предстоявшей битвѣ, важность которой хорошо понимали. Чистили ружья, оттачивали штыки, пригоняли кремни, надѣвали чистыя рубахи. Унынія не было: всѣ спокойно занимались приготовленіемъ къ битвѣ, точно къ мирному смотру.

Въ полдень, чтобы приготовить войска къ великой битвѣ, князь Кутузовъ приказалъ обнести по всей позиціи чудотворную икону Богоматери, взятую русской арміей при оставленіи Смоленска, какъ залогъ возвращенія въ него. Маститый вождь, встрѣтивъ икону, поклонился ей до земли. Торжественное шествіе по всему лагерю ду-

---

[2]) Записки генерала отъ инфантеріи Тимофѣева (рукопись).

[3]) Histoire de l'expédition de Russie par Chambray.

ховенства въ полномъ облаченіи съ зажженными свѣчами, хоругвями и чудотворной иконой, въ сопровожденіи, какъ лунь, сѣдаго съ изборожденною пулями головою, Кутузова, генераловъ Барклая, Багратіона, Бенигсена, Платова и другихъ, производило на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Объѣзжая войска, главнокомандовавшій напоминалъ имъ, что отъ нихъ зависитъ спасеніе Россіи.

Благодаря усердію жителей и близости Москвы, наша армія не терпѣла тогда нужды во всемъ необходимомъ. Солдатамъ была роздана въ этотъ день двойная порція пищи и водки. Многіе, впрочемъ, ничего не ѣли. „Не къ тому готовимся, говорили они; не такой завтра день.“

Всю ночь глубокая тишина царствовала въ русскомъ лагерѣ и только изрѣдка нарушалась окликомъ часовыхъ. Въ станѣ непріятеля костры горѣли ярче обыкновеннаго; оттуда несся какой-то праздничный гулъ, и громкія восклицанія въ привѣтствіе Наполеону, объѣзжавшему корпуса, разносились по воздуху. Ночь была сырая съ небольшимъ дождемъ. Многимъ не спалось; да и тѣхъ, которые заснули, дождь, возобновившійся послѣ полуночи, поднялъ съ влажной земли. У бивачныхъ костровъ повсюду виднѣлись темныя фигуры, бродившія взадъ и впередъ. Для многихъ тысячъ эта безотрадная ночь была послѣднею на землѣ!...

Холодная ночь смѣнилась туманнымъ утромъ; на низменныхъ мѣстахъ носился густой туманъ. Ни барабанный бой, ни звукъ трубы, ни приказаніе не созывали подъ знамена, а между тѣмъ съ четырехъ часовъ утра всѣ стояли уже подъ ружьемъ...

Въ исходѣ 6 часа, едва показались первые лучи восходящаго солнца, сто-двадцати-орудійная французская батарея открыла губительный огонь по селенію Семеновскому и флешамъ Багратіона (на лѣвомъ крылѣ русской позиціи). Для атаки нашего лѣваго фланга Наполеонъ вслѣдъ затѣмъ двинулъ подавляющія массы войскъ. Три дивизіи корпуса Даву, Ней съ 3-мъ корпусомъ и Жюно съ 8-мъ должны были, эшелонируясь справа, атаковать съ фронта лѣвое крыло русской позиціи. Для подкрѣпленія ихъ былъ назначенъ Мюратъ, съ кавалерійскими корпусами Нансути, Монбрена и Латуръ-Мобура.

Корпусъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Понятовскаго былъ посланъ въ обходъ нашего лѣваго фланга.[4])

Атака маршала Даву на флеши и селеніе Семеновское была отбита. Но когда въ 7 часовъ утра, въ помощь Даву, двинулись три дивизіи корпуса маршала Нея, то по просьбѣ главнокомандовавшаго 2 арміей князя Багратіона высланы были изъ резерва, въ помощь лѣвому крылу, полки лейбъ-гвардіи Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, три полка 1 кирасирской дивизіи, сводно-гренадерская бригада и три батарейныя роты,[5]) подъ начальствомъ командира л.-гв. Измайловскаго полка полковника Храповицкаго. Двигаясь изъ резерва въ колоннахъ къ атакѣ въ первую линію, батальоны Литовскаго и Измайловскаго полковъ были встрѣчены жестокой канонадой, которая, какъ сказано въ рапортѣ командовавшаго Измайловскимъ полкомъ, „хотя наносила много вреда, но не могла ни мало укротить стремленіе храбрыхъ сихъ колоннъ, спѣшившихъ на мѣсто своего назначенія.“[6])

Такимъ образомъ, л.-гв. Литовскій полкъ былъ посланъ въ самое опасное мѣсто поля битвы, къ селу Семеновскому, которое, съ потерею нами флешей Багратіона, сдѣлалось главнымъ тактическимъ ключемъ позиціи.[7])

Одинъ изъ участниковъ Бородинской битвы, французскій ге-

---

[4]) Военно-энциклопедическій лексиконъ, т. II.

[5]) Богдановичъ, томъ II, стр. 183. У Бернгарди исчислены слѣдующія войска: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій полки, 8 батальоновъ сводныхъ гренадеръ и обѣ гвардейскія батарейныя роты (Denkwürdigkeiten des Graffen von Toll II 69). Въ тоже самое время послано было приказаніе второму пѣхотному корпусу генерала Багговута, стоявшему безъ дѣла на крайнемъ правомъ флангѣ, перейти къ селенію Семеновскому.

[6]) Рапортъ л.-гв. Измайловскаго полка полковчика Кутузова командиру гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Лаврову отъ 1 сентября 1812 года. (Воен. уч. арх. отд. II № 1915). Полковникъ Кутузовъ былъ въ этотъ день четвертымъ командиромъ Измайловскаго полка, вступивъ въ командованіе послѣ раненыхъ одинъ за другимъ полковниковъ Храповицкаго, Козлянинова и Мусина-Пушкина I.

[7]) Составъ полка до начала сраженія: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 42, унтеръ-офицеровъ 143, музыкантовъ 53, рядовыхъ 1543—всего 46 офицеровъ и 1739 нижнихъ чиновъ, что при строѣ въ 3 шеренги составляло болѣе 20 рядовъ во взводѣ (Рапортъ командира л.-гв. Литовскаго полка полковника Удома генералъ-лейтенанту Коновницыну 31 августа 1812 г за № 462, Воен. уч. арх. отд. II № 1925).

неральъ Пелэ, описывая бой у флешей и селенія Семеновскаго говоритъ:

„По мѣрѣ того, какъ подходили къ Багратіоновымъ войскамъ подкрѣпленія, онѣ шли впередъ съ величайшей отвагой, по трупамъ павшихъ, для овладѣнія утраченными пунктами. Русскія колонны (тутъ именно говорится объ отрядѣ Храповицкаго) въ глазахъ нашихъ двигались, по командѣ своихъ начальниковъ, какъ подвижные шанцы, сверкающіе сталью и пламенемъ. На открытой мѣстности, поражаемыя нашей картечью, атакуемыя то конницей, то пѣхотой, онѣ терпѣли огромный уронъ; но эти храбрые воины, собравшись съ послѣдними силами, нападали на насъ по прежнему.“[8])

Придя къ Семеновскому оврагу, Измайловскій и Литовскій полки поставлены были лѣвѣе селенія того-же имени, въ колоннахъ къ атакѣ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ („ан-эшикье,“ какъ тогда называли), при чемъ первые батальоны составляли вторую линію.

„Достигнувъ онаго (т. е. Семеновскаго оврага), пишетъ въ своемъ рапортѣ полковникъ Кутузовъ, ощутили мы всю жестокость картечныхъ выстрѣловъ. Г. полковникъ Храповицкій, по желанію генералъ-лейтенанта Коновницына, приказалъ колоннамъ стать „ан-эшикье.“ Въ семъ положеніи, тщетно желая сбить колонны наши, усиливалъ непріятель огонь своей артиллеріи; дѣйствіе оной, истребляя ряды наши, не производило въ нихъ никакого безпорядка; оные смыкались и были повѣряемы съ такимъ хладнокровіемъ, какъ-бы находились внѣ выстрѣловъ.“[9])

Разстроенными кучками или въ одиночку тащились мимо Литовскаго полка остатки войскъ, занимавшихъ Семеновскія флеши, преимущественно люди сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ. Офицеры останавливали ихъ и пристраивали къ своимъ частямъ. Командиръ 2 батальона л.-гв. Литовскаго полка подполковникъ Тимофѣевъ пристроилъ такимъ образомъ къ своему батальону около 100 человѣкъ, которые вскорѣ принесли большую пользу нашей ар-

---

[8]) Pélet „Bataille de la Moscowa.“

[9]) Рапортъ полковника Кутузова генералъ-лейтенанту Лаврову отъ 1 сентября 1812 года.

тиллеріи. На высотѣ у д. Семеновской стояла гвардейская батарейная рота полковника Таубе и дѣйствовала по непріятелю, котораго, впрочемъ, за дымомъ и пылью не было видно.

„Любопытствуя видѣть непріятельскія колонны, по которымъ стрѣляла наша батарея, говоритъ подполковникъ Тимофѣевъ въ своихъ любопытныхъ для насъ запискахъ, я подъѣхалъ къ батареѣ, но дымъ отъ выстрѣловъ и пыль, взвиваемая вѣтромъ отъ взрытой подъ артиллеріей земли, застилали собою французскія войска, что и заставило меня спуститься передъ батареею подъ гору. Выйдя изъ облаковъ пыли и дыма, я усмотрѣлъ, что вышедшія изъ лѣса непріятельскія войска формируютъ колонны большею частію внѣ выстрѣловъ нашей артиллеріи. Поспѣшно сообщивъ о семъ начальнику батареи полковнику Таубе, я просилъ позволить мнѣ навести лѣвофланговое орудіе, по соображенію, на строившіяся передъ лѣсомъ непріятельскія колонны. Посланный на спускъ горы фейерверкеръ подтвердилъ удачное направленіе этого орудія, но едва я успѣлъ сдѣлать изъ онаго нѣсколько выстрѣловъ, какъ непріятельское ядро, ударивъ въ лѣвую ось, опрокинуло орудіе. Въ это время полковникъ Таубе подошелъ ко мнѣ и, сказавъ, что у орудій осталось не болѣе, какъ 3 человѣка прислуги, просилъ прислать нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ моего батальона, что я и исполнилъ, приведя въ его распоряженіе около 50 человѣкъ изъ числа помянутыхъ гренадеръ, пристроившихся къ батальону. Безъ сихъ людей, по словамъ благодарившаго меня за нихъ полковника Таубе, батарея не могла бы дѣйствовать, а въ случаѣ отступленія подвергалась-бы совершенной опасности.“[10])

Въ 11½ часовъ дня непріятель, пользуясь подавляющимъ превосходствомъ силъ и замѣшательствомъ, произведеннымъ въ средѣ русскихъ войскъ смертельной раной главнокомандовавшаго 2 арміей князя Багратіона, въ четвертый разъ и притомъ окончательно овладѣлъ флешами и принудилъ русскія войска отступить на правый берегъ Семеновскаго оврага, гдѣ генералъ Коновницынъ, временно

---

[10]) „Подробности о дѣйствіяхъ 2 батальона л.-гв. Литовскаго полка въ Бородинской битвѣ.“ Неизданныя записки генерала отъ инфантеріи Тимофѣева. Въ 1812 году, въ чинѣ подполковника, Тимофѣевъ командовалъ 2 батальономъ полка. (Воен. учен. архивъ Глав. Штаба, отд. I, № 247).

принявшій начальство надъ 2 арміей, до прибытія Дохтурова, устроилъ остатки войскъ, оборонявшихъ флеши, подъ покровительствомъ выставленныхъ вдоль оврага полковъ л.-гв. Измайловскаго, Литовскаго и Финляндскаго и сильныхъ батарей.[11]) Такимъ образомъ, съ очищеніемъ нами Семеновскихъ флешей, Семеновскій оврагъ составлялъ нашу естественную оборонительную линію, и л.-гв. Литовскій полкъ, принимая подъ свою защиту разстроенныя части войскъ, занимавшихъ флеши, увидѣлъ себя въ 1 линіи, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Трудно себѣ представить ожесточеніе обѣихъ сторонъ въ Бородинскомъ сраженіи вообще и на нашемъ лѣвомъ крылѣ въ особенности. Очевидцы этой „битвы гигантовъ", какъ назвалъ ее Наполеонъ, разсказывали, что многіе изъ сражавшихся, побросали свое оружіе, сцѣплялись другъ съ другомъ, раздирали другъ-другу рты, душили одинъ другаго въ тѣсныхъ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мертвыми. Артиллерія скакала по трупамъ, какъ по бревенчатой мостовой, втискивая эти трупы въ землю, упитанную кровью. Многіе батальоны такъ перемѣшались между собою, что въ общей свалкѣ нельзя было различить непріятеля отъ своихъ. Изувѣченные люди и лошади лежали группами; раненые брели къ перевязочнымъ пунктамъ, покуда могли, а выбившись изъ силъ падали, но не на землю, а на трупы павшихъ раньше. Чугунъ и желѣзо отказывались служить мщенію людей; раскаленныя пушки не могли выдерживать дѣйствія пороха и лопались съ трескомъ, поражая заряжавшихъ ихъ артиллеристовъ; ядра, съ визгомъ ударяясь о землю, взбрасывали вверхъ кусты и взрывали поля, какъ плугомъ; пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики командировъ и вопли отчаянія на десяти разныхъ языкахъ заглушались пальбой и барабаннымъ боемъ. Болѣе нежели изъ 1000 пушекъ съ обѣихъ сторонъ сверкало пламя и гремѣлъ оглушительнный громъ, отъ котораго дрожала земля на нѣсколько верстъ. Батареи и укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки.

„Чудное и ужасное зрѣлище представляло тогда поле битвы: надъ лѣвымъ крыломъ нашей артиллеріи висѣло густое, черное об-

---

[11]) Богдановичъ, томъ II.

лако отъ дыма, смѣшавшагося съ парами крови; оно совершенно затмило дневной свѣтъ; солнце покрылось кровавою пеленою; передъ центромъ пылало Бородино, облитое огнемъ; а правый флангъ былъ ярко освѣщенъ лучами солнца. Въ одно и то-же время взорамъ представлялись день, вечеръ и ночь."[12])

Овладѣвъ Семеновскими флешами, маршалъ Ней, съ содѣйствіемъ дивизіи Фріана, атаковалъ остатки 2 гренадерской и 27 дивизій, занимавшихъ Семеновское, но былъ отброшенъ. Тогда Мюратъ, король Неаполитанскій, по совѣщаніи съ Неемъ, ввелъ въ дѣло огромныя массы кавалеріи. Нансути съ кирасирами Сенъ-Жермена и Валанса получилъ приказаніе атаковать наши войска лѣвѣе с. Семеновскаго, гдѣ находился л.-гв. Литовскій полкъ; а Латуръ-Мобуръ съ дивизіями Рожнецкаго[13]) и Лоржа, перейдя черезъ р. Каменку, былъ направленъ вправо отъ селенія (смотря съ нашей стороны). Даву и Ней, имѣя въ виду подготовить успѣхъ кавалерійскихъ атакъ, выдвинули къ самому краю Семеновскаго оврага сильныя батареи, въ которыхъ было до 400 орудій и огонь которыхъ былъ тѣмъ болѣе губителенъ, что лѣвый берегъ Семеновскаго ручья выше селенія господствуетъ надъ правымъ и что непріятельская позиція, обхватывая нашу, способствовала французской артиллеріи дѣйствовать перекрестными выстрѣлами.

Войска, стоявшія правѣе сел. Семеновскаго, были отчасти прикрыты гребнемъ небольшой высоты, на которой лежитъ часть селенія; но полки 3 пѣхотной дивизіи и полки л.-гв. Измайловскій и Литовскій, находившіеся лѣвѣе Семеновскаго, были совершенно открыты и подвергались страшному огню непріятельскихъ батарей, расположенныхъ на господствующихъ высотахъ лѣваго берега Семеновскаго оврага, въ разстояніи не болѣе 500—600 шаговъ отъ нашей

---

[12]) „Русь и и русскіе въ 1812 году" Любецкаго.

[13]) Рожнецкій—польскій генералъ, бывшій впослѣдствіи начальникомъ кавалеріи въ польской арміи, сформированной Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ послѣ учрежденія царства польскаго. Будучи любимцемъ Великаго Князя, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ высшей секретной Варшавской полиціи и въ этомъ званіи пріобрѣлъ общую ненависть поляковъ. Свѣдѣнія о немъ можно найти въ моемъ очеркѣ „Пятьдесятъ лѣтъ назадъ" („Варшавскій Дневникъ" 1881 года, №№ 214, 218, 223, 225, 228 и 236).

позиціи. О силѣ перекрестнаго огня французскихъ батарей близь сел. Семеновскаго бывшій очевидцемъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ:

„Самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить сокрушительнаго дѣйствія происходившей здѣсь канонады. Гранаты лопались въ воздухѣ и на землѣ; ядра гудѣли, сыпались со всѣхъ сторонъ, бороздили землю рикошетами, ломали въ щепы и въ дребезги все, что встрѣчали въ своемъ полетѣ. Выстрѣлы были такъ часты, что не оставалось промежутка между ударами: они продолжались безпрерывно, подобно неумолкаемому грому.“

Въ своей „исторіи отечественной войны 1812 года“ Богдановичъ говоритъ: „чтобы дать понятіе до какой степени терпѣли уронъ наши войска на этомъ пунктѣ (т. е. у Семеновскаго), достаточно сказать, что Литовскій полкъ въ продолженіи времени около часа потерялъ выбывшими изъ фронта изъ 1740 человѣкъ—956, т. е. болѣе половины наличнаго числа, и что при многихъ нашихъ орудіяхъ оставалось только по парѣ лошадей.“[14])

Этотъ убійственный огонь заставилъ отойти л.-гв. Измайловскій и Литовскій полки на 50 шаговъ назадъ, гдѣ дѣйствіе непріятельскаго огня было сравнительно слабѣе.

Въ такомъ положеніи находились войска у Семеновскаго, когда непріятель повелъ на нихъ кавалерійскія атаки. Земля дрогнула подъ нѣсколькими тысячами всадниковъ, устремленныхъ въ бой отважнымъ Мюратомъ. Литовскій и Измайловскій полки, стоявшіе, какъ уже сказано, на лѣвомъ крылѣ за ручьемъ, подъ начальствомъ полковника Храповицкаго, по приказанію Коновницына, построились въ 6 каре, въ одномъ изъ которыхъ находился самъ Коновницынъ. Остатки сводной гренадерской бригады размѣстились въ кучкахъ между гвардейскими каре.[15])

О славномъ отраженіи атакъ французской отборной конницы

---

[14]) Богдановичъ т. II. Bernhardi, II 88—92. Едва-ли это вѣрно. Л.-гв. Литовскій полкъ 26 августа потерялъ, правда, убитыми, ранеными и безвѣсти пропавшими около 1100 человѣкъ, но не въ теченіи одного часа, а въ теченіи 13 часовъ, которые онъ провелъ въ огнѣ и въ рукопашныхъ схваткахъ.

[15]) Историческое обозрѣніе л.-гв. Измайловскаго полка.

Литовскимъ и Измайловскими полками можно услышать и прочесть самые разнорѣчивые разсказы и описанія. Даже въ такихъ оффиціальныхъ документахъ, какъ рапорты командировъ Литовскаго и Измайловскаго полковъ, полковниковъ Удома и Кутузова, видны нѣкоторыя разногласія въ описаніи подробностей; въ запискахъ—же генерала отъ инфантеріи Тимофѣева, командовавшаго въ Бородинской битвѣ вторымъ батальономъ л.-гв. Литовскаго полка, находимъ даже противорѣчія. Да это и естественно: при томъ шумѣ, суматохѣ и безпорядкѣ, который царствовалъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, подавленномъ превосходными силами непріятеля, трудно было слѣдить за ходомъ битвы, даже въ небольшомъ раіонѣ позиціи. Полковые командиры и другіе начальники, потерявъ лошадей и скрываясь отъ налетовъ кавалеріи въ батальонныя каре, не могли руководить боемъ и слѣдить за его ходомъ. Очень вѣроятно поэтому, что при существованіи единства, въ дѣйствіяхъ не было однообразія, и каждый батальонъ дѣйствовалъ по усмотрѣнію своего батальоннаго начальника.

Командиръ Литовскаго полка, полковникъ Удомъ, въ своемъ рапортѣ генералъ-лейтенанту Коновницыну, о первой атакѣ французской кавалеріи упоминаетъ кратко. „Непріятель осыпалъ насъ ядрами и картечами и выслалъ на полкъ кавалерію въ атаку. Всѣ три батальона, по приказанію Вашего Превосходительства, къ сему мною построены были въ кареи противъ кавалеріи; бывъ окружены многочисленнымъ непріятелемъ, приняли онаго храбро и мужественно и, подпустя на близкую дистанцію, выстрѣливъ прежде батальнымъ огнемъ, закричавъ „ура!“, пошли на штыки, разстроили и прогнали непріятеля до самой высоты[16]) съ большимъ для него урономъ, какъ убитыми, такъ и раненными. А въ плѣнъ, по ожесточеніи нашихъ солдатъ, (непріятелей) никого не взято; съ нашей же стороны никого отъ кавалеріи тогда ранено не было“.[17])

Въ рапортѣ командовавшаго Измайловскимъ полкомъ полков-

---

[16]) Вѣроятно, до берега Семеновскаго ручья, находившагося въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ стояли каре 2 гвардейской бригады.

[17]) Рапортъ полковника Удома Коновницыну, 31 августа 1812 года.

ника Кутузова командовавшему корпусомъ, генералу Лаврову, о томъ же моментѣ боя читаемъ:

„Вскорѣ показавшаяся непріятельская кавалерія побудила выдвинуть колонны первыхъ батальоновъ изъ ихъ положенія „ан-эшикье“ на линію съ колоннами 2-хъ и 3-хъ батальоновъ, при чемъ приказано было изъ колоннъ построить кареи противу кавалеріи“.

„Непріятельскіе кирасиры не замедлили съ чрезвычайнымъ стремленіемъ броситься въ атаку; но за дерзость свою дорого заплатили; всѣ кареи, съ удивительною твердостью допустивъ ихъ на размѣрной (?) выстрѣлъ, открыли съ фасовъ, къ непріятелю обращенныхъ, батальный огонь; латы имъ были плохой защитой, не придавая мужества. Мгновенно показали они тылъ и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство“.[18])

Судя по запискамъ генерала Тимофѣева, 2 батальонъ Литовскаго полка отразилъ атаку грозныхъ кирасировъ совершенно инымъ и при томъ (нельзя не вѣрить участнику боя) весьма оригинальнымъ образомъ. „Непріятельская колонна кирасировъ шла прямо на насъ и, вѣроятно, намѣревалась прорвать центръ расположенія нашихъ полковъ, потому что атаковала командуемый мною 2 батальонъ Литовскаго полка, находившійся въ 1 линіи. Скомандовавъ батальону, построенному въ каре противъ кавалеріи, „на руку“, я строго запретилъ стрѣлять безъ моего приказанія, а велѣлъ только дѣлать ружьями движенія въ стороны, зная изъ собственнаго опыта, что лошади не пойдутъ на блистающіе штыки; тѣхъ же лошадей, которыхъ кирасиры заставятъ приблизиться къ фронту, колоть въ морду. Это распоряженіе имѣло самыя успѣшныя послѣдствія. Кирасиры, окруживъ каре со всѣхъ сторонъ и не видя возможности насъ разстроить, начали по сигналу на рысяхъ формировать колонну шагахъ въ 30 передъ переднимъ фасомъ каре, съ явнымъ намѣреніемъ ударить массой оной. Чтобы не допустить до исполненія сего намѣренія, я воспользовался замѣшательствомъ начавшагося построенія, когда каждый всадникъ искалъ своего мѣста, скомандовалъ „ура“, и

---

[18]) Рапортъ полковника Кутузова генералъ-лейтенанту Лаврову отъ 1 сентября 1812 года.

батальонъ бросился въ штыки. Передніе ряды кирасировъ, отыскивая свои мѣста и не имѣя черезъ то прочнаго фронта, будучи поражаемы штыками, не устояли, но удерживаемые задними взводами, не могли избѣжать большаго пораженія, и только послѣ отчаяннаго ихъ крика вся кавалерійская колонна обратилась въ бѣгство. Батальонъ еще нѣкоторое разстояніе гнался за кирасирами, когда же они отдалились, произвелъ по бѣгущимъ пальбу, чѣмъ и довершено пораженіе".[19])

Въ этомъ безъискусственномъ разсказѣ на первый взглядъ многое кажется страннымъ. Могутъ явиться вопросы: отчего батальонъ просто не встрѣтилъ кавалерію залпомъ, а только пугалъ лошадей? отчего французскіе кирасиры послѣ неудачной атаки начали формировать колонну для новой атаки на такомъ близкомъ разстояніи, что дало возможность пѣхотѣ броситься на нихъ въ штыки? и т. п. Но на всѣ эти вопросы не трудно найти удовлетворительные отвѣты. Семеновскій ручей, мѣстами, правда, почти пересохшій, но протекающій въ довольно высокихъ берегахъ, находился всего въ 50 шагахъ отъ фронта Литовскаго и Измайловскаго полковъ. Перейдя ручей шагомъ и бросившись въ атаку, кирасиры не могли на 50 шагахъ развить полный аллюръ. Только масса лошадей, разгоряченная бѣшенымъ карьеромъ, можетъ разстроить пѣхоту, стоящую на мѣстѣ; атака же кирасировъ Нансути за тѣснотой была вяла, и подполковникъ Тимофѣевъ, зная, какъ трудно зарядить кремневое ружье, вѣроятно, нашелъ, что не стоитъ тратить дорогой выстрѣлъ для ея отраженія. Очевидно, встрѣтить такъ кавалерійскую массу можетъ только начальникъ, сохранившій полное присутствіе духа и полную увѣренность въ томъ, что его часть не побѣжитъ.

Разстроенные кирасиры снова начинаютъ формировать колонну, за неимѣніемъ мѣста, въ 30 шагахъ отъ фронта батальона. Съ крикомъ „ура" батальонъ бросился въ штыки на эту стоявшую на мѣстѣ и притомъ разстроенную кавалерію, обратилъ ее въ бѣгство и проводилъ батальнымъ огнемъ, устлавъ поле вражьими трупами.

---

[19]) Записки генерала отъ инфантеріи Тимофѣева, хранящіяся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

Объ этомъ подвигѣ Литовцевъ упоминалось и во множествѣ мелкихъ статей, и въ нѣкоторыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ, и даже въ нѣкоторыхъ курсахъ тактики, но нигдѣ не сказано, что Литовскій полкъ бросался въ штыки не на несущуюся въ карьеръ непріятельскую кавалерію, а на кавалерію, стоявшую на мѣстѣ и при томъ уже разстроенную неудачной атакой.

„Не порывомъ безотчетной храбрости былъ увлеченъ я, пишетъ генералъ Тимофѣевъ, бросаясь въ атаку съ батальономъ, но вѣрнымъ соображеніемъ и разсчетомъ успѣха разбить непріятельскую колонну, стоявшую на мѣстѣ“.

Эта атака, впрочемъ, не обошлась батальону даромъ; не понеся никакой потери отъ непріятельскихъ кирасировъ, онъ потерялъ нѣсколько человѣкъ отъ выстрѣловъ своихъ. Стоявшее правѣе каре 3-го батальона Измайловскаго полка открыло пальбу рядами, и такъ какъ за дымомъ ничего не было видно, то выстрѣлы лѣваго фаса этого каре попадали въ Литовцевъ, выдвинувшихся впередъ изъ общей линіи. Подполковникъ Тимофѣевъ подъ градомъ этихъ выстрѣловъ бросился къ Измайловскому каре (пѣшкомъ, потому что лошадь подъ нимъ была убита раньше), набѣжалъ прямо на капитана Катенина, стоявшаго на лѣвомъ углѣ передняго фаса, и только тогда Измайловцы ударили отбой и прекратили пальбу.

Когда французская кавалерія очистила поле, непріятельскія батареи снова открыли прежнюю губительную канонаду. Въ то-же время по ту сторону Семеновскаго ручья изъ лѣса показалась французская пѣхота съ артиллеріей, выказывая явное намѣреніе занять высоту, находившуюся на протяженіи нашего лѣваго фланга. А между тѣмъ влѣво отъ Литовскаго полка войскъ почти не было: 3-я пѣхотная дивизія еще до очищенія нами Семеновскихъ укрѣпленій была передвинута, по приказанію Коновницына, къ с. Семеновскому; 21-я и 2-я гренадерскія дивизіи также занимали Семеновское; сводная гренадерская дивизія почти не существовала—отдѣльныя ея кучки пристроились къ каре Литовскаго и Измайловскаго полковъ. Л.-гв. Финляндскій полкъ стоялъ въ $^3/_4$ версты позади с. Семеновскаго, на дорогѣ въ Псарево, слѣдовательно, также довольно далеко отъ Литовскаго полка. Положеніе Литовцевъ было критическое: занявъ высоту, французы могли продольными

выстрѣлами поражать всю нашу линію вдоль Семеновскаго оврага, сбить съ позиціи и обойти нашъ лѣвый флангъ. У Коновницына, подъѣхавшаго въ это время къ полку, невольно вырвалось восклицаніе: „Боже, что дѣлать!“ Эта фраза въ устахъ неустрашимаго генерала доказываетъ важность и трудность минуты. Посовѣтовавшись съ полковникомъ Удомомъ, Коновницынъ рѣшилъ послать одинъ батальонъ Литовскаго полка съ цѣлью занять высоту или, покрайней мѣрѣ, помѣшать французамъ на ней утвердиться. Подполковникъ Тимофѣевъ, стоявшій тутъ-же, вызвался исполнить это трудное порученіе и, получивъ разрѣшеніе, двинулся къ ней со своимъ вторымъ батальономъ и занялъ ее раньше французовъ. Шесть взводовъ, сильно пострадавшихъ уже отъ предыдущаго участія въ битвѣ, были разсыпаны въ цѣпь по гребню высоты, а остальные два взвода (2-й гренадерской и 4-й фузелерной ротъ), подъ начальствомъ командира 2-й гренадерской роты, капитана Арцыбашева, поставлены въ резервѣ за высотой. Французскій отрядъ, между тѣмъ, выстроился передъ лѣсомъ и началъ наступленіе; впереди шли два егерскихъ батальона съ шестью орудіями; за флангами ихъ, во второй линіи, двигались двѣ колонны гренадеровъ, а въ третьей линіи виднѣлась колонна драгунъ. Силы эти покрайней мѣрѣ въ шесть разъ превышали численность литовскаго батальона; но французы подвигались впередъ нерѣшительно, предполагая, что за высотой скрыты сильные русскіе резервы и, наконецъ, остановились и открыли пальбу по нашей цѣпи. Видно было, какъ какой-то французскій генералъ, окруженный довольно значительнымъ штабомъ и находившійся довольно далеко позади на холмѣ, съ котораго обнаруживалась вся позиція 2-го батальона и малочисленность его резерва, послалъ къ наступавшему французскому отряду одного за другимъ двухъ адъютантовъ, вѣроятно, съ приказаніемъ атаковать рѣшительно. Пришлось пуститься на хитрости: оба взвода, стоявшіе въ резервѣ, были поставлены въ одну линію и притомъ не въ три, а въ двѣ шеренги, и какъ только французскія колонны, предшествуемыя густыми цѣпями, двинулись впередъ, резервные взводы поднялись на высоту и остановились такъ, чтобы непріятель могъ видѣть только головы солдатъ первой шеренги и принялъ-бы ихъ за голову сильной колонны, готовой вступить въ бой. Обманутые такимъ образомъ французы сно-

ва остановились и снова открыли огонь, а взводы капитана Арцыбашева скрылись за высотой.

Французскій генералъ, выведенный изъ себя, послалъ еще трехъ адъютантовъ съ приказаніемъ атаковать высоту; отрядъ двинулся впередъ, но капитанъ Арцыбашевъ опять показался изъ за высоты со своими тощими резервами, и французскія колонны опять остановились. Такимъ образомъ, 2-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, истощенный предшествовавшими потерями, удерживалъ высоту безъ всякой посторонней поддержки и безъ резерва, сильно страдая отъ огня многочисленнаго непріятеля. Въ это время былъ тяжело раненъ командиръ батальона подполковникъ Тимофѣевъ; пуля раздробила ему кость лѣвой ноги.

Подозвавъ къ себѣ капитана Арцыбашева, Тимофѣевъ передалъ ему командованіе батальономъ и, чтобы не привести въ уныніе солдатъ, самъ перевязалъ ногу платкомъ и тихо поплелся на перевязочный пунктъ, опираясь на саблю, безъ посторонней помощи, хотя чувствовалъ, что далеко не уйдетъ.[20])

Второй батальонъ понесъ большія потери. Всѣ офицеры были

---

[20]) О своей дальнѣйшей судьбѣ Тимофѣевъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее:

„Не чувствуя сначала большой боли, я, перевязавъ крѣпко рану платкомъ, оставался значительное время при батальонѣ; но когда начало сводить ногу, и боль чрезвычайно усилилась, я, подозвавъ къ себѣ капитана Арцыбашева, объявилъ о своей ранѣ, потомъ,—что не имѣю силъ стоять, поручилъ ему въ команду батальонъ и, чтобы не обезкураживать солдатъ, если узнаютъ, что я раненъ, не взялъ съ собою ни одного человѣка для помощи, хотя чувствовалъ, что не далеко могу уйти, пошелъ опираясь на саблю, искать лѣкаря; но отойдя не болѣе 300 шаговъ, я не имѣлъ силъ слѣдовать далѣе. Къ счастью, меня догналъ моего батальона поручикъ Ивановъ, раненый въ лѣвую руку, который съ однимъ рядовымъ, тоже раненымъ, нѣсколько времени мнѣ помогалъ идти; оба потомъ, выбившись изъ силъ, не могли меня вести и спаели только тѣмъ, что посадили на раненую драгунскую лошадь, на которой и привезли на перевязочный пунктъ. Оттуда на подводѣ меня привезли въ Можайскъ, потомъ въ Москву, а изъ Москвы въ Касимовъ, гдѣ я пролежалъ болѣе 9 мѣсяцевъ, не вставая съ постели. Страданія мои отъ ранъ были до того велики, что въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1813 года, № 22, были описаны со всѣми подробностями, равно какъ и варварство французовъ въ разрѣзываніи на двое пуль и оклеиваніи оныхъ въ патроны съ человѣческими волосами, каковыми двумя пулями былъ я раненъ, изъ коихъ одна вырѣзана черезъ 28 дней, а другая, бывшая въ кости, чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ полученія раны“.

ранены; командовавшій батальономъ послѣ подполковника Тимофѣева, капитанъ Арцыбашевъ, также былъ раненъ въ лѣвую руку съ поврежденіемъ кости. Держаться дольше на высотѣ, окруженной густыми цѣпями непріятельскихъ стрѣлковъ, не было никакой возможности, а потому 2-й батальонъ отступилъ на прежнее мѣсто, чему способствовалъ находившійся позади кустарникъ.

Первый и третій батальоны и Измайловскій полкъ въ этотъ промежутокъ времени также не стояли безъ дѣла. Грозные кирасиры („hommes de fer“, какъ ихъ называлъ Наполеонъ), поддержанные легкою кавалерійскою дивизіею Брюйера, еще два раза атаковали каре Литовскаго и Измайловскаго полковъ и оба раза были отбиты. Эти атаки, въ продолженіи которыхъ французская артиллерія прекращала стрѣльбу, были какъ бы отдыхомъ для Литовцевъ и Измайловцевъ, устилавшихъ поле непріятельскими трупами и не терпѣвшихъ ни малѣйшаго урона отъ налетовъ конницы.

„Съ тѣхъ поръ непріятельская конница не осмѣливалась уже больше безпокоить колоннъ нашихъ и только издали смотрѣла на мѣсто своего пораженія“.[21])

Но за то непріятельская артиллерія и стрѣлки, приблизившіеся къ самому краю Семеновскаго оврага, наносили ужасный уронъ нашимъ колоннамъ. Командовавшій бригадой полковникъ Храповицкій былъ раненъ картечью въ ногу, но прежде чѣмъ оставить поле сраженія объѣхалъ и благодарилъ всѣ батальоны за ихъ непоколебимую стойкость и мужество. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ все время находился при этихъ двухъ полкахъ, а съ двухъ часовъ къ нимъ пріѣхалъ назначенный вмѣсто князя Багратіона временно командовать 2-й арміей, генералъ отъ инфантеріи Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ. Находясь въ одномъ изъ каре этихъ полковъ, онъ былъ свидѣтелемъ отраженія послѣдней кавалерійской атаки и того мужества, съ которымъ бригада выдерживала жестокій непріятельскій огонь, и нѣсколько разъ его сердечное „спасибо“ раздавалось передъ фронтомъ.

---

[21]) Рапортъ полковника Кутузова генералъ-лейтенанту Лаврову отъ 1 сентября 1812 года.

Французскіе стрѣлки и артиллерія, занимавшіе высоту на продолженіи нашего лѣваго фланга, оставленную вторымъ батальономъ Литовскаго полка, поражали продольнымъ огнемъ весь нашъ фронтъ; а собравшіяся за высотой пѣхотныя массы готовились совершенно опрокинуть нашъ лѣвый флангъ. Л.-гв. Литовскому полку безспорно принадлежитъ честь занятія и удержанія до конца битвы этой важной высоты, на которой такъ много было пролито его крови. Но прежде чѣмъ совершить этотъ подвигъ, Литовскому полку пришлось выдержать еще одну атаку непріятельской кавалеріи. Это были гвардейскіе саксонскіе кирасиры.

Кавалерія Латуръ-Мобура, направленная, какъ выше сказано, вправо отъ с. Семеновскаго (смотря съ нашей стороны), при движеніи черезъ Семеновскій оврагъ встрѣтила несравненно большія затрудненія, а потому и въ бой вступила позже кавалеріи Нансути. Движеніе черезъ болотистое русло Семеновскаго ручья заставило всадниковъ разомкнуть ряды и перебираться по-одиночкѣ. Но русская артиллерія, отодвинутая отъ края оврага, не могла по надлежащему поражать непріятеля, и только нѣсколько ядеръ случайно попали въ длинныя колонны, тянувшіяся черезъ Семеновскій ручей. Головная часть кавалеріи, состоявшая изъ саксонцевъ, взобравшись на противоположный скатъ оврага, увидѣла въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ себя батарею, съ прикрытіемъ изъ остатковъ 2-й гренадерской дивизіи. Два съ половиною эскадрона саксонскихъ кирасировъ, успѣвшихъ перейти черезъ оврагъ, тотчасъ кинулись въ атаку; прочимъ было приказано, по мѣрѣ переправы, развертываться влѣво и постепенно, уступами идти въ атаку.

Гренадеры, ослабленные предшествовавшимъ боемъ, были опрокинуты, а Сиверсовы драгуны, кинувшіеся имъ на помощь, также не могли удержать гвардейскихъ саксонскихъ кирасировъ, которые, хотя и были встрѣчены въ 400 шагахъ картечью 2-й легкой гвардейской роты, промчались, однакожь, мимо Семеновскаго селенія и заскакали въ тылъ каре Литовскаго и Измайловскаго полковъ.... Но въ этотъ самый моментъ генералъ Бороздинъ 2-й, съ кирасирскими полками Его и Ея Величества и Астраханскимъ, атаковалъ саксонскихъ латниковъ и, при помощи Ахтырскихъ гусаръ, атако-

вавшихъ непріятеля во флангъ, принудилъ ихъ отойти за гребень высотъ.[22])

Послѣ этого, по приказанію начальника штаба 2-й арміи генералъ-адъютанта графа Сенъ-При, л.-гв. литовскій полкъ, при содѣйствіи генералъ-маіора Васильчикова, собравшаго разсѣянные остатки 12-й и 27-й дивизій, двинулся въ атаку противъ французской пѣхоты, занимавшей высоту, о которой уже упоминали. Первая атака была неудачна: высоту занимали то Литовцы, то французскіе егеря; командиръ полка полковникъ Удомъ, раненый въ руку на вылетъ, вынужденъ былъ оставить поле сраженія, передавъ командованіе полкомъ командиру 3-го батальона, подполковнику Шварцу, единственному штабъ-офицеру, оставшемуся еще въ строю, такъ какъ подполковникъ Угрюмовъ былъ раненъ раньше. Но когда подполковникъ Шварцъ лично повелъ въ атаку 1-й батальонъ, оставивъ въ поддержку 2-й и 3-й батальоны, отъ которыхъ, впрочемъ, остались только небольшія кучки, то французы не выдержали и начали отступать. Во время этого боя Шварцъ получилъ двѣ раны: сначала пулею въ локоть, а потомъ въ животъ. Изнемогая отъ ранъ, этотъ герой долго еще не оставлялъ строя и, будучи поддерживаемъ двумя гренадерами, отдавалъ приказанія и ободрялъ солдатъ. Раны были смертельны, и на другой день Шварцъ скончался...

На этомъ холмѣ, облитомъ кровью Литовцевъ, остатки полка продержались до конца битвы. Дѣленіе на батальоны и роты уже не имѣло смысла, потому что отъ нѣкоторыхъ ротъ оставалось только нѣсколько человѣкъ; это была небольшая группа людей одного полка, людей измученныхъ ожесточеннымъ тринадцатичасовымъ боемъ.

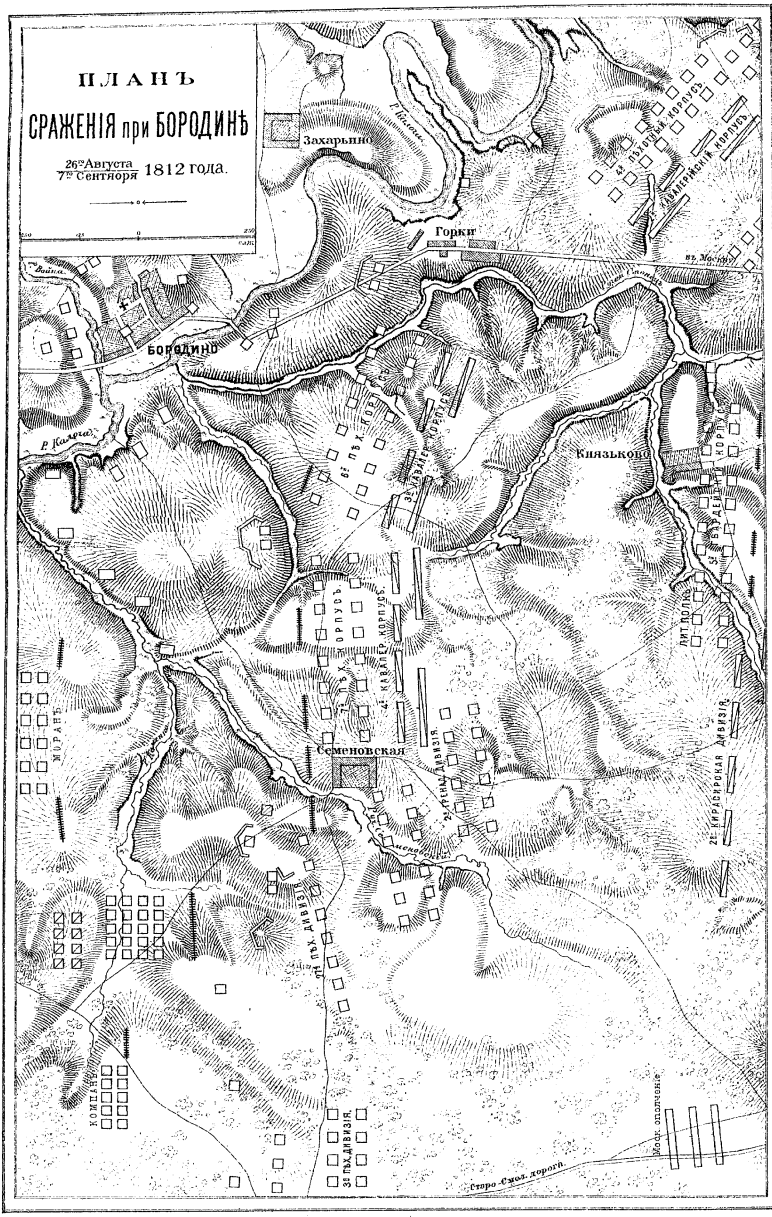
Генералъ Раевскій въ рапортѣ своемъ генералу Дохтурову[23]) слѣдующимъ образомъ упоминаетъ объ этомъ моментѣ битвы на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ:

„Генералъ-маіоръ Васильчиковъ, собравъ разсѣянные остатки 12-й и 27-й дивизій, и съ Литовскимъ гвардейскимъ полкомъ, удерживалъ до вечера важную высоту, на лѣвой оконечности всей нашей линіи находившуюся“...

---

[22]) „Исторія гвардейской артиллеріи.“ Ратча. Богдановичъ т. II, стр. 190. Bernhardi II, 89—90.

[23]) Отъ 11 сентября 1812 года, за № 280.

въ Лит. Б. Главнаго Штаба.

Вскорѣ къ Литовскому полку присоединились Измайловскій и Финляндскій полки. Дивизія Фріана, атаковавъ развалины сел. Семеновскаго и утвердившись на правомъ берегу Семеновскаго ручья, заставила эти полки отойти къ высотѣ у начала Семеновскаго ручья, гдѣ держались остатки Литовскаго полка. По занятіи Семеновскаго, Ней выставилъ сильныя батареи, которыя открыли огонь съ фронта противъ лѣваго нашего крыла и во флангъ войскамъ, стоявшимъ въ центрѣ позиціи. Лѣвое наше крыло было совершенно разстроено. Барклай-де-Толли въ своихъ запискахъ говоритъ: „Вторая армія, по отсутствіи раненаго князя Багратіона и многихъ генераловъ, была опрокинута въ величайшемъ разстройствѣ; всѣ укрѣпленія съ частью батарей достались непріятелю; пѣхота была разсѣяна въ мелкихъ кучкахъ, остановленныхъ уже у главной квартиры на Можайской дорогѣ. Три гвардейскихъ полка (Измайловскій, Литовскій и Финляндскій) отступили въ изрядномъ устройствѣ и приблизились къ прочимъ гвардейскимъ полкамъ“.[24])

Къ этому нужно прибавить, что полки эти отступили по окончаніи битвы, когда стемнѣло и когда они получили на это приказаніе.

Страшное утомленіе обѣихъ сторонъ и темнота наступившей ночи прекратили битву... Такъ кончился день, составляющій, безспорно, самую славную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую кровавую страницу въ лѣтописяхъ полка.

Нельзя не удивляться той стойкости и тому мужеству, которые были выказаны въ этотъ день полкомъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ только сформированнымъ, въ битвѣ, вспоминая о которой Наполеонъ часто говорилъ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду; а русскіе пріобрѣли право быть непобѣдимыми“.[25])

Понеся большія потери отъ перекрестнаго огня французскихъ батарей, л.-гв. Литовскій полкъ выдерживаетъ нѣсколько атакъ луч-

---

[24]) „Изображеніе дѣйствій 1 арміи“ Барклая-де-Толли.

[25]) Pélet „Bataille de la Moscowa“.

шей французской конницы. Въ промежуткахъ между налетами кавалеріи полкъ самъ нѣсколько разъ ходитъ въ атаку противъ французской пѣхоты, охраняя и оказывая могущественную поддержку батареѣ, находившейся подъ его прикрытіемъ. Сражаясь безъ всякой поддержки противъ многочисленнаго непріятеля на важномъ пунктѣ оконечности лѣваго крыла и потерявъ почти двѣ трети наличнаго числа людей, полкъ до конца сраженія сохраняетъ порядокъ и до вечера удерживаетъ командующую высоту у начала Семеновскаго оврага.

Цѣлый рядъ подвиговъ, совершенныхъ полкомъ въ этотъ достопамятный день, выдѣляетъ его изъ ряда другихъ и обращаетъ на него вниманіе всѣхъ.... И это въ такое время, когда вся русская армія, сознавая больше чѣмъ когда либо важность своего служенія Россіи, совершала непрерывный рядъ подвиговъ; когда нужно было, дѣйствительно, совершить что либо необыкновенное, чтобы выдѣлиться изъ ряда другихъ. 1812 годъ замѣчателенъ въ нашихъ лѣтописяхъ обиліемъ подвиговъ, которыхъ въ немъ можно насчитать болѣе, чѣмъ въ иномъ цѣломъ столѣтіи.

Факты говорятъ сами за себя. Но тѣмъ не менѣе умѣстно было бы привести здѣсь тѣ лестные отзывы, которые разныя начальствующія лица, бывшія свидѣтелями доблестнаго поведенія полка въ Бородинской битвѣ, даютъ о немъ въ своихъ реляціяхъ. Князь Кутузовъ, въ своемъ донесеніи на Высочайшее имя о Бородинской битвѣ, говоритъ:

„Полки л.-гв. Литовскій и Измайловскій, пришедшіе на лѣвый флангъ 3-й пѣхотной дивизіи, съ непоколебимою храбростью выдерживали найсильнѣйшій огонь непріятельскихъ орудій и, не взирая на понесенную потерю, пребывали въ наилучшемъ устройствѣ. Полки л.-гв. Литовскій и Измайловскій въ семъ сраженіи покрыли себя славою въ виду всей арміи“.

„Бывъ атакованы три раза непріятельскими кирасирами и конными гренадерами, стояли твердо и, отразивъ ихъ стремленіе, множество изъ нихъ истребили“.

„Я не могу съ довольною похвалою отозваться Вашей Свѣтлости, пишетъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ въ своемъ донесеніи князю Кутузову, о примѣрной неустрашимости, оказанной въ сей

день полками л.-гв. Литовскимъ и Измайловскимъ. Прибывъ на лѣвый флангъ, непоколебимо выдерживали они наисильнѣйшій огонь непріятельской артиллеріи, осыпавшей картечью ряды ихъ. Несмотря на потери, пребывали они въ наилучшемъ устройствѣ, и всѣ чины, отъ перваго до послѣдняго, одинъ передъ другимъ, являли рвеніе свое умереть, прежде чѣмъ уступить непріятелю".

„Три большихъ кавалерійскихъ атаки непріятельскихъ кирасировъ и конныхъ гренадеръ на оба полка ими отражены были съ невѣроятнымъ успѣхомъ; ибо несмотря, что кареи, устроенныя оными полками, были совсѣмъ окружены, непріятель съ крайнимъ урономъ былъ прогнанъ огнемъ и штыками".

„Полкъ Литовскій и 3-й батальонъ Измайловскаго полка въ особенности имѣли въ виду прикрывать бывшую правѣе батарею, что исполнили во все время, какъ нельзя лучше, уничтожая совершенно всѣ покушенія на оную. Однимъ словомъ, полки Измайловскій и Литовскій въ достопамятномъ сраженіи 26 августа, покрыли себя въ виду всей арміи неувядаемою славою. Сіе считаю за счастіе, что мнѣ предоставлено свидѣтельствовать о подвигахъ ихъ передъ Вашей Свѣтлостью".

„По отраженіи всѣхъ непріятельскихъ кавалерійскихъ атакъ, живѣйшая канонада открылась попрежнему, но, не смотря на всю жестокость непріятельскихъ картечныхъ выстрѣловъ, полки сохранили прежнее устройство".[26])

Не менѣе важно мнѣніе другаго героя Бородинской битвы Дмитрія Сергѣевича Дохтурова. Въ рапортѣ своемъ князю Кутузову онъ говоритъ:

„Полки л.-гв. Литовскій, Измайловскій и Финляндскій во все время сраженія оказали достойную русскихъ храбрость и были первыми, которые, необыкновеннымъ своимъ мужествомъ удерживая стремленіе непріятеля, поражали онаго повсюду штыками. Прочіе гвардейскіе полки, Преображенскій и Семеновскій, также способствовали къ отраженію непріятеля".[27])

Велики и надолго неизгладимы были потери, понесенныя л.-гв.

---

[26]) Военно-ученый архивъ Главнаго штаба.

[27]) Сентябрь 1812 года, за № 935.

Литовскимъ полкомъ въ Бородинской битвѣ. Изъ сорока шести штабъ и оберъ-офицеровъ въ строю осталось только девять.[28]) Изъ

---

[28]) Вѣроятно, изъ оставшихся въ строю офицеровъ также были раненые, потому что въ рапортѣ полковника Удома, поданномъ уже по возвращеніи его къ полку 26 сентября, о потеряхъ полка въ Бородинской битвѣ, показано убитыхъ: оберъ-офицеръ 1, раненыхъ: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 35. Если бы всѣ эти 40 человѣкъ оставили ряды, то на лицо было бы только 6 человѣкъ. Не имѣя точныхъ списковъ раненыхъ офицеровъ, приводимъ всѣ имѣющіеся у насъ документы и свѣдѣнія по этому вопросу.

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу

Л.-гв. Литовскаго полка полковника Удома

Рапортъ.

„Командуемаго мною л.-гв. Литовскаго полка во время бывшаго сраженія минувшаго августа 26 числа при селѣ Бородинѣ убитъ на мѣстѣ подпоручикъ Корабынъ, а на другой день подполковникъ Шварцъ отъ раны умеръ, и господинъ генералъ-маіоръ Невѣровскій минувшаго 24 сентября отношеніемъ увѣдомилъ меня, что родной братъ его, поручикъ Невѣровскій, отъ полученной во время того-же сраженія жестокой контузіи въ ногу 11 сентября умре. О чемъ Вашему Императорскому Высочеству донести *счастіе* имѣю". Полковникъ Удомъ. № 497 октября 1 1812 г. (Московскій отдѣлъ общаго архива Главнаго штаба).

Записки Цесаревича Константина Павловича на Высочайшее имя:

11 августа 1815 г., № 77. Его Императорское Высочество Цесаревичъ, по представленію командира л.-гв. Литовскаго полка генералъ-маіора Удома, всеподданнѣйше проситъ о Всемилостивѣйшемъ вспомоществованіи означеннаго полка полковникамъ Угрюмову, Тимофѣеву и Кишкину, которые при недостаточномъ состояніи претерпѣли значительные убытки на продолжительное излѣченіе полученныхъ въ минувшую войну въ сраженіяхъ ранъ...

11 августа 1815 г. № 78. Его Императорское Высочество Цесаревичъ представляетъ о производствѣ на вакансіи л.-гв. Литовскаго полка изъ поручиковъ въ штабсъ-капитаны Пущина, у котораго въ сраженіи при Бородинѣ оторвана ядромъ нога...

11 августа 1815 года. № 79. Его Императорское Высочество Цесаревичъ, по представленію командира л.-гв. Литовскаго полка генералъ-маіора Удома, всеподданнѣйше проситъ объ увольненіи означеннаго полка капитана Мичурина, страдающаго жестоко отъ полученныхъ въ Бородинскомъ сраженіи ранъ, въ отпускъ за границу къ теплымъ водамъ для излѣченія со Всемилостивѣйшимъ вспомоществованіемъ по недостаточному и разстроенному его состоянію двухъ тысячъ рублей, съ производствомъ во время отпуска получаемаго имъ жалованья. (Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго штаба).

Въ числѣ офицеровъ полка, раненыхъ въ Бородинской битвѣ, былъ также прапорщикъ Павелъ Пестель; за отличіе въ сраженіи онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: „за храбрость". Точныхъ списковъ раненыхъ и убитыхъ въ Бородинской битвѣ офицеровъ нигдѣ нѣтъ. Свѣдѣнія, собранныя въ Главномъ штабѣ для храма Христа Спасителя въ Москвѣ, гдѣ имена убитыхъ и раненыхъ въ 1812 г. вырѣзаны на стѣнныхъ доскахъ, не полны и отрывочны.

1739 нижнихъ чиновъ, бывшихъ на лицо до начала сраженія, убито 435, ранено 492 и безъ вѣсти пропало 113; всего же выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ 1040 человѣкъ, т. е. 60 процентовъ.[29])

Вечеромъ по окончаніи боя изъ остатковъ полка едва былъ собранъ одинъ батальонъ изъ шести взводовъ, по 15 рядовъ въ каждомъ. Но въ теченіе ночи составъ полка нѣсколько увеличился: многіе, уводившіе и уносившіе раненыхъ или отставшіе отъ полка по какимъ либо другимъ причинамъ, снова возвратились въ строй.[30]) Тѣмъ не менѣе, громадныя потери, понесенныя полкомъ въ Бородинской битвѣ, имѣли послѣдствіемъ временное переформированіе его въ двухбатальонный составъ, впредь до укомплектованія. Поэтому первыя двѣ роты (2-я гренадерская и 6-я фузелерная) 2-го батальона по строевому управленію вошли въ составъ 1-го, а послѣднія двѣ роты его (7 и 8 фузелерныя)—въ составъ 3-го батальона. Полкомъ командовалъ старшій изъ оставшихся въ строю офицеровъ, капитанъ Николевъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ командовали двумя ротами или батальономъ и двумя ротами.[31]) Капитанъ Николевъ, командуя полкомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ 3-го батальона и двухъ ротъ: 3-й гренадерской и 8-й фузелерной.

Подвиги доблестнаго полка въ Бородинской битвѣ не остались безъ награды. Императоръ Александръ I, всегда любившій вознаграждать заслуги, щедро наградилъ и л.-гв. Литовскій полкъ. За отличіе въ Бородинской битвѣ всѣ три батальона полка получили Геор-

---

[29]) Вѣдомость, представленная полковникомъ Удомомъ 26 сентября 1812 г.

[30]) Изъ разсказовъ покойнаго графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга I, участника славныхъ подвиговъ Литовскаго полка въ Бородинскомъ сраженіи.

[31]) Приводимъ скорбный списокъ командировъ ротъ и батальоновъ:

1-й гренадерской и 1-й фузелерной командовалъ штабсъ-капитанъ Шульгинъ
2-й фузелерной командовалъ подпоручикъ Щербачевъ
3-й „ „ прапорщикъ Рагозинъ.
1-мъ батальономъ, 2-й гренадерской и 6-й фузелерной ротами командовалъ капитанъ Березовскій.
3-мъ батальономъ, 3 гренад. и 6 фузел. команд. капитанъ Николевъ.
4-й фузелерной ротой командовалъ прапорщикъ Ивановъ
5-й „ „ „ прапорщикъ князь Шаховской
7-й „ „ „ подпоручикъ Энгельманъ
9-й „ „ „ подпоручикъ Мастафтинъ.
(изъ приказа по полку 4 сентября 1812 года)

гіевскія знамена.[32]) Командиръ полка, флигель-адъютантъ полковникъ Удомъ и подполковники Угрюмовъ и Тимофѣевъ получили слѣдующіе чины. Всѣ оставшіеся въ живыхъ офицеры были щедро награждены чинами, орденами или золотымъ оружіемъ.[33]) Кромѣ того, генералъ-фельдмаршалъ, считая заслуги и подвиги подполковниковъ Угрюмова и Тимофѣева особенно важными, кромѣ награжденія ихъ слѣдующими чинами, по собственной иниціативѣ ходатайствовалъ у Государя о пожалованіи ихъ кавалерами ордена Св. Побѣдоносца Георгія 4 класса, что и было Высочайше разрѣшено. Въ рапортѣ князя Кутузова объ этомъ на Высочайшее имя находится собственноручная приписка фельдмаршала: „Къ сему еще болѣе побуждаетъ меня подвигъ сихъ отличныхъ штабъ-офицеровъ; извѣстно, какія усилія непріятелей были на полкъ сей".[34])

Въ каждую роту главнокомандовавшій выдалъ по 12 знаковъ отличія военнаго ордена для награжденія достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, Высочайше пожаловано было всѣмъ нижнимъ чинамъ— участникамъ Бородинскаго сраженія— по 5 рублей ассигнаціями.

Впослѣдствіи Императоръ Николай Павловичъ, желая увѣковѣчить подвиги русскихъ войскъ въ знаменитѣйшихъ битвахъ, поручилъ извѣстному тогда баварскому живописцу Гессу написать картину битвы на поляхъ Бородина. На ней, между прочимъ, представлены Измайловскій и Литовскій полки въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда они торжествовали побѣду, вторично опрокинувъ и разсѣявъ непріятельскую конницу.

Картина была помѣщена въ одной изъ залъ зимняго дворца.[35])

* * *

Поздно вечеромъ командовавшій бригадой, л.-гв. Измайловскаго полка полковникъ Кутузовъ, единственный штабъ-офицеръ, остав-

---

[32]) „Приказъ нашимъ арміямъ", отданный 13 апрѣля 1813 г. въ Дрезденѣ.

[33]) Списокъ наградъ за Бородинское сраженіе, см. приложеніе № 4.

[34]) Рапортъ князя Кутузова на Высочайшее имя отъ 30 января, 1813 года (общій архивъ Главнаго штаба).

[35]) Историческое обозрѣніе л.-гв. Измайловскаго полка.

шійся въ строю, получилъ приказаніе отвести л.-гв. Измайловскій и Литовскій полки въ главный резервъ къ селу Князькову. Вскорѣ туда пріѣхалъ одинъ изъ адъютантовъ князя Кутузова, поблагодарилъ полкъ отъ его имени и предупредилъ, что на утро снова назначается сраженіе.

Дѣйствительно, сначала фельдмаршалъ предполагалъ было возобновить бой на слѣдующій день; но узнавъ о состояніи войскъ лѣваго фланга, т. е. второй арміи, въ которой изъ тридцати четырехъ тысячъ выбыло изъ строя около двадцати, онъ отдалъ въ полночь приказаніе отступать на Можайскъ. Это отступленіе начато было до разсвѣта двумя колоннами: правая, состоявшая изъ войскъ праваго крыла и центра, отступила по дорогѣ, ведущей изъ Бородина къ Можайску, а лѣвая—изъ войскъ генерала Дохтурова— по старой Смоленской дорогѣ. Для прикрытія отступленія былъ составленъ арьергардъ подъ начальствомъ Платова изъ большей части казачьихъ полковъ, четырехъ егерскихъ и одного кираспрскаго съ 12 конными орудіями.

Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ съ Бородинской позиціи, на которой такъ много было пролито крови, въ 5 часовъ по-полуночи 27-го августа и слѣдовалъ въ составѣ правой колонны, черезъ дер. Какурину.[36])

Утро 27 августа было пасмурно; солнце какъ будто отказывалось освѣтить поразительную картину ужаснаго побоища.... Тучи сѣрыми клочьями носились по небосклону; загудѣлъ сильный вѣтеръ и полился дождь. Днемъ во время этого перехода фельдмаршалъ обогналъ полкъ и лично благодарилъ солдатъ и офицеровъ. Послѣднія слова его были: „Спасибо, храбрые литовцы; я васъ поберегу!“ И дѣйствительно, фельдмаршалъ сдержалъ свое обѣщаніе: въ послѣ-

---

[36]) „Полки Финляндскій, Литовскій и Измайловскій съ ихъ артиллеріею, назначенные прежде по диспозиціи въ лѣвой колоннѣ, должны теперь итти въ правой, т. е. по большой почтовой дорогѣ“. Полковникъ Толь. (Приложеніе къ запискамъ А. П. Ермолова). Въ исторіи л.-гв. Финляндскаго полка ошибочно сказано, что эти три полка двигались въ лѣвой колоннѣ Дохтурова. По диспозиціи такъ предполагалось, но потомъ было измѣнено.

дующихъ битвахъ полкъ почти не принималъ участія, оставаясь всегда въ резервѣ... Но оберегая полкъ отъ вражескихъ пуль и ядеръ, Кутузовъ не могъ уберечь его отъ тѣхъ лишеній, которыя страшнѣе непріятельскихъ штыковъ. Полную ихъ чашу пришлось испить полку при изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи.

ГЛАВА IV.

Отступленіе къ Москвѣ и оставленіе столицы.—Видъ Москвы 2-го сентября.—Биванъ у с. Панковъ.—Пожаръ Москвы.—Настроеніе арміи.—Переходъ съ Рязанской на Калужскую дорогу.— Бивакъ на берегахъ рѣки Пахры.— Перемѣна въ настроеніи войскъ: подъемъ духа.—Тарутинская позиція и мѣры, принятыя фельдмаршаломъ для снабженія арміи всѣмъ необходимымъ.—Возвращеніе генерала Удома.—Оставленіе Тарутинскаго лагеря и движеніе къ Малоярославцу.—Сраженіе у Малоярославца.

Пройдя Можайскъ, русскія арміи 28-го августа отступили къ Землину; а 29-го, сдѣлавъ переходъ въ 18 верстъ, отошли за рѣку Нару къ с. Крутицамъ, оставивъ арьергардъ подъ начальствомъ Милорадовича въ 4-хъ верстахъ впереди у с. Крымскаго. Настойчивыя атаки Мюрата въ арьергардномъ дѣлѣ при с. Крымскомъ заставили Кутузова 30 августа отвести главныя силы (въ составъ которыхъ входилъ л.-гв. Литовскій полкъ) на 25 верстъ назадъ, къ Большой Вязьмѣ (с. Никольскому), а на слѣдующій день—къ д. Мамоновой. 1-го сентября къ вечеру русская армія подошла къ Москвѣ и расположилась на бивакахъ, не доходя столицы, въ двухъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы. На военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ этотъ день въ 5 часовъ пополудни въ д. Филяхъ, рѣшено было, по неудобству позиціи передъ Москвою, очистить столицу безъ боя...

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября двинулись съ мѣста обозы арміи. За ними въ 3 часа утра, еще до разсвѣта, начали вступать въ Москву черезъ Драгомиловскую заставу войска: сперва кавалерія, потомъ ополченіе, за ними пѣхота съ артиллеріей и, наконецъ, казаки. Вся армія двигалась въ одной колоннѣ, тянувшейся черезъ городъ. Легко вообразить, какъ замедлялось на каждомъ шагу движеніе войскъ, переходившихъ черезъ рѣку Москву по единственному деревянному мосту, который къ тому же подломился и не могъ быть скоро исправленъ.[1])

---

[1]) Богдановичъ, II, 347.

Барклай-де-Толли въ своихъ запискахъ говоритъ, что „отступленіе наше не отличалось устройствомъ“. Движеніе войскъ, смѣшанныхъ съ народомъ, черезъ городъ къ Коломенской заставѣ уподоблялось огромной волнѣ. Полки слѣдовали въ большомъ безпорядкѣ. Обозы съ товарами, помѣщичьи экипажи и телѣги сталкивались и загораждали имъ дорогу.[2])

Войска сначала полагали, что ихъ поведутъ черезъ Москву, окольною дорогою, противъ непріятеля.

„Идемъ въ обходъ“, разсуждали солдаты между собою. Но видъ Москвы, оставляемой большею частію послѣднихъ ея жителей, не позволялъ сомнѣваться въ горестной истинѣ... Нѣкоторые купцы растворили свои лавки и зазывали солдатъ на даровое угощеніе. У кабаковъ бушевали толпы народа и отсталые солдаты. Оставшіеся жители Москвы робко спрашивали: „Куда вы идете?“—„Въ обходъ, коротко отвѣчали имъ одни.“— Не наше дѣло: про то вѣдаютъ командиры, неохотно отвѣчали другіе. Дворники, оставшіеся караулить господскіе дома, стояли у воротъ въ раздумьи, а нѣкоторые, подпивши, принимали грозныя мѣры къ оборонѣ своихъ жилищъ. Священники въ полномъ облаченіи стояли на папертяхъ церквей и благословляли проходившія мимо войска.

Бѣдные Москвичи толкались взадъ и впередъ въ недоумѣніи и испугѣ. „Войско насъ покидаетъ, говорили они; пойдемъ и мы съ ними!“ Многіе примкнули къ рядамъ арміи, увеличивая всеобщій безпорядокъ. Тутъ шли и старики преклонныхъ лѣтъ, едва передвигая ноги, и матери съ младенцами на рукахъ; нѣкоторыя, потерявъ въ толпѣ своихъ дѣтей, съ плачемъ отыскивали ихъ; больныхъ тащили на плечахъ. Нѣкоторые ѣхали верхомъ съ узлами по сторонамъ сѣдла; иные тащились съ котелками за плечами; иные ѣхали на лихихъ четверкахъ или двигались въ объемистыхъ повозкахъ, загроможденныхъ перинами, подушками, баулами, сундуками, чемоданами, картинами, статуями, клѣтками съ попугаями, обезьянами на цѣпочкахъ, фаворитными собачками и курятниками. Многія женщины были разряжены, одѣты въ нѣсколько платьевъ, чтобы лучше

---

[2]) Записки генерала Ковальскаго.

сохранить на себѣ. Тутъ-же гнали коровъ, овецъ, козъ; бѣжали охотничьи собаки. Все это напоминало какое то патріархальное переселеніе народовъ, и недоставало только верблюдовъ и дромадеровъ.[3])

Грустно было оставлять Москву; безоблачный тихій день придавалъ ей особенную прелесть; солнце привѣтливо играло на позлащенныхъ крестахъ и куполахъ московскихъ храмовъ. Природа не принимала участія въ распрѣ людей, и ея настроеніе не гармонировало съ настроеніемъ нашей арміи. Одинъ изъ очевидцевъ говоритъ, что солдаты и офицеры плакали, проходя по улицамъ Москвы. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятеля, и сдѣлай это Барклай, въ войскахъ непремѣнно произошло бы возмущеніе...[4]) Проходя черезъ Кремль, нѣкоторые начальники командовали: „стой! кивера долой! молитесь“.

Пройдя Москву, л.-гв. Литовскій полкъ расположился на привалѣ за Коломенской заставой, близъ большой Рязанской дороги. Ежеминутно можно было ожидать боя, для спасенія арьергарда, на который сильно насѣдали французы. Но узнавъ объ условіи, заключенномъ Милорадовичемъ съ королемъ Неаполитанскимъ, которымъ обезпечивалось свободное отступленіе нашаго арьергарда, князь Кутузовъ тотчасъ-же приказалъ главнымъ силамъ продолжать маршъ къ селенію Панкамъ, въ 17 верстахъ отъ Москвы по Рязанской дорогѣ, и самъ отправился туда вмѣстѣ съ войсками, успѣвшими пройти Коломенскую заставу.[5])

Вечерѣло уже, когда Литовскій полкъ подходилъ къ сел. Панкамъ. Расположились бивакомъ. Ночь стала заволакивать своимъ широкимъ пологомъ всѣ окрестности... Вдругъ, подъ Моской, будто, блеснула заря, и разсвѣтъ ея сталъ распространяться все болѣе и болѣе, все свѣтѣе и свѣтлѣе; весь городъ стоялъ какъ бы подъ огненнымъ сводомъ, но вскорѣ черные клубы дыма омрачили его. Вдругъ, вспыхнуло алое пламя, и ярко очертилась на горизонтѣ стройная колокольня Ивана Великаго и темный шатеръ Сухаревой башни.

---

[3]) „Русь и русскіе въ 1812 году“ Любецкаго.

[4]) Записки генерала Ковальскаго.

[5]) Богдановичъ, II, 275.

Вскорѣ пламя разрослось въ цѣлое огненное море, и посыпался изъ него огненный дождь искръ... Москва потонула въ нихъ... Всѣ содрогнулись отъ ужаса. Суевѣрные видѣли въ этомъ торжество антихриста.

„Господи! что это такое? Заступница милосердная, святые угодники! мать-то наша горитъ; горитъ, родная, какъ свѣча передъ Богомъ!“ съ отчаяніемъ восклицали солдаты, глядя на пылавшую Москву.[6])

Это ужасное зрѣлище увеличивало грусть солдатъ и офицеровъ; оно казалось имъ укоромъ. Уныніе замѣтно овладѣло всѣми. На бивакѣ царствовала тишина. Не слышно было пѣсенъ, этихъ постоянныхъ спутницъ русскаго солдата; даже разговаривали неохотно, какъ бы совѣстясь другъ-друга, какъ бы боясь упрека товарища... Но за что?... Вамъ-ли, герои Бородина, упрекать себя?... Вы честно сдѣлали свое дѣло, и никто не поставитъ вамъ въ вину, если вы не сдѣлали того, что было выше силъ человѣческихъ!...

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались!...

Такъ выразилось въ одной изъ солдатскихъ пѣсенъ тогдашнее настроеніе русской арміи.

3-го сентября л.-гв. Литовскій полкъ оставался на дневкѣ у с. Панки.[7]) Эта дневка вблизи непріятельской арміи была вызвана необходимостью обезпечить уходъ множества московскихъ и подмосковныхъ жителей, спасавшихся по всѣмъ путямъ, ведущимъ изъ столицы. Вечеромъ 3-го сентября арьергардъ Милорадовича былъ смѣненъ 7-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, подъ

---

[6]) „Русь и русскіе въ 1812 году“ соч. Любецкаго.

[7]) Арьергардъ Милорадовича въ это время находился въ 6 верстахъ отъ Москвы, у дер. Вязовки.

общимъ начальствомъ генерала Раевскаго. 4-го вечеромъ Раевскій отошелъ къ Островцамъ, между тѣмъ какъ армія, переправясь черезъ рѣку Москву, расположилась у селеній Боровскаго-Моста и Кулакова.[8])

Здѣсь рѣшено было совершить знаменитое фланговое движеніе съ Рязанской на Калужскую дорогу, столь богатое историческими послѣдствіями. Литовскій полкъ двигался форсированнымъ маршемъ, въ составѣ главныхъ силъ арміи, по дорогѣ изъ Москвы въ Каширу черезъ Подольскъ. По ночамъ огромное зарево московскаго пожара попрежнему освѣщало своимъ зловѣщимъ отблескомъ наши биваки. Осеннее время, обнаженная и влажная земля давали себя чувствовать: солдаты и офицеры зябли отъ холода и сырости.

Не понимая фланговаго марша и не встрѣчая передъ собой непріятеля, всѣ почти начали думать, что идутъ переговоры о мирѣ. Носившіеся слухи объ уступкѣ непріятелю части нашей территоріи, дымящаяся Москва, все еще находившаяся передъ глазами, возбудили въ рядахъ арміи патріотическій ропотъ, который обратилъ на себя вниманіе главнаго начальства. Главнокомандовавшій 1-й арміей Барклай-де-Толли ѣздилъ по линіямъ войскъ и, останавливаясь передъ бивакомъ каждаго полка, говорилъ краткую, но сильную и ободрительную рѣчь. Въ скромномъ мундирѣ, безъ всякихъ знаковъ отличій, онъ останавливался близко къ солдатамъ, говорилъ имъ о жертвахъ Петра Великаго, погубившаго непріятеля подъ Полтавой, и, ободряя ихъ, предсказывалъ войскамъ Наполеона еще худшую участь.[9])

Несмотря на унынie, царствовавшее въ нашей арміи, всѣ единодушно желали продолженія войны и пуще врага боялись... мира. Полковникъ Мишо, посланный къ Государю съ тяжелымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы, ярко охарактеризовалъ тогда расположеніе умовъ въ русской арміи. Онъ прибылъ въ Петербургъ 9-го сентября и просилъ у Государя разрѣшенія говорить откровенно, какъ солдатъ. На желаніе Государя знать, не подѣйствовало ли оставленіе Москвы на духъ войскъ, Мишо отвѣтилъ:

---

[8]) Диспозиція на 4-е сентября (прилож. къ запискамъ А. П. Ермолова, томъ I, стр. 225)

[9]) Походныя записки И. Р. 1835 г.

„Государь, признаюсь, я оставилъ армію, отъ Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ!...

— „Что вы говорите! воскликнулъ Государь“. Неужели мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?

„Нѣтъ, Государь, они только боятся, чтобы Вы, по добротѣ Вашего сердца не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ свою преданность“.

Государь, потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— „Вы облегчили мое сердце; вы меня успокоили“.[10])

8-го сентября, продолжая фланговое движеніе, полкъ перешелъ по лѣвому берегу р. Пахры къ с. Горкамъ на старой Калужской дорогѣ. Тутъ всѣ поняли, что идутъ въ тылъ непріятелю; сожалѣли, что переходы были не большіе. 9-го сентября полкъ переправился на правый берегъ Пахры, гдѣ расположился бивакомъ у с. Красной Пахры.

Съ занятіемъ на р. Пахрѣ позиціи, выбранной Бенигсеномъ 9-го сентября, духъ русскихъ войскъ совершенно измѣнился. Вотъ что пишетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ англійскій генералъ сэръ Робертъ Вильсонъ, находившійся въ то время при нашей арміи въ званіи англійскаго коммиссара:

„Благопріятствуемая счастіемъ, при ослабѣвшей энергіи и бдительности непріятеля, русская армія находилась въ безопасности, развернувъ свои угрожающія знамена въ 40 верстахъ отъ Москвы и имѣя свой авангардъ въ 20 верстахъ отъ нея. Опираясь на Оку, она имѣла прямое сообщеніе съ Калугой и со своими складами и запасами въ губерніяхъ, еще не тронутыхъ непріятелемъ“.

„Послѣдній солдатъ въ арміи сознавалъ цѣну и, можно сказать, достоинство этой позиціи. Не было уже отчаянія, не было унынія; прекратился уже ропотъ осужденія; часъ мнимаго стыда миновалъ; возвратилась увѣренность. Солдаты вновь ободрились, предвидя борьбу съ непріятелемъ: въ самой ихъ поступи, въ самомъ обращеніи съ оружіемъ видна была готовность прорвать вражескіе ряды и отбить свои пылающія жилища“.[11])

---

[10]) „Описаніе войны 1812 года.“ Михайловскій-Данилевскій.
[11]) Записки сэра Роберта Вильсона.

Въ то-же время духъ Наполеоновой арміи все болѣе и болѣе падалъ. Вскорѣ появились и осязательныя доказательства этого: ежедневно стали приводить по 200—300 плѣнныхъ французовъ, пойманныхъ нашей кавалеріей. Ихъ содержали за лагеремъ, и они возбуждали любопытство нашихъ солдатъ своими причудливыми, разнохарактерными костюмами. Тамъ были голубые гусары, малиновые уланы, длинные кирасиры въ рыцарскихъ шишакахъ, тощіе итальянскіе стрѣлки и даже гренадеры старой Наполеоновой гвардіи, воинственнаго вида.

15-го сентября князь Кутузовъ, боясь обхода праваго фланга, несмотря на удобства позиціи у Пахры, отступилъ къ сел. Бабенкову на р. Мочи, гдѣ сосредоточены были 5-й (гвардейскій) 2, 3 и 6 пѣхотные корпуса и обѣ кирасирскія дивизіи.[12])

Убѣдясь въ необходимости измѣнить порядокъ управленія войсками, князь Кутузовъ, въ приказѣ по арміи отъ 16 сентября, объявилъ о присоединеніи 2-й арміи къ 1-й западной. Начальство надъ 2, 4, 6, 7 и 8 пѣхотными корпусами и кавалерійскими Меллера-Закомельскаго, Корфа и Васильчикова было ввѣрено Барклаю-де-Толли, а надъ резервомъ, составленнымъ изъ 5-го (гвардейскаго) и 3-го пѣхотнаго корпусовъ и обѣихъ кирасирскихъ дивизій—генералу Милорадовичу. 20-го сентября гвардейскій корпусъ вступилъ въ лагерь при селѣ Тарутинѣ, за р. Нарою,[13]) гдѣ русская армія простояла почти три недѣли. На другой день во всѣхъ частяхъ войскъ были отслужены молебны. 23-го сентября въ лагерь прибылъ отъ Наполеона адъютантъ его, графъ Лористонъ. Для принятія этого посланника фельдмаршалъ позволилъ заключить перемиріе

---

[12]) Богдановичъ, II, 251.

[13]) На Тарутинской позиціи войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 2-й и 6-й пѣхотные корпуса стояли развернутымъ фронтомъ въ двѣ линіи на гребнѣ высотъ праваго берега рѣки Нары, въ разстояніи отъ нея около 800 шаговъ. Въ 1000 шагахъ за ними были построены въ колоннахъ къ атакѣ, также въ двѣ линіи, 4-й, 5 (гвардейскій), 3-й и 7-й пѣхотные корпуса. Правѣе и нѣсколько позади 4-го корпуса стоялъ 1-й кавалерійскій корпусъ; въ резервѣ за центромъ—8-й пѣхотный корпусъ въ батальонныхъ колоннахъ. 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса, подъ начальствомъ Милорадовича, составляли авангардъ въ 4-хъ верстахъ впереди. (Диспозиція на 21 сентября. Приложенія къ запискамъ А. П. Ермолова, т. I, стр. 234).

между авангардами на нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, приказано было перемѣстить войска, чтобы скрыть отъ непріятеля настоящее ихъ положеніе и, размѣстивъ ихъ шире, дать имъ болѣе многочисленный видъ. Приказано было во всѣхъ полкахъ развести къ вечеру веселые огни, варить кашицу съ мясомъ, пѣть пѣсни и играть музыкѣ. Такимъ образомъ, по всему лагерю зажглась иллюминація и открылось широкое веселье. Радость была неподдѣльная, гордая: по всему лагерю пролетѣла вѣсть, что непріятель проситъ мира. Словомъ, неудачная попытка Наполеона къ миру поселила въ нашихъ войскахъ увѣренность, что непріятель скоро будетъ изгнанъ изъ Россіи и что фельдмаршалъ перехитритъ Наполеона.[14])

По занятіи Тарутинской позиціи заботливость фельдмаршала, главнымъ образомъ, была обращена на укомплектованіе, обученіе и снабженіе всѣмъ нужнымъ ввѣренной ему арміи. Въ продолженіе трехнедѣльной стоянки у Тарутина общее усердіе содѣйствовало обращенію неопытныхъ рекрутъ въ довольно молодцоватыхъ солдатъ, обученныхъ стрѣльбѣ въ цѣль и необходимѣйшимъ построеніямъ.

Безпорядки, вкравшіяся въ войска во время длиннаго и тяжелаго отступленія, были прекращены строгою дисциплиною. Во всѣхъ ротахъ былъ прочтенъ приказъ по арміи Императора Александра I, въ которомъ выражалось прискорбіе по поводу появленія въ войскахъ мародерства и строжайше предписывалось начальникамъ заботиться объ искорененіи зла.[15])

Фельдмаршалъ, предвидя зимнюю кампанію, приказалъ написать всѣмъ начальникамъ ближайшихъ губерній о заготовленіи полушубковъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, полки были укомплектованы рекрутами, снабжены полушубками, сапогами и сухарями; офицерамъ было выдано третное жалованье, а люди получили по 5 рублей, пожалованныхъ за Бородинское сраженіе. Изъ южной Россіи везли къ Тарутинскому лагерю всякіе припасы. Хозяева, отправляя припасы для продажи въ лагерь, приказывали своимъ прикащикамъ не брать лишняго. Огромныя пожер-

---

[14]) Походныя записки И. Р. 1835 г.

[15]) „Приказъ всѣмъ нашимъ войскамъ“ 29 сентября 1812 г.

твованія, доставленныя жителями подмосковныхъ и южныхъ губерній, давали возможность почти ежедневно отпускать войскамъ мясную и винную порціи.[16])

Впрочемъ, Вильсонъ говоритъ, что изъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ подъ Тарутинымъ у русскихъ только и были въ изобиліи: мясо, мука, да ржаные сухари. Масла нельзя было найти вовсе; за бѣлый хлѣбъ платили 3 рубля, за фунтъ сахару 5 руб.[17])

Спокойствіе и изобиліе во всемъ необходимомъ возвысили духъ войскъ и разсѣяли уныніе, бывшее слѣдствіемъ оставленія Москвы. По вечерамъ, передъ зарей во всѣхъ полкахъ играла музыка, и снова раздались звуки удалыхъ русскихъ пѣсенъ. Въ лагерь приходило множество крестьянъ, желавшихъ повидаться съ оставшимися въ живыхъ родственниками и земляками или отслужить молебенъ передъ иконою Смоленской Богоматери, находившеюся при гвардейскомъ корпусѣ. На бивакахъ открылись лавочки, завелась торговля. Казалось, Тарутинскій лагерь обратился въ сердце Россіи. Каждый русскій, если не самъ собою, то своими помышленіями стремился къ Тарутину, съ готовностью жертвовать всѣмъ. Тамъ была сила Россіи—ея армія.

Солдаты имѣли на Тарутинской позиціи крѣпкіе шалаши, которые обновлялись изъ ближайшихъ лѣсовъ, окружавшихъ лагерь. Въ октябрѣ стали показываться по утрамъ морозы, и пасмурные дни давали чувствовать холодную осень и приближеніе зимы, вслѣдствіе чего офицеры строили для себя землянки и надѣвали тулупы. На бивакахъ не потухали костры, вокругъ которыхъ грѣлись солдаты, толкуя о незавидной участи французовъ въ нашемъ климатѣ.

Во время стоянки на Тарутинской позиціи л.-гв. Литовскій полкъ былъ обрадованъ возвращеніемъ своего любимаго всѣми командира, генералъ-маіора Удома, который, едва оправясь отъ раны, полученной имъ въ Бородинской битвѣ, поспѣшилъ вернуться къ

---

[16]) Богдановичъ, II, 376.

[17]) Записки сэра Роберта Вильсона.

полку, съ которымъ потомъ совершилъ всѣ послѣдующія кампаніи 12-го, 13-го и 14-го г.г. до самаго возвращенія полка въ Петербургъ.[18])

Всѣ уже начинали скучать бездѣйствіемъ, когда 5-го октября русская армія совершила нападеніе, по совѣту Бенигсена, на авангардъ Мюрата, расположившійся за рѣкой Чернишной. Сраженіе 6-го сентября при селѣ Тарутинѣ могло бы окончиться совершеннымъ уничтоженіемъ всего двадцатитысячнаго авангарда Мюрата, но нерѣшительность Кутузова дала возможность Мюрату отступить съ небольшими сравнительно потерями.

Л.-гв. Литовскій полкъ не принималъ участія въ этомъ сраженіи, хотя былъ выведенъ изъ лагеря и, перейдя рѣку Нару, находился въ полной готовности вступить въ бой.

Тарутинское сраженіе не удовлетворило, конечно, ожиданій князя Кутузова; но онъ, не желая ослабить нравственнаго вліянія этого успѣха, одержаннаго русской арміей, торжествовалъ его, какъ рѣшительную побѣду. 7-го сентября приказано было отслужить во всѣхъ частяхъ благодарственный молебенъ, при совершеніи котораго въ гвардейскомъ корпусѣ присутствовалъ самъ фельдмаршалъ и весь генералитетъ.

8-го сентября, по случаю прибытія въ главную квартиру генерала Тормасова, ему было ввѣрено начальство надъ 3, 6, 7, 8 и 5 (гвардейскимъ) пѣхотными корпусами и обѣими кирасирскими дивизіями.[19])

Извѣстіе о Тарутинскомъ пораженіи заставило Наполеона спѣшить оставленіемъ Москвы. Лишь только курьеры извѣстили князя Кутузова о выходѣ французовъ изъ столицы и о движеніи ихъ по Ново-Калужской дорогѣ къ Малоярославцу, съ цѣлью пробраться въ наши хлѣбородныя, нетронутыя еще войной, губерніи,—фельдмаршалъ явился посреди лагеря съ одушевленнымъ лицомъ и громко, торжественно поздравилъ съ давно ожидаемой наступающей битвой... Встрепенулся весь лагерь; всѣ ожили, начали поздравлять

---

[18]) Изъ разсказовъ графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга.

[19]) Богдановичъ, II, 489.

другъ-друга... Надо было спѣшить предупредить и отбросить непріятеля отъ юга Россіи. Ударили сборъ, быстро снялся лагерь, и Тарутинская позиція опустѣла.[20])

Вечеромъ 11 сентября л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Тарутинскаго лагеря и двинулся, по прежнему въ составѣ главныхъ силъ арміи, къ селу Спасскому черезъ Баевъ-Колодезь и Угодскій желѣзный заводъ. Обозъ полка былъ отправленъ по Старо-Калужской дорогѣ къ селу Овчинину и присоединился къ полку только 15 октября.

12-го октября, какъ извѣстно, произошло сраженіе при Малоярославцѣ. Въ этомъ сраженіи, преградившемъ Наполеону путь къ Калугѣ, участвовали съ нашей стороны только три корпуса (6, 7 и 8 пѣхотные) и 3-я гренадерская дивизія. День уже склонялся къ вечеру и бой утихалъ, когда л.-гв. Литовскій полкъ прибылъ къ Малоярославцу отъ Тарутина и былъ расположенъ близь Калужской дороги подъ пушечными выстрѣлами. Потерь однако не было.[21]) Только двое изъ офицеровъ полка: поручикъ Олсуфьевъ и прапорщикъ Граббе 2-й принимали дѣйствительное участіе въ сраженіи, состоя ординарцами при дежурномъ генералѣ дѣйствующей арміи. За отличіе въ бою Олсуфьевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса, а Граббе—Владиміра 4-го класса.[22]) Кромѣ того, въ дѣлахъ военно-ученаго архива Главнаго штаба имѣется свѣдѣніе, что л.-гв. Литовскаго полка полковникъ Поповъ, (?) за отличіе въ сраженіяхъ подъ Малоярославцемъ и Вязьмою, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Вѣроятно, полковникъ Поповъ носилъ только форму нашего полка и состоялъ гдѣ нибудь при штабѣ, потому что въ полковыхъ спискахъ его фамилія ни разу не встрѣчается. Неизвѣстно также за какой подвигъ получилъ онъ эту награду.

Весь слѣдующій день войска обѣихъ сторонъ готовились къ сраженію...

---

[20]) На поляхъ Тарутина теперь возвышается памятникъ, воздвигнутый тарутинскими крестьянами, съ надписью: „На семъ мѣстѣ Россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу.“

[21]) Изъ разсказовъ Владиміра Ѳедоровича Адлерберга.

[22]) Хроника л.-гв. Литовскаго полка, Траскина. 1834 г.

14 октября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ началъ отступленіе черезъ Боровскъ къ Можайску, русская армія также была отведена назадъ по Ново-Калужской дорогѣ къ Гончарову, оставя подъ Малоярославцемъ арьергардъ Милорадовича, составленный изъ двухъ пѣхотныхъ (2 и 4) и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ (2 и 4). Такимъ образомъ, произошло рѣдкое въ военной исторіи событіе: обѣ враждующія арміи, въ одно и то-же время, отступали въ противоположныя стороны...

ГЛАВА V.

(1812).

Фланговое преслѣдованіе.— Французы въ Смоленскѣ.— Приказъ Кутузова отъ 29 октября.— Бивакъ и дневка л.-гв. Литовскаго полка у с. Краснаго.— Движеніе къ Копысу и его трудности.— Трехнедѣльный походъ отъ Копыса къ Вильнѣ.—Картина бѣдствій французской арміи.— Прибытіе полка въ Вильну.— Потери полка.—Прибытіе къ арміи Государя и назначеніе Великаго Князя Константина Павловича шефомъ л.-гв. Литовскаго полка.— Укомплектованіе полка и переформированіе въ трехбатальонный составъ.

Получивъ извѣстіе о движеніи французовъ отъ Боровска къ Медыни, фельдмаршалъ въ ночь съ 15-го на 16-е октября выступилъ съ главными силами на Медынскую дорогу, черезъ Полотняные Заводы къ с. Адамовскому. Армія двигалась двумя колоннами, при чемъ лѣвая, состоявшая изъ гвардейскаго и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ и обѣихъ кирасирскихъ дивизій, шла изъ Гончарова по большой дорогѣ черезъ Детчино прямо къ Полотнянымъ Заводамъ, гдѣ и оставалась весь слѣдующій день. Въ это время французская армія, вмѣсто движенія къ Медыни, вышла на большую Смоленскую дорогу.

Между тѣмъ, по ночамъ на бивакахъ люди уже страдали отъ холода. Въ ночь съ 15-го на 16-е октября было уже около 4-хъ градусовъ мороза, при ясномъ небѣ. 18-го октября главныя силы, двигаясь по Медынской дорогѣ, достигли с. Кременскаго. Получивъ тутъ извѣстіе объ отступленіи французовъ по разоренной Смоленской дорогѣ, главнокомандовавшій предпринялъ фланговое преслѣдованіе, нанесшее огромный вредъ непріятельской арміи. 18-е октября можно считать днемъ, когда обѣ вражебныя арміи окончательно помѣнялись ролями: французская стала отступать, русская перешла въ наступленіе.

Съ этою цѣлью 19-го октября русская армія выступила изъ Кременскаго на Спасъ-Кузовы и на слѣдующій день прибыла въ Си-

ленки. Авангардъ Милорадовича двинулся лѣвѣе большой Смоленской дороги, на село Никольское.

22-го—во время сраженія войскъ Милорадовича и Платова у Вязьмы, Кутузовъ съ главными силами перешелъ къ селу Быкову, находившемуся въ 10-ти верстахъ отъ Вязьмы. Извѣстно, что уронъ французовъ въ сраженіи подъ Вязьмой простирался до 7 тысячъ (съ нашей стороны потери не превышали 1800 человѣкъ); разстройство и упадокъ духа во французской арміи, бывшіе слѣдствіемъ этого пораженія, имѣли для нея самыя гибельныя послѣдствія. Если бы Кутузовъ ввелъ въ сраженіи подъ Вязьмой свои главныя силы, то можно предполагать, что онъ одержалъ бы рѣшительную побѣду. Но у него былъ другой планъ дѣйствій: „Двигаясь съ арміей въ собственной странѣ, оцѣпивъ Наполеонову армію летучими отрядами, Кутузовъ надѣялся сохранить свои войска и подвергнуть утомленную и ослабленную армію Наполеона ударамъ Витгенштейна и Чичагова“.[1])

„За десятерыхъ французовъ не отдамъ я одного русскаго! Непріятели всѣ скоро пропадутъ; а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ прійдемъ на границу?“ говорилъ фельдмаршалъ.[2])

Но несмотря на то, что наша армія была лучше снабжаема продовольствіемъ, лучше одѣта и обута, нежели непріятельская, она понесла однакоже такой уронъ въ людяхъ, какой не могла бы понести въ самомъ кровопролитномъ генеральномъ сраженіи. Причиной было суровое время года и утомительность быстраго преслѣдованія.

23-го октября выпалъ снѣгъ, продолжавшійся и въ слѣдующіе дни; морозъ увеличился до 12°; дороги покрылись гололедицей. Рускіе биваки постоянно были окружены толпами безоружныхъ французовъ, которыхъ наши солдаты нерѣдко угощали сухарями и кашицей. О захватѣ въ плѣнъ этихъ несчастныхъ мало заботились, не обращая на нихъ вниманія и оставляя ихъ бродить свободно по снѣжнымъ пустынямъ.

28-го октября солдаты переднихъ эшелоновъ французской ар-

---

[1]) Богдановичъ, томъ III.

[2]) Записки сэра Роберта Вильсона.

міи опять увидѣли Смоленскъ. Но какая поразительная разница!... Три мѣсяца тому назадъ они были полны надеждъ и побѣдоносно вступили въ объятый пламенемъ городъ, подъ знаменами вождя, въ счастливую звѣзду котораго они твердо вѣрили; три мѣсяца тому назадъ, переходя черезъ Днѣпръ у Смоленска и дивясь не широкой тамъ рѣкѣ, они заносчиво говорили:

„Cela ne vaut pas la peine de l'avoir passé! Il est comme la Russie: vue de loin c'est quelque chose; ce n'est rien, touché de près“. (Не стоило труда переходить! Онъ то-же, что и Россія: издали кажется чѣмъ—то, а вблизи ничего.[3]) Теперь же тѣ немногіе, которымъ удалось вторично увидѣть Днѣпръ, горькимъ опытомъ убѣдились, въ ошибочности своего мнѣнія.

Четырехдневное промедленіе Наполеона въ Смоленскѣ дало возможность нашимъ главнымъ силамъ, двигаясь съ дневками, снова стать на одну высоту съ непріятелемъ, опередивъ головную его колонну легкими отрядами.

Двигаясь параллельно большой Смоленской дорогѣ, л.-гв. Литовскій полкъ, пройдя Бѣлый-Холмъ и Ельню, 29-го октября прибылъ къ Болтутину. Въ этотъ день, извѣщая войска въ приказѣ по арміи о побѣдахъ Платова надъ корпусомъ вице-короля при переправѣ черезъ рѣку Вопь, князь Кутузовъ писалъ:

„Послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля Русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. Итакъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаетъ зима, вьюги и морозы; вамъ-ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погоды, ни злобы враговъ; она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушится. Вы съумѣете перенести кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ; старые служивые даютъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова: онъ научилъ сносить и голодъ, и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ Русскаго

---

[3]) Записки генерала Бранта.

народа. Идемъ впередъ! съ нами Богъ, предъ нами разбитый непріятель; да будетъ за нами тишина и спокойствіе".

Но и наши войска, „дѣти сѣвера", какъ назвалъ ихъ Кутузовъ, страшно терпѣли отъ стужи, которая 2-го ноября доходила уже до 20 градусовъ. Зная, что войска совершали переходы въ 25 и болѣе верстъ, по проселочнымъ дорогамъ, заваленнымъ снѣгомъ, при чемъ подвижные магазины на волахъ отставали отъ войскъ, не будемъ удивляться огромнымъ потерямъ, понесеннымъ русскою арміею. Несмотря на привычку нашихъ солдатъ къ стужѣ и на то, что они снабжены были полушубками, армія, выступившая изъ Тарутинскаго лагеря въ числѣ около ста тысячъ, считала въ рядахъ своихъ, спустя три недѣли, только пятьдесятъ тысячъ, изъ коихъ въ сраженіяхъ потеряно не болѣе десяти тысячъ. Но большая часть нашихъ потерь состояла изъ больныхъ, которые впослѣдствіи выздоровѣли и поступили на укомплектованіе арміи; а главное, необыкновенная убыль въ людяхъ не оказала вліянія на духъ нашихъ войскъ, которыя, тѣсня непріятеля по пятамъ, забывали голодъ и холодъ, заботясь только о томъ, чтобы застигнуть врага.

Прусскій генералъ Брантъ, участвовавшій въ походѣ 1812 года и испытавшій на себѣ всѣ ужасы безпорядочнаго отступленія французовъ, говоря о перенесенныхъ имъ страданіяхъ, между прочимъ, такъ рисуетъ безотрадную картину ноябрьскаго дня:

„Невыносимая стужа подняла насъ на ноги еще до разсвѣта. Утро, какъ и всегда, было безотрадное. Всѣ предметы, лѣсъ, дома, покрыты были снѣжнымъ саваномъ, ослѣплявшимъ глаза. Солнце висѣло на небѣ, будто раскаленный шаръ, но безъ теплоты. Милліоны снѣжинокъ носились въ атмосферѣ, сверкали, какъ алмазы, и усиливали жгучую боль въ глазахъ.[4])

Отъ этого описанія такъ и вѣетъ холодомъ; но еще художественнѣе оно у Фена, который въ своемъ сочиненіи о 12-мъ годѣ говоритъ:

„La main gèle sur le fer; les larmes se glacent sur les joues; on se sent roidir, engourdir et chanceler. Malheur à celui, qui

---

[4]) Записки генерала Бранта.

tombe!“ („Рука мерзнетъ на желѣзѣ; слезы леденѣютъ на щекахъ; чувствуешь, какъ коченѣешь, застываешь и шатаешься. Горе тому, кто упалъ!“)

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій 1812 года, между прочимъ, читаемъ:

29-го октября. Болтутино. „Всѣ плѣнные французскіе солдаты и офицеры единогласно утверждаютъ, что подвозъ продовольствія къ нимъ въ армію такъ пресѣченъ былъ и недостатокъ столь былъ великъ, что большая часть изъ нихъ мясо упалыхъ лошадей употребляли въ пищу; а при слѣдованіи многіе наши чиновники были очевидцами, какъ сіи несчастные, будучи вынуждены голодомъ, трупы своихъ товарищей жарили и ѣли. Многіе таковые случаи вс семъ совершенно удостовѣрили, какъ и плѣнные сами показываютъ, отчего въ ихъ арміи болѣзни до того усилились, что вся дорога усѣяна слабыми и умирающими.[5])

Наступило 5-е ноября, бѣдственный для французовъ день сраженія подъ Краснымъ. По диспозиціи, составленной на этотъ день, авангардъ нашихъ главныхъ силъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Розена,[6]) долженъ былъ выступить въ 6-ть часовъ утра изъ деревни Шиловой, гдѣ были расположены главныя силы, къ Сидоровичамъ и далѣе къ селу Доброму, находящемуся на большой дорогѣ, въ тылъ Наполеону. Главная же колонна, подъ начальствомъ генерала Тормасова, въ составъ которой входилъ и л.-гв. Литовскій полкъ, должна была выступить изъ д. Шиловой въ 7 часовъ утра и слѣдовать за авангардомъ барона Розена на д.д. Зуньково, Сидоровичи, Кутьково и Сорокину, также къ с. Доброму.[7]) Достигнувъ Сорокиной, войска должны были построиться параллельно большой Смоленской дорогѣ: пѣхота въ полковыхъ колоннахъ въ три линіи, а кирасиры на лѣвомъ крылѣ, и въ этомъ порядкѣ слѣдовать на большую дорогу.

---

[5]) Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1812 года, веденнаго въ главной квартирѣ.

[6]) Полки л.-гв. Егерскій и Финляндскій, кирасиры Его и Ея Величествъ, рота легкой гвардейской артиллеріи и одинъ казачій полкъ.

[7]) Главная колонна состояла изъ гвардейскаго, 6 и 8 пѣхотныхъ корпусовъ и трехъ полковъ первой кирасирской дивизіи.

Если бы это движеніе было выполнено безостановочно, то Наполеону, вѣроятно, не удалось бы пробиться къ Оршѣ, что могло заставить его сойти съ большой дороги вправо, гдѣ у французовъ не было никакихъ средствъ для устройства переправы на Днѣпрѣ.[8])

Но вышло иначе... Въ то время, какъ отрядъ князя Голицына[9]) сражался съ французами подъ Краснымъ, Тормасовъ, предшествуемый авангардомъ Розена, согласно диспозиціи, двигался къ селу Доброму на перерѣзъ Наполеону. Но князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе о расположеніи у села Краснаго самого Наполеона со старой гвардіей и все еще избѣгая рѣшительной встрѣчи со своимъ геніальнымъ противникомъ, послалъ Тормасову приказаніе остановиться, что дало возможность французамъ отступить по дорогѣ къ Оршѣ.

Пораженіе, нанесенное французамъ подъ Краснымъ войсками князя Голицына, занявшими Красное, разсѣявъ опасенія фельдмаршала, побудило его къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ. Генералу Тормасову было послано приказаніе продолжать движеніе къ Доброму. Но уже было поздно... Войска, простоявъ на мѣстѣ около трехъ часовъ, не могли вознаградить потеряннаго времени ускореннымъ движеніемъ, потому что приходилось тянуться въ одной длинной колоннѣ, по проселочной дорогѣ, заваленной снѣгомъ.

Такимъ образомъ, благодаря замедленію, л.-гв. Литовскій полкъ и на этотъ разъ былъ лишенъ возможности сразиться съ непріятелемъ и, быть можетъ, обогатить свою исторію еще одной славной страницей.[10]) Только полки гвардейской пѣхоты, бывшіе въ авангардѣ, Егерскій и Финляндскій отрѣзали путь тремъ полкамъ дивизіи Фридрихса, шедшимъ позади всѣхъ, при чемъ два изъ нихъ были разстроены и отброшены въ лѣса, а 33-й легкій полкъ, шедшій въ хвостѣ колонны, совершенно уничтоженъ.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій 1812 года подъ числомъ 5-го ноября читаемъ:

---

[8]) Богдановичъ, III, 123.

[9]) 3-й пѣхотный корпусъ и 2-я кирасирская дивизія.

[10]) Л.-гв. Литовскаго полка капитанъ Молостовъ, находясь 5-го ноября, во время боя подъ Краснымъ, при генералѣ принцѣ Евгеніѣ Виртембергскомъ, получилъ за отличіе золотую шпагу съ надписью „за храбрость“.

„Весьма замѣчательно въ сей знаменательный день (боя подъ Краснымъ) то, что Наполеонъ, полководецъ, увѣнчанный двадцатилѣтними успѣхами, и маршалъ Даву, сопутникъ его, не останавливаясь въ Лядахъ, ретировались къ Дубровнѣ, забывъ про сильный корпусъ маршала Нея, который, присоединивъ всѣ остатки и гарнизоны, бывшіе въ Смоленскѣ, составлялъ до 30 тысячъ и имѣлъ въ прикрытіи своемъ паркъ въ 150 орудій. Сія столь знатная часть, отрѣзанная россійской арміею, забыта и оставлена на жертву. И вообще въ теченіе сихъ послѣднихъ дней сей побѣдитель оказался человѣкомъ обыкновеннымъ и *мнѣнія о его непобѣдимости исчезли, какъ исчезаютъ привидѣнія*“.[11])

Очевидно, авторитетъ Наполеона былъ сильно поколебленъ.

Вечеромъ 5-го ноября л.-гв. Литовскій полкъ расположился бивакомъ между Краснымъ и Добрымъ, фронтомъ къ Оршѣ. Фельдмаршалъ также перенесъ свою главную квартиру въ Доброе. Дорога между Краснымъ и Добрымъ представляла въ это время несомнѣнныя доказательства разстройства французской арміи. Множество орудій, зарядныхъ ящиковъ и повозокъ, частію брошенныхъ французами по непмѣнію лошадей, частію взятыхъ съ боя, валялось по дорогѣ. Тысячи плѣнныхъ, между которыми много было офицеровъ и солдатъ Наполеоновой старой гвардіи, полузамерзшихъ, голодныхъ и оборванныхъ, своими оригинальными, импровизованными костюмами представляли поразительное зрѣлище; ужасный внѣшній видъ ихъ наглядно доказывалъ всю тяжесть лишеній, переносимыхъ этими несчастными. Многіе изъ нихъ были одѣты въ женскіе салопы, священническія ризы или лакейскія ливреи. У иныхъ на головахъ вмѣсто киверовъ торчали капоры. На каждомъ шагу можно было видѣть сцены, драматизмъ которыхъ, казалось, соперничалъ съ комизмомъ. Однажды, нашъ солдатъ прицѣлился изъ ружья во француза, одѣтаго въ женскую кофту и шляпку; но другой отвелъ его руку, сказавъ: „не стрѣляй въ барыню“.

„Посмотришь, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, въ сторонѣ бѣжитъ французъ въ поповской ризѣ; а за нимъ гонится мужикъ съ

---

[11]) Изъ журнала военныхъ дѣйствій 1812 г. Воен. учен. архивъ, № 1852.

дубиной; но такъ какъ на спинѣ у француза сіяетъ крестъ, то мужикъ набожно снимаетъ шапку и бьетъ француза по икрамъ и пятамъ".[12])

Увидѣвъ неоспоримые признаки разстройства французской арміи, фельдмаршалъ былъ такъ доволенъ, что, подскакавъ къ Преображенскому полку, вскричалъ: „ура", радостно подхваченное всей гвардіей и ближайшими войсками.

На другой день, на дневкѣ, часу въ пятомъ вечера, фельдмаршалъ объѣзжалъ биваки гвердейскихъ полковъ. За нимъ ѣхали нѣсколько генераловъ, въ числѣ которыхъ были: принцъ Александръ Виртембергскій, Опперманъ и Лавровъ, командовавшій въ то время гвардейскимъ корпусомъ, за отсутствіемъ Великаго князя Константина Павловича. Позади ихъ семь человѣкъ конногвардейцевъ везли отбитыя у непріятеля знамена.

„Здравствуйте, молодцы!" закричалъ Кутузовъ „поздравляю васъ съ новою побѣдою надъ непріятелемъ. Вотъ и гостинцы везу вамъ! Эй, кирасиры! нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцамъ!"

И нѣкогда побѣдоносные французскіе орлы тихо склонились къ землѣ...

„Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, продолжалъ фельдмаршалъ, что сегодня взялъ 115 пушекъ и сколько то генераловъ.... Не помнишь ли ты, Опперманъ, сколько именно?"

— „Пятнадцать, ваша свѣтлость".

„Слышите ли, мои друзья, пятнадцать, т. е. пятнадцать генераловъ! Ну, если бы у насъ взяли столько, то сколько бы осталось?"

Затѣмъ Кутузовъ подъѣхалъ къ палаткѣ генерала Лаврова, разбитой неподалеку. Всѣ сошли съ лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Кирасиры также сошли съ лошадей стали въ кружокъ и составили изъ знаменъ навѣсъ, на подобіе шатра. Кто-то изъ офицеровъ, подойдя къ знаменамъ сталъ читать надписи на одномъ изъ нихъ и въ числѣ прочихъ побѣдъ полка, которому принадлежало знамя, прочелъ: „Аустерлицъ".

---

[12]) Записки генерала Ковальскаго.

— „Что тамъ, спросилъ Кутузовъ, Аустерлицъ?... Да, правда, жарко было подъ Аустерлицемъ. Но омываю руки мои передъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови Аустерлицкой!... Вотъ хоть бы и теперь, къ слову, не далѣе какъ вчера я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ за Бородинское сраженіе далъ брильянтовые кресты въ награду.[13]) Говорятъ, что брильянты принадлежность кабинета и что я нарушилъ предоставленное мнѣ право. Правда, и въ этомъ я безъ вины виноватъ. Но ежели по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но даже ратникъ, столько заслужили, что осыпь ихъ алмазами, то они все еще не будутъ достаточно вознаграждены!“.

Наступило молчаніе. Одинъ изъ семеновскихъ офицеровъ сказалъ: „Это напоминаетъ сцену изъ трагедіи „Дмитрій Донской“; другой закричалъ: „Ура, спасителю Россіи!“ И громкое „ура“ понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возгласъ тронулъ каждаго изъ присутствовавшихъ, а Кутузова, конечно, больше всѣхъ. Онъ, вдругъ, сталъ на скамейку и закричалъ:

— „Полноте, друзья, полноте! Не мнѣ эта честь, а слава русскому солдату!“ И потомъ, бросивъ вверхъ свою фуражку и сильно возвысивъ свой голосъ, закричалъ:

— „Ура, ура, ура! русскому солдату!“

И снова тысячи голосовъ подхватили этотъ побѣдный кликъ, перекатившійся по всему громадному биваку и по необъятнымъ снѣжнымъ равнинамъ.

Когда затихли возгласы, Кутузовъ продолжалъ за чашкой чая бесѣду о Наполеонѣ и потомъ прочелъ новую басню Крылова, только что полученную имъ изъ Петербурга, „Волкъ на псарнѣ“. Вмѣсто овчарни попавъ на псарню и почуявъ бѣду, волкъ попробовалъ вступить въ переговоры:

....Къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ!
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры!

---

[13]) Изъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка за Бородинское сраженіе двое получили ордена св. Анны 2 степени, украшенные алмазами: капитанъ Арцыбашевъ и штабсъ-капитанъ Граббе.

Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону вашихъ стадъ,
Но самъ за нихъ я грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ...

Читая этотъ стихъ, Кутузовъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Громкое „ура“ снова раздалось въ войскахъ, понявшихъ смыслъ басни, когда онъ дочиталъ ее до конца.[14])

Эта сцена, это скромное торжество, рисуетъ до нѣкоторой степени тотъ высокій подъемъ духа, который господствовалъ въ нашей арміи послѣ сраженія подъ Краснымъ и помогалъ переносить лишенія, выпавшія на долю солдатъ, офицеровъ и даже генераловъ... Ночевали на мерзломъ снѣгу, питались заплѣсневѣлыми сухарями, въ которыхъ зачастую также ощущали недостатокъ. При недостаткѣ хлѣба и сухарей питались кое-какъ картофелемъ, поджаривая его на огнѣ; а иногда просто крупой, которую жарили или, лучше сказать, сушили на лубкахъ за неимѣніемъ другой посудины.

Простоявъ на биваѣ подъ Краснымъ до 8 ноября, л.-гв. Литовскій полкъ двинулся черезъ Романово и Ланники къ Копысу, куда прибылъ 12 ноября. Шли небольшими переходами и располагались по селамъ менѣе разореннымъ. Разстроенный непріятель шелъ далеко впереди, и фельдмаршалъ, не желая утомлять и безъ того малочисленную армію, ограничивался авангарднымъ преслѣдованіемъ. Съ 6-го ноября положеніе нашихъ войскъ нѣсколько улучшилось наступленіемъ оттепели послѣ сильной стужи, продолжавшейся нѣсколько дней сряду. Но за то движеніе по глубокому размякшему снѣгу и по грязи было невыносимо тягостно, тѣмъ болѣе, что и солдаты, и офицеры, совершенно износивъ обувь, обертывали ноги всякимъ тряпьемъ, нисколько не предохранявшимъ отъ мокроты и сырости, но сильно затруднявшимъ ходьбу. На бивакахъ также сильно страдали отъ сырости. Отъ дыма бивачныхъ костровъ и отъ яр-

[14]) Записки И. С. Жиркевича. Рус. Старина 1872 г.

кости отраженія свѣта на обширныхъ равнинахъ, покрытыхъ снѣгомъ, въ войскахъ сильно развились глазныя болѣзни. 12-го ноября опять наступила сильная стужа, а 16-го— въ день переправы Наполеона черезъ Березину—морозъ былъ свыше 20-ти градусовъ.

Во время пребыванія полка въ Копысѣ туда пріѣхалъ изъ Петербурга Великій Князь Константинъ Павловичъ, которому фельдмаршалъ ввѣрилъ въ командованіе гвардію, гренадерскій корпусъ и обѣ кирасирскія дивизіи.[15])

Первымъ приступомъ Его Высочества къ командованію было требованіе, чтобы офицеры не отступали въ походѣ отъ установленной формы. Главнокомандующій относился къ этому снисходительнѣе и требовалъ, чтобы каждый сберегалъ свое здоровье и одѣвался потеплѣе, избѣгая, по возможности, безобразія. Не смотря на то, что морозы доходили до 25°, Великаго Князя иначе въ походѣ не видѣли, какъ верхомъ, въ шпензерѣ сверхъ мундира и всегда въ шляпѣ.[16])

14-го ноября л.-гв. Литовскій полкъ переправился черезъ Днѣпръ у Копыса, а 22-го черезъ Березину у сел. Жуковецъ. Весь маршъ до Ошмянъ (въ 50 верстахъ отъ Вильны) полкъ совершилъ усиленными переходами, по проселочнымъ дорогамъ, въ странѣ, разоренной непріятелемъ, подвергаясь почти наравнѣ съ французами голоду, холоду и разнымъ лишеніямъ. Хотя переходы круглымъ счетомъ выходили не болѣе 20 верстъ въ сутки, тѣмъ не менѣе они утомляли людей до чрезвычайности, такъ какъ приходилось двигаться по глубокому снѣгу, при температурѣ, часто падавшей до 30° ниже нуля. Ночлеги на бивакахъ, на мерзломъ снѣгу, не возстановляли силъ солдата; ему нечѣмъ было укрыться, и спать болѣе получаса заразъ было почти вѣрною смертью. Офицеры и солдаты должны были постоянно будить другъ-друга и насильно подымать засыпавшихъ, которые часто этому противились. Топливо удавалось доставать весьма рѣдко, потому что все удобосгараемое было сожжено раньше. Если же случалось развести огонь, то къ нему нужно было

---

[15]) Богдановичъ, III, 240.

[16]) Записки И. С. Жиркевича.

приближаться съ величайшею осторожностью, иначе въ замороженныхъ частяхъ онъ причинялъ антоновъ огонь. Такъ какъ въ разстояніи шага отъ самыхъ большихъ костровъ вода замерзала, то чтобы почувствовать хоть сколько нибудь теплоту огня, почти необходимо было обжечься съ одной стороны, леденѣя съ другой.

Ѣсть было нечего. Подвижные магазины отстали отъ полковъ. На всемъ пространствѣ отъ Копыса до Вильны, т. е. около трехъ недѣль, главная армія получила только одинъ транспортъ провіанта, высланный изъ Бобруйска. Даже высшія начальствующія лица въ арміи терпѣли во многомъ недостатокъ. Англійскій уполномоченный, сэръ Робертъ Вильсонъ въ своемъ дневникѣ, подъ числомъ 24-го ноября, отмѣчаетъ, какъ чрезвычайный случай, что за обѣдомъ у генерала Тормасова была бутылка вина, „сюрпризъ до того пріятный, писалъ Вильсонъ, что не могу не упомянуть о немъ“.

Одежда и обувь также далеко не соотвѣтствовали времени года. Хотя въ Копысѣ и розданы были полушубки, но они скоро износились и обгорѣли отъ костровъ. Но больше всего страдали ноги: тогдашняя форма гвардейскихъ войскъ заключалась въ такъ называемыхъ крагахъ, плотно облегавшихъ икру ноги и застегивавшихся мѣдными пуговицами. Для красы, а можетъ быть просто изъ экономіи, въ этомъ мѣстѣ, т. е. ниже колѣна, въ панталонахъ не было сукна, а только пришивался кусокъ холста, и такъ какъ подъ узкія краги ничего нельзя было подвернуть, то нижнія части ногъ больше всего подвергались пораженію отъ стужи. По свидѣтельству Вильсона, внимательно изучавшаго бытъ русскаго солдата, одною изъ главныхъ причинъ убыли было и то, что отъ безпрестанныхъ переходовъ обнашивались панталоны; тѣло въ паху обнажалось, и морозъ, поражая ссадины, производилъ сильнѣйшее раздраженіе въ этихъ ранахъ.

Офицеры были одѣты также плохо и переносили всѣ эти лишенія наравнѣ съ солдатами. Хотя всѣмъ офицерамъ разрѣшено было имѣть верховыхъ лошадей, никто не пользовался этимъ правомъ, отчасти по невозможности высидѣть на лошади въ такую стужу, отчасти по неимѣнію лошадей. Всѣ, не исключая генераловъ, шли

пѣшкомъ, чтобы согрѣться движеніемъ и все таки зачастую отмораживали руки или ноги и иногда погибали на дорогѣ.[17])

Случаи замерзанія повторялись безпрестанно. Солдатъ слабѣетъ въ рядахъ, не можетъ идти... Его оставляютъ позади въ ожиданіи слѣдовавшихъ за корпусомъ подводъ и обоза, а для присмотра за нимъ оставляется кто нибудь изъ его товарищей, болѣе свѣжій и бодрый. Но и обозныя, и обывательскія лошади, неполучавшія фуража, едва передвигали ноги, и только на дневкахъ или на другой день утромъ, когда полки выходили въ новый походъ, обозы достигали бывшаго ночлега. Поэтому бывали случаи, что не только слабый солдатъ, но и оставленный при немъ для помощи, оба засыпали вѣчнымъ сномъ, и для слабаго эта смерть была менѣе мучительна, чѣмъ для бодраго... Послѣдній заблаговременно видѣлъ то, что ожидало его самого.

При обыкновенной температурѣ въ 27—30° ниже нуля небо почти всегда было ясно, и въ лицо дулъ острый, пронзительный вѣтеръ, проникавшій въ самый мозгъ костей, при чемъ тѣло снаружи бѣлѣло и цѣлый пораженный членъ становился ломокъ, какъ алебастръ. Случалось, что весь остовъ былъ пораженъ, еще дышащее тѣло оставалось недвижимо и, при малѣйшемъ движеніи, руки и ноги вылущивались изъ суставовъ...

Французы переносили бѣдствія еще болѣе тяжкія. 1 (13) декабря Бертье доносилъ Наполеону изъ Вирбалена, что $^4/_5$ французской арміи имѣютъ отмороженныя руки, ноги или лицо. Одинъ изъ участниковъ отступленія великой арміи въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Бивакъ“, такъ описываетъ свой внѣшній видъ въ то время:

„Представьте себѣ для образца человѣка 5 футовъ и 8 дюймовъ росту; если подобный великанъ попадетъ въ конскрипцію, то его не нужно уже вытягивать въ мѣрку. Но онъ тощъ и худъ, потому что три недѣли питается только отрубями, разболтанными въ водѣ. Этотъ скелетъ прикрытъ шубою, которая много разъ уже вымочена и высушена на его плечахъ; низъ этой шубы, въ видѣ фестоновъ,

---

[17]) Изъ разсказовъ графа В. Ѳ. Адлерберга.

обозженъ бивачными огнями; воротникъ ея загнулся, какъ желобъ, и въ немъ постоянно лежитъ нѣсколько фунтовъ снѣгу. Лицо, выглядывающее изъ шубы, небрито и прокопчено пороховымъ дымомъ; оно осунулось; въ немъ блеститъ пара глазъ, покраснѣвшихъ отъ блеска огня во время ночи и отъ яркости снѣга во время дня".

„На этомъ бродящемъ остовѣ надѣта ушастая шапка; на полотенцѣ, служащемъ вмѣсто пояса, привѣшена сабля безъ ноженъ, ноги его обвиты тряпицами. Онъ двигался вмѣстѣ съ товарищами своего бѣдствія, не зная, гдѣ и когда остановится, безъ заботы о будущемъ, потому что никто не былъ увѣренъ, будетъ ли у кого нибудь изъ нихъ завтрашній день".

Ночные биваки для французовъ были пагубнѣе самыхъ сильныхъ переходовъ: приходя на ночлегъ они кучами бросались въ снѣгъ вокругъ огней; крѣпкій сонъ одолѣвалъ ихъ, и жизнь ихъ угасала вмѣстѣ съ потухавшимъ пламенемъ. Утромъ биваки, усѣянные трупами, напоминали поле сраженія.

Картина бѣдствій и разстройства великой арміи представилась глазамъ во всей своей ужасной наготѣ, когда полкъ вышелъ у Ошмянъ на большую дорогу, идущую отъ Минска къ Вильнѣ. Весь путь отъ Ошмянъ до Вильны, по которому пришлось двигаться полку, на разстояніи около 50 верстъ, представлялъ ужаснѣйшее зрѣлище, подобнаго которому трудно увидѣть и на поляхъ битвъ. Не только по большой дорогѣ, но и по сторонамъ ея отъ селеній оставались однѣ лишь трубы, да печи; а все, что только имѣлось въ деревняхъ удобосгараемаго, употреблено на топливо. По дорогѣ, почти на каждыхъ двадцати саженяхъ, встрѣчалось или покинутое орудіе, или зарядный ящикъ съ лошадьми, павшими въ упряжи; двухъ шаговъ нельзя было пройти, чтобы не наткнуться на трупъ. Въ иныхъ мѣстахъ видно было, что смерть заставала нѣкоторыхъ въ то время, когда они готовились утолить голодъ трупами своихъ товарищей... Французы десятками залѣзали въ самую середину костровъ и, обгорѣвъ, оставались въ такомъ положеніи, при чемъ многіе, не испустивъ еще послѣдняго дыханія, буквально, тлѣли на угольяхъ, не выказывая ни малѣйшаго страданія.

Отсталые французскіе солдаты, черные, обгорѣлые, подобно привидѣніямъ, шатались по сторонамъ дороги между снѣжными су-

гробами, и никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Разъ попалось на встрѣчу больше двухъ десятковъ французовъ, оборванныхъ, полузамерзлыхъ, которыхъ гнали двѣ русскія бабы съ дубинами, одна впереди, другая позади. Смотря на торжество, съ которымъ онѣ совершали эту трудную обязанность, нельзя было не пожалѣть, въ какое ничтожное положеніе поставлены были люди, покорившіе всю Европу. На дорогѣ попадались отсталые французы, укутанные и скорчившіеся; они до самой Вильны шли съ нашими войсками и, завидя офицера, слабыми голосами просили: „Monsieur, du pain!“ когда же ихъ оставляли безъ вниманія, то со вздохомъ вскрикивали: „Oh, mon Dieu, mon Dieu!“ Одинъ бѣднякъ изъ числа ихъ возбуждалъ особенную жалость и удивленіе: онъ подобно другимъ передвигалъ ноги, обожженныя, съ примерзлою къ нимъ соломою; несмотря на то, что эти ноги были совершенно отморожены, несчастный двигался на нихъ, какъ на колодкахъ и еще могъ сказать: „дайте хлѣба“.

Если бы вы зашли по дорогѣ въ корчму, случайно уцѣлѣвшую, то наткнулись бы на ужасное зрѣлище. Посреднѣ курится огонекъ, а вокругъ, на полу лежатъ замерзшіе французы; ближайшіе къ огню еще шевелятся, а прочіе уже окоченѣли въ искривленныхъ положеніяхъ, съ обезображенными лицами.

Неподалеку отъ Вильны, въ сторонѣ отъ дороги, видна была группа изъ нѣсколькихъ сотенъ обнаженныхъ труповъ. Различное положеніе скорченныхъ тѣлъ, искривленныя лица, сжатые кулаки, оскаленные зубы, выпуклые глаза— все это рѣзкими чертами выражало страданія погибшихъ. Тѣла были навалены одно на другое въ такомъ положеніи, какъ они замерзали: иной сидѣлъ, оскаливъ зубы, другой стоялъ съ поднятымъ кулакомъ... Издали, на снѣгу, эта пирамида обнаженныхъ труповъ представляла что то необыкновенное и возбуждала любопытство; но разсмотрѣвъ массу человѣческихъ обнаженныхъ труповъ, всѣ съ содроганіемъ отходили отъ этого страшнаго кладбища.[18])

---

[18]) Разсказъ о лишеніяхъ, перенесенныхъ войсками во время зимней кампаніи 1812 г., составленъ мною по запискамъ очевидцевъ и участниковъ: Ковальскаго, Жиркевича, подполковника И. Р. Любецкаго, генерала Бранта, сэра Вильсона и другихъ; отчасти также по устнымъ разсказамъ графа В. Ѳ. Адлерберга.

Такъ безжалостно отнеслась къ французамъ наша жестокая союзница— зима...

5-го декабря гвардія вступила въ Вильну, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, съ музыкою и проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо фельдмаршала. Съ пріѣздомъ князя Смоленскаго въ Вильну въ обстановкѣ его главной квартиры произошла перемѣна противъ того, что привыкли видѣть отъ самой Москвы. Вмѣсто разоренной деревушки, вмѣсто крестьянской избы, на обвалившемся крылечкѣ которой привыкли видѣть „свѣтлѣйшаго," явился замокъ, окруженный колясками, каретами и санями. Толпы дворянъ, чиновниковъ, плѣнные генералы и офицеры всѣхъ націй, депутаты разныхъ обществъ— все это тѣснилось на крыльцѣ, на лѣстницѣ и въ залахъ фельдмаршала. Въ театрѣ давали представленія, и тамъ на сценѣ сіяло яркое изображеніе Кутузова съ надписью: „Избавителю Отечества".[19])

Л.-гв. Литовскій полкъ въ самомъ городѣ пробылъ не долго и былъ расположенъ на кантониръ-квартирахъ въ окрестностяхъ Вильны, при чемъ полковой штабъ помѣщался въ д. Спиры. Только тогда явилась возможность осмотрѣться и опредѣлить цифру потерь, понесенныхъ полкомъ; онѣ были ужасны. Во время похода отъ Малоярославца до Вильны, полкъ, не участвуя въ сраженіяхъ, потерялъ 180 человѣкъ замерзшими и пропавшими безъ вѣсти и 280 оставилъ больными въ госпиталяхъ; итого— четыреста шестьдесятъ человѣкъ, т. е. гораздо болѣе половины наличнаго состава.

Состояніе другихъ частей русской арміи было не лучше; но всѣ эти жертвы были принесены не даромъ. Цѣль дѣйствій была достигнута: „Великая армія" уже не существовала, и жалкіе остатки ея, утратившіе способность сражаться и думавшіе только о собственномъ спасеніи, спѣшили вырваться изъ предѣловъ Россіи. Однимъ изъ послѣднихъ перешелъ границу маршалъ Ней съ двумястами вооруженныхъ людей, которые также разсѣялись дорогой.

„Вырвавшись изъ окаянной Россіи, пишетъ генералъ Дюма, я

---

[19]) „Описаніе отечественной войны". Михайловскій-Данилевскій.

отдыхалъ въ своей квартирѣ въ Вильковышкахъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинной бородой, красными, сверкающими глазами.

— „Вы не узнаете меня? спросилъ онъ.“

„Нѣтъ! кто вы?“

— „Я арьергардъ Великой арміи, маршалъ Ней“.

Дѣйствительно, при немъ не было никого, кромѣ генерала Жерара.[20])

Почти одновременно съ прибытіемъ полка въ Вильну прибыла туда же изъ Пскова сформированная тамъ для полка резервная рота.[21]) Вскорѣ она была распредѣлена по ротамъ полка, а 18 декабря, по прибытіи къ полку отсталыхъ и выздоровѣвшихъ изъ госпиталей (около 240 человѣкъ), полкъ снова былъ переформированъ въ трехбатальонный составъ, хотя батальоны были весьма слабой численности. Во время трехнедѣльной стоянки подъ Вильной возвратились и многіе изъ офицеровъ полка, успѣвшіе оправиться отъ ранъ, полученныхъ въ Бородинской битвѣ. Изъ батальонныхъ командировъ вернулся только полковникъ Угрюмовъ, вступившій попрежнему въ командованіе своимъ первымъ батальономъ; вторымъ батальономъ командовалъ капитанъ графъ Полиньякъ, третьимъ— капитанъ Кишкинъ, бывшій впослѣдствіи первымъ командиромъ новаго л.-гв. Литовскаго полка.

10-го декабря въ Вильну пріѣхалъ Императоръ Александръ; при въѣздѣ, по его желанію, не было торжественной встрѣчи. Государь самъ былъ утомленъ продолжительной ѣздой день и ночь въ открытыхъ саняхъ и не хотѣлъ утомлять войска, и безъ того утомленныя долгимъ походомъ.[22])

---

[20]) „Souvenirs du lieutenant-général Dumas“ III.

[21]) Въ какомъ составѣ—намъ неизвѣстно.

[22]) Наканунѣ пріѣзда въ Вильну Государь увѣдомилъ объ этомъ князя Смоленскаго слѣдующею собственноручною запискою:

„Князь Михаилъ Ларіоновичъ! Завтра я прибуду въ Вильну къ вечеру. Я желаю, чтобы никакой встрѣчи мнѣ не было. Зима, усталость войскъ и собственное мое одѣяніе, ѣхавъ ночь и день въ открытыхъ саняхъ, дѣлаютъ оную для всѣхъ отяготительною. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я свиданія съ вами, дабы изъявить вамъ лично сколь новыя заслуги, оказанныя вами Отечеству и, можно прибавить Европѣ цѣлой, усилили во мнѣ уваженіе, которое всегда къ вамъ имѣлъ“.

Пребываю на всегда вамъ доброжелательнымъ. Александръ.

Полоцкъ. Понедѣльникъ, 9 октября, 1812 г.

(Все письмо написано рукою Императора).

Съ прибытіемъ въ Вильну Государя полкъ былъ обрадованъ новой неожиданной милостью. Высочайшимъ приказомъ 12 октября 1812 г. Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ назначенъ былъ шефомъ л.-гв. Литовскаго полка. Въ то-же время были объявлены награды за Бородинское сраженіе.

Обмундированіе войскъ, обносившихся до послѣдней крайности, требовало особенныхъ заботъ правительства. Императоръ Александръ, находясь въ Вильнѣ, сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ изъ Петербурга 54 тысячъ мундировъ и такого-же числа шинелей. Въ каждый гвардейскій пѣхотный полкъ было выдано полное обмундированіе на 700 человѣкъ. Офицерамъ приготовлены были сюртуки и шинели, безъ взякаго за то съ нихъ вычета.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ летучіе отряды наши преслѣдовали остатки французской арміи, главныя силы отдыхали на кантониръ-квартирахъ и запасались силами для новыхъ подвиговъ, для борьбы за освобожденіе Германіи. Побѣдоносный орелъ залѣчивалъ свои глубокія раны и расправлялъ крылья, готовясь снова летѣть въ бой.

ГЛАВА VI.

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ ГЕРМАНІИ.

(1813).

Переходъ границы.— Стоянка полка въ Калишѣ.— Встрѣча Фридриха-Вильгельма III.—Встрѣча русскихъ войскъ въ Пруссіи и Саксоніи.—Высочайшій приказъ 13-го апрѣля 1813 года.—Раздѣленіе гвардейской пѣхоты на двѣ дивизіи.—Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.—Смерть Кутузова.—Люценское сраженіе и отступленіе въ Силезію.—Перемиріе.—Сраженіе подъ Дрезденомъ.—Сраженіе 17-го и 18-го августа при Кульмѣ.—Шестинедѣльная стоянка полка у Кульма.—Движеніе къ Лейпцигу.

Не вдаваясь въ описаніе политическихъ причинъ, заставившихъ Императора Александра, вопреки совѣту Кутузова, немедленно предпринять походъ въ Германію, перейдемъ прямо къ описанію этого похода и войны 1813 года, на сколько оно нужно для исторіи л.-гв. Литовскаго полка.

Въ концѣ Декабря 1812 г. главная армія двинулась къ Плоцку и Варшавѣ двумя колоннами; 5-й (гвардейскій) и 3-й (гренадерскій) корпуса и обѣ кирасирскія дивизіи входили въ составъ правой колонны, находившейся подъ начальствомъ ген. Тормасова и назначавшейся для обхода лѣваго фланга войскъ Шварценберга, отходившихъ къ Варшавѣ. Л.-гв. Литовскій полкъ, въ одномъ изъ послѣднихъ эшелоновъ этой колонны, выступилъ изъ Вильны 28-го декабря, а 1-го января 1813 года прибылъ въ м. Меречь, гдѣ послѣ молебна въ Высочайшемъ присутствіи перешелъ черезъ Нѣманъ по льду.

Съ переходомъ границы Государь, принимая во вниманіе дороговизну жизненныхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости, повелѣлъ выдать всѣмъ войскамъ, вышедшимъ за границу, не въ зачетъ полугодовое жалованье и вслѣдъ затѣмъ, по представленію князя Кутузова, разрѣшилъ отпускъ порціонныхъ денегъ съ 1-го января

1813 года до возвращенія въ Россію.[1]) Въ то-же время послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о томъ, чтобы солдаты гвардіи рѣгулярно 3 раза въ недѣлю получали мясныя и винныя порціи.

По вступленіи въ Варшавское герцогство и Саксонію войска наши пріобрѣтали продовольствіе исключительно реквизиціями. Въ прусскихъ же владѣніяхъ тамошнее правительство обязывалось доставлять русскимъ съѣстные припасы; но исполненіе этого обѣщанія было невозможно, потому что даже въ прусскихъ крѣпостяхъ не было запасовъ; поэтому Императоръ Александръ повелѣлъ, чтобы за всѣ продукты, получаемые войсками отъ жителей, была произведена по опредѣленной цѣнѣ выдача $^1/_5$ наличными деньгами, а на остальную сумму квитанціями.[2])

7-го января полкъ перешелъ у Лыкъ прусскую границу, а затѣмъ, перейдя по прусскимъ владѣніямъ черезъ Іоганнисбергъ и Вилленбергъ, снова вступилъ въ герцогство Варшавское и 24-го января ст. стиля, вмѣстѣ съ главной квартирой Императора Александра и князя Кутузова, прибылъ въ Плоцкъ.

Во всѣхъ прусскихъ городахъ Государя и русскихъ солдатъ жители встрѣчали съ неподдѣльнымъ восторгомъ; что же касается поляковъ, то ихъ радушіе было вынужденное и неискреннее.

Послѣ непродолжительной стоянки въ Плоцкѣ, полкъ 2-го февраля перешелъ Вислу и вступилъ въ неразоренную войной часть Польши, что было рѣзкимъ контрастомъ съ покинутымъ театромъ войны; продовольствіе стало менѣе затруднительнымъ; для ночлеговъ и дневокъ располагались по квартирамъ, преимущественно на мызахъ, изобиловавшихъ всѣмъ необходимымъ.

11-го февраля полкъ пришелъ въ Калишъ, въ окрестностяхъ котораго простоялъ до 26-го марта, будучи расположенъ на кантониръ-квартирахъ. Такая продолжительная остановка была вызвана политическими обстоятельствами; прежде чѣмъ двинуться впередъ нужно было заручиться союзомъ Пруссіи. 16-го марта заключенъ

---

[1]) Высочайшія повелѣнія отъ 18 января 1813 г. за № 34 и отъ 20 января за № 37.

[2]) „Война 1813 года“. Богдановича. т. I стр. 142.

былъ, наконецъ, этотъ союзъ, а 21-го марта прибылъ въ Калишъ для свиданія съ Государемъ Король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III. Императоръ Александръ ожидалъ его на послѣдней станціи къ Калишу. Въ день пріѣзда произведенъ былъ парадъ войскамъ, въ которомъ участвовалъ и л.-гв. Литовскій полкъ. Союзные монархи были встрѣчены фельдмаршаломъ впереди собранныхъ корпусовъ главной арміи. Полководецъ, ослабленный предсмертною болѣзнію, не могъ уже сѣсть на лошадь и оставался пѣшкомъ подлѣ Государей, а при началѣ марша войскъ совершенно ослабѣлъ и уѣхалъ въ Калишъ. Войска были въ блистательномъ состояніи, но король прусскій былъ пораженъ малочисленностью, такъ называемой, главной арміи: въ двухъ пѣхотныхъ корпусахъ (гвардейскомъ и гренадерскомъ), трехъ кавалерійскихъ дивизіяхъ и четырехъ артиллерійскихъ ротахъ насчитывалось всего 17800 человѣкъ, при 48 орудіяхъ. Л.-гв. Литовскій полкъ по малочисленности наличнаго состава людей, не превышавшаго тысячи человѣкъ, какъ на парадѣ въ Калишѣ, такъ и при началѣ дѣйствій, до самаго перемирія, находился въ двухбатальонномъ составѣ. Такая малочисленность происходила отъ большихъ потерь больными во время похода въ неблагопріятное время года отъ Вильны до Плоцка и Калиша. Стоянка въ Калишѣ, вмѣстѣ съ наступленіемъ хорошей и теплой погоды, улучшила гигіеническія условія, въ которыхъ находился полкъ; болѣзненность прекратилась, но заболѣвшіе прежде не успѣли еще прибыть въ полкъ.

26-го марта гвардейскій корпусъ выступилъ въ Силезію вмѣстѣ съ главными квартирами Государя и князя Кутузова. Движеніе къ Эльбѣ было настоящимъ торжественнымъ шествіемъ. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ воздвигались тріумфальныя арки съ различными надписями въ честь русскаго Государя и русскихъ войскъ; народъ выходилъ на встрѣчу войскамъ и сопровождалъ ихъ радостными восклицаніями; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ встрѣчали русскихъ съ лавровыми вѣнками, надѣвая ихъ на головы офицеровъ и солдатъ. При появленіи Государя раздавался колокольный звонъ, сливавшійся съ громкими восклицаніями и привѣтствіями. По вечерамъ въ окнахъ сіяли освѣщенныя разноцвѣтными огнями прозрачныя картины съ различными надписями въ честь Императора Але-

ксандра. Чиновники, горожане и поселяне наперерывъ старались угодить, чѣмъ могли, нашимъ войскамъ. Въ городахъ и деревняхъ солдатамъ отводили помѣщенія съ мягкою мебелью и зеркалами; во время обѣда ихъ сажали за столы, накрытые скатертями, а вмѣсто артельной чашки передъ каждымъ стоялъ кувертъ съ приборомъ. Пища состояла преимущественно изъ нѣмецкаго вассеръ-супа и баранины съ черносливомъ; но нѣмецкая кухня не всегда приходилась по-нутру русскому желудку, а потому въ дополненіе къ такимъ обѣдамъ солдаты получали молоко, масло и сыръ. Такой чисто русскій аппетитъ не мало удивлялъ добродушныхъ нѣмцевъ. Передъ обѣдомъ подавали вино или водку; но картофельная водка была такъ слаба, что вмѣсто рюмки можно было выпить стаканъ. Послѣ обѣда подавали пиво и кофе; чистаго кофе солдаты наши не могли пить, а всегда, къ ужасу нѣмцевъ, съ гущей. „Ты, матушка, жижицу—то себѣ оставь, а намъ дай погуще“.

Офицеровъ жители встрѣчали еще радушнѣе, видя въ нихъ людей образованныхъ и часто говорившихъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ.[3])

Въ Саксоніи, несмотря на преданность короля Фридриха-Августа Наполеону, союзные монархи и русскія войска были встрѣчаемы, какъ избавители, съ изъявленіями восторга и преданности. Впрочемъ, мѣстныя власти Саксоніи отнеслись довольно равнодушно къ общему дѣлу освобожденія Германіи, вслѣдствіе чего войска часто терпѣли нужду въ продовольствіи. Союзные генералы, соблюдая въ точности волю Императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма, щадили жителей и сохраняли въ своихъ войскахъ строжайшую дисциплину.

12-го апрѣля, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, Императоръ Александръ и король прусскій, во главѣ русской гвардіи, торжественно вступили въ Дрезденъ при радостныхъ кликахъ народа и саксонской гвардіи. 13-го апрѣля въ Дрезденѣ былъ отданъ Высочайшій приказъ „Нашимъ Арміямъ“, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

---

[3]) „Походныя записки офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи“. Богдановичъ, томъ I и др.

„Успѣхи и счастливыя событія нынѣшней кампаніи явили новые опыты мужества Нашего воинства".

„Среди совокупныхъ пораженій непріятеля, по засвидѣтельствованію генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, особенно ознаменовали себя полки лейбъ-гвардіи:

пѣхотные: Измайловскій, Литовскій, Егерскій и Финляндскій.

. . . . . .

„Твердые ряды ихъ служили вѣрнымъ оплотомъ противу силъ непріятеля. Храбрость и быстрота ихъ предшествовали побѣдамъ. Исскуство-же устроенныхъ батарей, разрушая непріятельскія колонны, наносило повсюду пораженіе. Каковые отличные подвиги пріобрѣли имъ сію отличную похвалу главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала".

„Изъявляя мою особенную признательность, дарую имъ слѣдующія почести:

„Полкамъ л.-гв. Измайловскому и Литовскому Георгіевскія знамена. Л.-гв. Егерскому и Финляндскому въ каждый баталіонъ по одному такому знамени. Полки лейбъ-Кирасирскій Его Величества, лейбъ-Гренадерскій и Павловскій Гренадерскій причисляются къ составу лейбъ-гвардіи, съ повышеніемъ офицеровъ противу артиллерійскихъ, инженерныхъ и квартирмейстерскихъ...

„Сіи знаки отличія и чести да сохранятся въ полкахъ сихъ, какъ незабвенные памятники знаменитыхъ военныхъ подвиговъ и да возвѣстятъ они о славѣ ихъ оружія".[4])

Получивъ права молодой гвардіи, полки Павловскій и лейбъ-Гренадерскій были причислены къ гвардейскому корпусу; вся гвардейская пѣхота поэтому была раздѣлена на двѣ дивизіи: въ составъ 1-й гвардейской дивизіи вошли полки Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Егерскій; въ составъ второй—Литовскій, лейбъ-Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій. Первой гвардейской дивизіей командовалъ генералъ-маіоръ баронъ Розенъ, второй— генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ, подъ начальствомъ котораго л.-гв. Литовскій полкъ состоялъ уже въ началѣ кампаніи 12-го года. Але-

[4]) Общій архивъ Главнаго штаба.

ксѣй Петровичъ Ермоловъ былъ тогда уже однимъ изъ популярнѣйшихъ генераловъ въ русской арміи. Одинъ изъ офицеровъ 2-й гвардейской дивизіи, въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующимъ образомъ рисуетъ личность Ермолова:

„Воспоминанія о походѣ 13-го и 14-го г.г. неразрывно связаны съ любимымъ отъ всего сердца и офицерами, и солдатами начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

„Въ его обращеніи съ подчиненными было что-то магическое, чарующее, привлекавшее къ нему сердца всѣхъ. Онъ часто подъѣзжалъ на бивакѣ къ группамъ офицеровъ, садился между ними на барабанъ и толковалъ о разныхъ событіяхъ войны. При этихъ бесѣдахъ у него не было иного названія для подчиненныхъ ему офицеровъ, какъ „товарищи“. Каждое его слово и шутка, обращенныя къ солдату или офицеру, неизгладимо врѣзывались въ сердце. Его громадный умъ, блистательныя военныя способности и хладнокровіе на полѣ битвы невольно заставляли всѣхъ его подчиненныхъ уважать и вѣрить въ него; а чарующее обращеніе—любить его. И солдатъ, и офицеръ за Ермолова готовъ былъ броситься въ огонь и воду“.[5])

Когда именно произошло раздѣленіе гвардейской пѣхоты на двѣ дивизіи, намъ неизвѣстно, потому что ни приказа объ этомъ, ни другаго какого либо документа не удалось найти. Судя по тому, что и въ исторіяхъ другихъ гвардейскихъ полковъ (Павловскаго, Финляндскаго и др.) объ этомъ упоминается весьма неопредѣленно, можно предположить, что документовъ объ этомъ никакихъ не сохранилось. Всѣ письменныя распоряженія, приказы и вообще вся переписка въ то тревожное время—отличаются отрывочностью, неполнотой и неопредѣленностью. Трудно предположить, чтобы Императоръ Александръ, находясь въ Дрезденѣ, за недѣлю до Люценскаго сраженія, стоя, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, рѣшился измѣнять организацію своей гвардіи; вѣроятнѣе всего, что раздѣленіе гвардейской пѣхоты на двѣ дивизіи произошло раньше,

---

[5]) „Воспоминанія офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи“. Русская Бесѣда 1860 года № 1.

во время полуторамѣсячной стоянки у Калиша. Изъ боеваго росписанія войскъ, находившихся въ сраженіи подъ Люценомъ (20 апрѣля) видно, что въ этотъ день л.-гв. Литовскій полкъ, въ двухбатальонномъ составѣ, числился во 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

16-го апрѣля полкъ выступилъ изъ Дрездена и двинулся черезъ Носсенъ къ Люцену, гдѣ участвовалъ въ сраженіи 20-го апрѣля. Въ началѣ сраженія полкъ стоялъ въ общемъ резервѣ близъ д. Пегау. Около полудня къ полкамъ 2-й гвардейской дивизіи подъѣхалъ Государь, поздоровался и, указывая на графа Витгенштейна, сказалъ:

„Ребята! вотъ вашъ главнокомандующій! Поздравьте его хорошенько побѣдою!“

Громкое „ура“ раздалось по всей линіи, но вскорѣ было заглушено страшной канонадой, открытой впереди.[6])

Дѣйствительной причины назначенія новаго главнокомандующаго тогда еще никто не зналъ. Полученное наканунѣ извѣстіе о смерти Кутузова въ Бунцлау союзные монархи рѣшили скрыть отъ войскъ, боясь, что это извѣстіе произведетъ пагубное вліяніе на ихъ духъ. Всѣ думали поэтому, что графъ Витгенштейнъ назначенъ командовать арміей только на время болѣзни фельдмаршала.

Къ 5-ти часамъ пополудни генералъ Тормасовъ выдвинулъ главный резервъ къ с. Домсену для противодѣйствія обходу нашего лѣваго фланга. Насколько немногочисленны были эти резервы видно уже изъ того, что изъ полковъ 2-й гвардейской дивизіи только Литовскій и Финляндскій были въ двухбатальонномъ составѣ; лейбъ-Гренадерскій и Павловскій имѣли только по одному батальону.[7]) Въ 6½ часовъ вечера л.-гв. Финляндскій полкъ былъ отряженъ къ Кельцену въ помощь Винценгероде, кавалерія котораго не могла дѣйствовать на мѣстности, покрытой кустарникомъ. Въ то-же время л.-гв. Литовскій полкъ съ остальными двумя полками 2-й гвардейской дивизіи двинутъ былъ въ помощь 3-му корпусу и сталъ правѣе деревни Гроссъ-Гершенъ, гдѣ до наступленія ночи находился подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, отъ котораго потерялъ убитыми

---

[6]) Записки Жиркевича.

[7]) Боевое росписаніе войскъ, находившихся въ сраженіи родъ Люценомъ.

12 и легко ранеными 4-хъ нижнихъ чиновъ.[8]) Наступила ночь. Поле сраженія освѣщалось пожаромъ догоравшихъ селеній: Эйсдорфа, Гроссъ-Гершена, кл. Гершена, Раны, Каіи, Старзиделя и другихъ. Вмѣсто грома выстрѣловъ настала глубокая тишина, прерываемая лишь стонами раненыхъ.

Вспоминая о Люценскомъ сраженіи, одинъ изъ участниковъ его сообщилъ, что при общемъ отступленіи всѣхъ войскъ л.-гв. Литовскій полкъ, не получая никакого приказанія, отдѣленный отъ всей гвардіи, долго стоялъ на мѣстѣ, не зная, что предпринять и въ какомъ направленіи отступать, боясь за темнотой ночи попасть не туда, куда слѣдовало, и только на разсвѣтѣ 21-го апрѣля, послѣ безплодныхъ ночныхъ блужданій по полю битвы, полкъ присоединился къ остальнымъ войскамъ гвардейскаго корпуса, отступавшимъ черезъ Фробургъ къ Дрездену.[9])

За сраженіе подъ Люценомъ командиръ л.-гв. Литовскаго полка генералъ-маіоръ Удомъ 2-й, командовавшій въ этотъ день 2-й гвардейской дивизіей, получилъ орденъ св. Анны 1-й степени.[10])

Люценское сраженіе, въ которомъ союзники потерпѣли неудачу, заставило ихъ на время отказаться отъ роли освободителей Германіи и отступить за Эльбу.

Неудачный исходъ его и отступленіе къ Дрездену пагубно повліяли на бодрость духа нашихъ войскъ. На бѣду, 22-го апрѣля разнеслась вѣсть о кончинѣ фельдмаршала Кутузова въ Бунцлау. Потеря любимаго вождя повергла всю армію въ уныніе; эта скорбь впослѣдствіи слѣдующимъ образомъ выразилась въ одной изъ пѣсенъ:

Что, солдатушки, что кручинны такъ?
Не бѣда ли вамъ отъ злодѣйскихъ рукъ?
Ужъ не дрогнуло ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?

---

[8]) Послѣдніе вскорѣ вернулись въ строй.

[9]) Изъ разсказовъ графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга.

[10]) Почему Ермоловъ не командовалъ въ этотъ день дивизіей— не знаемъ. Очень можетъ быть, что въ то время онъ еще не вступилъ въ командованіе ею и выполнялъ какое либо другое назначеніе.

Не ослабли ль руки крѣпкія?
Не колыхнулся ль вашъ булатный штыкъ?
Какъ промолвили всѣ солдатушки:
Не бывать тому, чтобъ злодѣй сломилъ!
Не дрожать сердцу русскому, богатырскому!
А печаль, тоска, горелютое
Отъ очей, какъ ночь, гонятъ бѣлый свѣтъ.
Ахъ, не солнышко закатилося,
Не свѣтелъ мѣсяцъ тучей кроется;
Какъ отъ насъ ли, отъ солдатушекъ,
Отошелъ нашъ батюшка, Кутузовъ князь!
Не за горы, за высокія,
Отошелъ отъ насъ въ мать сыру землю!...

„Возвращаясь къ Дрездену, пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, намъ пришлось проходить по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ мы нѣсколько дней тому назадъ пировали героями и хвастались, что французамъ не видать болѣе саксонокъ. Несмотря на теплую погоду, я все старался спрятать свое лицо въ шинель, чтобы проѣхать черезъ деревню и не быть узнаннымъ своими хозяйками, которыя, смотря на наше обратное шествіе и узнавъ меня, жалобно спрашивали, что все это значитъ и зачѣмъ мы идемъ назадъ“.[11])

Дальнѣйшее отступленіе отъ Дрездена къ Бауцену (черезъ Раденбергъ и Бишофсверде) было совершено союзными войсками въ совершенномъ порядкѣ. Это видно уже изъ одного того, что въ теченіе 5-ти дней Наполеону было уступлено 65 верстъ (съ 27-го апрѣля по 3 мая). Милорадовичъ, командовавшій арьергардомъ и оказавшій своей энергіей и неустрашимостью большія услуги, былъ возведенъ въ графское достоинство.

8-го и 9-го мая у Бауцена происходило кровопролитное сраженіе. Въ первый день его, гвардейскій и гренадерскій корпуса и кирасиры, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича, стояли въ резервѣ за селеніемъ Башюцемъ. Второй гвардейской дивизіей командовалъ генер.-лейт. Ермоловъ, Литовскимъ и Финляндскимъ полками и гвардейскимъ экипажемъ—командиръ Ли-

[11]) Воспоминанія И. С. Жиркевича. Рус. Стар. 1874 г.

товскаго полка ген.-маіоръ Удомъ 2-й; 2-й бригадой 2-й гвардейской дивизіи—ген.-маіоръ Желтухинъ.

Во второй день Бауценскаго сраженія (9-го мая) л.-гв. Литовскій полкъ простоялъ за селеніемъ Башюцемъ, подъ конецъ сраженія подъ огнемъ французской артиллеріи.[12]) Въ числѣ другихъ войскъ резерва въ 4 часа пополудни полкъ отступилъ на Гохкирхенъ къ Рейхенбергу и Герлицу.[13])

На другой день послѣ Бауценскаго сраженія Витгенштейнъ просилъ увольненія отъ должности главнокомандующаго; на его мѣсто назначенъ былъ Барклай-де-Толли.

Эпоха, въ которую Барклай-де-Толли принялъ начальство надъ арміею, по мнѣнію одного изъ его сподвижниковъ, была однимъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ войны. Сраженія при Люценѣ и Бауценѣ, данныя единственно для того, чтобы задержать непріятеля и выиграть время, стоили дорого и разстроили войска.

Преслѣдованіе отъ границъ имперіи къ Эльбѣ удалило русскую армію отъ ея операціонной базы. Войска терпѣли чувствительный недостатокъ въ военныхъ припасахъ и даже въ продовольствіи. На всемъ пространствѣ между Эльбой и Одеромъ, а также между Одеромъ и Вислой, не было ни магазиновъ, ни перевозочныхъ средствъ.

---

[12]) По словамъ гр. В. Ѳ. Адлерберга.

[13]) За Люценское и Бауценское сраженія офицеры Литовскаго полка получили слѣдующія награды:

Командиръ полка, ген.-маіоръ Удомъ 2-й—орденъ св. Анны 1 ст.

Полковники: (графъ Полиньякъ; (Кишкинъ (контуж. гранатой) — Орд. св. Владиміра IV степени.

Капитаны: Березовскій; Шульгинъ — Орд. св. Владиміра IV степени.

Капитаны: Беклешовъ (адъютантъ генерала Лаврова) св. Анны II ст.; Молоствовъ (адъютантъ Принца Ев. Виртемб.) слѣдующій чинъ.

Штабсъ-капитанъ князь Шаховской— св. Анны II ст.

Поручики: Олсуфьевъ; Энгельманъ; Неѣловъ

Подпоручики: (Граббе 2-й; (Вилинбаховъ

Прапорщики: Пущинъ 2-й; Беклешовъ 1-й; Пущинъ 3-й; Храповицкій; Баронъ Икскуль

Поручики, Подпоручики, Прапорщики — Высочайшія благоволенія.

(Общій архивъ Главнаго штаба).

Недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ былъ такъ великъ, что въ казну были отобраны не только полковые обозы, но и артельныя повозки, составлявшія собственность ротъ, и даже офицерскія вьючныя лошади. Можно положительно сказать, что объ кампаніи 13-го и 14-го г.г. полки совершили почти безъ обозовъ, что очень затрудняло продовольствіе ихъ и снабженіе всѣмъ необходимымъ.

По показаніямъ очевидцевъ, большая часть пѣхотныхъ полковъ русской арміи находилась въ однобатальонномъ составѣ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ наличное число людей не превышало 150—200 человѣкъ; иными бригадами командовали штабсъ-капитаны.... Солдаты были дурно одѣты и обуты. Дисциплина и порядокъ разстроились. Прусскіе генералы жаловались, что страна ихъ терпѣла столько же отъ союзниковъ, сколько и отъ непріятеля и что русскіе отнимали у пруссаковъ транспорты съ провіантомъ.[14])

Фланговое отступленіе союзниковъ къ Швейдницу (15 мая) и занятіе укрѣпленной позиціи на высотахъ при Пильценѣ за р. Пейле (19-го мая), выказывавшее твердую рѣшимость держаться въ Силезіи и продолжать войну, было одной изъ причинъ, заставившихъ Наполеона искать перемирія послѣ ряда побѣдъ. Его армія также была сильно разстроена и терпѣла во всемъ недостатокъ; французская кавалерія была ниже всякой критики, что лишало Наполеона возможности пользоваться плодами своихъ побѣдъ.

23-го мая заключено перемиріе, во время котораго гвардейскій и гренадерскій корпуса и прусская гвардейская бригада были расположены въ окрестностяхъ Рейхенбаха, на тѣсныхъ квартирахъ. Главная квартира главнокомандовавшаго Барклая-де-Толли находилась въ самомъ Рейхенбахѣ, а Императора Александра—въ 7-ми верстахъ отъ него, въ замкѣ Петерсвальде.

Л.-гв. Литовскій полкъ былъ расположенъ сначала въ мѣстечкѣ Стреленъ, а потомъ въ дер. Лангенъ-Зейерсдорфъ, неподалеку отъ Рейхенбаха. Въ началѣ іюня къ полку прибылъ его запасный батальонъ, о сформированіи котораго въ Петербургѣ мы упоминали въ одной изъ предъидущихъ главъ. Батальонъ этотъ, въ числѣ дру-

---

[14]) Богдановичъ, т. I, стр. 296.

гихъ гвардейскихъ запасныхъ батальоновъ, выступилъ изъ Петербурга въ началѣ февраля подъ начальствомъ полковника Карцова и, двигаясь черезъ Юрбургъ и Плоцкъ, присоединился къ полку въ началѣ перемирія, во время стоянки полка въ м. Стреленѣ. Давно ожидаемое прибытіе этихъ подкрѣпленій, въ составѣ одного штабъ-офицера, 10-ти оберъ-офицеровъ, 50-ти унтеръ-офицеровъ, 36-ти музыкантовъ и 580-ти рядовыхъ, дало полку возможность снова перейти въ трехбатальонный составъ, при чемъ запасный батальонъ былъ распредѣленъ по ротамъ полка. Офицеры же, прибывшіе съ резервами, принадлежавшіе къ другимъ частямъ, были снова отправлены въ г. Бѣлостокъ для формированія новаго резервнаго батальона.

Само собою разумѣется, что перемиріемъ полкъ, по мѣрѣ силъ и возможности, воспользовался для приведенія въ порядокъ одежды и обуви, для обученія людей и для утвержденія дисциплины, неминуемо пошатнувшейся во время послѣднихъ неудачъ. Возвращеніе къ полку отставшихъ по болѣзни людей значительно увеличило его численный составъ, такъ что при возобновленіи военныхъ дѣйствій л.-гв. Литовскій полкъ численностью превышалъ всѣ остальные полки обѣихъ гвардейскихъ дивизій.[15])

Вообще перемиріе принесло громадную пользу дѣлу освобожденія Европы. Арміи союзниковъ были укомплектованы и снабжены всѣмъ необходимымъ; но главная выгода союзниковъ заключалась въ томъ, что Австрія, послѣ долгихъ колебаній, рѣшилась, наконецъ, примкнуть къ союзу съ Россіей и Пруссіей, что въ значительной мѣрѣ увеличивало шансы успѣха для союзниковъ.

Въ ночь съ 29-го на 30 іюля запылали костры на всемъ пространствѣ отъ Праги до главной квартиры союзныхъ армій. Это былъ сигналъ, возвѣщавшій о перерывѣ мирныхъ переговоровъ. Въ ту-же ночь Барклай-де-Толли послалъ на непріятельскіе аванпосты объявленіе о прекращеніи перемирія. На слѣдующій день, по вновь составленному плану дѣйствій, болѣе ста тысячъ россійско-прус-

---

[15]) Въ л.-гв. Литовскомъ полку было на лицо всѣхъ чиновъ 1865, тогда какъ въ Финляндскомъ полку состояло на лицо 1505 человѣкъ.

скихъ войскъ выступили изъ Силезіи въ Богемію. 30-го іюля гвардейскій корпусъ былъ собранъ у Нейроде, неподалеку отъ богемской границы, а перваго августа вступилъ въ Богемію и, двигаясь черезъ Гр. Скалицъ, Неделиштъ, Скоховице, Лаучинъ и Эльбъ-Костенецъ, прибылъ 10-го августа въ лагерь при Будинѣ на р. Эгерѣ, гдѣ войска Барклая-де-Толли соединились съ австрійской арміей фельдмаршала Шварценберга. Такимъ образомъ, гвардія вошла въ составъ главной Богемской арміи, состоявшей подъ начальствомъ кн. Шварценберга.

10-го августа 2-я гвардейская дивизія вступила въ Саксонію и 11-го августа расположилась у Гермсдорфа, тогда какъ 1-я гвардейская дивизія и прусская гвардейская бригада оставались въ Теплицѣ.

Въ ночь съ 13-го на 14 августа, наканунѣ Дрезденскаго сраженія, л.-гв. Литовскій полкъ находился у Диппольдисвальде; а 14-го двинулся къ Дрездену, куда прибылъ только къ вечеру, по случаю проливнаго дождя, который изъ черноземнаго грунта сдѣлалъ непроходимое болото. 14-го же 1-я гвардейская дивизія, подъ начальствомъ Ермолова, была послана въ помощь принцу Виртембергскому для обороны Пирнскаго шоссе отъ Вандамма и на разсвѣтѣ 15-го августа присоединилась къ войскамъ 2-го пѣхотнаго корпуса, расположившимся между Пирною и Цегистомъ.

Дрезденское сраженіе 14-го и 15-го августа доказало союзникамъ ту неоспоримую истину, что успѣха нельзя ожидать при отсутствіи единства въ дѣйствіяхъ. Соперничество національностей, различіе идей и личное самолюбіе порождали интриги и столкновенія, парализируя дѣйствія главнокомандовавшаго. Упускалось много времени въ напрасныхъ спорахъ, и когда наступала рѣшительная минута, оказывалось, что прежде задуманный планъ уже не годился вслѣдствіе вновь возникшихъ случайностей.

То-же самое случилось и передъ Дрезденскимъ сраженіемъ. Союзники могли бы занять этотъ городъ почти безъ выстрѣла, имѣя 200 тысячную армію въ окрестностяхъ Дрездена, тогда какъ въ городѣ стоялъ только немногочисленный корпусъ Сенъ-Сира, въ 14 тысячъ человѣкъ.

Но пока у союзниковъ велись переговоры, Наполеонъ уже

успѣлъ вступить въ столицу Саксоніи со стотысячной арміей, на подкрѣпленіе осажденнаго гарнизона.

Хотя Дрезденское сраженіе и нельзя считать пораженіемъ, какъ о томъ гласили французскіе бюллетени (оно было только неудачною атакою), но оно имѣло видъ пораженія, потому что войска союзниковъ должны были отступить, и отступленіе это въ бурную осеннюю ночь, со множествомъ раненыхъ, по размокшимъ отъ дождя дорогамъ, производилось въ ужасномъ безпорядкѣ и имѣло весьма печальное вліяніе на духъ войскъ. Уныніе распространилось въ войскахъ; утрачено довѣріе къ начальствовавшимъ лицамъ; всѣ чувствовали какое то ожесточеніе; соперничество національностей заговорило громче; русскіе бранили нѣмцевъ и взваливали на нихъ вину,—однимъ словомъ, упадокъ духа и безпорядокъ дошли до—нельзя, и положеніе дѣлъ было критическое.[16])

Къ счастью, скоро представился случай отплатить французамъ и исправить дѣло..... Этотъ случай было Кульмское сраженіе.

Простоявъ во время Дрезденскаго сраженія, 15-го августа, въ резервѣ позади д.д. Торны и Лейбница, л.-гв. Литовскій полкъ провелъ ночь на полѣ битвы, а утромъ 16-го августа, находясь въ арьергардѣ, прикрывалъ вмѣстѣ съ другими полками 2-й гвардейской дивизіи отступленіе главныхъ силъ къ Диппольдисвальде. По диспозиціи для отступленія союзной арміи въ Богемію, Барклай-де-Толли, со всѣми россійско-прусскими войсками, долженъ былъ двинуться черезъ Дону, Цегистъ и Петерсвальде къ Теплицу; но занятіе французами пути на Пирну побудило его двинуть свои войска, какъ сказано, черезъ Максенъ къ Диппольдисвальде. 16-го августа, въ тотъ самый день, когда 1-я гвардейская дивизія и 2-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ графа Остермана-Толстого, совершили знаменитый фланговый маршъ отъ Цегисты къ Петерсвальде, 2-я гвардейская дивизія къ вечеру прибыла въ Альтенбергъ.

17-го августа, въ первый день сраженія при Кульмѣ, въ которомъ полки 1-й гвардейской дивизіи и 2-го пѣхотнаго корпуса покрыли себя славою и спасли главную союзную армію отъ неизбѣж-

---

[16]) Изъ разсказовъ очевидца А. П. Колзакова. Рус. Стар. 1870 года.

наго пораженія, 2-я гвардейская дивизія чуть—свѣтъ выступила изъ Альтенберга къ Теплицу. При ней находился Императоръ Александръ и несли на носилкахъ раненаго Моро. О дорогѣ, по которой пришлось двигаться въ этотъ день л.-гв. Литовскому полку, командиръ одной гвардейской батарейной роты выразился такъ: „Это такая дорога, по которой и одинъ разъ ходить нельзя, а моя рота прошла два раза и осталась жива!“

Эта дорога, по словамъ очевидца, напоминала собою вырубленный изъ кремня ящикъ, съ отвѣсными стѣнами въ 2—3 сажени, по дну котораго могла итти только повозка саксонскаго крестьянина. Непрерывные спуски и подъемы съ горы на гору до самаго Теплица. По обѣимъ сторонамъ дороги густой лѣсъ. Каждое сломавшееся колесо телѣги или орудія, каждая застрявшая повозка, задерживали движеніе цѣлой арміи: приходилось прорубливать въ лѣсу, близъ полотна дороги, площадку и поднимать телѣгу или лафетъ вверхъ, чтобы очистить дорогу.[17]) Къ счастью, послѣ продолжительнаго ненастья, съ утра 17-го августа, солнце свѣтило во всемъ своемъ блескѣ. Едва лишь Императоръ Александръ съ окружавшей Его многочисленной свитой выѣхалъ изъ лѣса, покрывающаго гребень Гейерсберга, какъ влѣво, со стороны Теплицкаго шоссе, замѣченъ былъ дымъ. Сначала было его приняли за дымъ бивачныхъ огней; но вскорѣ удостовѣрились, что онъ происходилъ отъ выстрѣловъ; а нѣсколько спустя услышали пальбу, постепенно усиливавшуюся.[18]) Стало очевиднымъ, что непріятель стремится занять выходы изъ горъ и тѣмъ преградить союзникамъ путь въ Богемію. Нужно было во что бы то ни стало подкрѣпить графа Остермана-Толстого; но колонны союзной арміи, растянутыя въ горахъ, двигались весьма медленно по дорогамъ, загроможденнымъ обозами.

Дѣло при Кульмѣ 17-го августа прекратилось съ наступленіемъ сумерекъ. Отрядъ Остермана-Толстого удержалъ свои позиціи, чему много способствовала подоспѣвшая къ концу боя русская гвардейская кавалерія. 2-я гвардейская дивизія, подъ начальствомъ ген.-

---

[17]) Записки И. С. Жиркевича. Рус. Стар. 1874 г. Ноябрь.

[18]) Исторія войны 1813 г. Богдановича, т. II, стр. 277.

лейт. Удома I-го и 1-я гренадерская—подъ начальствомъ ген.-лейт. Раевскаго, прибыли на поле битвы уже по окончаніи сраженія, вечеромъ.

Въ день сраженія 18-го августа, принесшаго блистательные результаты, 2-я гвардейская дивизія стояла во 2-й линіи, позади центральнаго пункта, мѣстечка Пристена. Извѣстно, что тяжесть сраженія 18-го августа пала не на войска, бывшія передъ Вандаммомъ, а на войска прусскаго корпуса Клейста, бывшія въ тылу его. Впрочемъ, л.-гв. Литовскій полкъ участвовалъ въ общемъ наступленіи противъ Вандамма отъ Пристена къ Кульму, былъ въ огнѣ и потерялъ нѣсколько человѣкъ убитыми. Изъ офицеровъ убитъ прапорщикъ Беклешовъ 1-й.[19])

Результатомъ сраженія 18-го августа было взятіе въ плѣнъ всего корпуса Вандамма (12 тысячъ человѣкъ и 81 орудіе) и самого маршала.[20])

На другой день, 19-го августа, на полѣ битвы происходилъ торжественный смотръ войскъ союзными Государями. Императоръ Александръ, Король Прусскій и Великій Князь Константинъ Павловичъ проѣзжали по фронту, не выпуская шляпъ изъ рукъ, съ открытыми головами, и благодарили за блестящую побѣду.[21]) Въ тотъ-же день Императоръ Александръ пожаловалъ Великому Князю Цесаревичу брильянтовую шпагу, за доблестное поведеніе гвардіи.[22])

За отличіе въ сраженіи при Кульмѣ л.-гв. Литовскаго полка полковникъ Молоствовъ, состоя въ званіи дежурнаго штабъ-офицера принца Евг. Виртембергскаго, былъ награжденъ пенсіей.[23]) Штабсъ-капитанъ баронъ Остенъ-Сакенъ (адъютантъ Милорадовича) получилъ слѣдующій чинъ; поручику Щербачеву пожалованъ орденъ Владиміра IV класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ Высочайше повелѣно выдать по 2 рубля асс. на человѣка.[24])

---

[19]) Списокъ чиновъ, убитыхъ и раненыхъ при Кульмѣ. Воен. уч. архивъ Гл. штаба, № 2237.

[20]) Высочайшій приказъ, отъ 26 августа 1813 года.

[21]) Изъ записокъ генерала Ковальскаго.

[22]) „Rys życia Jego Ces. Mości W. X. Konstantego Pawłowicza.“ Warszawa 1833 г.

[23]) Приказъ по арміи генер.-фельдм. Барклая-де-Толли, отъ 11 апрѣля 1815 г.

[24]) Высочайшій приказъ, отъ 26 августа 1813 года.

Въ Кульмѣ армія бивакировала въ шалашахъ и палаткахъ въ долинѣ, изобилующей грушевыми деревьями, яблоками и сливами, такъ что войска питались преимущественно плодами. По вечерамъ съ Богемскихъ горъ прилетали стада куропатокъ, которыхъ солдаты били камнями, а иногда просто брали руками и жарили. Изъ Кульма офицеры ѣздили для прогулки въ Теплицъ, гдѣ ихъ ожидали хорошій столъ, танцующія нѣмочки и чистая, какъ стекло, горячая вода, вытекающая съ горъ въ бѣлыя мраморныя ванны.

„Къ концу этой стоянки, пишетъ очевидецъ, прелесть которой была нарушена сильными дождями, заливавшими наши травяныя постели въ палаткахъ, князь Шварценбергъ приказалъ, въ видахъ безопасности позиціи, вырубить всѣ деревья, плодами которыхъ мы такъ долго наслаждались. Нужно было видѣть ужасъ бѣдныхъ обывателей и слышать ихъ вопли, когда началось это опустошеніе. Наши солдаты неохотно принимались за рубку и ворчали промежъ себя“. (Ковальскій).

Во время шестинедѣльной стоянки у Кульма, имѣвшей довольно мирный характеръ, было нѣсколько празднествъ. 30-го августа, въ день ангела Государя, гвардейская пѣхота давала обѣдъ прусской гвардейской пѣхотѣ. Большая мазанковая рига была главнымъ средоточеніемъ торжества. Стѣны были сняты, столбы до потолка увиты зеленью. Посрединѣ былъ поставленъ столъ для Высочайшихъ Особъ; другіе столы поставлены такъ, что собесѣдники сидѣли только съ одной стороны, лицомъ къ главному столу. Люстры и арматуры были сдѣланы изъ цвѣтовъ, добытыхъ въ Прагѣ. У передняго фаса стояла въ караулѣ рота преображенцевъ со знаменемъ и хоромъ музыки, а позади въ трехъ мѣстахъ—хоры другихъ гвардейскихъ полковъ и пѣсенники всѣхъ полковъ. Гости начали собираться въ 2 часа, а Государь прибылъ въ 3. За главнымъ столомъ сидѣли: Государь, Императоръ Австрійскій, Король Прусскій, князь Шварценбергъ, Барклай-де-Толли, Великій Князь Константинъ Павловичъ, Наслѣдный Принцъ Прусскій и др. Прусскіе офицеры сидѣли за столами, а русскіе офицеры угощали гостей.

Въ день ангела Императрицы, на томъ же мѣстѣ, гвардей-

ская кавалерія угощала прусскихъ кавалеристовъ, въ присутствіи Монарховъ и военачальниковъ.[25])

Въ концѣ сентября л.-гв. Литовскій полкъ оставилъ Теплицкую долину и двинулся черезъ Коммотау, Анненбергъ, Пенигъ, Альтенбургъ и Цейцъ къ Лейпцигу.

Въ трехдневной битвѣ (4, 5 и 6 октября) подъ Лейпцигомъ полкъ въ дѣлѣ не былъ, но часто находился подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, въ особенности 4-го октября, когда большая часть 2-й гвардейской дивизіи (полки Финляндскій, л.-гв. Гренадерскій и Павловскій) имѣли жаркое дѣло у Госсы. Въ то время, когда эти полки 2-й гвардейской дивизіи, сражаясь на глазахъ союзныхъ монарховъ, потерпѣли громадный уронъ, потери л.-гв. Литовскаго полка заключались въ одномъ убитомъ офицерѣ (прапорщикъ Жеваховъ) и нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Послѣ Лейпцигской битвы гвардія двинулась къ Рейну въ составѣ лѣвой колонны Богемской арміи на Веймаръ, Мейнингенъ, Вюрцбургъ и Ашаффенбургъ къ Франкфурту. Благодаря частымъ остановкамъ, главныя силы Богемской арміи такъ отстали отъ французовъ, что всѣ военныя предосторожности оказались излишними: гвардія перестала бивакировать и располагалась по квартирамъ; артиллерійскія роты и батареи нерѣдко оставляли свои парки близъ дороги, а людей расквартировывали въ нѣсколькихъ отъ нея верстахъ.

Движеніе нашихъ арміи къ Рейну было настоящимъ торжественнымъ шествіемъ; русскихъ повсюду встрѣчали, какъ освободителей отъ ненавистной Наполеоновской тираніи. Въ городахъ устраивали тріумфальныя арки, торжественныя встрѣчи, балы и угощенія. Во Франкфуртѣ, куда л.-гв. Литовскій полкъ прибылъ въ концѣ октября, русскіе были встрѣчены горожанами съ большимъ радушіемъ и пользовались самымъ широкимъ гостепріимствомъ.

Изъ Франкфурта гвардія выступила 30-го ноября черезъ Дарм-

---

[25]) Записки И. С. Жиркевича.

штадтъ и Гейдельбергъ въ Карлсруэ, въ окрестностяхъ котораго была расположена на кантониръ-квартирахъ. При движеніи черезъ великое герцогство Баденское, А. П. Ермоловъ отдалъ слѣдующій приказъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи:

„Такъ какъ войска наши приближаются къ тому мѣсту, гдѣ убитъ былъ сраженный ядромъ великій полководецъ Тюреннъ,[26]) то, желая почтить память павшаго героя, предписываю командуемой мною 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, собраться около памятника въ парадной формѣ, пройти церемоніальнымъ маршемъ и отдать честь великому человѣку“.

Приказъ былъ точно исполненъ; полки дивизіи, въ томъ числѣ и л.-гв. Литовскій, прошли повзводно церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника, у котораго стоялъ Ермоловъ.[27]) Затѣмъ, полки остановились и, по знаку начальника дивизіи, троекратнымъ „ура“ почтили память великаго полководца. Послѣ парада Ермоловъ, въ сопровожденіи офицеровъ, вошелъ въ домъ, выстроенный близъ памятника, и въ хранившейся тамъ книгѣ написалъ слѣдующее:

„Генералъ Ермоловъ, со всѣми офицерами 2-й дивизіи русской гвардейской пѣхоты, почтилъ память павшаго французскаго полководца, отдавъ праху его подобающія почести“.[28])

По прибытіи союзныхъ армій къ Рейну русскія войска продовольствовались на основаніи, такъ называемаго, Ашаффенбургскаго тарифа, изданнаго графомъ Барклаемъ-де-Толли, по соглашенію съ правительствами германскихъ государствъ, во избѣжаніе непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на съѣстные припасы. Мѣстныя власти обязаны были доставлять войскамъ провіантъ и фуражъ въ нужномъ количествѣ, по опредѣленной таксѣ.[29])

---

[26]) Дер. Кацбахъ, въ 25 верстахъ отъ Страсбурга.

[27]) У памятника стояло засохшее дерево, подъ которымъ былъ убитъ Тюреннъ; а на деревѣ висѣло на чугунной цѣпи ядро, его сразившее.

[28]) Походныя записки офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

[29]) По Ашаффенбургскому тарифу, дневная дача каждаго нижняго чина опредѣлялась въ слѣдующемъ размѣрѣ:

говядины $^1/_2$ фунта,
ржанаго или бѣлаго хлѣба 2 фунта (или $1^1/_6$ ф. сухарей),
крупъ (рису, фасоли, гороха, чечевицы) $^1/_4$ ф. или 1 ф. картофеля;
порція водки ($^{11}/_{16}$ мааса или 0,08 ведра);
соли въ мѣсяцъ 1 фунтъ.

Офицеры ежедневно получали: 2 ф. хлѣба, 2 ф. мяса, $^1/_4$ фунта рису или крупъ и одну порцію водки, пива или вина.

ГЛАВА VII.

(1814).

Переправа черезъ Рейнъ.— Приказъ Императора Александра.— Походъ въ предѣлахъ Франціи.— Отступленіе отъ Труа къ Лангру. — Движеніе союзныхъ армій къ Парижу.— День сдачи Парижа.— Двухмѣсячное пребываніе полка въ столицѣ Франціи.—Настроеніе парижанъ.— Молебствіе на площади Согласія въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья.—Большой парадъ въ честь прибытія въ Парижъ Людовика XVIII.— Отзывъ герцога Веллингтона о гренадерахъ русской гвардіи.— Заключеніе мира и обратное движеніе л.-гв. Литовскаго полка къ предѣламъ Россіи.— Переправа черезъ Рейнъ у Форъ-Луи.— Торжественныя встрѣчи въ Германіи.— Повелѣніе о командированіи третьяго батальона въ Варшаву.—Причины, его вызвавшія.—Движеніе первыхъ двухъ батальоновъ къ Любеку и переѣздъ моремъ въ Кронштадтъ.

Въ концѣ декабря 1813 года л.-гв. Литовскій полкъ оставилъ квартиры въ окрестностяхъ Карлсруэ и двинулся черезъ Фрейбургъ и Леррахъ къ Базелю. Спустя ровно годъ послѣ перехода черезъ Нѣманъ, 1-го января 1814 года, въ присутствіи Императора Александра I-го, послѣ большаго Базельскаго смотра, полкъ перешелъ черезъ Рейнъ у г. Базеля по каменному мосту и вступилъ въ предѣлы Франціи въ трехбатальонномъ составѣ, считая въ рядахъ своихъ около двухъ тысячъ человѣкъ.[1])

Передъ вступленіемъ въ непріятельскую страну Императоръ Александръ I-й отдалъ приказъ русскимъ войскамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ не мстить непріятелю за разореніе своего отечества...

„Воины, сему поучаетъ насъ свято чтимая православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваша и ненавидящимъ васъ творите добро. Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько-же

---

[1]) Изъ рапорта о состояніи войскъ отъ 25-го декабря 1813 года видно, что въ Литовскомъ полку въ этотъ день состояло 2054 строев. чин. (Воен. уч. арх. Глав. штаба).

побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ и, соединяя въ себѣ храбрость воина, противъ вооруженныхъ, съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа".

Жители Эльзаса, возстановленные противъ русскихъ прокламаціями Наполеона, смотрѣли на нихъ крайне недружелюбно, что составляло полнѣйшій контрастъ тому неподдѣльному радушію, съ которымъ русскія войскія были встрѣчены въ Германіи.

Суровая погода заставляла располагаться по квартирамъ; но онѣ были немногимъ лучше биваковъ, потому что отапливались виноградными прутьями и были такъ холодны, что вода въ нихъ замерзала. Офицеры кое-какъ согрѣвались подъ полушубками; но у солдатъ ихъ не было. Въ фуражѣ и продовольствіи чувствовался ощутительный недостатокъ; за то вина всегда было вдоволь, и солдаты варили на немъ даже щи, находя ихъ очень вкусными.

Обойдя Бельфоръ, обложенный уже союзными войсками, русская гвардія къ 5-му января сосредоточилась въ окрестностяхъ Везуля, а 10-го перешла въ Лангръ, гдѣ простояла до 16-го. 11-го января въ Лангръ пріѣхалъ Императоръ Александръ, 13-го—Король Прусскій, 14-го—Императоръ Австрійскій. Пройдя Шомонъ и Бар-сюръ-Объ, обѣ гвардейскія пѣхотныя дивизіи 20-го января, въ день сраженія при Ла-Ротьерѣ, находились въ 10 верстахъ къ югу отъ него, у Арсонвиля. 21-го января л.-гв. Литовскій полкъ переправился черезъ Объ у Доланкура и подошелъ къ Вандевру, а 26-го расположился на квартирахъ въ окрестностяхъ Труа.

Получивъ извѣстіе о пораженіи Олсуфьева при Шампоберѣ, Государь рѣшился направить главныя силы черезъ Сезанъ въ тылъ Наполеону; поэтому, 31-го января россійско-прусскіе резервы были передвинуты отъ Сана къ Мери, а 1-го февраля—къ Понъ-сюр-Сенъ. Наступленіе Наполеона по долинѣ р. Сены, противъ главной арміи, повело за собою безцѣльное передвиженіе резервовъ изъ Понъ-сюр-Сенъ въ Бре, а потомъ въ Ножанъ и Труа. 8-го февраля русская гвардія расположилась на квартирахъ между Труа и Сенъ-Лье (St.-Lié).

11-го февраля князь Шварценбергъ, имѣя намѣреніе отвести

армію на правый берегъ Сены, отдалъ диспозицію, на основаніи которой всѣ союзныя войска, остававшіяся впереди Труа, получили приказаніе перейти за Сену по мостамъ и уничтожить переправы. Поэтому, въ ночь съ 11-го на 12-е гвардія отступила къ Вандевру; 12-го, сдѣлавъ усиленный переходъ, ночевала у Бар-сюръ-Объ, 13-го перешла въ Коломбей, а 14-го—черезъ Шомонъ въ Лангръ. Это отступленіе главной арміи передъ вдвое слабѣйшими силами Наполеона возбудило всеобщее неудовольствіе противъ Шварценберга. Движеніе Наполеона противъ Блюхера побѣдило, наконецъ, нерѣшительность князя Шварценберга, и онъ перешелъ въ наступленіе.

16-го февраля русская гвардія снова перешла отъ Лангра къ Шомону, 2-го марта заняла Бріенъ, а 8-го—Сенъ-Реми. Движеніе Наполеона за р. Марну, на сообщенія союзныхъ армій, не помѣшало дальнѣйшему ихъ наступленію; обѣ арміи двигались къ Парижу, какъ бы въ мирное время, по заранѣе составленнымъ маршрутамъ.

Пройдя Трефонъ и Куломье, л.-гв. Литовскій полкъ 17-го марта перешелъ Марну у Трильпора и въ тотъ-же день достигъ м. Вилль-Паризи, близъ Парижа.

18-го марта, въ достопамятный день сдачи французской столицы, гвардейскій корпусъ былъ назначенъ для поддержки корпуса Раевскаго, которому назначено было овладѣть Роменвильскими и Бельвильскими высотами. Въ то время, когда 2-й корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго атаковалъ Роменвиль, л.-гв. Литовскій полкъ съ утра стоялъ сначала у Бонди, потомъ у Нуази-ле-Секъ; а въ 3 часа по-полудни, въ числѣ другихъ полковъ гвардейскаго корпуса, двинулся къ Пантену, въ помощь прусской гвардейской бригадѣ Альвенслебена. Стоявшіе впереди полки л.-гв. Гренадерскій и Павловскій, предшествуемые стрѣлками, двинулись подъ личнымъ начальствомъ Ермолова по лощинѣ, между высотами Борегаръ и Шомонъ. Гвардейскіе стрѣлки ворвались въ Бельвиль; одна изъ гвардейскихъ батарейныхъ ротъ, поставленная Ермоловымъ на Шомонскомъ холмѣ, начала громить ближайшіе городскіе кварталы. Казалось, и для литовцевъ наступило время принять участіе въ славной битвѣ; но въ то время, когда Государь объѣзжалъ полки своей гвардіи, имѣя намѣреніе направить ихъ въ битву, къ нему

явился французскій парламентеръ съ предложеніемъ открыть переговоры. [2])

Въ четвертомъ часу по-полудни по линіямъ нашихъ войскъ пролетѣло приказаніе прекратить огонь; повсюду водворилась тишина. Вскорѣ по всѣмъ полкамъ адъютанты и ординарцы разнесли радостную вѣсть о сдачѣ Парижа, встрѣченную восторженнымъ „ура", долго перекатывавшимся по всему полю битвы. Всѣ поздравляли другъ-друга и цѣловались; неудержимо каждый стремился передать свою радость другому. Загремѣла полковая музыка; раздались звонкіе голоса ротныхъ запѣвалъ. Всюду шутки, смѣхъ, говоръ; на лицѣ каждаго написаны радость и веселье. Шумное выраженіе нашей радости привлекло вниманіе парижанъ. У Пантенской заставы, противъ которой была расположена 2-я гвардейская дивизія, показались скатерти и салфетки, вывѣшенныя на кольяхъ и замѣнявшія собою бѣлыя знамена. Народъ повалилъ къ заставѣ, прося позволенія взглянуть на русскій лагерь, на что послѣдовало разрѣшеніе только для женщинъ.

Наступили сумерки; на линіяхъ русскихъ биваковъ зажглись огни: солдаты стали варить кашицу. Вскорѣ объявленъ былъ приказъ: „Къ 7 часамъ утра слѣдующаго дня быть всѣмъ войскамъ въ парадной формѣ, стоять въ густыхъ колоннахъ и такъ ожидать прибытія Государя Императора". Начались приготовленія: солдаты стали чистить и чинить платье, обувь и амуницію; все было попорчено и исковеркано въ битвахъ и походахъ. [3])

Незабвенный день 19-го марта начался прекраснѣйшимъ утромъ; солнце взошло и освѣтило все пространство; взорамъ представился Парижъ. „Наши офицеры—пишетъ очевидецъ,—толкуя о предстоящихъ удовольствіяхъ, въ полной парадной формѣ прохаживались по шоссе. Колонны войскъ собирались и устанавливались. Въ седьмомъ часу мы увидѣли французскаго генерала, ѣхавшаго отъ Пантенской заставы съ трубачемъ; на немъ былъ накинутъ большой синій плащъ, а на головѣ надѣта шляпа съ чернымъ плюмажемъ.

---

[2]) Изъ записокъ М. Ф. Орлова. Богдановичъ.

[3]) Воспоминанія офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Ист. Павловскаго полка.

Это былъ Коленкуръ, нѣкогда заносчивый посолъ французовъ въ Петербургѣ. Теперь онъ былъ блѣденъ, горько и принужденно улыбался при встрѣчѣ съ русскими офицерами. Генералъ Ермоловъ указалъ ему путь къ Государю; Коленкуръ снялъ шляпу, при чемъ изъ подъ плаща видѣнъ былъ шитый золотомъ мундиръ.[4])

Въ $9^1/_2$ часовъ между Пантеномъ и Сенъ-Мартенскимъ предмѣстьемъ стояли: россійско-прусская гвардія, гренадерскій корпусъ, три кирасирскія дивизіи и австрійскіе гренадеры. Появленіе Государя передъ рядами гвардіи въ столь торжественный часъ было встрѣчено съ восторгомъ, вполнѣ понятнымъ. Государь былъ въ прекрасномъ расположеніи духа; милостиво обращался къ своимъ сподвижникамъ, сообщалъ имъ свои воспоминанія. Подозвавъ А. П. Ермолова, въ то время временно командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ, Государь спросилъ его:

„Ну, что, Алексѣй Петровичъ, скажутъ теперь въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка“.

— „Не знаю, Государь! могу только сказать, что слова, которыя я удостоился слышать отъ Вашего Величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному“.[5])

Послѣ объѣзда войскъ Государемъ началось вступленіе ихъ въ Парижъ. Пропустивъ мимо себя прусскую кавалерію и легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію, Императоръ Александръ послѣдовалъ за ними съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ, въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ 1000 генераловъ и офицеровъ различныхъ націй. Шествіе замыкали: австрійская гренадерская бригада, гренадерскій корпусъ, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, прусско-баденская гвардейская бригада, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія и, наконецъ, кирасиры.

Войска шли съ распущенными знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ. По мѣрѣ приближенія къ Пантенской заставѣ, толпы народа дѣлались все гуще и гуще. Отъ Пантенской заставы союзные монархи ѣхали черезъ С.-Мартенское предмѣстье и вдоль бульваровъ

---

[4]) Изъ воспоминаній офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

[5]) Изъ записокъ А. П. Ермолова.

къ Елисейскимъ полямъ. По мѣрѣ углубленія въ городъ, встрѣча дѣлалась восторженнѣе и шумнѣе. Окна, балконы, даже крыши домовъ были переполнены зрителями, энтузіазмъ которыхъ не зналъ предѣловъ. Повсюду слышны были восторженныя восклицанія: „Vive Alexandre!“ „Vivent les Russes!“ „Vivent les alliés!“ Женщины махали бѣлыми платками, бросали цвѣты и бѣлыя кокарды.

Русскія войска были предметомъ ненасытнаго любопытства парижанъ; всѣ рвались впередъ посмотрѣть на воиновъ, пришедшихъ съ дальняго сѣвера, представленныхъ въ угоду Наполеону досужими французскими публицистами грубыми варварами и людоѣдами, находившими вкусъ въ дѣтскомъ мясѣ. Поэтому неудивительно, что французы, и теперь необладающіе глубокими свѣдѣніями по этнографіи, въ то время считали русскихъ существами, едва-ли имѣющими человѣческій образъ. Но вмѣсто этого они были поражены красотой русскихъ мундировъ, здоровымъ видомъ и бодростью солдатъ, учтивостью офицеровъ и остроумными ихъ отвѣтами на французскомъ языкѣ.

На Елисейскихъ поляхъ монархи остановились. Гвардія прошла мимо нихъ церемоніальнымъ маршемъ.[6])

Пройдя по главнымъ улицамъ Парижа, л.-гв. Литовскій полкъ расположился бивакомъ на одной изъ площадей, а черезъ нѣсколько дней получилъ приказаніе занять казармы въ „rue Babilone“.[7])

Двухмѣсячное пребываніе русскихъ войскъ въ Парижѣ осталось навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни каждаго изъ участниковъ войны 1814 года. Между русскими и жителями города господствовало совершенное согласіе; не было и помину о какой либо непріязни, столь естественной въ отношеніяхъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Радушно угощая своихъ постояльцевъ, французы нерѣдко отказывались отъ платы за доставленные ими жизненные припасы. Солдаты наши дружелюбно шутили и заигрывали съ торговками, густыми толпами окружавшими биваки и казармы, занятыя русскими. Богу одному извѣстно, какъ они объяснялись. Напри-

---

[6]) Изъ записокъ принца Евгенія Виртембергскаго, генерала Ковальскаго и изъ воспоминаній офицера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

[7]) Изъ разсказовъ генералъ-адъютанта графа В. Ѳ. Адлерберга.

мѣръ, женщинъ, торговавшихъ водкой они называли „лягутками„ (la goutte) и т. п.

21-го марта офицерамъ были назначены по чинамъ столовыя деньги: прапорщику 3 франка, поручику 4, штабсъ-капитану—5, капитану— 6, полковнику— 10. Русскіе офицеры пользовались къ тому-же большимъ кредитомъ въ лавкахъ и магазинахъ. Офицеры, имѣвшіе состояніе, обращались къ парижскимъ банкирамъ съ простыми удостовѣреніями отъ корпусныхъ командировъ, что они люди со средствами, и получали подъ векселя большія суммы. Впослѣдствіи Государь заплатилъ за всѣхъ.

Въ Пале-Роялѣ продавались русскіе эполеты, сабли, шитье на воротники и даже орденскіе знаки; всѣ эти принадлежности офицерской формы, какъ видно, заготовленныя еще до взятія Парижа, продавались въ три-дорога.[8])

Такъ какъ дуэли между французскими и русскими офицерами повторялись очень часто, то нашимъ офицерамъ было разрѣшено, для уменьшенія числа столкновеній и случаевъ кровавой расправы, внѣ службы носить партикулярное платье.

Въ памяти парижанъ надолго осталось молебствіе, совершенное 29-го марта, въ день Свѣтлаго Воскресенья, по православному календарю, на площади Согласія (place de la Concorde), на мѣстѣ мученической смерти Людовика XVI. Русская гвардія стояла на площади и вдоль Елисейскихъ полей. Императоръ Александръ, сопровождаемый блестящимъ штабомъ союзныхъ армій, французскими маршалами и генералами, при стеченіи необозримой массы народа, объѣзжалъ войска, а потомъ прибылъ на площадь, гдѣ былъ воздвигнутъ аналой. При совершеніи молебна Государь, со всѣми Его окружавшими, преклонилъ колѣни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ была пролита кровь французскаго короля. Торжественные возгласы многолѣтія сопровождались гуломъ русскихъ орудій.

11-го апрѣля заключено было перемиріе впредь до подписанія мирнаго трактата, а вскорѣ затѣмъ состоялся большой парадъ союзнымъ войскамъ, въ честь прибытія въ Парижъ короля Людовика

---

[8]) Записки генерала Ковальскаго. Рус. Вѣстн. 1871 г. № 1.

XVIII. На парадѣ присутствовали: Императоръ Александръ, Императоръ Австрійскій, Король Прусскій, Бернадотъ и Веллингтонъ. Король Людовикъ XVIII сидѣлъ въ павильонѣ и оттуда смотрѣлъ на прохожденіе полковъ нашей гвардіи подъ звуки: „Vive Henri IV". Говорятъ, что герцогъ Веллингтонъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Парижъ, на вопросъ, что ему больше всего понравилось въ столицѣ Франціи, отвѣчалъ: „Гренадеры русской гвардіи".[9])

По прекращеніи военныхъ дѣйствій и заключеніи мира начались приготовленія къ обратному походу въ предѣлы отечества. Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Парижа 21-го мая и въ тотъ же день прибылъ въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ должны были собраться всѣ полки 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Простоявъ съ недѣлю на квартирахъ близъ С.-Жермена, полкъ 27-го мая двинулся черезъ Мо и Шато-Тьери въ Эперне, откуда 10-го іюня выступилъ далѣе и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца перешелъ Рейнъ у Форъ-Луи.[10]) Пройдя великія герцогства Баденское и Веймарское и часть Саксоніи, полкъ въ срединѣ іюля вступилъ въ Дессау. Повсюду тріумфальныя арки и торжественныя встрѣчи; повсюду полкъ былъ свидѣтелемъ неподдѣльнаго энтузіазма нѣмцевъ къ освободителямъ ихъ отечества. Но какъ ни веселъ былъ походъ, какъ ни задушевны были встрѣчи и торжества, устраиваемыя русскимъ воинамъ— освободителямъ жителями освобожденной Германіи, каждый изъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія похода, горя желаніемъ поскорѣе ступить на родную землю. Многимъ изъ литовцевъ не суждено было, однако, скоро вернуться въ Россію.

Въ Дессау командовавшій 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей, ген.-маіоръ Желтухинъ, получилъ отъ Великаго Князя Константина Павловича предписаніе слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, предлагаю Вамъ съ полученія сего сдѣлать слѣдующее: л.-гв. Литовскаго полка третій батальонъ, л.-гв. Финляндскаго полка первый

---

[9]) Записки Жиркевича. Русс. Старина 1874 г. № 12. Записки Ковальскаго. Русс. Вѣстникъ 1871 года, № 1.

[10]) Рапортъ командира 2-й гвардейск. пѣхотной дивизіи начальнику штаба арміи, отъ 1 іюля, за № 5

батальонъ добавить каждый въ своемъ полку *отличнѣйшими офицерами и нижними чинами.* Сіи батальоны должны быть каждый въ 4 роты, по 200 человѣкъ въ каждой. При Литовскомъ батальонѣ назначить всѣхъ музыкантовъ полка, а Финляндскихъ оставить при полку. Исполнивши сіе, отправить сіи два батальона немедленно къ Варшавѣ, для чего снабдить ихъ маршрутомъ и приказать имъ, не доходя Варшавы трехъ маршей, остановиться на кантониръ-квартирахъ непремѣнно къ 18 августа и ждать повелѣній".[11])

Распоряженіе это, имѣвшее непосредственное вліяніе на дальнѣйшую судьбу л.-гв. Литовскаго полка, было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Еще въ бытность свою въ Парижѣ Императоръ Александръ I-й, принимая депутацію отъ польскихъ легіоновъ, сказалъ ей, что польская армія сохранитъ свое прежнее устройство. „Командовать ею будетъ родной братъ мой", добавилъ Государь, указывая на Цесаревича Константина. Изъ этого видно, что Императоръ Александръ I-й, въ виду единодушнаго желанія поляковъ быть принятыми подъ Его скипетръ, тогда еще рѣшился воспротивиться раздѣлу Польши между союзными державами и на Вѣнскомъ конгрессѣ настоять на всецѣломъ присоединеніи герцогства Варшавскаго къ Россіи. Польскіе легіоны, отдавшіеся подъ покровительство Россіи, были возвращены въ Варшаву; Цесаревичъ Константинъ Павловичъ назначенъ ихъ начальникомъ; а для охраненія его особы въ Варшаву посланъ былъ гвардейскій отрядъ, состоявшій изъ одного батальона л.-гв. Литовскаго, одного батальона Финляндскаго, одного дивизіона Уланскаго полковъ и полубатареи гвардейской конной артиллеріи.

Итакъ, 3-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, укомплектованный по повелѣнію Цесаревича наиболѣе твердыми по службѣ и наиболѣе отличившимися въ предшествовавшихъ походахъ офицерами и нижними чинами, подъ командой полковника Кишкина, 28-го іюля 1814 года выступилъ изъ Дессау къ Варшавѣ, по данному ему маршруту. Бригадой, состоявшей изъ двухъ батальоновъ, командовалъ

---

[11]) Повелѣніе Цесаревича генер.-маіору Желтухину II, отъ 16 іюля 1814 г. Московское отдѣленіе общаго архива Главнаго штаба.

командиръ Финляндскаго батальона, полковникъ Ушаковъ, какъ старшій въ чинѣ.

Два первые батальона л.-гв. Литовскаго полка, съ командиромъ ген.-маіор. Удомомъ и полковымъ штабомъ, слѣдовали черезъ Берлинъ въ Любекъ, откуда моремъ были перевезены въ Кронштадтъ. Въ Берлинѣ оказанная имъ встрѣча была особенно торжественна и надолго осталась въ памяти очевидцевъ. Самъ король выѣзжалъ на встрѣчу; толпы народа встрѣчали наши батальоны далеко за городской заставой съ радостными восклицаніями и бросали на дорогу цвѣты и вѣнки. Прусскія войска, составлявшія гарнизонъ Берлина, были выстроены шпалерами на пути и отдавали честь съ крикомъ „ура“.[12])

Прослѣдимъ сначала вкратцѣ жизнь первыхъ двухъ батальоновъ л.-гв. Литовскаго полка въ Петербургѣ, до переименованія ихъ въ 1817 году въ л.-гв. Московскій полкъ, а потомъ перейдемъ къ описанію жизни третьяго батальона въ Варшавѣ, до сформированія изъ него новаго л.-гв. Литовскаго полка.

---

[12]) Изъ разсказовъ современника той эпохи, графа В. Ѳ. Адлерберга.

ГЛАВА VIII.

(1814—1817).

Прибытіе въ Петербургъ первыхъ двухъ батальоновъ л.-гв. Литовскаго полка.— Приказъ объ увольненіи нижнихъ чиновъ въ кратковременные отпуски.— Походъ 1815 года.—Увлеченіе плацъ-парадами и мелочами фронтовой службы.—Первый командиръ л.-гв. Литовскаго полка, генер.-маіоръ Удомъ.—Различіе во взглядахъ на воспитаніе солдата.—Либеральное направленіе военной молодежи и разладъ въ средѣ офицеровъ.— Упадокъ дисциплины и склонность къ составленію тайныхъ обществъ.—Масонство.— Переѣздъ двора въ Москву и приказъ о переименованіи первыхъ двухъ батальоновъ л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій полкъ.

Въ началѣ сентября 1814 года первый и второй батальоны л.-гв. Литовскаго полка вступили въ Петербургъ и заняли тѣ-же казармы, въ которыхъ жили до 1812 года, у Семеновскаго моста, въ бывшемъ домѣ Глѣбова. Не станемъ описывать ни радости, которую испытывалъ каждый изъ чиновъ полка, возвращаясь домой, ни энтузіазма жителей Петербурга при вступленіи войскъ гвардіи въ столицу.

Послѣ ряда праздниковъ, данныхъ въ честь возвратившихся войскъ, для Литовскаго полка наступила обычная жизнь мирнаго времени, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами. Полкъ, такъ сказать, залѣчивалъ свои раны, пополнялъ пробѣлы въ строевомъ образованіи; устраивалъ хозяйственную часть, разшатанную продолжительными походами, и приводилъ въ порядокъ дѣла. Ничто не разстраиваетъ такъ организмъ части, какъ продолжительный походъ, а потому приведеніе полка въ нормальный видъ, послѣ столь долгихъ непрерывныхъ походовъ, было дѣломъ въ высшей степени труднымъ.

По возвращеніи съ похода дозволено было уволить въ кратковременный отпускъ по 1-е мая 1815 года по 100 человѣкъ съ каждаго батальона—цифра небывалая до той поры. По этому поводу

графъ Милорадовичъ, командовавшій въ то время гвардейскимъ корпусомъ, отдалъ слѣдующій приказъ:

„Солдаты! Его Императорское Величество дозволяетъ домовые отпуски по 1-е мая; мнѣ пріятно объявить вамъ сію Монаршую волю, возвращающую васъ семействамъ, жаждущимъ обнять героевъ, спасителей отечества. Спѣшите въ домы ваши, успокойте сѣтующихъ родственниковъ, раздѣлите съ ними славу блистательныхъ вашихъ побѣдъ; повѣдайте имъ, что сдѣлали вы для вѣры, Царя и отечества, и слезы радости облегчатъ тяготу разлуки ихъ съ вами. Воины! Да сопутствуетъ вамъ миръ и тишина, какъ сопутствовала вамъ слава на полѣ брани. Храните честь солдата: она пріобрѣтается кровью, поддерживается поведеніемъ безпорочнымъ. Солдаты гвардіи! я знаю васъ и спокоенъ. Примѣрные въ бояхъ вездѣ примѣрными пребудутъ!“

Вскорѣ обычный ходъ занятій былъ нарушенъ новымъ событіемъ. Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, и гвардія снова двинулась въ походъ. Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ С.-Петербурга 5-го іюня 1815 года, дошелъ до Вильны, простоялъ тамъ около трехъ недѣль, а затѣмъ, вслѣдствіе измѣненія политическихъ обстоятельствъ, возвратился опять въ Петербургъ. Послѣ этого эпизода жизнь пошла снова обычной колеей.

Нужно замѣтить, что въ описываемый періодъ времени въ обученіи войскъ болѣе всего обращали вниманіе на то, что отвѣчало наружной красотѣ фронта. Въ одиночномъ образованіи солдата главную роль играли: „правила позитуры, чувство и равенство каблуковъ, колѣнъ, груди, плечъ, рукъ, локтей, ладони, головы и даже глазъ“.[1]) Это было время увлеченія плацъ-парадами. Страннымъ покажется каждому, что послѣ ряда блестящихъ подвиговъ, совершонныхъ русской арміей въ славную эпоху войнъ 1812, 1813 и 1814 г.г., совершонныхъ, конечно, безъ равненія каблуковъ и глазъ, безъ вытягиванія носковъ, безъ педантической стройности движеній, у насъ на это-то именно и обращено было почти исключительное вниманіе. Великія побѣды не только не отвратили насъ отъ безпо-

[1]) „Школа рекрутская“ часть 1, урокъ 1, § 2.

лезныхъ мелочей фронтовой службы, но еще утвердили ошибочное убѣжденіе, что именно въ этихъ мелочахъ плацъ-парадной службы и въ строжайшихъ взысканіяхъ за ихъ нарушеніе кроется залогъ нашихъ боевыхъ успѣховъ.

„....Военное ремесло у насъ, писалъ одинъ изъ военныхъ писателей того времени, заключалось лишь въ несносно педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Ряды арміи постепенно наполняются поэтому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать право на командованіе частями... Относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой, каково большинство офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ“.[2])

Прочитывая приказы того времени, невольно убѣждаешься въ справедливости словъ Дениса Давыдова. Смотры, парады и разводы бывали по нѣскольку разъ въ недѣлю, а приготовленія къ нимъ поглощали все время, въ ущербъ одиночному образованію солдата. Впрочемъ, при тогдашней системѣ обученія войскъ, отъ нихъ ничего больше и не требовалось, кромѣ ружейныхъ пріемовъ, красивой маршировки и знанія затѣйливыхъ строевыхъ уставовъ. Попытки къ обученію фехтованію на штыкахъ въ пѣхотѣ были сдѣланы впервые только въ 1825 году; гимнастикѣ не обучали; а объ умственномъ развитіи солдата не было и помину. Обученіе стрѣльбѣ стояло так-

[2]) Записки Дениса Давыдова.

же на заднемъ планѣ; на учебную стрѣльбу въ пѣхотѣ отпускалось только три патрона въ годъ на человѣка, что далеко не соотвѣтствовало цѣли—научить людей стрѣлять. На самомъ дѣлѣ выходило, что полки учились стрѣлять только на смотрахъ. Учебная стрѣльба производилась на три дистанціи: одна пуля выпускалась на дистанціи 100 шаговъ, другая— 150, третья— на 200. Этимъ и заканчивался курсъ стрѣльбы. Слѣдующій приказъ графа Милорадовича по гвардейскому корпусу показываетъ, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находился этотъ отдѣлъ обученія:

„Лейбъ-гвардіи пѣшіе полки дошли до такого устройства, что всѣ построенія дѣлаются наилучшимъ образомъ и соблюдаются вообще всѣ правила, на основаніи которыхъ достигается совершенство. Но относительно пальбы надо обратить особенное вниманіе".

„Солдаты вообще въ батальонахъ не соблюдаютъ тѣхъ правилъ, которымъ ихъ учатъ поодиночкѣ: иные прикладываются вверхъ, другіе, не прикладываясь, стрѣляютъ вверхъ-же, особливо въ пальбѣ рядами или батальнымъ огнемъ".[3])

Конечно, и въ л.-гв. Литовскомъ полку обученіе велось по той-же формалистической системѣ. При двадцатидвухлѣтнемъ срокѣ службы, при строгости требованій и взысканій за ихъ неисполненіе, достигалось даже совершенство. Полкъ очень часто получалъ Монаршія благоволенія и благодарности начальства.

„Его Императорское Величество, читаемъ въ одномъ изъ приказовъ за 1816 годъ, объявляетъ совершенное свое удовольствіе командиру л.-гв. Литовскаго полка, генералъ-маіору Удому, всѣмъ батальоннымъ командирамъ и г.г. офицерамъ этого полка за бывшее 15-го числа сего мая ученье; нижнимъ чинамъ жалуетъ по рублю на человѣка. О таковомъ Монаршемъ благоволеніи пріятно объявить мнѣ по корпусу".[4])

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого графъ Милорадовичъ производитъ инспекторскій смотръ полку, остается вполнѣ довольнымъ чистотой одежды, исправностью амуниціи и оружія, опрятностью

---

[3]) Приказъ по гвардейскому корпусу, 19-го мая, 1816 г. за № 104 (архивъ л.-гв. Литовскаго полка).

[4]) Приказъ по гвардейскому корпусу, отъ 19-го мая, за № 105.

казармъ, доброкачественностью пищи, хорошимъ видомъ нижнихъ чиновъ и вообще внутреннимъ порядкомъ и объявляетъ благодарность командиру и всѣмъ офицерамъ полка.[5])

Къ началу 1816 года относится распоряженіе объ улучшеніи пищи нижнихъ чиновъ гвардіи, выразившееся слѣдующимъ приказомъ графа Милорадовича:

„Солдаты гвардіи, заслуги ваши въ послѣднюю съ Франціей войну обратили на васъ милость Его Императорскаго Величества. Въ ознаменованіе оной повелѣлъ Государь Императоръ производить вамъ отнынѣ впредь по два раза въ недѣлю мясную порцію, по полуфунту говядины на человѣка, исключая трехъ главныхъ постовъ".

Обращено было также вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго положенія офицеровъ. Въ Высочайшемъ приказѣ, изданномъ по этому поводу въ концѣ 1816 года и обращенномъ къ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, между прочимъ, читаемъ:

„....Мы видѣли въ жалованьи вашемъ скудность и несоразмѣрность настоящимъ въ жизни нуждамъ и давно желали содержаніе ваше увеличить; но обширныя и необходимо нужныя государственныя надобности по сіе время сдѣлать сего не дозволяли; нынѣ же, при самой первой возможности, мы, съ совершеннымъ удовольствіемъ исполняя то, о чемъ всегда помышляли, объявляемъ слѣдующее:

1) Всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ нашей лейбъ-гвардіи, арміи, гарнизона и внутренней стражи, начиная отъ прапорщика до полковника, Всемилостивѣйше жалуемъ добавку жалованья, усугубляющую число онаго.

2) Къ званіямъ командировъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, бригадныхъ генераловъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ начальниковъ, главнаго армейскаго штаба управляющихъ частями онаго, сверхъ получаемаго ими по чинамъ жалованья, присоединяемъ право полученія столовыхъ денегъ.

3) Производство того и другаго повелѣли Мы начать съ 1-го января наступающаго 1817 года на правилахъ, изображенныхъ

---

[5]) Приказъ по гвардейскому корпусу, 2-го іюля, 1816 г. № 157.

въ указѣ, на имя начальника Главнаго Нашего штаба сего числа данномъ. „Александръ".

Въ виду того, что личность полковаго командира имѣетъ большое вліяніе на характеръ управленія полкомъ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ командирѣ л.-гв. Литовскаго полка.

Иванъ Ѳедоровичъ Удомъ былъ назначенъ командиромъ полка въ день его сформированія, т. е. 8-го ноября 1811 года. Предводительствуя полкомъ на поляхъ Бородина, гдѣ литовцы, по выраженію Кутузова, покрыли себя неувядаемою славою, полковникъ Удомъ былъ раненъ и оставилъ полкъ до своего выздоровленія, получивъ за отличіе чинъ генералъ-маіора. Но уже черезъ мѣсяцъ, едва успѣвъ оправиться отъ раны, генералъ Удомъ снова вступилъ въ командованіе полкомъ, пережилъ съ нимъ много трудныхъ минутъ въ теченіе кампаній 1813 и 1814 г.г.; 18-го марта 1814 г. вступилъ во главѣ полка въ Парижъ, а по заключеніи мира съ полкомъ же вернулся въ Петербургъ. Служебная и боевая опытность, энергія и настойчивость, преданность интересамъ службы, природный тактъ и умѣнье направлять служебную дѣятельность подчиненныхъ, безупречная честность, вѣжливость и обходительность были отличительными чертами Ивана Ѳедоровича Удома. Стоя по образованію выше средняго уровня окружавшей его военной среды, онъ, конечно, не могъ сочувствовать господствовавшей тогда палочной системѣ и оказывалъ смягчающее вліяніе на подчиненныхъ ему офицеровъ. Если л.-гв. Литовскій полкъ былъ обязанъ своему командиру совершенствомъ своего образованія (конечно, въ предѣлахъ тогдашнихъ требованій) и своимъ внутреннимъ благоустройствомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя Монаршія благоволенія, то еще важнѣе и благодѣтельнѣе было вліяніе этого гуманнаго начальника на обращеніе подчиненныхъ ему офицеровъ съ нижними чинами полка. Въ своихъ стремленіяхъ къ улучшенію быта солдатъ онъ находилъ сочувствіе со стороны молодыхъ офицеровъ полка, которые, попавъ на поля битвъ прямо со школьной скамьи, не успѣвъ закалить себя формализмомъ, увидѣли въ западной Европѣ другіе, лучшіе, порядки; пріобрѣли другой взглядъ на солдата; поняли, что онъ не машина, а существо разумное и въ высшей степени симпатичное, и вслѣдствіе

этого, очевидно, не могли сочувствовать существовавшимъ у насъ въ то время обычаямъ и порядкамъ. Большинство офицеровъ полка, однакоже, принадлежало къ числу тѣхъ, которые палку считали единственнымъ средствомъ для поддержанія дисциплины и залогомъ боевыхъ успѣховъ; къ тому же и высшее начальство поддерживало систему строгихъ взысканій. Въ послѣднемъ насъ убѣждаютъ приказы того времени по гвардейскому корпусу; приводимъ одинъ изъ нихъ:

„Строжайше подтвердить, чтобы унтеръ-офицеры не иначе выходили со двора, какъ въ полной формѣ; въ противномъ же случаѣ, если кто изъ нихъ, гдѣ либо, встрѣченъ будетъ не въ полной формѣ *тотъ будетъ прогнанъ сквозь строй* и выписанъ изъ гвардіи“.[6])

Насколько въ то время въ гвардейскихъ полкахъ жестоко было обращеніе офицеровъ съ нижними чинами и насколько гибельна была эта система, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ въ запискахъ Ивана Меньшаго, прошедшаго всѣ ступени службы въ нижнихъ чинахъ въ одномъ изъ полковъ гвардейской кавалеріи:

„Командиръ эскадрона у насъ былъ человѣкъ очень строгій. Три года кипѣли мы, какъ въ аду; безъ палокъ ни на ученье, ни въ манежъ не выходили и не выѣзжали. Много слѣдствій было о побѣгахъ солдатъ. У насъ, напримѣръ, убѣгало *человѣкъ по 30 въ одну ночь*. Высшее начальство, вѣроятно, обратило вниманіе на этого ротмистра и запретило ему жестокое обращеніе съ нижними чинами“.

Тогдашняя служебная обстановка была такова, что нужно удивляться, какъ русскій солдатъ могъ сохранить геройскій духъ, способность къ великимъ подвигамъ. Его били, подавляли въ немъ всякое проявленіе мысли и нравственнаго сознанія, не признавали въ немъ человѣческаго достоинства; наконецъ, убивали его физическія силы и часто вгоняли въ гробъ жестокими наказаніями.

Война 1812 года и заграничные походы 1813 и 1814 г.г. произвели небывалое возбужденіе либеральной мысли въ средѣ нашей военной молодежи. Съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за гра-

---

[6]) Приказъ графа Милорадовича по гвардейскому корпусу 1-го іюня 1816 г. за № 120.

ницы прогрессивныя идеи начали распространяться въ Россіи. „Воины всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ... это была настоящая пропаганда...“

„Молодежь безкорыстно увлекалась гуманизирующею и просвѣтительною дѣятельностью. Политическіе и общественные вопросы, волновавшіе тогда Европу увлекали ее. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ которыми они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили, въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были-ли ихъ слушатели сторонники или противники ихъ мнѣній“.[7])

По свидѣтельству современниковъ, многіе изъ передовыхъ людей той эпохи желали отмѣны тѣлесныхъ наказаній и развитія солдата посредствомъ школы, но большинство напрягало всѣ усилія, чтобы доказать, что всѣми успѣхами, самою своею непобѣдимостью русская армія обязана лишь тѣлеснымъ наказаніямъ, злоупотребленіе которыми превосходило всякое вѣроятіе. Солдаты того времени, вспоминая о своей службѣ, говорили: „служили мы тогда, когда изъ десятерыхъ девять убивали, а десятаго на племя оставляли“.[8])

Понятно, что военное общество, составленное изъ двухъ противоположныхъ элементовъ, не могло представлять собою гармоническаго цѣлаго. Видѣнъ полный разладъ между людьми стараго закала и молодымъ поколѣніемъ, между старыми обычаями и новыми стремленіями улучшить судьбу низшей братіи; разладъ, оказывавшій гибельное вліяніе на состояніе дисциплины въ войскахъ гвардіи. По свидѣтельству одного изъ современниковъ той эпохи, дисциплина въ то время была крайне слаба; служебныя столкновенія начальниковъ съ подчиненными нерѣдко оканчивались дуэлями; этотъ видъ самосуда процвѣталъ до такой степени, что числомъ дуэлей гордились, какъ боевыми отличіями. Нижніе чины находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ начальниковъ, которые могли ихъ истязать, грабить и морить голодомъ.[9])

---

[7]) „Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка,“ статья Шашкова. „Дѣло“ 1870 года, № 5.

[8]) Изъ записокъ генерала Маевскаго. Рус. Старина 1882 г. № 18.

[9]) Записки генерала Маевскаго. Рус. Старина 1882 г. № 4.

Слѣдующій случай можетъ служить примѣромъ того, въ какомъ упадкѣ находилась въ то время дисциплина и какъ ненормальны были отношенія между начальниками и подчиненными.

Императрица Елисавета Алексѣевна, имѣвшая обыкновеніе поутрамъ гулять въ лѣтнемъ саду, была, однажды, испугана неожиданно появившимся карауломъ спѣшенныхъ кавалергардовъ, возвращавшихся въ свои казармы. По докладѣ объ этомъ Государю, карауламъ воспрещено было впредь проходить черезъ лѣтній садъ. Эскадронный командиръ, полковникъ Шеншинъ, пошелъ, однажды, посмотрѣть, исполняется-ли это распоряженіе, и войдя въ садъ, увидѣлъ штабсъ-ротмистра Авдулина, ведущаго свой караулъ по одной изъ аллей. Онъ напомнилъ ему приказъ; тотъ возразилъ, и слово за слово оба, одинъ другому, наговорили дерзостей. Они стрѣлялись, и полковникъ Шеншинъ былъ убитъ.[10])

Другимъ неестественнымъ явленіемъ въ средѣ военныхъ той эпохи было пристрастіе военной молодежи къ устройству тайныхъ обществъ. Масонство практиковалось въ Петербургѣ съ особенною ревностью. Почти все высшее и среднее общество, вся военная молодежь и вся интеллигенція принадлежали къ ложамъ, которыхъ въ столицѣ было нѣсколько. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о ложѣ „Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей“, которая была основана военными и состояла почти исключительно изъ военныхъ членовъ. По разсказамъ одного изъ современниковъ, въ составъ этой ложи входили многіе изъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, въ томъ числѣ и самъ разсказчикъ; одинъ изъ нихъ, капитанъ графъ Полиньякъ, занималъ въ этой ложѣ одну изъ высшихъ степеней масонства.[11])

Ложи были какъ-бы нейтральныя территоріи, какъ-бы оазисы среди всеобщаго оффиціальнаго застоя, гдѣ каждый могъ высказываться свободно. Въ ихъ стѣнахъ сглаживались служебныя и сословныя различія; нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя, а сенатскій секретарь имѣлъ въ подчиненіи сенатора

---

[10]) Изъ статьи: „генералъ Васильчиковъ во время командов. его гвардейскимъ корпусомъ.“

[11]) Изъ разсказовъ графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга.

своего департамента. Внѣ масонскихъ ложъ общительность не существовала, и всѣ какъ-то чуждались другъ-друга.

Не находя пищи для ума ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, лучшая военная молодежь бросалась въ объятія масонства. Кромѣ того, многіе изъ ея среды, увлекаясь хотя и гуманными, но не зрѣлыми политическими планами, основывали общества съ антиправительственными цѣлями, какъ напр. „Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“, „Союзъ благоденствія и т. п. Въ нѣдрахъ этихъ тайныхъ обществъ и союзовъ замышлялись и созрѣвали преступные планы, повлекшіе за собой впослѣдствіи декабрьскія событія...

Въ августѣ 1817 года Императоръ Александръ Павловичъ переѣхалъ въ Москву, разоренную и поруганную непріятелемъ, со всѣмъ дворомъ, министрами и государственнымъ совѣтомъ, и пробылъ тамъ почти годъ. Незадолго до выѣзда Государя туда отправлены были первые батальоны всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты, въ томъ числѣ и л.-гв. Литовскаго.

12-го октября 1817 года въ Москвѣ былъ отданъ слѣдующій Высочайшій приказъ:

„Лейбъ-гвардіи Литовскому полку именоваться лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ; батальону же сего полка, въ Варшавѣ находящемуся, сохранить прежнее званіе л.-гв. Литовскаго полка“.

Окончивъ нашъ трудъ по отношенію къ двумъ первымъ батальонамъ стараго л.-гв. Литовскаго полка, перенесемся въ Варшаву и прослѣдимъ судьбу 3-го батальона, послужившаго кадромъ для новаго л.-гв. Литовскаго полка.

ГЛАВА IX.

(1814 — 1817).

Вступленіе гвардейскаго отряда въ Варшаву.— Веселое настроеніе этого города.—Формированіе польской арміи и литовскаго корпуса.— Назначеніе Варшавскаго гвардейскаго отряда и его организація до 1817 года.—Инструкція генералъ-фельдмаршала Барклая-де-Толли.— Состояніе строеваго образованія въ батальонѣ л.-гв. Литовскаго полка и порядокъ службы.—Матеріальное положеніе офицеровъ и солдатъ.— Непріязненныя отношенія польскихъ и русскихъ войскъ.— Смѣшанные браки.— Торжественный въѣздъ Императора Александра I-го въ Варшаву въ 1815 г.

Въ началѣ сентября 1814 года гвардейскій отрядъ, состоявшій изъ двухъ батальоновъ пѣхоты (одинъ л.-гв. Литовскаго и одинъ л.-гв. Финляндскаго полковъ), двухъ эскадроновъ л.-гв. Уланскаго полка и полубатареи гвардейской конной артиллеріи, собрался въ окрестностяхъ Варшавы и, въ ожиданіи Цесаревича Константина Павловича, долженствовавшаго пріѣхать изъ Вѣны, готовился къ торжественному вступленію въ столицу вновь созданнаго царства. Цесаревичъ хотѣлъ показать свою гвардію въ полномъ блескѣ.

Варшава также готовилась къ пріему желанныхъ гостей. Опасенія поляковъ, что ихъ отечество будетъ раздѣлено между сосѣдними державами, не оправдались; желаніе ихъ быть принятыми нераздѣльно подъ скипетръ Императора Александра, почти исполнилось, при чемъ первыми его признаками было извѣстіе о томъ, что Великій Князь Константинъ Павловичъ будетъ жить въ Варшавѣ, и слухъ о движеніи туда же отряда русской гвардіи. Поэтому пріѣздъ Цесаревича и вступленіе русскаго отряда ожидались жителями Варшавы съ нетерпѣніемъ, вполнѣ понятнымъ. Для Цесаревича отдѣлывался Брюлевскій дворецъ, и городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ.

17-го сентября, въ 11 часовъ утра, русскій отрядъ, подъ лич-

ной командой Великаго Князя,[1]) при громадномъ стеченіи народа, съ музыкой вступилъ въ городъ черезъ Вольскую заставу и затѣмъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо генералъ-фельдмаршала Барклая-де-Толли, который выразилъ свое удовольствіе въ приказѣ по арміи, заканчивавшемся слѣдующими, лестными для отряда, словами:

„Бывъ очевидцемъ и свидѣтелемъ той отличной храбрости и безпримѣрнаго мужества, съ какими сіи самыя войска, вмѣстѣ съ товарищами своими, сражались на полѣ чести и увѣковѣчили славу Государя и Отечества своего, и тѣхъ величайшихъ и долговременныхъ трудовъ, какіе они въ войнѣ переносить должны были, я не могъ не удивляться, что послѣ всего того, войска сіи возвращаются съ такою исправностью и устройствомъ во всѣхъ генерально частяхъ, которыя превзошли всякое мое чаяніе и ожиданіе. Бодрость и веселый видъ людей доказываютъ наилучшее попеченіе объ нихъ ихъ начальниковъ; чистота и единообразіе въ одѣяніи, въ оружіи и въ ружейной амуниціи, и содержаніе лошадей въ хорошемъ тѣлѣ удостовѣряютъ въ строгомъ соблюденіи порядка службы. Вмѣняя въ особенную честь командовать столь отличными войсками, пріятнымъ поставляю долгомъ изъявить истинную благодарность мою батальоннымъ и эскадроннымъ начальникамъ и всѣмъ г.г. офицерамъ за рѣдкое и примѣрное усердіе ихъ къ службѣ“.[2])

Дѣйствительно, внѣшній видъ войскъ былъ превосходенъ, и Варшава точно такъ-же изумлялась блескомъ русской гвардіи, какъ полгода тому назадъ былъ изумленъ имъ Парижъ.

По приходѣ въ Варшаву, 3-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка занялъ артиллерійскія казармы, въ которыхъ были также квартиры и для офицеровъ батальона. Въ тѣхъ же казармахъ помѣстился и л.-гв. Финляндскій батальонъ.

Странной показалась осѣдлая жизнь послѣ двухъ съ половиною лѣтъ жизни на бивакахъ.[3]) Не менѣе странна была и обстанов-

---

[1]) Колзаковъ, впрочемъ, состоявшій въ свитѣ Цесаревича, говоритъ въ своихъ запискахъ, что Константинъ Павловичъ въ это время былъ еще въ Вѣнѣ; но архивныя свѣдѣнія опровергаютъ это.

[2]) Приказъ по арміи отъ 17-го сентября 1814 года. Архивъ л.-гв. Литовскаго полка.

[3]) Полкъ выступилъ изъ Петербурга въ походъ въ мартѣ 1811 года.

ка новой жизни: маленькому русскому отряду, численностью въ двѣ тысячи человѣкъ, пришлось ютиться въ странѣ тогда еще совершенно чужой, жить среди народа, который еще такъ недавно посылалъ въ Россію свои легіоны,[4]) и быть для нихъ образцомъ и учителемъ, какъ это увидимъ впослѣдствіи.

Вслѣдствіе того, что событія въ этотъ небольшой промежутокъ времени неслись съ неудержимой быстротой, также быстро измѣнились и симпатіи народа польскаго, который изъ врага сдѣлался, повидимому, другомъ русскихъ, по причинамъ, которыя уже были изложены выше. Русскій гвардейскій отрядъ былъ пріятно удивленъ тѣмъ неподдѣльнымъ сочувствіемъ, съ которымъ его встрѣтило населеніе Варшавы. Знатнѣйшіе магнаты польскіе предупредительно открывали свои дворцы для русскихъ офицеровъ и давали въ честь ихъ богатые пиры, на которыхъ выпивалось громадное количество вина за братское единеніе двухъ славянскихъ народовъ. Соревнуя въ гостепріимствѣ и не желая оставаться въ долгу, наши офицеры отвѣчали имъ тѣмъ-же. Варшава ликовала и предавалась удовольствіямъ. Такое настроеніе города, какъ нельзя болѣе, совпадало съ наклонностями общества русскихъ гвардейскихъ офицеровъ. Продолжительная кочевая жизнь, постоянное ожиданіе и готовность умереть, переходъ отъ страшныхъ лишеній къ довольству, все это налагало особый отпечатокъ на характеръ препровожденія времени въ средѣ офицеровъ. Веселая жизнь, торжества, пиры, вино и карты были въ духѣ времени не только тогдашней военной молодежи, но и всего военнаго общества.

„Не запомню эпохи болѣе счастливой въ моей жизни, пишетъ одинъ изъ современниковъ, какъ пребываніе мое въ Варшавѣ съ 1815 по 1830 г.г. Это было какое-то тихое пристанище послѣ продолжительной боевой и бурной жизни“.

„Наступила эпоха мира послѣ долгихъ и кровопролитныхъ войнъ; утомительная бивачная жизнь кончилась и увѣнчанные славою оружія, прогремѣвшаго на всю Европу, русскіе офицеры благоденствовали и отдыхали. Умѣренный климатъ, дешевизна и удобства

---

[4]) Корпусъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Понятовскаго входилъ въ составъ „Великой арміи“ Наполеона. Его постигла столь же плачевная участь, какъ и другіе корпуса „Великой арміи“.

жизни, веселое общество, и, наконецъ, тогдашнее дружественное настроеніе большинства поляковъ къ русскимъ—все способствовало тому, чтобы придать этому уголку тотъ веселый мѣстный характеръ, которому симпатизировало большинство населенія и который, какъ казалось, долженъ былъ сдѣлаться залогомъ продолжительнаго и безмятежнаго спокойствія и счастія.[5])

Варшава представляла тогда самый оживленный видъ. Городъ обстраивался; польскіе эмигранты, получившіе амнистію, возвращались въ свои помѣстья.

Несмотря, однакожъ, на то, что стоянка въ Варшавѣ обѣщала много удобствъ и удовольствій, всѣхъ русскихъ въ началѣ сильно тянуло на родину. Съ теченіемъ времени эта тоска по родинѣ исчезла и замѣнилась сознаніемъ, что русскіе гвардейцы въ Варшавѣ остаются на стражѣ, впереди другихъ, и первые, въ случаѣ войны, могутъ сойтись съ непріятелемъ. Къ тому-же многіе изъ офицеровъ женились, обзавелись домами и другъ передъ другомъ старались щеголять гостепріимствомъ. Русская военная молодежь дружилась съ польскою; польскія панны перестали коситься на москалей, и въ угодность имъ русскіе гвардейцы заговорили на ихъ языкѣ.[6])

Веселое настроеніе Варшавы и расположеніе поляковъ къ русскимъ еще болѣе увеличились послѣ того, какъ 12-го декабря 1815 года, въ день рожденія Императора Александра, вновь учрежденному царству была объявлена конституція, о которой даже строгій республиканецъ Карно, жившій тогда въ Варшавѣ, отозвался, что хартія, дарованная неограниченнымъ монархомъ, не могла быть составлена либеральнѣе.[7])

Въ томъ-же 1815 году приступлено было, несмотря на опасенія, высказываемыя нѣкоторыми русскими государственными людьми,[8]) къ формированію польской арміи и литовскаго корпуса, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Великаго Князя Константина Павловича. Кадромъ для польской арміи послужили польскіе легіоны

---

[5]) Воспоминанія Колзакова, Русс. Стар. 1873 г. т. IV.
[6]) Воспоминанія Колзакова.
[7]) Исторія польскаго возстанія. Смитъ. Томъ I, стр. 19.
[8]) Всеподданнѣйшее письмо предсѣдателя временнаго управленія герцогства Варшавскаго В. С. Ланскаго къ Императору Александру, отъ 4 мая, 1815 года.

корпуса Понятовскаго, служившіе въ арміи Наполеона и отдавшіеся милосердію Императора Александра. Вновь сформированные полки польской арміи комплектовались исключительно поляками, подобно тому, какъ русскіе полки, вошедшіе въ составъ литовскаго корпуса— уроженцами западнаго края. Той-же системы комплектованія держались и относительно варшавскаго гвардейскаго отряда. Такъ, въ 1817 году, въ пріѣздъ Цесаревича въ Петербургъ, изъ всѣхъ полковъ и батарей гвардіи были имъ выбраны уроженцы западнаго края и въ сентябрѣ мѣсяцѣ отправлены въ Варшаву на укомплектованіе гвардейскаго отряда. Точно такой-же выборъ произведенъ Цесаревичемъ между офицерами гвардейскихъ полковъ и выпускными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ. Въ то-же время множество польскихъ и литовскихъ шляхтичей и обывателей поступили въ полки варшавскаго гвардейскаго отряда, на правахъ вольноопредѣляющихся. Наконецъ, нижніе чины, отправленные по выздоровленіи изъ заграничныхъ госпиталей, при слѣдованіи черезъ Варшаву были представляемы Цесаревичу, который лично дѣлалъ выборъ изъ нихъ, оставляя у себя преимущественно уроженцевъ западнаго края.[9])

Цѣль составленія гвардейскаго отряда въ Варшавѣ выражена въ одномъ изъ приказовъ Цесаревича „въ польскую армію“ слѣдующимъ образомъ:[10])

„§ 6. Для скорѣйшаго изученія всего, что солдату необходимо, и для управленія и усовершенствованія въ польской арміи всѣхъ частей службы, Его Императорское Величество изволилъ оставить въ Варшавѣ россійской лейбъ-гвардіи два батальона и два эскадрона, для чего назначается нынѣ каждому кавалерійскому полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи уланскихъ эскадроновъ по одному оберъ-офицеру, по два унтеръ-офицера и по 8 рядовыхъ и каждому пѣхотному полку изъ оныхъ лейбъ-гвардіи батальоновъ по одному оберъ-офицеру, по четыре унтеръ-офицера и по 32 рядовыхъ, которые и будутъ находиться при полкахъ польской арміи, будутъ служить во

---

[9]) Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка, В. Крестовскаго.

[10]) Приказъ въ польскую армію отъ 22 ноября, 1815 года. Эти приказы писались на русскомъ и польскомъ языкахъ и были одинаково обязательны, какъ для русскаго гвардейскаго отряда, такъ и для вновь сформированной польской арміи.

всѣхъ частяхъ примѣромъ и образцомъ и обязаны показывать весь обрядъ службы, какой заведенъ въ полкахъ россійской лейбъ-гвардіи; а г. г. начальники полковъ польской арміи приложатъ все возможное стараніе воспользоваться симъ даваемымъ средствомъ для усовершенствованія всѣхъ частей службы въ своихъ полкахъ".

Съ этою цѣлью отъ батальона л.-гв. Литовскаго полка были прикомандированы: къ 6-му пѣхотному полку польскихъ войскъ поручикъ Воропановъ и къ 8-му—подпоручикъ Пущинъ съ обозначеннымъ выше числомъ нижнихъ чиновъ „для обученія порядка военной экзерциціи и правилъ позитуры".[11])

Бросимъ теперь взглядъ на организацію гвардейскаго отряда и на порядокъ службы въ батальонѣ л.-гв. Литовскаго полка, до его переформированія.

Великій Князь Константинъ Павловичъ, устранивъ себя отъ гражданскаго управленія царствомъ, которое сосредоточивалось въ рукахъ намѣстника, генерала Заіончека, ограничился ролью главнокомандующаго польской арміей, пользуясь этими же правами и относительно русскаго гвардейскаго отряда. Непосредственнымъ начальникомъ этого отряда былъ въ началѣ назначенъ ген.-маіоръ Веревкинъ. Пѣхота отряда, т. е. Литовскій и Финляндскій батальоны, составляла бригаду, подъ начальствомъ старшаго изъ батальонныхъ командировъ. Начальникомъ гвардейской кавалеріи съ конной батареей былъ назначенъ генер.-маіоръ Альбрехтъ.

Литовскій батальонъ съ Финляндскимъ въ хозяйственномъ отношеніи составлялъ какъ-бы одну часть; по крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ самостоятельной хозяйственной канцеляріи; таковая находилась при Финляндскомъ батальонѣ, вѣроятно, потому, что командиръ послѣдняго, полковникъ Ушаковъ, какъ старшій въ чинѣ, командовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бригадой. Въ этой канцеляріи сосредоточивалась вся хозяйственная отчетность обоихъ батальоновъ, а всѣ должности хозяйственнаго управленія замѣщены были офицерами Финляндскаго батальона.

Батальонъ состоялъ изъ одной гренадерской и трехъ фузелер-

---

[11]) Приказы по батальону за 1816 годъ.

ныхъ ротъ; [12]) первая была составлена изъ людей отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ и переходъ въ нее изъ другихъ ротъ былъ для солдата повышеніемъ.

Организація гвардейскаго отряда, какъ увидимъ впослѣдствіи, совершенно измѣнена въ 1817 году.

До 7 апрѣля 1815 года въ Варшавѣ находилась главная квартира арміи фельдмаршала Барклая-де-Толли, готовившейся къ походу во Францію, по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Ко времени пребыванія Барклая-де-Толи въ Варшавѣ относится инструкція для обученія людей, изданная фельдмаршаломъ. Такъ какъ она была обязательна и для варшавскаго гвардейскаго отряда, то считаемъ умѣстнымъ привести изъ нея нѣкоторыя выдержки, тѣмъ болѣе, что она стоитъ неизмѣримо выше всего, что тогда писалось по этому предмету, и свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ свѣтлымъ и высокимъ взглядомъ на вещи обладалъ фельдмаршалъ и какъ высоко стоялъ онъ для своего вѣка.

...„Корпусъ офицеровъ, чувствующихъ цѣну своего званія, никогда не потерпитъ въ обществѣ своемъ товарища, оскорбляющаго честь почтеннаго сего сословія.“

...„Такое обхожденіе начальниковъ съ подчиненными не относится, исключительно, къ однимъ только офицерамъ, но желательно, чтобы и въ нижнихъ чинахъ возбуждено было чувство чести. А для сего, во первыхъ, необходимо дать имъ почувствовать цѣну почтеннаго званія солдата, коего поведеніе соотвѣтствуетъ достоинству, и вселить надежду къ повышенію.“

„Переводъ въ гренадерскія роты есть первый шагъ къ поощренію солдата, заслуживающаго вѣрностью и хорошимъ поведеніемъ своимъ нѣкоторое отличіе, а потому, дабы сіе, дѣйствительно, оставалось въ томъ точно видѣ, должно строго наблюдать, чтобы гренадерскія роты составлялись не иначе, какъ изъ отличнѣйшихъ людей, дабы званіе гренадера и стрѣлка оставалось въ полной цѣнѣ своей...“

„§ 5. Первоначальное образованіе солдата.

---

[12]) 3-я гренедерская 7, 8 и 9 фузелерныя въ общей нумераціи ротъ л.-гв. Литовскаго полка.

а) натуральная непринужденыая осанка,

б) проворство и вѣрность ружейныхъ пріемовъ, особенно вѣрность прикладки,

в) стрѣльба въ мишень,

г) вольный натуральный шагъ,

д) твердость въ поворотахъ,

е) необходимые барабанные бои.

„§ 6. Ошибки въ ученіи должны быть исправляемы хладнокровно, кроткимъ и яснымъ истолкованіемъ на то правилъ. Всякая горячность въ семъ случаѣ и неумѣренность въ наказаніяхъ терпимы быть не должны.

„Послѣ обѣда не учить, развѣ только за наказаніе, лѣнивыхъ и неумѣющихъ."

„Стрѣлки гренадерскихъ ротъ, сверхъ отличнаго поведенія и храбрости, качества гренадера составлять долженствующихъ, должны отличаться искусствомъ цѣльной стрѣльбы."

...„Чтеніе артикуловъ безъ истолкованій не есть достаточное средство для внушенія солдату обязанностей его..." [13])

Можно безошибочно сказать, что любой параграфъ этой инструкціи послужилъ-бы полезнымъ руководствомъ даже и теперь... Можетъ быть, она не прошла въ жизнь и была забыта тогда такъ скоро только потому, что не соотвѣтствовала духу времени и шла въ разрѣзъ съ существовавшими тогда взглядами на воспитаніе солдата. Она явилась какъ свѣтлый метеоръ и быстро исчезла, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; но тѣмъ не менѣе она представляетъ интересъ при оцѣнкѣ личности фельдмаршала Барклая-де-Толли и его дѣятельности, какъ администратора.

Отсутствіе матеріаловъ [14]) лишило насъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ дѣятельность всѣхъ чиновъ л.-гв. Литовскаго батальона и описать подробно порядокъ службы въ первые годы пребыванія его въ Варшавѣ. Достовѣрно только то, что Литовскій ба-

---

[13]) Инструкція генералъ-фельдмаршала Барклая-де-Толли, отъ 22 февраля, 1815 года. Полковой архивъ.

[14]) Во время возстанія 1830 года полковой архивъ былъ захваченъ мятежниками и сильно пострадалъ. Изъ всѣхъ полковыхъ приказовъ съ 1814 по 1830 годы сохранились только приказы 1816, 1821, 1824 и 1826 гг.

тальонъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію: быть образцомъ для польской арміи. Такъ, въ февралѣ 1815 года, мы читаемъ слѣдующій приказъ по арміи фельдмаршала Барклая-де-Толли [15]).

„Видѣвъ сего дня ученіе находящагося здѣсь батальона лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, подъ командою полковника Кишкина, я ощущалъ при семъ случаѣ удовольствіе ни съ чѣмъ несравненное: вниманіе нижнихъ чиновъ къ командѣ, единообразіе въ выправкѣ людей, хорошее прикладываніе къ стрѣльбѣ, общая расторопность, тишина и точность, съ каковою исполнялись всѣ движенія и построенія, превосходятъ все то, что только можно видѣть въ семъ родѣ лучшаго.

„Зная сколь много требуется трудовъ и попеченій со стороны начальника и неусыпныхъ стараній отъ гг. офицеровъ, дабы достигнуть до сей степени совершенства, мнѣ пріятно довести сіе до свѣдѣнія всей арміи и объявить г. полковнику Кишкину и всѣмъ гг. офицерамъ сего баталіона истинное мое къ нимъ уваженіе.“

Спустя мѣсяцъ, подобный же приказъ читаемъ и относительно л.-гв. Финляндскаго батальона.

Въ приказахъ Цесаревича по литовскому корпусу и польской арміи русскій отрядъ всегда ставился въ примѣръ и образецъ этимъ войскамъ. Кромѣ того, есть полная вѣроятность предполагать, что гвардейскій варшавскій отрядъ служилъ образцомъ не только для польской арміи, но также, если не во всемъ, то по крайней мѣрѣ во многомъ, и для петербургской гвардіи. Въ мартѣ 1816 года къ батальону лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ Варшавѣ находившемуся, были прикомандированы изъ другихъ полковъ гвардіи, по Высочайшему повелѣнію, впредь до производства въ офицеры, три подпрапорщика: Чеванкинъ, Хвощининъ и Владиміръ Желтухинъ для изученія порядка военной службы. Въ пріѣздъ Государя въ томъ-же году въ Варшаву, всѣ трое были произведены въ офицеры съ оставленіемъ въ батальонѣ [16]). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года съ тою-же цѣлью, т. е. для изученія порядка службы, прико-

---

[15]) Отъ 10 февраля, за № 34. Полковой архивъ.

[16]) Одинъ изъ нихъ, Владиміръ Петровичъ Желтухинъ, былъ впослѣдствіи генераломъ отъ инфантеріи и членомъ военнаго совѣта.

мандированъ, по Высочайшему повелѣнію, Эстляндскаго пѣхотнаго полка маіоръ Максимовъ [17]). Частое повтореніе подобныхъ случаевъ показываетъ, что Государь также считалъ гвардейскій отрядъ въ Варшавѣ образцовымъ.

Такимъ отличнымъ состояніемъ варшавская гвардія была обязана отчасти неусыпной заботливости и военно-административной опытности Цесаревича Константина Павловича (о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), отчасти же славному составу солдатъ и офицеровъ. Офицеры, какъ уже сказано, выбраны были лучшіе, какъ по храбрости, выказанной въ предшествовавшія кампаніи, такъ и по знанію службы. Что же касается до нижнихъ чиновъ, то заглянувъ въ ихъ формуляры, сохранившіеся до-нынѣ въ архивѣ л.-гв. Литовскаго полка, увидимъ, что большинство изъ нихъ вступило въ службу еще при Императорѣ Павлѣ, задолго до сформированія л.-гв. Литовскаго полка. Многіе не только видѣли великаго Суворова, но и были участниками его славныхъ подвиговъ. Это были ветераны, украшенные знаками военнаго и аннинскаго орденовъ, медалями за отечественную войну 12-го года и за взятіе Парижа и шевронами за продолжительную службу [18]). Это были люди, закаленные въ бояхъ, испытавшіе всѣ невзгоды долговременной боевой жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ прошедшіе суровую школу мирнаго времени. Съ такимъ матеріаломъ (это выраженіе вполнѣ умѣстно, потому что тогда на солдата, дѣйствительно, смотрѣли, только какъ на матеріалъ) можно было достигнуть того механическаго совершенства, на которое тогда обращено было исключительное вниманіе.

Нѣкоторые порядки, заведенные по иниціативѣ Великаго Князя Константина Павловича и не существовавшіе въ другихъ частяхъ русской арміи, составляли особенность варшавскаго гвардейскаго отряда и способствовали выработкѣ взгляда на варшавскую гвардію, какъ на образцовую. Одна изъ такихъ особенностей выражена въ слѣдующемъ приказѣ:

---

[17]) Приказы по бригадѣ за 1816 годъ.

[18]) Знакъ отличія ордена св. Анны давался нижнимъ чинамъ за двадцатилѣтнюю безпорочную службу. За десять лѣтъ службы давали одну нашивку изъ желтой тесьмы на лѣвомъ рукавѣ мундира; за пятнадцать — двѣ, за двадцать—три такія-же нашивки.

„Рекомендую Гг. ротнымъ командирамъ назначить въ своихъ ротахъ всѣхъ гг. офицеровъ по отдѣленіямъ; ихъ обязанность—быть помощниками ротному командиру, какъ за поведеніемъ солдата, такъ и за обученіемъ его эволюціи, выправкою позитуры, какъ предписано по уставу рекрутской школы, и за исправностью всей состоящей на немъ казенной амуниціи“ [19]).

Этотъ приказъ устранялъ возможность существованія такихъ офицеровъ, которые ничѣмъ не командовали и ни за что не отвѣчали: каждый имѣлъ свою часть, какъ бы ни была она мала, и былъ за нее отвѣтственнымъ лицомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такой взглядъ на обязанности субалтернъ-офицеровъ былъ тогда совершенно новъ и принадлежалъ всецѣло Цесаревичу. За небрежность или неумѣлость взводнаго командира отвѣчалъ командиръ роты, удостоившій его командованія взводомъ. Этотъ порядокъ строго соблюдался, и такимъ образомъ подготовлялись будущіе ротные командиры съ перваго офицерскаго чина. Они, между прочимъ, обязаны были твердо знать въ лицо и по фамиліи всѣхъ людей своего взвода. Цесаревичъ зналъ не только всѣхъ офицеровъ гвардейскаго отряда, а старшихъ, до капитана включительно, называлъ по имени и отчеству, но и фамиліи многихъ солдатъ, чѣмъ часто ставилъ втупикъ офицеровъ, неисполнившихъ его требованія. Спроситъ, бывало, заѣхавъ на полковой дворъ: „Какъ, сударь, зовутъ у васъ этого молодца?“ „Не знаете?“

— „Виноватъ, Ваше Высочество.

— „Ну, такъ я вамъ, сударь, напомню: его зовутъ такъ-то. Стыдно!“

И называя солдата, Великій Князь нерѣдко называлъ и губернію, изъ которой тотъ происходилъ. Память у него была изумительная [20]).

---

[19]) Приказъ по бригадѣ отъ 11 іюня, 1816 года. Частое приведеніе въ текстѣ приказовъ и подлинныхъ документовъ можетъ повліять на связность и гладкость разсказа; но тѣмъ не менѣе нами принятъ этотъ способъ изложенія, въ ущербъ, можетъ быть, литературнымъ достоинствамъ труда, въ виду того, что приведеніе подлинныхъ документовъ, конечно, наиболѣе характерныхъ, есть лучшій и, безспорно, правдивѣйшій способъ изложенія исторіи, такъ какъ исключаетъ личные взгляды пишущаго, съ достаточной рельефностью оттѣняя характеръ эпохи.

[20]) Изъ разсказовъ М. К. Максимовича и Ульянова.

Не легка была служба гвардейскаго отряда въ первые годы его стоянки въ Варшавѣ. Польская армія тогда не представляла еще правильно сформированнаго организма, а потому тяжесть караульной службы, главнымъ образомъ, падала на пѣхоту гвардейскаго отряда. Самымъ труднымъ моментомъ для части, идущей въ караулъ, былъ разводъ, вслѣдствіе сложности церемоній и эволюцій, его сопровождавшихъ. Разводъ происходилъ всегда съ церемоніей въ 8 или 9 часовъ утра, среди города, въ лучшей его части, на Саксонской площади. Великій Князь, почти ежедневно, лично присутствовалъ при этой церемоніи, гдѣ, въ случаѣ надобности, отдавалъ парольныя приказанія. На разводѣ, кромѣ караульныхъ и дежурныхъ, должны были присутствовать всѣ наличные офицеры батальона, вступающаго въ караулъ. Для части, идущей въ караулъ, разводъ былъ чѣмъ-то въ родѣ экзамена, послѣ котораго хорошимъ давались награды въ видѣ серебряныхъ рублей, чарки водки и фунта мяса нижнимъ чинамъ и благодарности Его Высочества офицерамъ, а дурнымъ дѣлались нагоняи. Л.-гв. Литовскій батальонъ часто получалъ благодарности Цесаревича за разводы; бывали, правда, и нагоняи, но рѣдко. Цесаревичъ былъ очень строгъ на разводахъ, обращалъ особенное вниманіе на опрятность одежды и часто, за неряшливый видъ людей, арестовывалъ домашнимъ арестомъ цѣлый полкъ, отъ командира до послѣдняго рядоваго, съ воспрещеніемъ отлучаться со двора иначе, какъ по обязанностямъ службы. Такимъ наказаніямъ особенно часто подвергались вначалѣ полки польской арміи.

Ежегодные пріѣзды Государя, близость Цесаревича, его требовательность по службѣ, которой онъ былъ преданъ всей душой; наконецъ, положеніе гвардейскаго отряда, какъ образцовой части, все это заставляло всѣхъ его чиновъ тянуться изо всѣхъ силъ. Ученья были часты и продолжительны, производились во всякую погоду, всегда въ полной амуниціи. Ранцы солдатъ, по приказанію Цесаревича, на каждое ученье, выкладывались всѣми вещами, которыя по уставу полагалось имѣть въ походѣ [21]). На всѣ почти ученья л.-гв. Литовскій батальонъ выходилъ въ двухъ-батальонномъ соста-

[21]) Приказъ по гвардейской бригадѣ, отъ 28 августа, 1816 года.

вѣ, что было возможно при численности батальона въ 800 человѣкъ и при обиліи офицеровъ. Польза такого дѣленія была очевидна: вмѣсто одного батальоннаго и четырехъ ротныхъ командировъ требовалось два батальонныхъ и восемь ротныхъ командировъ, слѣдовательно, вдвое большее число офицеровъ знакомилось съ этими должностями. Въ пріѣзды Государя въ Варшаву въ 1815 и 1816 годахъ, на всѣ ученья въ Высочайшемъ присутствіи, л.-гв. Литовскій батальонъ выходилъ въ двухъ-батальонномъ составѣ, образуя съ двумя, столь-же импровизованными батальонами Финляндскаго полка, четырехъ-батальонный полкъ. Государь всегда былъ отмѣнно доволенъ, объявлялъ офицерамъ отряда Свое благоволеніе, а нижнимъ чинамъ жаловалъ по серебряному рублю на человѣка. Такихъ рублей, въ каждый пріѣздъ Государя, у каждаго солдата собиралось нѣсколько.

Наряду съ этимъ шло успѣшно и обученіе польской арміи. Офицеры л.-гв. Литовскаго полка, командированные для обученія вновь сформированныхъ полковъ, выполняли свои обязанности съ усердіемъ и обращали на себя милостивое вниманіе Цесаревича, неусыпно слѣдившаго за ходомъ обученія своего любимаго дѣтища.

Такъ, въ іюнѣ 1816 года Великій Князь объявляетъ свою благодарность подпоручику Пущину, находившемуся при 8-мъ пѣхотномъ полку польскихъ войскъ, который найденъ былъ хорошимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ августѣ того-же года, по ходатайству Цесаревича, всемилостивѣйше пожаловано поручику Воропанову 500 рублей и подпоручику Пущину 400 рублей въ награду за усердіе, выказанное ими при обученіи полковъ польской арміи.

Этимъ не ограничивалась инструкторская роль русскаго отряда. Цесаревичъ оставался часто недовольнымъ полками польской арміи и поручалъ временное командованіе ими, въ видахъ исправленія, штабъ и даже оберъ-офицерамъ гвардейскихъ батальоновъ. Въ одномъ изъ приказовъ генералъ-маіора Левицкаго, бывшаго тогда варшавскимъ комендантомъ, читаемъ: „Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ недоволенъ бывшимъ сего числа въ разводѣ 2 егерскимъ полкомъ за худую маршировку и не соблюденіе между шеренгами вѣрной дистанціи, и люди во фронтѣ волновались, ружье держали не ровно, за что полковой командиръ сего полка, г.

полковникъ Чижевскій, арестовывается, а батальоннымъ командирамъ, гг. подполковникамъ Косинскому и Домбровскому, дѣлается выговоръ; полкъ-же сей отдаетъ въ вѣдѣніе во всѣхъ частяхъ по полку устройства фронтовой службы л.-гв. Финляндскаго батальона г. штабсъ-капитану Линдену, къ которому гг. штабъ и оберъ-офицеры 2-го егерскаго полка имѣютъ дѣлать свое по службѣ отношеніе“ [22]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 г. полковнику л.-гв. Литовскаго батальона Дурасову данъ былъ для исправленія и приведенія въ надлежащій видъ 4-й пѣхотный полкъ [23]) польскихъ войскъ; 9 декабря ему объявлена была благодарность Великаго Князя за приведеніе 4-го полка въ порядокъ. Черезъ три дня дается ему-же на исправленіе 1-й пѣхотный полкъ польскихъ войскъ, найденный Цесаревичемъ въ плохомъ состояніи, а 16 декабря того-же года полковникъ Дурасовъ уже командуетъ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ польскихъ войскъ [24]).

Матеріальное положеніе, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ варшавскаго гвардейскаго отряда, сравнительно, было лучше, нежели въ Петербургѣ. Кромѣ жалованья, амуничныхъ и именинныхъ денегъ и т. п. нижніе чины отряда получали еще добавочные шестикопѣечные раціоны, которые выдавались по третямъ. При существовавшей тогда въ Варшавѣ дешевизнѣ (фунтъ мяса, напримѣръ, стоилъ шесть грошей), прибавка шести копѣекъ къ суммѣ, отпускаемой на продовольствіе солдата, могла, конечно, оказать замѣтное вліяніе на улучшеніе его пищи, если только это вліяніе не парализировалось хозяйственными наклонностями ротнаго или эскадроннаго командира.

Офицеры гвардейскаго отряда получали жалованье по заграничному положенію и, кромѣ того, частыя денежныя награды. Въ 1815 году, въ пріѣздъ Императора Александра въ Варшаву, всемилостивѣйше пожаловано было всѣмъ офицерамъ отряда не въ зачетъ годовое жалованье.

---

[22]) Приказъ по варшавскому гарнизону, отъ 2 ноября, 1816 года.

[23]) Извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ „квартаковъ“ и шуточно прозванный русскими солдатами „четвертаками.“

[24]) Приказы по гвардейской бригадѣ и по варшавскому гарнизону за 1816 г.

На первыхъ порахъ въ Варшавѣ нижніе чины польскихъ войскъ и русскаго отряда обнаруживали взаимно враждебныя чувства, которыя нерѣдко проявлялись въ видѣ ссоръ и дракъ. Въ подобныхъ случаяхъ начальники прибѣгали къ мѣрамъ строгости и не допускали послабленій: наказанія слѣдовали за наказаніями, но вражда не уменьшалась. Наконецъ, по желанію Цесаревича, были приняты другія мѣры къ возможному сближенію русскихъ солдатъ съ польскими, при чемъ, между прочимъ, старались сблизить ихъ посредствомъ общихъ обѣдовъ, угощеній, товарищескихъ собраній и т. п. Хотя при такомъ направленіи вражда, повидимому, уменьшалась, но это были лишь наружныя отношенія; искренней пріязни все таки не существовало.

Польскіе и русскіе офицеры тоже косовато посматривали другъ на друга, и это затаенно враждебное отношеніе началось со стороны поляковъ, которые, не удовлетворяясь дарованною имъ конституціею и географическими границами, проявляли плохо скрытое озлобленіе свое противъ русскихъ. Впрочемъ, причина этихъ недружелюбныхъ отношеній крылась не столько въ политическихъ видахъ обѣихъ сторонъ, сколько въ служебныхъ преимуществахъ, которыми справедливо пользовалась заслуженная русская гвардія сравнительно съ польскими войсками и которыя возбуждали зависть польскихъ офицеровъ. Въ особенности это чувствовалось замѣтно со стороны военной молодежи. Варшавское офицерство обѣихъ національностей встрѣчалось, обыкновенно, въ двухъ ресторанахъ на Долгой улицѣ: у француза Александра Шево и у пани Нейманъ, трактиръ которой пользовался въ военныхъ кружкахъ наибольшей извѣстностью, такъ какъ тамъ, для привлеченія публики, были и арфянки, и табль-д'отъ, и женская прислуга. Но и при этихъ встрѣчахъ дѣло сближенія не клеилось: русскіе, бывало, сидятъ въ одномъ концѣ, поляки въ другомъ и явно выказываютъ нежеланіе имѣть что либо общее съ москалями. Къ послѣднимъ причисляли они и тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые служили въ полкахъ русскаго отряда.

Великій Князь, любившій обѣ націи, душевно скорбѣлъ объ этихъ отношеніяхъ и всячески старался водворить полное братство между поляками и русскими. Съ этою цѣлью онъ оказывалъ покро-

вительство смѣшаннымъ бракамъ офицеровъ. Въ этотъ періодъ времени многіе изъ нашихъ поженились на полькахъ, вошли въ польскія семейства и въ польское общество. Поляки охотно роднились съ русскими офицерами, руководствуясь при этомъ исключительно практическими соображеніями [25]).

Браки нижнихъ чиновъ русскаго отряда съ польками были также часты и въ началѣ не стѣснялись никакими обезпеченіями. Потомъ оказалось, однакоже, что многіе, женившись по увлеченію, безъ всякихъ средствъ, бѣдствовали; а потому принято было за правило, чтобы нижніе чины, до вступленія въ бракъ, вносили въ денежный ящикъ, въ видѣ обезпеченія, 1500 польскихъ злотыхъ.

Служебныя отношенія чиновъ польской арміи и русскаго отряда были опредѣленно и точно регулированы закономъ и не представляли поводовъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Высшія военныя власти не дѣлали никакого различія между чинами обѣихъ армій. Русскій офицеръ, нарушившій правила чинопочитанія относительно старшаго въ чинѣ офицера польской арміи, подвергался такому-же взысканію, какъ если бы онъ сдѣлалъ это относительно русскаго офицера. Проѣзжая черезъ какой нибудь городъ, русскій офицеръ долженъ былъ явиться старшему въ городѣ начальнику, польскихъ или русскихъ войскъ безразлично.

Пріѣзды Государя въ Варшаву сопровождались рядомъ празднествъ и торжествъ. Значительное большинство народа польскаго выказывало своему Царю признаки неподдѣльной любви и обожанія, придававшіе особенно теплый и задушевный характеръ торжественнымъ встрѣчамъ. Въ то время народъ польскій отчасти сознавалъ благодѣянія, оказанныя ему Императоромъ Александромъ, отчасти ожидалъ еще новыхъ уступокъ. На сколько были умѣренны эти ожиданія, показали послѣдствія... Но и помимо этого, кротость и ангельская доброта Императора, очаровывавшія всѣхъ, наконецъ, обаяніе славы и могущества, на верхнихъ ступеняхъ которыхъ онъ находился—все это еще болѣе увеличивало возбужденіе народнаго энтузіазма.

---

[25]) Воспоминанія М. К. Максимовича.

Особенною торжественностью отличался первый, послѣ возстановленія царства, пріѣздъ Государя въ Варшаву изъ Вѣны, въ концѣ октября 1815 года. Въ день въѣзда русскія и польскія войска были выстроены шпалерами отъ Саксонской площади до конца улицы „Новый Свѣтъ," а кавалерія помѣстилась въ Уяздовской аллеѣ. Восемьдесятъ четыре орудія россійско-польской артиллеріи были размѣщены вдоль городскаго вала, по сторонамъ Мокотовской заставы и привѣтствовали вступленіе Государя въ Варшаву 101 выстрѣломъ. На площади, находящейся между улицей „Новый Свѣтъ" и началомъ Уяздовской аллеи, названной съ того дня площадью Александра, были воздвигнуты тріумфальныя ворота. При громѣ пушекъ и неумолкаемыхъ кликахъ: „виватъ" и „ура" народа и войскъ, Государь, въ сопровожденіи блестящей свиты офицеровъ всѣхъ національностей, прослѣдовалъ до Саксонской площади, гдѣ мимо него прошли церемоніальнымъ маршемъ всѣ русскія и польскія войска. Во главѣ войскъ шелъ батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, а за нимъ прошла, подъ звуки хора музыки этого батальона, вся русская и польская пѣхота. По окончаніи парада Государь пѣшкомъ, среди несмѣтной толпы народа, прошелъ въ Королевскій замокъ, избранный имъ мѣстомъ своего временнаго жительства. Пребываніе Государя въ Варшавѣ въ этомъ году было продолжительно и ознаменовалось рядомъ празднествъ и милостивыхъ приказовъ [26]).

---

[26]) Архивъ штаба войскъ Варшавскаго военнаго округа.

ГЛАВА X.

(1817 — 1830).

Формированіе новаго л.-гв. Литовскаго полка въ 1817 году.—Новая организація гвардейскаго отряда и ея недостатки.—Пожалованіе л.-гв. Литовскому полку новыхъ георгіевскихъ знаменъ.—Порядокъ службы въ лагерѣ и казармахъ.—Нѣкоторыя особенности караульной службы.

12-го октября, 1817 года, какъ мы уже сказали, послѣдовалъ Высочайшій приказъ о переименованіи л.-гв. Литовскаго полка въ л.-гв. Московскій, которому былъ оставленъ прежній мундиръ. Третьему батальону Литовскаго полка, находившемуся въ Варшавѣ, повелѣно было оставить названіе л.-гв. Литовскаго батальона, съ правами и преимуществами старой Императорской гвардіи. Шефомъ батальона былъ назначенъ Великій Князь Цесаревичъ, а потому 1-й гренадерской ротѣ повелѣно было именоваться ротою Его Высочества. Новое обмундированіе батальона отличалось отъ стараго только тѣмъ, что вмѣсто краснаго приклада и золотаго прибора, данъ былъ желтый прикладъ и серебряный приборъ.

7-го декабря, того-же года л.-гв. Литовскій батальонъ былъ переформированъ въ полкъ того-же имени, состоявшій изъ двухъ батальоновъ. Первымъ командиромъ его назначенъ былъ командиръ 3-го батальона стараго л.-гв. Литовскаго полка, полковникъ *Кишкинъ*, тогда-же произведенный въ генералъ-маіоры [1]).

---

[1]) Штатъ новаго полка былъ слѣдующій: Шефъ 1, генералъ 1, штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 35, унтеръ-офицеровъ 160, рядовыхъ 1840, тамбуръ-маіоръ 1, музыкантовъ 25, барабанщиковъ 34, флейщиковъ 16, нестроевыхъ 34, мастеровыхъ 18, фурлейтовъ 13. Всего 2181.

Каждый батальонъ полка состоялъ изъ одной гренадерской и трехъ фузелерныхъ ротъ. Знамя, бывшее при батальонѣ, поступило въ первый батальонъ вновь сформированнаго полка. Нижніе чины стараго Литовскаго батальона были распредѣлены лично Великимъ Княземъ по ротамъ полка, а недостававшее до комплекта число людей пополнено нижними чинами, выбранными изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, преимущественно уроженцами западныхъ губерній. Люди эти начали прибывать изъ Петербурга въ концѣ октября 1817 года, съ ружьями и полной амуниціей; поэтому, главное затрудненіе представлялось только въ обмундированіи полка по новой формѣ. Дѣло формированія шло такъ быстро, что уже 27-го декабря, того-же 1817 года л.-гв. Литовскій полкъ въ полномъ составѣ участвовалъ въ парадѣ по случаю пріѣзда въ Варшаву наслѣднаго принца прусскаго.

Вновь сформированный полкъ былъ размѣщенъ частію въ артиллерійскихъ, частію въ гвардейскихъ казармахъ (пять ротъ), весьма ветхихъ, находившихся на мѣстѣ нынѣшней цитадели.

Почти одновременно, изъ Финляндскаго батальона былъ сформированъ л.-гв. Волынскій полкъ, тоже двухъ-батальоннаго состава. Л.-гв. Литовскій и Волынскій полки, вмѣстѣ со вновь сформированной гвардейской № 5-го батарейной ротой, составили пѣшую гвардейскую бригаду, командиромъ которой былъ назначенъ генералъ-маіоръ *Веревкинъ*.

Въ началѣ 1821 года эта организація была измѣнена: Литовскій и Волынскій полки вошли въ составъ сводной гвардейской дивизіи, при чемъ л.-гв. Литовскій полкъ соединенъ въ одну бригаду (первую) съ л.-гв. польскимъ гренадерскимъ полкомъ. Въ составъ дивизіи входили, кромѣ того, польскій саперный батальонъ и три артиллерійскія роты (польскія: батарейная № 1-го и легкая № 2-го и русская гвардейская батарейная № 5-го).

Изъ сказаннаго видно, что въ организаціи сводной гвардейской гренадерской дивизіи былъ примѣненъ принципъ подчиненія вспомогательныхъ родовъ оружія начальникамъ пѣхотныхъ частей.

Дивизіоннымъ начальникомъ, по представленію Цесаревича, назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Рихтеръ 2-й; первой бригадой командовалъ бригадный генералъ польскихъ войскъ Жимирскій,

командовавшій въ то-же время и польскимъ л.-гв. гренадерскимъ полкомъ.

Въ 1817 году число кавалерійскихъ частей также было увеличено: изъ уланскаго дивизіона сформированъ л.-гв. уланскій Цесаревича полкъ и, кромѣ того, вновь сформированъ л.-гв. Подольскій кирасирскій полкъ, которому даны права и преимущества старой гвардіи. Къ этимъ двумъ русскимъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкамъ былъ присоединенъ польскій гвардейскій конно-егерскій полкъ. Въ 1824 году вновь сформированъ Гродненскій гусарскій полкъ, получившій права молодой гвардіи. Изъ этихъ четырехъ полковъ и двухъ конныхъ батарей была образована варшавская гвардейская кавалерійская дивизія, начальникомъ которой назначенъ польскій генералъ Курнатовскій.

Сводная гвардейская гренадерская (пѣхотная) и гвардейская кавалерійская дивизіи составляли резервный корпусъ польской арміи, которымъ командовалъ генералъ-адъютантъ графъ Винцентій Красинскій.

Искусственное сліяніе въ одну единицу высшаго порядка войскъ двухъ, почти враждебныхъ, націй составляло большой недостатокъ тогдашней организаціи резервнаго корпуса и дивизій. Но оно служитъ доказательствомъ, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, проникнутый вполнѣ идеями Императора Александра, употреблялъ всѣ средства къ достиженію своей завѣтной мечты — примиренію и сліянію двухъ родственныхъ народовъ.

По сформированіи новыхъ полковъ, артиллерійскихъ ротъ и батарей численность русскихъ войскъ въ Варшавѣ возрасла до семи тысячъ человѣкъ, подчиненныхъ частію русскимъ, частію польскимъ генераламъ. Невыгоды такого подчиненія и такой смѣшанной организаціи обрисуются еще рельефнѣе, если припомнимъ, что въ польскихъ полкахъ обученіе велось на польскомъ языкѣ, и приняты были польскія командныя слова. Тѣмъ не менѣе, съ 1821 года до начала возстанія 1830 года, л.-гв. Литовскій полкъ живетъ довольно миролюбиво на одномъ дворѣ, въ однѣхъ и тѣхъ-же казармахъ (новыхъ гвардейскихъ, выстроенныхъ на мѣстѣ ста-

рыхъ) съ польскимъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, составлявшимъ съ нимъ одну бригаду [2]).

Въ концѣ 1818 года л.-гв. Литовскому полку были пожалованы новыя георгіевскія знамена съ надписью: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году." 31-го декабря 1818 года во дворцѣ Цесаревича происходила прибивка ихъ къ древкамъ, а на слѣдующій день знамена эти были освящены передъ полкомъ, на Красинской площади, въ присутствіи Великаго Князя, и торжественно приняты батальонами. Полкъ былъ удостоенъ при этомъ Высочайшей грамотой, собственноручно подписанной Императоромъ Александромъ въ Ахенѣ 24-го октября, 1818 года, и донынѣ хранящейся въ полковой церкви, какъ памятникъ милостиваго вниманія Императора Александра къ подвигамъ полка во время кампаніи 1812 года [3]). Старое знамя третьяго батальона было сначала поставлено во дворцѣ Цесаревича, а въ 1819 г. препровождено въ Стрѣльну для храненія въ тамошней дворцовой церкви.

---

[2]) Л.-гв. Литовскій полкъ былъ первымъ полкомъ этой бригады; командовалъ ею генералъ Жимирскій, извѣстный своимъ участіемъ въ возстаніи 1830—1831 годовъ въ качествѣ начальника дивизіи мятежныхъ войскъ.

[3]) Приводимъ текстъ этой грамоты:

Божію Милостію
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
и проч., и проч., и проч.
Нашему Лейбъ-Гвардіи Литовскому полку.

По сформированіи полка сего изъ батальона бывшаго л.-гв. Литовскаго, а нынѣ Московскаго полка, участвовавшаго въ достопамятной кампаніи 1812 года и пріобрѣтшаго за знаменитые подвиги, храбрость и мужество знамена съ изображеніемъ знака ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, признали Мы справедливымъ и сему полку пожаловать таковыя-же знамена съ надписью: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 г."

Препровождая у сего оныя, повелѣваемъ: сообразно съ воинскимъ уставомъ освятить ихъ, при прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей грамоты, и употребить на службу Намъ и Отечеству съ вѣрностью, усердіемъ и храбростью, толико Россійскому воинству свойственными. Пребываемъ къ Вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. „АЛЕКСАНДРЪ."

Ахенъ.
24 октября, 1818 года.

Въ порядкѣ службы гвардейскаго отряда и системѣ обученія съ началомъ двадцатыхъ годовъ произошли измѣненія, которыя нельзя было бы пройти молчаніемъ.

Начиная съ 1821 года, вся польская и русская пѣхота варшавскаго гарнизона, ежегодно въ концѣ мая или первыхъ числахъ іюня, выступаетъ въ лагерь, расположенный за Маримонтской заставой, на такъ называемомъ Маримонтскомъ полѣ. Выступленіе въ лагерь и возвращеніе въ Варшаву (въ концѣ или въ срединѣ августа) сопровождались такими-же церемоніями, какъ и выступленіе въ дальній походъ. Наканунѣ каждый полкъ высылалъ квартирьеровъ для занятія лагерныхъ мѣстъ; въ самый день перехода въ лагерь полки собирались въ полномъ походномъ снаряженіи близъ своихъ казармъ, принимали знамена и послѣ общаго торжественнаго молебна и парада, въ присутствіи главнокомандовавшаго войсками, Великаго Князя, съ музыкой отправлялись въ лагерь. Выступленіе изъ лагеря производилось такимъ-же порядкомъ. Въ эти дни и наканунѣ пѣхота освобождалась отъ городскихъ карауловъ, а караульную службу несли кавалерійскіе полки, конная артиллерія, гвардейскія инвалидныя роты [4]), фурштатскіе батальоны, польскіе инвалиды и ветераны, полицейская стража и т. п. Во все остальное время лагерныхъ сборовъ караулы попрежнему занимали пѣхотные полки; но разводы производились уже безъ церемоній въ 8 часовъ утра, за Повонзковской заставой, и только по праздникамъ—въ 9 часовъ, на Саксонской площади.

Лагерныя занятія не отличались разнообразіемъ: та-же маршировка, тѣ-же ученья, какъ и зимой. Ученья производились разъ въ день, утромъ, до 10 часовъ, и утомляли своею продолжительностью и однообразіемъ. Полки и бригады густыми массами стройно маршировали и красиво исполняли подъ музыку множество сложныхъ и эффектныхъ эволюцій. Построенія производились, по большей части, съ контрмаршами, такъ что, по удачному выраженію одного изъ нашихъ старыхъ однополчанъ, взводы и роты издали казались вьющимися змѣйками, что было очень красиво, но не имѣло никако-

---

[4]) При л.-гв. Литовскомъ полку въ 1817 году была сформирована инвалидная полурота № 14-го.

го практическаго значенія [5]). Въ обученіи ружейнымъ пріемамъ стремились, напримѣръ, къ тому, чтобы во фронтѣ, при движеніи противъ солнца штыки у ружей не блестѣли, „ибо оное блистаніе можетъ происходить только отъ неправильной стойки или держанія ружья“ [6]). Хотя послѣ обѣда ученія не производились, но отлучаться изъ лагеря въ Варшаву воспрещалось не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ. Послѣдніе увольнялись только по праздникамъ, съ разрѣшенія полковаго командира, и притомъ въ ограниченномъ числѣ.

Ежедневно наряжался дежурный по всѣмъ войскамъ, въ лагерѣ расположеннымъ, изъ числа командировъ русскихъ гвардейскихъ полковъ и польскихъ бригадъ. Странно видѣть теперь на страницахъ тогдашнихъ приказовъ, наряду съ именами русскихъ генераловъ, имена Гелгуда, Жимирскаго, Шембека, Скржинецкаго и другихъ польскихъ предводителей, пріобрѣвшихъ во время возстанія 1830—1831 годовъ печальную извѣстность.

Въ лагерѣ нижніе чины жили въ палаткахъ. Для офицеровъ постепенно выстраивались бараки; въ Литовскомъ полку постройка офицерскихъ бараковъ съ разрѣшенія Цесаревича начата была въ 1824 году [7]). Полковые, бригадные и дивизіонные командиры, жившіе также въ лагерѣ, развели вокругъ своихъ бараковъ изящные садики, гдѣ среди зелени и цвѣтовъ виднѣлись статуи и красивыя бесѣдки, что придавало лагерю необыкновенную красоту. Днемъ лагерь представлялъ довольно сонный видъ; но вечеромъ онъ оживлялся. Вечерняя зоря съ церемоніей назначалась очень часто и всегда въ присутствіи Цесаревича, что привлекало въ лагерь массы любопытныхъ горожанъ. Командиры войскъ, щеголяя другъ передъ другомъ убранствомъ помѣщеній, устраивали по воскреснымъ днямъ пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь и цвѣтъ лучшихъ красавицъ столицы. Повсюду гремѣла музыка, и танцы продолжались далеко за полночь при блестящей

---

[5]) Изъ разсказовъ генерала отъ инфантеріи А. А. Одинцова и покойнаго графа К. И. Развадовскаго.

[6]) Приказъ по л.-гв. Литовскому полку, отъ 17 января, 1825 года.

[7]) Приказъ по полку, отъ 24 апрѣля, 1824 года.

иллюминаціи, оканчивавшейся фейерверкомъ [8]). Особеннымъ оживленіемъ и многочисленностью собранныхъ войскъ отличались лагерные сборы 1827, 1828, 1829 и 1830 г.г.

Послѣ лагеря ежегодно полку производились инспекторскіе смотры дивизіоннымъ начальникомъ, генералъ-лейтенантомъ Рихтеромъ или начальникомъ штаба Цесаревича, графомъ Курутою. Кромѣ опроса претензій, осмотра хозяйственныхъ учрежденій, повѣрки суммъ и т. п. инспектирующему представлялись: неспособные къ продолженію службы, выслужившіе извѣстные сроки для полученія нашивокъ за безпорочную службу и знаковъ отличія ордена св. Анны; нижніе чины, выслужившіе двадцатидвухлѣтній срокъ для увольненія въ отставку; а также фельдфебеля и унтеръ-офицеры, предназначенные для производства въ офицеры за выслугу лѣтъ. Тутъ-же рѣшались вопросы о перечисленіи строевыхъ нижнихъ чиновъ „за дурную фигуру и неправильную позитуру“ въ фурлейты и инвалидную полуроту.

Осенью, по возвращеніи изъ лагеря, въ полку формировались различныя команды, имѣвшія хозяйственное назначеніе: для сбора на поляхъ лекарственныхъ травъ, для рубки лѣсу, для пережиганія угольевъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, возвращеніе изъ лагеря не означало окончанія полевыхъ ученій, которыя продолжались ежедневно, кромѣ караульныхъ дней и праздниковъ.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ отъ полка посылались въ церковный парадъ въ замковую церковь двѣ роты [9]). По окончаніи литургіи Цесаревичъ обходилъ и поздравлялъ съ праздникомъ всѣ собранныя для парада части, а потомъ пропускалъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ. Изъ всѣхъ церковныхъ парадовъ особенною торжественностью отличался крещенскій, во время котораго войска русскаго отряда стояли шпалерами отъ Королевскаго зам-

---

[8]) Изъ воспоминаній Колзакова.

[9]) Литовскій полкъ не имѣлъ тогда еще ни своей церкви, ни полковаго священника. Замковая православная церковь, устроенная по Высочайшему повелѣнію въ 1818 году, была приходскою для всѣхъ частей русскаго отряда, а ея настоятель, о. Іоаннъ Кутневичъ, считался благочиннымъ отряда. Въ 1823 г. устроена лагерная церковь, также для всего отряда.

ка до берега Вислы, гдѣ устраивалась Іордань для освященія воды и окропленія ею всѣхъ русскихъ знаменъ и штандартовъ.

Одну изъ особенностей тогдашней гарнизонной службы въ Варшавѣ составляли караульные порядки, наблюдавшіеся въ дни католической страстной недѣли. Съ наступленіемъ этихъ дней въ польскихъ костелахъ колокольный звонъ совершенно прекращается и замѣняется деревянными колотушками и трещетками. Вслѣдствіе этого и по варшавскому гарнизону всегда отдавался приказъ, чтобы воинскія части, заступающія въ караулы, не били въ барабаны и не трубили никакихъ сигналовъ, даже зори. Чести въ эти дни никому не отдавалось; штыки у ружей отмыкались, а самыя ружья въ сошкахъ ставились прикладами вверхъ, въ родѣ того, какъ бралось „на погребеніе.“ Этотъ порядокъ караульной службы наблюдался вплоть до свѣтлой заутрени. Въ первые годы пребыванія въ Варшавѣ, съ наступленіемъ католическихъ гробовъ, для приданія большей пышности этому обряду, во всѣ варшавскіе костелы наряжались отъ русскихъ и польскихъ войскъ особыя команды въ видѣ почетныхъ карауловъ; но въ 1830 году, когда въ массѣ городскихъ обывателей глухое раздраженіе противъ русскихъ достигло уже значительной степени, нижнимъ чинамъ русскихъ войскъ, даже и католическаго вѣроисповѣданія, воспрещено было обходить костелы не только командами, но и по-одиночкѣ. Мало того, русскимъ офицерамъ въ эти дни воспрещалось показываться вблизи костеловъ верхомъ или въ экипажахъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не увеличивать стѣсненія въ людныхъ улицахъ... Эти предосторожности указываютъ на степень раздраженія и ненависти къ русскому мундиру со стороны поляковъ, существовавшую въ то время [10]).

Въ продолженіе великаго поста всѣ чины полка, православнаго вѣроисповѣданія, говѣли въ замковой церкви, чередуясь по-ротно. Католики и лютеране ходили въ храмы своихъ вѣроисповѣданій командами при офицерахъ. Обряды православной церкви въ чуждой средѣ католическаго населенія выполнялись съ особеннымъ блескомъ. Въ дни страстной недѣли къ выносу плащаницы отъ всѣхъ

---

[10]) Крестовскій. „Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка.“

русскихъ полковъ наряжался особый парадъ. Почти въ каждомъ полку былъ порядочный хоръ пѣвчихъ; въ Литовскомъ—численность его иногда доходила до 50 человѣкъ. Пѣвчіе всѣхъ полковъ въ торжественные дни соединялись въ одинъ громадный хоръ. Къ церковному параду на Свѣтлое Христово Воскресеніе отъ полка назначалась сборная рота, при чемъ Цесаревичъ, по окончаніи заутрени, христосовался со всѣми, находившимися въ церкви офицерами; затѣмъ, всѣ офицеры полка приносили Цесаревичу поздравленіе съ праздникомъ въ его дворцѣ.

День учрежденія царства Польскаго праздновался въ Варшавѣ съ особенною торжественностью. На обширномъ полѣ за фольваркомъ Парижъ происходилъ большой парадъ польскимъ войскамъ и варшавскому гвардейскому отряду; вся Варшава, разодѣтая по праздничному, стекалась смотрѣть на это зрѣлище. Тамъ-же приносилось и общее поздравленіе намѣстнику царства, генералу Заіончеку, въ отношеніи котораго Великій Князь соблюдалъ особый этикетъ: во всѣ высокоторжественные дни, а также въ день именинъ намѣстника, всѣ русскіе офицеры, а также и самъ Цесаревичъ со свитою, въ полной парадной формѣ, рано утромъ собирались въ Брюлевскомъ дворцѣ, а оттуда отправлялись въ Намѣстниковскій палацъ принести поздравленіе представителю Царя Польскаго.

Ежегодно 8-го ноября, въ день полковаго праздника, л.-гв. Литовскій полкъ, въ полномъ составѣ, слушалъ обѣдню въ Замковой церкви, при чемъ одинъ батальонъ помѣщался въ самой церкви, а другой въ ближайшихъ залахъ замка. Послѣ парада Великій Князь приглашалъ всѣхъ офицеровъ полка въ Брюлевскій дворецъ къ обѣденному столу.

ГЛАВА XI.

(1817—1830).

Система обученія нижнихъ чиновъ и нововведенія, происшедшія въ ней въ двадцатыхъ годахъ.—Служебная дѣятельность Великаго Князя Константина Павловича и степень его личнаго вліянія на порядокъ службы и характеръ управленія полкомъ.

Въ порядкѣ обученія л.-гв. Литовскаго полка въ двадцатыхъ годахъ, хотя и не произошло существенныхъ перемѣнъ и практиковалась та-же формалистическая плацпарадная система, о которой упоминалось выше, нельзя не замѣтить, однакожъ, нѣкоторыхъ нововведеній, отъ которыхъ вѣяло чѣмъ-то новымъ. Несмотря на свое пристрастіе къ выправкѣ и щегольской маршировкѣ, Константинъ Павловичъ первый началъ вводить въ войскахъ, ему подчиненныхъ, предметы обученія, которые развивали силу и ловкость солдата. Къ такимъ нововведеніямъ, составлявшимъ особенность варшавскаго отряда, относятся: обученіе фехтованію на штыкахъ и сабляхъ, обученіе плаванію и, наконецъ, попытки къ распространенію грамотности въ средѣ нижнихъ чиновъ.

Фехтованіе не считалось обязательнымъ для всѣхъ нижнихъ чиновъ; въ л.-гв. Литовскомъ и Волынскомъ полкахъ этотъ отдѣлъ солдатскаго образованія введенъ въ 1824 году. Въ слѣдующемъ, 1825 году, въ фехтовальной школѣ л.-гв. Литовскаго полка считалось 11 унтеръ-офицеровъ и 29 рядовыхъ своихъ и 16 унтеръ-офицеровъ, прикомандированныхъ для обученія изъ полковъ отдѣльнаго литовскаго корпуса. Въ этомъ году завѣдывающій школою, поручикъ *Одинцовъ*, послѣ смотра фехтовальной команды, получаетъ Высочайшее благоволеніе. Въ 1826 году существовали уже въ каж-

домъ батальонѣ полка команды фехтовальщиковъ, для руководства которымъ была издана книга подъ заглавіемъ: „Наука фехтованію штыками.“ Въ 1830 году обученіе фехтованію приняло большіе размѣры. Кромѣ офицеровъ, завѣдывавшихъ командами, для общаго наблюденія за порядкомъ обученія существовалъ еще фехтмейстеръ всей польской арміи, австрійскій подданый *Вагнеръ*, который, неизвѣстно почему, даже въ оффиціальной перепискѣ назывался наоборотъ, т. е. *Ренгау*. Это былъ человѣкъ, фанатически преданный своему искусству и величавшій себя профессоромъ фехтованія на штыкахъ, сабляхъ, шпагахъ и кинжалахъ.

Но и тутъ дѣлу помѣшало стремленіе добиться совершенства, увлеченіе наружной красотой пріемовъ, уклоненіе отъ простоты. Фехтовальщики дѣлились на 5 или 6 классовъ; переводъ изъ одного класса въ другой зависѣлъ отъ одного только Ренгау, который ежегодно производилъ экзамены; старшіе классы представлялись также на смотръ Великому Князю [1]). Вообще фехтовальное искусство въ Варшавѣ было въ модѣ въ то время; фехтовальные залы Ренгау и француза Прево охотно посѣщались не только мущинами, но и женщинами.

Въ 1825 году введено было въ полкахъ гвардейскаго отряда и польской арміи обученіе плаванію по австрійской методѣ подъ руководствомъ присланнаго изъ Австріи полковника Поццо-ди-Борго и нѣсколькихъ австрійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ [2]). Черезъ два года, впрочемъ, у насъ были уже свои хорошіе инструкторы. На Маримонтѣ, у берега Вислы, устроена была въ широкихъ размѣрахъ школа плаванія, въ которой производились занятія во все лагерное время. Полный курсъ оканчивался экзаменомъ въ присутствіи Цесаревича и главноначальствующихъ лицъ, послѣ чего достойнымъ выдавались патенты. Для полученія патента требовалось, чтобы ученикъ, пройдя въ школѣ всѣ семь классовъ, могъ пробыть

---

[1]) Приказы по полку за разное время. Разсказы А. А. Одинцова.

[2]) Еще въ январѣ 1823 года Поццо-ди-Борго, во время нахожденія Государя въ Веронѣ, подалъ ему записку объ обученіи плаванію чиновъ русской арміи. Съ разрѣшенія австрійскаго Императора ди-Борго вызванъ былъ въ Варшаву и устроилъ тамъ школу плаванія. Крестовскій ошибочно называетъ пруссаковъ нашими первыми учителями плаванія.

на водѣ два часа сряду, переплывать Вислу въ мундирѣ и панталонахъ, съ ружьемъ въ рукѣ, и умѣть, въ различныхъ позахъ и положеніяхъ бросаться въ воду съ семисаженной высоты. Не каждый, конечно, могъ достигнуть такого совершенства; но вообще плаваніе въ войскахъ стояло хорошо. Великій Князь ежегодно производилъ общій смотръ плавальщикамъ на Вислѣ, подъ Бѣлянами. Люди побатальонно подходили къ берегу; часть изъ нихъ отряжалась для вязки плотовъ изъ заранѣе заготовленнаго матеріала или на время завладѣвала нѣсколькими рыбачьими лодками; остальные, разувшись и сложивъ сапоги и амуницію на плоты или лодки, по командѣ офицеровъ, съ ружьями въ лѣвой рукѣ стройно бросались въ воду по-взводно, по-ротно или даже по-батальонно, смотря по приказанію. Офицеры, со шпагой въ рукѣ, обязаны были плыть впереди своихъ частей. Искусство доходило до того, что люди не только могли держаться въ водѣ, въ положеніи почти вертикальномъ, но даже производили по сигналамъ бѣглый огонь или пальбу залпами. Переплывъ Вислу, отрядъ послѣ минутнаго отдыха, а иногда и безъ онаго, отправлялся назадъ тѣмъ-же путемъ или-же, обувшись и разобравъ патронныя сумки, начиналъ на томъ берегу какой нибудь односторонній маневръ: раскидывалъ цѣпь, производилъ атаку, отступалъ къ берегу и возвращался тѣмъ-же путемъ, т. е. вплавь, отстрѣливаясь въ водѣ и производя на водѣ-же разныя эволюціи, въ родѣ захожденія плечомъ и перемѣны фронта, въ виду приближенія предполагаемой флотиліи. По окончаніи урока ученики получали порцію водки, которая хранилась въ ящикахъ подъ ключемъ у инструкторовъ; передъ купаньемъ употребленіе водки и пива воспрещалось [3]). Для кавалеріи существовала отдѣльная школа плаванія въ Лазенкахъ, гдѣ кавалеристы систематически обучались этому искусству, сначала по одиночкѣ, потомъ цѣлыми командами и съ лошадьми.

Въ 1823, 1824 и 1825 гг. при л.-гв. Литовскомъ полку производилась проба бросанія конгревовыхъ ракетъ, для чего каждая рота имѣла по одному ручному станку; эти станки состояли при застрѣль-

---

[3]) Полковые приказы. Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка.

щичьихъ взводахъ и имѣли прислугу изъ трехъ человѣкъ: одинъ носилъ станокъ, другой ракеты, а третій пальникъ. Ракеты были примѣнены генераломъ польской артиллеріи Бонтаномъ, заключали въ себѣ маленькую гранатку и употреблялись при отраженіи кавалерійскихъ атакъ. Всѣми этими нововведеніями завѣдывалъ любимецъ Великаго Князя, генералъ Трембицкій, бывшій наполеоновскій офицеръ, человѣкъ очень способный, но большой формалистъ. Онъ написалъ уставы: плавательный, фехтовальный и стрѣлковый съ усиленіемъ цѣпи ракетами. Такъ какъ всѣ эти уставы написаны были на польскомъ языкѣ, то одному изъ нашихъ офицеровъ, поручику Одинцову, поручено было переводить ихъ на русскій, для гвардейскаго отряда и литовскаго корпуса [4]).

Стрѣльбѣ по прежнему удѣлялось весьма мало времени и средствъ. Для практической и смотровой стрѣльбы въ совокупности отпускалось всего 6 чугунныхъ пуль на человѣка, выпускавшихся съ дистанціи 100, 150 и 200 шаговъ. Призовой стрѣльбы не было; но начальникъ дивизіи или корпусный командиръ иногда давали отъ себя лучшимъ стрѣлкамъ небольшія денежныя вознагражденія, о чемъ каждый разъ объявлялось въ приказахъ по полку.

Въ 1825 году при полку существовала ланкастерская школа взаимнаго обученія, въ которой находилось 85 нижнихъ чиновъ и 10 кантонистовъ, выбранныхъ изъ числа совершенно неграмотныхъ. Занятія производились утромъ отъ 8—12 и послѣ обѣда отъ 2—5 часовъ. На лѣто школа закрывалась. Что дѣло обученія грамотѣ не получило большаго развитія, видно изъ часто попадающихся отвѣтовъ командировъ ротъ на предписанія выслать грамотнаго унтеръ-офицера: „таковыхъ въ ротѣ не имѣется“ [5]).

Теоретическія занятія въ то время вообще были не въ модѣ. Въ 1825 году приказано по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, передъ обѣдней, прочитывать нижнимъ чинамъ воинскій артикулъ. Въ 1826 году, по приказанію Великаго Князя, была издана въ Варшавѣ книга подъ заглавіемъ: „Правила для солдатъ, какимъ обра-

---

[4]) Изъ разсказовъ А. А Одинцова.

[5]) Журналъ исходящихъ бумагъ за 1825 годъ. Приказы по полку за тотъ же годъ.

зомъ они должны поступать на службѣ и внѣ оной, сохраняя приличную осанку.“ Каждый солдатъ долженъ былъ непремѣнно знать наизусть всѣ эти правила, а потому на изученіе ихъ ежедневно употреблялось время отъ ужина, оканчивавшагося въ 7 часовъ, до вечерней зори [6]). Этимъ почти и ограничивалось теоретическое обученіе солдата. Офицерамъ ежемѣсячно производилось теоретическое испытаніе въ знаніи внутренней и караульной службы и фронта; списки офицеровъ съ собственноручными отмѣтками полковыхъ командировъ о результатахъ этихъ испытаній представлялись Цесаревичу. Впослѣдствіи это сдѣлалось пустою формальностью.

* * *

Великій Князь Константинъ Павловичъ столь близко стоялъ къ полкамъ варшавскаго гвардейскаго отряда, принималъ такое дѣятельное участіе въ управленіи, порядкѣ службы и обученіи ихъ, что считаемъ вполнѣ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его служебной дѣятельности и степени вліянія на бытъ подчиненныхъ ему войскъ.

Цесаревичъ вставалъ зимою въ 6 часовъ, а лѣтомъ въ 4 часа утра. Если какому либо полку назначалось ученье въ его присутствіи, то офицеръ отъ полка долженъ былъ явиться въ Бельведеръ (лѣтнее мѣстопребываніе Великаго Князя) ранѣе 4 часовъ утра за приказаніями и почти всегда былъ допускаемъ въ спальню Цесаревича. Его Высочество спалъ на кожаномъ матрацѣ, съ кожаной подушкой въ головахъ, и покрывался своею старою шинелью. Лѣтомъ у него на балконѣ стояло пять большихъ банокъ: одна съ угремъ, который передъ дождемъ мутитъ воду, другая съ лягушкой и т. п. Всѣ эти приспособленія замѣняли Цесаревичу барометръ. Разбуженный камердинеромъ своимъ, Фризе, который докладывалъ о прибытіи офицеровъ, присланныхъ за приказаніями, Великій Князь посылалъ его на балконъ посмотрѣть, въ какомъ положеніи находятся угри и лягушки, и затѣмъ отдавалъ соотвѣтственныя приказанія. Не терпя промедленія въ дѣлахъ и будучи въ высшей степени

---

[6]) Приказъ по полку отъ 21 іюня, 1826 года.

аккуратнымъ, Константинъ Павловичъ не любилъ тревожить по напрасну людей [7]).

Зимою въ 8 часовъ, а лѣтомъ въ 5 — онъ уже выходилъ въ пріемную, одѣтый въ ту форму, какая въ данный день полагалась по уставу и принималъ коменданта, начальниковъ частей, а также офицеровъ, представлявшихся по разнымъ случаямъ и наряженныхъ въ должности. Адъютанты русскихъ гвардейскихъ полковъ должны были ежедневно въ 7 часовъ утра являться во дворецъ съ письменными рапортами, которые Цесаревичъ лично принималъ и всегда внимательно просматривалъ, замѣчая малѣйшія ошибки [8]). Тутъ-же при утреннемъ пріемѣ представляемы были и нижніе чины: фельдфебеля и вахмистры ротъ и эскадроновъ Его Высочества, ординарцы, вновь прибывшіе рекруты и проч. Затѣмъ Цесаревичъ выѣзжалъ къ разводу, гдѣ часть, идущая въ караулъ, подвергалась самому строгому испытанію. Не только лѣтомъ, но и зимой всѣ, не исключая и Великаго Князя, присутствовали на разводѣ въ однихъ мундирахъ, безъ шинелей. Какъ примѣръ того, на сколько оригинальны бывали иногда взысканія, налагаемыя Великимъ Княземъ на тѣ части войскъ, которыя не съумѣли въ должномъ видѣ представиться на разводѣ, приведемъ нѣсколько характерныхъ приказовъ по варшавскому гарнизону.

„Его Императорское Высочество Цесаревичъ дѣлаетъ выговоръ полковому командиру л.-гв. Литовскаго полка, г. генералъ-маіору Кишкину 2-му, за бывшіе сего числа и вчерашній разводы, что нижніе чины вяло и лѣниво маршировали, не чисто одѣты и постановки никакой не имѣютъ. Гг. офицеры также во фронтѣ опустились; за каковыя неисправности *всего полка и. штабъ и оберъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ находиться подъ арестомъ впредь до приказанія* и никуда съ квартиръ и изъ казармъ не отлучаться, окромѣ службы, и производить ежедневно два раза ученье, не выключая воскресныхъ и праздничныхъ дней до тѣхъ поръ, пока его Высочество не увидитъ, что сей полкъ не доведенъ будетъ до надлежащаго порядка

---

[7]) Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка.

[8]) 22 апрѣля 1824 г. адъютантъ л.-гв. Литовскаго полка, поручикъ Грессеръ I, арестованъ Цесаревичемъ до распоряженія за ошибку въ утреннемъ рапортѣ.

въ знаніи фронтовой службы. Завтрашняго числа по окончаніи церковнаго парада и по смѣнѣ съ городскаго караула производить полку ученье, *и гг. офицерамъ рекомендуется ружьемъ учиться* [9]).

„Его Императорское Высочество Цесаревичъ, при сегодняшнемъ разводѣ, замѣтить изволилъ, что л.-гв. Волынскаго полка 2-й батальонъ дурно маршировалъ, взводы не соблюдали вѣрность дистанцій, люди на шагу качались и подпрыгивали, что ставится на видъ полковому командиру, г. генералъ-маіору Есакову. Штабъ и оберъ офицерамъ онаго батальона и нижнимъ чинамъ въ теченіе 10 дней никуда, окромѣ службы, не отлучаться.

10-го мая, 1824 года Цесаревичъ, оставшись недовольнымъ ученьемъ 3-го пѣхотнаго полка польскихъ войскъ, посадилъ подъ арестъ цѣлый полкъ отъ полковаго командира до послѣдняго солдата, а съ офицеровъ, кромѣ того, приказалъ за ошибки въ командахъ удержать мѣсячное жалованье.

Въ ноябрѣ 1821 года цѣлый батальонъ л.-гв. Волынскаго полка арестованъ домашнимъ арестомъ за неисправность при разводѣ до тѣхъ поръ, „пока не сравнится по фронтовому устройству и порядку съ 4-мъ полкомъ польскихъ войскъ.“

Вспыльчивый и строгій по службѣ Цесаревичъ не былъ злопамятенъ, черезъ нѣсколько дней освобождалъ отъ взысканій и на слѣдующемъ разводѣ мѣнялъ гнѣвъ на милость, хваля бывшую въ опалѣ часть и награждая нижнихъ чиновъ серебрянымъ рублемъ и чаркой водки.

По свидѣтельству одного изъ современниковъ, имѣвшаго возможность по своему служебному положенію близко знать характеръ дѣятельности Цесаревича, онъ не давалъ себѣ ни покоя, ни отдыха. Весь сложный механизмъ управленія войсками находился въ его рукахъ; все было лично имъ соображено, взвѣшено и затѣмъ предписано. Самое исполненіе каждаго распоряженія всегда было у него на глазахъ и не ускользало отъ его контроля. Цесаревичъ входилъ во всѣ подробности службы и солдатской жизни. Каждое новое лице русскаго происхожденія, прибывшее въ Варшаву, хотя бы и не

---

[9]) Приказъ по варшавскому гарнизону, отъ 8 октября, 1821 года.

военнаго званія, даже нижніе чины, обязаны были ему представлять-ся. Онъ всегда отличалъ наиболѣе исправныхъ по службѣ, входилъ въ положеніе своихъ подчиненныхъ и съ готовностью помогалъ нуждавшимся, спасая тѣмъ многихъ отъ нищеты и бѣдствій. Въ дѣлѣ помощи Цесаревичъ не различалъ русскій то, или полякъ; всѣ несчастные имѣли одинаковое право на его помощь [10]).

Примѣры самоотверженія или ревностнаго исполненія служебныхъ обязанностей и находчивости Великій Князь не оставлялъ безъ награды. Такъ, въ 1826 г. рядовой л.-гв. Литовскаго полка Артемьевъ, сопровождавшій арестанта и вытащившій его изъ воды, когда тотъ бросился въ Вислу съ намѣреніемъ утонуть, получилъ отъ Цесаревича 50 рублей награды. Въ томъ-же году рядовой Лопатинъ получилъ такую-же награду за спасеніе двухъ женщинъ съ двумя дѣтьми изъ пламени пожара [11]).

Вообще Великій Князь зналъ, какъ поощрить и щедро наградить за дѣло. Нижніе чины видѣли, что самъ Великій Князь наравнѣ съ ними охотно переноситъ всѣ трудности службы, не требуетъ того, чего самъ не въ состояніи исполнить, и умѣетъ понятно говорить съ солдатомъ, а потому любили его.

Относительно поддержки строеваго образованія на постоянной высотѣ у Константина Павловича была своя, выработанная опытомъ, сноровка. Бывало, послѣ царскаго смотра, гдѣ полки постоянно удостаивались особенныхъ похвалъ, Цесаревичъ, давъ имъ нѣсколько дней на отдыхъ, снова назначалъ дивизіонное ученье, и если мало-мальски замѣчалъ какую либо разницу въ стройности и отчетливости построеній противъ послѣдняго царскаго смотра, то высказывалъ начальникамъ свое порицаніе и отдавалъ въ приказѣ, что онъ „съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣтилъ дивизію сію во всѣхъ частяхъ опущенною, а въ особенности гг. оберъ и унтеръ-офицеровъ, которые совсѣмъ не знаютъ своего дѣла во фронтѣ,“ за что и „давалось на замѣчаніе“ начальникамъ дивизій и бригадъ, полковымъ командирамъ и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Всѣ ужъ такъ и зна-

---

[10]) Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 г. Максимовича, Воен. Сб. 1875 года.

[11]) Полковые приказы за 1826 годъ.

ли, что послѣ удачнаго царскаго смотра навѣрное будетъ головомойка для того, чтобы не считали себя совершенствомъ и дѣла своего не забывали. Но первое же ученье послѣ головомойки всегда почти сопровождалось похвалой Его Высочества и наградой нижнимъ чинамъ. Все это заставляло признавать его авторитетъ во фронтовомъ дѣлѣ выше всѣхъ авторитетовъ въ мірѣ. „Царь похвалитъ, изъ милости похвалитъ, потому Онъ, батюшка, солдата обидѣть жалѣетъ, а ужъ коли Великій Князь похвалитъ — значитъ точно за дѣло,—говорили солдаты“ [12]).

Вообще, благодаря служебной опытности и неутомимой дѣятельности Великаго Князя, порядокъ службы въ войскахъ польской арміи, литовскаго корпуса и варшавскаго гвардейскаго отряда былъ доведенъ до образцовой степени, такъ что и Великій Князь Михаилъ Павловичъ изъ Петербурга, и наслѣдный принцъ прусскій изъ Берлина, и другіе иностранные гости пріѣзжали въ Варшаву присмотрѣться къ тамошнимъ нововведеніямъ и поучиться у Цесаревича, авторитетъ котораго вполнѣ признавали.

Л.-гв. Литовскій полкъ у Цесаревича считался образцовымъ и ставился въ примѣръ полкамъ польской арміи и литовскаго корпуса. Каждое нововведеніе, касавшееся пѣхотной фронтовой службы подвергалось сначала испытанію въ Литовскомъ полку, и уже потомъ примѣнялось въ другихъ полкахъ. Къ полку часто прикомандировывались отъ другихъ полковъ цѣлыя команды съ офицерами, для изученія порядка службы; иногда-же на офицеровъ полка возлагалась инструкторская роль. Такъ напр., въ 1820 году полковникъ Граббе 3 былъ командированъ въ 24 п. дивизію „для показанія нѣкоторыхъ прибавленій къ фронтовой части“ [13]). Въ 1818 г. къ полку была прикомандирована отъ 28-й пѣхот. дивизіи цѣлая команда, подъ начальствомъ штабъ-офицера. Въ предписаніи, данномъ этому штабъ-офицеру, командиръ л.-гв. Литовскаго полка обращаетъ особенное его вниманіе на то, чтобы всѣ офицеры, въ его командѣ состоящіе, „старались бы усовершенствовать себя въ салютаціи и маршировкѣ, стараясь подражать во всемъ л.-гв. Литовскаго полка поручику Граббе.“

[12]) Изъ разсказовъ Лобанова. Крестовскій.
[13]) Приказъ по полку, 2 іюля, 1820 года.

ГЛАВА XII.

Бытъ солдата въ двадцатыхъ годахъ. — Примѣры строгости взысканій.— Донесенія высшей секретной варшавской полиціи. — Печальные результаты жестокаго обращенія.—Состояніе дисциплины въ полкахъ варшавскаго гвардейскаго отряда.— Злоупотребленія.—Ротмистръ-музыкантъ.—Семейные солдаты.—Состояніе здоровья.— Пища, жилище и одежда.—Увольненіе въ неспособные и отставку.—Призрѣніе отставныхъ нижнихъ чиновъ.—Общее заключеніе о жизни солдата.

Въ двадцатыхъ годахъ бытъ русскихъ военныхъ въ Варшавѣ представлялъ много интересныхъ особенностей. Небольшой отрядъ русской гвардіи живетъ совмѣстно съ польскими войсками, ютится въ чуждой средѣ польскаго населенія. Къ тому-же, своеобразный характеръ Цесаревича Константина Павловича, командовавшаго тогда польской арміей, отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ и варшавскимъ гвардейскимъ отрядомъ, не могъ не оказывать вліянія на бытъ подчиненныхъ ему войскъ, а въ особенности русскихъ гвардейскихъ полковъ, къ которымъ Цесаревичъ, живя въ Варшавѣ, стоялъ ближе всего.

Военный бытъ даже и недавнихъ временъ у насъ мало изслѣдованъ. Для ознакомленія съ нимъ, лѣтописи полковъ и другихъ частей войскъ, казалось, должны бы представлять богатый матеріалъ; но на самомъ дѣлѣ выходитъ не то: въ большинствѣ трудовъ этого рода нельзя найти никакихъ данныхъ для изученія условій военной жизни въ ту или другую эпоху. Военные исторіографы умалчиваютъ о мирной жизни полка въ разныя эпохи его существованія. Если и были попытки въ этомъ направленіи, то и въ нихъ нельзя не замѣтить одной печальной особенности: предвзятаго желанія выставить все въ радужныхъ краскахъ, описать только все хорошее и свѣтлое, откинувъ все дурное и темное. Забывая, что отрицательные примѣры могутъ быть столь-же поучительны, какъ и положительные, они не заглядываютъ въ уголки будничной жизни офи-

цера и солдата, а описываютъ одни торжества и праздники, такъ что, прочтя подобное сочиненіе, невольно подумаешь: какъ весело жилось въ былыя времена. На самомъ дѣлѣ такое впечатлѣніе осталось только потому, что авторъ скользнулъ перомъ тамъ, гдѣ слѣдовало-бы провесть нѣсколько темныхъ штриховъ и подкрасилъ тамъ, гдѣ не слѣдовало класть красокъ. Вмѣсто художественно-вѣрной исторической картины является, такимъ образомъ, очеркъ безцвѣтный, исторически невѣрный, не дающій яснаго представленія о жизни прошлой; вмѣсто правдивой исторіи является какой-то панегирикъ.

Постараемся избѣгнуть этого недостатка, излагая съ одинаковою точностью и хорошее, и дурное.

Справедливость требуетъ сказать, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія житье солдата было невеселое. Несмотря на безконечный рядъ подвиговъ, совершонныхъ русскимъ солдатомъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ; несмотря на славу, которую стяжало себѣ русское воинство, славу, ореолъ которой вѣчно будетъ горѣть неугасимымъ огнемъ, положеніе солдата нисколько не улучшилось. Герои, избѣжавшіе тысячи смертей, возвратясь домой изъ заграничныхъ походовъ, нашли ту-же суровую школу мирнаго времени, съ тою-же безотрадною служебною обстановкою, которую они знали раньше.

Двадцати-двухлѣтній срокъ службы, фридриховская система воспитанія и обученія войскъ, строгость взысканій, жестокость обращенія съ подчиненными, считавшаяся необходимымъ и единственнымъ средствомъ для поддержанія дисциплины, — все говоритъ въ пользу того, что жизнь солдата въ описываемый періодъ времени была очень тяжела, а служебный путь на столько длиненъ, что, начавъ его въ молодости, человѣкъ приходилъ къ его концу въ старости, почти у могилы.

Отдача въ рекруты считалась такимъ-же несчастіемъ, какъ и смерть; а потому семья, прощаясь съ однимъ изъ своихъ членовъ, поступавшимъ на службу, оплакивала его, какъ покойника. Возрастъ для вступленія въ военную службу не былъ такъ строго опре-

дѣленъ, какъ теперь; поступали и семнадцатилѣтніе мальчики и сорокалѣтніе мужи. Большинство, впрочемъ, являлось на службу ранѣе двадцати лѣтъ.

Молодой человѣкъ, оторванный отъ семьи, оплаканный ею заживо, являлся въ полкъ съ бритой головой, чуть не въ цѣпяхъ, и сразу попадалъ подъ строгій надзоръ, въ суровую обстановку тогдашней службы. Впечатлительность и неопытность новобранца не принимались во вниманіе; къ нему относились, какъ къ старослужащему. „Пойманнаго изъ бѣговъ рекрута 5-й егерской роты Михайлова—читаемъ въ одномъ изъ полковыхъ приказовъ—въ уваженіе его чистосердечнаго раскаянія, не отдавая его за то подъ военный судъ, предписываю, за сдѣланное имъ преступленіе, завтра, при собраніи рекрутъ всего полка, наказать 1200 розгами и приказать продолжать ему брить лобъ до тѣхъ поръ, пока усердною службою и примѣрнымъ поведеніемъ не заслужитъ довѣріе начальства и не будетъ на то дано моего приказанія. При наказаніи присутствовать полковому штабъ-лѣкарю“[1]).

Самымъ больнымъ мѣстомъ тогдашней системы воспитанія солдата, самымъ неудачнымъ средствомъ для поддержанія воинской дисциплины, были, конечно, тѣлесныя наказанія. Шпицрутены, розги и фухтеля входили въ разрядъ дисциплинарныхъ взысканій, назначаемыхъ ближайшими начальниками солдата съ замѣчательною щедростью, почти безъ всякаго контроля высшихъ властей, за самые обыкновенные проступки. Дисциплинарная власть по наложенію взысканій на нижнихъ чиновъ у самыхъ маленькихъ начальниковъ была весьма велика; а чего не дозволялъ законъ, то освящалось обычаемъ. Границы между дисциплинарною властью и военно-судебною не были строго опредѣлены; за одни и тѣ-же преступленія иногда предавали суду, а иногда ограничивались домашней расправой, которая по своей строгости мало отличалась отъ наказаній, налагавшихся судомъ. Предѣлы дисциплинарной власти были такъ обширны, что къ суду приходилось прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, выходившихъ изъ ряда обыкновенныхъ, напри-

---

[1]) Приказъ по л.-гв. Волынскому полку 5 мая 1820 года.

мѣръ: убійство, явное неповиновеніе начальству, измѣна и т. п. Виновные-же въ грабежѣ, кражѣ, побѣгѣ, буйствѣ и т. п. преступленіяхъ въ большинствѣ случаевъ подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ, если только о совершеніи этихъ преступленій не было извѣстно высшему начальству, т. е. Цесаревичу или Его штабу.

Розги считались самымъ слабымъ дисциплинарнымъ наказаніемъ и часто назначались за самые незначительные проступки. Каждый унтеръ-офицеръ или вахмистръ могъ ихъ давать безнаказанно своему подчиненному нѣсколько сотъ; это даже поощрялось. Шпицрутенное наказаніе, т. е. „прогулка по зеленой улицѣ“, сравнительно съ розгами, считалось болѣе строгимъ и всегда вело за собою переводъ въ армейскіе полки. Нижніе чины, наказанные шпицрутенами по приговорамъ военно-судныхъ коммиссій, выдержавъ наказаніе, вторично приводимы были къ присягѣ на вѣрность. Для осужденныхъ преступниковъ существовалъ еще кнутъ; но это ужасное наказаніе было въ военномъ вѣдомствѣ уничтожено въ началѣ 1830 года.

Относительно строгости взысканій приведемъ рядъ примѣровъ, который замѣнитъ собою краснорѣчивый разсказъ.

Въ маѣ 1824 года рядовой л.-гв. Литовскаго полка Матовъ, за второй побѣгъ, укрывательство подъ чужимъ именемъ и утрату казенныхъ вещей, по приказанію полковаго командира, прогнанъ шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ три раза.

Въ томъ-же году и мѣсяцѣ того-же полка рядовой Сачковъ, за кражу мелкихъ вещей у разнощика, по приговору полковой военно-судной коммиссіи, прогнанъ шпицрутенами черезъ 1000 человѣкъ четыре раза[2]).

20 августа 1821 г. л.-гв. Литовскаго полка рядовой Ивановъ прогнанъ черезъ 2000 человѣкъ за „троекратныя самовольныя отлучки, развратное поведеніе и сносъ казенныхъ вещей; а притомъ, бывъ въ лазаретѣ глазною болѣзнію, растравливалъ оныя, къ удаленію отъ службы, шпанскими мушками“ [3]). Этотъ примѣръ, помимо краснорѣчія тогдашнихъ полковыхъ приказовъ, можетъ еще свидѣтель-

---

[2]) Приказы по л.-гв. Литовскому полку 10 и 20 мая 1824 г.

[3]) Приказъ по л.-гв. Литовскому полку 20 августа 1821 г.

ствовать и о той изобрѣтательности, съ которою солдаты старались избѣгнуть тягостной службы.

Въ 1816 году рядовой л.-гв. Уланскаго полка, Василій Пивоваровъ, за побѣгъ и кражу живности у проѣзжающихъ, преданъ военному суду при варшавскомъ ордонансъ-гаузѣ. Конфирмація Цесаревича: „прогнать его, Пивоварова, сквозь 1000 человѣкъ 5 разъ и, *возобновя на вѣрность присягу,* опредѣлить на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ [4]).

Для разнообразія, вмѣсто полковыхъ приказовъ, приведемъ нѣсколько донесеній высшей секретной варшавской полиціи [5]).

„Командиръ *** полка, генералъ-маіоръ Э.....нъ, 18-го сего мая прибылъ въ церковь Царскаго замка и, не доходя еще до оной, встрѣтилъ того-же полка рядоваго Сиротюка, бывшаго въ церковномъ парадѣ, и узнавъ отъ него, что онъ выходилъ изъ церкви для натуральной надобности, приказалъ его ротному командиру, капитану О....ву, строго взыскать. На другой день капитанъ О....въ наказалъ названнаго Сиротюка 480 ударами.“ (Донесеніе секретной полиціи, отъ 22 мая 1830 г).

„Польскихъ войскъ 3-го пѣхотнаго полка рядовой Залога вчера, будучи въ ночномъ патрулѣ, захворалъ, за что поручикъ Колендовскій наказалъ его 50 ударами кошкою, велѣлъ обрить ему голову и посадить подъ арестъ.“ (Донесеніе отъ 29 іюля 1829 г).

„Командиръ 12-й роты л.-гв. Гренадерскаго полка польскихъ войскъ приказалъ обрить голову и дать 60 палокъ ротному цирюльнику, который, брѣя одного солдата, нечаянно обрѣзалъ его.“ (Донесеніе 18 августа 1830 года).

„Л.-гв. Литовскаго полка рядовой Галка опоздалъ нѣсколько минутъ на ученье, за что унтеръ-офицеръ Чарнецкій, положивъ его на землю и привязавъ крестообразно къ палкѣ, немилосердно наказалъ, а послѣ, оставя его связаннымъ, пошелъ на ученье. Тѣмъ временемъ рядовой Галка развязался, взялъ съ собою веревки и пал-

---

[4]) Приказъ по варшавскому гвардейскому отряду 1816 года, № 403.

[5]) Агенты секретной полиціи доносили обо всѣхъ злоупотребленіяхъ, бывшихъ въ полкахъ польской арміи и русскаго гвардейскаго отряда. Въ этихъ донесеніяхъ за цѣлыя 15 лѣтъ (съ 1815—1830) рельефно обрисовываются всѣ темныя стороны тогдашней военной службы, вся оборотная сторона медали.

ку, къ коей былъ привязанъ, и хотѣлъ итти жаловаться къ генералъ-адъютанту графу Красинскому, [6]) но по близости казармъ былъ пойманъ и наказанъ: вчера пятидесятью, нынѣ пятидесятью палочными ударами, а также завтра имѣетъ получить 50 палокъ. Сей рядовой находится на службѣ 12 лѣтъ." (Донесеніе 20 мая 1830 г).

Къ сожалѣнію, въ своихъ послѣдующихъ донесеніяхъ агентъ тайной полиціи не упоминаетъ, сколько дней несчастный Галка получалъ свою палочную порцію.

Этотъ скорбный листъ примѣровъ можно было-бы продлить до безконечности; но достаточно и сказаннаго.

Тѣлесныя наказанія производились очень часто и отнимали много времени, такъ какъ для наказанія шпицрутенами одного человѣка часто выводился въ поле цѣлый полкъ или, по крайней мѣрѣ, батальонъ, а самый процессъ наказанія длился иногда нѣсколько часовъ. Наказанный шпицрутенами каждый разъ былъ отправляемъ въ госпиталь на излѣченіе. Очень часто наказаніе производилось не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ—два, три и даже болѣе. Такъ напримѣръ, рядовой л.-гв. Литовскаго полка Ковтуненко, присужденный къ 6000 шпицрутеновъ, выдерживаетъ въ одинъ разъ только четыре тысячи и, пробывъ въ госпиталѣ двѣ недѣли, проходитъ черезъ остальныя двѣ тысячи. Въ 1817 году рядовой Семенъ Машукъ, *приговоренный военно-судной коммиссіей къ двѣнадцати тысячамъ шпицрутеновъ*, пройдя черезъ 1000 человѣкъ четыре раза, оказался настолько слабымъ, что не могъ, по свидѣтельству врача, продолжать дальнѣйшую прогулку по „зеленой улицѣ" и былъ отправленъ въ госпиталь. Черезъ двѣ недѣли онъ вынесъ еще нѣсколько тысячъ и опять отправился въ госпиталь... и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Машукъ не прошелъ черезъ всѣ 12000 [7]).

Послѣ 1830 года такіе поразительные случаи жестокости наказаній въ полкахъ почти не встрѣчаются, потому что въ январѣ этого года, одновременно съ уничтоженіемъ кнута, послѣдовало Вы-

---

[6]) Графъ Красинскій командовалъ резервнымъ корпусомъ польской арміи, въ составъ котораго входили и русскіе гвардейскіе полки.

[7]) Журналъ исходящихъ бумагъ л.-гв. Литовскаго полка за 1817 г.

сочайшее повелѣніе: замѣнять кнутъ шпицрутенами, но не болѣе шести разъ черезъ тысячу человѣкъ [8]).

Наказаніе шпицрутенами обставлялось нѣкоторою торжественностью; офицеры, присутствовавшіе при исполненіи наказанія, должны были являться на это зрѣлище въ полной парадной формѣ, а по окончаніи его подписывали экзекуціонный листъ, который отправлялся потомъ въ ордонансъ-гаузъ.

Розги въ полкахъ употреблялись въ такомъ большомъ количествѣ, что существовалъ особый родъ земской повинности: войскамъ отводились мѣста для рѣзки прутьевъ. Литовскому полку, напримѣръ, было отведено съ этою цѣлью коммиссіею Мазовецкаго воеводства мѣсто на берегу Вислы, поросшее ивовымъ кустарникомъ, куда отправлялись команды рѣзать прутья. Для наказанія розгами и палками въ каждой ротѣ и эскадронѣ полагались по штату профосы, т. е. люди, вся обязанность которыхъ только и заключалась въ томъ, чтобы сѣчь. Въ каждомъ полку, какъ въ казармахъ, такъ и въ лагеряхъ, существовали палочные пикеты и палочные караулы, самое названіе которыхъ объясняетъ ихъ назначеніе..... Словомъ, это была цѣлая система, усовершенствованная и строго организованная.

Въ іюлѣ 1829 года варшавская секретная полиція доноситъ, что въ польской арміи и русскомъ гвардейскомъ отрядѣ" наказаніе нижнихъ чиновъ вошло въ такое употребленіе, что послѣ вечерней зори *во всѣхъ лагерныхъ сараяхъ слышно стенаніе*, ибо почти въ

---

[8]) Рапортъ управляющаго Главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, графа Чернышева, Цесаревичу, отъ 30 января, 1820 года. „По военно-уднымъ дѣламъ нижніе чины приговариваемы были до нынѣ за тяжкія преступленія къ наказанію кнутомъ. Государь Императоръ, признавая родъ наказанія сего несоотвѣтствующимъ военному званію, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые по важности преступленій до нынѣ присуждались къ исключенію изъ военнаго званія и наказанію кнутомъ, опредѣлялось наказаніе шпицрутенами по мѣрѣ преступленія, не болѣе 6-ти разъ черезъ 1000 человѣкъ и потомъ, по лишеніи военнаго званія, ссылать таковыхъ въ Сибирь, въ каторжную работу, безъ постановленія указныхъ знаковъ. Но правила сего не распространять на нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ, изобличенныхъ по суду въ явномъ ослушаніи и дерзости противъ начальниковъ, особенно передъ фронтомъ. Преступникамъ сего рода можно назначать наказанія шпицрутенами и болѣе 6 разъ черезъ 1000 человѣкъ." (Изъ дѣлъ архива штаба войскъ гвардіи и петербургскаго округа).

каждой ротѣ рядовые въ оныхъ сараяхъ немилосердно наказываются палками“ [9]).

Такая система воспитанія, конечно, не оставалась безъ вліянія на состояніе здоровья солдатъ, давая, кромѣ того, печальные результаты по огромному количеству самоубійствъ, побѣговъ и преступленій.

Чтобы судить, насколько жестоко было обращеніе офицеровъ съ подчиненными имъ нижними чинами, приведемъ перечень донесеній секретной полиціи только за три дня.

12 августа [10]). О поручикѣ 3-го пѣхотнаго полка польскихъ войскъ Вандершотѣ, наказавшемъ и ранившемъ въ лицо рядоваго Антонайтуса за то, что тотъ не хотѣлъ принять для 1 фузелерной роты сквернаго мяса.

— О капитанѣ л.-гв. Волынскаго полка Бѣлявскомъ, наказавшемъ унтеръ-офицера Иванова сорока фухтелями за слабое ученіе 25 рекрутъ, коихъ также наказалъ 10-ю фухтелями каждаго.

13 августа. Объ утопившемся умышленно рядовомъ л.-гв. Подольскаго кирасирскаго полка Луцюкѣ, во избѣжаніе наказанія, которымъ стращалъ его младшій вахмистръ за то, что заразился венерическою болѣзнью.

14 августа. О полковникѣ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка П., жестоко наказывающемъ рядовыхъ 3 эскадрона. Полковникъ этотъ ни разу не выѣхалъ еще изъ казармъ, не наказавъ нѣсколькихъ человѣкъ.

— О застрѣлившемся казенномъ деньщикѣ Ивановѣ, во избѣжаніе немилосердныхъ побоевъ господина своего, л.-гв. Волынскаго полка подпоручика Есакова.

— О казенномъ деньщикѣ л.-гв. Волынскаго полка прапорщика Прецмана, повѣсившемся въ квартирѣ означеннаго офицера изъ боязни наказанія.

— О Гончарюкѣ, фельдфебелѣ 2-й роты л.-гв. Литовскаго полка, который нѣсколько дней уже лежитъ въ постелѣ послѣ побоевъ, полученныхъ отъ своего ротнаго командира.

---

[9]) Донесеніе варшавской секретной полиціи, отъ 23 іюля, 1829 г.

[10]) 1830 года.

Въ три дня столько ужасныхъ примѣровъ... Случаи самоубійства и скоропостижной смерти въ полкахъ были очень часты; но о нихъ высшему начальству доносилось глухо, безъ объясненія и разслѣдованія причинъ [11]).

Производство въ унтеръ-офицеры не освобождало нижнихъ чиновъ отъ тѣлесныхъ наказаній; только имѣвшіе знаки отличія ордена св. Анны (дававшіеся за двадцатилѣтнюю безпорочную службу) и военнаго ордена освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній въ дисциплинарномъ порядкѣ. Георгіевскіе кавалеры, кромѣ того, были освобождены отъ непріятной обязанности участвовать въ экзекуціяхъ.

Безпорочная выслуга двѣнадцати лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи давала право на производство въ инвалидные офицеры, при чемъ фельдфебеля гвардейскихъ полковъ производились прямо въ подпоручики. Непремѣннымъ условіемъ для производства въ офицеры было, чтобы унтеръ-офицеръ въ теченіе этого срока не подвергался тѣлесному наказанію. Насколько трудно было самому исправному и старательному служакѣ уберечься отъ этого, можетъ свидѣтельствовать, напримѣръ, слѣдующій приказъ по л.-гв. Литовскому полку:

„Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Веревкинъ дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, что стоявшій сего числа въ карауле на Краковскомъ Предмѣстьѣ г. поручикъ Воропановъ, во время проѣзда г. генералъ-маіора Веревкина, не только не вышелъ къ ружью для отданія чести, но даже часовой не позвонилъ въ колокольчикъ, почему и предписываю командиру 7-й роты, которая стояла въ карауле,

---

[11]) Крестовскій въ своей исторіи л.-гв. Уланскаго полка, отличающейся оптимистическими взглядами на прошлое этого полка, между прочимъ, говоритъ: „Въ то время, когда строго формалистическая, мертвая система Аракчеева, примѣняемая командирами его школы къ войскамъ русской арміи, расположеннымъ внутри имперіи, давала такіе печальные результаты въ количествѣ побѣговъ, самоубійствъ и преступленій—эти грустныя явленія въ варшавскомъ, отрядѣ составляли очень рѣдкіе, исключительные факты. Въ этомъ наглядно убѣждаютъ насъ данныя полковыхъ мѣсячныхъ отчетовъ.“ (стр. 94). Надѣюсь, что приведенные мною факты еще нагляднѣе могутъ убѣдить читателя въ противномъ, т. е. что система воспитанія солдата въ польской арміи и варшавскомъ гвердейскомъ отрядѣ ничѣмъ не отличалась отъ принятой въ остальной русской арміи.

старшаго караульнаго унтеръ-офицера наказать передъ ротою палками [12]).“

Не извѣстно, сколько лѣтъ этому унтеръ-офицеру оставалось до выслуги офицерскаго чина, но съ увѣренностью можно сказать, что въ его послужномъ спискѣ одно перечисленіе походовъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, занимало нѣсколько страницъ. Можетъ быть, это былъ одинъ изъ суворовскихъ чудо-богатырей!...

Палочная система воспитанія солдата служила весьма шаткимъ средствомъ для поддержанія дисциплины въ войскахъ и только способствовала очерствѣнію нравовъ. Въ данномъ случаѣ подтвердилась только та истина, что съ увеличеніемъ строгости взысканій слабѣетъ дисциплина. Въ прошломъ столѣтіи, напримѣръ, когда наказанія отличались ужасающею жестокостью, дисциплина въ средѣ войскъ и въ особенности въ средѣ гвардіи была въ страшномъ упадкѣ, и мятежи солдатъ противъ своихъ офицеровъ были чрезвычайно часты; потушить мятежъ и возстановить порядокъ удавалось только генераламъ и начальникамъ, отличавшимся гуманностью и пользовавшимся за то любовью солдатъ [13]). По мѣрѣ смягченія наказаній смягчались нравы, а дисциплина дѣлалась тверже. Несмотря на ежевыя рукавицы, въ которыхъ держали солдата въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, онъ все-таки дѣлалъ то, о чемъ нынѣшній солдатъ не смѣетъ подумать. Не упоминая о единичныхъ

---

[12]) Приказъ по Литовскому полку, отъ 14 ноября, 1816 г.

[13]) Однимъ изъ примѣровъ можетъ служить разсказъ Манштейна о подвигѣ генерала Кейта. Въ 1742 году, во время войны въ Финляндіи, русская гвардія, стоявшая лагеремъ подъ Выборгомъ, скучая бездѣйствіемъ и подозрѣвая иностранцевъ-офицеровъ въ измѣнѣ, взбунтовалась. Съ криками: „Смерть нѣмцамъ!“ нѣсколько сотъ гвардейскихъ солдатъ бросились къ палаткѣ Ливена и, не найдя его тамъ, избили до полусмерти его адъютантовъ, слугъ, караульныхъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ изъ нѣмцевъ, не кстати подвернувшихся подъ руку. Сбѣжавшіеся офицеры тщетно старались остановить разъяренную толпу, и неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ-бы мятежъ, если-бы на мѣсто схватки не прибылъ генералъ Кейтъ. Онъ смѣло бросился въ толпу, ревѣвшую: „смерть нѣмцамъ!“ и избивавшую своихъ офицеровъ, схватилъ одного изъ зачинщиковъ и велѣлъ священнику готовить его къ смерти. Громкій, спокойный голосъ любимаго генерала, хотя и иностранца, и его энергическія распоряженія привели толпу къ покорности. Зачинщики были арестованы и преданы суду; главнѣйшему изъ нихъ была отсѣчена правая рука; остальныхъ нещадно били кнутомъ и сослали въ Сибирь.

случаяхъ открытаго неповиновенія офицерамъ, случаяхъ очень рѣдкихъ, вызывавшихся всегда жестокостью или несправедливостью самихъ офицеровъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ шаткость тогдашней дисциплины.

Въ 1821 году тайная полиція доноситъ, что множество солдатъ л.-гв. Литовскаго полка, расположеннаго въ гвардейскихъ казармахъ, бродятъ по цѣлымъ днямъ и въ особенности послѣ полудня въ лѣсахъ деревень Маримонта и Бѣляны и грабятъ жителей, проходящихъ по лѣсу. Въ 22-мъ году жители Мурановской и Смочей улицъ Варшавы жалуются, что пѣхотные гвардейскіе солдаты, живущіе въ артиллерійскихъ казармахъ, по-ночамъ нападаютъ на прохожихъ и грабятъ ихъ. Въ 1816 году смотритель Литовскихъ казармъ жалуется командиру полка, что солдаты прибили людей, вывозившихъ нечистоты, а у лошадей обрѣзали хвосты. Въ 22 году въ лагерѣ нѣсколько солдатъ Литовскаго полка нападаютъ ночью на бывшаго въ разъѣздѣ жандарма, стаскиваютъ его съ лошади, бьютъ его и оставляютъ только тогда, когда онъ ударомъ сабли, обнаженной въ свою защиту, сноситъ челюсть одному изъ нападавшихъ [14]). Часто днемъ, на самыхъ людныхъ улицахъ Варшавы, можно было видѣть польскихъ и русскихъ гвардейскихъ солдатъ, просившихъ милостыню. Одинъ держитъ въ рукахъ разломанный гербъ кивера и проситъ на его исправленіе; другой останавливаетъ каждаго прохожаго, назойливо прося дать ему 20 грошей, которые онъ потерялъ изъ денегъ своего капитана, пославшаго его за покупками; третій просто проситъ на хлѣбъ... По-вечерамъ эти импровизованные нищіе нападали на женщинъ.

Въ то время, когда наказывали за складку на мундирѣ, всѣ трактиры отдаленныхъ варшавскихъ кварталовъ, игорные дома и другіе притоны по-ночамъ были наполнены солдатами всѣхъ родовъ оружія, несмотря на разныя мѣры, предпринимавшіяся для уничтоженія этого бродяжничества. Солдатъ не пускали со двора и стерегли, какъ преступниковъ. Въ праздники, когда люди меньше заняты, съ этою цѣлью наряжались дежурные офицеры, не только

---

[14]) Донесеніе варшавской секретной полиціи, отъ 14 іюля, 1822 г.

по полкамъ и батальонамъ, какъ полагалось по уставу, но и по ротамъ. Чтобы уменьшить возможность самовольной отлучки, принята была оригинальная мѣра: шинели рядовыхъ всегда должны были лежать на койкахъ скатанными, и раскатывать ихъ безъ разрѣшенія ротнаго командира строго воспрещалось, исключая, конечно, случаевъ ухода на службу. Чтобы занять чѣмъ нибудь досугъ солдата, заставляли его съ утра до ночи чистить оружіе и амуницію, доводя педантизмъ требованій въ этомъ направленіи до невозможнаго.

Всѣ эти факты мы приводимъ въ отвѣтъ тѣмъ, которые и теперь еще рѣшаются утверждать, что при прежней системѣ воспитанія солдата, при существованіи тѣлесныхъ наказаній, дисциплина въ войскахъ была тверже, чѣмъ теперь.

По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не одобрялъ слишкомъ строгихъ взысканій за маловажные проступки. Въ одномъ изъ приказовъ графа Красинскаго по резервному корпусу [15]) высказывается сожалѣніе, что начальники, отсутствіемъ отеческой заботливости о подчиненныхъ и неумѣніемъ обходиться съ ними, вызываютъ увеличеніе числа преступленій, на что Великій Князь повелѣлъ обратить особенное вниманіе.

Нужно припять во вниманіе, что описываемая эпоха стояла слишкомъ близко къ рубежу, отдѣлявшему прошлое столѣтіе отъ нынѣшняго, что она изобиловала дѣятелями прошлаго вѣка, а въ ея законахъ было много остатковъ старины [16]). Вспомнимъ, что тогда еще не было систематическаго свода законовъ и военно-суднымъ коммиссіямъ часто приходилось руководствоваться указами и воинскими артикулами Петра I, въ которыхъ за самыя обыкновенныя преступленія опредѣлялась смертная казнь.

Другимъ больнымъ мѣстомъ тогдашняго военнаго быта было отрицаніе существованія солдатскаго кармана. Не касаясь личностей, скажемъ только, что Литовскій полкъ въ этомъ отношеніи не составлялъ исключенія.

---

[15]) Отъ 30 января, 1825 года, за № 6.

[16]) Вырываніе ноздрей, напримѣръ, отмѣнено только указомъ 25 декабря, 1817 года. Наложеніе клеймъ и кнутъ (для военныхъ) существовали до шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1828 году тайная полиція доноситъ Цесаревичу, что нижніе чины полка за двѣ трети года не получали жалованья, а въ 1830— что въ казармахъ, несмотря на зимнее время, не топятся печи. Перечислять всѣ случаи было-бы излишне, да и невозможно, по ихъ многочисленности.

Насколько оригиналенъ былъ взглядъ на солдатскую собственность, примѣромъ можетъ служить слѣдующій характерный разсказъ, записанный нами со словъ одного изъ очевидцевъ [17]).

Одинъ ротмистръ, эскадронный командиръ Подольскаго кирасирскаго полка, былъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда, за все время своего командованія эскадрономъ, не выдавалъ эскадрону жалованья. Онъ былъ человѣкъ образованный, хорошей фамиліи, прекрасно игралъ на фортепіано и пѣлъ. Каждый разъ, когда вахмистръ, въ день полученія солдатскаго жалованья, приходилъ къ нему, ротмистръ-музыкантъ принималъ его, сидя за фортепіано, и пѣлъ на мотивъ одной, бывшей тогда въ модѣ, французской шансонетки:

„Здравствуй ты, мой вахмистръ!“

— „Здравія желаю Вашему Высокоблагородію! былъ, конечно, отвѣтъ,“

„Жалованье и раціоны получили? слышался голосъ пѣвца.“

— „Получили, Ваше В-діе!“

„Именинныя деньги получили?“

— „Точно такъ, Ваше В-діе!“

„Претензій люди не имѣютъ?“ съ особенною выразительностью звучалъ голосъ ротмистра.

— „Никакъ нѣтъ, Ваше В-діе!“

„По чаркѣ водки на брата!“ речитативомъ заканчивалъ пѣвецъ.

Вахмистръ гремѣлъ: „покорно благодаримъ, Ваше Высокоблагородіе!“ поворачивался и уходилъ.

Послѣ этого разсказа нельзя особенно удивляться тому, что солдаты просили на улицахъ милостыню, хотя отпуски отъ казны

---

[17]) Генерала отъ инфантеріи графа Разводовскаго.

были достаточны. Заявить претензію на инспекторскомъ смотру, значило навлечь на свою голову массу несчастій, нисколько не улучшивъ тѣмъ своего положенія.

Такая система хозяйства особенно дурно отзывалась на женатыхъ нижнихъ чинахъ, заставляя ихъ семейства бѣдствовать; а потому число семейныхъ солдатъ въ полкахъ было незначительно, хотя разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ давалось не только унтеръ-офицерамъ, но и рядовымъ, прослужившимъ извѣстное число лѣтъ. При вступленіи въ бракъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ гвардіи всемилостивѣйше жаловалось: первымъ по 50, а послѣднимъ по 25 рублей.

Правительство вообще заботилось о семействахъ нижнихъ чиновъ.

Если солдатки жили при своихъ мужьяхъ, то имъ давались казенныя квартиры; на дѣтей мужскаго пола со дня рожденія ихъ отпускалась половинная дача провіанта; съ семилѣтняго возраста сыновья солдатъ считались военными кантонистами и съ тѣхъ поръ получали полную дачу. По достиженіи 18 лѣтъ военные кантонисты переименовывались въ рядовые.

Солдатскія жены, жившія при своихъ мужьяхъ, находились въ строгомъ подчиненіи у полковаго начальства, которое иногда подвергало ихъ взысканіямъ за такіе проступки, какъ напримѣръ, неявку въ срокъ изъ отпуска и т. п.

Санитарныя условія солдатской жизни въ полкахъ варшавскаго гвардейскаго отряда были не особенно благопріятны. При замѣчательной дешевизнѣ, существовавшей тогда въ Варшавѣ на съѣстные припасы и вообще предметы первой необходимости [18]), при уси-

---

[18]) Въ 1821 году корецъ ржи стоилъ отъ 9—10 злотыхъ,
„ пшеницы „ 13—18 зл.
ржаной хлѣбъ въ 3 ф. вѣсомъ стоилъ 6 грошей,
пшеничная булка въ 15 лот. вѣсомъ—2 гр.
ситный хлѣбъ въ $2^1/_4$ ф. вѣсомъ—6 гр.
1 фун. хорошаго воловьяго мяса—9 гр.
1 фун. лучшей телятины—10 гр. и т. д.
Цѣны эти выписаны изъ таксы, подписанной вице-президентомъ Варшавы, Любовицкимъ.

ленномъ къ тому-же отпускѣ денегъ по заграничному положенію, пища могла быть хорошая, а между тѣмъ, очень часто читаемъ полковые приказы въ родѣ слѣдующаго:

„Замѣчено мною, что нижніе чины очень худѣютъ, то и прошу г.г. ротныхъ командировъ обратить на сіе свое вниманіе, дабы оные имѣли какъ можно наилучшую пищу.“

Но просьбы, обращенныя къ ротнымъ командирамъ, оставались безъ исполненія, а нижніе чины продолжали худѣть.

Казарменныя помѣщенія въ Варшавѣ не отличались удобствами. Такъ напримѣръ, Литовскій полкъ, до постройки новыхъ казармъ, жилъ въ старыхъ гвардейскихъ казармахъ, настолько ветхихъ, что дыры въ стѣнахъ зимой приходилось затыкать соломой, а крыша и потолокъ свободно пропускали влагу; самыя помѣщенія были тѣсны, низки и сыры.

Для лѣченія нижнихъ чиновъ при полкахъ существовали небольшіе лазареты. Кромѣ того, въ 1816 году, по повелѣнію Цесаревича, былъ учрежденъ при русскомъ гвардейскомъ отрядѣ особый госпиталь на 300 кроватей, съ отдѣленіемъ для офицеровъ, исключительно для русскихъ войскъ. Этотъ госпиталь былъ помѣщенъ въ Уяздовскомъ палаццо.

Въ числѣ мѣръ, принимавшихся для сохраненія солдатскаго здоровья, нѣкоторыя были очень оригинальны:

„Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ повелѣть соизволилъ, читаемъ въ одномъ изъ полковыхъ приказовъ, чтобы жалованье тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои въ теченіе сентябрьской трети одержимы были венерическою болѣзнію, удерживалось впредь до распоряженія, *въ наказаніе за таковые непростительные поступки.*“ Жалованье такихъ „нерадѣющихъ о своемъ здоровьи и зараженныхъ сіею гнусною болѣзнію,“ отдаваемо было унтеръ-офицерамъ, которые отъ себя выдавали деньги провинившимся, по мѣрѣ надобности, предохраняя тѣмъ отъ пьянства и эротическихъ похожденій. Не менѣе оригинальное средство придумано однимъ изъ полковыхъ командировъ варшавскаго гвардейскаго отряда для лѣченія отъ пьянства. Онъ раздѣвалъ пьяницъ до-нага и запиралъ въ яму, дно которой было усыпано мелкимъ щебнемъ.

Тогдашняя гвардейская форма была очень неудобна. Мундиръ и рейтузы должны были „обливать“ тѣло; складка на мундирѣ считалась преступленіемъ и подвергала виновныхъ строгимъ взысканіямъ, а потому мундиры и другія принадлежности костюма были такъ тѣсны, что человѣкъ не могъ самъ застегнуться, а всегда прибѣгалъ къ помощи товарища [19]). Чтобы судить, насколько неудобна была тогдашняя форма и какъ она стѣсняла движенія, достаточно привести слѣдующій случай.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, вызванный Императоромъ Александромъ I въ Лайбахъ, проѣздомъ съ Кавказа, заѣхалъ въ Варшаву погостить у Цесаревича Константина Павловича, съ которымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Великій Князь показывалъ, конечно, гостю свою гвардію. Ермоловъ, казалось, отъ всего былъ въ восхищеніи. Вызвавъ изъ строя молодца-гренадера, онъ особенно расхваливалъ ловкость, выправку людей и красоту обмундировки, а между тѣмъ, какъ-бы нечаянно обронивъ платокъ, попросилъ ловкаго гренадера поднять его съ земли. Тотъ хотя и исполнилъ это, но лишь послѣ необычайныхъ усилій, при чемъ нѣкоторыя части костюма потерпѣли сильныя поврежденія. Великому Князю это очень не понравилось, и съ тѣхъ поръ уже между нимъ и Ермоловымъ было замѣтно охлажденіе [20]). Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней въ приказѣ объявлено замѣчаніе Цесаревича, что нижніе чины одѣваются съ излишнею перетяжкою.

По многимъ даннымъ можно заключить, что общее состояніе здоровья нижнихъ чиновъ въ то время было далеко не удовлетворительно. Тяжесть и продолжительность службы, отсутствіе санитар-

---

[19]) Изъ разсказовъ покойнаго графа Разводовскаго.

[20]) Насколько хороши были отношенія Цесаревича къ Ермолову до этого случая, можно видѣть изъ ихъ переписки. Вотъ, напримѣръ, одно изъ писемъ Великаго Князя, относящееся къ августу 1818 года.

„Любезнѣйшій, почтеннѣйшій и храбрѣйшій патеръ, Алексѣй Петровичъ!

„Вы вспомнили древнія римскія времена и теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я здѣсь префектомъ или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы или, лучше сказать, въ срединѣ оной, и нахожусь въ отдаленности отъ всѣхъ петербургскихъ дѣлъ“...

(Военно-ученый архивъ Главн. штаба).

ныхъ мѣръ, жестокость тѣлесныхъ наказаній [21]), наконецъ, участіе въ предыдущихъ кампаніяхъ, гибельно вліяли на здоровье и преждевременно старили людей. Да и по лѣтамъ многіе вполнѣ заслуживали названіе ветерановъ: большинство оканчивало службу въ возрастѣ отъ сорока до пятидесяти лѣтъ; но попадались шестидесятилѣтніе старики. Увольненіе отъ службы, по болѣзни или за ранами, раньше срока, представляло большія затрудненія.

Приводимъ выдержки изъ интереснаго списка нижнихъ чиновъ, уволенныхъ, по неспособности продолжать службу, изъ л.-гв. Литовскаго полка въ 1818 году [22]). Изъ множества графъ этого списка особеннаго вниманія заслуживаютъ: возрастъ увольняемыхъ, болѣзнь и причины неспособности и, наконецъ, указанія, куда увольняются.

„Унтеръ-офицеръ *Иванъ Савельевъ*. Отъ роду лѣтъ 68 [23]). Контуженъ въ большой палецъ лѣвой руки, отчего не дѣйствуетъ опою: дряхлъ; зубовъ переднихъ нѣтъ. Увольняется въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Семенъ Шевчукъ*. 35 лѣтъ. Раненъ въ правую ногу ниже колѣна съ поврежденіемъ костей и жилъ, отчего худо владѣетъ оною; также раненъ въ колѣно лѣвой ноги. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Семенъ Андреевъ*. Лѣтъ отъ роду 34. Раненъ въ бедро лѣвой ноги на-вылетъ съ поврежденіемъ жилъ, отчего худо владѣетъ оною. Въ гвардейскій гарнизонъ.

---

[21]) Кстати, приведемъ секретное предписаніе Цесаревича корпусному командиру, графу Винцентію Красинскому.

„При конфирмаціи военно-судныхъ дѣлъ, между прочимъ, мною замѣчено, что гг. полковые командиры назначаютъ нижнимъ чинамъ, пойманнымъ изъ первыхъ побѣговъ, наказаніе палками по 500 ударовъ; а *какъ таковое наказаніе можетъ быть поводомъ къ увѣчью* и преждевременно лишать службу людей, то предлагаю Вашему Сіятельству сдѣлать распоряженіе, чтобы подобныхъ наказаній палками отнюдь нигдѣ не производилось, а наказывать вмѣсто того по з... цѣ розгами."

20 апрѣля, 1827 года. „Генералъ Инспекторъ Константинъ."

(Московское отдѣленіе архива Главнаго штаба).

[22]) Этотъ списокъ, за подписью полковаго штабъ-лекаря, случайно сохранился въ полковомъ архивѣ, хотя и не принадлежитъ къ числу бумагъ, назначенныхъ для постояннаго храненія.

[23]) Вступилъ въ службу въ 1797 году, слѣдовательно, 47-ми лѣтъ отъ роду.

Рядов. *Григорій Косаревъ.* 38 лѣтъ. Раздавлена повозкой грудь, отчего удушье, и застарѣлою цынготною болѣзнію, съ ранами на ногахъ. Въ гвардейскій гарнизонъ.

Рядов. *Василій Лукашенко.* 46 лѣтъ. Разбита поясница; также за старостью и удушьемъ. Въ гвардейскій гарнизонъ.

Рядов, *Андрей Шаталинъ.* 50 лѣтъ. За старостью и удушьемъ. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Алексѣй Швецовъ.* 60 лѣтъ. За старостью и удушьемъ; также раненъ въ лѣвую ногу выше колѣна. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Дементій Клумба.* 35 лѣтъ. Раненъ въ правую руку у плеча; а также—въ лѣвую ногу, отчего худо владѣетъ, какъ рукой, такъ и ногой. Въ гвардейскій гарнизонъ.

Рядов. *Максимъ Бардашенко.* 54 года. Контуженъ въ правое плечо, отчего худо держится, и за старостью. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Федоръ Моисеевъ.* 39 лѣтъ. Раненъ въ лѣвую руку съ раздробленіемъ костей, отчего худо владѣетъ оною; также и въ правой отъ нарыва повреждены жилы, отчего сведенъ указательный палецъ. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Семенъ Мануйловъ.* 50 лѣтъ. Раненъ пулею въ поясницу съ раздробленіемъ костей. Въ гвардейскій гарнизонъ.

Рядов. *Осипъ Осмуловъ.* 48 лѣтъ. Раненъ въ лѣвую ногу выше колѣна и ниже колѣна пулями, съ поврежденіемъ жилъ, и застарѣлою цынготною болѣзнью. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Василій Логиновъ.* 50 лѣтъ. Раненъ картечью въ плюсну лѣвой ноги, съ раздробленіемъ костей. Въ гвардейскій служащій инвалидъ.

Рядов. *Францъ Рябчикъ.* 51 года. Раненъ пулею въ правую ногу ниже колѣна и въ лѣвую ногу въ берцо, съ поврежденіемъ костей. Въ гарнизонъ.

Рядов. *Сидоръ Михайловъ.* 59 лѣтъ. За старостью и удушьемъ. Въ гарнизонъ.“ И т. д. всего въ спискѣ 93 человѣка.

Не напоминаетъ-ли этотъ списокъ тѣхъ, которые представлялись при Императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ для увольненія, съ

Высочайшаго разрѣшенія, отъ службы *„за безчеловѣчіемъ,“* т. е. за лишеніемъ образа и подобія человѣчья?...

Списокъ составленъ въ 1818 году, а послѣдняя кампанія была въ 1814 году. Но Литовскій полкъ во время кампаній 13-го и 14-го годовъ неучаствовалъ въ сраженіяхъ настолько, чтобы понести большія потери убитыми и ранеными; поэтому, нужно предположить, что многіе изъ находящихся въ спискѣ ранены еще въ 1812 году. Не вѣрится, чтобы можно было прослужить 4, 5 и даже 6 лѣтъ въ строю, при тогдашнихъ требованіяхъ, съ такими важными поврежденіями организма! Да и увольняются они не въ отставку, не на родину, гдѣ бы спокойно могли дожить вѣкъ, а на службу-же, въ гарнизонъ или служащій инвалидъ.

Не думали, конечно, эти несчастные, что имена ихъ попадутъ на страницы исторіи, хотя бы и полковой. Правда, они не совершили блестящихъ подвиговъ, которые могли бы выдвинуть ихъ изъ массы, прославить ихъ имена, а если и совершили, то втихомолку, не придавая имъ значенія; но они терпѣливо несли за то свой тяжкій крестъ. Не достоинъ-ли удивленія унтеръ-офицеръ Савельевъ, чуть-ли не семидесятилѣтній старикъ, тяжело раненый нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не владѣющій рукою и все—таки бодро стоящій въ рядахъ первой гренадерской роты полка? Можно-ли не изумляться терпѣнію Дементія Клумбы, который умудряется служить въ строю, не владѣя правой рукой и лѣвой ногой; Франца Рябчика, старика 51 года, у котораго повреждены кости обѣихъ ногъ или, наконецъ, Семена Мануйлова, тоже пятидесятилѣтняго старика, раненаго въ поясницу, съ раздробленіемъ костей?!... Не проявили-ли эти люди и всѣ, имъ подобные, удивительные примѣры пассивнаго мужества и не заслуживаютъ-ли ихъ имена уваженія и удивленія потомства? Но ихъ, этихъ героевъ, много; ихъ не перечтешь, имена ихъ не запомнишь: не для славы созданы онѣ. Воздадимъ же дань удивленія памяти этихъ людей, обобщивъ ихъ однимъ славнымъ именемъ: *русскій солдатъ.*

Прежде чѣмъ перейти къ описанію быта офицеровъ, остается сказать нѣсколько словъ о порядкѣ увольненія нижнихъ чиновъ въ отставку и средствахъ для призрѣнія отставныхъ.

Ежегодно при инспекторскихъ смотрахъ инспектирующему генералу представлялись списки тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые ко дню смотра выслужили 22 года. Въ 1829 году, впрочемъ, состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи въ отставку нижнихъ чиновъ, прослужившихъ безпорочно въ гвардіи 20 лѣтъ, а въ арміи и гарнизонѣ 22 (вмѣсто прежнихъ двадцати пяти). Но осмотръ ветерановъ инспектирующими не означалъ еще немедленнаго увольненія въ отставку. Часто наступленіе этого желаннаго момента отдалялось не только на нѣсколько мѣсяцевъ, но иногда и на нѣсколько лѣтъ, по самымъ незначительнымъ причинамъ: въ формулярномъ спискѣ не было обозначено, откуда родомъ, или являлось сомнѣніе въ числѣ лѣтъ отъ роду и т. п., вслѣдствіе чего заводилась нескончаемая переписка съ разными гражданскими властями. А старикъ-солдатъ въ это время иногда успѣвалъ умереть, умереть въ то самое время, когда свобода казалась такою близкою...

Нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ службы составляли, конечно, тяжесть для человѣка стараго, больнаго; иначе, чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что солдатъ на двадцать первомъ или двадцать второмъ году службы, вдругъ, безъ всякой видимой причины, совершаетъ побѣгъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до отставки. При просмотрѣ солдатскихъ формуляровъ того времени, стереотипная фраза: „выключенъ бѣжавшимъ“ попадалась преимущественно въ послужныхъ спискахъ старыхъ солдатъ.

Отставные нижніе чины, совершенно дряхлые и увѣчные, по желанію, могли поступать въ неслужащій инвалидъ, гдѣ состояли на казенномъ содержаніи, не неся никакой службы. Остальнымъ предоставлялось право избрать себѣ мѣсто жительства, гдѣ угодно. Несмотря на это право, ни въ одномъ изъ множества списковъ того времени, просмотрѣнныхъ нами, не нашлось ни одного человѣка, который, по выходѣ въ отставку, пожелалъ бы жить гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ родины. Этотъ фактъ, кромѣ любви къ родинѣ, объясняется еще старостью, неспособностью къ работѣ и естес-

ственно вытекающимъ изъ этого желаніемъ дожить остатокъ дней на попеченіи близкихъ людей.

Въ 1829 году, въ виду повсемѣстнаго появленія множества отставныхъ нижнихъ чиновъ, просившихъ милостыню, правительствомъ были приняты мѣры къ обезпеченію ихъ участи. Гражданскимъ губернаторамъ предписано было отставныхъ солдатъ, могущихъ снискивать пропитаніе трудами, опредѣлять служителями въ присутственныя мѣста или, если изъявятъ на то желаніе, отводить имъ земли на городскихъ выгонахъ и при почтовыхъ дорогахъ, для заведенія огородовъ и постройки домовъ, выдавая на это по 50 руб. асс. каждому. Тѣхъ-же нижнихъ чиновъ, которые по дряхлости и увѣчью не могли сами снискивать себѣ пропитаніе, повелѣно было причислять къ инвалиднымъ командамъ, на казенное содержаніе, безъ исполненія службы [24]).

Такова картина солдатской жизни въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка. По мрачности своихъ красокъ, она какъ-то не вяжется съ той веселенькой жанровой картинкой изъ быта солдатъ, которую набросалъ Крестовскій въ своей исторіи л.-гв. Уланскаго Его Величества полка. Всѣ приведенные факты доказываютъ, что жизнь солдата была далеко не весела и не приглядна. Стоитъ только обратить вниманіе на существовавшую тогда систему хозяйства и на принятую тогда систему наказаній, чтобы убѣдиться въ томъ, что солдату жилось далеко не такъ хорошо, какъ это кажется при поверхностномъ взглядѣ на дѣло [25]). Насколько тяжелою счита-

---

[24]) Высочайшій указъ изъ правительствующаго сената, отъ 28 окт., 1829 г., за № 13.

[25]) „*Житье солдату было хорошее*, пишетъ В. Крестовскій. Зимою вставали въ 6 часовъ утра, дѣлали свой туалетъ (какая горькая иронія!...), шли на конюшни къ утренней уборкѣ, затѣмъ возвращались въ столовыя залы къ завтраку, который обыкновенно состоялъ изъ горячаго супа или похлебки съ бычьими гусаками.“ (стр. 112). Въ другомъ мѣстѣ: „словомъ сказать, всѣ условія солдатской жизни были прекрасны...“ (стр. 113). Слишкомъ веселый взглядъ автора этихъ строкъ на условія солдатской жизни невольно бросается въ глаза; не знаемъ только, вытекаетъ-ли онъ изъ недостаточнаго знакомства съ характеромъ быта или изъ ошибочнаго положенія, что въ исторіи полка можно говорить только о хоро-

лась военная служба въ то время самими современниками доказываетъ тотъ фактъ, что польскій сеймъ 1820 года, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, принялъ петицію: „возстановить декретъ прусскаго короля объ употребленіи евреевъ въ военную службу; въ противномъ случаѣ они такъ размножатся, что превзойдутъ числомъ прочихъ жителей“ [26]).

шемъ, выставлять все въ радужномъ свѣтѣ, даже въ ущербъ истинѣ и отнюдь не касаться оборотной стороны медали. Конечно, такой взглядъ не достоинъ исторіографа, главная заслуга котораго заключается въ правдивомъ и безпристрастномъ изложеніи того, что было, безъ прибавленія красокъ, безъ сглаживанія тѣней. Описаніе темныхъ пятенъ, бывшихъ полстолѣтія тому назадъ, не можетъ бросить тѣни на нынѣшній составъ полка; каждый, напротивъ, съ гордостью можетъ сказать, что теперь этого не существуетъ.

Да не подумаетъ читатель, что всѣ описываемыя темныя стороны были удѣломъ одного только л.-гв. Литовскаго полка, что этотъ полкъ представлялъ собою ненормальное, уродливое явленіе въ средѣ полковъ варшавскаго гвардейскаго отряда. Ни чуть не бывало: все то, что мы не считаемъ нужнымъ скрывать, существовало и въ другихъ полкахъ, но писать объ этомъ не было принято, считалось неприличнымъ.

[26]) Изъ журналовъ засѣданій польскаго сейма 1829 года. Проектъ этотъ не прошелъ, и евреи продолжали безнаказанно плодиться.

ГЛАВА XIII.

БЫТЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Несмотря на строгія требованія тогдашней фронтовой службы, жизнь офицеровъ варшавскаго гвардейскаго отряда была, конечно, не въ примѣръ приглядиѣе солдатской. На солдата смотрѣли, какъ на машину, и убивали въ немъ все человѣческое; офицеръ же былъ машиной только во фронтѣ. Внѣ службы, внѣ фронта, онъ имѣлъ возможность жить тою жизнью, какая соотвѣтствовала его наклонностямъ и его характеру. Какъ ни былъ строгъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ требованіяхъ службы, эти требованія, по отношенію къ офицерамъ, далеко не были такъ сложны, какъ теперь; на офицерахъ не лежала тяжелая задача развитія и воспитанія солдата; умѣетъ солдатъ маршировать — значитъ офицеръ сдѣлалъ свое дѣло, и требованія дальше не простирались. Фронтовая служба была тяжела только вслѣдствіе педантизма и сложности построеній; это сознавалъ и самъ Цесаревичъ. „Я болѣе двадцати лѣтъ служу, писалъ онъ генералъ-адъютанту Н. М. Сипягину, и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя Императора [1]) былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ; а нынѣ такъ перемудрили, что и не найдешься.“

Любя страстно фронтовую службу со всѣми ея тонкостями и заводя въ Варшавѣ новые порядки, Константинъ Павловичъ не прочь былъ иногда подтрунить надъ существовавшимъ тогда въ Пе-

---

[1]) Павла I.

тербургѣ увлеченіемъ плацъ-парадами. Прочтя, напримѣръ, въ приказахъ по гвардейскому корпусу, что командиры гвардейскихъ полковъ посылаютъ на разводы въ Высочайшемъ присутствіи всегда однихъ и тѣхъ-же офицеровъ, Цесаревичъ писалъ Сипягину:

„Нечего дивиться тому, что полковые командиры однихъ и тѣхъ же офицеровъ посылаютъ на раздѣлку, ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дашь; поневолѣ пошлешь тѣхъ-же самыхъ офицеровъ. Точно, какъ на балахъ, видишь обыкновенно прыгаютъ французскую кадриль всегда однѣ и тѣ-же лица, пары 4 или 8, а другія не пускаются“ [2]).

Несмотря на то, что и въ Варшавѣ существовала почти такая-же „танцовальная наука,“ офицеры имѣли много совершенно свободнаго времени.

Прежде чѣмъ очертить внѣслужебный бытъ общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, нужно сказать, что въ уровнѣ образованія его членовъ существовала большая разница. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно заглянуть въ формулярные списки того времени. Въ нѣкоторыхъ спискахъ находимъ: „обучался языкамъ россійскому, французскому, нѣмецкому, итальянскому, низшей и высшей математикѣ, механикѣ, дипломатикѣ, черченію, рисованію, логикѣ и даже френологіи;“ въ другихъ скромно написано: „россійской грамотѣ, читать и писать, умѣетъ“ [3]).

При производствѣ въ офицеры въ гвардію тогда мало обращали вниманія на воспитаніе и образованіе производимыхъ подпрапорщиковъ или юнкеровъ. Достаточно, если они умѣли читать, писать и знали четыре правила ариѳметики: большаго не требовалось. Требовалось только отличное знаніе фронта и строгое, неуклонное исполненіе обязанностей службы. Вслѣдствіе этого, въ гвардейскихъ полкахъ варшавскаго отряда служили многіе офицеры съ самымъ недостаточнымъ образованіемъ. Случилось даже такъ, что въ л.-гв. Литовскомъ полку нѣсколько лѣтъ прослужилъ офицеръ, не умѣвшій ни читать, ни писать. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ Литовскомъ полку, между нижними чинами изъ сдаточныхъ, нахо-

---

[2]) Письмо В. К. къ Сипягину, отъ 16 февраля, 1817 г.

[3]) Полковой архивъ.

дился рѣдкій феноменъ, Веретянинъ, фельдфебель 1-й гренадерской роты, т. е. роты Его Императорскаго Высочества. Красавецъ собою, онъ былъ отъ природы очень уменъ и ловокъ; а потому на службѣ такъ образовалъ и воспиталъ себя чтеніемъ и наблюдательностью, что не ударилъ-бы лицомъ въ грязь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ, ни своими манерами, ни разговорами о чемъ угодно. Это былъ истинный перлъ нижнихъ чиновъ.

Въ то-же самое время жила въ Варшавѣ одна графиня, вдова лѣтъ 26, красавица, очень умная и богатая. Какъ мухи на медъ, слетались къ ней многочисленные вздыхатели съ предложеніемъ ей и руки съ сердцемъ, и сердца безъ руки.

Но графиня не принимала ни отъ кого ни того, ни другаго. Въ толпѣ обожателей находился и командиръ Литовскаго полка, генералъ-маіоръ В. М. Киш...инъ, который не былъ счастливѣе прочихъ поклонниковъ красавицы-графини. Однажды, генералъ заѣхалъ къ графинѣ ранѣе обычнаго для утреннихъ визитовъ часа, и нарочно для того, чтобы застать ее одну. Приказали просить генерала въ будуаръ. Въ будуарѣ графини сидѣлъ въ креслѣ, возлѣ кушетки, Веретянинъ. У генерала помутилось въ глазахъ, и ему показалось, что онъ видитъ это во снѣ. При видѣ своего полковаго к-ра, фельдфебель всталъ съ кресла, но безъ испуга и торопливости, а напротивъ, съ необыкновеннымъ достоинствомъ, развязностью и ловкостью.

Графиня пошла на встрѣчу своему новому посѣтителю, протянула ему свою крошечную ручку и ласковымъ голосомъ сказала:

— Здравствуйте, генералъ; очень рада васъ видѣть. Я увѣрена, что вы настолько, любезны, что позволите мнѣ быть полной хозяйкой у себя въ будуарѣ, въ которомъ всѣ гости для меня равны; а потому позвольте представить вамъ г. Веретянина, моего хорошаго знакомаго и человѣка вполнѣ порядочнаго и любезнаго. Садитесь же, генералъ, прошу васъ, вотъ въ это кресло, возлѣ меня. M-eur Веретянинъ, сдѣлайте одолженіе, садитесь по-прежнему.

Они усѣлись одинъ противъ другаго. Обоимъ было не совсѣмъ ловко. Графиня завязала и поддерживала очень умный и живой разговоръ. Генералъ оставался не долго и уѣхалъ отъ графи-

ни первый, съ глубокимъ чувствомъ ревности и сильною досадою на своего фельдфебеля...

Веретянинъ былъ черезъ нѣсколько времени произведенъ въ офицеры въ армію, а вмѣсто него произвели въ Литовскій полкъ унтеръ-офицера 1-й гренадерской роты, Аѳанасьева, который не только не имѣлъ тѣни образованія, но даже не зналъ русской грамоты. Разумѣется, онъ самъ сознавалъ, что былъ не на своемъ мѣстѣ, и потому вскорѣ послѣ своего производства подалъ прошеніе о переводѣ его въ инвалидную команду. Но прошеніе возвратили ему назадъ, и Аѳанасьевъ продолжалъ свою фронтовую службу въ Литовскомъ полку. Выучился онъ не грамотѣ, а только подписывать свою фамилію, но и то такими каракульками, что разобрать ихъ не было возможности. Прошло 5 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Аѳанасьевъ ежегодно подавалъ прошенія о переводѣ, и все безуспѣшно. Наконецъ, произошелъ слѣдующій случай. Въ вечернемъ рапортѣ варшавскому коменданту отъ офицера Литовскаго полка, стоявшаго въ караулѣ на Гроховской заставѣ, значилось: „Прибылъ изъ С.-Петербурга графъ Орловъ.“ Но графа Орлова въ Варшавѣ не оказалось, потому что онъ и не думалъ выѣзжать изъ Петербурга.

— Левицкій! у тебя вѣчные безпорядки,—говоритъ на разводѣ Цесаревичъ варшавскому коменданту. Въ твоемъ рапортѣ значится, что прибылъ изъ Петербурга графъ Орловъ, а Орловымъ и не пахнетъ.“

— Я не виноватъ, Ваше Высочество; караульный офицеръ донесъ мнѣ о пріѣздѣ графа Орлова. Вотъ его рапортъ.“ Сказавъ это, комендантъ подалъ рапортъ Великому Князю. Ни Цесаревичъ, ни кто другой изъ бывшихъ на разводѣ, не могли разобрать подписи. Но вотъ является генералъ Кишкинъ.

— А, тебя-то намъ и надо. Кто это нарисовалъ эти іероглифы?“

— Прапорщикъ Аѳанасьевъ, Ваше Высочество.“

— Въ инвалидъ его!“

Такимъ образомъ, желаніе Аѳанасьева было исполнено, что несказанно его обрадовало [4]).

---

[4]) Воспоминанія Макарова.

Замѣтная разница въ образованіи неизбѣжно влекла за собой разницу въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на жизнь и на службу. Въ то время, какъ одни смотрѣли на солдата, какъ на машину, другіе видѣли въ немъ человѣка и не могли примириться съ существовавшею тогда системой воспитанія солдатъ. Къ числу послѣднихъ принадлежала почти вся молодежь, выпущенная изъ кадетскихъ корпусовъ.

Изолированность русскихъ офицеровъ въ средѣ польскаго общества вырабатывала въ нихъ осторожность и обдуманность, заставляла уединяться въ своемъ кругу и способствовала тому, что многіе посвящали свободное время самообразованію и пополненію пробѣловъ, которые существовали въ тогдашнихъ нашихъ школахъ.

„По цѣлымъ часамъ,—писалъ одинъ изъ служившихъ тогда въ Литовскомъ полку [5]), — въ нашихъ скромныхъ квартирахъ мы сидѣли за изученіемъ иностранныхъ языковъ, чтеніемъ выдающихся военныхъ сочиненій, французскихъ классиковъ и нѣмецкихъ философовъ; восторгались въ то-же время своими писателями: Карамзинымъ, Жуковскимъ и Грибоѣдовымъ, радостно привѣтствуя появленіе каждаго новаго произведенія Пушкина.“

Нѣкоторые изъ офицеровъ знали на память все „Горе отъ ума,“ безъ пропусковъ, выучивъ это произведеніе по самой вѣрной рукописи. Въ полку въ это время служилъ офицеромъ двоюродной братъ Грибоѣдова, Тиньковъ, которому авторъ подарилъ рукопись „Горе отъ ума,“ написанную собственной рукой поэта. Рукопись эта, разумѣется, хранилась, какъ святыня. Но однажды, къ ужасу своему, бѣдный Тиньковъ замѣтилъ, что эта драгоцѣнность, по глупости экономки, пошла на оклейку оконъ.

Польская періодическая печать, отражая на себѣ вѣянія Европы, знакомила съ соціальными и политическими вопросами, стоявшими на очереди для ихъ рѣшенія. Въ то время въ Литовскомъ полку служили люди, которые потомъ занимали видныя мѣста по военно-учебной части,—люди, дѣятельность которыхъ въ званіи начальниковъ разныхъ военно-учебныхъ заведеній, выдѣляла ихъ изъ среды посредственностей. Пущинъ былъ впослѣдствіи команди-

[5]) Владиміръ Петровичъ Желтухинъ, генералъ отъ инфантеріи и членъ военнаго совѣта, скончался въ 1876 г.

ромъ Дворянскаго полка, Бибиковъ — директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, Желтухинъ—1-го московскаго, а потомъ Пажескаго корпусовъ; Озеровъ тоже; Грессеръ также директоромъ одного изъ московскихъ корпусовъ; Тиньковъ-орловскаго. По свидѣтельству другаго современника той эпохи, также служившаго въ Литовскомъ полку, большинство офицеровъ полка не дозволяли себѣ глохнуть въ однихъ только, чисто механическихъ, фронтовыхъ занятіяхъ, но знакомились съ теоріей военнаго дѣла, развивая себя вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніемъ философскихъ и политическихъ сочиненій. Изъ французскихъ газетъ приходилось довольствоваться „Gazette de France," потому что „Journal des Débats" и другія часто задерживались цензурой."

Любознательность офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка и страсть къ чтенію навлекли на нихъ нерасположеніе Великаго Князя. Многіе изъ нихъ были у него „на замѣчаніи" и считались до такой степени политически неблагонадежными, что за ними учрежденъ былъ тайный полицейскій надзоръ, гораздо болѣе строгій, чѣмъ въ полкахъ польской арміи. Такъ напримѣръ, въ іюлѣ 1822 года былъ учрежденъ тайный полицейскій надзоръ за штабсъ-капитаномъ Габбе, снятый только въ февралѣ 1823 года, т. е. черезъ 7 мѣсяцевъ. Въ продолженіе всего этого времени высшая варшавская секретная полиція слѣдила за каждымъ шагомъ этого офицера, представляя ежедневныя записки о дѣйствіяхъ его [6]). Однажды, штабсъ-капитанъ Желтухинъ, завелъ у себя общій столъ для офицеровъ своей роты. Хорошо, весело и не дорого. Высшее начальство, узнавъ объ этомъ, сочло чуть не заговоромъ, и ротный командиръ былъ посаженъ подъ арестъ, съ воспрещеніемъ дальнѣйшихъ обѣденныхъ собраній. А между тѣмъ, въ Петербургѣ въ то-же время существовали общіе офицерскіе обѣды, и это не считалось преступленіемъ.

Дальнѣйшія политическія событія показали, какъ ошибочно было мнѣніе Великаго Князя о настроеніи офицеровъ Литовскаго полка. Во время возстанія 1830 года полкъ этотъ въ патріотизмѣ и ревностномъ выполненіи своего долга всѣми его чинами нисколь-

---

[6]) Для примѣра, приводимъ одну изъ нихъ: „За штаб.-капит. Габбе продолжается присмотръ днемъ и ночью; до 6 час. по-полудни особеннаго ничего не замѣчено: днемъ часто лежитъ на окошкѣ, ложится спать около 11 час. веч., а въ 6 ч. встаетъ. Цѣлую ночь одно окно было открыто, полагать можно, что для чистаго воздуха." (Донес. тайн. пол., отъ 30 іюля, 1822 г.).

ко не уступалъ другимъ, въ чемъ убѣдился и самъ Цесаревичъ. При отступленіи русскаго гвардейскаго отряда изъ Варшавы на правый берегъ Буга, Цесаревичъ назначилъ для собственнаго своего конвоя 2-й батальонъ Литовскаго полка, давая этимъ понять, что онъ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе объ офицерахъ этого полка.

Ничѣмъ незаслуженное недовѣріе не могло, конечно, не огорчать честныхъ и преданныхъ своему Государю людей; оно же отчасти было причиною нѣсколькихъ печальныхъ эпизодовъ, случившихся въ Литовскомъ полку въ двадцатыхъ годахъ.

Выше уже было сказано, что лучшая часть офицеровъ полка, стоявшая по уровню образованія и развитію выше остальныхъ своихъ товарищей, не могла сочувствовать существовавшей тогда системѣ воспитанія солдата. Этихъ людей возмущало жестокое обращеніе съ нижними чинами; они дѣлали попытки въ защиту несчастныхъ, открыто порицали слишкомъ выдающіеся примѣры жестокости и подчасъ страдали за это. Слѣдующій случай, относящійся къ началу двадцатыхъ годовъ, доказываетъ справедливость вышесказаннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ явственно обрисовываетъ и тогдашій духъ общества офицеровъ Литовскаго полка, и нѣкоторыя черты характера Цесаревича Константина Павловича.

Командиръ 2-го батальона, полковникъ Вар... скій, отличался крутымъ нравомъ и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами, за что былъ нетерпимъ многими офицерами. Особенно не любили его два офицера—Пущинъ и Габбе, люди пользовавшіеся въ полку всеобщимъ уваженіемъ. Любилъ и уважалъ ихъ также и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, хорошо знавшій всѣхъ офицеровъ полка и часто называвшій Николая Николаевича Пущина по имени и отчеству. Было, однажды, ученье 2-го батальона. По обыкновенію, передъ началомъ батальоннаго ученья роты учились порознь, подъ командой своихъ ротныхъ командировъ. Во время этого предварительнаго ученія Вар... скій сталъ придираться къ ротѣ штабсъ-капитана Габбе, распекалъ офицеровъ, наказывалъ фухтелями нижнихъ чиновъ. Габбе не выдержалъ и сказалъ:

— Полковникъ, теперь еще только ротное ученье, и я здѣсь начальникъ; а вы будете имъ тогда, когда сойдутся всѣ четыре роты, составятъ батальонъ и начнется ученье батальонное. Предо-

ставьте-же мнѣ одному распоряжаться въ моей ротѣ и наказывать того, кто этого стоитъ; это мнѣ извѣстно лучше, нежели вамъ."

Въ это самое время другой ротный командиръ, капитанъ Пущинъ, остановивъ свою роту шагахъ въ тридцати отъ Вар...скаго, скомандовалъ: „Ружье къ ногѣ! стоять вольно!" и затѣмъ, обратясь къ полковнику, началъ говорить ему самымъ дерзкимъ тономъ и даже грозить ему кулакомъ.

Вар...скій прямо съ ученья поѣхалъ къ Цесаревичу и пожаловался на Пущина. Великій Князь немедленно потребовалъ послѣдняго.

— Пущинъ! что ты надѣлалъ?! Вѣдь Вар...скій твой начальникъ!... На все есть манера во фронтѣ! Вар...скій могъ бы тебя представить рапортомъ, и тогда ты бы погибъ. Но онъ пожаловался мнѣ только на словахъ, келейно, стало быть, дѣло еще можно поправить. Поѣзжай, извинись передъ нимъ, и тѣмъ все кончится."

— Виноватъ, Ваше Высочество; извиняться передъ нимъ я не стану: я нахожу это унизительнымъ!"

— Ну, полно упрямиться! Поѣзжай, извинись, я прошу тебя объ этомъ." Но Пущинъ продолжалъ упорствовать въ отказѣ. Великій Князь началъ горячиться и, наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, сталъ кричать и наступать на Пущина, который началъ пятиться назадъ и, дойдя до стѣны, уперся въ нее спиною, насупилъ брови и принялъ самый угрюмый видъ...

Пущинъ былъ преданъ военному суду за оскорбленіе своего батальоннаго командира во фронтѣ. О вышеприведенномъ разговорѣ не было и рѣчи на судѣ, потому что Великій Князь, не желая усугублять наказаніе Пущина, оставилъ этотъ разговоръ втайнѣ. При строгости тогдашнихъ законовъ ожидать пощады было нечего: Пущинъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію. Только усиленное ходатайство Цесаревича смягчило его участь. Онъ былъ лишенъ чиновъ и орденовъ и зачисленъ рядовымъ въ Литовскій пѣхотный полкъ, входившій въ составъ литовскаго корпуса [7]). Почти одновременно съ этимъ, прикосновенные къ этому дѣлу штабсъ-капитанъ

---

[7]) Высочайшій приказъ, отъ 17 марта, 1823 года.

Габбе 4-й и подпоручикъ Веригинъ, по сентенціи военнаго суда, „за дерзкія сужденія о высшихъ себя въ чинѣ и даже о начальникахъ своихъ,“ лишены чиновъ, а первый и орденовъ, и выписаны въ рядовые. Габбе былъ зачисленъ въ Волынскій пѣхотный, а Веригинъ—въ 50-й егерскій полки.

Заботясь о дальнѣйшей судьбѣ Пущина, Великій Князь Константинъ Павловичъ написалъ письмо къ командиру Литовскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ предписывалъ, въ уваженіе прошлой отличной службы рядоваго Пущина и его чистосердечнаго раскаянія, обходиться съ нимъ снисходительно, какъ на службѣ, такъ и внѣ ея [8]). Пущинъ, впрочемъ, не пользовался тѣми льготами, которыя, по желанію Цесаревича, ему хотѣло оказать ближайшее его начальство; онъ съ замѣчательнымъ усердіемъ и ревностью исполнялъ всѣ обязанности рядоваго солдата и ходилъ на всѣ тяжелыя и черныя работы. Такое самоотверженіе было извѣстно Великому Князю, а черезъ него и Императору Александру I, и, вѣроятно, способствовало отчасти скорому улучшенію участи, какъ самого Пущина, такъ и его товарищей—Габбе и Веригина.

Въ Сентябрѣ, 1823 года, подъ Брестомъ-Литовскимъ были большіе сборы всѣхъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича, т. е. польской арміи, литовскаго корпуса и варшавскаго гвардейскаго отряда. Къ этому времени польская армія была уже окончательно сформирована и обучена, и Цесаревичъ хотѣлъ представить ее на смотръ своему Августѣйшему Брату во всемъ блескѣ.

Утромъ 18 сентября, 1823 года, въ день Высочайшаго смотра войскъ подъ Брестомъ, Цесаревичъ, объѣзжая полки литовскаго корпуса до пріѣзда Государя и, по обыкновенію, пристально вглядываясь въ лица солдатъ, замѣтилъ хорошо знакомое ему лицо Н. Н. Пущина, стоявшаго въ рядахъ Литовскаго пѣхотнаго полка, въ первой шеренгѣ. Остановившись на мгновеніе и ласково посмотрѣвъ своими голубыми глазами, онъ взволнованымъ голосомъ сказалъ:

---

[8]) Письмо В. К., отъ 21 мая, 1823 г. Московское отдѣленіе архива Главнаго штаба.

— Сегодня и для насъ, можетъ быть, взойдетъ солнышко!“

Дѣйствительно, оно взошло. Въ тотъ-же день состоялся слѣдующій Высочайшій приказъ: „Разжалованные въ рядовые л.-гв. Литовскаго полка изъ капитановъ Пущинъ, изъ штабсъ-капитановъ Габбе 4-й и изъ подпоручиковъ Веригинъ, и опредѣленные, — первый въ Литовскій пѣхотный, второй въ Волынскій пѣхотный, а послѣдній въ 50 егерскій полки, всемилостивѣйше прощаются и возвращаются имъ чины: Пущину—капитанскій, Габбе 4-му—штабсъ-капитанскій, Веригину—подпоручичій, съ оставленіемъ на службѣ въ тѣхъ-же полкахъ, въ коихъ нынѣ находятся.“ Серебряный рубль, полученный рядовымъ Пущинымъ въ день смотра подъ Брестомъ, долго хранился у него, какъ воспоминаніе этого событія [9]).

Слѣдующее письмо Цесаревича къ Пущину, относящееся къ концу 1823 года, вполнѣ подтверждаетъ, что Великій Князь не былъ злопамятенъ:

„Я получилъ черезъ начальника главнаго штаба моего, генералъ-лейтенанта Куруту, письмо ваше ко мнѣ отъ 2-го сего декабря, которое я принялъ съ удовольствіемъ, и благодарю васъ за изъясненныя въ ономъ чувства ваши ко мнѣ. При семъ присовокупляю, что всегда имѣлъ васъ на счету во всѣхъ отношеніяхъ за отличнаго офицера, что и теперь повторяю. Зная васъ, въ душѣ моей никогда васъ не винилъ и не виню въ случившихся происшествіяхъ, а относилъ оныя и теперь отношу къ подстреканіямъ другихъ, которымъ вы имѣли несчастіе послѣдовать, что и заставило меня болѣе шести мѣсяцевъ удерживать и уговаривать васъ, и, наконецъ, я принужденъ былъ исполнить долгъ мой. Впрочемъ, я въ душѣ всегда оставался къ вамъ съ тѣмъ расположеніемъ, какъ и прежде, и не только не имѣлъ на васъ неудовольствія за прошедшее, но оное со всѣмъ вышло изъ памяти моей, въ чемъ вы можете быть въ полной мѣрѣ удостовѣрены, какъ равно и въ моемъ къ вамъ расположеніи“ [10]).

---

[9]) Эпизодъ этотъ изложенъ по разсказамъ вдовы Пущина, Э. А. Пущиной, А. А. Одинцова, графа Разводовскаго, воспоминаніямъ Макарова, а также по нѣкоторымъ документамъ, найденнымъ въ московскомъ отдѣленіи архива Главнаго штаба.

[10]) Письмо это, хранящееся въ военно-ученомъ архивѣ, не было извѣстно даже семейству Пущина.

По ходатайству Константина Павловича, Пущинъ въ началѣ 1826 г. былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ капитана въ л.-гв. Литовскій полкъ. О первомъ своемъ свиданіи съ нимъ, по пріѣздѣ его въ Варшаву, Цесаревичъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Опочинину: „...Скажу Вамъ, что сюда пріѣхалъ переведенный, по милости Его Императорскаго Величества, по прежнему въ лейбъ-гвардейскій Литовскій полкъ капитанъ Пущинъ. Я не могу Вамъ описать, а былъ тому свидѣтель нашъ почтенный Дмитрій Дмитріевичъ, какое было въ немъ чистосердечное раскаяніе въ произшедшемъ и искреннее желаніе показать усердіе свое и рвеніе заслужить оказанную ему милость, которую, можно сказать, онъ вполнѣ, во всей мѣрѣ, чувствуетъ. И когда я сталъ ему говорить о Павлѣ Пестелѣ и маіорѣ Лорерѣ, то онъ такъ ужаснулся, что взялъ себя за голову, не сказавъ до того времени ни слова объ ихъ дѣйствіяхъ и ихъ покушеніяхъ. Сіе Вамъ даетъ степень понятія и слуховъ около Лиды, гдѣ была его ротная квартира въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ до перехода въ гвардію.“ („Русск. Стар.“ 1873 г. т. VIII).

Чтобы объяснить это письмо, нужно сказать, что Пущинъ былъ прежде знакомъ и даже друженъ съ Пестелемъ и Лореромъ [11]), которые также начали службу въ старомъ л.-гв. Литовскомъ полку. Съ Пестелемъ Пущинъ велъ даже переписку незадолго до декабрьскихъ событій. Узнавъ о существованіи этой переписки, но не зная ея содержанія, Цесаревичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Пущина въ Варшаву и отдалъ приказаніе прямо отъ заставы привезти его во дворецъ, что и было исполнено. Узнавъ, что у Пущина сохранились нѣкоторыя изъ писемъ Пестеля, Цесаревичъ приказалъ принести ихъ, но, не найдя въ нихъ ничего предосудительнаго, возвратилъ ихъ Пущину. Пестель, зная убѣжденія Пущина, не счелъ удобнымъ посвящать его въ свои замыслы и планы.

Исторія съ Пущинымъ и разныя другія столкновенія съ офицерами Литовскаго полка оставили въ сердцѣ Цесаревича горькій осадокъ неудовольствія. Одною изъ причинъ этого неудовольствія была слѣдующая. Полковникъ Вар...скій все болѣе и болѣе возбуж-

[11]) Декабристы.

далъ противъ себя всеобщее негодованіе. Разными косвенными путями офицеры стали доводить до свѣдѣнія Великаго Князя, что они находятъ невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное служеніе съ ненавистнымъ полковникомъ, что необходимо его удалить изъ полка и что поэтому слѣдуетъ выбирать между нимъ и цѣлымъ составомъ офицеровъ, которые вынуждены будутъ выйти въ отставку, если просьба ихъ не будетъ уважена. Цесаревичъ долго боролся съ потокомъ мнѣній офицеровъ цѣлаго полка, отстаивалъ ненавидимаго полковника, который былъ хорошимъ фронтовикомъ, но дурнымъ товарищемъ. Наконецъ, Вар...скій былъ назначенъ командиромъ одного армейскаго полка; это окончательно вооружило Цесаревича противъ литовскихъ офицеровъ.

Нѣсколько ранѣе этого перевода, однажды, въ присутствіи Великаго Князя происходило полковое ученье Литовскаго полка. Вначалѣ все шло хорошо, и Великій Князь былъ очень доволенъ. Но вотъ, во время одного головоломнаго маневра, построенія каре изъ начавшейся перемѣны фронта, произошла ошибка: кто то повернулъ свой взводъ не въ ту сторону, куда слѣдовало. Цесаревичъ вспылилъ, сердился все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, сказавъ нѣсколько жесткихъ словъ и назвавъ Литовцевъ бунтовщиками, уѣхалъ съ плаца, поручивъ какому-то генералу учить полкъ. А черезъ два часа на смѣну былъ присланъ другой генералъ, затѣмъ еще одинъ, такъ что ученье продолжалось 6 часовъ сряду, и съ офицерами и солдатами дѣлалось дурно. Наконецъ, полкъ возвратился въ казармы. Мрачные, повѣся головы, офицеры разошлись по своимъ квартирамъ, не обмѣнявшись между собою ни единымъ словомъ. Спустя четверть часа, полковой адъютантъ, жившій въ казармахъ, получаетъ отъ квартировавшаго вблизи офицера рапортъ о болѣзни; потомъ другой, третій и т. д. Офицеры всего полка рапортуются больными, всѣ штабъ и оберъ-офицеры, кромѣ Вар...скаго. Съ кипою рапортовъ адъютантъ отправляется къ командиру полка, генералу Кишкину.

— Что это такое?—спросилъ озадаченный генералъ.

— Рапорты о болѣзни отъ всѣхъ офицеровъ, а въ томъ числѣ и отъ меня.“

Дѣлать нечего, рапорты слѣдовало отправить по командѣ. На

другой день отъ Цесаревича гонецъ:" Его Высочество проситъ ротныхъ командировъ пожаловать къ нему для объясненій."

— Доложите Его Высочеству, что мы больны и ѣхать не можемъ,—отвѣтили ротные командиры.

Другой гонецъ: „Его Высочество проситъ пожаловать къ нему хоть въ халатахъ, если не могутъ надѣть мундировъ, лишь бы пріѣхали для объясненій." Ѣдутъ въ сюртукахъ, фуражкахъ, безъ эполетъ и безъ шпагъ. Пріѣзжаютъ и находятъ Цесаревича суровымъ и мрачнымъ. Возлѣ него стоялъ корпусный оберъ-аудиторъ съ воинскимъ уставомъ Петра I въ рукахъ.

— Г. аудиторъ, прочитайте такую-то статью устава,—сказалъ Великій Князь.

Оберъ-аудиторъ читаетъ: „Если нѣсколько офицеровъ сговариваются сдѣлать, то-то и то-то, то это значитъ бунтъ, и за это ихъ весьма лишить живота."

— Слышали, господа?" спросилъ Цесаревичъ ротныхъ командировъ.

Офицеры отвѣчали утвердительно.

— И вы не возьмете вашихъ рапортовъ назадъ?"

— Не возьмемъ, Ваше Высочество, потому что для насъ лучше быть разжалованными, даже разстрѣлянными, но честными офицерами, чѣмъ носить обезчещенный гвардейскій мундиръ!"

— Господа! васъ здѣсь восемь человѣкъ, и мнѣ одному съ вами не сговорить; вы меня переговорите. Ивановъ, вы старшій капитанъ въ полку, и потому говорите со мною отъ имени всѣхъ офицеровъ. И такъ слушайте. Я говорилъ съ вами, какъ начальникъ; а теперь буду говорить, какъ вашъ товарищъ, какъ другъ, желающій вамъ добра. За что вы вчера такъ обидѣлись моими словами? Представьте себѣ, напримѣръ, что вы, капитанъ Ивановъ, учите свою роту. У васъ во фронтѣ стоятъ: поручикъ, подпоручикъ и три или четыре прапорщика. Вы, какъ человѣкъ, разсердились; начинаете кричать, браниться. Вѣдь стоящіе во фронтѣ офицеры не обижаются, потому что вашъ гнѣвъ и брань относятся къ нижнимъ чинамъ, а не къ нимъ. Отчего же вы это право отнимаете

у меня? Вѣдь и я такой же человѣкъ, какъ и вы: могу разсердиться, кричать, бранить—солдатъ, разумѣется, а не офицеровъ.“

— Точно такъ, Ваше Высочество, возражаетъ Ивановъ; нѣкоторыя слова ваши относятся къ солдатамъ, а не къ офицерамъ. Но вы изволили сказать еще: „бунтовщики, Литовцы,“ и три раза повторили эти слова. Это значитъ: или офицеры бунтуютъ вмѣстѣ съ солдатами, или солдаты бунтуютъ одни, безъ вѣдомства офицеровъ, и тогда эти послѣдніе не стоятъ эполетъ, если допустили солдатъ до бунта.“

— Вы правы, господа!... совершенно правы! сказалъ Великій Князь. Не считаю для себя предосудительнымъ сознаться, что я погорячился и былъ неправъ. Поэтому прошу васъ взять назадъ свои рапорты, а я завтра извинюсь передъ вами на разводѣ.“

Разумѣется, послѣ такого объясненія ротные командиры взяли назадъ рапорты всѣхъ офицеровъ и возвратились домой въ наилучшемъ расположеніи духа. А Цесаревичъ на другой день послѣ развода, въ присутствіи многихъ генераловъ и офицеровъ, повторилъ сказанное наканунѣ и, въ доказательство милостиваго своего расположенія къ Литовцамъ, пригласилъ ихъ къ себѣ во дворецъ, гдѣ былъ приготовленъ роскошный завтракъ, во время котораго шампанское лилось рѣкою въ честь Литовскаго полка.

А на другой день послѣ этого случилось слѣдующее. На плацу, передъ казармами, происходила репетиція развода отъ Литовскаго полка. Вдругъ, изъ-за рѣшетки показывается рядъ экипажей и останавливается у входа на казарменную площадь. Это были штабъ и оберъ-офицеры польскаго конно-егерскаго гвардейскаго полка, въ которомъ служила вся польская аристократія. И вотъ, офицеры этого гордаго полка, въ полномъ составѣ, въ мундирахъ, имѣя во главѣ полковаго командира, генерала Курнатовскаго, выходятъ изъ экипажей, вступаютъ на плацъ и подходятъ къ кучкѣ литовскихъ офицеровъ, къ которымъ генералъ Курнатовскій обращается съ слѣдующею рѣчью:

— Господа литовскіе офицеры! Вашъ поступокъ назадъ тому три дня такъ рыцарски благороденъ, такъ высоко честенъ, что мы

пріѣхали искать чести быть съ вами знакомыми и просимъ принять насъ въ число вашихъ друзей и почитателей“ [12]).

Приведемъ еще нѣсколько случаевъ, могущихъ характеризовать отношенія Цесаревича къ Литовскому полку.

Въ іюнѣ, 1824 года, Цесаревичъ подъѣхалъ, однажды, къ лагерю л.-гв. Литовскаго полка на Маримонтѣ въ то время, когда тамъ происходилъ разводъ и смѣна лагерныхъ карауловъ. Начальникъ лагернаго караула, прапорщикъ Довре, сынъ генерала отъ инфантеріи Довре, командовавшаго въ то время отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ, при смѣнѣ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, вслѣдствіе чего Цесаревичъ, сказавъ командиру полка, генералъ-маіору Кишкину, что этого офицера нужно учить, приказалъ его арестовать. Довре послышалось, что его приказано арестовать на „палочномъ пикетѣ,“ гдѣ сидѣли только нижніе чины, а потому онъ прямо изъ фронта отвѣчалъ, что подъ арестъ не пойдетъ. Пораженный такою дерзостью Великій Князь напомнилъ ему важность его преступленія и тяжесть ожидающей его кары и приказалъ идти на этотъ разъ, дѣйствительно, уже на палочный пикетъ, гдѣ содержались подсудимые нижніе чины полка. Отдавая такое приказаніе, Цесаревичъ поступалъ вполнѣ законно. Въ „полковничьей инструкціи,“ апробованной въ 1764 году и бывшей тогда еще въ силѣ, между прочимъ, было сказано: „Таковыхъ офицеровъ, которые безпокойство въ полку заводятъ, всемѣрно полковнику должно удерживать и сію заразу, которая крайній безпорядокъ и замѣшательство произвесть можетъ, при самомъ началѣ угашать и искоренять стараться, и хотя малое къ тому что примѣтитъ, употребляетъ онъ свой авторитетъ, къ чему многіе способы есть.“

Въ числѣ этихъ „способовъ,“ для прекращенія выдающихся случаевъ нарушенія дисциплины и порядка существовалъ и арестъ на палочномъ карауле „съ хожденіемъ пѣшкомъ за фронтомъ во время похода.“ Если полковникъ имѣлъ право сажать офицеровъ на палочный караулъ, то, конечно, этимъ правомъ пользовался и главнокомандующій. Довре, не знавшій, вѣроятно, о существова-

---

[12]) Разсказъ этотъ почерпнутъ изъ воспоминаній нашего однополчанина Макарова.

ніи такого закона, со свойственною молодому человѣку горячностью, считалъ себя вправѣ не подчиняться приказанію.

— Такое наказаніе не соотвѣтствуетъ офицерскому званію, и на палочный пикетъ я не пойду,—отвѣтилъ онъ Великому Князю.

„Столь дерзостное упорство,—писалъ Цесаревичъ въ своемъ рапортѣ Государю,—хотя могъ бы я прекратить дѣйствіемъ Высочайше предоставленной мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ власти, но, не желая доводить происшествія сего въ виду цѣлаго лагеря до такой крайности, отъѣхалъ и приказалъ начальнику главнаго штаба моего, генералъ-лейтенанту Курутѣ, послать его подъ арестъ“ [13]).

Въ тотъ же день Доврe былъ сужденъ военнымъ судомъ и въ 24 часа приговоренъ къ разстрѣлянію.

На другой день Великій Князь, пріѣхавъ въ лагерь къ разводу, подошелъ къ переднему караулу 1-го батальона, на которомъ содержался Доврe послѣ произведеннаго надъ нимъ суда, и пожелалъ его видѣть, будучи увѣренъ, что молодой человѣкъ сознаетъ свою вину и дастъ Цесаревичу возможность, въ уваженіе заслугъ престарѣлаго отца, смягчить участь сына.

— Знаете-ли вы, за что преданы суду?“ спросилъ Великій Князь.

— За ослушаніе и неповиновеніе, Ваше Высочество.“

— А знаете-ли, къ чему вы приговорены?

Доврe отвѣчалъ, что это ему уже извѣстно.

— Силою закона, приказываю вамъ исполнить то, что я вчера вамъ приказывалъ: идти на палочный пикетъ!“

— Какъ вчера, такъ и сегодня повторяю Вашему Высочеству, что не пойду!“

— Подумали-ли вы о томъ, какъ поразитъ вашъ поступокъ вашихъ отца и мать; если не для меня, то для нихъ исполните мое приказаніе, отправляйтесь на палочный караулъ.“

Отвѣтъ былъ все тотъ-же: „не пойду.“

---

[13]) Рапортъ Цесаревича Государю Императору, отъ 18 іюня, 1825 г. (Москов. отдѣл. арх. глав. штаба). Въ этомъ рапортѣ обстоятельно изложены всѣ подробности происшествія, вполнѣ сходныя съ приведеннымъ разсказомъ.

— Я васъ прошу, наконецъ, исполнить мое желаніе.“

— Не могу, Ваше Высочество!“

— Въ случаѣ дальнѣйшаго вашего упорства я прикажу васъ вести силою.“

Повторивъ приказаніе еще разъ и получивъ тотъ-же отрицательный отвѣтъ, Великій Князь приказалъ гренадерамъ отвести Довре силою на палочный пикетъ. Довре долго сопротивлялся и даже легъ на землю, но былъ поднятъ гренадерами и отнесенъ по назначенію.

Нельзя не удивляться сравнительной легкости наказанія, понесеннаго этимъ офицеромъ. Онъ былъ лишенъ чина, исключенъ изъ службы и высидѣлъ одинъ мѣсяцъ на палочномъ пикетѣ и четыре мѣсяца въ крѣпости. Вскорѣ послѣ того, онъ опять поступилъ на службу рядовымъ въ Житомирскій пѣхотный полкъ, а въ 1829 году, въ томъ-же Житомирскомъ полку, произведенъ въ прапорщики.

Еще одинъ случай. Однажды, Константинъ Павловичъ остался недоволенъ разводомъ отъ 1 батальона л.-гв. Литовскаго полка. Батальонъ не выравненъ на мѣстѣ; люди не чисто одѣты, не выправлены, маршировали вяло и не равнялись. Упомянувъ въ парольномъ приказаніи, что солдаты“ болѣе похожи на бабъ, нежели на гренадеровъ,“ Великій Князь объявилъ домашній арестъ всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ этого батальона, по смѣнѣ съ караула.

Командиръ батальона, полковникъ Энгельманъ, впослѣдствіи командовавшій л.-гв. Литовскимъ полкомъ, огорченный случившимся, подалъ рапортъ о болѣзни и написалъ бригадному командиру письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Изъ вчерашняго приказа Цесаревича я заключилъ, что неумѣнье мое командовать ввѣреннымъ мнѣ батальономъ навлекаетъ на оный гнѣвъ Его Императорскаго Высочества, ибо доселѣ батальонъ сей заслуживалъ однѣ одобренія Цесаревича. Желая, чтобы подчиненные мои не могли подвергаться той участи, которую я на нихъ навлекаю, обращаюсь къ вашему превосходительству съ просьбой: исходатайствовать у его Императорскаго Высочества для меня переводъ въ одинъ изъ полковъ 2-й арміи.

Между тѣмъ, Цесаревичъ, недовольный Литовскимъ полкомъ, поручилъ состоявшему при немъ для порученій, генералу Жандру, [14]) показать полку все то, чего желалъ и требовалъ онъ. Это означало высшую степень немилости къ полку и очень обидѣло бригаднаго командира, генералъ-маіора Рихтера. Черезъ нѣсколько дней Рихтеръ, попросивъ у Великаго Князя позволенія говорить съ нимъ о служебномъ дѣлѣ, сказалъ Цесаревичу, что генералъ Жандръ уже все показалъ.

— Очень хорошо,—отвѣтилъ Великій Князь,—для того то онъ и былъ посланъ.“

— Если генералъ Жандръ будетъ вмѣшиваться въ дѣла ввѣренной мнѣ бригады, то что же Ваше Высочество прикажете дѣлать мнѣ?“

— Я не привыкъ отдавать отчетъ въ дѣйствіяхъ своимъ подчиненнымъ. Ваше-же дѣло, генералъ, слушать, повиноваться начальству и исполнять, что приказано. Генералъ Жандръ есть выразитель моей воли и потому не угодно-ли всѣ его распоряженія исполнять безпрекословно!“

На другой день Рихтеръ рапортовался больнымъ.

Достаточно было Рихтеру и Энгельману извиниться передъ Великимъ Княземъ, и все было забыто. Упоминая объ этомъ случаѣ въ своемъ письмѣ къ Курутѣ, бывшему тогда въ Петербургѣ, Цесаревичъ заканчиваетъ письмо такъ: „И такъ, всей сей исторіи, слава Всевышнему, конецъ, и буду нѣмъ!“ [15]).

Пущинъ, Рихтеръ и Энгельманъ впослѣдствіи пользовались особеннымъ расположеніемъ Великаго Князя, что доказываетъ его незлопамятность. Онъ былъ вспыльчивъ, но никогда не былъ мстительнымъ. Стоило только провинившемуся выразить раскаяніе и попросить прощенія, и Цесаревичъ забывалъ все и дѣлался самымъ усерднымъ его защитникомъ и покровителемъ. Эта слабость Великаго Князя была извѣстна не только подчиненнымъ ему офицерамъ, но чуть-ли не всей Россіи. Случалось, что какой нибудь офицеръ

---

[14]) Убитому при нападеніи мятежниковъ на Бельведерскій дворецъ 17 (29) ноября, 1830 г.

[15]) Письмо Цесаревича къ Курутѣ, отъ 11 февраля, 1822 года.

или чиновникъ, служащій гдѣ-нибудь внутри Россіи, нашалитъ, попадетъ въ бѣду, на гауптвахту, съ опасностью попасть подъ судъ. Прослышавъ о Варшавѣ и Цесаревичѣ, покровителѣ угнетенной невинности, возьметъ да и напишетъ Великому Князю челобитную, что его преслѣдуетъ злой рокъ и недоброе начальство, что у него всегда было пламенное желаніе служить подъ начальствомъ Его Высочества и т. п. Если его вина была не уголовная и поступокъ не былъ безчестенъ, то шалунъ былъ спасенъ. Въ Россію посылался фельдъегерь съ приказаніемъ Великаго Князя—взять автора письма изъ подъ ареста и привезти въ Варшаву. Его опредѣляли въ одинъ изъ полковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Цесаревича, и часто такіе люди дослуживались до важныхъ чиновъ. Одинъ изъ офицеровъ Литовскаго полка слѣдующимъ образомъ попалъ въ этотъ полкъ.

Однажды воспитанники Вятской семинаріи поколотили своихъ наставниковъ и вытолкали ихъ изъ классной комнаты. Явился самъ преосвященный, чтобы привести мятежныхъ семинаристовъ къ повиновенію своимъ архипастырскимъ краснорѣчіемъ. Но мятежники не смирились даже и при появленіи владыки. И вотъ, возникаетъ серьезное дѣло; духовное начальство тотчасъ-же запрятало въ острогъ главныхъ виновниковъ семинарскаго мятежа, которымъ угрожала печальная перспектива. Главнымъ изъ зачинщиковъ былъ нѣкто Казариновъ, очень умный и грамотный семинаристъ.

Ему удалось тайно отъ своего начальства написать къ Цесаревичу челобитное письмо, по духу и формѣ похожее на приведенное выше. Сейчасъ-же по полученіи этого письма изъ Варшавы въ Вятку поскакалъ фельдъегерь съ приказаніемъ—немедленно доставить семинариста Казаринова въ Варшаву, что и было въ точности исполнено. Онъ былъ опредѣленъ въ Литовскій полкъ солдатомъ; черезъ полгода произведенъ въ унтеръ-офицеры. Во время стоянки полка въ Ораніенбаумѣ онъ былъ уже капитаномъ, а потомъ и полковникомъ [14]).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ не прощалъ и не переносилъ безчестныхъ поступковъ. Дуэли онъ признавалъ единствен-

[14]) Воспоминанія Макарова.

нымъ средствомъ для того, чтобы смыть оскорбленіе, нанесенное однимъ офицеромъ другому; часто дуэли происходили единственно по иниціативѣ Великаго Князя. Въ 1817 году между офицерами 1-го батальона лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка (изъ этого батальона потомъ сформированъ лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ), полковниками Ушаковымъ и Раллемъ произошла ссора, во время которой Ралль нанесъ Ушакову какое-то оскорбленіе. Ушакова не любили ни финляндскіе, ни литовскіе офицеры; Ралль же пользовался уваженіемъ офицеровъ всей бригады, а потому при общемъ содѣйствіи дѣло удалось кое-какъ замять. Но одинъ изъ финляндскихъ офицеровъ, поручикъ де-Лазари, разъ какъ-то проговорился, что Ралль нанесъ Ушакову оскорбленіе не словами, а дѣйствіемъ. Узнавъ объ этомъ, Великій Князь тотчасъ-же посылаетъ черезъ своего адъютанта Ушакову и Раллю свои кухенрейтеровскіе пистолеты и приказаніе или стрѣляться, или немедленно выходить въ отставку. Вскорѣ состоялся поединокъ, на которомъ Ралль былъ убитъ на-повалъ, оставивъ многочисленное семейство. По Высочайшему повелѣнію поручикъ де-Лазари, разнесшій молву объ оскорбленіи, былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ армію и посаженъ на годъ въ Кіево-Печерскую крѣпость; всѣмъ офицерамъ Финлядскаго батальона объявленъ Высочайшій выговоръ, выраженный въ рескриптѣ Государя Цесаревичу, отъ 27 іюня, 1817 года.

Другой отличительной чертой Константина Павловича, пріобрѣвшей ему любовь всѣхъ его подчиненныхъ, была его необыкновенная щедрость и внимательное отношеніе къ нуждамъ офицеровъ. Кошелекъ его былъ всегда открытъ для нуждающихся офицеровъ, и многіе, въ видѣ негласнаго пособія, получали лично отъ него второй окладъ жалованья. Всѣ вновь произведенные офицеры, неимѣвшіе собственныхъ средствъ, обмундировывались на счетъ Великаго Князя. Цесаревичъ никогда не отказывалъ, если офицеръ или солдатъ просилъ его въ крестные отцы, а новорожденному ребенку щедро посылалъ, а иногда и самъ клалъ подъ подушку родильницы „на зубокъ.“ Нерѣдко, бывая посаженымъ отцомъ на свадьбахъ своихъ офицеровъ, онъ удостаивалъ пріѣзжать въ замковую церковь къ обряду вѣнчанія, а если позволяло время, то и въ квартиру молодыхъ—пожелать имъ съ бокаломъ въ рукѣ счастливаго супру-

жества. Если кто либо изъ офицеровъ серьезно заболѣвалъ, Его Высочество поручалъ своему медику слѣдить за правильнымъ ходомъ лѣченія и не только посылалъ ординарца справляться о здоровьи, но иногда и самъ, бывало, посѣтитъ больнаго, ободритъ и, замѣтивъ нужду, молча сунетъ подъ подушку нѣсколько крупныхъ ассигнацій. Благодаря своей щедрости, своей постоянной готовности помогать нуждающимся, Цесаревичъ дѣлалъ даже долги, хотя самъ велъ весьма скромный образъ жизни, несмотря на свое высокое положеніе [15]).

Ко всякой просьбѣ офицера Великій Князь относился съ полною готовностью ее исполнить. Часто офицеры просили даже не за себя, а за кого-либо изъ родныхъ. Полковникъ Габбе проситъ, напримѣръ, о всемилостивѣйшемъ пожалованіи отцу его, служащему экзекуторомъ въ сенатѣ, какого-либо количества земли. Цесаревичъ хлопочетъ, пишетъ къ Волконскому, Опочинину, проситъ Государя снизойти на эту просьбу, во вниманіе къ усердной службѣ полковника Габбе, и старикъ Габбе получаетъ участокъ земли. Прапорщикъ Романовскій жалуется Цесаревичу на то, что его отецъ безъ причины удаленъ отъ должности кременецкаго повѣтоваго стряпчаго. Великій Князь пишетъ министру юстиціи, и Романовскій—отецъ снова носитъ званіе повѣтоваго стряпчаго въ г. Кременцѣ. Попроситъ кто-либо опредѣлить сына или дочь на казенный счетъ въ корпусъ или институтъ, Цесаревичъ всегда выхлопочетъ, что нужно. Въ институтахъ, корпусахъ и разныхъ училищахъ всегда было по нѣскольку воспитанниковъ или воспитанницъ, содержавшихся на его счетъ. Ведя обширную переписку, Цесаревичъ почти въ каждомъ своемъ письмѣ въ Петербургъ непремѣнно ходатайствуетъ о комъ-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ. Опочининъ, Трощинскій, Волконскій, Вилламовъ, всѣ министры и даже всесильный въ то время Аракчеевъ съ поспѣшной готовностью относились къ каждой просьбѣ такого могущественнаго ходатая.

---

[15]) Въ Московск. отд. арх. главн. штаба хранится цѣлое дѣло о долгѣ Цесаревича штабсъ-ротмистру Володимірову въ 100 тысячъ рублей. Этотъ долгъ впослѣдствіи былъ уплоченъ, по повелѣнію Императора Николая, изъ удѣльныхъ суммъ.

Чаще всего обращались офицеры къ Цесаревичу съ просьбами о денежномъ вспомоществованіи. Свадьба, рожденіе ребенка, болѣзнь, а иногда просто долги, служили достаточнымъ предлогомъ, чтобы выпросить тысченку—другую рублей, тѣмъ болѣе, что это дѣлалось очень просто: офицеръ писалъ такъ называемое „просительное письмо," изъясняя въ немъ свои нужды и часто опредѣляя даже цифру просимаго вспомоществованія. Полковой командиръ представлялъ письмо Великому Князю, который въ свою очередь дѣлалъ представленіе Государю... и мѣсяца черезъ два—три, смотришь, получалось всемилостивѣйшее разрѣшеніе на выдачу просимой суммы. При этомъ рѣдко назначалось менѣе тысячи рублей, даже и младшимъ офицерамъ; но очень часто цифра вспомоществованія доходила до 5 тысячъ руб. ассиг. Многіе злоупотребляли добротой и щедростью Цесаревича. Полковникъ Юкичевъ, получившій въ въ 1819 году 2000 рублей, въ слѣдующемъ 1820 году—3000 руб. и въ 1821 г.—5000 руб. ассигнаціями, проситъ въ томъ-же 1821 г. еще 2000 руб. вспомоществованія, и просьба его исполняется. Въ исторіи уланскаго Его Величества полка приведенъ слѣдующій интересный примѣръ. Въ ноябрѣ 1818 г., поручикъ М. представилъ командиру полка при рапортѣ запечатанный пакетъ на имя Великаго Князя. Вскрывъ конвертъ, Константинъ Павловичъ прочелъ письмо, въ которомъ поручикъ М. просилъ о „пожалованіи" ему съ братомъ ни болѣе, ни менѣе, какъ пятидесяти тысячъ рублей! Цесаревичъ поручилъ объявить нескромнымъ просителямъ, что „признавая сію сумму несоразмѣрною и совершенно зная, что Высочайшаго соизволенія на оную послѣдовать не можетъ," онъ не рѣшается представить Государю Императору подобную просьбу и самъ не имѣетъ возможности удовлетворить ее. Эта нелѣпая просьба нимало не повредила въ глазахъ Цесаревича служебной карьерѣ поручика М., который впослѣдствіи занималъ видный постъ.

Если Государь крестилъ ребенка у кого либо изъ офицеровъ полка заочно, а такіе случаи бывали нерѣдко, то и родительница, и новорожденный получали богатые подарки. Просьба къ Монарху о воспринятіи ребенка отъ купели шла по начальству, которое иногда отказывалось ходатайствовать объ этомъ; но разъ начальство дѣлало представленіе—отказа свыше никогда не было. Въ 1825 г.

подпоручику Леванскому, просившему Государя быть воспріемникомъ родившагося у него сына, начальникъ дивизіи отвѣчалъ, что представленія объ этомъ онъ сдѣлать не можетъ, „ибо родитель еще недавно на службѣ.“

Матеріальная обстановка офицеровъ въ то время была весьма удовлетворительна. Съ 1 января 1817 г. офицерамъ всей русской арміи прибавлено было содержаніе, такъ что прапорщикъ гвардіи получалъ, напримѣръ, 600 руб. асс., капитанъ гвардіи 900, полковникъ 1200, а полковой командиръ 3000 руб. асс. Причиной, заставившей увеличить оклады жалованья, было „возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы жизненныхъ потребностей.“ (Высочайшій рескриптъ начальнику главнаго штаба Е. И. Величества, князю Волконскому, отъ 12 декабря 1816 г.)

Офицеры варшавскаго гвардейскаго отряда получали, кромѣ того, содержаніе въ увеличенномъ размѣрѣ, по заграничному положенію; къ тому-же возвышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости въ Варшавѣ было мало замѣтно, а въ двадцатыхъ годахъ тамъ положительно царствовала баснословная дешевизна.

Тогда, какъ и теперь, офицерамъ полагалась казенная прислуга, но только въ большемъ количествѣ. Только прапорщикъ имѣлъ одного деньщика; капитану ихъ полагалось 4, полковнику 6, генералъ-маіору 8 и т. д. Конечно, привычки господъ офицеровъ, воспитанныхъ на крѣпостномъ правѣ, были гораздо шире теперешнихъ, и господа требовали болѣе тщательнаго за собой ухода. Многіе, не довольствуясь казенной прислугой, держали еще лакеевъ и дѣвокъ изъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Имѣть въ прихожей большое количество ничего не дѣлавшей съ утра до вечера прислуги считалось шикомъ, признакомъ довольства.

Извѣстный лексикографъ Макаровъ, бывшій офицеромъ въ нашемъ полку, въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ придворный штатъ своего дяди Мичурина, служившаго въ Литовскомъ полку штабсъ-капитаномъ:

1) Вѣра, старшая горничная, пожилая дѣва, лѣтъ 28.

2) Даша, вторая горничная, молоденькая, хорошенькая, веселая и умненькая дѣвочка.

3) Иванъ, поваръ-самоучка, старикъ 55 лѣтъ съ краснымъ носомъ, страшный резонеръ, который аккуратно каждое воскресенье и въ большіе праздники напивался пьянъ.

4) Петръ, двадцатипяти-лѣтній сынъ предыдущаго, тоже поваръ.

5) Васька, четырнадцати-лѣтній мальчикъ.

5) Егорка, братъ его.

7) Протаска, 16-лѣтній мальчикъ, черномазый, курносый, косой, страшный неряха, непомѣрно лѣнивый и прожорливый.

8) Кучеръ Семенъ, пьяница, грубіянъ и воръ.

9) Галактіонъ, семнадцати-лѣтній мальчикъ, тихій, кроткій и грамотный.

10) Яковъ, приземистый парень, плохой сапожникъ, но отличнѣйшій пьяница и воръ.

11) и 12) казенные деньщики.

„Несмотря на эту огромную орду, добавляетъ разскащикъ, въ домѣ моего дяди господствовали страшнѣйшій безпорядокъ и нечистота.“ (Воспом. Макарова, часть IV, стр. 11).

Говоря о склонности офицеровъ къ сибаритству, пельзя не упомянуть объ Измайловѣ.

Былъ въ Литовскомъ полку офицеръ Измайловъ, большой сибаритъ, любившій понѣжиться и потѣшиться всегда, вездѣ и даже на службѣ. Вступая въ караулъ, онъ въ продолженіе сутокъ ни разу не показывался на платформѣ. Всѣ обязанности караульнаго офицера исправлялъ старшій унтеръ-офицеръ. Какъ только онъ вступилъ въ караулъ, къ нему является человѣкъ его съ узломъ въ рукахъ. Измайловъ тотчасъ-же снимаетъ съ себя всѣ принадлежности караульнаго офицера и облекается въ халатъ, туфли и ночной колпакъ. Затѣмъ, ложится на диванъ или разваливается въ большомъ креслѣ и предается кейфу. Куритъ трубку, пьетъ, ѣстъ, спитъ, просыпается и снова за прежнія занятія. Пусть себѣ начальство проѣзжаетъ мимо гауптвахты, пусть часовой на платформѣ звонитъ, какъ въ набатъ,—Измайловъ ни съ мѣста: ему никакого нѣтъ дѣла; знать не хочетъ никого и ничего, кромѣ лѣни и кейфа. Иногда товарищи говорили ему:

— Эй, Измайловъ, попадешься когда-нибудь. Достанется тебѣ за твой халатъ въ караулѣ и за твои караулы въ халатѣ!“

— Такъ чтожъ?—преспокойно отвѣчалъ сибаритъ.—Мнѣ сошло съ рукъ пятьдесятъ такихъ карауловъ; если сойдетъ еще столько-же, и я попадусь на сто первомъ, то не жаль и отвѣтить одинъ разъ за сто карауловъ, проведенныхъ преспокойнѣйшимъ образомъ.“

Разсчетъ Измайлова былъ вѣренъ. Три года прослужилъ онъ въ Варшавѣ и все сибаритничалъ въ караулахъ и не попадался. Но, наконецъ, счастье его оборвалось; стоялъ онъ разъ въ караулѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ и попался.

Однажды Цесаревичъ пріѣхалъ въ Брюлевскій домъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Курутою. Онъ обратилъ вниманіе на караулъ, вышедшій для отданія ему чести безъ офицера.

— А гдѣ караульный офицеръ?“

— Ушли до вѣтру, Ваше Высочество.“

Цесаревичъ посмотрѣлъ на свои часы и, переждавъ минутъ 10, вышелъ изъ коляски и отправился на гауптвахту, гдѣ въ офицерской комнатѣ нашелъ Измайлова въ халатѣ, туфляхъ и ночномъ колпакѣ.

Можете себѣ представить обоюдное изумленіе! Не сказавъ ни слова, Цесаревичъ беретъ караульнаго офицера за руку, ведетъ за собою на платформу передъ гауптвахтой и говоритъ, обращаясь къ сидящему въ коляскѣ начальнику штаба:

— „Курута! Полюбуйся! Каковъ молодецъ!“

И сказавъ это, начинаетъ повертывать Измайлова кругомъ, во всѣ стороны. Злополучный офицеръ, придерживая одной рукой халатъ спереди, чтобы не распахивался и не выказалъ неприглядность его экипировки, другой приподнималъ свой ночной колпакъ и въ то же время, отвѣшивая Цесаревичу пренизкіе, совершенно китайскіе поклоны, приговаривалъ жалобнымъ голосомъ:

— Виноватъ, Ваше Высочество; въ послѣдній разъ въ моей жизни, никогда не буду.“

Фигура Измайлова была до того уморительна, что и Великій Князь, и Курута, и даже караульные солдаты засмѣялись. Этотъ всеобщій смѣхъ спасъ Измайлова: его посадили на гауптвахту всего

только на двѣ недѣли. Этимъ арестомъ онъ и отдѣлался за 3 года лѣнивой и комфортабельной службы. Вскорѣ послѣ этого случая Измайловъ женился и вышелъ въ отставку, чтобы лѣниться и сибаритничать въ деревнѣ сколько душѣ угодно и безъ всякаго риска [16]).

Квартирная часть оставляла желать многаго. Офицерскихъ казенныхъ квартиръ въ гвардейскихъ казармахъ, занимаемыхъ тогда Литовскимъ полкомъ, почти не было, и большинство офицеровъ имѣли квартиры по отводу у городскихъ обывателей. Этотъ способъ расквартированія и теперь представляетъ большія затрудненія и неудобства, а въ то время, при дурномъ состояніи домовъ въ Варшавѣ, при отсутствіи строительныхъ коммиссій, городскихъ архитекторовъ и т. п. онъ для многихъ, безспорно, былъ источникомъ бѣдствій. Полковыя канцеляріи вели постоянную бумажную перестрѣлку съ варшавской квартирной коммиссіей, магистратомъ и другими городскими учрежденіями. Какъ ни изощрялись полковые квартирмейстеры въ сочиненіи ѣдкихъ и витіеватыхъ бумагъ на русскомъ и польскомъ языкахъ, квартирная коммиссія оставалась нечувствительною ко всѣмъ этимъ уколамъ и не могла, при большомъ скопленіи войскъ въ Варшавѣ, исполнить справедливыя ихъ требованія.

Насколько были плохи отводимыя офицерамъ квартиры, можно судить изъ слѣдующихъ заурядныхъ примѣровъ. Въ 1817 году командиръ полка, генералъ-маіоръ Кишкинъ, увѣдомляетъ квартирную коммиссію, что отведенная ему квартира оказалась весьма неудобною по причинѣ чрезмѣрнаго холода въ покояхъ, „да печи въ худомъ видѣ, такъ что во время топленія оныхъ квартира наполняется дымомъ.“ Если у генерала и командира части квартира отличалась такими странными особенностями, то можно себѣ представить, каковы были квартиры младшихъ офицеровъ. Въ декабрѣ 1819 года прапорщикъ Житковъ доноситъ, что его квартира ветха, холодна, въ трехъ комнатахъ одна печь, стекла выбиты, стѣны во время морозовъ промерзаютъ, мебели надлежащей нѣтъ. Въ апрѣлѣ 1820 г. прапорщикъ Обручевъ, въ рапортѣ полковому командиру,

---

[16]) Изъ воспоминаній Макарова.

приводитъ слѣдующее живое описаніе отведенной ему квартиры. „Квартира состоитъ изъ одной комнаты съ каменными сводами вышиною въ ростъ человѣка, съ поломъ ниже поверхности земли; окна съ желѣзными рѣшетками выходятъ на дворъ, и передъ ними груды нечистотъ, собираемыхъ съ цѣлаго двора, отчего воздухъ зараженъ міазмами, проникающими внутрь комнаты.“ Несмотря на эти неудобства, въ этой квартирѣ уже жили два офицера, Сумароковъ и Дмитріевъ, въ одной комнатѣ со своими деньщиками. И въ эту-же квартиру назначенъ былъ для совмѣстной жизни съ предыдущими третій офицеръ. Поручикъ Жеребцовъ жалуется, что въ его квартирѣ „сквозь щели потолка сыплется навозъ, складываемый зачѣмъ-то на чердакъ, отчего происходитъ порча вещей и дурной воздухъ.“ Прапорщикъ Князевъ доноситъ, что въ занимаемой имъ квартирѣ пѣтъ печей, оконъ и дверей. Случалось, что офицеру отводили развалину безъ оконъ и дверей, и когда онъ приводилъ ее на свой счетъ въ приличный видъ, то квартирная коммиссія переводила его въ другую квартиру съ подобными-же существенными недостатками.

Такого рода расквартированіе представляло еще неудобство въ томъ отношеніи, что квартиры назначались часто очень далеко отъ казармъ. Въ то время, когда полкъ жилъ въ гвардейскихъ казармахъ (гдѣ нынѣ Александровская цитадель, выстроенная въ 1833 г.), офицеры были разбросаны на улицахъ: Фрета, Закрочимской, Налевкахъ, Бѣлянской, Длугой, Жабьей, Краковскомъ Предмѣстьи, Рымарской и другихъ. Еще большее неудобство заключалось въ препирательствахъ офицеровъ-квартирантовъ съ хозяевами, а въ особенности съ хозяйками домовъ. Польки вообще довольно притязательны, а тутъ еще примѣшивался національный антагонизмъ, сильно уже дававшій себя чувствовать въ двадцатыхъ годахъ.

Невольно бросается въ глаза мелочность и придирчивость жалобъ. Одна обывателька жалуется, напримѣръ, что у поручика N часто бываютъ гости; другая—что Г. по ночамъ играетъ на гитарѣ; третья проситъ начальство воспретить квартиранту ея, прапорщику О-ву, прогуливаться по двору въ халатѣ, бѣльѣ и туфляхъ, „ибо у нея дочь дѣвица“ и т. п. Правда, что въ то время русскіе офицеры вели довольно патріархальный образъ жизни и стѣсняться у себя дома не любили. Излюбленнымъ домашнимъ костюмомъ былъ халатъ, а жи-

вописнымъ къ нему дополненіемъ служили туфли, какая нибудь смѣшная шапочка, съ кисточкой, на головѣ и трубка съ длиннымъ, предлиннымъ чубукомъ въ рукахъ. Въ такомъ живописномъ костюмѣ офицерство любило по вечерамъ сидѣть на заваленкахъ, у воротъ своихъ квартиръ и прогуливаться не только по двору, но и по улицѣ. Если бы на малолюдной улицѣ, вечеромъ, при слабомъ мерцаніи маслянаго фонаря, вы разсмотрѣли фигуру, важно прогуливающуюся въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ, то на вѣрное могли бы сказать, что это русскій офицеръ.

Несмотря на довольно высокій средній уровень развитія офицеровъ варшавской гвардіи, они отдавали дань времени: нравы отличались своеобразностью и были довольно грубы. Изученіе древнихъ классиковъ не мѣшало эксцентрическимъ выходкамъ, отличавшимъ военныхъ не только той эпохи, но и гораздо позднѣйшихъ временъ. Крѣпостное право и духъ времени клали на нихъ замѣтный отпечатокъ. Отъ всякаго военнаго требовалось удальство, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось; всякая смѣлая выходка, какъ бы она ни была неприлична или неблагоразумна, поощрялась обществомъ, а начальство смотрѣло на нее снисходительно. Самъ Цесаревичъ былъ того мнѣнія, что молодому офицеру необходимо пошалить, лишь бы служилъ хорошо, не дѣлалъ подлостей, а главное—не вольнодумствовалъ и не читалъ газетъ, журналовъ и книгъ. Выпороть на конюшнѣ еврея, пришедшего за полученіемъ долга, пронестись въ коляскѣ, запряженной лихой четверней, по Краковскому Предмѣстью такъ, чтобы попадавшіеся на встрѣчу экипажи разлетались въ дребезги; выбросить кого-нибудь изъ окна второго этажа, затронуть женщину на улицѣ и даже въ костелѣ, застрѣлить собаку, сыграть мелодію на свисткѣ въ партерѣ театра—все это считалось дѣломъ обыкновеннымъ и общественнаго негодованія не возбуждало. И чего—чего только не придумывало изобрѣтательное офицерство! Соберется, напримѣръ, веселая компанія и отправляется въ театръ съ громадной астрономической трубою вмѣсто бинокля. Нѣсколько человѣкъ держатъ этотъ инструментъ въ то время, какъ одинъ смотритъ, заставляя дамъ, сидящихъ въ ложахъ, краснѣть отъ такого страннаго способа лорнировки. Вздумается офицеру войти въ театръ безъ билета, онъ подниметъ возню съ капельди-

неромъ, сбросить его съ лѣстницы и все-таки войдетъ. Евреи-кредиторы подвергались разнымъ мученіямъ, и только неутолимая страсть къ наживѣ заставляла этихъ сыновъ Израиля, часто рискуя жизнью, являться за полученіемъ долговъ.

Послѣ евреевъ отъ такого своеобразнаго удальства больше всего страдалъ прекрасный полъ. Соберется, напримѣръ, группа офицеровъ всѣхъ родовъ оружія: Литовцы, Подольскіе кирасиры, Волынцы, два-три Гродненскихъ гусара или улана, да нѣсколько артиллеристовъ; ходитъ этотъ импровизованный отрядъ по улицамъ и ловитъ попадающихся на встрѣчу женщинъ, оставляя въ плѣну тѣхъ, которыя покрасивѣе. Подольскіе кирасиры отличались особенною любовью къ такого рода экспедиціямъ и особенною изобрѣтательностью въ продѣлкахъ съ прекраснымъ поломъ; но и въ Литовскомъ полку были любители. Объ одномъ изъ нихъ, полковникѣ Вар...омъ, отчасти уже извѣстномъ намъ по пушинской исторіи, тайная полиція доносила, что онъ не можетъ пройти мимо женщины безъ того, чтобы не затронуть ее... Все сходило съ рукъ благополучно. Одинъ офицеръ укралъ воспитанницу изъ театральнаго училища, при чемъ вступилъ въ бой съ полиціей, одержалъ побѣду и обратилъ полицію въ бѣгство... и за это просидѣлъ только нѣсколько дней подъ арестомъ. Въ донесеніяхъ высшей секретной полиціи часто попадаются рапорты въ родѣ слѣдующаго:

„Beaucoup d'officiers rôdent dans les rues tout-á-fait deshabillés, seulement en chemises et pantallons, couverts d'un manteau et une fourachka sur la tête; et ils font dans ce costume la chasse aux filles dans l'obscurité“ (донесеніе отъ 17 (29) сентября 1821 г.). Иногда выраженіе: „beaucoup d'officiers,“ замѣнялось другимъ—„une bande d'officiers,“ при чемъ приводился и самый составъ этой странной „банды“ въ гвардейскихъ мундирахъ.

Въ 20-мъ году одинъ обыватель жалуется на квартиранта, прапорщика Маевскаго, что онъ, заведя огромное количество куръ, индѣекъ и прочей живности, приказываетъ ему смотрѣть за ними, обѣщая, въ случаѣ неповиновенія, разогнать всѣхъ его квартирантовъ.

Если въ Варшавѣ, на глазахъ Цесаревича, продѣлывались такія штуки, то можно себѣ представить, что совершалось въ провин-

ціи, вдали отъ него. Одно время часть Гродненскаго гусарскаго полка стояла въ мѣстечкѣ Закрочимѣ. Скучая бездѣйствіемъ и чувствуя себя тамъ на свободѣ, офицеры выдѣлывали невѣроятныя вещи и наводили на окрестныхъ жителей такой страхъ, что дамы, проѣзжая изъ Варшавы по закрочимской дорогѣ, дѣлали большой кругъ, чтобы объѣхать этотъ городокъ и избѣжать открытаго нападенія на экипажъ,—конечно, не съ цѣлью грабежа. Одинъ изъ гродненскихъ офицеровъ, Б.....ръ, зашелъ въ закрочимскую еврейскую школу, въ большой еврейскій праздникъ, во время богослуженія, сѣлъ раввину верхомъ на шею и приказалъ ему носить себя, что тотъ и исполнилъ безпрекословно, къ великому соблазну молящихся.

Вслѣдствіе такой безшабашности, такого непониманія основныхъ правилъ приличія, въ приказахъ и инструкціяхъ того времени можно найти множество оригинальныхъ наставленій для офицеровъ относительно того, какъ они должны вести себя въ публичныхъ мѣстахъ, обращаться съ дамами и т. п.—нравоученій, которыя теперь кажутся смѣшными. Приводимъ выдержки изъ одного приказа Цесаревича.

„Наистрожайше воспрещается офицерамъ всѣхъ чиновъ въ театрахъ и публичныхъ собраніяхъ шумѣть, свистать и драться, соблюденіе чего возлагается на особенную отвѣтственность начальниковъ частей... Всѣ офицеры должны наблюдать чинопочитаніе, быть учтивыми и имѣть уваженіе не только къ высшимъ чинамъ, но и къ старшему въ одномъ чинѣ, и соблюдать всегда должную учтивость къ дамамъ.“

Наряду съ вышеописанной распущенностью офицерскихъ нравовъ существовало много мелочныхъ требованій, которыя, не принося никакой пользы дѣлу, только стѣсняли офицеровъ, вызывая частыя нарушенія этихъ требованій. Запрещалось, напримѣръ, офицерамъ курить на улицахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ; запрещено было ходить въ фуражкахъ, которыя существовали только для похода, въ городѣ-же офицеры ходили въ шляпахъ. Такъ какъ запрещенный плодъ всегда вкусенъ, то прогулка по Краковскому Предмѣстью въ фуражкѣ, съ трубочкой въ зубахъ, составляла для офицера своего рода наслажденіе, хотя и опасное, потому что, завидя начальство на горизонтѣ, виновный долженъ былъ спасаться въ бли-

жайшую подворотню. Такія шалости, считавшіяся въ то время важнымъ нарушеніемъ порядка службы, представляли богатый матеріалъ для донесеній высшей секретной полиціи и обращали на себя большее вниманіе начальства, чѣмъ дѣйствительныя нарушенія порядка и дисциплины.

Темнымъ пятномъ тогдашняго офицерскаго быта было, какъ мы уже сказали, жестокое обращеніе съ солдатами. Оно было прямымъ слѣдствіемъ тогдашняго воспитанія и тогдашнихъ понятій, какъ въ чисто-русскихъ губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ Польскомъ. Въ полку молодой офицеръ видѣлъ только подтвержденіе того, что еще раньше возведено было имъ въ прищинъ. Начальство не только не препятствовало развитію съ дѣтства привившихся инстинктовъ, но поощряло ихъ. Только строгій офицеръ, по понятіямъ того времени, могъ быть хорошимъ служакой; гуманность считалась порокомъ. Въ тогдашнихъ кондуитныхъ спискахъ офицеровъ можно найти графу, озаглавленную такъ: „не былъ-ли замѣченъ слабымъ въ отправленіи обязанностей по званію начальника и, вопреки должной взыскательности по службѣ, не допустилъ-ли между подчиненными какихъ либо безпорядковъ?“ Слѣдовательно, взыскательность по службѣ считалась необходимымъ условіемъ и единственнымъ средствомъ къ утвержденію порядка [19]). И вотъ, отсюда тѣ печальныя явленія, которыя съ достаточною подробностью описаны въ предыдущей главѣ, гдѣ очерченъ солдатскій бытъ.

Національный антагонизмъ, проявлявшійся въ двадцатыхъ годахъ между горстью русскихъ военныхъ и польскимъ обществомъ, былъ причиною того, что офицеры мало вращались въ семейныхъ домахъ; развлеченія ихъ большею частію носили уличный характеръ, тѣмъ болѣе, что въ публичныхъ удовольствіяхъ въ Варшавѣ тогда недостатка не было. Кромѣ польскихъ спектаклей, существовалъ хорошій французскій театръ. Въ обывательской и купеческой

---

[19]) Въ кондуитныхъ спискахъ, кромѣ этой графы, существовали и другія, не менѣе любопытныя: „Каково ведетъ себя по службѣ?—Яхидно и скрытно.“ „Какія имѣетъ способности ума?—Ума коварнаго“ или „разсудка здраваго.“ „Каковъ въ хозяйствѣ?—Изряденъ„ или „аккуратенъ и бережливъ.“ „Не преданъ-ли пьянству?“—Преданъ съ пристрастіемъ.“ „Имѣетъ знаніе въ какихъ наукахъ?—„Артилерійскую науку знаетъ“ и т. п.

„ресурсахъ“ давались блистательные балы и вечера, на которыхъ часто присутствовалъ Цесаревичъ съ своей супругой, княгиней Ловичъ. Послѣ новаго года въ редутныхъ залахъ начинался рядъ большихъ маскарадовъ.

Наряду съ этими развлеченіями, въ Варшавѣ, какъ и теперь, существовало множество увеселительныхъ мѣстъ другаго сорта: кафе-шантановъ, кондитерскихъ, игорныхъ домовъ, танцклассовъ и т. п., которые также благосклонно посѣщались офицерами. Сегодня они потѣшались надъ жидками-музыкантами въ какомъ нибудь кафе „Mikolajowa“ или „Marysia,“ завтра слушали знаменитую пѣвицу Зонтагъ, или не менѣе знаменитаго скрипача Паганини, а послѣ завтра восхищались наѣздницей изъ цирка конныхъ волтижеровъ.

Военные праздники въ Варшавѣ отличались своеобразностью. Одинъ изъ очевидцевъ описываетъ послѣдній въ Варшавѣ праздникъ Литовскаго полка въ Михайловъ день, 8 ноября 1830 года, слѣдующимъ образомъ.

„Полку былъ назначенъ церковный парадъ, но противъ обыкновенія не въ полной парадной, а въ походной формѣ, что мы приписывали приготовленіямъ къ походу за границу. По случаю дурной погоды парадъ былъ отказанъ, а обычный въ этотъ день завтракъ у Великаго Князя по-прежнему состоялся въ залахъ королевскаго замка. Этотъ завтракъ всегда отличался особеннымъ характеромъ, благодаря тому, что въ немъ принимали участіе и нижніе чины полка, которыхъ приглашали въ числѣ 100 человѣкъ. Огромные столы, покрытые всякаго рода холодными блюдами, закусками и винами, были окружены разнообразнымъ людомъ. Тутъ были министры, генералы, дипломаты, высшіе представители администраціи, офицеры и солдаты. Всѣ ѣли и пили стоя. Рядомъ съ прусскимъ консуломъ Шмидтомъ, тонкимъ гастрономомъ, стоялъ гренадеръ литовецъ, который послѣ мороженаго ѣлъ сосиски съ капустой, а шампанское запивалъ водкой, прислушиваясь къ непонятной для него французской и нѣмецкой рѣчи [20]).

Обычай провожать выходящихъ изъ полка товарищей съ хлѣбомъ—солью существовалъ тогда въ средѣ литовскихъ офицеровъ,

---

[20]) Изъ разсказовъ А. А. Одинцова.

какъ и теперь. На эти пирушки часто приглашались и офицеры польской гвардіи и польскіе генералы; но особенной близости между польскими и русскими офицерами не было. Обѣ стороны держали себя одна относительно другой сдержанно, съ соблюденіемъ внѣшнихъ приличій и наружной деликатности, но безъ той теплоты, которая часто замѣчается даже въ отношеніяхъ воиновъ двухъ враждующихъ армій. Въ публичныхъ собраніяхъ, ресторанахъ и т. п. польскіе офицеры составляли свои кружки, русскіе группировались отдѣльно. Если въ ресторанѣ одна сторона требовала, напримѣръ, дюжину шампанскаго, то другая пила пиво, какъ бы намекая этимъ на то, что общаго между полякомъ и русскимъ ничего быть не можетъ [21]).

Изъ всего сказаннаго о бытѣ офицеровъ можно вывести заключеніе, что въ немъ было много хорошихъ и много дурныхъ сторонъ. Шаткость понятій о дисциплинѣ невольно бросается въ глаза. При той близости, въ которой находились офицеры Литовскаго полка и вообще всего варшавскаго гвардейскаго отряда къ Цесаревичу, при возможности за каждой мелочью, за каждымъ пустякомъ обращаться лично къ нему, страдалъ внѣ-служебный авторитетъ полковыхъ командировъ и другихъ ближайшихъ начальниковъ, которые какъ-то стирались, стушевывались передъ особой Великаго Князя.

Это, конечно, дурно вліяло на развитіе въ средѣ офицеровъ правильнаго взгляда на дисциплину и вело къ такимъ явленіямъ и случаямъ, примѣры которыхъ приведены выше. Личность генерала Кишкина, командовавшаго Литовскимъ полкомъ съ 1817 по 1829 годъ, почти во весь описываемый періодъ времени, также не принадлежала къ числу авторитетныхъ. Василій Михайловичъ Кишкинъ былъ хорошій фронтовикъ, усердный служака, добрый человѣкъ (насколько можно было совмѣстить одно съ другимъ), но и только. Едва умѣя подписать свою фамилію, ничего кромѣ устава не читая, онъ не могъ, конечно, съ достоинствомъ стоять во главѣ общества, насчитывавшаго въ средѣ своей много людей развитыхъ и образованныхъ. Самая наружность, манеры и пріемы его

---

[21]) Воспоминанія покойнаго графа К. И. Развадовскаго.

были вовсе не командирскіе: небольшаго роста, смуглый, рябоватый, толстый, неуклюжій, боявшійся начальства больше вражеской пули, Василій Михайловичъ при малѣйшей служебной невзгодѣ терялъ голову, жаловался на судьбу и часто даже плакалъ. Цесаревичъ любилъ его, какъ слѣпого исполнителя своей воли и какъ человѣка, беззавѣтно преданнаго ему, а послѣ того—фронтовому дѣлу; а это послѣднее качество въ офицерѣ Великій Князь цѣнилъ выше всего, и потому о служебныхъ достоинствахъ Кишкина былъ высокаго мнѣнія. Если Цесаревичъ оставался доволенъ смотромъ какой нибудь части, то обыкновенно говорилъ: „такъ одинъ только Кишкинъ можетъ выучить.“ Дальше фронта способности Кишкина не простирались. Въ обращеніи съ офицерами онъ былъ простъ и зла никому не дѣлалъ, за что офицеры его любили... Но однихъ этихъ качествъ едва-ли было достаточно для человѣка, стоявшаго во главѣ полка.

* * *

Національная рознь, между тѣмъ, росла съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Голоса людей здравомыслящихъ, отличавшихся умѣренностью взглядовъ, изрѣдка раздавались, правда, то изъ того, то изъ другаго лагеря, но были воплями въ пустынѣ. Князь Вяземскій по поводу своихъ тогдашнихъ отношеній (1829 г.) къ польскому обществу писалъ:

„Могутъ быть при разномысліи такіе жгучіе вопросы, до которыхъ касаться не должно, даже между пріятелями и братьями, равно благовоспитанными и вѣжливыми. Въ общей и хорошо сознаваемой образованности есть такъ много точекъ сближенія и сочувствія, что незачѣмъ отыскивать и выводить наружу точекъ пререканій и преткновеній. А между тѣмъ, есть люди, вооруженные донельзя преувеличивающими микроскопами, которые только и дѣлаютъ, что изыскиваютъ мельчайшія несходства и противорѣчія личныя, общественныя и международныя, чтобы ставить между ними грани, столбы и предѣлъ, его-же не прейдеши.“

Но людей, разсуждавшихъ, подобно князю, было мало. Поляки, вооружившись микроскопами, всѣми силами старались изыскивать мельчайшія несходства и поселять между двумя родственными на-

родами ту рознь, которая вскорѣ повела къ гибельному разрыву, такъ неожиданно нарушившему нормальное теченіе жизни двухъ народовъ.

Событія 17-го ноября 1830 года, застигнувъ л.-гв. Литовскій полкъ врасплохъ, были для него началомъ цѣлаго ряда тяжелыхъ испытаній и совершенно измѣнили тотъ образъ жизни, который обрисованъ съ достаточною подробностью въ предшествовавшихъ главахъ.

ГЛАВА XIV.

НАКАНУНѢ ВЗРЫВА.

Смотръ стотысячной арміи подъ Брестомъ. — Послѣдній пріѣздъ Императора Александра I въ Варшаву.—Извѣстіе о смерти Императора Александра и впечатлѣніе, произведенное имъ на варшавянъ и русскія войска. — Присяга новому Государю и первая милость Его къ л.-гв. Литовскому полку. — Краткій обзоръ политическихъ событій въ Варшавѣ послѣ смерти Императора Александра. — Описаніе торжества коронаціи Императора Николая Царемъ Польскимъ. — Трость верховнаго визиря, пожалованная л.-гв. Литовскому полку Государемъ.—Новый командиръ полка, К. Г. Энгельманъ.—Пріѣздъ Государя въ 1830 году. — Признаки бури. — Бытъ подпрапорщиковъ въ полкахъ и школѣ пѣхотныхъ подхоронжихъ. — Мѣры предосторожности и „Марковскія посидѣлки."—Планъ заговорщиковъ.

Очертивъ въ двухъ предыдущихъ главахъ внутренній бытъ полка, перейдемъ къ дальнѣйшему разсказу о событіяхъ, какъ чисто военныхъ, такъ и политическихъ, насколько послѣднія касаются исторіи л.-гв. Литовскаго полка.

Въ началѣ 1823 года окончено было формированіе польской арміи и литовскаго корпуса. Цесаревичу Константину Павловичу, положившему для этого много труда, хотѣлось, чтобы его Августѣйшій братъ, Императоръ Александръ I, лично осмотрѣлъ вновь сформированные корпуса и оцѣнилъ ихъ устройство и строевое обученіе, а потому Великій Князь отправился въ Петербургъ и просилъ Государя произвести смотръ всѣмъ войскамъ польской арміи, литовскаго корпуса и варшавскаго гвардейскаго отряда. Государь обѣщалъ исполнить желаніе Цесаревича; а потому, въ концѣ лѣта 1823 года вся польская армія, литовскій корпусъ и русскій варшавскій отрядъ, въ полномъ боевомъ составѣ, были стянуты въ лагерный сборъ подъ Брестомъ Литовскимъ. Польскіе и русскіе варшавскіе полки

стояли лагеремъ по берегу Буга, около Тересполя, а литовскій корпусъ расположенъ былъ на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Бреста. Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Варшавы 25 августа къ Брестъ-Литовску, куда къ половинѣ сентября прибылъ Императоръ Александръ въ сопровожденіи Великихъ Князей Константина и Михаила Павловичей. 17 сентября происходилъ Высочайшій смотръ всѣхъ войскъ, собранныхъ подъ Брестомъ.

Въ этотъ день, въ 5 часовъ утра, громадная масса соединенныхъ войскъ стояла уже въ нѣсколькихъ линіяхъ на обширномъ полѣ. Вскорѣ прибылъ Государь съ блестящей свитой русскихъ и польскихъ генераловъ; Цесаревичъ подскакалъ къ Нему на встрѣчу съ праваго фланга и подалъ строевой рапортъ, послѣ чего, при звукахъ англійскаго гмина [1]) и при неумолкаемомъ „ура“ стотысячной арміи, начался объѣздъ войскъ. Смотръ, являвшій собою одно изъ рѣдкихъ по своей громадности военно-торжественныхъ зрѣлищъ, окончился около 5 часовъ по-полудни. Государь отъ души благодарилъ Цесаревича, его помощниковъ, войска и всѣхъ частныхъ начальниковъ. Людямъ даны были денежныя и порціонныя награды [2]).

19 сентября происходилъ большой двухсторонній маневръ. Всѣ

---

[1]) Англійскій гимнъ до 1833 года служилъ для русской арміи военно-національнымъ гимномъ. Въ этомъ году принятъ былъ гимнъ, сочиненный начальникомъ придворной пѣвческой каппеллы А. О. Львовымъ на слова В. А. Жуковскаго „Боже Царя храни.“ (Крестовскій).

[2]) Изъ рапорта Цесаревича Константина Павловича, поданнаго Государю на смотру 17 сентября и найденнаго нами въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти графа Дибича, числительность войскъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Литовскій отдѣльный корпусъ—36 б-новъ, 24 э-на, 8 батарей и артиллерійскихъ ротъ=38468 строевыхъ.

Польскій корпусъ—24 б-на, 6 батарейн. ротъ=19181 строевыхъ.

Польскій резервный кавалерійскій корпусъ—32 э-на, 2 батареи=6079 строевыхъ.

Гвардейскій резервный корпусъ—12 э-новъ, 13 б-новъ, 6 батарей=16000 строевыхъ.

Фурштатскія бригады (лит. и польск.)—$7\frac{1}{2}$ б-новъ=1254 строевыхъ.

Всего было 80 б-новъ, 67 э-новъ, 236 орудій, 81000 строев. и 12420 лошадей. Л.-гв. Литовскій полкъ входилъ въ составъ резервнаго корпуса, и въ его рядахъ числилось: генераловъ 3, шт.-оф. 6, об.-оф. 37, унт.-оф. 143, музык. 86, рядовыхъ 1680.

эволюціи пѣхоты, конницы и артиллеріи произведены были съ замѣчательной быстротой, стройностью и въ отличнѣйшемъ всесторонемъ порядкѣ. Императоръ Александръ I былъ вполнѣ доволенъ маневрами и многократно въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ Цесаревича за отличное состояніе ввѣренныхъ ему корпусовъ.

Эти смотры составляли собою какъ бы особую эпоху въ жизни участвовавшихъ въ нихъ войскъ. Теперь корпусные сборы стали дѣломъ обыкновеннымъ; но въ тѣ времена, когда войска далеко не отличались тою подвижностью, какая требуется современнымъ развитіемъ военнаго дѣла, собрать довольно быстро стотысячную армію, какъ это сдѣлалъ Цесаревичъ, было дѣломъ весьма нелегкимъ. Служаки того времени, въ ихъ воспоминаніяхъ, обыкновенно раздѣляли эпохи своей жизни и службы „до смотра подъ Брестомъ и послѣ него“ [3]).

Пріѣзды Императора Александра I въ Варшаву ознаменовывались большими празднествами и совпадали обыкновенно со временемъ открытія сеймовъ. Въ столичной жизни въ это время замѣчалось какое то лихорадочное оживленіе; общество просыпалось отъ своей обычной апатіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ политическихъ дѣлъ и выказывало большой интересъ къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, польское общество не было настолько зрѣло, чтобы пользоваться всѣми благами предоставленной ему политической свободы.

Послѣдній пріѣздъ Императора Александра I въ Варшаву состоялся 15 апрѣля, 1825 года. Цесаревичъ началъ представлять Государю ввѣренныя ему войска, русскія и польскія, сначала по частямъ, а потомъ былъ общій парадный смотръ всѣмъ собраннымъ въ Варшавѣ войскамъ. Спустя нѣсколько дней, въ окрестностяхъ Варшавы происходили большіе маневры. По свидѣтельству современниковъ, войска были доведены до совершенства и заслужили полное благоволеніе Государя.

Но среди военныхъ занятій Государь зорко слѣдилъ за ходомъ засѣданій польскаго сейма, открытыхъ 1 (13) мая и происходившихъ

---

[3]) „Исторія Уланскаго Его Величества полка“ Крестовскаго.

въ залахъ королевскаго замка. Изъ ежедневно присылаемыхъ Ему дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ протоколовъ этихъ засѣданій Императоръ Александръ видѣлъ, какъ мало заботились народные представители объ интересахъ своего отечества и какъ ложенъ былъ путь, по которому они шли, подчинясь вліянію крайнихъ партій.

1 іюня Государь лично закрылъ сеймъ, окончившій въ это время свои занятія. Въ этотъ памятный въ исторіи Царства Польскаго день, съ 10 часовъ утра, въ замокъ начали съѣзжаться министры, высшіе сановники и сеймовые послы. Л.-гв. Литовскій и Подольскій кирасирскій полки, составляя какъ бы почетную стражу законодательной палаты, стояли въ нарядѣ на площади Сигизмунда, лицомъ къ замку. Ровно въ полдень пріѣхалъ Императоръ въ полной генеральской формѣ, взошелъ на тронъ, поставленный въ сеймовой залѣ и произнесъ на французскомъ языкѣ тронную рѣчь. „Никогда, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, не удостаивался я видѣть Императора Александра въ такомъ поражающемъ, неземномъ величіи. Во взорѣ его выражались: могущество, проницательность, кротость и благоволеніе“ [4]).

Въ этотъ день л.-гв. Литовскій полкъ видѣлъ въ послѣдній разъ своего Верховнаго Вождя и Основателя. На другой день Государь рано утромъ выѣхалъ изъ Варшавы по ковенскому тракту въ сопровожденіи Цесаревича.

Нельзя не упомянуть о печальныхъ событіяхъ конца 1825 года и начала 1826 года и о томъ, какое впечатлѣніе производили онѣ въ Варшавѣ.

Во время болѣзни Императора Александра въ Таганрогѣ къ Великому Князю ежедневно привозили фельдъегеря донесенія и письма графа Дибича и другихъ приближенныхъ лицъ съ извѣстіями о состояніи здоровья Государя [5]).

25 ноября 1825 г., въ 7 часовъ вечера, Цесаревичъ получилъ черезъ фельдъегеря печальное извѣстіе о кончинѣ Государя. Въ Вар-

---

[4]) Записки лейбъ-хирурга Тарасова „Русск. Стар.“ 1872 г., кн. III.

[5]) Письма эти хранятся въ Военно-Учен. архивѣ Главнаго штаба, въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго.

шавѣ въ это время гостилъ у брата и Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Великіе Князья провели всю ночь въ слезахъ и молитвѣ, а къ утру Цесаревичъ созвалъ къ себѣ самыхъ близкихъ, довѣренныхъ лицъ.

Выйдя съ заплаканными глазами изъ своего кабинета, онъ объявилъ о горестномъ событіи, посѣтившемъ его и всю Россію. Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ слезы, и съ возраставшимъ волненіемъ повторялъ:

„Нашъ ангелъ отлетѣлъ; я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія Отца своего!...“

„Кто поведетъ теперь насъ къ побѣдамъ?... Гдѣ нашъ Вождь?... Россія осиротѣла; Россія пропала!“

Затѣмъ, закрывъ лицо платкомъ, Константинъ Павловичъ на нѣсколько минутъ предался величайшему горю. Всѣ присутствовавшіе молчали, стоя съ поникшими головами. Въ это время Колзаковъ, видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго Государя и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

„Ваше Императорское Величество, Россія не пропала, а привѣтствуетъ...“ но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ Великій Князь, вспыхнувъ, бросился къ нему и съ гнѣвомъ воскликнулъ:

„Да замолчите-ли вы?!... Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова?! Кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла, до васъ не касающіяся? Знаете-ли вы, чему вы подвергаетесь?... Знаете-ли, что за это въ Сибирь и въ кандалы сажаютъ?... Извольте идти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу!“

Прошло около двухъ недѣль послѣ этого происшествія. Цесаревичъ во все это время не выѣзжалъ изъ Брюлевскаго дворца и никого не принималъ, занимаясь исключительно перепиской съ Петербургомъ. Только нѣкоторые изъ его свиты были посвящены въ тайну и дѣятельно съ нимъ работали (Курута, Н. Н. Новосильцовъ, Жандръ, баронъ Моренгеймъ, Даниловъ и Кривцовъ); прочіе ничего не знали о томъ, что дѣлается.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ вѣсть о смерти Государя разнеслась по-всюду съ быстротою молніи. Движеніе въ городѣ сдѣлалось необычайное. Военные и гражданскіе чины, войска и духовенство,

русское и польское, готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Весь городъ былъ на ногахъ. Къ Брюлевскому дворцу отовсюду съѣзжались гонцы, адъютанты и, наконецъ, сами начальники за приказаніями и новостями; но пріема не было. Великій Князь сказался нездоровымъ, и отъ него получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ:" приказанія въ свое время будутъ объявлены, а покуда все остается по-прежнему." Любопытство дошло до-нельзя. Подъѣздъ графа Куруты былъ буквально осаждаемъ толпою служащихъ лицъ, русскихъ и польскихъ. Но графъ также не принималъ никого, и лакей, бывшій постоянно въ сѣняхъ, всѣмъ отвѣчалъ на одинъ ладъ: „графъ спитъ" или „графа нѣтъ дома," не вдаваясь ни въ какіе разговоры.

На третій день подъѣхалъ къ графу Курутѣ даже самъ намѣстникъ, старый графъ Заіончекъ, въ парадномъ мундирѣ и лентѣ, и узнавъ, что „графъ спитъ," велѣлъ его разбудить, потому что весь государственный совѣтъ и сенатъ уже собрались въ парадныхъ мундирахъ и въ полномъ составѣ въ ожиданіи присяги. Но и онъ ничего добиться не могъ: Курута ушелъ заднимъ ходомъ къ Цесаревичу и не показывался.

Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе на русскіе гвардейскіе полки варшавскаго отряда произвело извѣстіе о смерти Александра I.

Поведеніе Цесаревича для непосвященныхъ въ тайны казалось все болѣе и болѣе загадочнымъ. „Какъ римскій конклавъ до избранія новаго папы, такъ и Брюлевскій дворецъ былъ нѣмъ и не высказывался, пока, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, истина не разъяснилась, и Великій Князь, не объявилъ о своемъ отреченіи" [6]).

Присяга на вѣрность Императору Николаю была принесена войсками варшавскаго гвардейскаго отряда только 21 декабря, т. е. болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Александра, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ Таганрогѣ 19 ноября, 1825 года.

Первымъ актомъ милости новаго Государя къ л.-гв. Литовско-

---

[6]) Вышеприведенный разсказъ составленъ изъ воспоминаній сенатора И. Д. Данилова, адмирала П. А. Колзакова и записокъ генерала отъ инфантеріи А. А. Одинцова, обязательно намъ сообщенныхъ.

му полку было пожалованіе ему, въ числѣ другихъ гвардейскихъ полковъ, мундира покойнаго Государя:

„....Въ знакъ Нашей къ вамъ любви и въ вознагражденіе по заслугамъ вашимъ, жалую вамъ тѣ самые собственные Его Величества мундиры, которые Государь, вашъ Благодѣтель, самъ носить изволилъ; храните сей залогъ и да хранится онъ въ каждомъ полку, какъ святыня, какъ памятникъ, для будущихъ родовъ незабвенный [7]). „Николай."

Мундиры эти были приняты войсками варшавскаго гвардейскаго отряда 26 марта, 1826 года. Въ этотъ день всѣ войска варшавскаго гарнизона, въ томъ числѣ и л.-гв. Литовскій полкъ, были въ парадѣ въ полномъ траурѣ. Въ костелѣ св. Іоанна была отслужена заупокойная литургія, а потомъ панихида по усопшемъ Императорѣ, во время которой мундиры лежали посреди церкви, на катафалкѣ, подъ траурнымъ балдахиномъ.

Для перенесенія мундировъ отъ каждаго полка былъ назначенъ штабъ-офицеръ [8]), при двухъ ассистентахъ.

По пріемѣ мундировъ съ подобающими почестями полки русской гвардіи слушали панихиду по уставу православной церкви, послѣ чего мундиры отнесены были въ церковь первыми взводами гренадерскихъ ротъ, по уставу, какъ знамена [9]).

Въ память этой церемоніи полку было пожаловано 11 медалей. Большая дана полковнику Бибикову, а малыя розданы капитанамъ и штабсъ-капитанамъ полка.

Время отъ кончины Императора Александра до роковаго дня 17 (29) ноября, 1830 года, было тяжелымъ періодомъ въ жизни л.-гв. Литовскаго полка. Это былъ періодъ затишья передъ бурей. Атмосфера все болѣе и болѣе сгущалась; дышать становилось все труднѣе и труднѣе; все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось приближеніе грозы по мѣрѣ того, какъ духъ анархіи овладѣвалъ поляками. На развалинахъ масонства въ Царствѣ Польскомъ и другихъ провинціяхъ старой Польши возникло нѣсколько тайныхъ обществъ (Національ-

---

[7]) Высочайшій приказъ, отъ 15 декабря, 1825 года.

[8]) Въ л.-гв. Литовскомъ полку полковникъ Бибиковъ.

[9]) Приказъ по варшавскому гарнизону, отъ 18 марта, 1826 года.

ные масоны, Коссиньеры, Тамплiеры, Патріоты и т. п.), съ политическою цѣлью, преступная дѣятельность которыхъ все болѣе разширялась.

Изъ открытій, сдѣланныхъ декабристами, правительство узнало о существованіи въ Польшѣ обширнаго тайнаго политическаго общества, которое, имѣя центромъ Варшаву, опутывало своими невидимыми сѣтями Царство Польское, Литву и Юго-Западныя губерніи. Вслѣдъ за многочисленными арестами, въ Варшавѣ наряжена была, по примѣру Петербурга, слѣдственная коммиссія изъ русскихъ и польскихъ сановниковъ, которая цѣлый годъ занималась изслѣдованіемъ дѣла о политическихъ преступникахъ. Въ обширномъ рапортѣ, представленномъ ею Цесаревичу, была обстоятельно обрисована дѣятельность и постепенное развитіе польскихъ тайныхъ обществъ, въ особенности Патріотическаго, имѣвшаго сношенія съ русскими революціонерами [10]). Замѣнъ 8 главнѣйшихъ участниковъ заговора, съ графомъ Солтыкомъ во главѣ, Высочайшимъ декретомъ 19 апрѣля, 1827 года, были преданы верховному суду сенаторовъ [11]).

Лица, арестованныя слѣдственной коммиссіей, содержались въ Кармелитскомъ монастырѣ, въ улицѣ Лешно. Караулы туда наряжались только отъ русскихъ гвардейскихъ полковъ и, вопреки уставу, смѣнялись не днемъ, а поздно вечеромъ. „Припоминаю живо мой первый караулъ у Кармелитовъ,—разсказывалъ намъ одинъ изъ очевидцевъ [12]). „Войдя въ монастырь, я увидѣлъ длинный корридоръ, едва освѣщенный нѣсколькими лампіонами; въ стѣнахъ ниши съ изваяніями святыхъ и распятіями; высокіе своды зловѣщимъ эхомъ отражаютъ звонъ оружія и звуки шаговъ военнаго караула; изрѣдка покажется мрачная фигура монаха и снова спрячется. Взобравшись на 3-й этажъ, гдѣ въ прежнихъ кельяхъ были устроены комнаты для преступниковъ, вы спѣшите разставить часовыхъ по корридору, и дѣло ваше исполнено, потому что ни одного арестанта видѣть не можете:

---

[10]) „Rapport du Comité d'enquête à S. A. J. Grand Duc Constantin." Varsovie, 1827.

[11]) Дѣло о политическихъ преступникахъ 1827 года.

[12]) Алексѣй Алексѣевичъ Одинцовъ, служившій тогда въ нашемъ полку, нынѣ генералъ отъ инфантеріи.

надзоръ за ними поручили какому-то русскому инвалидному капитану. Среди ночной гробовой тишины по корридору неожиданно разносятся звуки флейты: это старый воевода Солтыкъ старается сократить длинные часы заключенія... Тяжелое впечатлѣніе производила вся эта обстановка на меня, очень молодаго еще въ то время офицера!"

Судъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ каштеляна Бѣлинскаго, человѣка, дорожившаго своею популярностью, но слабаго и безхарактернаго, призналъ всѣ данныя, собранныя слѣдственною коммиссіею и основанныя на сознаніи самихъ подсудимыхъ, незаслуживающими довѣрія и назначилъ новую слѣдственную коммиссію, которая также цѣлый годъ производила допросы и очныя ставки подсудимымъ. Послѣдніе, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отказались отъ своихъ первоначальныхъ признаній, сдѣланныхъ ими первой слѣдственной коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ президента сената, графа Замойскаго. А между тѣмъ, въ теченіе этого года велась въ обществѣ страшная агитація въ пользу людей, „виновныхъ въ томъ, что они въ глубинѣ своего сердца питали желаніе видѣть свое отечество независимымъ." Тѣ немногіе, которые рѣшались замѣтить, что дѣло идетъ не объ однѣхъ только „желаніяхъ," но и объ очевидныхъ фактахъ революціонной дѣятельности арестованныхъ, подвергались общественной ненависти и осмѣянію на улицахъ столицы. Такое настроеніе польскаго общества, очевидно, не могло не отразиться погубно на польской арміи. Скажемъ болѣе, оно отразилось даже въ умахъ нижнихъ чиновъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, состоявшихъ наполовину изъ поляковъ. Въ ихъ разговорахъ, сужденіяхъ и образѣ мыслей настолько замѣтно было участіе къ подсудимымъ, что Цесаревичъ предписалъ начальнику сводной гвардейской дивизіи усилить надзоръ за нижними чинами. (Предписаніе Цесаревича начальнику сводной гвардейской дивизіи, генералъ-лейтенанту Рихтеру, отъ 5 марта, 1827 года).

Революціонное настроеніе части польскаго общества болѣзненно отзывалось въ сердцахъ русскихъ, ютившихся въ Варшавѣ среди чуждаго населенія. Въ этомъ отношеніи тяжелѣе другихъ были 1828 и начало 1829 года, когда русская армія воевала съ Турціей. Въ Варшавѣ въ то время недоброжелатели распускали

самые чудовищные ложные слухи, неблагопріятные для русскихъ и русской арміи, волновавшіе все варшавское общество и тревожно воспринимаемые русскимъ военнымъ кружкомъ. Цесаревича сердило это злорадство поляковъ. Однажды, узнавъ, что одинъ изъ жителей Варшавы, болѣе другихъ изощрявшійся въ измышленіи ложныхъ слуховъ, распространилъ вѣсть объ обратномъ взятіи Варны турецкими войсками, Великій Князь приказалъ позвать его къ себѣ въ Брюлевскій дворецъ и спросилъ: „Правда-ли, что Варна снова взята турками?“ Обыватель отвѣчалъ, что слышалъ объ этомъ, но вѣренъ-ли фактъ — утверждать не можетъ.

„Я тоже навѣрное не знаю, но очень хотѣлъ бы узнать правду. Не можешь-ли съѣздить въ Варну и узнать все, какъ слѣдуетъ. Издержки пополамъ.“

Любитель новостей тотчасъ-же былъ посаженъ въ телѣгу и прямо изъ дворца съ фельдъегеремъ отправленъ въ Варну, а потомъ такимъ-же порядкомъ привезенъ обратно въ Варшаву [13]).

1829 годъ ознаменовался радостнымъ для варшавской гвардіи событіемъ; въ началѣ мая Императоръ Николай посѣтилъ Варшаву, въ первый разъ послѣ своего восшествія на престолъ, съ цѣлью возложить на себя корону Царя Польскаго. 5 мая происходилъ торжественный въѣздъ царственной четы въ Варшаву. Государь ѣхалъ верхомъ, имѣя по правую руку Цесаревича Константина Павловича. Наслѣдникъ Престола, Александръ Николаевичъ, въ мундирѣ 1 конно-егерскаго полка, и Великій Князь Михаилъ Павловичъ слѣдовали позади. Русскіе и польскіе полки стояли шпалерами. Когда Государь приблизился къ 1 конно-егерскому полку польскихъ войскъ, шефомъ коего былъ малолѣтній Наслѣдникъ, то подозвалъ Сына къ Себѣ и поставилъ его въ ряды старыхъ воиновъ, что возбудило ихъ неописанный восторгъ и вызвало громкія восклицанія: „Ура, Николай! ура, Александръ!“

До дня коронаціи Государь произвелъ нѣсколько смотровъ и разводовъ. 7-го мая, послѣ развода на Саксонской площади, Цесаревичъ представлялъ всѣхъ офицеровъ гвардіи Государю, а по-

---

[13]) Разсказъ объ этомъ невольномъ путешествіи еще и теперь можно услышать отъ варшавскихъ старожиловъ.

томъ во дворцѣ—Императрицѣ. Государь очаровалъ всѣхъ любезностью и вниманіемъ. При представленіи Императрицѣ генералы, офицеры гвардіи и высшіе гражданскіе сановники подходили къ рукѣ. Государыня была одѣта съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ въ платье изъ серебрянаго газа и желтую мантилью, шитую серебромъ, съ вѣнкомъ изъ васильковъ на головѣ. Желтый и синій—національные цвѣта Польши. При представленіи дамъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ хотѣлъ подводить ихъ къ Государынѣ по старшинству классовъ, то супруга президента сената, княгиня Замойская, сказала ему, что въ Польшѣ всѣ женщины равны, и между ними нѣтъ различія классовъ. Изъ этихъ словъ княгини не слѣдуетъ однако заключать, что между польками дѣйствительно существовало равенство; это была только фраза...

9 мая герольды возвѣстили Варшавѣ о приближеніи коронаціи, бросая по улицамъ объявленія и читая манифестъ.

Коронація происходила 12 мая. Съ ранняго утра Замковая площадь и прилегавшія къ ней улицы кипѣли народомъ. Отъ замка до собора Св. Яна была выстроена широкая галлерея, обитая малиновымъ сукномъ; по обѣимъ ея сторонамъ стояли ряды пѣшихъ и конныхъ войскъ, позади которыхъ были устроены амфитеатромъ мѣста для трехъ тысячъ дамъ.

Послѣ освященія королевскихъ регалій въ соборѣ, онѣ были перенесены духовенствомъ въ тронную залу замка, отдѣланную съ большимъ великолѣпіемъ.

Вскорѣ Государь съ Государыней вышли изъ внутреннихъ покоевъ. Когда Государь сталъ на свое мѣсто у трона, то примасъ Царства Польскаго прочелъ молитву и провозгласилъ Его королемъ польскимъ; громъ пушекъ возвѣстилъ о томъ народу. Затѣмъ, примасъ поднесъ Государю съ молитвою порфиру, которую стали надѣвать на него первые чины двора и высшіе сановники, потомъ корону, скипетръ и державу. Корону Государь самъ возложилъ на свою голову, послѣ чего Великіе Князья подвели къ нему Императрицу, которая преклонила колѣни, и Онъ надѣлъ на свою Августѣйшую Супругу орденскую цѣпь Бѣлаго Орла и корону, послѣ чего Ея Величество стала съ Нимъ рядомъ у трона. Государь сталъ на колѣни и произнесъ на французскомъ языкѣ молитву, по окончаніи ко-

торой Императрица и всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни и прослушали молитву, прочтенную примасомъ. Вслѣдъ затѣмъ, началось шествіе въ соборъ. Шестнадцать полковниковъ несли балдахинъ надъ Императрицей; шестнадцать генераловъ, держась за пышныя кисти, шли при немъ ассистентами. Государь шествовалъ въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, имѣя за собой Великихъ Князей Константина и Михаила Павловичей. Императрица слѣдовала за ними подъ балдахиномъ, имѣя ассистентами графовъ Соболевскаго и Красинскаго; потомъ шелъ наслѣдникъ съ княгинею Ловичъ и весь дворъ. Грянули пушки, ударили въ колокола, заиграла музыка, знамена преклонились; воздухъ огласился криками „ура и виватъ.“ Въ соборѣ 300 музыкантовъ и пѣвцовъ исполнили „Te Deum,“ сочиненное для этого случая Курпинскимъ, капельмейстеромъ варшавской оперы. Послѣ молебствія процессія тѣмъ-же порядкомъ возвратилась въ замокъ [14]).

Торжество коронаціи сопровождалось цѣлымъ рядомъ празднествъ и баловъ. 16 мая на Уяздовской площади былъ устроенъ народный праздникъ, во время котораго были накрыты столы для 10000 человѣкъ. Нѣсколько пышныхъ баловъ дано было во дворцѣ, въ ратушѣ и въ биржевомъ залѣ. Вообще въ это время Варшава представляла необычайное оживленіе.

„Мы находимся въ столицѣ, въ полномъ значеніи этого слова,— писалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ графу Дибичу изъ Варшавы,—населеніе города увеличилось несмѣтнымъ множествомъ народа, пришедшаго изъ окрестностей; нѣкоторые паны со своими женами пріѣхали даже изъ Парижа, чтобы посмотрѣть на Короля Польши... Со дня коронаціи поляки считаютъ обезпеченнымъ свое національное существованіе и надѣются на будущее.“ (Les Polonais datent de ce moment seulement la sécurité de leure éxistence nationale et les éspérances dans l'avenir [15]).

Тѣмъ не менѣе, когда писались эти строки, Государю, во все

---

[14]) Описаніе коронаціи 1829 года составлено по неизданнымъ запискамъ нашего б. однополчанина, генерала А. А. Одинцова, по дневнику Колзакова и по интереснымъ и также неизданнымъ письмамъ Бенкендорфа къ Дибичу.

[15]) Изъ письма Бенкендорфа къ Дибичу, отъ 16 мая, 1829 года.

время пребыванія его въ Варшавѣ, грозила тайная опасность. Вожаки заговора считали, что ихъ подземная дѣятельность уже подготовила почву для революціи и что наступила пора перейти къ открытымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Мятежъ предполагалось начать покушеніемъ на жизнь Государя, чему вполнѣ благопріятствовалъ его образъ жизни въ Варшавѣ. Государь ходилъ часто пѣшкомъ изъ Королевскаго замка въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ жилъ Цесаревичъ; толпы народа всегда сопровождали его, оглашая воздухъ восторженными кликами. Полиціи было отдано приказаніе не удалять отъ него народъ, что еще болѣе увеличивало восторгъ толпы, окружавшей Государя. Только разногласіе въ средѣ заговорщиковъ спасло Варшаву отъ ужаснаго злодѣянія.

22 мая Государь выѣхалъ изъ Варшавы въ г. Калишъ для свиданія съ королемъ Прусскимъ. На обратномъ пути онъ снова посѣтилъ Варшаву въ первыхъ числахъ іюня. Полки варшавскаго гарнизона, въ томъ числѣ и л.-гв. Литовскій, были въ то время въ лагерѣ. 9 іюня въ лагерѣ, въ присутствіи Государя, было совершено молебствіе по случаю побѣды, одержанной войсками 2-й арміи, подъ предводительствомъ графа Дибича Забалканскаго, надъ верховнымъ визиремъ.

Въ память этой побѣды Государь пожаловалъ л.-гв. Литовскому полку трость верховнаго визиря, привезенную въ Варшаву въ числѣ трофеевъ, и приказалъ употреблять ее вмѣсто тамбуръ-мажорской палки въ торжественные дни. Трость эта хранится въ полку до сихъ поръ.

Въ томъ же іюнѣ въ Литовскомъ полку произошло еще одно событіе. Василій Михайловичъ Кишкинъ, командовавшій полкомъ съ 1817 года, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ 2 бригады сводной гвардейско-гренадерской дивизіи и Несвижскаго карабинернаго полка. При этомъ ему Высочайше пожаловано было, въ уваженіе продолжительнаго и отличнаго командованія его л.-гв. Литовскимъ полкомъ, единовременно тридцать тысячъ рублей ассигнаціями. Эта щедрая награда была очень кстати для Василія Михайловича, который, содержа на свой счетъ трехъ сестеръ (изъ нихъ одна была неизлечимо больна), постоянно нуждался въ деньгахъ.

Высочайшимъ приказомъ 28-го іюня, 1829 года, командиромъ полка былъ назначенъ генералъ-маіоръ Карлъ Георгіевичъ Энгельманъ, до самаго производства своего въ генералы служившій въ Литовскомъ полку и сдѣлавшій съ нимъ кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ. Самостоятельность, бывшая отличительной чертой его характера, вмѣстѣ съ другими хорошими его качествами, пріобрѣла ему любовь и уваженіе товарищей. Къ сожалѣнію, Карлъ Георгіевичъ не долго командовалъ полкомъ и закончилъ свою служебную карьеру самымъ печальнымъ образомъ; но объ этомъ рѣчь впереди.

Между тѣмъ, насталъ памятный 1830 годъ. Варшава, повидимому, продолжала жить обычною жизнью. 11 мая происходило торжество совершенно мирнаго характера—открытіе памятника Копернику. Памятникъ этотъ воздвигнутъ на Краковскомъ Предмѣстьѣ передъ домомъ общества „Друзей Науки," по иниціативѣ предсѣдателя этого общества, аббата Сташица [16]). Въ концѣ мая мѣсяца въ Варшаву снова пріѣхалъ Императоръ Николай для открытія польскаго сейма [17]).

По свидѣтельству одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, Императоръ Николай никогда не имѣлъ намѣренія уничтожить конституцію. „Наши историки, пишетъ Лисицкій,—смотрятъ на все сквозь призму 1831 года и стараются доказать отвращеніе Императора Николая къ существовавшему въ Польшѣ конституціонному образу правленія; на самомъ-же дѣлѣ, въ первые годы своего царствованія Императоръ Николай не коснулся пальцемъ государственнаго устройства Польши и исполнялъ свои обязанности конституціоннаго Государя не хуже своего предшественника, Императора Александра I. Къ тому-же, по твердости своего характера, это

---

[16]) Модель памятника сдѣлана Торвальдсеномъ и вылита изъ мѣди на Варшавской фабрикѣ братьевъ Грегуаръ. Разсказываютъ, что когда упала завѣса покрывавшая памятникъ, и предсѣдатель общества „Друзей Науки," Юліанъ Нѣмцевичъ (Сташица въ то время не было уже въ живыхъ) произнесъ слова своей рѣчи: „Солнце, на которое полвѣка Коперникъ устремлялъ свои взоры, пусть сегодня броситъ ласковый лучъ свой на его изображеніе..." то солнце, не показывавшееся четверо сутокъ, какъ бы чудомъ расторгло облака и явилось во всемъ блескѣ. Объ этомъ разсказывали очевидцы и писали во всѣхъ газетахъ.

[17]) Тронную рѣчь Государь произнесъ на французскомъ языкѣ. Президенты сената и палаты депутатовъ отвѣчали по-польски.

былъ Монархъ, наиболѣе способный пріучить поляковъ къ условіямъ ихъ существованія (le souverain le plus apte à faconner les Polonais aux conditions de leure éxistence...) и заставить ихъ забыть дурныя привычки, пріобрѣтенныя вѣками [18]). По мнѣнію этого писателя, катастрофа не могла быть предотвращена, потому что польское общество выказало слишкомъ сильные признаки разложенія и никакое лѣкарство не могло остановить распространеніе болѣзни.

Несмотря на добрыя намѣренія Государя, послѣдній польскій сеймъ сталъ въ открытую оппозицію къ правительству, отвергъ проэктъ закона о разводахъ и требовалъ преданія суду министровъ. Онъ былъ закрытъ до окончанія работъ [19]).

Какъ и въ 1829 году, въ этотъ пріѣздъ жизнь Государя находилась въ большой опасности, хотя больше чѣмъ когда либо Онъ выказывалъ заботливость о благѣ подданныхъ. Осмотрѣвъ подробно всѣ варшавскіе госпитали и больницы, Государь замѣтилъ въ нихъ большіе безпорядки и поручилъ Великому Князю Константину Павловичу попечительство надъ всѣми городскими больницами, пожертвовавъ большую сумму на ихъ улучшеніе.

Государь уѣхалъ. Вскорѣ войска вышли изъ лагеря и заняли свои квартиры. Съ наступленіемъ осени стали чаще появляться признаки приближавшейся бури. У книгопродавцевъ тайно продавались портреты Косцюшки, сапожника Килинскаго и другихъ. Въ началѣ октября на Прагѣ была отслужена студентами панихида, въ память воиновъ, павшихъ въ 1794 году. На улицахъ появлялись плакаты, возбуждавшіе народъ и армію къ революціи; затѣмъ, слѣдовали угрозы противъ Великаго Князя и объявленія, что съ новаго года Бельведеръ отдается въ наемъ. Какъ ни близорука была секретная полиція, имѣвшая своимъ главой польскаго генерала Рожнецкаго, она не могла не обратить вниманіе на то, что дѣлалось

---

[18]) „Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps“ (1803—1877) par H. Lisicki.

[19]) Въ это время въ свитѣ Государя въ Варшавѣ находился знаменитый ученый, Александръ Гумбольдъ, только что возвратившійся изъ своей поѣздки на Уралъ. По свидѣтельству одного изъ нашихъ старыхъ однополчанъ, знаменитому естествоиспытателю въ то время было около 50 лѣтъ; съ перваго-же взгляда въ немъ можно было подмѣтить ловкаго придворнаго.

вокругъ. По поводу торжественной панихиды на Прагѣ ей удалось открыть между студентами два тайныхъ кружка; арестовано было также нѣсколько подпрапорщиковъ изъ варшавской школы пѣхотныхъ подхоронжихъ. Правительство догадывалось о существованіи какого то заговора и, по найденнымъ нитямъ, старалось найти его узелъ.

Пѣхотною школою подпрапорщиковъ командовалъ тогда подполковникъ польскаго гренадерскаго полка Олендскій, человѣкъ строгій, но добрый и честный. Несмотря на это, незадолго до возмущенія, независимо отъ Олендскаго, наблюденіе за школой возложено было на польскаго генерала Трембицкаго, извѣстнаго своею строгостью и превосходнымъ знаніемъ фронтовой службы. Въ этомъ отношеніи Трембицкій былъ правой рукой Великаго Князя и вмѣстѣ съ нимъ составилъ нѣсколько новыхъ уставовъ и правилъ по разнымъ отраслямъ строеваго образованія войскъ.

Усиленный надзоръ за школою былъ учрежденъ вслѣдствіе разныхъ зловѣщихъ слуховъ и предвѣстниковъ заговора, на слѣды котораго, какъ мы уже сказали выше, стали нападать. Въ началѣ ноября, напримѣръ, было арестовано нѣсколько студентовъ и подпрапорщиковъ разныхъ пѣхотныхъ полковъ, въ томъ числѣ одинъ изъ Литовскаго, Іосевскій, уроженецъ Варшавы, имѣвшій множество знакомыхъ и пріятелей между польскими студентами. Начались допросы и слѣдствія, но они ни къ чему не повели, потому что событія ихъ опередили.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію страшныхъ ноябрьскихъ событій, скажемъ нѣсколько словъ о школѣ пѣхотныхъ подхоронжихъ, игравшей столь видную роль и пріобрѣвшей столь печальную извѣстность въ день возстанія 17 (29) ноября.

Собственно въ Варшавѣ было двѣ юнкерскихъ школы: пѣхотная, помѣщавшаяся въ одномъ изъ флигелей Лазенковскаго дворца [20]), и кавалерійская, находившаяся въ центрѣ города, на Королевской улицѣ, гдѣ въ послѣднее время помѣщался театръ „Тиволи.“

Онѣ были организованы совершенно иначе, чѣмъ въ Петер-

[20]) Флигель съ часами, существующій и теперь.

бургѣ. Подпрапорщики опредѣлялись не прямо въ школу, а въ полки, откуда по прослуженіи нѣсколькихъ лѣтъ отдавались въ школу или по старшинству службы, или за хорошее поведеніе и знаніе фронта, или, наконецъ, по чьей либо протекціи. Во всѣхъ полкахъ польской арміи и русскаго гвардейскаго отряда скопленіе юнкеровъ было неимовѣрное; поэтому, въ школу могли поступать не всѣ, а только небольшая часть, отъ 25—30 человѣкъ, тогда какъ въ Литовскомъ полку численность ихъ почти всегда превышала 100 человѣкъ.

Живя въ школѣ и состоя подъ начальствомъ ея командира, подпрапорщики и юнкера не переставали въ то-же время зависѣть и отъ полковаго начальства, которое обмундировывало ихъ и снабжало всѣми предметами вещеваго и денежнаго довольствія. Лѣтомъ подпрапорщики возвращались въ свои полки, съ которыми стояли въ лагерѣ и подчинялись въ то время одному только полковому начальству. Но производство въ офицеры зависѣло единственно отъ начальника школы, въ которой старшинство считалось не со дня опредѣленія въ полкъ, а со дня прибытія въ школу, и потому часто случалось, что младшіе по службѣ подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры, а старшіе оставались въ нижнихъ чинахъ.

Отъ подпрапорщиковъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, для производства въ офицеры, требовалось твердое знаніе русской грамоты. (Приказы по л.-гв. Литовскому полку за 1824 годъ.)

Положеніе подпрапорщиковъ вообще было самое неутѣшительное. Во всѣхъ полкахъ насчитывалось множество сверхкомплектныхъ офицеровъ, и потому изъ школы ежегодно производилось не болѣе 4-хъ офицеровъ въ каждый полкъ; тогда какъ въ каждомъ изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ находилось всегда не менѣе ста подпрапорщиковъ, изъ которыхъ девять десятыхъ были поляки. Многіе изъ нихъ, прослуживъ пять — шесть лѣтъ, не имѣли еще надежды на скорое производство и выходили въ отставку тѣмъ-же подпрапорщичьимъ званіемъ. Въ польскихъ полкахъ нѣкоторые подпрапорщики были женаты, прослуживъ по десяти и даже пятнадцати лѣтъ, имѣли по одному и по два шеврона на рукавахъ, и только тогда попадали въ школу, гдѣ должны были прождать производства

еще нѣсколько лѣтъ, такъ что дѣлались офицерами, имѣя уже сѣдые волосы [21]). Не удивительно, что при такихъ условіяхъ они желали перемѣнъ и представляли или, по крайней мѣрѣ, могли представлять, собою хорошій удобовоспламеняемый матеріалъ для анархистовъ, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ. Руководитель нашелся въ лицѣ одного изъ офицеровъ школы, подпоручика гвардейскаго гренадерскаго полка Высоцкаго.

Не будемъ распространяться ни о Высоцкомъ и его сообщникахъ, ни о томъ, какъ зрѣлъ заговоръ въ школѣ пѣхотныхъ подпрапорщиковъ и въ полкахъ польской арміи. Подробности этого можно найти у Смита и другихъ писателей. Нельзя не замѣтить только, что заговоръ велся чрезвычайно искусно и держался въ большой тайнѣ даже отъ поляковъ, служившихъ въ русскимъ гвардейскихъ полкахъ. Офицеры л.-гв. Литовскаго полка были хорошо знакомы, а многіе даже дружны со своими собригадниками, офицерами гренадерскаго полка польской гвардіи, изъ которыхъ многіе были посвящены въ тайны заговора, Не было случая, однакоже, чтобы кто либо изъ нихъ обмолвился или высказалъ свои политическія убѣжденія въ присутствіи русскаго офицера.

Между тѣмъ, броженіе въ умахъ варшавскаго населенія, особенно въ средѣ учащейся молодежи, возрастало и начинало проявляться различными, довольно осязательными выходками. Студенты, лицеисты, гимназисты и др. сдѣлались чрезвычайно заносчивы, придирчивы и дерзки при встрѣчахъ съ русскими офицерами, не давали имъ дороги на улицахъ и умышленно толкали. Въ кофейняхъ, ресторанахъ, театрахъ, на гуляньяхъ, даже на публичныхъ лекціяхъ, происходили непріятныя сцены, иногда оканчивавшіяся поединками. По рукамъ ходили запрещенныя брюшюры и возмутительныя прокламаціи, а русскимъ начальствующимъ лицамъ стали подкидывать анонимныя записки съ предсказаніями о революціи и назначеніемъ дней, когда она вспыхнетъ. Въ виду этого, русскіе генералы рѣшили собираться по-вечерамъ у командира л.-гв. Улан-

---

[21]) „Воспоминанія плѣннаго офицера“ Воен. Сбор. 1862 г. № 4. Этотъ плѣнный офицеръ—прапорщикъ л.-гв. Литовскаго полка Макаровъ, впослѣдствіи извѣстный лексикографъ.

скаго полка, ген.-м. Маркова, квартира котораго была ближе другихъ къ Бельведерскому дворцу, гдѣ жилъ Цесаревичъ, и просиживали у него до утра, чтобы быть наготовѣ въ случаѣ тревоги. Эти собранія назывались „марковскими посидѣлками“ и въ началѣ велись довольно исправно; но подъ конецъ, когда замѣтили, что предсказанія о возстаніи не сбываются, посидѣлки составлялись рѣже [22]).

Въ это время войскамъ отданъ былъ приказъ: „избѣгать по возможности всѣхъ поводовъ къ непріятнымъ столкновеніямъ съ польскою молодежью и въ особенности перестать посѣщать публичныя лекціи профессора словесности Осинскаго,“ который, прелестью своего изложенія привлекалъ въ университетскую залу многочисленную публику. Въ то-же время въ войскахъ варшавскаго гарнизона стала замѣтна лихорадочная дѣятельность, по случаю приготовленій къ предполагавшемуся тогда походу въ Бельгію. Обращено было нѣкоторое вниманіе на обученіе стрѣльбѣ, которую производили по нѣскольку разъ въ недѣлю. Несмотря на окончаніе лагеря, очень часто производились малые маневры, небольшими отрядами, и походныя движенія за городъ, на цѣлый день.

Въ концѣ октября слухи о походѣ за границу стали настойчивѣе. Офицерамъ предписано было заказать себѣ походные вьюки. Наконецъ, войска, стоявшія въ Польшѣ, были объявлены на военномъ положеніи [23]).

Приготовленія арміи къ войнѣ, а также извѣстіе, что министръ финансовъ царства, князь Друцкій-Любецкій получилъ изъ Петербурга повелѣніе пополнить казну на случай предстоявшаго похода въ Бельгію, вызвали противоположныя чувства. Одни были рады этому въ надеждѣ, что общеевропейская война и революція дадутъ возможность добиться полной независимости Польши; другіе опасались, что преждевременное удаленіе польской арміи за границу и израсходованіе денегъ, собранныхъ въ государственномъ казначействѣ, и военныхъ припасовъ лишатъ заговорщиковъ главной ихъ опоры. Поэтому, руководители возстанія рѣшили не терять времени и разослали повсюду эмиссаровъ.

---

[22]) Воспоминанія Колзакова. „Русск. Стар.“ 1873 г. кн. V.
[23]) „Воспоминанія плѣннаго офицера.“

Недѣли за двѣ до роковаго дня, 17 (29) ноября, Цесаревичъ получилъ изъ Берлина депешу, въ которой сообщалось, что въ Познани обнаруженъ польскій заговоръ, имѣющій связь съ Варшавой. Въ тотъ-же день Великій Князь, принявъ, по обыкновенію, ординарцевъ въ Брюлевскомъ дворцѣ и отпустивъ ихъ, объявилъ всѣмъ, бывшимъ при этомъ, начальникамъ частей содержаніе полученной имъ депеши и подтвердилъ свои распоряженія относительно принятыхъ уже строгихъ мѣръ предосторожности. Литовскому и Волынскому полкамъ приказано было раздать боевые патроны, и нижніе чины должны были спать въ казармахъ одѣтыми, имѣя возлѣ себя готовую амуницію и заряженныя ружья. Въ случаѣ тревоги полки русской гвардейской пѣхоты должны были собираться на военномъ полѣ (плацъ Брони).

Присутствовавшіе при этомъ польскіе генералы поклялись Цесаревичу своею честью и жизнью, что край спокоенъ, и увѣряли, что никогда ничего опаснаго въ Варшавѣ быть не можетъ. Они заявили, что войска всѣмъ довольны, вѣрны и надежны; обыватели никѣмъ не притѣсняются и пользуются такимъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, какимъ поляки никогда не пользовались, ни при какой иной формѣ правленія [24]). „Въ Познани, говорили они, другое дѣло: тамъ поляковъ притѣсняютъ, уничтожается національность, насильно вводится нѣмецкій языкъ. Цесаревичъ, выслушавъ ихъ клятвенныя увѣренія, спокойно и рѣзко отвѣтилъ: „На какое-же можно полагаться спокойствіе, когда и теперь обнаруживается тайный заговоръ, и по производящемуся слѣдствію оказывается уже множество замѣшанныхъ и арестованныхъ.“

Генералы снова увѣряли Цесаревича, что это не серьезный заговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе люди, вліяющіе на народныя идеи, а просто школьная ребяческая сходка, отъ которой нельзя ожидать ничего важнаго. Быть можетъ, они были искренни передъ Цесаревичемъ и успокаивали его съ полнымъ внутреннимъ

---

[24]) Это было вполнѣ справедливо. Въ 1 т. „Исторіи польскаго возстанія 1830 г.“ Смита можно найти (63—68 стр.) описаніе того благосостоянія, которымъ пользовались поляки въ періодъ 1815 — 1830 гг. То-же подтверждаютъ и другіе писатели, не только русскіе, но и польскіе.

убѣжденіемъ. Заговорщики на этотъ разъ были весьма осторожны, и польскіе военачальники, преданные русскому правительству, дѣйствительно, могли и не знать о существованіи заговора [25]). Въ день возстанія, 17 (29) ноября, они остались вѣрны присягѣ и первые поплатились жизнью за свою недальновидность [26]).

Самъ Цесаревичъ не могъ и не хотѣлъ сомнѣваться въ вѣрности польскихъ войскъ; для него это было-бы равносильно сознанію въ томъ, что онъ самъ велъ ихъ по ложному пути, такъ какъ польская армія была его любимымъ, имъ созданнымъ дѣтищемъ.

Хотя Великій Князь и не считалъ вѣроятнымъ серьезное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, но, зная подвижной характеръ поляковъ, онъ допускалъ возможность уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ. На случай этихъ безпорядковъ были приняты нѣкоторыя мѣры, далеко недостаточныя для подавленія серьезнаго возстанія. Было приказано посылать по городу усиленные кавалерійскіе разъѣзды, а въ пѣхотѣ, слѣдовательно и въ л.-гв. Литовскомъ полку, въ каждомъ батальонѣ наряжать ежедневно одну дежурную роту. Кромѣ того, Великій Князь передалъ командирамъ русскихъ гвардейскихъ полковъ еще слѣдующее приказаніе:

„Въ случаѣ какихъ либо смятеній въ городѣ, русскія войска должны выйти изъ казармъ и, соединившись на „плацу Брони," ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній; оружіе же употреблять не иначе, какъ для собственной обороны, чтобы не сказали, что мы нападаемъ. Пусть поляки сами себя усмиряютъ,—прибавилъ Великій Князь" [27]).

Рано утромъ 16 (28) ноября въ полки, расположенные въ окрестностяхъ, руководители заговора послали своимъ сообщникамъ увѣдомленіе, что революція вспыхнетъ на другой день, 17 (29) вечеромъ. Предполагалось: русскія войска, всего до 7000 человѣкъ, обезоружить, овладѣть крѣпостью Модлиномъ и взять вар-

---

[25]) „Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 г." Максимовича. Воен. Сбор. 1875 г. № 4.

[26]) Имена ихъ начертаны на памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь ихъ въ Варшавѣ, на Саксонской площади, въ 1841 году.

[27]) „Замѣтки о польскомъ возстаніи 1830 года." Ульянова. Русск. Архивъ 1867 г.

шавскій арсеналъ, въ которомъ хранилось до сорока тысячъ ружей. Для приведенія въ исполненіе этихъ замысловъ составленъ былъ слѣдующій планъ.

Нѣсколько подпрапорщиковъ и студентовъ, съ наступленіемъ сумерекъ, ворвутся въ Бельведерскій дворецъ, въ которомъ не было даже караула, и умертвятъ Великаго Князя. Въ то-же время вооруженные подпрапорщики должны были направиться къ близлежащимъ казармамъ трехъ русскихъ кавалерійскихъ полковъ и, съ помощью шести польскихъ гренадерскихъ ротъ, обезоружить ихъ. Польскій саперный батальонъ, вмѣстѣ съ однимъ батальономъ 4-го полка, долженъ былъ внезапно напасть на л.-гв. Волынскій полкъ и взять его въ плѣнъ. Отборныя роты пѣхотныхъ полковъ [28]) и вовлеченная въ заговоръ часть гвардейскихъ гренадеръ, стоявшихъ въ однѣхъ казармахъ съ л.-гв. Литовскимъ полкомъ, должны были внезапно, съ заряженными ружьями напасть на этотъ полкъ и задержать его. Всѣ караулы столицы должны направиться къ арсеналу и, занявъ его, сберечь оружіе отъ разграбленія. Народъ долженъ вооружиться собственнымъ оружіемъ. Всѣхъ русскихъ генераловъ и офицеровъ предполагалось схватить и, въ случаѣ сопротивленія, умертвить. Сигналомъ для общаго возстанія должно было служить пламя пивоварни близъ казармъ русской кавалеріи, въ улицѣ Солецъ. Для начала возстанія избранъ былъ 6-й часъ вечера, когда народъ, окончивъ работы, находится большею частію на улицахъ и въ питейныхъ домахъ.

Въ слѣдующей главѣ увидимъ, насколько удалось заговорщикамъ выполнить эту ужасную программу.

---

[28]) По-польски онѣ назывались „wyborowy“ и состояли изъ отборныхъ людей тѣхъ полковъ польской пѣхоты, которые квартировали внѣ Варшавы. По одной такой ротѣ отъ каждаго польскаго полка находилось постоянно въ Варшавѣ, и онѣ квартировали въ однѣхъ казармахъ съ л.-гв. Литовскимъ полкомъ.

ГЛАВА XV.

ВОЗСТАНІЕ.

(1830).

Нападеніе на Бельведеръ. — Возмущеніе школы пѣхотныхъ подхоронжихъ; затруднительное положеніе подпрапорщиковъ Литовскаго и Волынскаго полковъ и бѣгство ихъ черезъ окно.—Выходъ л.-гв. Литовскаго полка по тревогѣ на „plac Broni.“— Плѣнъ генераловъ Рихтера, Энгельмана и Есакова. — Столкновеніе Волынцевъ у арсенала съ четвертымъ линейнымъ полкомъ польскихъ войскъ.—Ночная перестрѣлка Литовцевъ съ мятежниками и поведеніе гренадеровъ польской гвардіи. — Ночь св. Сатурина. — Недочетъ въ рядахъ Литовцевъ.—Заботы о продовольствіи полка.— Разграбленіе казармъ мятежниками. — Переходъ русской пѣхоты къ Мокотову.— Плѣнъ капитана Грессера I.—Отступленіе кавалерійскихъ полковъ къ Мокотову.

Памятный навсегда въ исторіи, печальный день 17 ноября 1830 года начался самымъ обыденнымъ образомъ. По случаю довольно холодной и дождливой погоды развода въ этотъ день не было. Всѣ караулы Варшавы были заняты четвертымъ полкомъ польской пѣхоты, любимымъ полкомъ Великаго Князя, большинство офицеровъ котораго участвовало въ заговорѣ. Великій Князь, по обыкновенію, съ утра принималъ ординарцевъ и вѣстовыхъ у себя во дворцѣ, а потомъ слушалъ доклады начальниковъ частей и давалъ аудіенціи. Войска занимались домашними ученьями, при чемъ нѣкоторыя изъ ротъ л.-гв. Литовскаго полка ходили на практическую стрѣльбу, которая производилась неподалеку отъ казармъ [1]). Никто

---

[1]) Въ одной изъ предыдущихъ главъ уже упоминалось что Литовскій полкъ вмѣстѣ съ гренадерами польской гвардіи и отборными ротами пѣхотныхъ полковъ, занималъ Гвардейскія казармы въ сѣверной части города, гдѣ нынѣ Александровская цитадель.

не подозрѣвалъ, какъ печально и тревожно окончится день, начавшійся такъ мирно.

Начинало уже смеркаться; приближался вечеръ пасмурнаго ноябрьскаго дня. Въ пустынномъ Лазенковскомъ паркѣ, во мракѣ наступающей ночи мелькаютъ какія-то темныя тѣни и, боязливо оглядываясь, собираются у моста Яна Собѣскаго въ небольшую группу. Это шайка нѣхотныхъ подпрапорщиковъ и студентовъ, назначенныхъ для нападенія на Бельведерскій дворецъ, съ цѣлью умерщвленія Цесаревича. Завидѣвъ условный знакъ, пламя зажженной пивоварни въ улицѣ Солецъ, преступники двигаются ко дворцу, убиваютъ нѣсколькихъ инвалидовъ, стоявшихъ у воротъ, и съ криками: „смерть тирану!“ врываются въ комнаты дворца.

Великій Князь отдыхалъ послѣ обѣда. Вице-президентъ города Любовицкій и генералъ Жандръ ожидали въ передней пробужденія Его Высочества—первый для представленія вечерняго рапорта, а второй, какъ человѣкъ, имѣвшій доступъ къ вечерней бесѣдѣ Цесаревича. Суматоха въ такое время, когда всякій, живущій въ домѣ, остерегался малѣйшаго шума, возбудила ихъ вниманіе; подбѣжавъ къ двери, ведущей на лѣстницу, они увидѣли сверкающіе штыки и шумную толпу, ломившуюся вверхъ по лѣстницѣ. Съ быстротою молніи они угадали, въ чемъ дѣло, и поспѣшили увѣдомить Великаго Князя. Но едва достигли они сосѣдней комнаты дежурнаго камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ пятахъ. Комната камердинера отдѣлялась только короткимъ и узкимъ корридоромъ отъ опочивальни Великаго Князя; въ ту минуту, когда Любовицкій отворилъ дверь въ этотъ корридоръ, противоположная дверь опочивальни была отворена камердинеромъ Фризе, разбудившимъ уже Великаго Князя, который хотѣлъ выйти на шумъ. Показавшись въ дверяхъ, онъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ заговорщиковъ. Любовицкій едва успѣлъ закричать: „Źle, Mości Xiąże!“ („Худо, Государь!“) какъ ударъ штыкомъ поразилъ его сзади. Онъ упалъ безъ чувствъ; но все-же ему нанесли еще двѣнадцать глубокихъ ранъ и пронзили его правую руку, которою онъ прикрывалъ сердце. Видя опасность, Фризе насильно захлопнулъ дверь, заперъ ее изнутри на задвижку и повелъ Великаго Князя въ маленькую комнату подъ крышей, гдѣ съ его помощью Цесаревичъ наскоро

одѣлся. Убійцы, удержанные запертою дверью, изливаютъ свою ярость на двухъ, находившихся въ комнатѣ, лакеяхъ, смертельно изранивъ ихъ. Со смертною блѣдностью на лицѣ, со смущенными взорами, озираются они кругомъ, не зная, что предпринять далѣе; ихъ цѣль не была достигнута: ихъ добыча ушла. Въ это время со двора послышался голосъ: „Сходите внизъ! онъ мертвъ!“ Они спѣшатъ по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ товарищи встрѣчаютъ ихъ словами: „Великаго Князя уже нѣтъ въ живыхъ.“ Затѣмъ, всѣ удалились столь же поспѣшно, какъ и пришли.

Поводомъ къ этому недоразумѣнію было слѣдующее обстоятельство. Генералъ Жандръ, вошедшій въ комнату камердинера передъ Любовицкимъ, видя его судьбу, поспѣшилъ во дворъ, чтобы позвать помощь. Едва добѣжалъ онъ безъ шляпы до воротъ, какъ оставшіеся тамъ заговорщики бросились на него и нанесли ему нѣсколько ранъ штыками. Несчастный, шатаясь, прошелъ еще нѣсколько шаговъ, упалъ на кучу песку и испустилъ духъ. По сходству его съ Константиномъ Павловичемъ, убійцы приняли его за Великаго Князя и поспѣшно убѣжали, предполагая, что цѣль ихъ была достигнута [2]).

Въ то время, какъ отрядъ заговорщиковъ собирался въ Лазенкахъ, подпоручикъ Высоцкій явился въ школу нѣхотныхъ подпрапорщиковъ, ворвался въ залъ, гдѣ въ это время шли послѣобѣденныя занятія, и воззвалъ къ оружію. Заранѣе подготовленная молодежь польскихъ полковъ бросилась въ столовый залъ и стала разбирать боевые патроны.

Подпрапорщики Литовскаго полка, находившіеся въ первомъ дивизіонѣ, помѣщались въ комнатахъ верхняго этажа, обращенныхъ ко дворцу, изъ котораго шла крытая галлерея, примыкавшая къ стѣнѣ подъ однимъ изъ оконъ комнаты, занимаемой подпрапорщиками Литовскаго полка. Подпрапорщики л.-гв. Волынскаго полка, находившіеся во второмъ дивизіонѣ, жили на противоположномъ концѣ зданія.

Услышавъ барабанный бой, шумъ, крики и бряцаніе оружія, подпрапорщики Литовскаго полка хотѣли выйти изъ своихъ комнатъ,

---

[2]) „Исторія польскаго возстанія“ Смита. I, 133.

чтобы узнать причину суматохи, какъ къ нимъ вошелъ подпоручикъ Высоцкій, сопровождаемый Добровольскимъ, Мохнацкимъ, Каршницкимъ и еще нѣкоторыми изъ подпрапорщиковъ польскихъ полковъ, и, произнеся рѣчь, вышелъ со своими спутниками, оставя Литовцевъ въ большомъ смятеніи. Они было бросились внизъ, въ пирамидальную залу, гдѣ стояли ружья и висѣла амуниція; но ружей уже не было: подпрапорщики польскихъ полковъ вооружили ими причастныхъ къ заговору студентовъ. Между тѣмъ, подпрапорщики польскихъ полковъ суетились, бѣгали по заламъ и корридорамъ, раздавали другъ другу боевые патроны и заряжали свои ружья, бросая самые недружелюбные взгляды на Литовцевъ и Волынцевъ [3]).

Возвратясь въ свои комнаты, Литовцы начали совѣтоваться между собою, какъ и что дѣлать.. Въ это время вбѣгаетъ одинъ изъ товарищей ихъ, Ивановъ, и говоритъ: „Спасайтесь! проходя между поляками, я слышалъ, какъ они говорили, что надо сперва перерѣзать тѣхъ москалей, что наверху. Оба выхода снизу караулятся, а потому намъ осталось одно средство: спасаться черезъ окно.“

О сопротивленіи нечего было и думать, потому что подпрапорщиковъ Литовскаго и Волынскаго полковъ было всего около 50 человѣкъ, а остальныхъ болѣе двухсотъ. Къ тому-же не было ни ружей, ни патроновъ. Совѣтъ Иванова былъ принятъ; подпрапорщикъ Литовскаго полка Пужицкій первый ему послѣдовалъ. Крытая галлерея, о которой мы упоминали, облегчала такое неестественное путешествіе; спустившись на ея кровлю, можно было безъ большой опасности достигнуть земли. За Пужицкимъ выпрыгнули остальные, при чемъ только нѣкоторые отдѣлались вывихомъ ногъ. Пользуясь темнотою ночи, они разсыпались въ разныя стороны; нѣкоторые направились къ своимъ полкамъ, другіе-же присоединились къ частямъ русской кавалеріи.

Подпрапорщики польскихъ полковъ, подъ командой подпоручика Петра Высоцкаго, произвели вслѣдъ за тѣмъ нападеніе на казармы л.-гв. Уланскаго полка, находившіяся въ Лазенкахъ. Подробности этого эпизода можно найти у Смита и въ исторіи Уланскаго Его

---

[3]) „Воспоминанія плѣннаго офицера.“ Макарова. Воен. Сбор. 1862 г., № 4.

Величества полка. Покушеніе это, не обошедшееся безъ кровопролитія, было такъ-же неудачно для заговорщиковъ, какъ и попытка лишить жизни Великаго Князя. Русская кавалерія, подвергнувшись совершенно неожиданному для нея нападенію, выказала въ этотъ вечеръ свои боевыя качества; часъ спустя послѣ начала возстанія, отразивъ нападеніе заговорщиковъ, она уже окружала Цесаревича у Бельведера.

Л.-гв. Литовскій полкъ вернулся со стрѣльбы въ цѣль почти въ сумерки. Офицеры разъѣхались или разошлись по своимъ квартирамъ, а нижніе чины отдыхали и чистили ружья. Вдругъ, раздался бой тревоги. Такъ какъ въ то время войска подымали по этому бою для военныхъ упражненій довольно часто, то никто не подозрѣвалъ, что на этотъ разъ тревога бьется по серьезной причинѣ. Несмотря на холодный ноябрьскій вечеръ, люди не думали о томъ, чтобы одѣться потеплѣе, а спѣшили только живѣе выйти въ строй, въ чемъ Богъ послалъ, чтобы заслужить спасибо Цесаревича. Къ счастію, въ сумкахъ оказалось по нѣскольку боевыхъ патроновъ, оставшихся послѣ стрѣльбы въ цѣль.

Такъ какъ изъ офицеровъ полка весьма немногіе жили въ казармахъ, то въ первую минуту по тревогѣ ихъ явилось очень мало; со всѣхъ концовъ города спѣшили они къ полку, съ опасностью жизни пробираясь сквозь густыя толпы разъяренной черни, кричавшей: „смерть москалямъ!“ Нѣкоторые переодѣлись даже въ штатское платье; безъ этой благоразумной предосторожности они, вѣроятно, поплатились бы жизнью. Нечего и говорить, что костюмъ большинства офицеровъ, застигнутыхъ врасплохъ возстаніемъ, нисколько не соотвѣтствовалъ ни времени года, ни требованіямъ минуты. Одинъ изъ офицеровъ, поручикъ Сумароковъ, явился во фронтъ даже въ халатѣ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, полковыя знамена находились въ этотъ день не у Шефа, въ Брюлевскомъ дворцѣ, а въ дежурной комнатѣ полка, въ казармахъ, куда были принесены по случаю предполагавшагося инспекторскаго смотра. Объ нихъ вспомнилъ и выпесъ ихъ въ строй одинъ изъ батальонныхъ адъютантовъ, подпоручикъ Одинцовъ. Такъ какъ въ приказаніяхъ на слу-

чай тревоги ничего не упоминалось о полковомъ денежномъ ящикѣ, то онъ былъ забытъ и остался въ рукахъ мятежниковъ.

Надежды заговорщиковъ на то, что всѣ польскія войска по первому призыву къ оружію примкнутъ въ мятежу, не оправдались. Правда, 4 линейный полкъ и польскій саперный батальонъ, увлеченные своими офицерами, сразу стали на сторону мятежниковъ; но нѣкоторые полки колебались и въ первые дни возмущенія остались вѣрными присягѣ. Такъ, гвардейскій польскій конно-егерскій полкъ [4]) по тревогѣ явился въ полномъ составѣ къ Бельведеру, подъ начальствомъ своего командира, генерала Курнатовскаго, и долго оставался въ распоряженіи Цесаревича. Гвардейскій гренадерскій полкъ, на который такъ разсчитывали руководители заговора, также не удовлетворилъ ихъ ожиданій и не исполнилъ возложенной на него задачи — обезоружить Литовцевъ. Нѣсколько ротъ этого полка, дѣйствительно, возмутились и присоединились къ мятежу, но не дѣлали попытки напасть на своихъ однобригадниковъ—Литовцевъ. Большая же часть полка по тревогѣ стала въ ружье, благодаря энергіи своего командира, польскаго генерала Жимирскаго, осталась вѣрна присягѣ и, вслѣдъ за Литовскимъ полкомъ, была отведена на военное поле (plac broni).

Въ самомъ началѣ возстанія л.-гв. Литовскій и Волынскій полки лишились своихъ ближайшихъ начальниковъ. Дивизіонный начальникъ, генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, былъ захваченъ въ плѣнъ въ концертѣ, на Медовой улицѣ. Командиръ л.-гв. Литовскаго полка, генералъ Энгельманъ, въ этотъ вечеръ былъ въ гостяхъ у сенатора Данилова, управлявшаго военно-походною канцеляріею Великаго Князя и жившаго въ одномъ изъ флигелей Брюлевскаго дворца. Тамъ собралось небольшое общество, въ томъ числѣ и командиръ л.-гв. Волынскаго полка, генералъ Есаковъ. Въ то время, когда генералы мирно играли въ карты и пили чай, получено было извѣстіе, что въ Варшавѣ возникла революція. Всѣ пришли въ страшное замѣшательство; гости стали расходиться; всѣ столпились въ передней и разбирали свои вещи. Генералы Энгельманъ и Есаковъ вышли вмѣ-

[4]) Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ тремя полками русской гвардейской кавалеріи (Подольскіе кирасиры, уланы Цесаревича и Гродненскіе гусары), составлялъ гвардейскую кавалерійскую дивизію.

стѣ на крыльцо, сѣли въ свои экипажи и направились къ своимъ полкамъ по Вержбовой улицѣ. Не доѣзжая арсенала, они очутились среди бунтующей толпы, которая окружила и захватила ихъ въ плѣнъ, при чемъ кучеръ Есакова былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. Впослѣдствіи оказалось, что они были захвачены Залѣвскимъ, который раньше другихъ пришелъ къ арсеналу съ двумя какими то возмутившимися ротами.

Потеря начальниковъ русской пѣхоты была причиной отсутствія единства въ ея дѣйствіяхъ. Полученное отъ Цесаревича приказаніе собираться по тревогѣ на военномъ полѣ (plac broni) генералъ Энгельманъ передалъ своимъ батальоннымъ командирамъ; командиръ-же Волынскаго полка, генералъ Есаковъ, не сдѣлалъ этого, а потому, съ плѣномъ этого генерала, Волынскій полкъ остался въ неизвѣстности, что дѣлать и куда итти. Не получая никакого приказанія, батальонные командиры Волынскаго полка сочли обязанностью итти на защиту арсенала, въ помощь оберегавшей его польской пѣхотѣ; 1-й батальонъ Волынцевъ сталъ занимать ближайшія улицы для очищенія ихъ отъ народа, а 2-й батальонъ направился прямо къ арсеналу. Увидѣвъ тамъ 4-й полкъ, солдаты весело заговорили: „А, вотъ и четвертаки наши!“

— „Кто идетъ? окликнули поляки.—Волынцы! былъ отвѣтъ.— „Волынцы, бросай оружіе! (rzucaj broń)—и вслѣдъ затѣмъ „четвертаки“ сдѣлали залпъ.... Эта неожиданная измѣна произвела въ батальонѣ замѣшательство, и онъ началъ отступать. Едва отошли, Волынцы отъ арсенала, какъ передъ ними сталъ выдвигаться изъ поперечной улицы батальонъ польскихъ саперовъ. Русскій батальонный командиръ, полковникъ Альбертовъ, просилъ польскаго батальоннаго командира, подполковника Майковскаго, отодвинуться назадъ. Тотъ скомандовалъ. Саперы послушались, конечно, въ послѣдній разъ; а когда Волынцы прошли, они направились къ арсеналу на соединеніе съ мятежниками. Когда оба батальона Волынскаго полка соединились, они послали узнать, гдѣ находится Литовскій полкъ—и только послѣ этого дѣло разъяснилось, и Волынскій полкъ отправился къ Литовскому на plac broni [5]).

---

[5]) Замѣтки о польскомъ возст. 1830 г. Ульянова. Русскій Архивъ 1867 г.

Въ такомъ видѣ представляется столкновеніе Волынскаго полка у арсенала съ войсками, измѣнившими присягѣ, столкновеніе, раздутое польскими газетами революціоннаго времени въ какую-то небывалую побѣду. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было найти даже сообщеніе, что полки л.-гв. Литовскій и Волынскій, послѣ небольшой свалки, бѣжали, оставивъ въ плѣну своихъ генераловъ [6]). Сами поляки, впрочемъ, не вѣрили подобнымъ вымысламъ. Избѣгнувъ опасности быть застигнутымъ врасплохъ въ своихъ казармахъ, л.-гв. Литовскій полкъ, приведенный на военные поле старшимъ изъ батальонныхъ командировъ, флигель-адъютантомъ полковникомъ Граббе 3-мъ [7]), не могъ считать себя и тутъ въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія. Пользуясь темнотою ночи, толпы вооруженнаго народа и польскихъ солдатъ, оставившихъ свои знамена, являлись по-временамъ изъ городскихъ улицъ и нѣсколько разъ открывали огонь по цѣпи часовыхъ, выставленной по приказанію полковника Граббе; цѣпь наша отвѣчала на эти выстрѣлы рѣдкимъ огнемъ. Такъ какъ перестрѣлка происходила въ совершенной темнотѣ, на-удачу, то ни та, ни другая сторона не могли понести большихъ потерь. Литовскій полкъ потерялъ убитыми трехъ рядовыхъ и подпрапорщика Каршницкаго, который бѣжалъ изъ школы подхоронжихъ на соединеніе съ полкомъ и былъ убитъ наповалъ выстрѣломъ изъ ружья, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ цѣли, къ которой стремился. Но главная опасность для полка заключалась не въ этой перестрѣлкѣ, а въ возможности нападенія со стороны польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, который былъ приведенъ на плацъ Брони вслѣдъ за Литовцами и стоялъ невдалекѣ отъ него, выказывая явные признаки неповиновенія своему командиру, генералу Жимирскому. Литовцы не имѣли основанія довѣрять своимъ сосѣдямъ: часть гренадерскаго полка уже открыто перешла на сторону мятежниковъ, что произвело пагубное вліяніе на духъ остальныхъ его ротъ, въ которыхъ замѣчалось отсутствіе дисциплины; польскіе солдаты выходили изъ фронта, переговаривались съ мятежниками и по-временамъ

---

[6]) „Kujer Warszawski“ 1 grudnia 1830 roku.

[7]) Изъ послужнаго списка Граббе видно, что онъ получилъ званіе флигель-адъютанта 12 мая 1829 года въ день коронаціи Императора Николая въ Варшавѣ.

переходили по-одиночкѣ на ихъ сторону. Нѣсколько офицеровъ этого полка, отозвавъ въ сторону одного изъ литовскихъ молодыхъ офицеровъ, сообщили ему, что Великій Князь убитъ и просили передать это извѣстіе остальнымъ офицерамъ Литовскаго полка; одинъ изъ нихъ прибавилъ при этомъ, что было бы безразсудно противиться совершившемуся факту и нужно сдаться. „Польскіе гренадеры, какъ ваши товарищи, берутъ васъ подъ свою защиту“ [8]). Само собою разумѣется, что отвѣтъ литовскаго офицера былъ далеко не въ пользу этихъ непрошенныхъ защитниковъ.

Была уже ночь, когда къ Литовцамъ присоединился Волынскій полкъ. Не имѣя никакихъ приказаній, командовавшіе всѣми тремя полками рѣшили стоять на мѣстѣ и ничего не предпринимать до полученія извѣстій отъ Великаго Князя.

Ночь была темная и холодная; накрапывалъ дождь. Надъ городомъ виднѣлось зарево нѣсколькихъ пожаровъ. Звуки ружейной пальбы и глухой шумъ, по-временамъ доносившійся изъ города, доказывали, что тамъ происходитъ что-то ужасное. По-временамъ раздавались пушечные выстрѣлы.

По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, то была поразительно страшная ночь. Всѣ благонамѣренные люди заперлись и заложили ворота и двери; на улицахъ была видна только чернь. Повсюду у запертыхъ воротъ былъ слышенъ стукъ и крики людей, хотѣвшихъ войти или для того, чтобы спастись отъ рукъ убійцъ, или для отысканія въ домахъ жертвъ, обреченныхъ смерти. Всякій, имѣвшій личнаго врага, долженъ былъ трепетать, потому что, подъ видомъ публичной мести, удовлетворяли тайной. На улицахъ слышалась пальба и шумъ; по-временамъ наступала тишина, но потомъ вдругъ снова раздавалось пронзительное завываніе народа: „Къ оружію, Поляки! къ оружію!“ или слышался топотъ и шумъ быстро скачущихъ всадниковъ и экипажей. При заревѣ пожаровъ на улицахъ можно было видѣть толпы вооруженной черни, съ шумомъ идущія войска и бѣглецовъ съ блѣдными лицами, боязливо куда-то пробиравшихся. Едва-ли спалъ кто либо въ Варшавѣ въ эту ужасную ночь [9]), на-

[8]) Изъ разсказовъ и неизданныхъ записокъ нашего стараго однополчанина, генерала отъ инфантеріи А. А. Одинцова.

[9]) Исторія польскаго возстанія 1830 г. Смита. I. 157.

званную поляками ночью св. Сатурина въ честь святаго, празднуемаго въ это число.

Для Литовскаго полка вся ночь прошла въ мучительной неизвѣстности. О снѣ, конечно, никто и не думалъ; да и можно-ли было заснуть въ полѣ, подъ дождемъ, при рѣзкомъ холодномъ ноябрьскомъ вѣтрѣ, безъ крова и пищи. По-временамъ, однообразіе томительной ночи нарушалось прибытіемъ изъ города кого либо изъ чиновъ полка, задержанныхъ возстаніемъ. Вновь прибывшихъ окружали, засыпали вопросами, на которые бѣдные скитальцы, избѣгнувшіе тысячи смертей, по большей части не могли ничего отвѣтить или же сообщали разнорѣчивыя извѣстія.

Несмотря на это, число чиновъ полка, задержанныхъ въ Варшавѣ и неявившихся въ строй къ утру 18 ноября, было довольно значительно. Кромѣ командира полка, генералъ-маіора Энгельмана, не досчитывали трехъ строевыхъ офицеровъ: подпоручика Суровцова, прапорщиковъ Забѣлло и Макарова; послѣдній, впрочемъ, по болѣзни находился въ Уяздовскомъ госпиталѣ. Неизвѣстна была также судьба пяти офицеровъ, хотя и откомандированныхъ отъ полка, но числившихся въ его спискахъ; это были: два брата Грессеры, изъ которыхъ старшій былъ адъютантомъ Великаго Князя, а младшій адъютантомъ дивизіоннаго начальника, генерала Рихтера; поручикъ Лишинъ, прапорщикъ Корвинъ-Красинскій, находившійся при варшавской школѣ военныхъ кантонистовъ, и прапорщикъ Романовскій, находившійся при школѣ пѣхотныхъ подпрапорщиковъ. О судьбѣ всѣхъ этихъ офицеровъ мы скажемъ ниже.

Изъ нижнихъ чиновъ на лицо не было двухъ подпрапорщиковъ [10]), 19-ти унтеръ-офицеровъ, 218-ти рядовыхъ, 18-ти нестроевыхъ и 9-ти деньщиковъ, всего 266-ти человѣкъ.

Къ утру 18 ноября получено было радостное извѣстіе, что Великій Князь живъ и находится въ безопасности, среди полковъ русской кавалеріи; въ то-же время получено было отъ него приказаніе оставаться на мѣстѣ и не предпринимать враждебныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ.

---

[10]) Кромѣ тѣхъ, которые, находясь подъ судомъ, были арестованы и во фронтъ явиться не могли.

Между тѣмъ, полкъ ничего не ѣлъ съ обѣда 17 числа; настала крайняя необходимость озаботиться его продовольствіемъ и снабженіемъ необходимѣйшими въ суровую пору года предметами обмундированія. Посланы были команды для собиранія картофеля на прилегающихъ къ городу поляхъ, на которыхъ уборка картофеля была уже произведена крестьянами. Соль была добыта силою въ лавкахъ, находившихся неподалеку отъ плаца Брони. Добытый въ недостаточномъ количествѣ картофель, поджаренный у костровъ, составилъ въ теченіе этого дня единственную пищу Литовцевъ, которые не имѣли даже хлѣба, чтобы закусить послѣ такого тощаго обѣда [11]).

Такъ какъ сообщеніе полка съ казармами прекратилось, то была наряжена вооруженная каманда, подъ начальствомъ поручика Корниловича, съ порученіемъ отправиться въ казармы и забрать тамъ все нужное. Но Корниловичъ возвратился съ пустыми руками, потому что въ теченіе предыдущей ночи казармы и все полковое имущество были разграблены чернью; въ полковомъ цейхгаузѣ не осталось ни одного ружья, ни одного мундира. Разсказываютъ, что разграбленіе Литовскихъ казармъ не обошлось даромъ для заговорщиковъ. Многіе изъ пьяной толпы переодѣлись въ похищенные литовскіе мундиры, разобрали ружья и отправились въ городъ, гдѣ дорого поплатились за затѣянную съ-пьяна мистификацію: во многихъ мѣстахъ произошли кровавыя столкновенія между этими псевдо-литовцами и народомъ, принявшимъ ихъ за русскихъ солдатъ [12]).

„Полуголодные, усталые, замерзшіе,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ,—мы простояли въ неизвѣстности на плацу Брони до сумерекъ 18 числа, когда, наконецъ, пріѣхалъ къ намъ, въ сопровожденіи русскаго кавалерійскаго отряда, состоявшій при Константинѣ Павловичѣ генералъ-маіоръ Феньшау, съ приказаніемъ итти на соединеніе съ русской кавалеріей на Мокотовское поле, для чего слѣдовать не черезъ городъ, а вокругъ городскаго вала окольными дорогами, по которымъ прибылъ и Феньшау. По приходѣ на мѣсто, л.-гв. Литовскій полкъ расположился бивакомъ близъ мызы Крули-

---

[11]) Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка, составленный капитаномъ Бараніусомъ.

[12]) Изъ разсказовъ А. А. Одинцова и покойнаго графа К. И. Развадовскаго.

карни. Неподалеку расположились польскіе гренадеры и Волынцы.

Въ то время, когда Литовскій и Волынскій полки въ томительномъ ожиданіи стояли на плацу Брони, русскіе кавалерійскіе полки, съ Цесаревичемъ во главѣ, провели ночь у Бельведера, на противоположномъ концѣ города.

Цесаревичъ долго не хотѣлъ вѣрить тому, что дѣлалось въ Варшавѣ. На свой любимый четвертый линейный полкъ, занимавшій въ тотъ день городскіе караулы, онъ надѣялся, какъ на каменную гору, и былъ совершенно спокоенъ. Когда возвратившійся изъ города посланный донесъ Великому Князю, что 4-й полкъ за-одно съ мятежною толпою и раздаетъ изъ арсенала оружіе народу, Цесаревичъ живо сказалъ: „Не можетъ быть! Ты побоялся близко подъѣхать, не разсмотрѣлъ хорошо и ошибся. Поѣзжай опять и узнай, какъ можно лучше!“ Тотъ поѣхалъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Та-же участь постигла адъютанта Цесаревича Грессера, капитана л.-гв. Литовскаго полка, посланнаго Великимъ Княземъ на развѣдки въ городъ [13]). Когда онъ послѣ первой удачной поѣздки доложилъ объ участіи въ мятежѣ четвертаго полка, Великій Князь до того былъ пропикнутъ изумленіемъ, что, казалось, не вѣрилъ своимъ ушамъ и обратился къ другому адъютанту, польскихъ войскъ полковнику Турно, съ вопросомъ, слышалъ-ли онъ Грессера, и несмотря на утвердительный отвѣтъ Турно, все еще не хотѣлъ вѣрить словамъ перваго, все еще сомнѣвался въ измѣнѣ четвертаго полка, приписывая извѣстіе какому нибудь недоразумѣнію. Онъ снова приказалъ Грессеру ѣхать къ арсеналу и, какъ можно вѣрнѣе, узнать дѣло. Замѣчанія о невозможности уже добраться до арсенала не помогли и были, дѣйствительно, ошибочны: Грессеръ доѣхалъ до арсенала, но назадъ уже не вернулся. У арсенала онъ былъ окруженъ толпой мятежниковъ и захваченъ въ плѣнъ польскимъ разъѣздомъ, при чемъ получилъ множество ранъ [14]). Это происходило вечеромъ 17 числа.

---

[13]) У Смита Грессеръ ошибочно названъ флигель-адъютантомъ. Въ это званіе онъ пожалованъ послѣ смерти Великаго Князя Константина.

[14]) Въ послужномъ спискѣ Грессера эти раны обозначены подробно: три сабельныхъ удара въ голову, два таковыхъ-же удара въ ногу, ниже колѣна, одинъ

Младшій братъ Грессера, поручикъ Грессеръ 2, бывшій адъютантомъ дивизіоннаго начальника, при первомъ извѣстіи о мятежѣ, поскакалъ въ квартиру своего генерала; прождавъ его напрасно и узнавъ, наконецъ, что генералъ Рихтеръ захваченъ въ плѣнъ, поручикъ Грессеръ поскакалъ къ Бельведеру, явился Великому Князю и доложилъ ему о случившемся. Цесаревичъ оставилъ его при себѣ вмѣсто его брата, котораго считали погибшимъ.

Такъ какъ мѣстность вокругъ Бельведерскаго дворца была неудобна для дѣйствій кавелеріи, то Цесаревичъ ночью, по совѣту своихъ генераловъ, отступилъ съ отрядомъ къ мызѣ Вержбно, находящейся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ города. Неподалеку отъ Вержбно находится большое Мокотовское поле, на которомъ свободно могли расположиться войска. Великій Князь остановился съ супругою на малой Вержбненской фермѣ и размѣстился тамъ въ двухъ маленькихъ комнатахъ.

ударъ штыкомъ въ животъ, безъ поврежденія кишекъ; переломъ предпястной кости правой руки и множество контузій отъ ружейныхъ прикладовъ. (Полковой архивъ).

ГЛАВА XVI.

МОКОТОВСКІЙ БИВАКЪ И ОТСТУПЛЕНІЕ.

Могъ-ли Великій Князь подавить возстаніе?—Цесаревичъ, по просьбѣ генерала Потоцкаго, посылаетъ польскихъ конно-егерей въ Варшаву.— Сборъ русскаго отряда на Мокотовской позиціи и лишенія, имъ испытанныя. — Къ Великому Князю является депутація временнаго правительства. — Мотивы, заставившіе Цесаревича начать отступленіе.—Трудности предстоявшаго похода. — Заботы о продовольствіи отряда.— Цесаревичъ избѣгаетъ встрѣчи съ польскими войсками. — Порядокъ марша. — Изъ дневника А. А. Одинцова. — Приказъ Цесаревича, отданный по прибытіи въ Брестъ-Литовскъ.—Двухнедѣльная стоянка полка въ м. Высоко-Литовскѣ. — Смотръ отряда въ присутствіи генералъ-адъютанта Орлова. — Мѣры для снабженія полка всѣмъ необходимымъ.—Переходъ полка въ м. Голынку.—Мѣры для поддержанія дисциплины.— Прибытіе главнокомандующаго.—Формированіе резервовъ въ г. Несвижѣ. – Выступленіе на войну.

Приступая къ рѣшенію спорнаго вопроса, могъ-ли Цесаревичъ потушить мятежъ въ самомъ началѣ, мы должны сказать, что мнѣнія объ этомъ современниковъ и позднѣйшихъ писателей чрезвычайно разнорѣчивы. Одни, въ числѣ ихъ и Смитъ, признаютъ возможность, другіе, и притомъ большинство, отрицаютъ ее.

Причина разнорѣчія заключается въ неправильной постановкѣ вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы Константинъ Павловичъ менѣе довѣрялъ польской арміи, если-бы онъ зналъ, какъ сильно была проникнута она духомъ революціи, какъ глубоко и широко раскинула въ ней свои корни тайная пропаганда—если-бы, повторяемъ, Цесаревичъ зналъ все это—онъ, конечно, принялъ бы мѣры болѣе дѣйствительныя. Но всѣ его распоряженія, всѣ мѣры, принятыя имъ передъ возстаніемъ, были разсчитаны на вѣрность созданной имъ польской арміи и потому въ моментъ взрыва оказались недостаточными.

Численность русскаго гвардейскаго отряда простиралась до семи тысячъ человѣкъ [1]). Число польскихъ войскъ, постоянно квартировавшихъ въ Варшавѣ, не превышало десяти тысячъ; изъ нихъ въ первую ночь возстанія на сторону мятежниковъ перешло не болѣе половины; вѣрность остальныхъ была весьма сомнительна, и на помощь ихъ при подавленіи мятежа было трудно разсчитывать. Изъ сказаннаго раньше видно, что они составляли для русскихъ войскъ опасное сосѣдство. Къ тому-же русскія войска были раздѣлены: пѣхота собралась въ сѣверной части города, на плацу Брони, кавалерія—въ южной. Только къ вечеру слѣдующаго дня, т. е. 18 ноября, весь русскій отрядъ соединился близъ м. Вержбно. Слѣдовательно, въ первую ночь Цесаревичъ могъ располагать только тремя русскими кавалерійскими полками, гвардейскимъ польскимъ конно-егерскимъ полкомъ и нѣсколькими ротами польской пѣхоты, на вѣрность которой трудно было разсчитывать, потому что она попала въ отрядъ Цесаревича и не присоединилась къ мятежникамъ только благодаря случайности: она шла на самомъ дѣлѣ на помощь школѣ подпрапорщиковъ, готовившихся къ нападенію на уланскія казармы. Могъ-ли Цесаревичъ съ этими силами усмирить Варшаву, въ которой, кромѣ пяти тысячъ возмутившихся войскъ, послѣ разграбленія арсенала находилось нѣсколько десятковъ тысячъ вооруженной черни? При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились русскія войска въ ночь съ 17 на 18 ноября, очевидно, нѣтъ.

Если бы сборные пункты для русскихъ войскъ назначены были не на противоположныхъ окраинахъ города, а въ центрѣ его; если бы по тревогѣ русскимъ войскамъ предписано было занять городскія площади и арсеналъ; если бы къ тому-же русская артиллерія стояла

---

[1]) 7 іюня 1830 года число войскъ, собранныхъ въ Варшавѣ для высочайшаго смотра, простиралось до 41000. Въ числѣ ихъ было русскихъ войскъ:

въ двухъ пѣхот. гвардейскихъ полкахъ	4000,
въ трехъ полкахъ гвардейской кавалеріи	3000,
въ двухъ батареяхъ.	400,
Итого. . .	7400.

Слѣдовательно, число польскихъ войскъ равнялось 33600; изъ нихъ въ Варшавѣ постоянно стояло не болѣе 10000. Русская артиллерія также квартировала внѣ Варшавы. Всѣ эти данныя нужно принять въ соображеніе для относительной оцѣнки силъ.

въ Варшавѣ, а не въ ея окрестностяхъ, то есть полная возможность предполагать, что городъ былъ бы удержанъ въ повиновеніи, а въ рядахъ польской арміи были бы возстановлены порядокъ и дисциплина.

Приведемъ одинъ эпизодъ, доказывающій, какъ далекъ былъ Константинъ Павловичъ отъ мысли употребить русскія войска для подавленія мятежа. 18 ноября, въ 11 часовъ утра, къ Цесаревичу, стоявшему со своей кавалеріей у Вержбно, прискакалъ одинъ изъ его адъютантовъ, графъ Владиславъ Замойскій, и доложилъ ему слѣдующую просьбу генерала Потоцкаго: „Попросите Его Высочество бросить поскорѣе въ городъ всю его кавалерію; проскакавъ по улицамъ, она разсѣетъ все на своемъ пути; но только нельзя терять ни минуты.“

— „Я не хочу вмѣшиваться ни во что,—отвѣчалъ Великій Князь.—Это польское дѣло, пусть поляки сами его улаживаютъ. Впрочемъ, у меня и кавалеріи—то нѣтъ.“

Въ нѣсколькихъ шагахъ позади стояли русскіе кирасиры, гусары и уланы, а также польскій полкъ гвардейскихъ конныхъ егерей. Замойскій невольно посмотрѣлъ въ ихъ сторону.

— „Это русскіе полки, прибавилъ Цесаревичъ, замѣтивъ его движеніе,—ни одинъ русскій не обнажитъ теперь своего оружія иначе, какъ только для своей собственной защиты.“

Затѣмъ, послѣ непродолжительнаго колебанія, Цесаревичъ сказалъ:

— „Впрочемъ, вотъ конные егеря; возьмите ихъ и отведите къ Стасю [2]); пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ“ [3]).

Конные егеря пробрались по Новому Свѣту и Краковскому Предмѣстью (двумъ главнымъ улицамъ Варшавы) до замка, а одинъ эскадронъ—даже до арсенала, разогнали народъ и арестовали нѣсколько человѣкъ; но не подкрѣпленные пѣхотою они не отважились предпринять что либо противъ арсенала, гдѣ въ то время былъ главный центръ возстанія [4]). Этотъ успѣхъ, или лучше сказать без-

---

[2]) Уменьшительное имя генерала Потоцкаго, котораго звали Станиславомъ.

[3]) „Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps“ par Lisicki.

[4]) Въ это время бѣдный „Стась“ лежалъ уже на смертномъ одрѣ. Это былъ одинъ изъ польскихъ генераловъ, павшихъ за вѣрность присягѣ; имя его начертано на памятникѣ, воздвигнутомъ, по повелѣнію Императора Николая, въ Варшавѣ, на Саксонской площади.

препятственный проѣздъ польской гвардейской кавалеріи въ южной части города, можно объяснить отчасти тѣмъ, что мятежники не знали на чьей сторонѣ находятся конные егеря, отчасти-же группировкой мятежныхъ войскъ близъ арсенала и въ сѣверной части города, гдѣ опасались нападенія Литовскаго и Волынскаго полковъ со стороны площади Брони. Проѣздка конныхъ егерей по городу нисколько не измѣнила положенія дѣлъ.

Русская гвардейская пѣхота и пять ротъ польскаго гвардейскаго гренадерскаго полка, удержанныя въ повиновеніи бригаднымъ генераломъ Жимирскимъ, перешли къ Вержбно, какъ мы уже сказали, вечеромъ 18 ноября; вскорѣ туда-же прибыла изъ Гуры гвардейская батарейная рота, № 5, а на другой день утромъ прискакала изъ Скерневицъ конная батарея и пришелъ изъ Блони учебный батальонъ литовскаго корпуса. Такимъ образомъ, на Мокотовскомъ бивакѣ собрались всѣ части русскаго отряда въ Царствѣ Польскомъ.

Положеніе этой горсти русскихъ воиновъ среди возмутившейся страны было самое незавидное. Со всѣхъ сторонъ спѣшили къ Варшавѣ польскія войска, на вѣрность которыхъ послѣ всего, что произошло уже въ Варшавѣ, нельзя было разсчитывать и которыя могли отрѣзать русскому отряду путь отступленія въ Литву. Русскій отрядъ не имѣлъ ни обозовъ, ни продовольствія, ни патроновъ, ни теплой одежды, ни денегъ. Затруднительность положенія усугублялась суровымъ временемъ года.

На мокотовской позиціи русскій отрядъ простоялъ до 21 ноября.

Артиллерія была выдвинута впередъ; ведеты окружали все поле; къ Варшавѣ и во всѣ стороны посылались разъѣзды. Особенно тяжела была ночь съ 18 на 19 ноября. Морозъ доходилъ до 4°; спать приходилось на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ; офицеры и солдаты сидѣли вокругъ скудныхъ костровъ и пекли картофель, который удалось достать въ окрестностяхъ бивака; хлѣба и сухарей не было совсѣмъ. Въ послѣдующіе дни, при помощи реквизицій у сосѣднихъ помѣщиковъ и евреевъ, добыто было нѣсколько штукъ скота и солома для подстилки, а для офицеровъ выстроены были шалаши, нисколько, впрочемъ, незащищавшіе отъ холода. Ко всѣмъ этимъ физическимъ лишеніямъ присоединялись и нравственныя

испытанія: всѣ находились въ безпокойномъ ожиданіи и неизвѣстности, а у многихъ остались въ Варшавѣ семейства. Изъ города приходили мрачныя и неутѣшительныя вѣсти: чернь неистовствуетъ, подстрекаемая крайними революціонерами; жилища русскихъ разграблены; многіе поплатились жизнью. „Всѣ мы были въ полномъ невѣдѣніи на счетъ того, что и какъ будетъ предпринято въ отношеніи варшавскаго возстанія,—писалъ одинъ изъ очевидцевъ, служившій тогда офицеромъ въ Литовскомъ полку. „Положеніе наше часъ-отъ-часу становилось несноснѣе и опаснѣе. На продолжительную вѣрность польскихъ войскъ, оставшихся въ нашемъ отрядѣ, нельзя было разсчитывать; эта кажущаяся вѣрность соблюдалась только, какъ условный нейтралитетъ, до поры, до времени. Польскія войска не были противъ насъ, но едва-ли пошли бы за насъ и противъ Варшавы, если бы получили такое приказаніе. Мы, однакожъ, съ часу на часъ ожидали повелѣнія итти на Варшаву.“

„Вторую ночь на бивуакахъ провелъ я не такъ мучительно, какъ первую. Я спалъ уже не на голой землѣ, а на соломѣ, въ шалашѣ, вмѣстѣ съ полковникомъ Граббе и еще двумя офицерами. Крѣпко прижались мы другъ къ другу, чтобы менѣе страдать отъ холода“ [5]).

Между тѣмъ, въ Варшавѣ составилось новое временное правительство, членовъ котораго безпокоила близость русскихъ войскъ, а потому, въ видахъ безпрепятственнаго развитія революціи, они желали скорѣйшаго ихъ удаленія. 21 ноября изъ Варшавы въ Вержбно явилась депутація, съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ во главѣ и съ революціонными кокардами на конфедераткахъ. Цесаревичъ, казавшійся очень спокойнымъ и говорившій весьма мало, не сдавался ни на какія предложенія и требовалъ безусловной покорности Государю, обѣщая предстательствовать передъ Его Величествомъ за виновныхъ. „Здѣсь нѣтъ никого виновныхъ!“ запальчиво и грубо возразилъ на это графъ Островскій и надѣлъ передъ Цесаревичемъ свою шапку.

Послѣ удаленія депутатовъ Великій Князь уже ясно увидѣлъ,

---

[5]) Изъ воспоминаній Макарова. Воен. Сбор. 1862 г. № 4, стр. 484.

что нечего болѣе надѣяться на добрыя чувства и благоразуміе поляковъ. Во избѣжаніе кровопролитія оставалось только удалиться въ предѣлы Россіи и предоставить Польшу ея собственной роковой судьбѣ. Да и положеніе отряда среди цѣлой мятежной арміи и края, охваченнаго заранѣе подготовленнымъ возстаніемъ, было крайне рискованное: русскіе могли быть истреблены или принуждены къ сдачѣ, и тогда польскія притязанія не знали бы ни мѣры, ни предѣловъ. Видя коварство и измѣну со стороны большей части польскихъ военачальниковъ, видя восторгъ, съ которымъ конные егеря встрѣчали варшавскую депутацію, и явно враждебное настроеніе гренадерскихъ ротъ Жимирскаго, которыя такъ и порывались въ городъ, Цесаревичъ, желавшій избавить ихъ отъ позора явной измѣны, послалъ къ нимъ черезъ своего адъютанта Замойскаго письменное дозволеніе возвратиться въ Варшаву. Такъ покинули его послѣднія войска польскія...

Отпустивъ ихъ, Великій Князь съ особеннымъ прискорбіемъ выражалъ русскимъ начальникамъ свое горькое чувство по поводу невѣрности польскихъ войскъ. „Они доказали мнѣ, что слово „благодарность“ есть пустой звукъ!“ воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи. Особенно тяжело для него было вѣроломство его любимца, командира 1-го егерскаго полка, флигель-адъютанта полковника Шембека, который, пріѣхавъ въ Вержбно, обнималъ и цѣловалъ въ плечо Цесаревича и брался уговорить польскія войска вернуться къ обязанностямъ долга и присяги, а чуть выбрался за русскіе аванпосты, первый-же воззвалъ къ мятежу свой полкъ, приведенный изъ Сохачева, и егерскія роты, стоявшія нашимъ авангардомъ въ Уяздовской аллеѣ, и во главѣ ихъ вступилъ въ Варшаву, распѣвая „Еще польска не сгинела...“ [6])

Написавъ административному совѣту письмо, въ которомъ увѣдомлялъ о данномъ имъ разрѣшеніи польскимъ войскамъ, остававшимся вѣрными, присоединиться къ своимъ и о принятомъ имъ намѣреніи отступить отъ Варшавы и поручалъ всѣ общественныя учрежденія, частную собственность и безопасность отдѣльныхъ лицъ

---

[6]) Смитъ. Крестовскій. Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка.

защитѣ и покровительству польской націи, [7]) Цесаревичъ отдалъ приказаніе въ тотъ-же день, 21 ноября, сниматься съ бивака. Тогда только русскимъ войскамъ стало ясно, что Великій Князь рѣшился пробиваться къ границамъ Имперіи. Каждый понималъ опасность положенія и трудности предстоявшей задачи. Цесаревичъ, конечно, могъ оцѣнить это лучше, чѣмъ кто либо другой, но не падалъ духомъ. Такъ начался труднѣйшій двухнедѣльный походъ.

Снявшись съ мокотовскаго бивака, русскій отрядъ двинулся вверхъ по Вислѣ, черезъ Гуру и Козеницы, къ Гурѣ-Кальваріи, гдѣ предположено было переправиться черезъ Вислу. Отряду, состоявшему изъ семи тысячъ человѣкъ, при обозѣ, доходившемъ до 200 экипажей и повозокъ, нагруженныхъ не провіантомъ и патронами, а семействами русскихъ, бѣжавшими изъ Варшавы, предстояли: переправа черезъ двѣ большія рѣки (Вислу и Бугъ) и походъ въ суровую пору года, безъ всякихъ запасовъ, безъ теплой одежды и обуви, безъ денегъ, среди возставшаго населенія, въ виду непріятельской арміи, хотя и сдерживаемой еще дисциплиною, но тѣмъ не менѣе распаленной страстями революціи... Къ тому же было извѣстно о существованіи въ Варшавѣ сильной партіи, нежелавшей выпустить Цесаревича и его отрядъ изъ Польши.

Нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ дѣйствіямъ диктатора Хлопицкаго и административнаго совѣта Царства относительно отступавшаго отряда. Хлопицкій отдалъ приказаніе не только безпрепятственно всюду пропускать отрядъ, но и снабжать его по пути слѣдованія подводами и продовольствіемъ. Утверждаютъ также, что административный совѣтъ, входя въ бѣдственное положеніе отряда, предложилъ въ распоряженіе Цесаревича небольшую сумму денегъ, по раздѣленіи которой поровну между всѣми офицерами от-

---

[7]) Вотъ подлинникъ этого письма: „Je permets aux troupes polonaises, qui me sont restées fidèles jusqu' à ce dernier moment, de rejoindre leurs camarades. Je me mets en marche avec les troupes Impériales pour m'éloigner de la capitale et j'espère de la loyauté polonaise, qu'elles ne seront pas inquiétées dans leurs mouvements pour régagner les frontières de l'Empire. Je recommande tous les établissements, les propriétés et les individus à la protection de la nation Polonaise et les mets sous la sauvegarde de la foi la plus sacrée. Varsovie, le 3 Déc. 1830. Constantin."

ряда, безъ различія чиновъ, каждому досталось по десяти серебряныхъ прусскихъ талеровъ. Не знаемъ, насколько достовѣрна такая предупредительность административнаго совѣта, но знаемъ только, что офицеры, захваченные врасплохъ возстаніемъ и ничего не захватившіе съ собой, во все время похода страшно нуждались въ деньгахъ и во всемъ необходимомъ. Командовавшій полкомъ, полковникъ Граббе, былъ вынужденъ занять три рубля ассигнаціями у подпрапорщика Бялаго, который считался капиталистомъ, потому что имѣлъ при себѣ десять рублей.

Если положеніе офицеровъ было критическое, то можно себѣ представить, каково было положеніе солдатъ, изъ которыхъ многіе не имѣли крѣпкихъ сапогъ. Все полковое и ротное имущество и обозы остались въ Варшавѣ и попали въ руки мятежниковъ. Изъ полковаго обоза удалось спасти только денежный ящикъ, которому, впрочемъ, не суждено было долго существовать.

Скажемъ нѣсколько словъ о постигшей его судьбѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, при разграбленіи казармъ чернью въ первую ночь возстанія, денежный ящикъ уцѣлѣлъ, хотя и не былъ вывезенъ вслѣдъ за полкомъ. Для спасенія этого важнаго въ полковомъ хозяйствѣ предмета, въ казармы послана была команда изъ 40 человѣкъ, подъ начальствомъ поручика де-Бринкена, которому, кромѣ ящика, поручено было спасти, что можно, изъ обоза. Несмотря на то, что въ тѣхъ-же казармахъ были расположены возмутившіяся отборныя роты польскихъ линейныхъ полковъ, энергическому и распорядительному офицеру удалось вывезти денежный и письменный ящикъ и присоединиться къ полку на другой день послѣ его выхода на Мокотовское поле. Мятежники покушались преградить ему путь, но онъ проложилъ себѣ дорогу вооруженною рукою, при чемъ взялъ 16 человѣкъ, которыхъ и привелъ съ собою въ полкъ [8]). Но не долго пришлось пользоваться плодами распорядительности поручика де-Бринкена; полковой денежный ящикъ потонулъ при переправѣ полка черезъ Вислу. Говорили, впрочемъ, что

---

[8]) Полковой архивъ. Отношеніе к-ра 2 бриг. 3 гренад. дивизіи, генералъ-маіора Граббе 3-го, от. 23 авг. 1832 г., за № 887, къ командиру л.-гв. Литовскаго полка.

полкъ мало потерялъ съ утратой ящика, въ которомъ не доставало главнаго—денегъ [9]).

Въ день выступленія съ мокотовскаго бивака Цесаревичъ назначилъ дежурнымъ генераломъ гвардейскаго отряда генералъ-маіора Герштенцвейга, а комендантомъ своей главной квартиры—Гродненскаго гусарскаго полка полковника Тимирязева. Второй батальонъ л.-гв. Литовскаго полка Великому Князю угодно было назначить для охраненія своей Особы и главной квартиры, при которой ежедневно одна изъ ротъ этого батальона занимала почетный караулъ. Караулъ этотъ своимъ плачевнымъ видомъ всегда причинялъ большое огорченіе Цесаревичу, обращавшему большое вниманіе на форму одежды и привыкшему къ изяществу, составлявшему такой контрастъ съ тогдашнею далеко не изящною внѣшностью всего отряда [10]).

Единственно возможнымъ способомъ для продовольствія отряда была реквизиція; поэтому, вскорѣ по выступленіи, въ главную квартиру Цесаревича были вызваны поименно по два офицера отъ каждаго пѣхотнаго полка, на которыхъ возложено было порученіе отправиться впередъ въ мѣстечко Козеницы, лежавшее на пути слѣдованія и принадлежавшее тогда графу Мостовскому, [11]) съ тѣмъ, чтобы забрать тамъ продовольственные запасы, собранные, по слухамъ, въ большомъ количествѣ. При этомъ было приказано отнюдь не употреблять насилія, а брать лишь то, что дадутъ, и за все выдавать особыя квитанціи, въ которыхъ было, между прочимъ, сказано, что въ уплатѣ за все забранное Великій Князь ручался всѣмъ своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, оставшимся въ Царствѣ Польскомъ.

Отъ л.-гв. Литовскаго полка были выбраны поручикъ Корниловичъ и подпоручикъ Фокъ. Первому изъ нихъ, какъ говорившему и писавшему по-польски, была поручена раздача вышеупомяну-

---

[9]) Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка. Бараніусъ.

[10]) Изъ разсказовъ А. А. Одинцова.

[11]) Владѣлецъ Козеницы, графъ Мостовскій, былъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго.

тыхъ квитанцій за все, что будетъ взято для отряда. Офицерамъ, командированнымъ для сбора запасовъ, было дано отъ пѣхотнаго полка по 100 нижнихъ чиновъ, а отъ кавалерійскаго—по взводу.

Надежды на добровольную выдачу имѣвшихся припасовъ не сбылись. По прибытіи командъ въ Козеницы, офицеры отправились въ контору имѣнія графа Мостовскаго, объяснили управляющему цѣль прихода и получили въ отвѣтъ, что онъ рѣшительно не имѣетъ никакихъ запасовъ и ничего не можетъ дать войскамъ. Тогда обратились къ бургомистру, который, расквартировавъ отрядъ въ мѣстечкѣ и отведя въ своемъ домѣ квартиру для двухъ литовскихъ офицеровъ, объявилъ имъ подъ большой тайной, что на мызѣ въ амбарахъ дѣйствительно хранятся большіе запасы, неизвѣстно для кого заготовленные.

Въ ночь прибыли къ бургомистру вооруженные люди, которые увѣряли его, что Константинъ Павловичъ убитъ въ Варшавѣ, что никакого русскаго отряда больше не существуетъ, а прибывшіе въ мѣстечко войска ни что иное, какъ горсть солдатъ, ускользнувшая отъ общаго избіенія русскихъ въ Варшавѣ, и что съ этою горстью поступятъ такъ-же, какъ было поступлено съ ихъ соотечественниками въ Варшавѣ.

Подслушавъ этотъ разговоръ, поручикъ Корниловичъ и подпоручикъ Фокъ, изъ предосторожности, тотчасъ-же собрали свою команду, которую и не распускали во всю остальную часть ночи. По прибытіи Цесаревича, ему было доложено обо всемъ вышеизложенномъ, вслѣдствіе чего Великій Князь приказалъ сломать двери амбаровъ, раздать войскамъ все, что въ нихъ найдется, и за все взятое выдать квитанцію. Въ амбарахъ Козеницы было дѣйствительно найдено много разныхъ запасовъ, въ особенности сухарей. Для кого они были заготовлены—осталось неразъясненнымъ.

При этомъ нужно замѣтить, что при докладѣ офицеровъ и при отдачѣ приказаній Цесаревичемъ присутствовалъ состоявшій въ распоряженіи Его Высочества флигель-адъютантъ графъ Мостовскій, сынъ владѣльца мѣстечка Козеницы.

Для обезпеченія дальнѣйшаго продовольствія отряда были собраны команды фуражировъ, въ составъ которыхъ вошли по 120 человѣкъ, при офицерѣ, отъ каждаго пѣхотнаго и по усиленному взво-

ду отъ кавалерійскаго полковъ. Эти команды шли впереди отряда и забирали реквизиціоннымъ способомъ все, необходимое отряду, выдавая за все взятое квитанціи. Фуражиры почти нигдѣ не встрѣчали препятствій для сбора реквизицій; но жители повсюду удивлялись ихъ появленію и относились къ нимъ недовѣрчиво, потому что приходу ихъ постоянно предшествовала молва о смерти Великаго Князя и избіеніи русскихъ войскъ въ Варшавѣ [12]).

Предполагавшаяся переправа черезъ Вислу въ Гурѣ-Кальваріи не могла состояться по недостатку перевозочныхъ средствъ, а потому отрядъ направился къ Пулавамъ. Но тутъ одна польская артиллерійская рота, неизвѣщенная еще о томъ, что диктаторъ Хлопицкій строго запретилъ безпокоить наши войска, приготовилась, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, преградить отряду переправу черезъ Вислу. Не знаемъ, насколько серьезно было это препятствіе, но во всякомъ случаѣ оно могло причинить нашему отряду много хлопотъ, и это первое столкновеніе, вѣроятно, послужило бы сигналомъ къ началу враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Къ счастію, генералъ Вейсфлокъ, квартировавшій въ Люблинѣ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады, во-время сообщилъ этой ротѣ повелѣніе диктатора; рота очистила Пулавы, давъ возможность нашему отряду безпрепятственно переправиться черезъ Вислу 26-го ноября и занять мѣстечко. Въ Пулавахъ въ то время жила извѣстная въ Европѣ своимъ богатствомъ и умомъ престарѣлая княгиня Чарторыйская, мать князя Адама, любимца Императора Александра I. Цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ „Бабу-Ягу,“ какъ называлъ онъ княгиню, при чемъ не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей ея дворни и всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами.

Изъ Пулавъ отрядъ двинулся на Куровъ, Маркушевъ и Каменку къ Любартову. Это направленіе Цесаревичъ избралъ съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. До самаго Любартова отрядъ слѣдовалъ по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣд-

---

[12]) Изъ воспоминаній очевидцевъ. „Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка,“ Бараніуса.

ствіе продолжительной дурной погоды. Въ походѣ маршрута не было, и самъ Цесаревичъ ежедневно составлялъ маршевую диспозицію, часто мѣняя первоначально выбранное направленіе и желая по возможности избѣгать столкновенія съ польскими войсками. По мнѣнію извѣстнаго партизана и писателя Дениса Давыдова, въ этомъ быстромъ и чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль Цесаревича: не подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ. Великій Князь думалъ, что всегда можно приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ, не унижая величія Россіи, пока между нашими и польскими войсками не воспослѣдовало кровавой встрѣчи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, которое могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба враждовавшіе народа и отдалить на неопредѣленное время умиротвореніе страны. Съ одной стороны исчезла бы навсегда возможность выйти съ честью изъ дѣла, начатаго по легкомыслію; съ другой—великодушное забвеніе прошлаго становилось невозможнымъ, и приходилось прибѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Такова была, повидимому, мысль Цесаревича, которою онъ руководился и остался вѣренъ во все продолженіе похода [13]).

Тѣмъ не менѣе отрядъ слѣдовалъ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей военнаго времени. Великій Князь ѣхалъ всегда при авангардѣ, верхомъ, шинель въ рукава, шляпа въ клеенчатомъ чехлѣ [14]). Въ его свитѣ изъ поляковъ оставались: генералъ Рожнецкій, адъютанты Его Высочества Турно и Трембицкій, бывшій командиръ школы подпрапорщиковъ, полковникъ Олендскій и поручикъ 4 лин. полка Горецкій.

Вмѣстѣ съ Горецкимъ къ русскому отряду присоединились 14 рядовыхъ 4-го линейнаго полка польскихъ войскъ. Люди эти, не-

---

[13]) Записки партизана Д. В. Давыдова о польской войнѣ 1830—31 г. г. Русская Старина 1872 г.

[14]) У. Э. А. Пущиной, вдовы Н. Н. Пущина, имя котораго не разъ уже встрѣчалось на страницахъ нашей исторіи, хранился альбомъ съ рисунками ея покойнаго мужа. Въ этомъ альбомѣ, составляющемъ семейную драгоцѣнность, находится весьма удачно сдѣланный портретъ Константина Павловича, изображеннаго верхомъ на лошади, въ длинной, надѣтой въ рукава, шинели и шляпѣ.

хотѣвшіе нарушить присяги, были прикомандированы на все время похода къ л.-гв. Литовскому полку и вскорѣ зачислены въ этотъ полкъ, въ роту Его Высочества.

По словамъ очевидцевъ, со времени варшавскихъ происшествій Великимъ Княземъ овладѣло какое-то уныніе. Онъ не скрывалъ даже своего намѣренія совершенно удалиться отъ дѣлъ и провести остатокъ дней въ спокойствіи и уединеніи. „Карьера моя навсегда окончена,—не разъ говаривалъ онъ и присовокуплялъ тихимъ голосомъ: „На свѣтѣ не существуетъ благодарности.„ Даже во время похода онъ выказывалъ свое расположеніе къ польскимъ солдатамъ. Встрѣчая нѣкоторыхъ изъ нихъ, идущихъ къ своимъ полкамъ, онъ останавливалъ ихъ, ласково разговаривалъ съ ними и никогда не отпускалъ ихъ, не одаривъ щедрою рукою. Въ Любартовѣ Цесаревичъ остановился въ огромномъ палаццо графини Малаховской, которая приняла высокаго гостя съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ, хотя и тутъ бросались въ глаза бѣлыя національныя кокарды. Рожнецкаго графиня не приняла [15]).

Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи отрядъ нигдѣ не встрѣчалъ вооруженнаго противодѣйствія, но недоброжелательство проглядывало на каждомъ шагу. Отстать отъ отряда было крайне опасно. Такъ, однажды, командиръ русской кавалерійской бригады, генералъ-маіоръ Пенхержевскій, командовавшій арьергардомъ, отсталъ отъ полка вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами и расположился въ корчмѣ напиться кофе, котораго не пилъ съ выхода изъ Варшавы. Лишь только успѣли подать кофе, какъ налетѣли польскіе уланы, слѣдившіе за движеніемъ отряда, и едва не забрали въ плѣнъ генерала съ его штабомъ... Однажды, на походѣ, днемъ, генералъ Пенхержевскій донесъ Цесаревичу, что въ тылу отряда скопляется непріятель и замѣчено движеніе войскъ. Великій Князь прискакалъ къ арьергарду, обозрѣлъ мѣстность, выбралъ позицію, ободрилъ войска и рѣшился дать отпоръ. Поляки поняли, какая готовилась имъ встрѣча, и отступили [16]).

---

[15]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова.

[16]) Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 г. Максимовича. Воен. Сборникъ 1875 г.

Понятно, что при такой обстановкѣ отрядъ шелъ крайне осторожно и спѣшилъ выбраться изъ предѣловъ Царства Польскаго, вслѣдствіе чего походъ совершался форсированнымъ маршемъ, почти безъ дневокъ, переходами иногда до 60 верстъ въ сутки. На ночлегахъ войска не распускались по квартирамъ, а располагались бивакомъ, со всѣми предосторожностями военнаго времени.

Во время переходовъ не требовалось строгаго порядка; всякій шелъ въ какой пришлось формѣ и могъ итти и не на своемъ мѣстѣ, лишь бы не отставалъ отъ своей части. Общее бѣдственное положеніе сблизило и какъ бы приравняло всѣхъ; исчезъ даже всякій придворный этикетъ. Слѣдующій фактъ можетъ служить доказательствомъ сказаннаго.

Докторъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка Б. былъ такъже, какъ и всѣ русскіе, застигнутъ варшавскимъ мятежемъ совершенно врасплохъ. Въ чемъ онъ выбѣжалъ на улицу по тревогѣ, въ томъ и выступилъ въ походъ. На Мокотовскомъ полѣ всѣ завидовали его теплой енотовой шубѣ; но эта шуба оказалась тяжелымъ бременемъ, когда пришлось пуститься въ походъ пѣшкомъ. На первомъ-же переходѣ докторъ, увязавшій въ грязи, сталъ выбиваться изъ силъ подъ тяжестью своей шубы; въ то время мимо него ѣхала нарядная запасная, вся обитая штофомъ, карета княгини Ловичъ. Не разсуждая долго, докторъ отворилъ дверцы кареты, никого не спрашивая, помѣстился въ ней и испачкалъ штофъ кареты грязью.

Ни Великій Князь, ни кто другой не удивился этому поступку; онъ показался всѣмъ совершенно естественнымъ. Докторъ Б. прикомандировался къ каретѣ и на слѣдующіе дни [17]).

Далѣе приводимъ выписки изъ дневника одного нашего стараго однополчанина [18]).

„30 ноября отрядъ прибылъ въ г. Влодаву, на польскомъ берегу Буга. Литовскій полкъ стоялъ въ покинутомъ Бенедиктинскомъ монастырѣ, который могъ бы служить хорошимъ мѣстомъ дѣйствія для какого нибудь романа à la Redcliff. Здѣсь полков-

[17]) Изъ разсказовъ очевидцевъ. Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка.
[18]) А. А. Одинцова.

никъ Турно простился съ Цесаревичемъ и отправился въ Варшаву. Я провелъ съ нимъ вечеръ этого дня. Много говорили о несчастіяхъ, ожидающихъ Польшу по случаю возстанія. „Грустный день провели мы на Бугѣ,—сказалъ Турно, прощаясь. Просили его кланяться отъ насъ бывшему нашему бригадному начальнику, генералу Жимирскому."

„2 декабря переправились черезъ Бугъ у Влодавы и вступили на русскую землю, гдѣ насъ встрѣтилъ снѣгъ, какъ бы подтверждая, что мы на родинѣ. Послѣ труднѣйшаго двѣнадцатидневнаго похода по глубокой грязи, при рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, отряду данъ былъ трехдневный отдыхъ. Л.-гв. Литовскій полкъ провелъ эти три дня въ д. Страдычъ и мызѣ Колпино, находящейся на самомъ берегу Буга, противъ польскаго мѣстечка Коденъ, въ которомъ развѣвалось уже бѣлое знамя возстанія."

Походъ за Бугомъ не былъ уже такъ труденъ, потому что совершался въ Литвѣ, тогда еще совершенно спокойной. 7 декабря полкъ вступилъ въ Брестъ-Литовскъ, а 9-го—въ мѣстечко Высоко-Литовскъ, гдѣ остановился на болѣе продолжительное время. Во время пребыванія въ Брестъ-Литовскѣ Цесаревичъ отдалъ слѣдующій приказъ по отряду.

„Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, освѣдомясь изъ всеподданнѣйшихъ моихъ донесеній о всѣхъ событіяхъ, случившихся въ г. Варшавѣ, высочайше соизволилъ повелѣть мнѣ изъявить высокомонаршее благоволеніе всѣмъ г.г. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, равно нижнимъ чинамъ гвардейскихъ войскъ и учебныхъ командъ, находившихся въ Варшавѣ, за отличное усердіе къ службѣ, съ коимъ каждый изъ нихъ исполнялъ долгъ свой при оставленіи сего возмутившагося города и при слѣдованіи затѣмъ въ предѣлы Россіи. Государь Императоръ, въ высочайшемъ своемъ рескриптѣ ко мнѣ по этому случаю, изволилъ изъяснить, что Его Императорское Величество всегда былъ увѣренъ въ преданности оныхъ войскъ и что они при теперешнемъ случаѣ явили тому новый примѣръ."

„Бывъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ того, что всѣ вообще чины означенныхъ войскъ, несмотря на окружавшую ихъ опасность и жертвуя всею своею собственностію, съ безпримѣрнымъ рвеніемъ

спѣшили къ своимъ постамъ и заняли оные, такъ и того, что впослѣдствіи, при слѣдованіи въ Россію, войска сіи и въ особенности нижніе чины, неимѣющіе надлежащей одежды къ предохраненію себя отъ суровости теперешняго холоднаго и ненастнаго времени, при затруднительномъ продовольствіи, находясь всегда на бивакахъ, переносили сіе съ мужествомъ и твердостью, храбрымъ воинамъ приличными,—Я спѣшу съ живѣйшею радостью исполнить высокомонаршую волю изъявленіемъ высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія, по всей справедливости всѣми вообще и каждымъ въ особенности заслуженнаго“ [19]).

Въ окрестностяхъ Высоко-Литовска л.-гв. Литовскій полкъ простоялъ до 23 декабря, т. е. ровно двѣ недѣли. Полковой штабъ, штабъ 1-го батальона и двѣ его роты стояли въ самомъ мѣстечкѣ; остальныя роты въ ближайшихъ деревняхъ. Штабъ 2-го батальона расположенъ былъ также неподалеку, въ д. Менковичахъ. Цесаревичъ и его главная квартира находились въ Высоко-Литовскѣ.

Несмотря на трудность похода, здоровье офицеровъ и нижнихъ чиновъ находилось въ хорошемъ состояніи. Въ Брестъ-Литовскѣ былъ первый госпиталь по выходѣ изъ Варшавы, куда полкъ могъ сдать своихъ больныхъ, и въ этотъ госпиталь сдано всего 8 больныхъ нижнихъ чиновъ. Умершими же, со времени выступленія изъ Варшавы и до прихода въ мѣстечко Высоко-Литовскъ, полкъ потерялъ только одного рядоваго, скоропостижно скончавшагося еще на мокотовскомъ бивакѣ.

Въ Высоко-Литовскѣ къ Цесаревичу прибылъ присланный отъ Государя генералъ-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ. Константинъ Павловичъ, желая показать ему свои войска, сдѣлалъ имъ смотръ. Можно себѣ представить, какъ тяжело было Великому Князю, тѣ части, которыя онъ всегда привыкъ видѣть въ самомъ блестящемъ видѣ, найти въ самомъ жалкомъ положеніи. Нижніе чины были въ ободранныхъ шинеляхъ и дырявыхъ сапогахъ; многіе безъ амуни-

---

[19]) „Приказъ въ войска, состоящія подъ начальствомъ Е. И. В. Цесаревича,“ отъ 4 декабря 1830 года, за № 1. По повелѣнію Великаго Князя, приказъ этотъ былъ занесенъ въ послужные списки всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, участвовавшихъ въ отступленіи гвардейскаго отряда изъ Царства Польскаго.

ціи, а нѣкоторые даже безъ ружей. Чтобы дать понятіе, въ какомъ видѣ представились офицеры на этомъ смотру, достаточно сказать, что командовавшій полкомъ, полковникъ Граббе, вмѣсто того, чтобы быть въ мундирѣ и киверѣ, явился на смотръ въ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; въ такой-же формѣ онъ былъ одѣтъ во все время похода, а вмѣсто шинели прикрывался отъ холода краснымъ одѣяломъ, на манеръ пледа... Передъ первомъ взводомъ шефской роты, во время церемоніальнаго марша, шелъ поручикъ Сумароковъ въ халатѣ, поверхъ котораго была надѣта солдатская шинель, а на головѣ барашковая шапка. Подобнымъ образомъ были одѣты и всѣ остальные офицеры.

Цесаревичъ не выдержалъ и, подъѣхавъ къ полку послѣ церемоніальнаго марша, высказалъ ему свой ужасъ въ довольно рѣзкихъ и непріятныхъ выраженіяхъ. Но послѣ отъѣзда Великаго Князя графъ Орловъ передалъ отъ его имени, что полкъ не долженъ принимать сказанныхъ Его Высочествомъ словъ за укоръ, а только за выраженіе сожалѣнія о томъ положеніи, до котораго офицеры и солдаты доведены несчастнымъ походомъ. Тѣмъ не менѣе, незаслуженный упрекъ Цесаревича произвелъ на Литовцевъ грустное впечатлѣніе; каждый къ тому-же зналъ, что Цесаревичу извѣстна причина дурнаго обмундированія, засвидѣтельствованная даже въ приведенномъ выше приказѣ [20]).

Графъ Орловъ тогда-же объявилъ, что доложитъ Государю Императору о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ полкъ находился не по своей винѣ, но вслѣдствіе того, что всѣ чины его, не заботясь ни о своемъ имуществѣ, ни о семействахъ, все бросили, чтобы исполнить долгъ присяги. При этомъ графъ выразилъ увѣренность, что Его Величество оцѣнитъ подвигъ Литовцевъ и приметъ во вниманіе ихъ бѣдственное состояніе.

Дѣйствительно, матеріальная помощь не замедлила явиться.

Въ весьма непродолжительномъ времени разрѣшено было выдать всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ полка не въ зачетъ годовой окладъ жалованья. Такъ какъ нужда была слишкомъ

---

[20]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова.

выпіюща, и ожидать отпуска денегъ было невозможно, то Цесаревичъ приказалъ принять въ полкъ 13000 руб., въ счетъ слѣдовавшаго за сентябрьскую треть жалованья. Эта сумма, по распоряженію командовавшаго полкомъ, была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: штабъ и оберъ-офицерамъ выдана половина ихъ третнаго жалованья, унтеръ-офицерамъ выдано по семи, рядовымъ—по четыре рубля.

Такимъ образомъ, подана была первая существенная помощь чинамъ полка. Для того-же, чтобы возвратить офицерамъ хоть часть ихъ имущества, оставленнаго въ Варшавѣ, 5 декабря былъ командированъ отъ полка въ этотъ городъ деньщикъ капитана Желтухина (командира роты Его Высочества), Алексѣй *Тараканов*ъ, которому, съ разрѣшенія диктатора Хлопицкаго, было позволено вывезти изъ Варшавы все уцѣлѣвшее имущество офицеровъ Литовскаго полка. Со свойственною русскому человѣку смѣтливостью, Тараканов одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ возмутившемся городѣ собралъ часть вещей тридцати двухъ офицеровъ и привезъ ихъ 7 января 1831 г. въ мѣст. Голынку, гдѣ въ то время отдыхалъ полкъ на широкихъ зимнихъ квартирахъ [21]).

Въ Высоко-Литовскѣ приняты были мѣры для снабженія полка одеждою и амуниціею и приведенія въ порядокъ оружія. Еще во время похода, тотчасъ по вступленіи отряда въ предѣлы Имперіи, командовавшій полкомъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ротные командиры донесли о томъ, чего не доставало, и отправили бы въ полковой штабъ всѣ ружья, требовавшія исправленій. По приходѣ полка въ Высоко-Литовскъ, сдѣлано было распоряженіе о доставленіи изъ Самогитскаго и Луцкаго гренадерскихъ полковъ мундировъ на нижнихъ чиновъ отряда. Такимъ образомъ, въ продолженіе стоянки полка въ Высоко-Литовскѣ, всѣ нижніе чины были снабжены мундирами; мундиры эти выдавались безъ передѣлки немедленно нижнимъ чинамъ, почему полкъ по наружному виду походилъ скорѣе на сборную команду, нежели на гвардейскую часть. Затѣмъ, болѣе всего затрудненій представляла постройка киверовъ, которыхъ не доставало особенно много, вѣроятно, потому, что нижніе

---

[21]) Изъ записокъ А. А. Одинцова. Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка.

чины, имѣвшіе фуражки, походомъ бросали кивера, какъ самый неудобный и отяготительный головной уборъ.

Тѣмъ не менѣе, недостатокъ киверовъ, безъ которыхъ вполнѣ можно было обойтись, болѣе всего безпокоилъ начальство.

Жалкая обувь нижнихъ чиновъ приведена была въ порядокъ. Въ Высоко-Литовскѣ былъ отпущенъ сапожный товаръ на наличное число нижнихъ чиновъ всего полка. Дѣлая распоряженіе о принятіи въ роты сапожнаго товара, командовавшій полкомъ предписалъ ротнымъ командирамъ наблюдать, чтобы сшиты были сапоги свободные и безъ малѣйшаго отступленія отъ формы. Для приведенія въ должный видъ амуниціи было приказано ротнымъ командирамъ тщательно ее осмотрѣть и по возможности исправить, но такъ какъ на исправленіе не было дано никакихъ средствъ, то оно и не могло быть удовлетворительнымъ. Ротнымъ командирамъ было также приказано провѣрить, имѣютъ-ли нижніе чины должное количество патроновъ въ сумкахъ.

Для пополненія недостатка въ обозѣ, по распоряженію высшаго начальства, была зачислена въ полкъ половина фурштатскаго батальона, въ составѣ 8 фурштатскихъ фуръ, при которыхъ состояли: 1 оберъ-офицеръ, 3 унтеръ-офицера, 16 рядовыхъ, 6 мастеровыхъ и 35 лошадей.

Такимъ образомъ, состояніе хозяйственной части полка было нѣсколько улучшено; но приведеніе ея въ должный видъ оказалось возможнымъ не прежде, какъ по возвращеніи полка въ Варшаву и то только при помощи чрезвычайныхъ мѣръ и экстренныхъ, довольно значительныхъ, затратъ [20]).

При расположеніи ротъ по деревнямъ, невдалекѣ отъ польской границы, соблюдались нѣкоторыя мѣры предосторожности. Во всякой деревнѣ долженъ былъ непремѣнно квартировать хотя одинъ офицеръ. У квартиры старшаго стоялъ ефрейторскій караулъ, часовой котораго долженъ былъ, по возможности, наблюдать за всѣмъ, происходившимъ въ деревнѣ. Ротные командиры обязаны были чаще объѣзжать всѣ приписныя деревни своихъ ротъ. Въ деревняхъ на-

---

[22]) Отрывокъ изъ исторіи л.-гв. Литовскаго полка.

значены на случай тревоги, сборные пункты и пути слѣдованія къ центральнымъ сборнымъ пунктамъ. Запрещалось посылать изъ одной деревни въ другую людей невооруженныхъ; въ ночное время ходить поодиночкѣ совершенно запрещалось. Строго запрещено было также охотиться и стрѣлять, дабы не произвести ложной тревоги [23]).

Солдатскія жены и семейства нижнихъ чиновъ, прибывавшія изъ Варшавы, отправлялись немедленно внутрь Имперіи, такъ какъ приказомъ Цесаревича было воспрещено оставлять ихъ при отрядѣ.

Во время стоянки въ Высоко-Литовскѣ полкъ, кромѣ полковыхъ карауловъ, содержалъ караулы при главной квартирѣ Цесаревича, куда посылалось по очереди отъ каждой роты по 60 рядовыхъ, при одномъ офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ [24]).

Среди дѣла молодежь не забывала о себѣ и не упускала случая повеселиться. Второй батальонъ, расположенный въ Менковичахъ, въ этомъ отношеніи былъ поставленъ въ наилучшія условія. „Двѣ недѣли, проведенныя въ Менковичахъ, составляютъ самое пріятное воспоминаніе изъ всего похода,—писалъ одинъ изъ нашихъ старыхъ однополчанъ. „Прекрасное помѣщеніе, хорошій столъ, мягкія постели, тонкое и чистое бѣлье не могли не быть оцѣнены по достоинству послѣ лишеній, нами испытанныхъ. Около Менковичей было много сосѣднихъ помѣщиковъ, которые принимали насъ очень радушно, и мы плясали безъ отдыха, хотя и въ солдатскихъ сапогахъ.“

23 декабря полкъ выступилъ изъ Высоко-Литовска въ дальнѣйшій путь. При выступленіи Великій Князь замѣтилъ, что нѣкоторые офицеры обвязаны разноцвѣтными платками и не имѣли форменныхъ киверовъ, а у нижнихъ чиновъ не была выбѣлена амуниція; предписывалось всѣмъ офицерамъ непремѣнно имѣть кивера, а у кого ихъ не было, взять у нижнихъ чиновъ. 28 декабря полкъ прибылъ въ мѣстечко Голынку, находящееся между Бѣлостокомъ и Волковышками, въ окрестностяхъ котораго простоялъ на широкихъ квартирахъ, въ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій, до 21 ян-

---

[23]) и [24]) Полковые приказы.

варя 1831 года [25]). Изъ полковыхъ приказовъ видно, что въ теченіе этого времени были употреблены всѣ усилія для приведенія матеріальной части полка, въ виду предстоявшей кампаніи, въ надлежащій видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты строгія мѣры для утвержденія въ полку порядка и дисциплины, которые, по свидѣтельству современниковъ, были сильно подорваны труднымъ походомъ. Особенно дурное вліяніе на дисциплину оказывалъ реквизиціонный способъ продовольствія полка, практиковавшійся во все время похода. Для исправленія зла командовавшій полкомъ, полковникъ Граббе, строго слѣдилъ, чтобы ни малѣйшее отступленіе отъ установленнаго порядка службы не проходило безъ примѣрнаго наказанія. И вотъ, опять розги получили широкое примѣненіе. Такъ, напримѣръ, за то что у рядоваго Павлова не былъ ввинченъ кремень въ то время, какъ онъ стоялъ на часахъ, онъ самъ и унтеръ-офицеръ, бывшій за старшаго въ караулѣ, получили каждый по 200 розогъ, а ротный командиръ былъ арестованъ домашнимъ арестомъ на два дня. Въ другой разъ полковникъ Граббе замѣтилъ, что нижніе чины, вернувшись изъ караула, не разрядили ружей, а у одного изъ нихъ оказались ружье и амуниція невычищенными. Командиру роты былъ объявленъ въ приказѣ по полку строгій выговоръ; отдѣленный офицеръ былъ арестованъ на 24 часа, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а караульный и отдѣленный унтеръ-офицеры и рядовой, невычистившій ружья и амуниціи, получили по 200 розогъ.

Вообще полковникъ Граббе не пропускалъ, повидимому, ни одного замѣченнаго имъ безпорядка безъ взысканія. Онъ подвергъ лично различнымъ взысканіямъ, со времени перехода границы до выхода изъ Голынки, т. е. въ теченіе пятидесяти дней, 17 офицеровъ и 14 нижнихъ чиновъ. На офицеровъ всѣ взысканія были наложены за маловажныя упущенія по службѣ [26]).

---

[25]) Дислокація: полковой штабъ въ м. Голынкѣ; штабъ 1-го батальона-мыза Рудова; рота Его Высочества—Крушенуны, Озераны, Санники и Ковальки; 1-я фузелерная—Тодицы, Куля и Клюковцы; 2-я фузелерная—Дубличи, Непорожневцы, Защенинки и Мельтичи; 3-я фузелерная—Рудоблины, Хошонтовцы, Лужаны и Ярыновка. Штабъ 2 батальона—д. Мотовлины; 2-я гренадерская—Тетеревки, Воробьи и Ткачи; 4-я фузелерная—Мостовлины, Диблины и Бустовищна съ мызою; 5-я фузелерная—Колосы, Колодежни, Щубки, Красное и Свислочане; 6-я фузелерная—Бобровинки и Юриловка.

[26]) Полковые приказы. Отрывокъ изъ ист. л.-гв. Литовскаго полка.

Во все время стоянки въ Голынкѣ полкъ занималъ черезъ день караулы, чередуясь съ л.-гв. Волынскимъ полкомъ, при главной квартирѣ Цесаревича, находившейся въ мѣстечкѣ Вепкичей-Брестовицѣ [27]). Великій Князь строго наблюдалъ за соблюденіемъ установленной формы и самъ опредѣлялъ тѣ отступленія отъ нея, которыя считалъ возможнымъ допускать. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ офицерамъ въ походѣ и при вступленіи въ караулъ надѣвать шинели, съ тѣмъ однако, чтобы офицеры ихъ снимали при приближеніи Его Высочества или при вызовѣ караула въ ружье. При этомъ Цесаревичъ опредѣлилъ, какъ носить знакъ, шарфъ и шпагу, когда надѣта шинель.

Между тѣмъ, ряды полка пополнялись возвращавшимися изъ Варшавы нижними чинами. 29 декабря зачислено на лицо 36 рядовыхъ, а 1 января 1831 года—148 рядовыхъ и 15 нестроевыхъ [28]). Люди эти не были взяты въ плѣнъ, а только были оттерты отъ полка и потому имѣли возможность, пробираясь по-одиночкѣ, часто съ большими опасностями, выбраться изъ предѣловъ царства и присоединиться къ полку.

Въ послѣднихъ числахъ декабря прибылъ въ Гродно генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, назначенный главнокомандующимъ арміею для усмиренія польскаго мятежа. Съ его прибытіемъ, приближеніе военныхъ дѣйствій начало чувствоваться сильнѣе. Предписано было отточить тесаки и штыки; неприкосновенный запасъ сухарей и крупъ былъ выданъ въ роты; предписано въ ротахъ имѣть по одной артельной повозкѣ съ лошадью; офицерамъ разрѣшено имѣть вьючныхъ лошадей; заготавливалась корпія для предстоявшей войны и т. п.

Въ началѣ января, по приказанію Цесаревича, приступлено было къ формированію резервовъ для полковъ варшавскаго отряда. Съ этою цѣлью отъ л.-гв. Литовскаго полка отправлены были въ г. Несвижъ 8 оберъ-офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 10 музыкантовъ и 148 рядовыхъ, долженствовавшихъ составить кадръ двухъ ротъ.

---

[27]) Численность караула: оберъ-офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 7, музыкан. 2, рядовыхъ 84.

[28]) Полковые приказы.

Резервы всего отряда отправлены изъ Брестовицы въ Несвижъ 4 января, подъ командой дежурнаго штабъ-офицера бывшаго резервнаго корпуса, полковника Свѣчина, которому поручено было формированіе резервныхъ ротъ и эскадроновъ и выборъ рекрутовъ [29]). Резервными ротами Литовскаго полка командовалъ кап. Жеребцовъ, отправленный потомъ для пріема рекрутъ въ Минскъ. Въ Несвижъ были назначены нижніе чины, прибывшіе изъ Варшавы и другихъ городовъ царства Польскаго безъ одежды и вооруженія. Въ мѣстечкѣ Устилугѣ находился л.-гв. Волынскаго полка поручикъ Бернштейнъ, на котораго возложена была обязанность собирать приходившихъ по-одиночкѣ людей и отправлять командами въ резервныя части ихъ полковъ [30]). Недостававшее число нижнихъ чиновъ было пополнено рекрутами и людьми резервныхъ батальоновъ гренадерскихъ полковъ Самогитскаго и Луцкаго. 21 января 1831 года, по распоряженію главнокомандовавшаго, варшавскій отрядъ, подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Павловича, двинулся къ Бѣлостоку. Въ этотъ день л.-гв. Литовскій полкъ былъ собранъ на мызѣ Пилатовщизна. Послѣ молебствія, отслуженнаго въ присутствіи Цесаревича уніатскимъ ксендзомъ изъ Голынки, полку былъ прочтенъ приказъ генералъ-фельдмаршала, за № 1, въ которомъ объявлялось о началѣ кампаніи противъ мятежниковъ. Затѣмъ, полкъ двинулся къ границамъ Польши, съ исторіей которой такъ тѣсно связано было его существованіе. Это движеніе было слѣдствіемъ общаго сосредоточенія силъ дѣйствовавшей арміи къ границамъ возставшаго царства.

---

[29]) Рапортъ Цесаревича графу Дибичу, отъ 4 января 1831 года. Московск. отд. архива Главн. штаба, опись № 161, связка № 165, дѣло № 942.

[30]) Списокъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, назначенныхъ въ резервныя роты: капитанъ Жеребцовъ,

поручики: Ротъ 9, Леванскій и Мазуркевичъ,

подпоручики: Казариновъ и Елчинъ,

прапорщики: Плудовскій и Боуфалъ. (Вѣдомость, представленная Великому Князю Свѣчинымъ. Моск. отд. архива Главн. шт.).

ГЛАВА XVII.

КАМПАНІЯ 1831 ГОДА.

Роль л.-гв. Литовскаго полка въ этой кампаніи. — Выступленіе изъ Голынки и переходъ границы.—Устройство продовольственной части; реквизиціи и фуражировки.—Переправа черезъ Бугъ.— Грохово. — Расположеніе на тѣсныхъ квартирахъ въ Мястковѣ и Серокомлѣ. — Переходъ къ Сѣдлецу. — Бивакъ у г. Лукова.—Холера.— Исчисленіе ея жертвъ и холерный комитетъ.—Переходъ къ Минску и Сѣдлецу. — Бивакъ у Ополе.—Движеніе къ Остроленкѣ.—Походъ въ Литву. — Смерть графа Дибича Забалканскаго. — Участіе л.-гв. Литовскаго полка въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ.—Смерть Цесаревича Константина и командированіе отъ полка депутаціи.—Преслѣдованіе Роланда.—Народная война.—Высочайшій приказъ войскамъ бывшаго варшавскаго отряда по поводу кончины Цесаревича. — Назначеніе новаго шефа и причисленіе полка къ составу гвардейскаго корпуса. — Движеніе на соединеніе съ главными силами.—Надаржинъ.—Приготовленія къ штурму Варшавы.—Передвиженія полка на полѣ битвы 25-го и 26 августа.—5-ый полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ при атакѣ укрѣпленія № 54.—Потери. – Награды.—Вступленіе въ Варшаву.—Возвращеніе плѣнныхъ.—Перемѣна формы.—Самоубійство полковаго командира. — Приказъ о формированіи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Въ кампанію 31 года л.-гв. Литовскій полкъ не участвовалъ въ блестящихъ дѣлахъ, не покрылъ себя неувядаемою славою подобно тому, какъ въ отечественную войну 1812 года, но за то въ высокой степени выказалъ то пассивное мужество, которое, проявляясь въ терпѣливомъ перенесеніи разнаго рода трудовъ и лишеній, служитъ залогомъ блестящихъ успѣховъ и составляетъ отличительную черту русскаго воина.

Съ начала кампаніи и почти до взятія Варшавы гвардейскій отрядъ сохранилъ свою отдѣльную организацію и въ оффиціальной перепискѣ, во все время войны, носилъ названіе гвардейскаго отряда Цесаревича. Несмотря на свою малочисленность, отрядъ этотъ имѣлъ своего „Начальника Главнаго Штаба,“ въ лицѣ генерала отъ

инфантеріи графа Куруты и своего дежурнаго генерала — Герштенцвейга. Въ составѣ дѣйствующей арміи отрядъ Цесаревича образовывалъ какой-то отдѣльный мірокъ, врываться въ сферу котораго главнокомандующій, по возможности, избѣгалъ. Можно предполагать, что графъ Дибичъ, до отъѣзда Константина Павловича изъ арміи, стѣснялся вводить части варшавскаго отряда въ дѣло и держалъ ихъ въ резервѣ.

Переносить лишенія войны, не участвуя въ дѣлахъ, не раздѣляя славы своихъ боевыхъ товарищей, вообще тягостно; но бездѣйствіе и прозябаніе въ тылу, для полковъ гвардейскаго отряда, было вдвойнѣ непріятно. Въ арміи и даже во всемъ русскомъ обществѣ, не исключая и высшихъ его сферъ, составился ложный взглядъ на варшавскія событія, ложный, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ русскимъ полкамъ, застигнутымъ въ Варшавѣ возстаніемъ 17 ноября. Существовало мнѣніе, что варшавскій гвардейскій отрядъ могъ задержать распространеніе революціоннаго движенія въ Польшѣ и, во всякомъ случаѣ, сдѣлать больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, и что причины его бездѣйствія крылись, будто бы, въ данной ему польской окраскѣ. Насколько распространенъ былъ этотъ взглядъ, можетъ служить доказательствомъ холодный, почти непріязненный пріемъ, сдѣланный Литовскому и Волынскому полкамъ, когда они, образовавъ 5-ю гвардейскую бригаду, присоединились подъ Надаржинымъ, 14 августа, къ войскамъ гвардейскаго корпуса. Объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Вполнѣ понятно, что съ самаго начала кампаніи въ средѣ офицеровъ и солдатъ бывшаго варшавскаго гвардейскаго отряда господствовало общее желаніе доказать на дѣлѣ свою готовность умереть за Царя и Отечество, сгладить ту тѣнь, которая незаслуженно легла на нихъ. Со стороны графа Дибича было бы вполнѣ справедливо помочь осуществленію этого скромнаго желанія. Можетъ быть, онъ самъ не зналъ настроенія, господствовавшаго въ гвардейскомъ отрядѣ, и сомнѣвался въ его твердости и боевой годности... Утверждаютъ, впрочемъ, что Императоръ Николай Павловичъ, назначая гвардейскій корпусъ въ составъ дѣйствующей арміи, далъ секретное повелѣніе главнокомандующему не вводить гвардію въ дѣло безъ крайней необходимости. Очень можетъ быть, что это повелѣніе относилось и къ войскамъ Цесаревича.

И такъ, л.-гв. Литовскій полкъ, въ кампанію 31 года, за исключеніемъ рѣдкихъ и неважныхъ случаевъ, о которыхъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, осужденъ былъ на бездѣйствіе, т. е. не сталкивался съ врагомъ лицомъ къ лицу, а только издали слушалъ пушечный концертъ, былъ зрителемъ тѣхъ ужасныхъ сценъ, которыя бываютъ въ тылу армій послѣ сраженій, и переносилъ всѣ лишенія труднаго похода... Роль тяжелая и неблагодарная.

Поэтому-то во всѣхъ описаніяхъ польской кампаніи 1831 года имя л.-гв. Литовскаго полка встрѣчается рѣдко. Но это еще не значитъ, что полкъ бездѣйствовалъ. Въ теченіе $6^1/_2$ мѣсяцевъ, т. е. со дня выступленія изъ м. Голынки, близъ Бѣлостока (21 января), и до присоединенія къ гвардейскому корпусу у Надаржина (6 августа), полкъ исколесилъ по царству Польскому и Литвѣ болѣе двухъ тысячъ верстъ [1]), совершалъ страшно утомительные переходы, бивакировалъ въ снѣгу, утопалъ въ грязи; во время сраженій простаивалъ мучительные часы подъ ружьемъ, въ полной готовности къ бою, напрасно ожидая своей очереди; зачастую голодалъ, страдалъ отъ холеры и другихъ болѣзней,—словомъ, въ полной мѣрѣ испытывалъ все то, о чемъ въ реляціяхъ не упоминается, а въ описаніяхъ кампаній говорится только вскользь, но что было бы непростительно опустить на страницахъ исторіи полка, исторіи по преимуществу бытовой.

Мы оставили полкъ 11 января, въ день выступленія изъ м. Голынки. 23 января онъ пришелъ въ Бѣлостокъ, гдѣ былъ встрѣченъ фельдмаршаломъ и Великимъ Княземъ Цесаревичемъ. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ, наружность графа Дибича не производила на войска внушительнаго впечатлѣнія: толстый, съ большой головой и коротенькими ножками; по-русски говорилъ плохо и всегда горячился, за что солдаты прозвали его самоваромъ.

Проведя дневку въ Бѣлостокѣ, л.-гв. Литовскій полкъ 25 января выступилъ по направленію къ границѣ царства и 27-го перешелъ эту границу въ мѣстечкѣ Суражѣ, переправясь тамъ черезъ Наревъ.

---

[1]) См. карту движеній л.-гв. Литовскаго полка въ кампанію 1831 года.

Передъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ царство Польское фельдмаршалъ обнародовалъ прокламацію къ его жителямъ, въ которой, отъ имени Государя, обѣщалъ амнистію тѣмъ изъ нихъ, кои возвратятся къ повиновенію русскимъ властямъ. Прокламація произвела нѣкоторое дѣйствіе только на крестьянъ, изъ которыхъ большинство оставались на мѣстахъ. По приказу фельдмаршала, офицеры и солдаты должны были имѣть на киверахъ высокія еловыя вѣтви въ ознаменованіе того, что русская армія приноситъ Польшѣ миръ.

По первымъ переходамъ, сдѣланнымъ въ царствѣ Польскомъ, видно было, что предстоявшій походъ будетъ однимъ изъ труднѣйшихъ, благодаря оттепели, наступившей съ выходомъ изъ Бѣлостока и разстроившей первоначальный планъ графа Дибича, который былъ разсчитанъ на холодное время года и возможность перехода рѣкъ по льду. Снѣгъ сошелъ съ полей, рѣки вскрылись, дороги исчезли въ невылазной грязи, такъ что люди двигались по колѣни въ водѣ, а обозы совершенно утратили возможность двигаться, лишивъ войска предметовъ первой необходимости.

Чтобы объяснить, почему въ эту кампанію войска такъ часто голодали, сдѣлаемъ краткій очеркъ устройства продовольственной части. Въ первую половину кампаніи продовольственная часть находилась въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, благодаря отсутствію правильно организованныхъ перевозочныхъ средствъ, какъ въ арміи, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ. Распоряженія по продовольствію арміи, выраженныя въ приказахъ и приказаніяхъ графа Дибича и его ближайшихъ помощниковъ, были трудновыполнимы на практикѣ и нерѣдко противорѣчили одно другому. Перечитывая ихъ, рѣшительно теряешься въ догадкахъ, какой способъ продовольствія признанъ былъ наиболѣе возможнымъ и удобнымъ. Предвидя недостатокъ въ продовольствіи, фельдмаршалъ, съ переходомъ границы царства, уменьшилъ дневную дачу провіанта, принявъ за основаніе такъ называемый ашаффенбургскій тарифъ, утвержденный въ 1813 году Барклаемъ-де-Толли [2]). Несмотря на

---

[2]) По этому тарифу каждый солдатъ получалъ въ день:
Хлѣба 2 фунта, или $1^3/_4$ ф. муки, или $1^1/_4$ ф. сухарей.
Крупъ или рису $^1/_4$ ф. или 1 ф. картофеля.
Мяса $^1/_2$ ф. Соли въ мѣсяцъ 1 ф. Кромѣ того, два или три раза въ недѣлю давалась винная порція.

эту мѣру, запасовъ, собранныхъ на базѣ, не хватало и на двѣ недѣли, и войскамъ разрѣшено было довольствоваться реквизиціоннымъ способомъ, который, въ концѣ-концовъ, несмотря на запрещеніе главнокомандующаго (предписанія отъ 9 марта, №№ 671—677), принималъ видъ простыхъ фуражировокъ. Части войскъ продовольствовались, какъ увидимъ выше на примѣрѣ Литовскаго полка, какъ Богъ послалъ. Голодные фуражиры бродили по деревнямъ, забирая скудные запасы поселянъ, часто даже невымолоченный хлѣбъ, и уводя скотъ. Нужно-ли говорить, въ какомъ положеніи находились крестьяне, у которыхъ брали ихъ послѣдніе запасы и скотъ, выдавая имъ квитанціи, расплата по которымъ должна была произойти въ отдаленномъ будущемъ. Но не въ лучшемъ положеніи находились и наши войска, продовольствіе которыхъ зависѣло отъ случая.

Отсутствіе при арміи перевозочныхъ средствъ, подвижныхъ магазиновъ, продовольственныхъ парковъ и т. п. возлагало на части войскъ заботу о своемъ продовольствіи, о сохраненіи и перевозкѣ запасовъ провіанта. Для Литовскаго полка, потерявшаго весь свой обозъ въ Варшавѣ, такое положеніе дѣлъ представляло большія неудобства и даже бѣдствія. При вступленіи въ царство полкъ имѣлъ при себѣ десятидневный запасъ провіанта: въ ранцахъ на 4 дня и въ обозѣ на 6 дней. Этотъ шестидневный запасъ, патроны, подвижной лазаретъ и проч. везлись за полкомъ на обывательскихъ подводахъ, которыхъ на каждомъ переходѣ требовалось не менѣе 120, не считая повозокъ, нужныхъ для ротъ. Собираніе подводъ на каждомъ ночлегѣ, въ странѣ, населеніе которой относилось къ намъ враждебно, представляло, конечно, большія затрудненія, такъ какъ мѣстныхъ административныхъ властей почти не существовало и полку самому приходилось добывать подводы. Каждая рота должна была представить въ полковой штабъ 16 подводъ, для сбора которыхъ въ окрестныя деревни посылались вооруженныя команды.

Подводы собраны, уложены, двинулись... Но затѣмъ полковой транспортъ увязаетъ въ грязи, отстаетъ на нѣсколько переходовъ

Оберъ-офицеръ получалъ: хлѣба 2 ф., крупъ $^1/_4$ ф., мяса 1 ф. Штабъ-офицеръ — вдвое.

и полкъ остается при скудномъ ранечномъ запасѣ сухарей, который къ тому-же предписано беречь на случай ожидаемаго сраженія. И вотъ, по приходѣ на дневку или ночлегъ, команды фуражировъ отправляются по деревнямъ для сбора хлѣба и припасовъ. О правильной реквизиціи нечего и думать: край разоренъ—нужно брать все, что попадается подъ руку. Очень часто въ деревняхъ ничего не находили, кромѣ невымолоченной ржи, ячменя или гороха; иногда и того не было. Команды отправлялись на фуражировку съ цѣпами и мѣшками, вымолачивали хлѣбъ на мѣстѣ, а затѣмъ въ мѣшкахъ приносили зерно домой. Такимъ способомъ пополнялся ранечный запасъ, незамѣтно таявшій, вопреки распоряженіямъ начальства.

Такой способъ продовольствія, очевидно, былъ возможенъ только при остановкахъ; молотьба, перемолъ въ муку, печеніе хлѣба, сушка сухарей — все это требовало много времени и труда. При безпрерывныхъ передвиженіяхъ такая процедура не была возможна, а потому предписывалось, если хлѣба у обывателей не имѣется, давать людямъ картофель, замѣняя 1 фунтъ хлѣба четырьмя фунтами картофеля [3]). Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находился желудокъ солдата, съѣвшаго, вмѣсто двухъ фунтовъ хлѣба, восемь фунтовъ картофеля!...

Четырехдневный сухарный запасъ люди носили поверхъ ранцевъ, въ клеенчатыхъ мѣшечкахъ, нарочно для этого сшитыхъ. Въ полковыхъ приказахъ то и дѣло читаемъ напоминанія о неприкосновенности этого небольшаго запаса, а нерѣдко тутъ-же и выговоры ротнымъ командирамъ за то, что сухарные мѣшки пусты или вмѣсто сухарей набиты соломой [4]). Сухари противозаконно съѣдены, а чтобы клеенчатый мѣшокъ не терялъ своей правильной четырехъ-угольной формы, зачѣмъ строго слѣдили, солдаты набивали его соломой.

Для довольствія людей мясомъ, за полкомъ гнали всегда нѣсколько быковъ, захваченныхъ фуражирами.

---

[3]) Приказъ по полку отъ 19 марта, основанный на распоряженіи главнокомандовавшаго.

[4]) Полковые приказы за февраль, мартъ и апрѣль 1831 года.

Фуражировки, не обезпечивая правильность продовольствія, имѣли еще ту невыгодную сторону, что оказывали вредное вліяніе на состояніе въ полку дисциплины: онѣ неизбѣжно влекли за собой злоупотребленія и безпорядки. Прочитывая приказы по полку, видимъ, что для прекращенія этихъ безпорядковъ были приняты строгія мѣры. Такъ, въ приказѣ отъ 1 февраля обращается вниманіе на то, чтобы начальники командъ, отправляемыхъ для фуражировокъ, строже наблюдали за поведеніемъ ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Одинъ рядовой за какой-то „противной и непростительной проступокъ," сущность котораго въ приказѣ не изложена, тѣмъ-же приказомъ присужденъ къ наказанію двумя стами ударами тесаковъ; а начальникъ команды, прапорщикъ Фокъ, арестованъ на три дня „за столь малое смотрѣніе." Приказомъ по полку отъ 22 февраля, по повелѣнію Цесаревича, преданъ военному суду въ 24 часа рядовой Копѣйчукъ, отнявшій торбу у обывателя; по приговору суда, Копѣйчукъ былъ наказанъ 600 ударами розогъ и переведенъ въ армію.

Въ мартѣ арендаторъ и крестьяне одной деревни заявили претензію, что команда фуражировъ Литовскаго полка, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, забрала нѣкоторыя вещи. По приказанію главнокомандовавшаго, начальникъ команды, подпоручикъ Энгельманъ, былъ присужденъ къ уплатѣ арендатору и крестьянамъ 1489 злотыхъ и къ аресту на 7 сутокъ въ вагенбургѣ „за слабое смотрѣніе."

Фельдмаршалъ зналъ, какъ мало обезпечивали фуражировки продовольствіе войскъ и какъ вредно было вліяніе ихъ на духъ нижнихъ чиновъ. Въ предписаніи его генералъ-интенданту, отъ 4 апрѣля, за № 991, читаемъ: „Для прекращенія безпорядковъ, неразлучныхъ съ произвольными фуражировками, необходимо строжайше воспретить сіи фуражировки и подчинить даже сборъ соломы извѣстному порядку, чтобы войска ни подъ какимъ видомъ сами ничего не забирали, но все, въ возможной мѣрѣ, доставлялось бы имъ отъ жителей, по предварительному распоряженію и назначенію мѣстнаго начальства." Несмотря на то, фуражировки практиковались еще долго, отмѣнены только приказомъ по арміи отъ 20 мая, за № 236, и замѣнены покупкой и поставками черезъ посредство мѣстнаго начальства; отмѣнены, хотя никогда не были разрѣшаемы.

Первоначальный планъ фельдмаршала Дибича заключался въ томъ, чтобы, перейдя границу съ 1 и 6 пѣхотными, 3 резерв. кавалерійскимъ корпусами и отрядомъ Цесаревича, двинуться къ Остроленкѣ и привлечь туда вниманіе поляковъ; на высотѣ этого пункта быстро повернуть влѣво, переправиться по льду черезъ Бугъ у Вышкова и черезъ Радиминъ итти на Прагу. Планъ этотъ, какъ мы уже сказали выше, основанный на возможности переправы рѣкъ по льду, былъ разстроенъ оттепелью; поэтому рѣшено было переправиться на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала военнымъ дѣйствіямъ; стянуть войска къ Венгрову и Сѣдлецу и обрушиться на правый флангъ польской арміи, сдѣлавъ брестскую дорогу своей операціонной линіей. Во исполненіе этого новаго плана, л.-гв. Литовскій полкъ, вмѣсто предполагавшагося движенія къ Остроленкѣ, былъ двинутъ къ Нуру, гдѣ 31 января переправился черезъ Бугъ. Ледъ на Бугѣ былъ ненадеженъ, вода выступала изъ береговъ, а потому для усиленія льда пришлось прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ: дорогу покрывали досками и соломой и поливали водой.

Послѣ переправы полкъ двигался за корпусомъ графа Палена по сѣдлецкой дорогѣ, которая въ то время представляла собою видъ трясины. Такъ какъ возможность встрѣчи съ непріятелемъ ожидалась каждую минуту, то движеніе совершалось съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей, а взводы застрѣльщиковъ были вызваны передъ батальоны. Несмотря на трудность перехода, полкъ къ вечеру 1 февраля прибылъ къ м. Соколову, сдѣлавъ въ этотъ день тридцативерстный переходъ. Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ движеніи полка выписываемъ изъ дневника стараго литовца, совершившаго кампанію въ рядахъ полка [5]).

„2 февраля. Войска выступили; но по случаю болѣзни Цесаревича 1-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка оставленъ при немъ въ Соколовѣ. Въ этотъ день произошло несчастное для насъ сраженіе подъ Сточекомъ, въ которомъ Дверницкій разбилъ Гейсмара и взялъ у него 8 орудій, за что поляки прозвали его поставщикомъ русской артиллеріи для польской арміи.“

---

[5]) А. А. Одинцова.

„3 февраля полкъ прибылъ въ Сѣдлецъ. Комендантомъ города назначенъ нашъ полковникъ Пущинъ, а плацъ-адъютантомъ—прапорщикъ Лыщинскій“ [6]).

„5 февраля стояли бивакомъ близь опустошенной мызы Минчосы (на половинѣ дороги между Сѣдлецомъ и Калушинымъ). Помѣщичій домъ совершенно разграбленъ; каминъ топили разбитыми фортепіанами. Цѣлый день слышали канонаду: Паленъ 1-й и Розенъ дрались при Калушинѣ и Добре.“

„7 февраля произошло кровопролитное сраженіе у корчмы Ваверъ, послѣ котораго польская армія отступила къ Грохову. Наша главная квартира перенесена въ д. Милосну и прикрыта гвардейскимъ отрядомъ Цесаревича и 3-й кирасирской дивизіей.“

„Подъ Ваверомъ нашими войсками захваченъ въ плѣнъ почти цѣлый батальонъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка, нѣкогда составлявшаго съ нашимъ полкомъ одну бригаду. Увидѣли многихъ офицеровъ, встрѣтили ихъ радушно, кромѣ одного—Борткевича, котораго подозрѣвали въ томъ, что онъ не подалъ помощи Петру Грессеру, едва не убитому чернью 18 ноября.„

„Послѣ сраженія при Ваверѣ раненыхъ множество; а медицинскія средства оказались весьма недостаточными. Помогали раненымъ деньгами, по невозможности достать хлѣба или вина. Полкъ нашъ расположенъ бивакомъ передъ сел. Милосной, по правую сторону дороги, ведущей въ Варшаву, гдѣ простоялъ до 12 февраля включительно. Близь нашего бивака погребали убитыхъ. Цесаревичъ оставался на мызѣ, лѣвѣе Милосны. Мы построили шалаши

---

[6]) Оба находились въ этихъ должностяхъ до 20 октября 1831 года. Въ послужномъ спискѣ полковника Пущина объ этомъ періодѣ его службы читаемъ: „3 февраля 1831 г. назначенъ комендантомъ г. Сѣдлецъ, гдѣ при нападеніи мятежниковъ на этотъ городъ въ короткое время сформировалъ изъ выздоровѣвшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ шесть комплектныхъ взводовъ, вполнѣ вооруженныхъ, коими и командовалъ въ сраженіи при *Игане*. 5 іюня, при отступленіи генмаіора Герштенцвейга передъ превосходными силами мятежниковъ къ г. Мендзыржецу, командовалъ сначала пѣхотою отряда, а потомъ и всѣмъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4-хъ батальоновъ пѣхоты, 4-хъ орудій и 1-й сотни казаковъ.“ За эти дѣла полковн. Н. Н. Пущинъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, а прапорщикъ Лыщинскій произведенъ за отличіе въ слѣдующій чинъ. (Полковой архивъ).

изъ еловыхъ вѣтвей. Хлѣба мало; мяса и водки довольно; вода отвратительная. Солдаты чистятъ оружіе, чинятъ амуницію и готовятся къ сраженію. Всѣ желаютъ быть въ дѣлѣ, чтобы не считаться рекрутами. Фельдмаршалъ Дибичъ, подъѣхавъ разъ къ нашему полку, сказалъ:

„Гренадеры, работайте болѣе штыкомъ, какъ васъ училъ Суворовъ и я также учу!...“

13 февраля происходилъ знаменитый бой подъ Гроховымъ, который долженъ бы былъ окончить войну, если бы графъ Дибичъ умѣлъ воспользоваться одержанной нами побѣдой. Во время сраженія л.-гв. Литовскій полкъ простоялъ у корчмы Ваверъ. Сраженіе окончилось въ $4^1/_2$ часа. Поляки въ безпорядкѣ отступали къ Прагѣ; канонада еще продолжалась нѣкоторое время, но вскорѣ и она затихла подъ покровомъ мглистаго вечера. Отъ пороховаго дыма и тумана сдѣлалось такъ темно, что въ нѣсколькихъ шагахъ съ трудомъ можно было что либо разглядѣть. И долго еще, до глубокой ночи, слышенъ былъ въ польскомъ станѣ глухой шумъ отъ повозокъ и орудій, тянувшихся по пражскому мосту. Вслѣдствіе общаго движенія нашей арміи впередъ, л.-гв. Литовскій полкъ былъ двинутъ къ Грохову, гдѣ провелъ ночь на бивакѣ.

Утромъ надъ Прагою показались клубы дыма и большое пламя: поляки сжигали дома, чтобы очистить пространство, необходимое для защиты тетъ-де-пона. Неожиданный пожаръ Праги былъ какъ бы отвѣтомъ на обманчивую надежду, что въ это утро польская армія сдастся на капитуляцію.

Такимъ образомъ, наша блестящая, но недовершенная побѣда не принесла ожидаемыхъ выгодъ. 14 февраля, вмѣсто необходимаго штурма, войскамъ данъ былъ отдыхъ. Вся русская армія цѣлый день спокойно простояла передъ Варшавой, ничего не предпринимая. Къ вечеру поле битвы было очищено, и войска отодвинуты назадъ. Л.-гв. Литовскій полкъ занялъ свой прежній бивакъ впереди Милосны, гдѣ простоялъ до 23 февраля, т. е. почти 10 дней. Въ продолженіе всего этого времени погода была отвратительная; то дождь, то снѣгъ, такъ что люди всегда были мокры. „Къ тому-же, говоритъ одинъ изъ участниковъ,—напала на насъ вошь въ невообразимомъ множествѣ, какъ одна изъ египетскихъ казней. Мясо и картофель

должны были добывать реквизиціями, что еще болѣе возстановило противъ насъ жителей; дача сухарей уменьшена. Въ арміи господствуетъ неудовольствіе противъ Дибича за обманутыя надежды занятія Варшавы и за уменьшеніе сухарной дачи."

Вслѣдствіе невозможности взять Прагу постепенною атакою за недостаткомъ осаднаго парка, фельдмаршалъ рѣшилъ выждать спаденія водъ съ тѣмъ, чтобы переправиться на лѣвую сторону Вислы гдѣ либо выше Варшавы. До возможнаго времени переправы оставалось болѣе мѣсяца; поэтому войска рѣшено было поставить на тѣсныя квартиры. 23 февраля армія отступила отъ Варшавы на тѣсныя квартиры, оставивъ на брестскомъ шоссе VI корпусъ Розена. Штабъ-квартирой гвардейскаго отряда назначено м. Желеховъ, находившееся въ Подлясскомъ воеводствѣ (верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ Ивангорода). Л.-гв. Литовскій полкъ былъ расположенъ па тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ мѣст. Мястькова, въ 8 вер. отъ Желехова, гдѣ приходилось терпѣть самый ощутительный недостатокъ во всѣхъ предметахъ первой необходимости. Нижніе чины размѣщены были до-пельзя тѣсно—человѣкъ по 30 въ одной избѣ, вслѣдствіе чего болѣзненность значительно усилилась.

Изъ Желехова Цесаревичъ уѣхалъ изъ арміи въ Витебскъ, передавъ командованіе гвардейскимъ отрядомъ графу Курутѣ.

Въ м. Мястковѣ л.-гв. Литовскій полкъ простоялъ до 18 марта, а затѣмъ былъ передвинутъ въ м. Серокомлю, неподалеку отъ Коцка, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала. Новое квартирное расположеніе полка было нѣсколько лучше прежняго, потому что па роту приходилось отъ 18 до 20 домовъ [7]). Это передвиженіе полка вызвано сосредоточеніемъ арміи къ мѣсту переправы черезъ Вислу, предпринятой фельдмаршаломъ. 22 марта полкъ былъ придвинутъ еще ближе къ Вислѣ, въ д. Будлиски, близъ которой простоялъ бивакомъ. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились: русская армія должна была на время перейти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное и отказаться отъ переправы па лѣвый берегъ Вислы выше Варшавы. Извѣстіе о наступленіи польской

---

[7]) Приказы по л.-гв. Литовскому полку за февраль и мартъ 1831 г.

арміи противъ VI корпуса и о катастрофѣ, постигшей барона Розена подъ Дембе-Вельке, заставило графа Дибича спѣшить къ Сѣдлецу на соединеніе съ барономъ Розеномъ. 23 марта армія была сосредоточена къ Рыкамъ, откуда четырьмя колоннами совершила фланговый маршъ къ Сѣдлецу. Л.-гв. Литовскій полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, двигался въ самой дальней отъ непріятеля колоннѣ, совершивъ маршъ этотъ, въ видѣ полукружія, черезъ Радинъ и Луковъ къ Сѣдлецу. Не вступая въ этотъ городъ, полкъ простоялъ 30 и 31 марта и 1 апрѣля бивакомъ у д. Вишнева, а затѣмъ былъ двинутъ къ Лукову, близъ котораго простоялъ бивакомъ до 12 апрѣля. Въ Луковѣ свирѣпствовала холера, и городъ почти опустѣлъ.

Утомительные переходы, недостатокъ продовольствія, болотистый бивакъ вблизи опустошеннаго холерою Лукова, не могли остаться безъ гибельныхъ послѣдствій для здоровья. Число заболѣвающихъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось и увеличивалось; но оно достигло громадной цифры, когда съ приходомъ на луковскій бивакъ, въ полку появилась новая гостья — страшная въ то время— холера. 6 апрѣля въ полку было два случая заболѣванія, а затѣмъ эпидемія сдѣлала страшные успѣхи и поглотила не мало жертвъ. Въ теченіе шести дней съ 9 по 14 апрѣля въ полку заболѣло одною холерою, не считая другихъ болѣзней, двѣсти двадцать человѣкъ. Болѣзнь дѣйствовала такъ быстро, что нѣкоторые умирали тутъ-же на бивакѣ или по дорогѣ въ госпиталь. Сначала больныхъ холерою отправляли только въ подвижной госпиталь, учрежденный въ Луковѣ, но черезъ нѣскодько дней уже всѣ ближайшіе госпитали— Луковскій, Радинскій и Сѣдлецкій—были переполнены больными, и л.-гв. Литовскій полкъ отправлялъ своихъ холерныхъ въ Кляшторъ (монастырь) Доброчинности, находившійся неподалеку, гдѣ больные оставались почти безъ всякой медицинской помощи. Въ теченіе апрѣля мѣсяца число нижнихъ чиновъ въ полку, заболѣвшихъ холерою, простиралось до 300 [8]). Къ сожалѣнію, невозможно даже и приблизительно опредѣлить цифру умершихъ; безспорно только,

---

[8]) Полковые приказы за апрѣль 1831 г.

что болѣзненность и смертность въ это несчастное для полка время были очень велики, и ряды Литовцевъ съ каждымъ днемъ рѣдѣли. Заболѣвали и офицеры, но умеръ только одинъ—прапорщикъ Овандеръ. „Грустные дни проводили мы подъ Луковымъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о кампаніи 31 года.

Послѣ первыхъ случаевъ появленія холеры въ арміи, фельдмаршалъ учредилъ особый комитетъ съ цѣлью изученія признаковъ этой болѣзни и мѣръ, предохраняющихъ отъ нея. Интересно, что всѣ предохранительныя мѣры, выработанныя этимъ комитетомъ, совершенно не соотвѣтствовали обстановкѣ, въ которой находилась тогда армія; рекомендовались хорошая и даваемая во-время пища, теплая одежда, предохраненіе ногъ отъ сырости и т. п. Изъ всѣхъ совѣтовъ, предложенныхъ комитетомъ, оказалось возможнымъ только — носить на тѣлѣ, подъ рубахой, набрюшники (для чего употреблены были наушники) и подбавлять въ винныя порціи перецъ. Вообще комитетъ въ этомъ случаѣ сыгралъ роль того врача, который, не вникая въ обстановку больнаго бѣдняка, совѣтуетъ ему регулярный образъ жизни и прописываетъ дорого стоющія лекарства.

Во время стоянки отряда Цесаревича у Лукова было получено извѣстіе, что отрядъ польскаго генерала Паца перешелъ на правый берегъ Вислы и расположился между Лятовицами и Гарволинымъ. Вслѣдствіе этого, 12 апрѣля, въ 11 часовъ вечера, послѣ молебна, гвардейскій отрядъ оставилъ луковскіе биваки, угрожавшіе сдѣлаться его могилой, и выступилъ противъ отряда Паца. Ночью аванпосты наши встрѣтились съ арьергардомъ Паца, который быстро началъ отступать. 14 апрѣля полкъ расположился на бывшемъ польскомъ бивакѣ подъ Чегловымъ; но въ этотъ же день весь гвардейскій отрядъ генерала Герштенцвейга потребовали впередъ для поддержки корпуса Палена, который дрался тогда у Минска.

Задуманный графомъ Дибичемъ планъ обхода праваго фланга противника не удался. Польская армія, какъ извѣстно, въ отличномъ порядкѣ отступила къ Прагѣ, а русскіе, страдая попрежнему недостаткомъ продовольствія, перешли къ Сѣдлецу. Л.-гв. Литовскій полкъ двигался черезъ Куфлевъ и 18-го былъ въ

Сѣдлецѣ. По дорогѣ отъ Минска къ Сѣдлецу всѣ деревни были выжжены; жителей почти не было; дороги непроходимы отъ грязи. Холера не прекращалась, хотя уже не свирѣпствовала съ такою силою, какъ въ Луковѣ; въ полку заболѣвало въ день среднимъ счетомъ отъ 5 до 10 человѣкъ.

19 апрѣля, первый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, полкъ провелъ въ Сѣдлецѣ. Заутреню служилъ полковой священникъ Троянскій. Выбравшись изъ Варшавы черезъ нѣсколько дней послѣ выступленія оттуда полка и перенеся на пути множество лишеній, этотъ почтенный пастырь присоединился къ полку во время его стоянки близъ Бѣлостока и, несмотря на всѣ трудности похода, не оставлялъ полкъ до окончанія кампаніи.

21 апрѣля полкъ расположился бивакомъ у д. Ополе [9]), гдѣ простоялъ въ совершенномъ бездѣйствіи до 30 апрѣля. Ополе оставлена жителями и совершенно разорена; остались однѣ трубы, казавшіяся въ лунную ночь какими то надгробными памятниками. 29 апрѣля была захвачена въ плѣнъ поляками команда, состоявшая изъ семи человѣкъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера 4-й фузелерной роты Ивана Бычкова, посланная отъ полка въ г. Сѣдлецъ для пріема воловъ и водки [10]). Бычковъ впослѣдствіи бѣжалъ изъ плѣна и явился въ полкъ 17 іюля; остальные нижніе чины оставались въ плѣну до взятія Варшавы.

Въ концѣ апрѣля шпіоны донесли фельдмаршалу, что поляки 1 (13) мая намѣреваются сдѣлать нападеніе; то-же показывали и плѣнные. Чтобы предупредить это нападеніе, графъ Дибичъ рѣшилъ быстро двинуться противъ непріятельскаго центра къ Калушину. 30 апрѣля, въ сумерки, двинулся л.-гв. Литовскій полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, къ Калушину, гдѣ въ сраженіи 1 мая составлялъ резервъ. 2 мая, въ сильный дождь съ ужаснымъ вѣтромъ, сдѣлавъ двадцатипятиверстный переходъ, полкъ возвратился на свой прежній бивакъ у Ополе, гдѣ простоялъ до 8 мая [11]). Въ этотъ день въ главной квартирѣ было получено извѣстіе, что главныя си-

---

[9]) Верстахъ въ 8 къ западу отъ Сѣдлеца.

[10]) Полковые приказы за апрѣль 1831 года.

[11]) Изъ записокъ А. А. Одинцова.

лы поляковъ обрушились на гвардейскій корпусъ, штабъ котораго находился въ Ломжѣ, и что гвардія, подавляемая превосходствомъ силъ, отступила къ Тыкочину. Это извѣстіе побудило графа Дибича итти на соединеніе съ гвардейскимъ корпусомъ въ Августовское воеводство.

8 мая л.-гв. Литовскій полкъ двинулся за арміею къ Соколову (см. карту движеній г.-гв. Литовскаго полка); 9-го — перешелъ Бугъ у Граны, а 10, 11, 12 и 13-го шелъ форсированнымъ маршемъ къ Высоко-Мазовецку. 14 мая, сдѣлавъ почти сорокаверстный переходъ, полкъ приблизился къ Остроленкѣ, гдѣ съ утра уже горѣлъ жестокій бой. Въ 7 часовъ вечера л.-гв. Литовскій и Волынскій полки получили приказаніе фельдмаршала защищать мостъ черезъ Наревъ, если бы поляки рѣшились взять его обратно; бригада наша прошла черезъ горящую Остроленку и расположилась у моста. Разбитые нашими передовыми войсками поляки отступили въ страшномъ безпорядкѣ и, конечно, не помышляли о нападеніи.

Предпринимая дальнѣйшее движеніе къ Варшавѣ по правому берегу Буго-Нарева и Вислы, графъ Дибичъ предполагалъ сначала сдѣлать гвардейскій отрядъ авангардомъ гвардейскаго корпуса. Но вышло иначе. Послѣ Остроленскаго сраженія дивизія Гелгуда, отрѣзанная отъ главныхъ силъ польской арміи, соединившись съ отрядомъ Дембинскаго, бросилась въ Литву, чтобы поддержать разгоравшееся тамъ возстаніе. Сакенъ, хотѣвшій преградить путь Гелгуду, былъ разбитъ при Райгродѣ. Опасеніе, что Гелгудъ двинется ко Гродно и уничтожитъ собранные тамъ большіе запасы, побудило главнокомандующаго направить въ Гродно, по кратчайшей дорогѣ,

---

[12]) Отрядъ генерала отъ инфантеріи графа Куруты составляли слѣдующія части:

л.-гв. Литовскій полкъ . . .	2 батальона	=1409 челов.
л.-гв. Волынскій „ . . .	2 батальона	=1627 „
6-го карабинернаго полка . .	1 батальонъ	= 791 „
Вологодскаго полка	1 батальонъ	= 521 „
л.-гв. Подольскій кирасирск. п.	4 эскадрона	= 592 „
л.-гв. Уланскій Цесаревича. .	4 эскадрона	= 483 „
Новомиргородскій уланскій п.	4 эскадрона	= 371 „
Одна пѣшая и одна конная батареи	— 20 орудій.	
Всего: 6 батальоновъ, 12 эскадр., 20 орудій		=5974 челов.

отрядъ графа Куруты, въ составъ котораго входилъ и л.-гв. Литовскій полкъ [12]).

Выступивъ 18 мая изъ окрестностей Остроленки, гвардейскій отрядъ, совершая огромные переходы, черезъ недѣлю, 25 мая, былъ уже въ Гродно, находящемся въ 165 верстахъ отъ Остроленки. Къ счастію Гелгудъ двинулся не на Гродно, а на Ковно, неимѣвшее для насъ такого важнаго стратегическаго значенія, а затѣмъ устремился къ Вильнѣ. Нужно было во что бы то ни стало предупредить его тамъ; но графъ Курута не принадлежалъ къ числу людей рѣшительныхъ, способныхъ выполнять на свой страхъ смѣлыя операціи. По свидѣтельству историка войны 1831 года, Смита, этотъ генералъ, никогда до тѣхъ поръ некомандовавшій самостоятельно отдѣльнымъ отрядомъ, постоянно находился въ нерѣшимости, что предпринять. Обращаясь безпрестанно въ главную квартиру, въ Пултускъ, за приказаніями, онъ вызвалъ, наконецъ, этимъ рѣзкій отвѣтъ со стороны графа Толя, написавшаго ему, что при движеніи, гдѣ все зависитъ отъ быстроты и рѣшимости, онъ не долженъ ожидать приказаній изъ главной квартиры, которыя могутъ запаздывать, но дѣйствовать по собственному соображенію и пользоваться выгодами минуты.

Простоявъ безъ надобности три дня въ Гродно, л.-гв. Литовскій полкъ 28 мая выступилъ по направленію къ Вильнѣ. „31 мая, пишетъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи,—прибыли въ Меречь, гдѣ построили мостъ на рѣкѣ Меречанкѣ. Тутъ получено было извѣстіе, что главнокоманд. графъ Дибичъ-Забалканскій 29 мая скончался отъ холеры въ Клечевѣ. Кончина фельдмаршала не произвела особенно грустнаго впечатлѣнія на войска, по причинѣ господствовавшаго противъ него недовольства. Ходили даже слухи, что Государь уже хотѣлъ его смѣнить. Всѣ предполагали, что мѣсто Дибича займетъ графъ Толь, выказывавшій во все время кампаніи рѣшительность, отвагу и предпріимчивость. Какъ извѣстно, главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, прибывшій въ свою главную квартиру, въ Пултускъ, 12 іюня“ [13]).

---

[13]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова о походѣ л.-гв. Литовскаго полка въ 1831 году.

5-го іюня гвардейскій отрядъ графа Куруты приблизился къ Вильнѣ и соединился съ отрядомъ генерала Сакена, въ пяти верстахъ отъ этого города, на Понарскихъ высотахъ. Съ прибытіемъ шеститысячнаго гвардейскаго отряда, численность русскихъ войскъ, расположенныхъ на Понарскихъ высотахъ, возрасла до семнадцати тысячъ [14]). Это соединеніе было, какъ нельзя болѣе, своевременно, потому что къ Вильнѣ подходилъ уже по ковенской дорогѣ Гелгудъ съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ, состоявшимъ на-половину изъ „рухавки," т. е. инсуррекціоннаго ополченія, собраннаго Гелгудомъ въ Литвѣ.

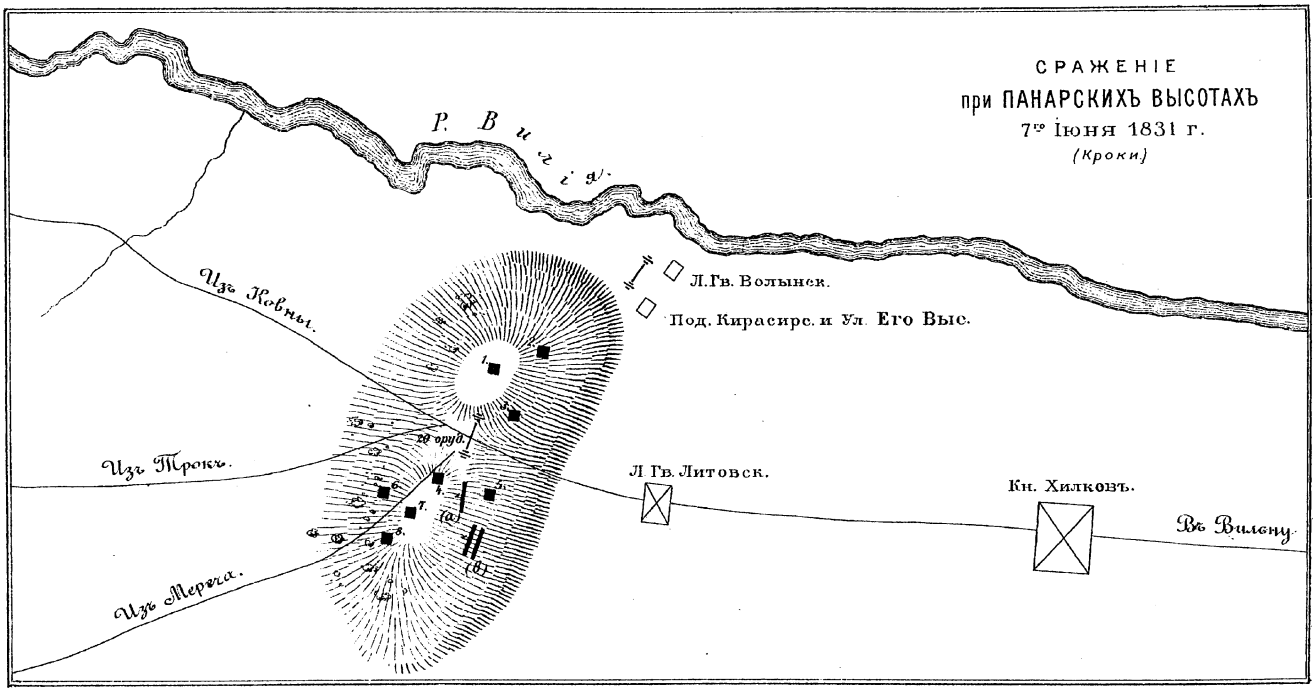
Позиція, выбранная Сакеномъ на Понарскихъ высотахъ, была не изъ хорошихъ. Впереди ея находился лѣсъ, который приказано было вырубить на пушечный выстрѣлъ. Плато, имѣвшее весьма покатый склонъ къ сторонѣ непріятеля, круто обрывалось къ долинѣ рѣки Виліи и къ сторонѣ Вильны, лежавшей позади нашей позиціи; поэтому единственнымъ путемъ отступленія нашихъ войскъ, занимавшихъ высоты, была извилистая углубленная, неудобная для движенія войскъ, дорога. (См. кроки этой позиціи). Въ случаѣ пораженія, отступленіе было невозможно.

Графъ Курута, хотя и старшій въ чинѣ, уступилъ командованіе войсками генералу Сакену. Восемь батальоновъ и 18 орудій отряда Сакена были расположены на высотахъ. Внизу, въ долинѣ Виліи, стоялъ л.-гв. Волынскій полкъ, съ четырьмя орудіями, имѣя за собою Подольскій кирасирскій и уланскій Его Высочества полки, съ 13 орудіями; л.-гв. Литовскій полкъ былъ расположенъ внизу, на углубленной дорогѣ, въ видѣ репли для центра. Еще дальше назадъ, по дорогѣ въ Вильну, въ видѣ резерва, стоялъ отрядъ князя Хилкова.

7-го іюня, въ 8 часовъ утра, Гелгудъ атаковалъ русскіе аванпосты и отбросилъ ихъ къ Понарскимъ высотамъ, а затѣмъ перешелъ въ наступленіе противъ главной позиціи. Всѣ атаки поля-

---

[14]) По показаніямъ Смита. Сакенъ, въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій, утверждаетъ, что численность его отряда не превышала пяти тысячъ и что всего въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ принимали дѣйствительное участіе не болѣе восьми тысячъ человѣкъ.

СРАЖЕНІЕ
при ПАНАРСКИХЪ ВЫСОТАХЪ
7го Іюня 1831 г.
(Кроки)
Р. Вилія.
Л.Гв. Волынск.
Под. Кирасирс. и Ул. Его Выс.
Изъ Ковны.
Изъ Трок.
Изъ Мерча.
Л Гв. Литовск.
Кн. Хилковъ.
Въ Вильну.
12 оруд.
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
(a)
(b)

ковъ на нашъ центръ и правый флангъ были неудачны. На правомъ флангѣ поляки успѣли уже было спуститься въ долину Вилін, но храбро встрѣченные Волынскимъ полкомъ отступили съ большими потерями. Отразивъ непріятельскія атаки и пользуясь разстройствомъ поляковъ, баронъ Остенъ-Сакенъ перешелъ въ наступленіе. Л.-гв. Литовскій полкъ, съ 10 часовъ утра находившійся подъ огнемъ непріятельской батареи, въ часъ дня былъ выведенъ на высоту, для прикрытія нашей восемнадцати-орудійной батареи, и расположенъ влѣво отъ нея, у узла дорогъ изъ Ковно, Трокъ и Меречи.

„...Мятежники,—читаемъ въ реляціи барона Остенъ-Сакена,—быстро преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, употребляли всѣ усилія только къ тому, чтобы спасти артиллерію. Въ сію минуту генералъ отъ инфантеріи графъ Курута приказалъ сводной гвардейской кавалерійской бригадѣ усилить массу нашей кавалеріи и начать общее наступательное движеніе, для чего присовокуплены были къ дѣйствовавшимъ войскамъ полки л.-гв. Литовскій и 9-й егерскій. Преслѣдованіе по ковенской дорогѣ главными силами продолжалось слишкомъ 6 верстъ, а двумя батальонами л.-гв. Литовскаго, двумя батальонами 9-го егерскаго и дивизіономъ л.-гв. уланскаго Цесаревича полковъ, при 4 конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Корфа, по новотрокской дорогѣ, за Ваку Муроваую...“ [15]).

Л.-гв. Литовскому полку пришлось преслѣдовать Заливскаго, дѣйствовавшаго противъ нашего лѣваго фланга. Ничего не зная объ окончательномъ отступленіи Гелгуда, Заливскій сражался еще нѣсколько времени въ лѣсу, а затѣмъ, увидѣвъ себя отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, отступилъ по дорогѣ въ Троки и, перейдя рѣку Ваку, зажегъ бывшій на ней деревянный мостъ. Стрѣлки г.-гв. Литовскаго полка, подъ командой прапорщиковъ Сакена, Озерова, Сушеневскаго, Житкова и Плавскаго, перешли рѣку, частію въ бродъ, частію по горѣвшему мосту, перенесли два орудія 3-ей л.-гв. конной батареи и выгнали непріятеля изъ мельницы и густаго кустарника, находившихся на противоположномъ берегу. Это былъ послѣдній

---

[15]) Изъ рапорта барона Сакена Е. И. В. командующему гвардейскимъ корпусомъ, отъ 8 іюня, за № 585. (Архивъ штаба войскъ гвардіи).

эпизодъ сраженія, потому что поляки затѣмъ окончательно перешли въ бѣгство и разсыпались во всѣ стороны [16]).

Дальнѣйшее преслѣдованіе принесло бы блестящіе результаты, но графъ Курута, принявшій снова главное начальствованіе, не хотѣлъ предпринимать ничего рѣшительнаго до прибытія резервной арміи графа Толстого.

Уронъ русскихъ въ сраженіи подъ Вильною былъ вообще невеликъ и не превышалъ трехсотъ человѣкъ. Въ л.-гв. Литовскомъ полку потери ограничивались однимъ раненымъ и однимъ безъ вѣсти пропавшимъ рядовыми [17]).

Съ прибытіемъ въ Вильну резервной арміи графа Толстого, гвардейскій отрядъ вошелъ въ ея составъ. Русскія силы въ окрестностяхъ бывшей литовской столицы возросли до 40.000 человѣкъ, втрое болѣе того, что было у поляковъ; поэтому всѣ ожидали блестящихъ результатовъ и совершеннаго уничтоженія Гелгуда. 12 іюня войска двинулись для преслѣдованія двумя колоннами: лѣвая— подъ начальствомъ кн. Хилкова, наступавшая по большой ковенской дорогѣ, и правая — графа Куруты — въ направленіи на м. Яновъ [18]). Въ составѣ этой послѣдней находился и л.-гв. Литовскій полкъ.

Пятидневное промедленіе подъ Вильной дало возможность польскимъ разбитымъ отрядамъ отойти далеко и оправиться. Наши колонны совершенно потеряли слѣды непріятельскихъ войскъ, а потому двигались, какъ бы ощупью, нерѣшительно. Вообще во время всей этой экспедиціи, продолжавшейся безъ малаго мѣсяцъ, поляки избѣгали встрѣчи съ русскими войсками и послѣ небольшихъ стычекъ съ нашими авангардами поспѣшно уходили; поэтому л.-гв. Литовскому полку не приходилось за все это время ни разу участвовать въ дѣлахъ, но марши свои онъ совершалъ всегда съ соблюденіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей, а взводы застрѣльщиковъ часто вызывались передъ батальоны.

17 іюня въ главную квартиру графа Толстого прибылъ гене-

---

[16]) Изъ воспоминаній участника, А. А. Одинцова.

[17]) Приказъ по полку, отъ 7 іюня 1831 г.

[18]) На р. Виліи, верстахъ въ 70 къ сѣверо-западу отъ Вильны.

ралъ Крейцъ, назначенный командиромъ корпуса, для преслѣдованія польской арміи въ Жмуди; въ составъ этого корпуса вошелъ и гвардейскій отрядъ.

18 іюня, когда л.-гв. Литовскій полкъ находился близь м. Янова, получено извѣстіе о кончинѣ шефа полка, Великаго Князя Константина Павловича, послѣдовавшей 16 іюня въ Витебскѣ.

„Неожиданное извѣстіе это,—пишетъ одинъ изъ нашихъ старыхъ однополчанъ,—произвело грустное впечатлѣніе на всѣхъ бывшихъ его подчиненныхъ. Не говоря уже о томъ, что мы искренно сожалѣли о потерѣ своего покровителя, судьба наша съ его кончиной совершенно должна была измѣниться.

„Начальникъ гвардейскаго отряда, графъ Курута, со всѣмъ штабомъ почившаго Великаго Князя, отправился немедленно въ Витебскъ; отъ всѣхъ полковъ гвардейскаго отряда были отправлены депутаціи для препровожденія тѣла въ Петербургъ и присутствованія при погребеніи [19]).“

Депутація отъ нашего полка состояла изъ 4 человѣкъ: командира роты Его Высочества, капитана Желтухина, прапорщика Озерова, унтеръ-офицера шефской роты Кафтанюка и правофланговаго гренадера той-же роты Арѣева [20]). Тѣло Цесаревича въ его послѣднемъ путешествіи сопровождали еще два нашихъ офицера, адъютанты почившаго, братья Грессеры; старшій изъ нихъ, по прибытіи въ Петербургъ, былъ назначенъ 13 августа флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

„20 іюня перешли Вилію по плохому мосту подъ Яновымъ; артиллерію перевезли на паромахъ. 23 іюня изъ г. Кейданъ выступили отдѣльнымъ отрядомъ, подъ командой генерала Кнорринга, для преслѣдованія польскаго генерала Роланда, направившагося къ Полангену. Слѣдуя по пятамъ отступавшихъ поляковъ, нашъ отрядъ часто мѣнялъ направленіе: сначала шелъ на Шавли, потомъ свернулъ на Россіены. 29 іюня остановились близь м. Цытовяны,

---

[19]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова о походѣ л.-гв. Литовскаго полка въ 1831 г.

[20]) Послѣ погребенія Цесаревича капитанъ Желтухинъ былъ отправленъ въ г. Несвижъ для командованія резервнымъ полубатальономъ л.-гв. Литовскаго полка.

по дорогѣ въ Тельши. День Петра и Павла—въ полку много именинниковъ; музыка, пѣсни, попойка. Празднество прервано въ 4 часа пополудни внезапнымъ подъемомъ и закончилось четырнадцатичасовымъ переходомъ, безъ отдыха, самымъ утомительнымъ изъ всего литовскаго похода. Но форсированный маршъ этого и послѣдующихъ дней оказался напраснымъ: 3 іюля въ Поддубинѣ мы узнали, что отряды Гелгуда, Хлаповскаго и Роланда перешли границу Пруссіи и положили оружіе. Преслѣдованіе польскихъ отрядовъ кончилось; но эта погоня доставила намъ случай видѣть народную войну, въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ жители Жмуди бросили свои дома и удалились въ лѣса, гдѣ въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, между болотами, устроили свои таборы. Пункты соединенія въ лѣсахъ означались самыми высокими, обнаженными отъ вѣтвей деревьями. Польскіе отряды жмудины проводили малоизвѣстными дорогами и тропинками, что заставляло наши колонны бросаться по всѣмъ направленіямъ. Банды вооруженныхъ крестьянъ нападали на почты, обозы и отсталыхъ русскихъ солдатъ и безжалостно убивали послѣднихъ“ [21]).

2 іюля полки бывшаго варшавскаго отряда были обрадованы новымъ знакомъ монаршаго къ нимъ благоволенія. Императоръ Николай прислалъ съ нарочно командированнымъ флигель-адъютантомъ графомъ Толстымъ слѣдующій милостивый приказъ, одинъ экземпляръ котораго, за собственноручной подписью Государя, до сихъ поръ хранится въ церкви л.-гв. Литовскаго полка:

„Храбрые воины! Многолѣтняя служба ваша подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича всегда сопровождалась пламеннымъ усердіемъ и непоколебимою вѣрностію, достойными истинныхъ сыновъ отечества. Полки ваши, обязанные Его Высочеству своимъ существованіемъ и отличнымъ устройствомъ, вполнѣ оправдали искреннюю заботливость и особенное довѣріе, коими Его Высочество постоянно васъ удостаивалъ. Въ то время, когда пламень бунта возгорѣлся въ Варшавѣ, когда толпа извергов, забывъ долгъ присяги, забывъ все священное для христіанина и вѣрноподданнаго, обнаружила злодѣйскіе умыслы на Особу Его Высочества,

[21] Изъ записокъ А. А. Одинцова.

вы единодушно собрались къ знаменамъ вашимъ и, готовясь кровію своею защитить начальника и благодѣтеля вашего, показали столько-же непоколебимой вѣрности къ Престолу и отечеству, сколько личной любви и преданности къ Его Высочеству. Послѣ выступленія изъ Варшавы, вы, преодолѣвая всѣ трудности и недостатки, бодро слѣдовали за своимъ начальникомъ въ предѣлы отечества. Здѣсь, соединясь съ храбрыми товарищами вашими, шедшими на усмиреніе мятежниковъ, вы ревностно исполняли всѣ назначенія начальства... Промыслу Всевышняго угодно было, чтобы Я непосредственно послѣ радостной вѣсти о новыхъ подвигахъ нашего воинства подъ Вильною, въ коихъ и вы участвовали, получилъ скорбное извѣстіе о кончинѣ Его Высочества Цесаревича, любезнѣйшаго Моего брата, а вашего начальника и благодѣтеля. Сокрушаясь о сей потерѣ, Я посылаю къ вамъ флигель-адъютанта Моего, полковника графа Толстого, чтобы лично извѣстить васъ о горестной потерѣ, насъ постигшей, и изъявить вамъ особенную Мою признательность за долговременную, вѣрную и ревностную службу вашу подъ начальствомъ Его Высочества, равно какъ и твердое Мое упованіе, что и на будущее время всѣ вы потщитесь на полѣ чести пріобрѣсть еще болѣе права на Мое благоволеніе и признательность."

„Храбрые воины! Вы лишились непосредственнаго Начальника, вамъ благодѣтельствовавшаго; но служба ваша останется незабвенною передъ вашимъ Государемъ и Отечествомъ. Продолжайте служить съ такимъ-же отличіемъ, и благоволеніе Мое къ вамъ пребудетъ навсегда неизмѣннымъ [22]). Николай."

Вскорѣ потомъ Высочайшимъ приказомъ отъ 25 іюня Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ шефомъ л.-гв. Литовскаго полка. Въ тотъ-же день состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы полки л.-гв. Литовскій и Волынскій были причислены къ гвардейскому корпусу и составили 5 гвардейскую пѣхотную бригаду. Бригадой этой, до ея присоединенія къ гвардейскому корпусу подъ Надаржинымъ, временно командовалъ флигель-адъютантъ полковникъ Овандеръ, командовавшій въ то-же время и л.-гв. Волынскимъ

[22]) „Приказъ войскамъ гвардейскаго отряда, состоявшаго подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича." Данъ въ Александріи, близъ Петергофа, 21 іюня 1831 года.

полкомъ. Въ Надаржинѣ въ командованіе 5-й бригадой вступилъ временно генералъ-маіоръ Берхманъ, а послѣ штурма Варшавы назначенъ былъ на эту должность возвратившійся изъ плѣна командиръ Волынцевъ, ген.-маіоръ Есаковъ, а Овандеръ остался командиромъ Волынскаго полка.

4 іюля л.-гв. Литовскій полкъ прибылъ въ Россіены, столицу Жмуди, а 6-го— въ Кейданы. При первомъ прохожденіи черезъ это мѣстечко въ немъ не было никого, кромѣ евреевъ, но въ этотъ разъ были уже и жмудины, возвратившіеся изъ своихъ лѣсныхъ дебрей. 8 іюля полкъ вступилъ въ Ковно, гдѣ получилъ приказаніе двигаться на соединеніе съ главными силами нашей арміи, наступавшей къ Варшавѣ. Всѣ войска, двигавшіяся изъ Литвы на соединеніе съ главными силами, состояли подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Крейца и были раздѣлены на 3 эшелона; въ составъ третьяго эшелона, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кнорринга, входили полки л.-гв. Литовскій и Волынскій, гренадерскій графа Аракчеева, сводный гвардейскій батальонъ, л.-гв. Саперный батальонъ, л.-гв. Подольскій кирасирскій и уланскій, бывшій Цесаревича, полки, л.-гв. батарейная рота № 5 и 3 конная батарея. Выступивъ 13 іюля изъ Ковно и перейдя Нѣманъ, л.-гв. Литовскій полкъ двинулся черезъ Августовъ, Ломжу, Остроленку, Праснышъ, Шренскъ и Скомпе къ мѣсту переправы нашей арміи черезъ Вислу у Осека, куда прибылъ 6 августа. Несмотря на значительность разстоянія, походъ изъ Литвы къ Осеку (почти на границѣ съ Пруссіею) былъ самымъ легкимъ временемъ въ теченіе всей кампаніи. Несмотря на рискованность нашего фланговаго марша въ виду Модлина, поляки, занятые въ это время своими политическими дрязгами, оставили отрядъ Крейца безъ всякаго вниманія, а потому походъ прошелъ безъ всякихъ неожиданныхъ случайностей, напрасныхъ тревогъ и приготовленій, а главное—безъ форсированныхъ маршей, истощающихъ силы солдатъ. Продовольствія было въ изобиліи, а потому дневная дача провіанта снова увеличена: вмѣсто $1\frac{1}{4}$ фунта сухарей или $1\frac{3}{4}$ ф. муки стали выдавать $1\frac{1}{2}$ фун. сухарей или 2 фунта муки. Кромѣ того, полагалось $1\frac{1}{2}$ фунта картофеля въ день и 4 порціи вина въ недѣлю. Благодаря всему этому, здоровье нижнихъ чиновъ полка находилось въ хорошемъ состояніи, и ряды пол-

ка быстро пополнялись людьми, выписывавшимися изъ попутныхъ госпиталей. Въ Райгродѣ, напримѣръ, къ полку присоединились 179 выздоровѣвшихъ нижнихъ чиновъ, въ Ломжѣ — 41 и т. д. [23]). Однакожъ, во время экспедиціи въ Литву, обратнаго похода въ царство и даже во время стоянки въ Надаржинѣ, въ полку не прекращались единичные случаи заболѣванія и смерти отъ холеры.

6 августа отрядъ Крейца перешелъ Вислу по тремъ, хорошо устроеннымъ, мостамъ и въ тотъ-же день получилъ приказаніе графа Паскевича прибыть въ семь сутокъ къ Надаржину, гдѣ фельдмаршалъ, въ виду предстоявшаго штурма Варшавы, хотѣлъ сосредоточить возможно большее число войскъ. Мѣшкать было некогда, потому что въ семь дней предстояло пройти разстояніе около двухсотъ верстъ. 10 августа л.-гв. Литовскій полкъ былъ уже въ Кутнѣ, а 14-го, въ 6 часовъ пополудни, съ музыкой вступилъ въ м. Надаржинъ, гдѣ былъ встрѣченъ сначала своимъ новымъ августѣйшимъ шефомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, а потомъ и фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Пройдя затѣмъ съ музыкой, по отдѣленіямъ, черезъ Надаржинъ, л.-гв. Литовскій полкъ расположился бивакомъ у мызы, занимаемой Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ [24]).

„Непріятно ознаменовалось присоединеніе наше къ гвардейскому корпусу,—пишетъ очевидецъ. На назначенное бивачное мѣсто пришли поздно вечеромъ, промокшіе до костей; никто не позаботился приготовить для насъ ни дровъ, ни соломы. Будущіе наши сослуживцы, офицеры петербургской гвардіи, смотрѣли на насъ непривѣтливо, почти непріязненно, видимо избѣгая нашего общества, считая насъ бѣглецами и поляками,—такъ сильно было въ Петербургѣ убѣжденіе, что мы могли бы прекратить возстаніе 17 ноября въ Варшавѣ; убѣжденіе, неосновательность котораго доказана. Они забывали, что вина, если бы она и существовала, должна была бы

[23]) Полковые приказы, отъ 21 и 25 іюля 1831 года.

[24]) Въ 1840 году, 16 марта, послѣ полковаго смотра въ Михайловскомъ манежѣ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, подойдя къ хору музыки, припомнилъ и пропѣлъ тактъ того марша, который играла музыка л.-гв. Литовскаго полка при вступленіи въ м. Надаржинъ, 14 августа 1831 г. Такъ какъ повторить его могли только нѣкоторые изъ оставшихся старыхъ музыкантовъ, то Его Высочество тогда-же приказалъ, чтобы этотъ маршъ былъ разученъ цѣлымъ хоромъ.

пасть на людей, стоявшихъ во главѣ власти, а не на насъ, свято исполнявшихъ долгъ службы и дисциплины. Если бы намъ приказано было драться, то мы, конечно, не разсуждая, вступили бы въ неравный бой и сумѣли бы лечь костьми“ [25]).

Подъ Надаржинымъ Литовцы простояли до 24 августа, дѣятельно занимаясь приготовленіями къ штурму Варшавы. Желая подготовить свои войска къ штурму укрѣпленій и сохраненію при этомъ порядка, фельдмаршалъ приказалъ завести въ каждомъ полку по 20 штурмовыхъ лѣстницъ и устроить для практическихъ занятій укрѣпленіе довольно сильной профили. Ежедневно производились примѣрные штурмы, которыхъ солдаты, непріученные къ гимнастикѣ, не любили. Въ то-же время вязали туры и фашины, которыхъ совершенно напрасно было наготовлено нѣсколько тысячъ: входя въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ, войска бросали эти тяжелыя приспособленія и взлѣзали на укрѣпленія при помощи однихъ только штыковъ.

Вотъ что говоритъ князь Варшавскій, въ своемъ описаніи кампаніи 1831 года, о времени, предшествовавшемъ штурму Варшавы:

„...Непріятель, собравъ всѣ свои войска, имѣлъ въ Варшавѣ 62 тысячи и сверхъ того народную гвардію. Не смѣя атаковать меня, онъ не могъ также держать въ сборѣ всѣхъ войскъ своихъ и выслалъ 18 т. противъ Розена и 9 т. кавалеріи въ Плоцкую губернію. Я-же со своей стороны сосредоточилъ всѣ свои силы съ приходомъ Крейца и взялъ отъ Ридигера 8 батальоновъ, что составило у меня до 73 т. подъ ружьемъ. Тогда я сталъ учить войска, какъ брать укрѣпленія, и для того приказалъ построить въ каждомъ корпусѣ редуты, раздать новоизобрѣтенныя лѣстницы и вызвать изъ гвардейскихъ полковъ охотниковъ. Кто повѣритъ, что и эти распоряженія не остались безъ критики?!„... [26]).

Послѣднее восклицаніе относилось, вѣроятно, къ графу Толю, который сильно не ладилъ съ фельдмаршаломъ и очень часто расходился съ нимъ во взглядахъ. Мы видѣли даже письмо графа Толя

---

[25]) Изъ записокъ генерала Одинцова.

[26]) Изъ неизданныхъ очерковъ кампаніи 1831 г. князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, хранящихся въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго штаба.

къ Императору Николаю, въ которомъ начальникъ штаба, искренно горюя о кончинѣ своего друга, графа Дибича, жаловался на то, что новый главнокомандующій ставитъ ни во-что его совѣты, а потому просилъ увольненія его отъ должности начальника штаба арміи. Желаніе Толя, какъ извѣстно, было исполнено Государемъ послѣ окончанія войны.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ у фельдмаршала 23-го августа, штурмъ Варшавы былъ назначенъ на 25-е августа, а потому 24-го—въ 4 часа по-полудни русская армія двинулась впередъ и обложила Варшаву. Гвардейскій корпусъ остановился въ резервномъ порядкѣ у дер. Опаче-Вельке, лѣвѣе радомскаго шоссе; вправо и нѣсколько впереди, у с. Ракова, стоялъ отрядъ генер.-лейт. Муравьева [27]), а влѣво и впереди, у д. Влохи—2-й корпусъ генерала Крейца. Съ прибытіемъ въ Опаче-Вельке отъ полковъ были отправлены команды въ инженерное депо для принятія лѣстницъ и фашинъ. Отъ каждаго изъ полковъ гвардейской пѣхоты приказано вызвать по 100 человѣкъ охотниковъ.

Въ Литовскомъ полку желавшихъ попасть въ охотники было такъ много, что пришлось выбирать наиболѣе достойныхъ. Офицеры пожелали всѣ, а такъ какъ предписано было отъ полка назначить только четырехъ, то пришлось метать жребій, который и выпалъ на долю штабсъ-капитана Фогта, прапорщиковъ Одинцова 2-го и Барановскаго и прикомандированнаго къ полку Самогитскаго гренадерскаго полка подпоручика князя Оболенскаго. Охотники всей гвардейской пѣхоты были соединены въ пять полубатальоновъ, соотвѣтственно числу бригадъ, по 200 человѣкъ въ каждомъ; пятый полубатальонъ составляли охотники л.-гв. Литовскаго и Волынскаго полковъ, подъ командой штабсъ-капитана Фогта. По диспозиціи фельдмаршала на 25-е августа, 5-й полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ долженъ былъ итти въ головѣ колоннъ 2-го пѣхотнаго корпуса, назначенныхъ для штурма укрѣпленій Воли [28]).

Всѣ войска были одѣты въ мундирахъ и полной амуниціи, кромѣ охотниковъ, которые для облегченія были безъ ранцевъ и въ

---

[27]) Самогитскій, Луцкій, Невскій и Прагскій полки, при 2 артил. ротахъ.

[28]) Диспозиція на 24 и 25 августа. Военно-учен. архивъ Глав. шт. отд. II, № 4430.

фуражкахъ, вмѣсто киверовъ. За то охотники несли штурмовыя лѣстницы.

25-го, въ 5 часовъ утра, съ обѣихъ сторонъ началась страшная канонада. Гвардейскій корпусъ былъ выдвинутъ впередъ и расположился по-прежнему въ резервномъ порядкѣ за д. Щенслевице. 5-я бригада стояла въ третьей линіи за Измайловскимъ и Павловскимъ полками, имѣя въ интервалѣ свою всегдашнюю спутницу, батарейную роту № 5.

Чтобы отвлечь силы непріятеля отъ Вольскихъ укрѣпленій, куда предполагалось повести главную атаку, отрядъ ген.-лейт. Муравьева, стоявшій, какъ выше сказано, впереди и правѣе гвардіи, атаковалъ д. Раковецъ и вытѣснилъ изъ нея поляковъ. Въ 9 часовъ утра, въ подкрѣпленіе Муравьеву, двинуты были 4-я и 5-я гвардейскія пѣхотныя бригады, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Полешко. Но въ 11 часовъ фельдмаршалъ Паскевичъ, подъѣхавъ къ полкамъ 5-й гвард. бригады, лично приказалъ командовавшему бригадой оставить ген.-лейт. Полешко, поступить подъ начальство командира 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, графа Витта, и стать лѣвымъ флангомъ къ рашинскому шоссе, на половинѣ дороги между деревнями Раковъ и Раковецъ. Часъ спустя, графъ Виттъ, переходя со своей кавалеріей на нашъ лѣвый флангъ, приказалъ 5-й бригадѣ поступить подъ начальство генералъ-лейтенанта Муравьева, занимавшаго Раковецъ. Позади этой деревни, примыкая лѣвымъ флангомъ къ шоссе, л.-гв. Литовскій и Волынскій полки простояли въ бездѣйствіи до 7 часовъ вечера [29]).

Но не бездѣйствовалъ 5-й полубатальонъ гвардейскихъ охотниковъ. Еще было темно, когда штабсъ-капитанъ Фогтъ присоединился со своимъ полубатальономъ къ передовымъ колонамъ 2-го корпуса и, явившись начальнику штаба этого корпуса, ген.-маіору Деллингсгаузену, получилъ отъ него приказаніе: стать въ первой линіи, въ головѣ штурмовой колонны генерала Сулимы, состоявшей изъ Бѣлозерскаго и Олонецкаго пѣхот. полковъ и назначенной для штурма укрѣпленія № 54, того самаго, въ которомъ взорванъ былъ

[29]) Реляція о движеніи 5-й гв. пѣхот. бригады 25 и 26 августа подъ Варшавою, за подписью флигель-адъют. полковн. Овандера. Архивъ штаба войскъ гвардіи.

пороховой погребъ [30]). У Смита сказано, что охотники 5-й гвард. бригады были раздѣлены, по 100 человѣкъ, между обѣими штурмовыми колоннами 2-го корпуса (правая Сулимы—на № 54, лѣвая Гейсмара—на укр. № 55); но въ донесеніи командовавшаго полубатальономъ, штабсъ-капитана Фогта, объ этомъ раздѣленіи не упоминается.

Съ разсвѣтомъ обѣ штурмовыя колонны 2-го корпуса, предшествуемыя гвардейскими охотниками нашей бригады, двинулись на штурмъ 54 и 55-го укрѣпленій. Артиллерія, подъѣхавъ безъ выстрѣла на 800 шаговъ, начала громить верки укрѣпленій, послѣ двухчасоваго обстрѣливанія которыхъ начался приступъ.

По свидѣтельству Смита, укрѣпленіе № 54, по размѣрамъ своей профили, далеко превосходило силу обыкновенныхъ полевыхъ укрѣпленій. Оно значительно возвышалось надъ окрестностью, имѣло палисадинированный ровъ и было окружено волчьими ямами; сзади оно было замкнуто земляннымъ валомъ. 6 орудій и полубатальонъ пѣхоты защищали это укрѣпленіе.

Колонна ген.-лейт. Сулимы, не обращая вниманія на непріятельскій огонь, опустошавшій ея ряды, неустрашимо прошла пространство до укрѣпленія № 54, имѣя впереди охотниковъ л.-гв. Литовскаго полка со штурмовыми лѣстницами и плетнями. Нѣсколько охотниковъ спрыгнули въ ровъ, положили лѣстницы на край рва и на острія палисадинъ, укрѣпили ихъ подставками и сверху наложили плетни. То-же самое сдѣлано было и по другую сторону палисадной стѣнки, до бермы—и летучій мостъ былъ готовъ. Но многіе изъ охотниковъ, воодушевленные боевымъ пыломъ, побросали лѣстницы, плетни и фашины, безъ выстрѣла спустились въ ровъ и вырывали палисадины, открывая проходъ штурмующимъ колоннамъ, которыя, безъ выстрѣла, держа ружья „на руку,“ бросились по мосткамъ или черезъ отверстія въ палисадахъ рва къ брустверу и полѣзли на него, частію съ помощію штыковъ, частію съ помощію лѣстницъ, приставленныхъ охотниками.

Гарнизонъ укрѣпленія № 54 защищался отчаянно и почти весь

---

[30]) Изъ донесенія штабсъ-капитана Фогта о дѣйствіи 5-го полубатальона гвардейскихъ охотниковъ въ 1-й день штурма Варшавы. Архивъ штаба войскъ гвардіи.

погибъ подъ штыками Бѣлозерскаго, Олонецкаго и Елецкаго полковъ... Въ это время раздался страшный грохотъ; пороховой дымъ на минуту покрылъ укрѣпленіе густымъ мракомъ; мертвые и умиравшіе, черные, какъ уголь, были отброшены во всѣ стороны на далекое пространство. Это былъ взрывъ пороховаго погреба, стоившій намъ болѣе 100 убитыхъ... По счастливому стеченію обстоятельствъ, охотники л.-гв. Литовскаго полка не потерпѣли отъ этого взрыва; они находились въ противоположномъ углу укрѣпленія и заваливали входъ въ него съ польской стороны, въ то время, какъ саперы расчищали другой съ русской стороны [31]).

Штабсъ-капитанъ Фогтъ со своими охотниками оставался при Бѣлозерскомъ полку до самаго вечера въ укрѣпленіи № 54, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, ненанесшихъ, впрочемъ, Литовцамъ никакого ущерба. Вообще потери нашихъ охотниковъ сравнительно съ трудностью совершеннаго ими подвига, были невелики. Это объясняется тѣмъ, что поляки выжидали штурмующія колонны не на самомъ брустверѣ, а позади его, что облегчало эскаладу. Изъ числа нашихъ охотниковъ подпоручикъ князь Оболенскій былъ убитъ осколкомъ гранаты; та-же граната контузила прапорщиковъ Одинцова 2-го и Барановскаго. Нижнихъ чиновъ убито два (1-й фузелерной роты рядовой Омельяновичъ и 2-й фуз. роты ряд. Горельщенко) и раненъ 1. Раненый рядовой 2-й гренадерской роты Похольчукъ былъ отнесенъ въ походный подвижной госпиталь [32]).

Между тѣмъ въ 7 часовъ вечера (25 августа) л.-гв. Литовскій полкъ получилъ приказаніе Великаго Князя Михаила Павловича, переданное черезъ адъютанта Его Высочества, полковника Философова, оставить отрядъ Муравьева и позицію позади Раковца, перейти на лѣвый флангъ къ д. Волѣ и поступить подъ начальство генерала отъ инфантеріи князя Шаховского. Это распоряженіе вызвано было необходимостью усилить резервъ корпуса Палена, сильно ослабленнаго штурмомъ большого редута Воли.

---

[31]) Донесеніе штабсъ-капитана Фогта о дѣйствіяхъ 5 полуб. гвард. охотниковъ.

[32]) Убитые нижніе чины исключены изъ списковъ полка приказомъ по полку отъ 25 августа 1831 г.

„Мы двинулись, пишетъ очевидецъ, за Волынскимъ полкомъ; между полками ѣхала 5-я гвардейская батарейная рота, всегдашняя наша спутница, приносившая намъ во время кампаніи не мало хлопотъ. Такъ какъ передвиженія въ эту ночь были значительны, то намъ приходилось часто останавливаться. Ось, сломавшаяся у одного изъ орудій нашей батареи, заставила насъ простоять съ полчаса; а между тѣмъ, л.-гв. Волынскій полкъ ушелъ, и мы долго не могли его розыскать.“ Уже начинало свѣтать, когда полкъ пришелъ на назначенное мѣсто и расположился впереди деревни Одоляны, за 1-й гренадерской дивизіей, гдѣ простоялъ остальную часть ночи и утро 26-го августа, до начала послѣдняго акта кровавой драмы—штурма 2-й линіи варшавскихъ укрѣпленій и городскаго вала. По мѣрѣ того, какъ подвигалась впередъ 1-я линія корпуса Палена, подвигались и резервы. Къ ночи русскія войска овладѣли уже городскимъ валомъ. Л.-гв. Литовскій и Волынскій полки провели ночь подъ ружьемъ, между 1-ю и 2-ю линіями вольскихъ укрѣпленій, на почвѣ, упитанной кровью. Въ виду предстоявшаго на слѣдующій день вступленія въ Варшаву, графъ Толь приказалъ выслать въ авангардъ гвардейскаго корпуса нѣсколько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ отъ Литовскаго и Волынскаго полковъ, знакомыхъ съ расположеніемъ городскихъ улицъ, для препровожденія и размѣщенія войскъ. 27-го, въ 5 часовъ утра, польская армія отступила на правый берегъ Вислы; а въ $7\frac{1}{2}$ часовъ л.-гв. Литовскій полкъ получилъ приказаніе присоединиться къ гвардейскому корпусу, который въ это время уже готовился ко вступленію въ Варшаву черезъ Іерусалимскую заставу [33]).

Труды и лишенія, перенесенныя полкомъ во время кампаніи 1831 года, а также содѣйствіе, оказанное имъ къ достиженію успѣха при штурмѣ Варшавы, были вполнѣ оцѣнены Государемъ и щедро вознаграждены. Храбрый командиръ 5-го полубатальона гвардейскихъ охотниковъ, штабсъ-капитанъ Фогтъ, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія IV степени. Изъ приложеннаго списка наградъ (см. приложеніе № 6) видно, что ни одинъ изъ офицеровъ,

---

[33]) Реляція о движеніи 5-й гвард. бригады 25-го и 26-го августа. Записки А. А. Одинцова.

участвовавшихъ въ кампаніи, не былъ обойденъ, а нѣкоторые получили по двѣ награды. Сорокъ пять нижнихъ чиновъ полка, преимущественно изъ числа охотниковъ, получили знаки отличія военнаго ордена (списокъ въ приложеніи № 7). Всѣ офицеры полка, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, а также находившіеся при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій, получили польскій знакъ отличія „за военныя заслуги," штабъ-офицеры 3-ей, а оберъ-офицеры 4-ой степени [34]).

Кромѣ того, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, медицинскимъ чиновникамъ и нижнимъ чинамъ, дѣйствительно находившимся въ огнѣ при штурмѣ Варшавы, были высочайше пожалованы серебряныя медали на голубой лентѣ, съ надписью: „За взятіе приступомъ Варшавы 25-го и 26-го августа 1831 года." Медаль эту удостоились получить всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, находившіеся на лицо 25-го и 26-го августа (кромѣ пестроевыхъ нижнихъ чиновъ), т. е. три полковника, 24-е оберъ-офицера, 1 штабъ-лекарь, 122 унтеръ-офицера, 71 музык. и 1278 рядов. [35]).

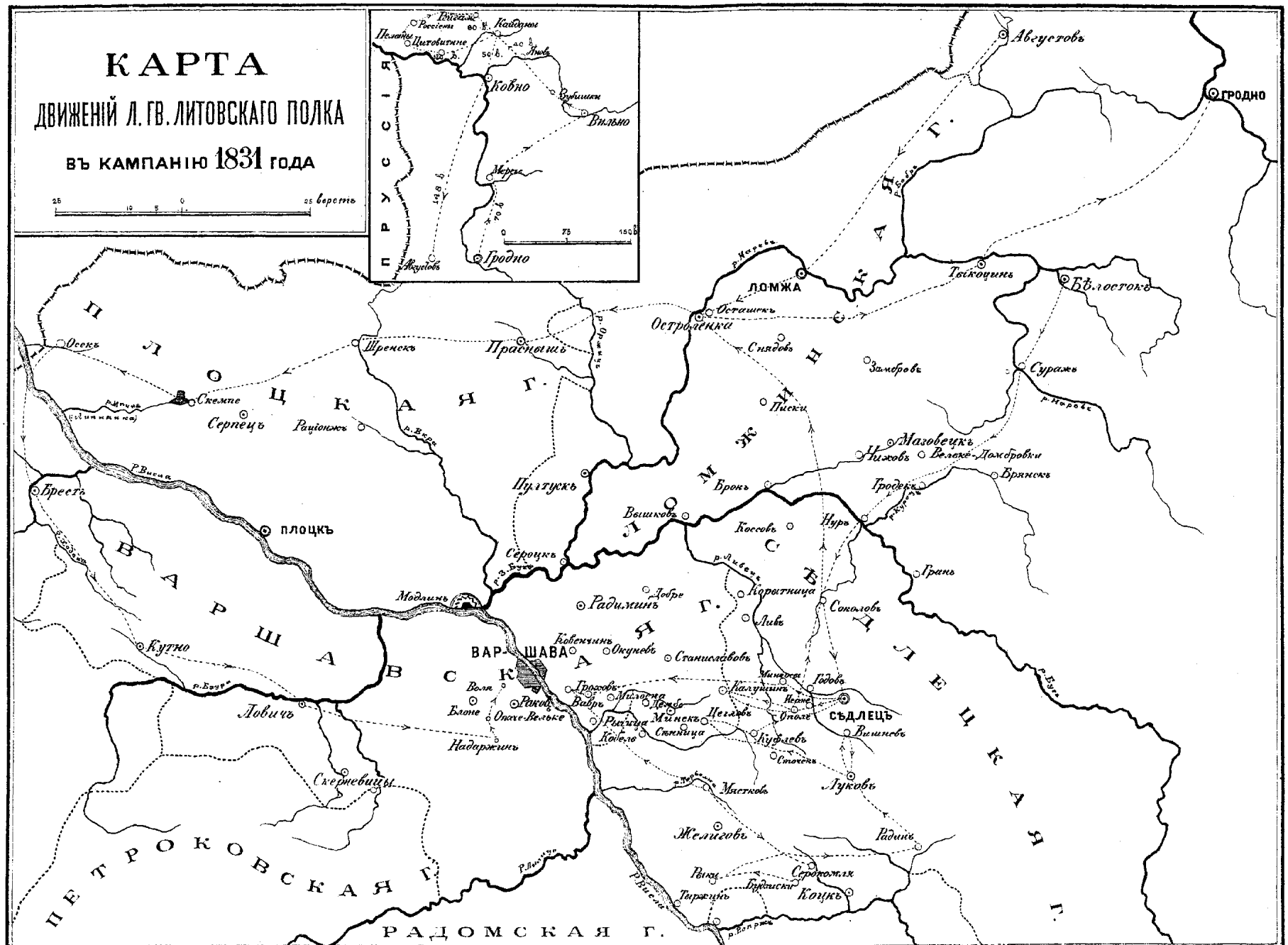
Всѣмъ нижнимъ чинамъ полка, бывшимъ на лицо, при штурмѣ Варшавы, высочайше повелѣно выдать по 5 рублей на человѣка. (Рапортъ нач. штаба дѣйств. арміи командиру гвардейскаго корпуса, отъ 26-го октября 1831 г.). Командиръ гвардейскаго корпуса, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ шефъ л.-гв. Литовскаго полка, пожаловалъ отъ себя всѣмъ нижнимъ чинамъ полка, бывшимъ въ полубатальонѣ охотниковъ, по 1 червонцу, а раненому, Похольчуку, 4 червонца.

Не станемъ описывать достаточно извѣстныхъ подробностей торжественнаго вступленія русской гвардіи въ покоренную столи-

---

[34]) Приложеніе къ приказу по дѣйст. арміи, отъ 12-го августа 1832 г. № 289. Архивъ штаба Варш. воен. округа

[35]) Рапортъ дежурнаго генерала глав. штаба Е. И. Величества къ командиру гвардейскаго корпуса, отъ 10-го ноября 1831 г. Именной списокъ офицеровъ и перечневая вѣдомость ниж. чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, коимъ пожалованы серебряныя медали за штурмъ Варшавы. Архивъ штаба войскъ гвардіи и Петерб. округа.

КАРТА
ДВИЖЕНІЙ Л. ГВ. ЛИТОВСКАГО ПОЛКА
ВЪ КАМПАНІЮ 1831 ГОДА
верстъ
ПРУССІЯ
Ковно
Вильно
Гродно
Августовъ
ЛОМЖА
ГРОДНО
Тыкоцинъ
Бѣлостокъ
Остроленка
Суражъ
Пески
Маговецкъ
Нижовъ
Брянскъ
Гродекъ
Брокъ
Пултускъ
Вышковъ
Нуръ
Грань
Плоцкъ
Серонскъ
Модлинъ
Радминъ
Коротница
Соколовъ
Ливъ
Кутно
ВАРШАВА
Окуневъ
Станиславовъ
Ловичъ
Надаржинъ
Скерневицы
Минскъ
СѢДЛЕЦЪ
Вишневъ
Луковъ
Мистковъ
Желиговъ
Радинъ
Коцкъ
ПЛОЦКАЯ Г.
ВАРШАВСКАЯ Г.
ЛОМЖИНСКАЯ Г.
СѢДЛЕЦКАЯ Г.
ПЕТРОКОВСКАЯ Г.
РАДОМСКАЯ Г.

цу. Радостныя лица побѣдителей составляли рѣзкій контрастъ съ мрачнымъ видомъ города, улицы котораго были пусты. По этимъ опустѣвшимъ улицамъ л.-гв. Литовскій полкъ прошелъ до Арсенальной площади, на которой нѣсколько дней простоялъ бивакомъ. 30-го августа полкъ былъ переведенъ и расположенъ бивакомъ вблизи своего стараго пепелища—Александровскихъ казармъ. Бивакировали съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей: по ночамъ люди не раздѣвались и отъ 7-ми часовъ вечера до 5-ти часовъ утра не снимали амуниціи; отъ бригады ежедневно назначался одинъ дежурный батальонъ [36]). Нижніе чины увольнялись въ городъ не иначе, какъ по дѣламъ службы и то командами; а увольненіе офицеровъ по ихъ частнымъ дѣламъ было ограничено строгою очередью: въ одно время въ отлучкѣ могло находиться не болѣе одного штабъ и четырехъ оберъ-офицеровъ. Варшава, впрочемъ, и не представляла въ то время ничего привлекательнаго и имѣла физіономію недавно покореннаго города. Война еще не была совершенно окончена, а потому всѣ правила военнаго положенія примѣнялись во всей строгости: въ 9 часовъ вечера всѣ рестораны, трактиры, кофейни, билліарды и т. п. должны были закрываться; пѣшіе патрули забирали всѣхъ, оставшихся въ этихъ заведеніяхъ послѣ этого срока, при чемъ хозяева подвергались штрафамъ. Послѣ 9-ти часовъ пѣшеходамъ не дозволялось ходить по улицамъ безъ свидѣтельства отъ коменданта; патрули останавливали прохожихъ, спрашивали и удостовѣрялись въ личности, забирая тѣхъ, которые не имѣли законныхъ видовъ. Экипажи и извощики имѣли право ѣздить до 11 часовъ вечера, а послѣ подвергались той-же участи. Понятно, что объ общественныхъ увеселеніяхъ не могло быть и помину.

12-го сентября л.-гв. Литовскій полкъ былъ опять переведенъ въ центральную часть города и расположенъ сначала бивакомъ на Саксонской площади, а потомъ казарменно, въ Саксонскомъ дворцѣ. Въ это время явились наши плѣнные офицеры: поручикъ Лишинъ, подпоручикъ Романовскій, прапорщики Красинскій и Макаровъ, и лекарь Лучинскій, а 19-го сентября зачисленъ на лицо прибыв-

---

[36]) Приказъ въ 5-ю гвардейскую бригаду, отъ 2-го сентября 1831 г.

шій изъ плѣна полковой командиръ, генералъ-маіоръ Энгельманъ. Но участія въ управленіи полкомъ послѣдній не принималъ еще недѣли двѣ: полковникъ Граббе по-прежнему командовалъ полкомъ, отдавалъ приказы и готовился къ сдачѣ полка, что было дѣломъ далеко нелегкимъ, если принять во вниманіе полнѣйшее разстройство полковаго хозяйства, частію разграбленнаго въ Варшавѣ, частію уничтоженнаго продолжительнымъ походомъ.

Продолжительная стоянка въ Варшавѣ (съ 27 августа по 28 октября) дала возможность привести въ удовлетворительный видъ обмундированіе нижнихъ чиновъ, ходившихъ подъ конецъ похода въ какихъ-то нищенскихъ лохмотьяхъ. Еще 19-го іюля утверждены были образцы новаго обмундированія для полка: вмѣсто желтыхъ воротниковъ, обшлаговъ, лацкановъ, клапановъ и т. п. повелѣно имѣть ихъ изъ краснаго сукна, по образцу л.-гв. Московскаго полка; шитье, эполеты и весь приборъ у офицеровъ остались серебряные. Эта перемѣна цвѣта такъ преобразила Литовцевъ, что возвращавшіеся изъ плѣна офицеры и солдаты не узнавали своихъ однополчанъ, успѣвшихъ передѣлать мундиры.

1-го октября полковой командиръ, Карлъ Георгіевичъ Энгельманъ окончилъ пріемку полка и вступилъ въ командованіе [37]). Не долго оно продолжалось... 18-го октября, въ шестомъ часу по-полудни, К. Г. Энгельманъ застрѣлился изъ пистолета въ своей квартирѣ, находившейся въ одномъ изъ флигелей Брюлевскаго дворца. Причина его самоубійства осталась навсегда загадкой для всѣхъ, его окружавшихъ. Мрачное расположеніе духа, въ которомъ онъ находился въ послѣдніе дни, давало возможность предполагать, что онъ покончилъ съ собой въ припадкѣ меланхоліи. Развитію этой болѣзни могли способствовать предшествовавшія событія, плѣнъ и, наконецъ, полнѣйшее разстройство, въ которомъ Карлъ Георгіевичъ нашелъ, по возвращеніи изъ плѣна, всѣ части полковаго хозяйства. Ни въ письмахъ, ни въ бумагахъ его не было найдено никакихъ намековъ на причины самоубійства.

---

[37]) До тѣхъ поръ, числясь въ полку на лицо, онъ ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности, и только однажды въ приказѣ по полку упоминалось, что генералъ-маіоръ Энгельманъ, встрѣтивъ ѣхавшаго на извощикѣ подпрапорщика Юшкевича, приказалъ посадить его въ погребъ на цѣлую недѣлю.

Высочайшимъ приказомъ отъ 24-го октября, командиромъ л.-гв. Литовскаго полка назначенъ былъ генералъ-маіоръ Павелъ Яковлевичъ Девиттъ. До его прибытія полкомъ командовалъ старшій полковникъ—Бибиковъ. Полковникъ Граббе, командовавшій полкомъ во время кампаніи, въ то время уже получилъ другое назначеніе.

Послѣдніе дни пребыванія полка въ Варшавѣ были ознаменованы еще однимъ, важнымъ для насъ, событіемъ—сформированіемъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Высочайшій приказъ объ этомъ послѣдовалъ 6-го октября 1831 года [38]). Кромѣ полковъ, нынѣ составляющихъ эту дивизію, къ ней причисленъ былъ также л.-гв. Финскій стрѣлковый батальонъ. Первымъ дивизіоннымъ начальникомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Рихтеръ, бывшій до мятежа начальникомъ сводной россійско-польской гвардейской дивизіи.

Въ концѣ октября гвардейскій корпусъ былъ двинутъ обратно въ предѣлы Имперіи. Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Варшавы 28-го октября на зимнія квартиры въ Виленскую губернію. Но прежде, чѣмъ проститься съ Варшавой, скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ нѣкоторыхъ изъ офицеровъ и подпрапорщиковъ Литовскаго полка, находившихся въ плѣну у поляковъ.

---

[38]) Гренадерскіе полки Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго были причислены къ гвардейскому корпусу еще раньше, 22-го августа, и составили 6-ю бригаду пѣхоты этого корпуса.

ГЛАВА XVIII.

НАШИ ПЛѢННЫЕ.

Подробности захвата въ плѣнъ генерала Энгельмана.—Плѣнъ прапорщика Макарова.—Поручикъ Лишинъ и подвигъ военныхъ кантонистовъ.— Награда.—Прапорщикъ Забѣлло. — Подпрапорщики братья Константинъ и Владиміръ Развадовскіе; ихъ плѣнъ, побѣгъ и производство въ офицеры. — Общее число нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, оставшихся въ плѣну у поляковъ.—Рядовой Гордѣйчукъ.— Высочайшій приказъ о плѣнныхъ офицерахъ и чиновникахъ бывшаго гвардейскаго отряда.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ было уже сказано, что генералъ Энгельманъ захваченъ въ плѣнъ въ первый день мятежа, 17 (29) ноября, въ то время, какъ онъ спѣшилъ къ своему полку изъ Брюлевскаго дворца, гдѣ былъ на вечерѣ у Данилова. Остается прибавить нѣкоторыя подробности. Путь къ Александровскимъ казармамъ, гдѣ стоялъ полкъ, лежалъ черезъ Арсенальную площадь, бывшую въ то время центромъ возстанія и наполненную толпами возмутившейся черни и польскихъ солдатъ, оставившихъ свои знамена.

Видя, что проѣздъ черезъ площадь невозможенъ и что многіе изъ толпы узнали его, Карлъ Георгіевичъ Энгельманъ выскочилъ изъ экипажа и побѣжалъ по Долгой улицѣ; въ это время какой-то барабанщикъ бросилъ ему подъ ноги свой барабанъ; генералъ споткнулся, упалъ, былъ схваченъ и отведенъ на гауптвахту, тутъ-же находившуюся. Въ солдатской комнатѣ гауптвахты генералъ Энгельманъ провелъ ночь въ обществѣ солдатъ, изъ которыхъ одинъ, вспомнивъ строгій выговоръ, сдѣланный ему генераломъ нѣсколько дней тому назадъ, обкуривалъ его дымомъ своей трубки и громко выражалъ свое удовольствіе по поводу того, что генералъ не избѣ-

житъ теперь смерти. Черезъ нѣсколько дней Карлъ Георгіевичъ былъ переведенъ въ Замокъ, а въ концѣ января отправленъ на житье куда-то въ провинцію, куда именно—не знаемъ, гдѣ и пробылъ до взятія Варшавы. Неизвѣстны также и подробности его пребыванія въ неволѣ, но во всякомъ случаѣ предсказаніе нахала—солдата не сбылось, и Карлу Георгіевичу еще пришлось командовать полкомъ, хотя и не долго...

Гораздо болѣе подробностей, нелишенныхъ интереса, сохранилось о пребываніи въ плѣну прапорщика Макарова (впослѣдствіи извѣстнаго лексикографа), благодаря тому, что онъ описалъ свои приключенія въ своихъ „Воспоминаніяхъ плѣннаго офицера“ [1]). Въ день возстанія, 17 ноября, Макаровъ былъ боленъ и находился въ Уяздовскомъ госпиталѣ. 19-го онъ присоединился къ полку, стоявшему бивакомъ на Мокотовскомъ полѣ; но проведя двѣ ночи на голой землѣ, разболѣлся еще болѣе и, по совѣту товарищей, возвратился въ госпиталь, никакъ не ожидая, конечно, что Цесаревичъ отступитъ, а ему придется сдѣлаться военноплѣннымъ.

Черезъ мѣсяцъ, когда здоровье Макарова поправилось, онъ рѣшился побывать въ городѣ. „Надѣвъ шинель и шапку, я вышелъ изъ госпиталя и отправился черезъ Вейскую улицу въ городъ. Пока я шелъ по этой малопроѣзжей улицѣ, пишетъ Макаровъ, все было хорошо. Но на улицѣ Новый Свѣтъ я началъ обращать на себя вниманіе прохожихъ. Сначала бросали на меня косые взгляды; потомъ стали останавливаться и показывать пальцами, говоря: „Москаль! Какая дерзость!“ Кое какъ пробрался я на Францискан-скую улицу, гдѣ были жидовскія лавки; поспѣшно войдя въ одну изъ нихъ я велѣлъ еврею портному спороть форменныя пуговицы съ моей шинели и обшить желтый воротникъ ея сѣрымъ сукномъ, подъ цвѣтъ шинели, которая изъ военной сдѣлалась статскою. Точно такъе велѣлъ я обшить чернымъ сукномъ желтый околышъ фуражки. Послѣ этой метаморфозы, хорошо владѣя польскимъ языкомъ, я могъ уже безопасно разгуливать по улицамъ Варшавы. И чего я тамъ не наслушался, на что не насмотрѣлся! Какую пере-

[1]) Апрѣльская книжка „Военнаго Сборника“ за 1862 годъ.

мѣну нашелъ я въ физіономіи города! Не осталось и тѣни прежней строгости въ отношеніи формы и военной выправки: нижніе чины расхаживали съ разстегнутыми воротниками, въ длинныхъ волосахъ, въ перчаткахъ; многіе изъ нихъ разъѣзжали въ извощичьихъ колясках, съ трубками или сигарами во рту. Прибавьте къ этому невообразимую пестроту костюмовъ самыхъ фантастическихъ фасоновъ. Безпрестанно кто нибудь изъ молодежи заявлялъ желаніе формировать полкъ, батальонъ, эскадронъ и даже взводъ, и сейчасъ-же сочинялъ новую форму, непохожую на другія. Такое формированіе ограничивалось по большей части собственной особой формирователя, да его фантастическимъ мундиромъ."

„По-временамъ къ намъ доходили самые тревожные слухи на счетъ нашей участи; говорили, что чернь хочетъ напасть на мѣста, гдѣ содержатся русскіе плѣнные, и предать этихъ людей смерти. Часто нѣкоторые изъ нашихъ товарищей по госпиталю, возвращаясь изъ города, сообщали намъ новость, что въ слѣдующую ночь будутъ вѣшать жидовъ, да русскихъ. Однажды подобный слухъ едва не сдѣлался фактомъ, и я былъ свидѣтелемъ и вкусилъ сладость очень сильныхъ ощущеній. Я отправился зачѣмъ то въ городъ; болѣе половины города прошелъ я и достигъ улицы Фрета, какъ вдругъ началось смятеніе между прохожими, и со всѣхъ сторонъ послышались крики: „запирать лавки! къ оружію!" Не зная причины и не ожидая развязки этой внезапной суматохи, я взялъ извощика и велѣлъ, какъ можно скорѣе, ѣхать въ госпиталь. Но едва довезъ онъ меня до Стараго Города (Stare Miasto), какъ остановился и не хотѣлъ ѣхать далѣе, говоря, что принадлежитъ къ народной гвардіи и долженъ спѣшить къ оружію. Иду пѣшкомъ и достигаю площади Краковскаго Предмѣстья. Тутъ произошелъ передо мною одинъ изъ ужасныхъ революціонныхъ эпизодовъ; многочисленная толпа старалась вломиться въ ворота замка, гдѣ содержались русскіе плѣнные, и неистово кричала: смерть измѣнникамъ, смерть шпіонамъ, смерть русскимъ!"

„Тщательно завернулся я въ мою шинель, чтобы не видно было форменнаго сюртука, который могъ меня выдать; одно только сукно шинели отдѣляло меня отъ грозной опасности, защищало отъ неистовства разсвирѣпѣвшей черни. По счастію попался извощикъ,

согласившійся везти меня, и я благополучно возвратился въ госпиталь, гдѣ сообщилъ страшную сцену, видѣнную мною въ городѣ. Мы съ ужасомъ ждали извѣстія о развязкѣ. Но Хлопицкій спасъ безоружныхъ плѣнниковъ; онъ принялъ всѣ мѣры противъ кровавыхъ замысловъ черни, возбужденной варшавскими демагогами: въ замкѣ поставили караулъ, всѣ ворота заперли и завалили бревнами, такъ что усилія буйной толпы ворваться въ замокъ остались тщетными. Русскіе плѣнные были спасены."

Въ концѣ января революціонное правительство сдѣлало распоряженіе о высылкѣ русскихъ военноплѣнныхъ изъ Варшавы въ провинцію, гдѣ мѣстомъ пребыванія ихъ были назначены м. Вальборжъ и г. Ченстоховъ, оба въ Калишскомъ воеводствѣ. Макаровъ попалъ сначала въ Вальборжъ, но потомъ его нѣсколько разъ переводили изъ одного мѣста въ другое и, наконецъ, назначили мѣстопребываніемъ мѣстечко Опатовецъ, въ 10 миляхъ отъ Келецъ, на самомъ берегу Вислы. Такъ какъ противоположный берегъ рѣки принадлежалъ австрійской Галиціи, то нѣкоторые изъ плѣнныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Макаровъ, сдѣлали попытку бѣжать. Имъ ничего не стоило переплыть Вислу нѣсколько разъ—они научились этому искусству въ извѣстной уже намъ школѣ плаванія—но по всему берегу Вислы, граничившему съ Польшей, былъ протянутъ кордонъ австрійскихъ солдатъ, которые имѣли строжайшее приказаніе не только никого не пропускать изъ Польши въ Галицію, но даже не позволять купающимся выходить на австрійскій берегъ для отдохновенія. Нѣсколько разъ наши смѣльчаки пытались ступить на землю Галиціи, но всякій разъ, подплывая близко къ берегу, они слышали грозное „zurück!" (назадъ), а затѣмъ часовой взводилъ курокъ и начиналъ прицѣливаться.

„Жестоко надоѣлъ намъ нашъ плѣнъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ Макаровъ. Къ скукѣ и тоскѣ нашей неволи присоединялась иногда горькая нужда. Хотя и возможно было-бы существовать жалованьемъ, отпускавшимся намъ временнымъ правительствомъ, но оно не всегда акуратно выплачивалось, и мы, по случаю оскудѣнія польской казны, иногда дожидались его мѣсяца по два. Въ это время многіе изъ насъ, не шутя, голодали по нѣсколько дней и находились на пищѣ св. Антонія. Помню, какъ одинъ изъ плѣнныхъ,

обладавшій громаднымъ аппетитомъ и голодавшій болѣе сутокъ, купилъ въ долгъ у одного косиньера фунта три чернаго хлѣба, чрезвычайно черстваго. Онъ принялся ѣсть съ видимымъ наслажденіемъ. Когда половина уже была съѣдена, кто-то сказалъ ему:

— „Да ты взялъ бы соли, да воды—все бы легче было глотать этотъ черствый хлѣбъ."

— „Знаю, да только тогда скоро съѣстся."

Онъ хотѣлъ продлить свое гастрономическое наслажденіе....

Пробывъ въ плѣну до конца войны, Макаровъ, послѣ многихъ препятствій, только 11 октября добрался до Варшавы. „Долго ходилъ я по улицамъ и въ пестрой толпѣ военныхъ, попадавшихся мнѣ на каждомъ шагу, не встрѣтилъ ни одного сослуживца по Литовскому полку. Но вотъ, наконецъ, одинъ встрѣчный рядовой, на вопросъ мой: какого-ты полка? отвѣтилъ: „лейбъ-гвардіи Литовскаго." Я не узналъ его потому, что прежнее желтое сукно на воротникѣ было замѣнено краснымъ."

Въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка находились, какъ сказано, поручикъ Лишинъ и прапорщикъ Корвинъ-Красинскій. Андрей Федоровичъ Лишинъ завѣдывалъ школой военныхъ кантонистовъ; прапорщикъ Корвинъ-Красинскій былъ его помощникомъ. Школа состояла изъ 500 молодыхъ людей и дѣлилась на два отдѣленія: малолѣтнее, помѣщавшееся въ Лазенкахъ, и музыкантское и строевое, находившееся въ Александровскихъ казармахъ. Съ началомъ революціи, послѣ удаленія русскаго отряда, кантонисты съ ихъ воспитателями остались въ плѣну. Мятежное правительство сначала не прерывало обычнаго порядка занятій въ школѣ, подъ надзоромъ прежнихъ начальниковъ. Но, думая, что можно съ пользой пристроить кантонистовъ, достигшихъ пятнадцатилѣтняго возраста и хорошо обученныхъ фронту, въ польскихъ войскахъ, правительство это вознамѣрилось склонить молодыхъ людей къ добровольному вступленію въ ряды мятежниковъ. Сначала польскіе офицеры и студенты знакомились съ ними и дѣлали имъ разнаго рода выгодныя предложенія; но кантонисты, благодаря вліянію на нихъ А. Ф. Лишина и его сотрудниковъ, отвергли все. Тогда имъ уменьшили выдачу пищи, а нѣкоторыхъ начали мучить голодомъ; но и тутъ молодые люди объявили, что готовы уме-

реть, но не измѣнятъ своему Государю. Все это происходило послѣ диктаторства Хлопицкаго; во время его управленія съ русскими кантонистами обходились хорошо, и положеніе ихъ ухудшилось уже послѣ удаленія диктатора.

Въ самомъ разгарѣ революціи, во время управленія Круковецкаго, революціонное правительство убѣдилось, что всѣ средства, употребленныя для того, чтобы уговорить русскихъ кантонистовъ перейти въ мятежное войско, оказались тщетными; а потому рѣшено было разлучить А. Ф. Лишина, нетолько съ воспитанниками, но и съ семьей, и отправить его въ отдѣльное заключеніе. Мальчиковъ рѣшено было разослать по частямъ въ разныя мѣста Польши, чтобы они, находясь въ польской средѣ, скорѣе поддались заманчивымъ предложеніямъ. Не всякій родной отецъ такъ оставляетъ своихъ дѣтей, какъ Лишинъ разлучался со своими питомцами. Плачъ и отчаяніе юношей показывали, какъ тяжело было имъ разстаться со своимъ наставникомъ.

„Я васъ долженъ оставить, дѣти мои,—сказалъ имъ на прощанье Лишинъ,—не забывайте Бога и помните, что вы Русскіе!“

Эти слова надолго сохранились въ сердцахъ ихъ. Оставленные среди непріязненнаго имъ конвоя, они на пути слѣдованія въ г. Новое-Мѣсто выбрали изъ своей среды начальниками лучшихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ наибольшее вліяніе имѣлъ фельдфебель Петръ Васильевъ. Въ г. Новомъ-Мѣстѣ въ то время, по распоряженію революціоннаго правительства, дѣятельно формировались новые полки, въ которыхъ особенно ощутителенъ былъ недостатокъ въ барабанщикахъ; а между кантонистами было отлично обученныхъ барабанщиковъ до 47. Когда польскіе офицеры это узнали, то велѣли всѣмъ выстроиться на городской площади, гдѣ, окруживъ ихъ массами косиньеровъ, вызвали барабанщиковъ изъ рядовъ и объявили, что они будутъ зачислены въ польскія войска. При этихъ словахъ отдѣлившіеся кантонисты мгновенно смѣшались съ остальными товарищами, и никакія угрозы не могли заставить ихъ выйти снова изъ рядовъ. Когда разъяренная толпа кракусовъ закричала: „мы васъ всѣхъ изрубимъ, если не выдадите барабанщиковъ!“ то молодые люди, молча, начали готовиться къ смерти. Между ними не было ни одного труса, ни одного предателя... Одного

изъ нихъ, Фаеваго, черниговскаго уроженца, юношу лѣтъ 19, кракусъ вытащилъ изъ толпы и закричалъ: „Ты былъ барабанщикомъ! иди съ нами, или я тебѣ тотчасъ отрублю голову!“ При этомъ онъ поднялъ косу для нанесенія удара. Вмѣсто отвѣта, Фаевой хладнокровно снялъ галстухъ, склонилъ голову и сказалъ только: „На, руби!“ Подобный поступокъ не требуетъ коментаріевъ.

Впослѣдствіи часть кантонистовъ была помѣщена въ г. Андреевѣ, въ 12 миляхъ отъ прусской границы. Однажды ночью они вооружились кольями, напали на кракусовъ и разбили ихъ, оставивъ на мѣстѣ 7 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ кантонистовъ. Остальные 44 человѣка, пробираясь лѣсами и проселочными дорогами и подвергаясь всякаго рода опасностямъ и лишеніямъ, прибыли, наконецъ, къ прусской границѣ, гдѣ въ виду прусскихъ форпостовъ вновь принуждены были вступить въ бой съ поляками, препятствовавшими свободному ихъ переходу. Пробившись сквозь враждебную толпу, они перешли границу. Пруссаки хорошо содержали молодыхъ людей, которые, послѣ взятія Варшавы, возвратились въ Россію [2]). Поручикъ Лишинъ находился въ плѣну до взятія Варшавы и присоединился къ полку въ сентябрѣ 1831 года. Его воспитательная дѣятельность была по достоинству оцѣнена: Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о доблестныхъ подвигахъ военныхъ кантонистовъ, пожаловалъ ихъ воспитателю орденъ св. Владиміра IV класса, а приказъ, въ которомъ излагались подробности этихъ подвиговъ, повелѣлъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ всей русской арміи [3]).

О пребываніи въ плѣну подпоручика Суровцова и прапорщика Романовскаго свѣдѣній не имѣемъ, хотя оба они, по окончаніи войны, возвратились въ полкъ. Что-же касается до прапорщика Забѣлло, о немъ не было ни слуху, ни духу, и въ полку его исключили безъ вѣсти пропавшимъ.

Увлекающійся характеръ этого офицера и его литовское происхожденіе заставляли предполагать, что онъ измѣнилъ присягѣ

---

[2]) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830 года. Циммерманъ. Воен. Сб. 1869 г. № 8.

[3]) Общій архивъ Главнаго штаба.

и вступилъ въ ряды мятежныхъ войскъ. Но ни въ спискахъ убитыхъ, ни въ спискахъ эмигрировавшихъ намъ не встрѣчалось его имя, а потому, не имѣя достаточныхъ данныхъ, мы не рѣшаемся бросить тяжелое обвиненіе на того, чье преступленіе не доказано...

Остается сказать нѣсколько словъ о подвигѣ подпрапорщиковъ нашего полка, братьевъ Константина и Владиміра Развадовскихъ.

Возстаніе польскихъ подпрапорщиковъ въ школѣ подхоронжихъ застало врасплохъ подпрапорщиковъ русскихъ полковъ, число которыхъ было несравненно меньше. Подпрапорщики Константинъ и Владиміръ Развадовскіе и Каршницкій, въ числѣ другихъ, выскочили черезъ окно втораго этажа и направились обходными улицами къ казармамъ своего полка, расположеннымъ на противоположномъ концѣ города, добраться до которыхъ оказалось, однако, не легко. Какъ ни спѣшили они, но возстаніе, разливаясь по городу, опережало ихъ, и они не разъ были встрѣчаемы на своемъ пути бранью, угрозами и даже выстрѣлами. Несмотря на это, имъ удалось благополучно достигнуть угловаго дома, выходившаго на плацъ Брони, гдѣ въ то время уже собранъ былъ Литовскій полкъ; но далѣе пробраться сквозь густыя толпы мятежниковъ было невозможно, и двухъ изъ этихъ юношей, братьевъ Развадовскихъ, забрали въ плѣнъ. Каршницкому удалось пробраться сквозь толпу; но въ то время, какъ онъ бѣжалъ по площади на соединеніе съ полкомъ, выстрѣлъ, сдѣланный изъ толпы мятежниковъ, сразилъ его, и онъ упалъ, убитый на повалъ.

Не легокъ былъ плѣнъ подпрапорщиковъ Развадовскихъ; дважды пытались они бѣжать, но оба раза были схвачены и возвращены. Послѣ втораго побѣга имъ грозили смертью; къ счастью, за нихъ заступился знакомый имъ генералъ польскихъ войскъ, графъ Шембекъ, и вмѣсто казни имъ предложили на выборъ или чинъ подпоручика въ польскихъ войскахъ, или тяжелыя работы на воздвигавшихся тогда укрѣпленіяхъ Праги. Они избрали послѣднее и терпѣливо рыли землю, выжидая новаго благопріятнаго случая къ побѣгу. Несмотря на двѣ неудавшіяся попытки къ бѣгству и на угрожавшую имъ неминуемую смерть въ случаѣ поимки въ третій разъ, эти молодые люди рѣшились 7-го января 1831 года еще разъ попробовать счастья: они бѣжали въ третій разъ, послѣ тягостнаго

пятидесятидневнаго плѣна. На этотъ разъ имъ посчастливилось. Испытавъ въ продолженіе своего четырехнедѣльнаго странствованія всевозможныя лишенія и страданія отъ тогдашней суровой зимы и крайнія опасности, вѣрные своему долгу юноши достигли русскихъ предѣловъ и присоединились къ полку за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій, во время слѣдованія полка къ границамъ Царства Польскаго.

Въ 1832 году, послѣ смотра, произведеннаго Государемъ л.-гв. Литовскому полку, по возвращеніи въ Петербургъ, Его Величество, вызвавъ братьевъ Развадовскихъ изъ фронта, Самъ разсказалъ о ихъ подвигѣ окружавшей Его свитѣ, а потомъ, обращаясь къ молодымъ людямъ, сказалъ:

„Въ награду за вашъ доблестный поступокъ, произвожу васъ въ прапорщики л.-гв. Литовскаго полка“ [4]).

Изъ числа 266 нижнихъ чиновъ, оттертыхъ отъ полка въ первый день мятежа, 227 оставили Варшаву и присоединились къ полку въ разное время и только 39 попали въ плѣнъ, считая въ томъ числѣ и находившихся въ варшавскихъ госпиталяхъ. Да и изъ этихъ 39-ти семеро бѣжали, слѣдовательно, въ Варшавѣ оставалось всего 32 нижнихъ чина л.-гв. Литовскаго полка. Ни выгодныя обѣщанія, ни насиліе не могли побудить нашихъ плѣнныхъ солдатъ ко вступленію въ ряды инсургентовъ; за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ измѣны, всѣ оставались вѣрны своему долгу. Мало того, нѣкоторые изъ подъ стражи бѣжали изъ Варшавы, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, благополучно пробирались черезъ край, объятый возстаніемъ, отыскивали свой полкъ въ числѣ множества другихъ полковъ и съ честью продолжали служить въ рядахъ полка. Нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, по выпискѣ ихъ изъ госпиталя, силою ставили въ ряды польскихъ войскъ; но и тутъ рѣшимость и изворотливость молодцовъ находили честный исходъ. Рядовой 2-й фузелер. роты *Гордыйчука*, выписавшись изъ госпиталя, былъ поставленъ въ ряды мятежниковъ; но при первой стычкѣ, съ русскими войсками выбѣжалъ къ нимъ въ польскомъ мундирѣ, съ

---

[4]) Изъ записокъ и разсказовъ графа К. И. Развадовскаго.

ружьемъ, подвергаясь опасности быть убитымъ своими, и потомъ явился въ полкъ.

Всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ варшавскаго гвардейскаго отряда, попавшимъ въ плѣнъ, высочайше повелѣно было, въ виду того, что они захвачены не на полѣ битвы, а вѣроломнымъ образомъ, во время мира, не исключать время нахожденія въ плѣну изъ числа лѣтъ службы и не считать препятствіемъ къ выслугѣ ордена св. Георгія и знака отличія безпорочной службы; а также удовлетворить ихъ полнымъ содержаніемъ за все время плѣна.

ГЛАВА XIX.

(1831—1836).

Походъ въ г. Шавли и расположеніе въ его окрестностяхъ, на кантониръ-квартирахъ.—Новый командиръ полка, Павелъ Яковлевичъ Девиттъ.—Печальный случай въ Шавляхъ. — Переименованіе 2-го батальона въ третій. — Походъ въ Петербургъ.— Сформированіе 2-го батальона изъ резервныхъ ротъ. — Переходъ въ Ораніенбаумъ и Петергофъ.—Сравненіе новой стоянки съ Варшавой. — Освященіе знамени, пожалованнаго второму батальону; парадъ по этому случаю и приказъ въ л.-гв. Литовскій полкъ, отданный его августѣйшимъ шефомъ. — Высочайшій приказъ 18-го марта 1833 года. — Служба полка въ Ораніенбаумѣ.—Замѣчательныя событія и торжества, въ которыхъ части полка принимали участіе.— Учрежденіе въ полку библіотеки для офицеровъ. — Краткая характеристика новаго шефа, Великаго Князя Михаила Павловича.

28-го октября л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Варшавы на зимнія квартиры въ г. Шавли, Виленской губерніи. Полкъ слѣдовалъ черезъ Пултускъ, Остроленку, Ломжу, Августовъ и Кейданы. Отвратительная погода давала полную возможность извѣдать глубину литовской грязи. На ночлегахъ и дневкахъ полкъ располагался на тѣсныхъ квартирахъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предосторожностей; въ деревняхъ ставились караулы; въ каждой ротѣ и батальонѣ назначались сборные пункты на случай тревоги; на ночь сводили въ одну квартиру большее число нижнихъ чиновъ.

3-го декабря полкъ вступилъ въ г. Шавли и расположился на широкихъ квартирахъ въ окрестностяхъ этого города, при чемъ штабъ полка и 1 батальона былъ помѣщенъ въ Шавляхъ [1]).

---

[1]) Полковой и 1-го батальона штабы—г. Шавли; ротные дворы: роты Е. В.—Шкурайцы, 1 фузелерной— мыза Гонча, 2 фузелерной— Дикторишки, 3 фуз.—Цитовяны.

Штабъ 2 б-на и ротный дворъ 6 фуз. роты—м. Попеляны, 2 гренад. роты—м. Грудзисъ, 4 фуз.—м. Куршаны, 5 фуз. роты—мыза Шакиновка. Для 24 офицеровъ и 1670 нижнихъ чиновъ полка отведено было 1804 двора. (Архивъ штаба войскъ гвардіи).

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ полка въ Шавли туда пріѣхалъ новый командиръ, генералъ-маіоръ Девиттъ, и остановился въ домѣ графа Зубова, которому принадлежали Шавли и часть сосѣднихъ деревень.

Павелъ Яковлевичъ Девиттъ вступилъ въ службу въ 1811 году въ Преображенскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ кампаніяхъ 12, 13 и 14 годовъ. По производствѣ въ чинъ полковника въ 1823 году, онъ былъ переведенъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ въ 1824 году, онъ былъ утвержденъ въ должности батальоннаго командира, а въ слѣдующемъ году назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Съ Измайловскимъ полкомъ Павелъ Яковлевичъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года и въ польской кампаніи 1831 года. 22-го августа 1831 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 24-го октября назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка. По свидѣтельству людей, знавшихъ его, это былъ образованный, гостепріимный и любезный человѣкъ; во всей гвардіи онъ былъ извѣстенъ, какъ величайшій щеголь. Его щегольской костюмъ вовсе не гармонировалъ съ долгополыми сюртуками, сшитыми ротными портными, и вообще со всею внѣшностью литовскихъ офицеровъ, обносившихся въ походѣ.

Скучная стоянка въ Шавляхъ заключилась однимъ печальнымъ эпизодомъ.

Въ полку служилъ прапорщикъ Путинцевъ, бывшій фельдфебель 2-й гренад. роты. Это былъ человѣкъ съ природнымъ умомъ и прекрасными душевными качествами; къ несчастію, онъ былъ малограмотенъ. При выступленіи полка изъ Варшавы, по случаю болѣзни полковаго казначея Малиновскаго, ему временно была поручена казначейская часть. По прибытіи въ полкъ, генералъ Девиттъ, приступая къ пріемкѣ, приказалъ Путинцеву привести въ порядокъ и разсортировать по отдѣламъ полковыя суммы. Эта работа была ему не по силамъ, потому что онъ не зналъ ариѳметики и плохо считалъ на счетахъ; но, какъ человѣкъ самолюбивый, онъ не хотѣлъ въ томъ сознаться, считалъ, считалъ и, наконецъ, засчитался до изступленія, до отчаянія... Однажды утромъ онъ ушелъ изъ квартиры въ пустой сарай, гдѣ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ изъ длиннаго турецкаго пистолета. По примѣру Энгельмана, онъ поло-

жилъ очень малый зарядъ, а потому пуля, не проникнувъ въ мозгъ, остановилась въ лобной части, и несчастный умеръ только на шестой день, въ страшныхъ страданіяхъ. Предполагая растрату казенныхъ суммъ, немедленно назначили коммиссію для повѣрки денежнаго ящика; но деньги были на лицо, даже съ излишкомъ. Честный Путинцевъ палъ жертвою незнанія ариѳметики... [2]).

Во время стоянки въ Шавляхъ приказомъ по отдѣльному гвардейскому корпусу объявлено было высочайшее повелѣніе, чтобы второй батальонъ л.-гв. Литовскаго полка именовался третьимъ; вторымъ-же названъ батальонъ, сформированный изъ резервныхъ ротъ, бывшихъ въ Несвижѣ [3]).

Стоянка въ Шавляхъ была менѣе продолжительна, чѣмъ предполагали. Государь, принимая во вниманіе трудность похода, совершоннаго гвардіей въ 1831 году, и желая, чтобы въ Петербургъ гвардейскій корпусъ прибылъ до начала весенней распутицы, повелѣлъ начать выступленіе изъ мѣстъ квартирнаго расположенія въ Литвѣ во 2-й половинѣ января 1832 года [4]). Л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ г. Шавли 31 января и, составляя 12-й эшелонъ гвардейскаго корпуса, слѣдовалъ въ лѣвой колоннѣ черезъ Ригу (7 февраля), Дерптъ (23 февраля), Нарву (5 марта), Ямбургъ (7 марта) и Стрѣльну (14 марта) въ С.-Петербургъ, куда прибылъ 15 марта. Этотъ переходъ въ семьсотъ верстъ, совершонный въ 45 дней, не представлялъ ничего замѣчательнаго. Одни только чистенькіе города прибалтійскихъ губерній произвели пріятное впечатлѣніе послѣ грязныхъ городовъ и мѣстечекъ Литвы.

Резервныя роты л.-гв. Литовскаго полка выступили изъ Несвижа подъ командой капитана Желтухина и прибыли въ Петербургъ въ началѣ января 1832 года. Сначала онѣ были расположены въ Новой Деревнѣ, а потомъ переведены въ Преображенскія казармы, гдѣ, по укомплектованіи людьми, онѣ переформированы были въ батальонъ четырехротнаго состава, которому, по присоединеніи къ

---

[2]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова.

[3]) Приказъ по полку, отъ 19 декабря 1831 года. По переходѣ границы царства, гвардейскому корпусу повелѣно было по-прежнему именоваться „отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ."

[4]) Рапортъ графа Чернышева командиру отдѣльн. гвард. корпуса, за № 1141.

полку дано названіе 2-го батальона [5]). Такимъ образомъ, по приходѣ въ Петербургъ, л.-гв. Литовскій полкъ сдѣлался полкомъ трехбатальоннаго состава.

15-го марта, въ день вступленія въ С.-Петербургъ, л.-гв. Литовскій полкъ былъ встрѣченъ у Нарвской заставы сначала командиромъ гвардейскаго корпуса, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, а потомъ Государемъ, который милостиво привѣтствовалъ полкъ, поздравилъ съ окончаніемъ похода, благодарилъ за службу и, пропустивъ церемоніальнымъ маршемъ, пожаловалъ нижнимъ чинамъ по 2 рубля ассигн., по 2 фунта рыбы и по двѣ чарки вина. Прежде, чѣмъ войти въ Семеновскія казармы, назначенныя для временнаго пребыванія полка, на Семеновскомъ плацу было совершено молебствіе, по окончаніи котораго гренадерскій взводъ роты Его Высочества отнесъ знамена въ Михайловскій дворецъ. Великій Князь, шефъ полка, пожаловалъ при этомъ знаменщикамъ по 50 рублей, унтеръ-офицерамъ гренадерскаго взвода — по 5, а музыкантамъ и рядовымъ—по 1 рублю [6]).

Пользуясь непродолжительнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, л.-гв. Литовскій полкъ, въ полномъ составѣ, 21-го марта отслужилъ панихиду въ Петропавловскомъ соборѣ, надъ гробницей своего почившаго шефа, Цесаревича Константина Павловича. На панихидѣ присутствовалъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

25-го марта, наканунѣ выступленія въ Ораніенбаумъ, Государь смотрѣлъ ранжировку полка въ манежѣ инженернаго замка, при чемъ лично произвелъ въ унтеръ-офицеры 75 рядовыхъ [7]).

27-го марта полкъ вступилъ въ мѣста своего квартированія: полковой штабъ и 1-й батальонъ въ Ораніенбаумъ, 2-й батальонъ—въ Петергофъ, а 3-й—въ мѣстечко Гостилицу. Въ этотъ день всѣмъ нижнимъ чинамъ въ Ораніенбаумѣ былъ предложенъ обѣдъ отъ

---

[5]) Списочное состояніе вновь сформированнаго батальона въ январѣ 1832 г. было слѣдующее: штабъ-офицеровъ 2,
оберъ-офицеровъ 7,
музыкантовъ 15,
рядовыхъ 501.

[6]) Приказъ по полку, отъ 6 апрѣля 1832 года.

[7]) Краткій очеркъ исторіи (хроника) л.-гв. Литовскаго полка. Траскина.

имени Великаго Князя Михаила Павловича гофмаршаломъ двора Его Высочества, генераломъ Олединскимъ, послѣ чего всѣ офицеры обѣдали во дворцѣ Его Высочества.

1-й батальонъ былъ расположенъ въ Ораніенбаумѣ, въ казармахъ. Рота Его Высочества помѣщалась близъ дворца, а командиръ и офицеры этой роты жили, съ разрѣшенія Великаго Князя, въ самомъ дворцѣ. Второй батальонъ былъ размѣщенъ частію въ самомъ Петергофѣ, частію въ его окрестностяхъ; а третій — по деревнямъ, въ окрестностяхъ м. Гостилицы. Для удобства сообщеній между частями полка учреждена пѣшая почта.

Прійдя на мѣста своей постоянной стоянки, л.-гв. Литовскій полкъ дѣятельно занялся исправленіемъ всего того, что было разшатано предшествовавшей кампаніей и въ особенности варшавскимъ возстаніемъ.

Началась усиленная дѣятельность по обмундированію полка по новой формѣ и приведенію въ надлежащій видъ всѣхъ отраслей полковаго хозяйства. Назначена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Желтухина, для повѣрки и приведенія въ порядокъ хозяйственныхъ книгъ и чрезвычайно запутанной отчетности за истекшій 1831 годъ. Обозъ приведенъ въ составъ мирнаго времени, при чемъ излишнія фурштатскія лошади были проданы съ аукціоннаго торга.

При сравненіи съ варшавской стоянкой Ораніенбаумъ и Петербургъ, куда наши офицеры часто ѣздили, много проигрывали. Переходъ съ жалованья по заграничному положенію, на серебро и съ раціонами, на жалованье, безъ всякихъ добавокъ и притомъ ассигнаціями, вмѣстѣ съ дороговизной жизни, отразились невыгодно на матеріальной обстановкѣ офицеровъ и создали для людей небогатыхъ (а такихъ было большинство) положеніе самое трудное, тяжелое, полное лишеній. Да и климатъ Варшавы нельзя было сравнить съ петербургскимъ; въ первый годъ стоянки въ Ораніенбаумѣ всѣ были поражены необыкновеннымъ климатическимъ сюрпризомъ. 13-го мая всѣ гуляли въ сюртукахъ; было сухо, ясно, тепло, какъ подобаетъ цвѣтущему маю; а на другое утро земля была покрыта слоемъ снѣга, вершка въ четыре толщиною, — хоть сейчасъ катайся на саняхъ. Почти всѣ литовскіе офицеры переболѣли, от-

давъ тѣмъ дань климату. „Жутко приходилось отъ всѣхъ этихъ различій варшавскимъ служакамъ; но дѣлать было нечего; съ природой и со всѣмъ прочимъ спорить нельзя; поморщились, поохали и продолжали по-прежнему служить вѣрою и правдою.“ Да и въ Ораніенбаумѣ скоро обжились. Семейные офицеры полка сблизились съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ жителей, и составилось порядочное общество, въ которомъ можно было пріятно и весело проводить время. Изъ полковыхъ дамъ многія отличались умомъ, образованіемъ и красотой, какъ напримѣръ: г-жи Девиттъ, Э. А. Пущина, Мартюшева, Тинькова (урожденная княжна Трубецкая) и другія. Лѣтомъ жизнь въ Ораніенбаумѣ дѣлалась еще веселѣе: пріѣзжала Великая Княгиня Елена Павловна; въ саду ея дворца каждый вечеръ играла полковая музыка и собиралось общество, увеличенное пріѣхавшими изъ Петербурга дачниками. Въ Петергофъ часто пріѣзжалъ Императоръ Николай, и этотъ городъ также оживалъ. Мало-по-малу, офицеры свыклись съ провинціальной жизнью, которая составляла такой разительный контрастъ съ шумною жизнью въ Варшавѣ; мало-по-малу утратилась и привычка къ праздности, разгулу и азартнымъ играмъ, пріобрѣтенная во время войны и походовъ. Связь съ Волынскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Кронштадтѣ, не прерывалась: волынскіе офицеры пріѣзжали и танцовали на вечерахъ, даваемыхъ литовцами, а литовцы ѣздили въ Кронштадтъ [8]).

Лѣтомъ 1832 года л.-гв. Литовскій полкъ, по повелѣнію Государя, былъ освобожденъ отъ лагерныхъ сборовъ въ Красномъ Селѣ, куда ежегодно выходилъ весь гвардейскій корпусъ. Этимъ Государь хотѣлъ дать возможность полку устроить его хозяйство и обучить рекрутовъ, которыхъ поступило въ полкъ, при переформированіи его въ трехбатальонный составъ, 993 человѣка. Нерѣдко въ теченіе лѣта въ Ораніенбаумъ пріѣзжалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и всегда присутствовалъ на разводѣ караульной роты, нижніе чины которой, въ случаѣ одобренія, получали отъ Его Высочества денежныя награды.

1-го августа происходило въ Петергофѣ, въ присутствіи Госу-

---

[8]) Изъ воспоминаній А. А. Одинцова и Макарова, нашихъ старыхъ однополчанъ.

даря, освященіе знамени, пожалованнаго 2 батальону полка и сдѣланнаго по образцу знаменъ 1 и 3 батальоновъ, со всѣми присвоенными полку знаками отличія и надписями. Въ этотъ день въ парадѣ находился весь полкъ, подъ личною командою своего шефа, Великаго Князя Михаила Павловича. Произведя смотръ полку, Императоръ Николай остался всѣмъ доволенъ и выразилъ высочайшее благоволеніе всѣмъ его чинамъ. Шефъ полка съ своей стороны отдалъ по полку милостивый приказъ, въ которомъ, отдавая полную справедливость „отличному устройству полка,“ имѣвшаго въ своихъ рядахъ 993 человѣка рекрутъ, поименно благодарилъ полковаго, батальонныхъ и ротныхъ командировъ и выражалъ увѣренность, что л.-гв. Литовскій полкъ и на будущее время сохранитъ „тотъ порядокъ и то устройство, которыми всегда отличался, состоя подъ начальствомъ своего высокаго основателя и покровителя, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича“ [9]).

---

[9]) Приводимъ этотъ лестный для полка приказъ въ подлинникѣ:

ПРИКАЗЪ
по лейбъ-гвардіи Литовскому полку.

Въ Петергофѣ. 9 августа 1832 г.

По окончаніи послѣдней противу польскихъ мятежниковъ кампаніи, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, со времени прибытія на постоянныя квартиры, имѣлъ счастіе въ первый разъ представленнымъ быть Государю Императору, въ полномъ своемъ трехбатальонномъ составѣ, 1-го числа сего августа и удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

При всѣхъ трудностяхъ той кампаніи, потеряхъ и лишеніяхъ, понесенныхъ, какъ при внезапномъ выступленіи изъ Варшавы, по происшедшемъ въ оной возмущеніи, такъ равно при безпрерывныхъ движеніяхъ и дѣлахъ противъ непріятеля, полкъ сей, по сформированіи онаго въ три батальона, имѣя во фронтѣ 993 человѣка рекрутъ, представленъ нынѣ въ томъ отличномъ устройствѣ, въ какомъ долженъ быть полкъ, имѣющій счастіе принадлежать лейбъ-гвардіи.

Люди имѣли бодрый видъ; амуниція въ надлежащей исправности; одежда въ отличномъ порядкѣ; въ выправкѣ по-одиночкѣ сдѣланы большіе успѣхи; шагъ полонъ и правиленъ; словомъ, лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ Я, къ особенному моему удовольствію, видѣлъ въ томъ отличномъ во всѣхъ отношеніямъ состояніи, въ какомъ обыкновенно представлялся оный въ прежнее время въ Варшавѣ.

Относя доведеніе полка сего въ короткое время до такого желаемаго состоянія неусыпной заботливости и попеченію о немъ командующаго онымъ генералъ-маіора де-Витта, Я изъявляю ему искреннюю Мою признательность; равно особенную Мою благодарность сотрудникамъ его г. г. батальоннымъ командирамъ, полковникамъ: Бибикову, Жеребцову и Пущину, также младшему штабъ-офицеру,

Не менѣе лестный для полка приказъ былъ отданъ Государемъ и объявленъ полку 18 марта слѣдующаго 1833 года, послѣ бывшаго въ этотъ день высочайшаго смотра. „Его Императорское Величество, сказано между прочимъ въ приказѣ, найдя въ окончательномъ сформированіи л.-гв. Литовскаго полка примѣрный успѣхъ и самый полкъ въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, повторяетъ Его Императорскому Высочеству искреннюю признательность и особенное благоволеніе генералъ-маіорамъ: командующему 3-ю гв. пѣхот. дивизіею Есакову, командиру 5-й гвардейской бригады Берхману, командиру полка Девитту, батальоннымъ командирамъ, полковникамъ: Бибикову, Пущину, Жеребцову 2-му, и всѣмъ г. г. штабъ и оберъ-офицерамъ сего полка.“ Это монаршее благоволеніе было записано въ послужные списки всѣхъ офицеровъ полка. Нижнимъ чинамъ пожаловано по 2 рубля, по 2 фунта рыбы и по 2 чарки водки, что выражало особенное расположеніе Государя.

Въ половинѣ іюня 1833 г. полкъ выступилъ въ первый разъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ пробылъ до 1 августа. Съ этого времени, почти ежегодно, если не мѣшали какія нибудь исключительныя обстоятельства, вся 3-я гвардейская пѣхотная дивизія располагалась въ авангардномъ лагерѣ. Сборы продолжались полтора, много два мѣсяца. Такъ какъ лагерныя занятія войскъ почти не измѣнялись во все время царствованія Императора Николая,

---

полковнику Желтухину; г. г. ротнымъ командирамъ, капитанамъ: Фогту, Кишкину, Житкову 1, Тинькову и Обручеву; штабсъ-капитанамъ: Роту 9-му, Форсману, Корниловичу, Леванскому; поручику Житкову 3 и полковому казначею, капитану Малиновскому, попеченіемъ коего въ короткое время произведено обмундированіе полка съ отличнымъ успѣхомъ,—равно всѣмъ г. г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Я остаюсь увѣреннымъ, что лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, сохраняя всегда въ памяти то время, въ которое находился подъ счастливымъ начальствомъ блаженныя памяти Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, высокаго своего образователя и истиннаго благодѣтеля, всегда обращая на себя милостивое Его Императорскаго Высочества Цесаревича вниманіе, потщится неизмѣнно сохранять тотъ порядокъ и то устройство, коими во всѣхъ отношеніяхъ постоянно отличался доселѣ.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, при собраніи нижнихъ чиновъ.

Шефъ полка, генералъ-фельдцехмейстеръ

Михаилъ.

то объ нихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь-же возвратимся къ Ораніенбаумской стоянкѣ.

Ежегодно въ началѣ мая полкъ приходилъ въ Петербургъ, гдѣ участвовалъ въ обычномъ Майскомъ парадѣ, послѣ котораго возвращался на мѣста своей стоянки. На другой день по прибытіи полка въ Петербургъ, всѣ офицеры являлись Великому Князю Михаилу Павловичу, который принималъ ихъ обыкновенно въ такъ называемомъ „штыковомъ" залѣ своего дворца. Въ дни рожденія и тезоименитства Государя, Государыни и Шефа офицеры л.-гв. Литовскаго полка пріѣзжали изъ Ораніенбаума и Петергофа для принесенія поздравленій. То-же дѣлалось и въ большіе праздники: Рождество, Крещеніе и Свѣтлое Христово Воскресеніе. Для Крещенскаго и Георгіевскаго парадовъ въ Петербургъ приходилъ взводъ 1-й гренадерской роты со знаменами. Первый день Пасхи, 22 апрѣля 1834 года, отличался особенною торжественностью по случаю принесенія вѣрноподданнической присяги Наслѣдникомъ Престола, Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Въ этотъ день знамена л.-гв. Литовскаго полка размѣщены были на ступеняхъ трона, въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго дворца, а 1-й гренадерскій взводъ роты Его Высочества, подъ командой капитана Тинькова, участвовалъ въ парадѣ въ залахъ дворца.

Кромѣ этого, памятнаго для Россіи, событія, во время стоянки полка въ Ораніенбаумѣ происходили торжества, въ которыхъ нѣкоторыя части полка принимали участіе и о которыхъ нельзя не упомянуть.

30 августа 1832 года совершено было поднятіе колонны для памятника Императору Александру I. По желанію Императора Николая, этотъ гигантскій трудъ возложенъ былъ на нижнихъ чиновъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, имѣвшихъ серебряныя медали въ память отечественной войны 1812 г., а также за взятіе Парижа. Изъ вѣдомости, представленной генераломъ Девиттомъ, видно, что число нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, имѣвшихъ эти знаки отличій и остававшихся на службѣ, было еще значительно, а именно: героевъ 1812 г.—219, участниковъ покоренія Парижа—352 [10]).

[10]) Архивъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

17-го августа 1834 года, при открытіи у Нарвской заставы тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ къ честь подвиговъ императорской гвардіи, вмѣстѣ съ другими частями войскъ гвардейскаго корпуса находился и взводъ л.-гв. Литовскаго полка, составленный изъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ медали за 1812 годъ, за покореніе Парижа и знаки отличія прусскаго Желѣзнаго креста.

30-го августа того-же года полкъ участвовалъ въ парадѣ, при открытіи монумента, воздвигнутаго Императору Александру I; [11]) кромѣ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, въ этомъ парадѣ принималъ участіе отрядъ прусскихъ войскъ, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Вильгельма. Торжество закончилось двухдневными маневрами (31 августа и 1 сентября) въ окрестностяхъ Петербурга.

Въ 1835 году 1-й гренадерскій взводъ роты Его Высочества, по высочайшему повелѣнію, вошелъ въ составъ 1-го сводnаго гвардейскаго батальона, отправленнаго въ Калишъ для участія въ маневрахъ войскъ дѣйствующей арміи. Взводъ состоялъ изъ 3-хъ оберъ-офицеровъ (капитанъ Корниловичъ, поручикъ Озеровъ и подпоручикъ Леонтьевъ), 10-ти унтеръ-офицеровъ, 4-хъ музыкантовъ и 108-ми рядовыхъ. Весь отрядъ, подъ командой генералъ-адъютанта Исленьева, 15 іюля былъ отправленъ на военныхъ судахъ изъ Кронштадта въ Данцигъ, при чемъ чины л.-гв. Литовскаго полка были перевезены на кораблѣ „Феръ-Шампеноазъ.“ Изъ Данцига отрядъ двинулся черезъ прусскія владѣнія на Торнъ къ Калишу.

Въ Данцигѣ и на пути къ Калишу гвардейскій отрядъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ принимаемъ пруссаками съ гостепріимствомъ и радушіемъ. Продовольствіе отряда производилось на счетъ прусскаго короля и было не только изобильно, но даже роскошно. Офицеры, по прибытіи на новую квартиру, получали завтракъ, состоявшій изъ холодныхъ кушаній и ликеровъ, а затѣмъ приглашались къ общему обѣденному столу, на которомъ не было недостатка ни въ дорогихъ явствахъ, ни въ винахъ. Нижніе чины также получа-

---

[11]) Полкомъ командовалъ г.-м. Девиттъ; батальонами—полковники: 1-мъ—Желтухинъ, 2-мъ—фонъ Аммонтъ, 3-мъ—Грибовскій. Во взводахъ по 30 рядовъ; строй трехшереножный.

ли обильную пищу и, кромѣ того, штофъ пива и 1/3 кварты хорошей водки [12]).

Главной заботой начальства было сохраненіе самой строгой дисциплины и порядка во время слѣдованія черезъ прусскія владѣнія. По повелѣнію Государя, нарушители дисциплины, не исключая и офицеровъ, должны быть немедленно арестованы и отправлены съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ Петербургъ, къ командиру отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, для преданія ихъ военному суду. Къ счастію, такихъ случаевъ не было во всемъ отрядѣ, и всѣ офицеры и нижніе чины въ гостяхъ вели себя прилично и съ достоинствомъ. Въ Калишѣ взводъ л.-гв. Литовскаго полка участвовалъ, въ составѣ 1-го своднаго гвард. батальона, на всѣхъ, бывшихъ тамъ, парадахъ и смотрахъ въ высочайшемъ присутствіи и черезъ нѣсколько дней послѣ общаго парада всѣмъ войскамъ, происходившаго 16 сентября, выступилъ изъ Калиша въ Данцигъ, а затѣмъ былъ перевезенъ моремъ обратно въ Кронштадтъ, куда прибылъ 4 октября, а на другой день присоединился къ полку въ Ораніенбаумѣ. Въ память большихъ маневровъ, бывшихъ подъ Калишемъ, король прусскій пожаловалъ въ гвардейскій отрядъ 13 серебряныхъ медалей, для раздачи нижнимъ чинамъ, участникамъ войнъ 12, 13 и 14 г.г. Одна изъ медалей возложена была на рядового нашего взвода Егора Авсейчука [13]).

Въ томъ-же 1835 году положено начало полковой библіотеки для офицеровъ. Иниціатива этого принадлежала одному изъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитану А. А. Одинцову, который, съ согласія общества офицеровъ, составилъ проэктъ устава, представленный имъ командиру полка, генералу Девитту. По 5 § этого устава, списокъ книгъ, подлежавшихъ выпискѣ, просматривался комитетомъ, составленнымъ изъ старшихъ въ каждомъ чинѣ офицеровъ. Проэктъ устава былъ представленъ Великому Князю Михаилу Павловичу и утвержденъ Его Высочествомъ 8 ноября 1835 года, почему этотъ день и слѣдуетъ считать днемъ учрежденія нашей полковой библіотеки. Каждый изъ наличныхъ офицеровъ полка

---

[12]) Изъ дѣлъ архива штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

[13]) Полковые приказы за 1835 годъ и дѣла архива штаба войскъ гвардіи.

долженъ былъ пожертвовать по одному сочиненію, въ переплетѣ, на которомъ было напечатано время основанія библіотеки, имя и фамилія жертвователя. Кромѣ этихъ книгъ, составлявшихъ, такъ сказать, фундаментъ библіотеки, каждый изъ офицеровъ вносилъ на содержаніе библіотеки 10 руб. ассиг. въ треть. Первымъ библіотекаремъ единогласно избранъ былъ А. А. Одинцовъ, подавшій мысль объ этомъ полезномъ учрежденіи и занимавшій эту должность до выхода изъ полка въ 1842 году [14]). Мы не знаемъ были-ли до того времени библіотеки въ другихъ гвардейскихъ полкахъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что мысль объ учрежденіи библіотеки въ Литовскомъ полку возникла въ средѣ самого общества офицеровъ.

Отнеся разсказъ о воспитаніи, обученіи и бытѣ солдата, а также о жизни и службѣ офицеровъ во все время царствованія Императора Николая къ послѣдующимъ главамъ нашего труда, мы теперь скажемъ только, что во время Ораніенбаумской стоянки, продолжавшейся почти до конца 1836 года, л.-гв. Литовскій полкъ, несмотря на разбросанность своего квартирнаго раіона и происходившую отъ того затруднительность управленія, стоялъ не ниже общаго уровня, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ и пользовался милостивымъ вниманіемъ и расположеніемъ, какъ Государя, такъ и своего Августѣйшаго шефа. Конецъ Ораніенбаумской стоянки ознаменовался новымъ знакомъ милости Государя къ Литовскому полку. Въ 1836 году командиръ 1-го батальона, полковникъ Желтухинъ, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ полку и въ прежней должности.

Новый шефъ л.-гв. Литовскаго полка, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, въ характерѣ своемъ имѣлъ много сходныхъ чертъ съ Августѣйшимъ братомъ Константиномъ Павловичемъ и особенно сходился съ нимъ во взглядахъ на службу, которую и тотъ, и другой ставили выше всего. Слѣдующій случай можетъ служить при-

---

[14]) Въ 1842 году А. А. Одинцовъ, съ производствомъ въ полковники, былъ переведенъ л.-гв. въ гренадерскій полкъ. Подробности объ учрежденіи библіотеки мы почерпнули изъ его записокъ и устныхъ разсказовъ.

мѣромъ того, какъ строго смотрѣлъ на службу Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Однажды въ Ораніенбаумѣ, наканунѣ смотра, одинъ изъ Литовскихъ офицеровъ, подпоручикъ Болтинъ, по случаю своихъ именинъ, устроилъ товарищескій вечеръ. При этомъ была хорошая выпивка, закуска и даже неизбѣжная въ то время жженка. Вечеръ прошелъ въ пѣніи соло и хоромъ, въ веселыхъ разговорахъ и разсказахъ самаго невиннаго свойства; все было чинно и прилично. Узнавъ объ этомъ и найдя такую вечеринку несвоевременною, Великій Князь призвалъ къ себѣ подпоручика Болтина и сдѣлалъ ему строгій выговоръ.

— „Что это такое? Какъ вы служите?!... У меня служить такъ служить, а нѣтъ, такъ убирайтесь изъ полка! Вы думаете, что дѣлаете честь полку, что служите? Полкъ дѣлаетъ вамъ честь, что держитъ васъ!“

Такъ досталось отъ Михаила Павловича хозяину несвоевременно устроенной вечеринки [15]).

---

[15]) Изъ воспоминаній Макарова.

ГЛАВА XX.

(1831—1855).

Расквартированіе полка въ Петербургѣ. — Освященіе новой казарменной церкви и дѣло о пріобрѣтеніи церковной утвари. — Характеръ обученія войскъ въ царствованіе Императора Николая I. — Сложность строеваго устава.—Примѣры.—Сводный гвардейскій учебный батальонъ.—Маневры.— Ходъ занятій въ л.-гв. Литовскомъ полку въ теченіе года.—Обученіе рекрутъ.—Состояніе въ полку стрѣлковаго дѣла.—Вооруженіе.—Штуцера Гартунга.—Смотры стрѣльбы.—Обученіе разсыпному строю.—Фехтовальная наука Ренгау.—Причины, почему она не привилась въ полку. — Обученіе гимнастикѣ по иниціативѣ де-Паули.— Теоретическое обученіе нижнихъ чиновъ.—Обученіе маневрированію и верховой ѣздѣ. — Обученіе дѣйствіямъ при орудіяхъ.—Гарнизонная служба и ея отличительныя черты.—Формалистика и строгость тогдашнихъ служебныхъ требованій. — Примѣры. — Военные кантонисты; положеніе о школахъ.—Состояніе школы военныхъ кантонистовъ въ л.-гв. Литовскомъ полку.

12-го августа 1836 года л.-гв. Литовскій полкъ прибылъ въ С.-Петербургъ и занялъ вновь построенныя для него казармы на Выборгской сторонѣ, въ которыхъ, впрочемъ, могло помѣститься, при тогдашнемъ составѣ ротъ, только два батальона и полковой штабъ, со всѣми хозяйственными учрежденіями; поэтому одинъ изъ батальоновъ, поочереди, располагался въ селѣ Муринѣ и прилежащихъ къ нему деревняхъ. Знамена батальоновъ, расположенныхъ въ казармахъ, хранились во дворцѣ шефа, а загороднаго батальона—въ квартирѣ батальоннаго командира, въ селѣ Муринѣ.

По ходатайству генералъ-маіора Девитта, въ октябрѣ 1836 года высочайше повелѣно отдать въ собственность л.-гв. Литовскому полку подъ огороды пустопорожнюю землю (11 десятинъ), прилегавшую къ казармамъ полка [1]).

[1]) Лицевая сторона казармъ и огороды выходили на Самсоніевскій проспектъ.

7-го ноября 1836 года состоялось освященіе новой казарменной церкви л.-гв. Литовскаго полка, а на другой день, 8 ноября, въ день полковаго праздника родственныхъ между собою полковъ Московскаго и Литовскаго и именинъ Великаго Князя Михаила Павловича, происходилъ обоимъ полкамъ церковный парадъ, въ высочайшемъ присутствіи, при л.-гв. Литовскомъ полку.

Осматривая новую церковь и замѣтивъ бѣдность утвари, взятой изъ находившейся при полку походной церкви, Императоръ Николай тогда-же приказалъ заготовить церковную утварь изъ остаточныхъ суммъ отъ постройки казармъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ генералъ-маіоръ Девиттъ чуть не ежемѣсячно подавалъ рапорты по командѣ о снабженіи церкви утварью на основаніи высочайшаго повелѣнія; Великій Князь Михаилъ Павловичъ писалъ объ этомъ болѣе десяти разъ тогдашнему Петербургскому генералъ-губернатору графу Эссену, бывшему предсѣдателемъ коммиссіи по устройству Литовскихъ казармъ. Тѣмъ не менѣе, три года полковая церковь оставалась безъ утвари; сосуды, ризы и т. п. для каждаго богослуженія брались изъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора. Только въ концѣ 39 года графъ Эссенъ предписалъ заготовить утварь для церкви л.-гв. Литовскаго полка С.-Петербургской думѣ [2]).

Въ томъ-же, 1836 году, посѣтивъ казармы, Государь приказалъ устроить для Литовскаго полка госпиталь на 120 кроватей, сдѣлавъ для этого нужныя пристройки. Въ сентябрѣ слѣдующаго, 1837 года госпиталь былъ открытъ, чѣмъ устранены большія неудобства, происходившія отъ необходимости отправлять больныхъ съ легкими заболѣваніями въ военно-сухопутный госпиталь. Въ то-же время для батальона, находившагося въ загородномъ расположеніи открытъ былъ въ с. Муринѣ лазаретъ на 28 кроватей. Впрочемъ, вновь открытый госпиталь, хотя и считался полковымъ, не былъ отданъ полку вполнѣ; въ хозяйственномъ отношеніи онъ находился въ вѣдѣніи комиссаріатскаго вѣдомства и управлялся особенно назначеннымъ для этого комиссаріатскимъ чиновникомъ. А между тѣмъ,

---

[2]) Архивъ штаба войскъ гвардіи. Дѣло IV отд. штаба бывшаго отдѣльнаго гвардейскаго корпуса за 1839 годъ.

полковой командиръ былъ отвѣтственнымъ лицомъ за благоустройство госпиталя. Такъ какъ такое двоевластіе представляло большія неудобства, то генералъ Девиттъ ходатайствовалъ о передачѣ госпиталя ему и въ хозяйственномъ отношеніи; но это ходатайство не было уважено, и прежній порядокъ сохранился до 1 января 1854 года, когда госпиталь переданъ въ полное вѣдѣніе полка.

Жизнь полка въ Петербургѣ не представляла такихъ особенностей, такихъ оригинальныхъ сторонъ, какъ жизнь и служба въ Варшавѣ; она не имѣла также провинціальнаго характера ораніенбаумской стоянки; тутъ полковая жизнь, сливаясь съ общимъ водоворотомъ столичной жизни, утрачивала свои индивидуальныя особенности. Полкъ жилъ и служилъ такъ, какъ жили и служили въ то время всѣ остальные гвардейскіе полки; но это не снимаетъ съ насъ обязанности очертить жизнь и службу л.-гв. Литовскаго полка возможно полнѣе. Изложенію дальнѣйшаго хода событій петербургской стоянки, до конца царствованія Императора Николая I, предпошлемъ очеркъ обученія и воспитанія солдата, службы полка и, наконецъ, условій обыденной жизни всѣхъ его чиновъ во второй четверти нынѣшняго столѣтія, съ 1831 по 1855 годъ.

Въ теченіе всего описываемаго, почти двадцатипятилѣтняго, періода, до конца царствованія Императора Николая, служебныя требованія и взгляды на военное дѣло отличаются однообразіемъ и почти не разнятся отъ требованій и взглядовъ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Внѣшняя красота фронта, стройность и однообразіе движеній, педантическая отчетливость ружейныхъ пріемовъ, сложность уставныхъ построеній, неповоротливый трехшереножный строй—по-прежнему составляютъ отличительныя черты тогдашней фронтовой сдужбы. Тѣ отдѣлы обученія солдата, безъ которыхъ теперь немыслимо существованіе арміи, тогда или вовсе не существовали, какъ напримѣръ, грамотность и теоретическое обученіе, или же находились въ зачаточномъ состояніи, какъ напримѣръ, обученіе стрѣльбѣ въ цѣль, разсыпному строю, гимнастикѣ, фехтованію и т. п. Тогдашняя колонная тактика, если можно такъ выразиться, т. е. массированіе войскъ, даже и подъ непріятельскимъ огнемъ, въ глубокія колонны, не требовала одиночнаго развитія солдата. По весьма распространенному въ то время мнѣ-

нію, война портила солдата и была вредна для войскъ, потому что нарушала ихъ стройность, къ которой такъ привыкъ глазъ на плацъ-парадахъ и для поддержанія которой употреблялись такія гигантскія, почти нечеловѣческія усилія. Увлеченіе мелочами и стремленіе къ однообразію часто доходило до крайностей [3]).

Тогдашній пѣхотный строевой уставъ былъ сложенъ, требовалъ со стороны офицеровъ продолжительнаго теоретическаго изученія, и служилъ исключительнымъ мѣриломъ служебныхъ познаній офицера. Уставныя построенія были многочисленны по причинѣ контрмаршей, деплоядъ, захожденій и разныхъ другихъ фронтовыхъ тонкостей, безполезныхъ на дѣлѣ и впослѣдствіи уничтоженныхъ. Въ воспоминаніяхъ Макарова приведено нѣсколько примѣровъ тогдашнихъ сложныхъ построеній.

Батальонъ стоитъ развернутымъ фронтомъ. Батальонный командиръ командуетъ: „Четвертый взводъ, четверть круга направо заходи! Перемѣна фронта по четвертому взводу, правымъ флангомъ назадъ!“ Движеніе началось. Четвертый взводъ уже зашелъ $^1/_4$ круга и остановился; линія батальона вся изломана; три взвода перваго полубатальона идутъ на заднюю шеренгу, облически, къ новой линіи фронта; четыре взвода втораго полубатальона идутъ впередъ и тоже облически. Вдругъ, раздается команда: „Шестой взводъ, стой! — По шестому взводу строй каре!“ Какая быстрота соображенія и навыкъ нужны были взводнымъ командирамъ, чтобы они могли мгновенно повернуть свои взводы, куда слѣдовало, и привести ихъ на мѣсто, съ соблюденіемъ всѣхъ сложныхъ эволюцій тогдашняго устава.

Еще примѣръ. Батальонъ стоитъ въ дивизіонной колоннѣ справа; батальонный командиръ хочетъ развернуть фронтъ въ противоположную сторону. Это прежде дѣлалось посредствомъ одного изъ трехъ движеній: или черезъ контрмаршъ, или черезъ захожденіе

---

[3]) **Примѣръ.** Въ одномъ изъ приказовъ по 3-й гвард. пѣхот. дивизіи (5-го іюля 1836 года) читаемъ: „Замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коимъ слѣдуетъ быть въ строю верхами, верховыя лошади у однихъ съ длинными, а у другихъ съ короткими хвостами, предписываю, чтобы завтра, на парадѣ Его Императорскаго Высочества командира корпуса, было соблюдено единообразіе.“

кругомъ, или, наконецъ, черезъ смѣшеніе этихъ двухъ движеній. Въ послѣднемъ случаѣ батальонный командиръ командуетъ:

— „Унтеръ-офицеры втораго дивизіона, передъ дивизіонъ, на линію съ контрмаршемъ! Въ первомъ полубатальонѣ деплояда и контрмаршъ по второму дивизіону, стройся налѣво и направо назадъ! Во второмъ полубатальонѣ стройся направо и налѣво кругомъ, во фронтъ заходи!“

Неудивительно, что усвоеніе такихъ головоломныхъ командъ и построеній требовало, кромѣ навыка, смѣтливости и памяти.

Въ Литовскомъ полку, съ цѣлью облегчить изученіе строеваго устава младшимъ офицерамъ, батальоннымъ командирамъ предписывалось собирать офицеровъ еженедѣльно и объяснять имъ уставныя построенія, съ черченіемъ мѣломъ на доскѣ [4]).

При гвардейскомъ корпусѣ составленъ былъ, по приказанію Великаго Князя Михаила Павловича, сводный гвардейскій учебный батальонъ“ для введенія однообразія и уравненія всѣхъ правилъ по части фронтовой службы.“ Въ составъ этого батальона отъ л.-гв. Литовскаго полка ежегодно командировались 3 офицера (по одному отъ батальона), 12 унтеръ-офицеровъ (по одному отъ роты) и 48 рядовыхъ (по 3 челов. отъ роты) [5]). Одинъ изъ батальонныхъ командировъ гвардейскаго корпуса, по выбору Великаго Князя, назначался для обученія этого батальона. По свѣдѣтельству одного изъ нашихъ старыхъ однополчанъ, командовавшаго своднымъ гвардейскимъ батальономъ въ 1842 году, Великій Князь былъ особенно требователенъ къ этому батальону.

Парады, строевые смотры, разводы, репетиціи и приготовленія къ нимъ занимали почти все служебное время, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, и были предметомъ стремленій и усилій всѣхъ чиновъ полка. Исключеніе составляли маневры, которые нѣсколько нарушали однообразіе занятій и происходили всегда въ присутствіи Государя. Иногда маневры производились въ лагерѣ, въ окрестностяхъ Краснаго Села, иногда по возвращеніи въ Петербургъ, въ

---

[4]) Приказы по полку за разное время.

[5]) Въ 1833 году изъ офицеровъ были назначены: поручикъ Плавскій, подпоручикъ Фокъ 1 и прапорщикъ Ивановъ. (Приказы по полку.)

окрестностяхъ столицы, и обыкновенно продолжались нѣсколько дней. Послѣ маневровъ Императоръ Николай любилъ собирать начальствовавшихъ лицъ, до батальонныхъ командировъ включительно, и подробно разбиралъ ихъ дѣйствія и ошибки; при этомъ, по свидѣтельству очевидца, Государь проявлялъ замѣчательную вѣрность и быстроту взгляда и умѣнье оцѣнить обстановку. Если маневры оканчивались близъ Гатчины или Царскаго Села, то при дворѣ давались балы и спектакли, на которые, въ числѣ прочихъ, приглашались и офицеры л.-гв. Литовскаго полка. Иногда маневры происходили при выступленіи въ лагерь.

Лагерь тянулся недолго,—полтора, много два мѣсяца. Лагерныя занятія были немногосложны: батальонныя, полковыя, бригадныя и дивизіонныя ученья, разводы съ церемоніей и большіе маневры; ученья производились не болѣе одного раза въ день, преимущественно утромъ. Во второй половинѣ царствованія Императора Николая, въ концѣ лагеря, если оставалось свободное время, предписывалось производить стрѣльбу въ цѣль; но она, по несовершенству тогдашняго оружія, не занимала много времени. О постепенномъ развитіи этого отдѣла солдатскаго образованія мы скажемъ ниже.

По возвращеніи изъ лагеря, въ началѣ или срединѣ августа, полку производились инспекторскіе смотры начальникомъ дивизіи, а иногда командующимъ пѣхотою гвардейскаго корпуса. Съ назначеніемъ въ 1844 году командиромъ пѣхоты гвардейскаго корпуса Наслѣдника Цесаревича (въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра II), Его Высочество, какъ видно изъ приказовъ, почти ежегодно производилъ полку инспекторскіе смотры самымъ подробнымъ и внимательнымъ образомъ, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Въ ноябрѣ 1848 года, при инспектированіи полка, Наслѣдникъ Цесаревичъ осматриваетъ не только строевыя роты и команды, но и инвалидную полуроту, фуршатскую команду, полковой госпиталь, школу кантонистовъ, мастерскія, цейхгаузъ и всѣ хозяйственныя учрежденія полка.

Осенью-же производились обыкновенно занятія такъ называемой „форпостной службой по правиламъ малой войны.“ Но занятія эти въ л.-гв. Литовскомъ полку, какъ и въ другихъ полкахъ, велись

не раціонально, но зато съ большимъ шумомъ: холостой пальбой, сигналами и барабаннымъ боемъ.

Послѣ инспекторскаго смотра нижніе чины иногда увольнялись на вольныя работы до 1 сентября, а иногда и долѣе. Въ то-же время разрѣшалось увольнять нижнихъ чиновъ въ кратковременные отпуски до 15 марта; число увольняемыхъ было неодинаково, но не превышало двадцати человѣкъ отъ роты. Въ то-же время увольнялись въ отпускъ и офицеры, но недолѣе, какъ до 1 марта; отъѣзжая въ отпускъ, офицеры должны были откланиваться Великому Князю Михаилу Павловичу и другимъ начальствовавшимъ лицамъ. По окончаніи вольныхъ работъ, начинались обычныя занятія: шереножныя и ротныя ученья, осмотры амуниціи и одежды, репетиціи разводовъ съ церемоніею и т. п. Для укрѣпленія офицеровъ въ командованіи взводами производились очень часто двѣнадцати и шестнадцати—рядныя ученья. Офицерамъ, слабымъ по фронту, производились также шереножныя ученья однимъ изъ штабъ-офицеровъ полка, въ полковомъ манежѣ. Зимой домашнія ученья назначались въ полковомъ манежѣ; смотры-же начальника дивизіи и высшихъ начальствовавшихъ лицъ — въ Михайловскомъ. Нерѣдко и Великій Князь Михаилъ Павловичъ производилъ въ этомъ манежѣ л.-гв. Литовскому полку смотръ полковаго ученья, съ пальбой залпами и рядами [6]).

Иногда, по повелѣнію Государя, полки гвардіи совершали зимніе практическіе походы въ окрестностяхъ Петербурга, продолжавшіеся 10—12 дней, въ теченіе которыхъ проходилось въ оба конца отъ 150 до 200 верстъ. Во время этихъ походовъ нижнимъ чинамъ выдавалось улучшенное довольствіе и 4 винныхъ порціи въ недѣлю.

Въ началѣ года въ полкъ поступали рекруты, число которыхъ, соотвѣтственно числу уволенныхъ въ отставку и безсрочный отпускъ, простиралось отъ 100 до 200 человѣкъ, что при тогдашнемъ составѣ ротъ (200—250 челов.) не представляло большихъ трудностей, тѣмъ болѣе, что программа обученія была немногосложна,

---

[6]) Изъ приказовъ по полку за разные годы и дѣлъ полковаго архива.

а срокъ обученія продолжался цѣлый годъ, въ теченіе котораго новобранецъ назывался рекрутомъ. Впослѣдствіи, если не ошибаемся, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, срокъ обученія уменьшенъ до 6-ти мѣсяцевъ. Рекрутовъ, поступившихъ въ Литовскій полкъ, отправляли обыкновенно въ загородный батальонъ, который имѣлъ больше свободнаго времени и не несъ караульной службы. Тамъ ихъ обучали, подъ наблюденіемъ особо назначенныхъ для того офицеровъ, стойкѣ, поворотамъ, учебному, вольному, ускоренному и бѣглому шагу (сначала безъ ружья), затѣмъ ружейнымъ пріемамъ, заряжанію съ темпами и безъ темповъ и т. п. Объ обученіи прицѣливанію и стрѣльбѣ въ наставленіяхъ не упоминалось; въ 1845 году введены занятія разсыпнымъ строемъ. Въ лагерѣ рекруты всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты обучались вмѣстѣ и составляли рекрутскій полкъ.

Обученіе стрѣльбѣ до крымской кампаніи находилось въ зачаточномъ состояніи; главной причиной этого было несовершенство тогдашняго нашего вооруженія. Полки гвардейской пѣхоты были снабжены семилинейными, гладкоствольными, кремневыми ружьями, изъ которыхъ можно было стрѣлять не далѣе трехсотъ шаговъ. Въ сороковыхъ годахъ ружья эти были передѣланы на ударныя съ капсюлемъ и куркомъ, отчего, конечно, ни дальность боя, ни мѣткость не увеличились; выиграла только скорость стрѣльбы.

Нельзя сказать, однакоже, что и тогда не сознавали важности этого отдѣла солдатскаго обученія. Еще въ 1831 году правила обученія стрѣльбѣ вошли въ строевой уставъ, съ указаніемъ дистанцій, формы мишеней и основъ глазомѣрнаго опредѣленія разстояній. Мы знаемъ, что л.-гв. Литовскій полкъ занимался практической стрѣльбой послѣ лагеря, для чего посвящалось нѣсколько дней.

Въ 1833 году роты стрѣляли на 150, 200 и 250 шаговъ, для чего на каждаго стрѣлка отпускалось отъ казны по 6 патроновъ въ годъ. По окончаніи этого необширнаго курса, начальникъ дивизіи или командиръ полка производилъ смотръ стрѣльбы, для чего отъ каждой роты назначалось отъ 10 до 25 стрѣлковъ, по выбору ротнаго командира [7]). Въ 1834 году отъ полка была отправлена

---

[7]) Полковые приказы за 1833 годъ.

команда изъ 24-хъ лучшихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ подпоручика Фока 2, для ознакомленія съ новымъ способомъ обученія стрѣльбѣ, изобрѣтеннымъ оружейнымъ мастеромъ л.-гв. Егерскаго полка Гартунгомъ [8]). Съ того времени въ Егерскомъ полку образовалось нѣчто въ родѣ стрѣлковой школы, куда ежегодно отъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты отправлялись небольшія команды для обученія стрѣльбѣ, подъ наблюденіемъ чиновника Гартунга. Въ іюлѣ 1835 года Императоръ Николай лично выразилъ начальнику 3-й гвард. пѣхотн. дивизіи, генер.-лейт. Есакову, желаніе, чтобы полки занимались стрѣльбой въ цѣль во время расположенія въ лагерѣ. „Его Величество желаетъ,—читаемъ въ приказѣ по дивизіи,—чтобы господа офицеры подавали примѣръ нижнимъ чинамъ, занимаясь сами столь важною отраслью военнаго искусства. Г. г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, обучавшимся цѣльной стрѣльбѣ по методѣ Гартунга, вмѣняется въ обязанность передать прочимъ нижнимъ чинамъ полка способъ обученія цѣльной стрѣльбѣ. Каждый вечеръ я буду самъ заниматься стрѣльбою и наблюдать за успѣхомъ въ стрѣльбѣ всѣхъ чиновъ“ [9]). Такимъ образомъ, мысль о томъ, чтобы офицеры личнымъ примѣромъ возбуждали въ нижнихъ чинахъ охоту къ стрѣльбѣ, впервые высказана была Императоромъ Николаемъ.

Чтобы поощрить лучшихъ стрѣлковъ, имъ давали, начиная съ 1841 года, денежныя награды или подарки; иниціатива этого нововведенія принадлежала тоже Государю. При объявленіи объ учрежденіи призовъ, въ приказѣ по корпусу, Великій Князь Михаилъ Павловичъ обязывалъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ „собственнымъ ихъ примѣромъ стараться вложить въ нижнихъ чиновъ соревнованіе и усердіе къ совершенствованію въ цѣльной стрѣльбѣ, дабы симъ оправдать Высочайшія ожиданія Государя Императора“ [10]).

Въ то-же время учреждены были также призы для офицеровъ.

Въ январѣ 1846 года Государь пожаловалъ рядовому нашего полка Семену Ходкову серебряные часы за отличную стрѣльбу [11]).

---

[8]) Полковые приказы за 1834 годъ.

[9]) Приказъ по 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, отъ 19 іюля 1835 г.

[10]) Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, т. II, стр. 75.

[11]) Журналъ важнѣйшихъ событій, до полка относящихся, за 1846 годъ.

28-го декабря того-же года высочайше одобрено представленіе начальника 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, ген.-лейтен. Овандера, чтобы солдатъ не мѣнялъ ружья въ продолженіе всей службы. Изъ полковыхъ приказовъ 1848 года видно, что для обученія прицѣливанію заведены въ ротахъ какія-то „прицѣльныя машины,“ которыя, впрочемъ, стояли безъ употребленія, о чемъ много разъ напоминается послѣдующими приказами. Въ томъ-же году въ полкъ принято 72 штуцера системы Гартунга (по 24 на батальонъ) для вооруженія застрѣльщиковъ; на каждый изъ нихъ отпускалось для практической стрѣльбы по 150 боевыхъ патроновъ въ годъ [12]). Штуцерные стрѣлки (по 3 человѣка на взводъ) становились въ третьей шеренгѣ и при вызовѣ застрѣльщиковъ отъ батальона составляли застрѣльщичій взводъ, подъ командой особаго офицера.

Для обученія застрѣльщиковъ разсыпному строю и стрѣльбѣ въ Литовскомъ полку назначался одинъ изъ младшихъ штабъ-офицеровъ.

Стрѣльба производилась до 600 шаговъ, тогда какъ остальные стрѣляли не далѣе 300. Штуцера, въ видахъ сбереженія, употреблялись только при стрѣльбѣ въ цѣль; а на всѣ ученья застрѣльщики выходили съ драгунскими гладкоствольными ружьями. Но штуцера Гартунга, вѣроятно, не отличались прочностью, потому что, несмотря на эти предосторожности, они скоро пришли въ негодность. Въ апрѣлѣ 1851 года командовавшій корпусомъ, ген.-адъют. Сумароковъ, осматривая штуцерниковъ л.-гв. Литовскаго полка, нашелъ ружья въ такомъ ужасномъ видѣ, что приказалъ, въ предупрежденіе несчастій, прекратить практическую стрѣльбу.

Назначенная вслѣдъ за тѣмъ для осмотра штуцеровъ коммиссія нашла, что изъ семидесяти двухъ штуцеровъ въ стрѣлковой командѣ л.-гв. Литовскаго полка, только два ружья были исправны. То-же самое замѣчено было и въ остальныхъ полкахъ гвардейской пѣхоты [13]).

Такой быстрой порчѣ ружей не мало способствовало неумѣнье

---

[12]) Правильнѣе сказать—матеріаловъ для патроновъ, — потому что патроны изготовлялись самимъ полкомъ.

[13]) Изъ дѣлъ архива штаба войскъ гвардіи и Петерб. воен. округа.

обращаться съ ними. Только въ началѣ царствованія Императора Александра II, по снабженіи гвардейской пѣхоты нарѣзными ружьями, по иниціативѣ главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадер. корпусами, графа Ридигера, были приняты мѣры для ихъ сбереженія, о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ смотры стрѣльбы производятся и командиромъ гвардейской пѣхоты Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и главнокомандовавшимъ гвард. и гренадерскимъ корпусами, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и, наконецъ, самимъ Государемъ. Такъ, во время лагерныхъ сборовъ 1848 года Государь произвелъ смотръ застрѣльщикамъ и 8-й фузелерной ротѣ л.-гв. Литовскаго полка, назначенной наканунѣ командиромъ полка по жребію. Но все это не могло оказать замѣтнаго вліянія на успѣхъ обученія стрѣльбѣ общей массы нижнихъ чиновъ полка, вооруженныхъ гладкоствольными ружьями. Разсыпному строю массу совсѣмъ не обучали; обучались ему только застрѣльщики, да и то преимущественно на ровной мѣстности, при чемъ требовалось равненіе и движеніе въ ногу и примѣнялся весь тотъ педантизмъ и формалистика, безъ которыхъ не могъ существовать тогдашній строй.

Въ такомъ состояніи находилось у насъ стрѣлковое дѣло до начала крымской кампаніи или, примѣняясь къ событіямъ полковой хроники, до выступленія л.-гв. Литовскаго полка въ эстляндскій походъ. Первые же опыты новой войны и встрѣча съ непріятелемъ, вооруженнымъ далеко и мѣтко бившими ружьями, убѣдили, что огонь пріобрѣлъ на войнѣ первенствующее значеніе и что исполненіе чисто строевыхъ ученій въ большихъ массахъ на парадномъ плацу и лагерномъ полѣ, хотя и имѣетъ свою цѣль, но не можетъ и не должно играть главной роли въ обученіи войскъ [14]). Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы упомянемъ о развитіи стрѣлковаго дѣла въ Литовскомъ полку послѣ крымской кампаніи; теперь-же перейдемъ къ другимъ отдѣламъ одиночнаго образованія въ періодъ 1831—1855 г. г.

Фехтованію и гимнастикѣ во все царствованіе Императора Ни-

---

[14]) Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, томъ II, стр. 78.

колая общая масса нижнихъ чиновъ не обучалась, но частныя попытки были, при чемъ иниціатива, какъ и всегда, принадлежала иностраннымъ выходцамъ. Съ самаго прихода въ Ораніенбаумъ л.-гв. Литовскій полкъ посылаетъ по 2 человѣка отъ роты ежегодно въ главную фехтовальную школу, находившуюся въ Петербургѣ и состоявшую въ вѣдѣніи какого-то маіора Вальвиля. Трудно опредѣлить цѣль учрежденія этой школы; по возвращеніи въ свои полки нижніе чины, въ ней бывшіе, не только не дѣлались инструкторами фехтовальнаго искусства, но и сами, не имѣя практики, скоро его забывали. Въ 1836 году должность фехтмейстера отдѣльнаго гвардейскаго корпуса занималъ извѣстный уже л.-гв. Литовскому полку по варшавской стоянкѣ иностранецъ Ренгау, дослужившійся въ то время уже до капитанскаго чина. Въ его школу ежегодно Литовскій полкъ посылаетъ небольшое число нижнихъ чиновъ, которые по-прежнему не оказываютъ никакого вліянія на развитіе въ полку фехтовальнаго искусства [15]). Къ тому-же въ обученіе фехтованію Ренгау ввелъ тотъ-же педантизмъ, ту-же сложность пріемовъ, какъ и въ Варшавѣ, при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Существовали особые фехтовальные пріемы для борьбы противъ пѣхоты, противъ кавалеріи, вооруженной саблями и, наконецъ, для борьбы противъ кавалеріи, вооруженной пиками. Приведемъ примѣры сложности пріемовъ и движеній, выписанные буквально изъ „правилъ“ Ренгау. По командѣ „*въ бокъ скокъ*;“ 1 пріемъ: со словомъ „*въ бокъ*“ лѣвую ногу перенести на $^1/_4$ аршина къ носку правой ноги, имѣя колѣни согнутыми и касаясь носкомъ лѣвой ноги земли; 2-й пріемъ: со словомъ „*скокъ*“ сдѣлать лѣвою ногою съ размахомъ (?) большой шагъ въ правую сторону (въ полъоборота направо), ставъ только на носокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приподняться и на носкѣ правой ноги, оставляя оба колѣна согнутыми; *3-й пріемъ:* сдѣлать скачекъ на три полныхъ шага (?) въ правую сторону, поворачиваясь въ то-же время всѣмъ тѣломъ налѣво, при чемъ стать въ прежнее положеніе, на одни только носки; *4-й пріемъ:* тихо опуститься на обѣ ступни. Команда „коли!“ исполнялась въ

---

[15]) Приказы по л.-гв. Литовскому полку 1832—1839 г. г.

8 пріемовъ и т. п. Все это заставляетъ предполагать, что Ренгау съ его фехтовальными правилами напоминалъ собою скорѣе акробата или танцмейстера, чѣмъ фехтовальнаго учителя. Хотя его правила введены были впослѣдствіи въ рекрутскій уставъ со многими упрощеніями, но все-таки, по своей сложности и акробатическому характеру, онѣ не могли привиться въ войскахъ, и въ сороковыхъ годахъ мы не находимъ ни слѣдовъ существованія фехтовальныхъ школъ, ни, тѣмъ болѣе, попытокъ къ обученію этому искусству общей массы нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка.

Почти такая же участь постигла и попытку ввести въ гвардейскихъ полкахъ обученіе гимнастикѣ, впервые сдѣланную въ 1837 году. Первый примѣръ этому подали военно-учебныя заведенія, гдѣ, по мысли Якова Иван. Ростовцева, гимнастику преподавалъ французъ де-Паули. Въ январѣ 1837 года де-Паули подалъ начальнику штаба отдѣльнаго гвард. корпуса, генер.-адъют. Веймарну, обстоятельную докладную записку о пользѣ гимнастики. Сначала ему было отказано, потому что, говоря словами письма ген.-адъют. Веймарна къ полковнику Ростовцеву, „при многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса, по мнѣнію командующаго корпусомъ, всякая новая обязанность, на нихъ возлагаемая, была-бы для нихъ обременительна, почему, несмотря на очевидную пользу, предложенія госп. Паули не предвидится привести въ исполненіе“ [16]). Только въ мартѣ слѣдующаго 1838 года высочайше повелѣно обучать гимнастикѣ рекрутовъ отдѣльнаго гвардейск. корпуса; а лѣтомъ того-же года приступлено было къ обученію инструкторовъ подъ наблюденіемъ де-Паули, для чего изъ каждаго гвардейскаго полка назначено нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Во время лагеря того-же года въ Литовскомъ полку были построены даже гимнастическія машины; но къ обученію рекрутовъ гимнастикѣ приступлено только въ концѣ 1838 года, причемъ де-Паули получалъ отъ каждаго полка 380 руб. ассиг. въ годъ. Въ 1840 году де-Паули умеръ; но дѣло, начатое имъ, продолжалось кое-какъ еще нѣсколько лѣтъ подготовленными

[16]) Архивъ штаба войскъ гвардіи и Петерб. воен. округа.

имъ инструкторами. Въ 1843 году обученіе гимнастикѣ сдѣлано обязательнымъ только для школъ военныхъ кантонистовъ.

У де-Паули, при его жизни, въ Петербургѣ было свое гимнастическое заведеніе для офицеровъ гвардейскаго корпуса.

Что касается обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ, то въ этомъ отношеніи л.-гв. Литовскій полкъ не только не сдѣлалъ шага впередъ, но и утратилъ то немногое, что имѣлъ въ Варшавѣ до 1830 года, гдѣ въ полку существовала ланкастерская школа взаимнаго обученія. Въ 1835 году одинъ изъ офицеровъ, штабсъ-капитанъ Одинцовъ, имя котораго не разъ уже встрѣчалось на страницахъ нашего труда, подалъ было проэктъ объ учрежденіи при полку ланкастерской школы по образцу варшавской; но проэктъ этотъ не удостоился утвержденія. Такимъ образомъ, единственнымъ разсадникомъ грамотности для нижнихъ чиновъ въ полку оставалась школа военныхъ кантонистовъ, о которой скажемъ ниже. Нужда въ грамотныхъ унтеръ-офицерахъ была настоятельна, а потому въ полку нерѣдко читаемъ распоряженія о прикомандированіи къ школѣ кантонистовъ нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, для обученія ихъ грамотѣ.

Теоретическое обученіе нижнихъ чиновъ было весьма немногосложно. Въ 1835 г. издана „памятная книжка для нижнихъ чиновъ Императорской гвардіи и арміи“ для изученія „обязанностей къ Богу, Государю, Отечеству и начальникамъ,“ та самая, которая впослѣдствіи была извѣстна подъ названіемъ „солдатскихъ пунктиковъ.“ Въ ней вкратцѣ, въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, изложены обязанности всѣхъ чиновъ роты, до рядоваго включительно, довольствіе солдатъ и т. п. Эти то отвѣты и долженъ былъ заучить молодой солдатъ, на память конечно, потому что читать не умѣлъ. Кромѣ того, „для руководства солдату на службѣ и внѣ оной,“ изданы были еще въ 1830 году „правила,“ въ которыхъ указывалось, какъ долженъ солдатъ держать и вести себя внѣ строя, во всѣхъ служебныхъ случаяхъ и въ домашней жизни. Приведемъ извлеченія изъ этой книжки, чтобы показать направленіе ея и характеръ.

„Пристойная осанка не требуетъ, чтобы солдатъ держался принужденно и казался одеревенѣлымъ; напротивъ того, онъ долженъ стоять и ходить ловко, свободно, сообразно естественному сложенію

тѣла, и стараться вести себя такъ, чтобы въ разговорѣ, взглядѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ его выражалась нѣкоторая, относительно къ собственному званію его, увѣренность, смѣлость безъ наглости, откровенность съ благопристойностью, твердость безъ самонадѣянности и нахальства и, наконецъ, ловкость и вѣжливость."

„Кто во время разговора опускаетъ глаза внизъ, тотъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ лукавствѣ, боязни и нечистой совѣсти. Люди, съ хладнокровіемъ взирающіе на смерть, должны смѣло смотрѣть въ глаза каждому, какого бы званія онъ ни былъ, но при томъ не показывать наглости." „Разинутый ротъ безобразитъ лице и вообще означаетъ глупость."

„Неприлично сопровождать разговоры движеніями плечъ или рукъ, подбочениваться и разставлять ноги слишкомъ широко."

„Ничто такъ не безобразитъ, какъ тяжелая и вялая походка. Солдатъ никогда не долженъ ходить съ согнутыми колѣнями и носками внутрь или вверхъ."

„Нѣкоторые смотрятъ съ любопытствомъ на всякій новый предметъ, останавливаются для того на улицѣ или по неосторожности и разсѣянности задѣваютъ проходящихъ."

„Непристойно не давать никому дороги, а также ѣсть на улицѣ."

Отвѣчать на вопросы солдатъ долженъ, повторяя слово, означающее дѣйствіе, о которомъ его спрашивали; напримѣръ: „Былъ-ли въ такомъ-то мѣстѣ?" — Былъ, господинъ капитанъ, — или „не былъ, господинъ поручикъ." Унтеръ-офицерамъ и старшимъ себя нижнимъ чинамъ солдатъ долженъ былъ въ вышеприведенномъ случаѣ отвѣчать: „Былъ-съ" или „не былъ-съ."

При разговорѣ съ начальникомъ слѣдовало говорить „не слишкомъ громко, не слишкомъ тихо." Пѣніе рекомендовалось солдату, такъ какъ оно „сокращаетъ пріятнымъ образомъ свободное время, облегчаетъ тягость походовъ и нерѣдко замѣняетъ другія удовольствія жизни."

Въ одеждѣ требовалась чистота и соблюденіе формы, а усы и бакенбарды, „украшающіе военнаго человѣка," не должны быть длинны, „ибо тогда они, напротивъ того, безобразятъ лице и даютъ ему видъ звѣрскій и часто даже отвратительный."

Для отданія чести офицерамъ, солдатъ, если онъ безъ ружья, долженъ былъ, остановившись въ 10 шагахъ, сдѣлать фронтъ, а если въ фуражкѣ, то снять оную лѣвою рукою. Проходя мимо унтеръ-офицера, солдатъ только снималъ фуражку и поворачивалъ къ нему голову и глаза. Передъ часовымъ онъ также снималъ фуражку" въ доказательство, что чувствуетъ всю важность часоваго и уважаетъ званіе его столько-же, сколько и собственное свое."

„Идя рядомъ съ начальникомъ, солдатъ долженъ находиться съ лѣвой стороны, ибо правая почитается почетною."

Въ главѣ „объ обязанностяхъ посылочнаго" находимъ правила, которыя пригодились бы и нынѣшнимъ нашимъ вѣстовымъ.

„Возвратясь по исполненіи порученія и входя съ отвѣтомъ въ комнату своего начальника, солдатъ долженъ осторожно отворить дверь, сдѣлать два шага впередъ, остановиться тихо и доложить."

„Посланный съ бумагами или письмами долженъ стараться не замарать ихъ; для сего долженъ онъ завернуть ихъ въ особую бумагу или въ чистый платокъ и на пути тщательно сохранять въ своемъ ранцѣ или подъ мундиромъ."

Въ послѣдней главѣ изложены обязанности солдата внѣ службы: обращеніе его съ товарищами, поведеніе на квартирѣ, въ отпуску, въ публичныхъ мѣстахъ, во время богослуженія. Здѣсь также рекомендуется вѣжливость, съ сохраненіемъ собственнаго достоинства и скромности. Въ церкви солдатъ долженъ дать мѣсто своему начальнику, „не толкая, впрочемъ, никого и не дѣлая поворотовъ, какъ на ученьи," и т. п.

Къ числу отдѣловъ обученія, нарушавшихъ нѣсколько мертвое однообразіе тогдашней фронтовой службы, нужно отнести маневрированіе, получившее въ началѣ сороковыхъ годовъ большее развитіе.

Въ 1840 году гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ были составлены правила для дѣйствія войскъ во время маневровъ. Исправленныя и дополненныя Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, фельдмаршаломъ Паскевичемъ и, наконецъ, самимъ Государемъ, правила эти были напечатаны и разосланы въ полки гвардейскаго корпуса для руководства. Тогда-же предписано было, по повелѣнію Государя, командирамъ гвардейскихъ полковъ собирать

офицеровъ одинъ разъ въ недѣлю для чтенія этихъ правилъ. Кромѣ того, начальникамъ частей вмѣнено въ обязанность прочитывать ихъ въ собраніи офицеровъ передъ каждыми маневрами [17]).

Начиная съ 1837 года, въ л.-гв. Литовскомъ полку, послѣ лагеря, производятся малые двухсторонніе маневры—рота противъ роты; но уже въ полковыхъ приказахъ сороковыхъ годовъ объ этихъ полезныхъ занятіяхъ не упоминается. Большіе маневры войскъ всего гвардейск. корпуса по-прежнему производились ежегодно, въ присутствіи Государя.

Нельзя не упомянуть объ обязательномъ обученіи верховой ѣздѣ младшихъ штабъ-офицеровъ, батальонныхъ и генеральскихъ адъютантовъ полковъ гвардейской пѣхоты.

Для этой цѣли вышеназванныя лица прикомандировывались къ полкамъ гвардейскаго резервнаго кавал. корпуса. Офицеры Литовскаго полка обыкновенно обучались верховой ѣздѣ при кавалергардскомъ Ея Величества полку однимъ изъ штабъ-офицеровъ этого полка [18]).

Въ 1848 г. отъ полка командированы въ 3-ю гвард. и гренад. артил. бригаду 2 офицера, 8 унт.-офиц. и 48 рядовыхъ для обученія дѣйствіямъ при орудіяхъ. То-же дѣлалось и въ послѣдующіе годы. Эта мѣра принесла осязательную пользу въ 1854 году, когда, при оборонѣ Ревеля, отъ полковъ 3-й гвардейск. пѣх. дивизіи потребовались офицеры и нижніе чины для несенія службы на береговыхъ батареяхъ. Въ томъ-же году многіе изъ числа нижнихъ чиновъ полка, обучавшіеся дѣйствіямъ при орудіяхъ, выбраны были начальникомъ гвардейской артиллеріи во вновь формировавшіяся батареи.

Батальоны л.-гв. Литовскаго полка, расположенные въ казармахъ, несли караульную службу наравнѣ съ другими полками гвардейской пѣхоты. По отзыву современниковъ, гарнизонная служба въ то время отличалась такимъ-же формализмомъ, какъ и фронтовая, и была трудна и для офицера, и для солдата. Уставъ гарнизонной службы (въ то время) былъ неясенъ и представлялъ

---

[17]) Изъ дѣлъ бывшаго отдѣльнаго гвард. корпуса и полковыхъ приказовъ.
[18]) Изъ дѣлъ бывшаго отд. гвард. корпуса.

широкое поле для разнообразныхъ толкованій, а требованія строги и не менѣе разнообразны.

Стремленіе къ наружному однообразію и тутъ давало себя чувствовать, въ ущербъ удобству. Мы могли бы привести множество примѣровъ изъ тогдашней караульной практики, но ограничимся однимъ. Приказъ по полку, отъ 20 января 1834 года.

„Замѣчено мною, что нижніе чины, стоящіе на часахъ внутри комнатъ, когда разводъ бываетъ въ шинеляхъ и наушникахъ, снимаютъ съ себя наушники и рукавицы; почему предписываю г. г. ротнымъ командирамъ подтвердить нижнимъ чинамъ, дабы они, стоя внутри комнатъ на часахъ, отнюдь не отступали отъ предписаннаго порядка и непремѣнно были въ наушникахъ и рукавицахъ, когда разводъ въ шинеляхъ.“

Офицерскихъ карауловъ въ то время было гораздо больше, чѣмъ теперь. Особенно непріятны и хлопотливы были караулы на заставахъ, гдѣ на обязанности караульнаго офицера лежалъ опросъ и освидѣтельствованіе видовъ пріѣзжавшихъ и отъѣзжавшихъ лицъ. Такъ какъ черезъ заставы проѣзжали часто сановники и разныя высокопоставленныя лица, то излишняя исполнительность иногда навлекала на голову караульнаго офицера большія непріятности, точно такъ-же, какъ и недосмотръ. Вообще въ караулахъ нельзя было зѣвать; малѣйшая оплошность, несвоевременный вызовъ караула въ ружье, неотданіе чести въ должный моментъ, имѣли для караульнаго начальника печальныя послѣдствія, а потому онъ цѣлый день былъ, какъ говорится, „на чеку.“ Полковые, бригадные и дивизіонные командиры, зная требовательность Великаго Князя Михаила Павловича и строгій взглядъ на караульную службу самого Государя, въ дни карауловъ ввѣренныхъ имъ войскъ, ѣздили по Петербургу и повѣряли посты, строго взыскивая за малѣйшую неисправность, нетолько съ караульныхъ начальниковъ, но и съ ротныхъ и батальонныхъ командировъ. Въ л.-гв. Литовскомъ полку особенною взыскательностью въ этомъ отношеніи отличался генер.-маіоръ фонъ-Аммонтъ, назначенный командиромъ полка 9-го августа 1842 года, послѣ генерала Девитта. Прочитывая полковые приказы за время его командованія полкомъ, нельзя не удивляться огромному количеству взысканій, наложенныхъ имъ на офицеровъ за самые не-

значительные недосмотры; число этихъ взысканій замѣтно увеличивалось въ тѣ дни, когда полкъ занималъ караулы столицы. Въ январѣ 1843 г. прапорщикъ Медвѣдевъ посаженъ командиромъ полка на цѣлую недѣлю на гауптвахту зато, что отдалъ честь карауломъ, когда въ окнахъ ближайшаго дома уже виднѣлись огни. Въ тотъ же день поручикъ Шульманъ арестованъ на четверо сутокъ зато, что караулъ вышелъ для отданія чести съ отстегнутыми чешуями у киверовъ. О кейфѣ въ караулѣ офицеры не смѣли и думать, и субъектовъ, подобныхъ поручику Измайлову, который въ Варшавѣ, заступая въ караулъ, надѣвалъ туфли и халатъ и спалъ цѣлыя сутки—такихъ субъектовъ, говоримъ, въ описываемое время въ Литовскомъ полку уже не было.

Одна только попытка провести день въ караулѣ съ маленькимъ комфортомъ влекла непріятности. Однажды фонъ-Аммонтъ встрѣтилъ вѣстоваго, несшаго шинель и подушки стоявшему въ караулѣ на Сѣнной площади подпоручику Леонтьеву. „Къ крайнему моему неудовольствію, читаемъ въ приказѣ того дня,—замѣчая, что господинъ подпоручикъ Леонтьевъ не исполняетъ неоднократно отдаваемыхъ мною приказаній, я арестую его на 24 часа, съ содержаніемъ въ дежурной комнатѣ.“

Прежде чѣмъ начать очеркъ быта офицеровъ и солдатъ л.-гв. Литовскаго полка въ періодъ стоянки полка въ Петербургѣ, закончимъ настоящую главу отчетомъ о бывшей при полку школѣ военныхъ кантонистовъ.

Всѣ дѣти мужескаго пола, родившіяся у нижнихъ чиновъ во время нахожденія ихъ въ полку, заносились въ списки военныхъ кантонистовъ, получали провіантское довольствіе (до 7-ми лѣтъ половинную, а послѣ полную дачу) и, состоя при родителяхъ, находились въ вѣдѣніи полковаго начальства. Чтобы облегчить нижнимъ чинамъ воспитаніе ихъ дѣтей, при полкахъ учреждены были для нихъ школы. 8-го октября 1832 года высочайше утверждено положеніе о школахъ для кантонистовъ гвардіи, на основаніи котораго цѣль существованія школъ заключалась въ приготовленіи для полковъ фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, писарей, фельдшеровъ и разнаго рода мастеровыхъ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого положенія.

„Всѣ кантонисты, въ полкахъ состоящіе и имѣющіе 14 лѣтъ, поступаютъ въ школы и именуются кантонистами старшаго возраста; кантонисты, недостигшіе 14 лѣтъ, остаются при родителяхъ и называются кантонистами младшаго возраста.“

„Образованіе кантонистовъ раздѣляется на 4 разряда: обученіе въ классахъ, обученіе фронту, музыкѣ и, наконецъ, мастерствамъ.

Сообразно этому, смотря по способностямъ и тѣлосложенію, кантонисты получаютъ слѣдующія предназначенія:

1) Имѣющіе хорошія способности и одаренные притомъ стройнымъ сложеніемъ тѣла, крѣпкимъ здоровьемъ и ловкостью и отличающіеся хорошимъ поведеніемъ, приготовляются къ строевой службѣ.

2) Оказывающіе хотя хорошія способности, но имѣющіе малый ростъ, впрочемъ, совершенно здоровые, поступаютъ въ музыканты.

3) Воспитанники хорошихъ въ наукахъ способностей но слабаго здоровья, съ тѣлесными притомъ недостатками, предназначаются для приготовленія къ фельдшерскимъ или писарскимъ должностямъ и, наконецъ,

4) Кантонисты малоспособные и тупые въ ученіи поступаютъ въ барабанщики, флейщики и полковые мастеровые“ [19]).

Предметами класснаго преподаванія въ школѣ были: законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика и строевой уставъ. Кромѣ того, всѣ обучались фронту, гимнастикѣ и пѣнію. Въ 1841 году, на основаніи новаго положенія, разсмотрѣннаго и одобреннаго военнымъ совѣтомъ и утвержденнаго Государемъ 6 мая, программа класснаго обученія въ кантонистскихъ школахъ была нѣсколько разширена введеніемъ уставовъ гарнизонной и форпостной службы и чистописанія; въ то-же время введено обученіе фехтованію.

Въ л.-гв. Литовскомъ полку школа кантонистовъ была открыта 1 ноября 1832 года, при чемъ въ ней первоначально состояло 10 мальчиковъ отъ 14 до 18-ти-лѣтняго возраста. Достигшіе 18-ти лѣтъ

---

[19]) Приказъ по отд. гвард. корпусу, отъ 31 октября 1832 г. № 183.

поступали въ полкъ на дѣйствительную службу; но въ 1837 году, приказомъ военнаго министра отъ 5-го апрѣля, была объявлена высочайшая воля, чтобы срокъ выслуги кантонистамъ считался не съ 18-ти, а съ двадцатилѣтняго возраста, какъ и для рекрутъ.

По мѣрѣ того, какъ полкъ пріобрѣталъ осѣдлость, число воспитанниковъ въ школѣ и число кантонистовъ младшаго возраста постепенно увеличивалось и въ нѣкоторые годы достигало весьма почтенной цифры; такъ напримѣръ, къ 1 января 1848 года въ полку числится 230 кантонистовъ; изъ нихъ малолѣтнихъ при родителяхъ—99, достигшихъ 14 лѣтняго возраста, но по неимѣнію мѣста въ школу непоступившихъ—83, наконецъ, въ школѣ 48.

Для завѣдыванія школой назначался офицеръ, а иногда въ помощь ему и другой. Кромѣ того, при гвардейскомъ корпусѣ учреждена была должность инспектора кантонистскихъ школъ. Въ сороковыхъ годахъ эту должность довольно долго занималъ ген.-маіоръ баронъ Зедделеръ, который ежегодно производилъ въ школахъ экзамены и представлялъ отчеты командиру корпуса. Изъ отчета за 1842 годъ видно, что школа нашего полка причислена къ разряду очень хорошихъ; завѣдывавшему школой, штабсъ-капит. Малаховскому, объявлена благодарность Великаго Князя, въ приказѣ по корпусу отъ 8 сентября того-же года.

Въ февралѣ 1854 года завѣдывавшему школой, капитану Лапѣ, и его помощнику, поручику Брюхову, въ приказѣ главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами Наслѣдника Цесаревича, объявлена благодарность Его Высочества за отличное состояніе ввѣренной имъ школы.

Въ 1856 году, высочайшимъ манифестомъ 26 августа, солдатскія дѣти исключены изъ военнаго вѣдомства и причислены къ сельскимъ и городскимъ сословіямъ. Но школы продолжали существовать.

ГЛАВА XXI.

ОЧЕРКЪ СОЛДАТСКАГО БЫТА.

(1831—1855).

Общее заключеніе о жизни солдата въ царствованіе Императора Николая I. — Безсрочные, годовые, временные и кратковременные отпуски.— Постепенное смягченіе системы тѣлесныхъ наказаній.—Примѣры строгости взысканій.— Побѣги и мѣры къ уменьшенію ихъ числа. — Поощрительныя и нарательныя мѣры для начальниковъ, въ частяхъ которыхъ рѣдки или слишкомъ часты случаи побѣговъ. — Мѣры къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ и предписаніе Великаго Князя по этому предмету генералу Девитту.—Мѣры къ предупрежденію развитія холеры. — Одежда. — Пища.—Семейные нижніе чины и мѣры призрѣнія ихъ женъ и дѣтей. — Запрещеніе ѣздить въ экипажахъ, посѣщать библіотеки и театры. — Развлеченія солдатъ въ часы досуга.—Первыя солдатскія изданія.

Обращаясь къ описанію служебной и домашней жизни и нравовъ нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка въ періодъ 1831—1855 г.г., нельзя не замѣтить стремленія къ облегченію участи солдата и относительнаго смягченія нравовъ. Конечно, жизнь и служба солдата въ царствованіе Императора Николая были тяжелы, но въ нихъ, безспорно, замѣтны улучшенія сравнительно съ условіями солдатской жизни первой четверти нынѣшняго вѣка. Взглядъ на воспитаніе солдата существуетъ прежній; требованія фронтовой службы не менѣе тяжелы, въ ущербъ здоровью; но разница заключается въ томъ, что въ описываемый періодъ со стороны начальствовавшихъ лицъ и въ особенности со стороны августѣйшихъ особъ, замѣтно больше теплоты, больше участія къ судьбѣ солдата, къ сохраненію его жизни и здоровья; замѣтно желаніе улучшить его матеріальную обстановку и облегчить его жизнь, не дѣлая, однакожъ,

уступокъ въ служебныхъ требованіяхъ. Сокращеніе срока дѣйствительной службы, улучшеніе матеріальной обстановки; смягченіе системы наказаній, существовавшей въ первой четверти нашего вѣка; принятіе мѣръ къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ; немногія попытки разнообразить ихъ досугъ, наконецъ, мѣры къ обезпеченію ихъ семействъ—всѣ эти явленія были какъ бы первыми предвозвѣстниками тѣхъ военныхъ реформъ, которыя, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, радикально измѣнили судьбу нашего солдата.

30-го августа 1834 года, въ день открытія памятника Императору Александру I, повелѣно было сократить срокъ дѣйствительной службы солдата въ мирное время и установить безсрочные отпуски для тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые къ 1-му сентября каждаго года безпорочно прослужили 20 лѣтъ, считая ихъ въ отпуску до полученія отставки, которая по-прежнему давалась въ гвардіи по выслугѣ 22-хъ, а въ арміи—25-ти лѣтъ. Въ военное время увольненіе въ безсрочный отпускъ прекращалось и всѣ отпускные призывались на службу. Безсрочно-отпускные нижніе чины были освобождены отъ всякихъ повинностей и на дѣйствительную службу призывались высочайшими указами правительствующему сенату.

Эта полезная мѣра дѣлила службу солдата на двѣ части: дѣйствительную и запасную и впослѣдствіи, получивъ большее развитіе и усовершенствованіе, послужила началомъ для нынѣшней запасной системы. Съ призывомъ на службу безсрочно-отпускные чины, именуемые въ общемъ своемъ составѣ запасными войсками, формировали изъ себя въ пѣхотѣ запасные полубатальоны, въ кавалеріи полуэскадроны, въ артиллеріи полубатареи и по особому повелѣнію приводились въ полный составъ, комплектуясь рекрутами и принимая названія запасныхъ батальоновъ, эскадроновъ и батарей.

Кромѣ безсрочныхъ отпусковъ существовали годовые, временные (отъ 5 мѣсяцевъ до одного года) и кратковременные, на срокъ менѣе 5 мѣсяцевъ. Всѣ они, сокращая службу солдата и расходы на содержаніе арміи, не уменьшали ея численности въ военное время.

Въ 1851 году послѣдовало повелѣніе объ увольненіи въ безсрочный отпускъ за 15 лѣтъ безпорочной службы. Взамѣнъ уволь-

няемыхъ поступали рекруты, но самое увольненіе въ безсрочный отпускъ производилось только по прослуженіи вновь прибывшими 6-ти мѣсяцевъ, т. е. срока, въ теченіе котораго рекрутъ могъ быть обученъ и вполнѣ замѣнить старослужащаго. На сверхсрочной службѣ нижніе чины оставались неохотно, да и надобности въ томъ настоятельной не было при продолжительномъ срокѣ службы. Въ 1850 году изъ 744 человѣкъ, уволенныхъ изъ л.-гв. Литовскаго полка въ безсрочный и годовой отпускъ, добровольно остались на службѣ только 3 музыканта; а во всѣхъ 12-ти полкахъ гвардейской пѣхоты оставлено было 48 человѣкъ [1]).

Взысканія, налагаемыя на нижнихъ чиновъ въ сороковыхъ и въ особенности въ пятидесятыхъ годахъ, стали замѣтно мягче. Розги и палки были еще, правда, въ большомъ употребленіи; но зато болѣе жестокое наказаніе—шпицрутены — стали примѣнять рѣже и далеко не въ такихъ ужасныхъ дозахъ, какъ это было во время стоянки полка въ Варшавѣ. Въ теченіе тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ обыкновенною нормою наказанія за побѣгъ, кражу и т. п. преступленія было 500 шпицрутеновъ; за вторичный побѣгъ и вообще за рецидивъ преступленій—1000. Въ большемъ числѣ, какъ видно изъ полковыхъ приказовъ, это наказаніе въ нашемъ полку не примѣнялось, хотя въ новомъ военно-уголовномъ уставѣ допускалось до 6-ти разъ черезъ 1000 человѣкъ.

Въ концѣ царствованія Императора Николая рѣдко встрѣчаемъ наказанія въ размѣрѣ больше 200 шпицрутеновъ, особенно во время командованія гвардейскимъ корпусомъ Наслѣдника Цесаревича (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II). Наказанные шпицрутенами приводимы были къ присягѣ на вѣрность и переводились въ армейскіе полки, какъ недостойные служить въ гвардіи. Одновременно съ изданіемъ новаго свода военно-уголовныхъ законовъ, вошедшаго въ законную силу съ 1 января 1840 г., послѣдовало высочайшее секретное повелѣніе, объявленное

---

[1]) Изъ л.-гв. Литовскаго полка въ этомъ году было уволено въ безсрочный отпускъ 326, во временной — 418. Столь большое число увольняемыхъ произошло отъ того, что въ 1848 и 1849 г. г., по случаю усложненія политическихъ отношеній и войны, отпусковъ не было.

командирамъ гвардейскихъ частей черезъ Великаго Князя Михаила Павловича, о замѣнѣ шпицрутеновъ розгами въ тѣхъ случаяхъ, когда нижніе чины были виновны въ совершеніи перваго изъ службы побѣга, несопровождавшагося другими преступленіями. Къ числу смягчающихъ мѣръ слѣдуетъ отнести также распоряженіе о томъ, чтобы тѣлесныя наказанія не производились на морозѣ.

Но и помимо этихъ смягчающихъ мѣръ, взысканія все-таки были строги. Розги считаются по-прежнему могущественнымъ средствомъ для поддержанія дисциплины; въ каждой ротѣ по-прежнему по штату полагаются и существуютъ профосы; примѣрная и долговременная служба и унтеръ-офицерское званіе по-прежнему не избавляютъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Такъ напримѣръ, однажды (въ авг. 1837 года) фельдфебель 4-й фузелерной роты л.-гв. Литовскаго полка, Федоръ Михайловъ, по приказанію дивизіоннаго начальника, генер.-лейт. Есакова, наказанъ 25-ю розгами при собраніи фельдфебелей всего полка за то, что вѣстовой, посланный къ начальнику дивизіи, „не имѣлъ никакого вида и забылся до такой степени, что снялъ портупею и разстегнулъ мундиръ.“ Правящій унтеръ-офицеръ за того-же вѣстоваго былъ наказанъ 100 ударами при собраніи своихъ собратьевъ правящихъ.

Несоразмѣрность взысканій съ нижнихъ чиновъ не разъ обращала на себя вниманіе высшаго начальства. Въ 1853 году командирамъ гвардейскихъ полковъ разослано циркулярное предписаніе командира гвардейскаго корпуса, генер.-адъют. Сумарокова, отъ 13 февраля, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „...Доходятъ до меня слухи, что производятся наказанія весьма строгія, не только за явную лѣность и нерадѣніе, но и за непонятливость и тупость; и что наказанія сіи производятся иногда во время самаго ученія. По сему предписываю обратить строжайшее вниманіе на то, чтобы наказанія производились съ крайней осмотрительностью съ тѣмъ, чтобы наказываемъ былъ только человѣкъ совершенно нерадивый, а отнюдь не тупой или непонятливый“ [2]).

Императоръ Николай и Великій Князь Михаилъ Павловичъ знали многихъ изъ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ, преи-

[2]) Изъ дѣлъ штаба бывшаго отдѣльнаго гвард. корпуса.

мущественно правофланговыхъ рядовыхъ первыхъ гренадерскихъ ротъ, въ особенности въ Преображенскомъ полку. Бывали случаи, что Государь, узнавъ о болѣзни какого нибудь рядоваго Филатова, посылалъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ въ госпиталь узнать о состояніи его здоровья. А между тѣмъ этого-же Филатова правящій унтеръ-офицеръ, не задумываясь, награждалъ ударами.....

По мѣрѣ уменьшенія строгости взысканій дисциплина нисколько не падала. Если жители Ораніенбаума и Выборгской стороны и имѣли основаніе быть недовольными ночными похожденіями литовскихъ солдатъ, то эти похожденія далеко не отличаются прежнимъ разбойническимъ характеромъ. Число побѣговъ, впрочемъ, не уменьшается, особенно въ тридцатыхъ годахъ, и составляетъ, какъ видно изъ отчетовъ аудиторіатской части штаба бывшаго отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, двѣ трети всего числа преступленій, совершонныхъ нижними чинами. Въ 1833 году, въ теченіе полуторамѣсячнаго лагернаго сбора, изъ л.-гв. Литовскаго полка бѣжали и не розысканы 10 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые, хотя и дѣлали попытки къ бѣгству, но были пойманы. Со времени прихода въ Ораніенбаумъ, т. е. съ марта 1832 года по іюль 1833 года, въ годъ съ небольшимъ, изъ полка бѣжали и не розысканы, какъ видно изъ полковыхъ приказовъ, 42 человѣка. И это въ гвардейскомъ полку, откуда всѣ штрафованные и наказанные шпицрутенами переводились въ армію и куда ежегодно поступали изъ полковъ арміи, въ особенности изъ кавказскаго корпуса, лучшіе люди, преимущественно георгіевскіе и аннинскіе кавалеры, выбранные и назначенные въ Литовскій полкъ большею частію лично самимъ Государемъ, во время производимыхъ имъ смотровъ. Принимались мѣры для уменьшенія числа побѣговъ. Въ приказахъ по полку предписывалось поручать менѣе надежныхъ людей особенному надзору унтеръ-офицеровъ, которые отвѣчали нашивками за побѣгъ своихъ питомцевъ. Нижній чинъ, поймавшій бѣглаго, хотя бы и не своего полка, получалъ въ награду 10 рублей ассиг., а объ его поступкѣ объявлялось въ приказѣ по полку. Но мѣры эти не достигали цѣли, и уже въ приказѣ по полку отъ 6 іюня 1834 года опять читаемъ:

„Въ непродолжительномъ времени число бѣжавшихъ превзошло всякое ожиданіе, почему прошу г. г. ротныхъ командировъ обратить особенное вниманіе на людей, кои ненадежны въ поведеніи, препоручая ихъ самымъ исправнымъ старшимъ солдатамъ.“

Замѣчательно, что побѣги часто совершаются нижними чинами старшихъ сроковъ, нерѣдко на двадцатомъ году службы, за нѣсколько мѣсяцевъ до увольненія въ безсрочный отпускъ.

Еще въ 1832 году, просматривая годовой отчетъ, Государь съ сожалѣніемъ замѣтилъ увеличеніе числа больныхъ, умершихъ и бѣжавшихъ и, отнеся это къ недостаточности попеченій ближайшихъ начальниковъ, повелѣлъ объявлять въ приказахъ по арміямъ и отдѣльнымъ корпусамъ о тѣхъ начальникахъ, которые принимали мѣры къ сбереженію здоровья солдата, а также тѣхъ, въ частяхъ которыхъ былъ наибольшій процентъ больныхъ, умершихъ и бѣжавшихъ. Вскорѣ послѣ того были приняты поощрительныя мѣры для тѣхъ начальниковъ, въ частяхъ которыхъ, въ продолженіе извѣстнаго времени, не было случаевъ побѣга, и карательныя для тѣхъ, у кого побѣги были особенно часты. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Если въ полку, батальонѣ или ротѣ не было два года бѣжавшихъ, полковой и батальонные командиры награждались орденами, а ротные командиры получали годовой окладъ жалованья.

2) Если въ ротѣ изъ 100 поступившихъ рекрутъ (что бывало очень рѣдко) не было бѣжавшихъ, то ротный командиръ получалъ годовой окладъ жалованья или орденъ.

3) Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сряду въ ротѣ бывало по 3 человѣка бѣжавшихъ въ мѣсяцъ, то ротный командиръ арестовывался на недѣлю.

4) Если въ теченіе двухъ лѣтъ сряду изъ роты было бѣжавшихъ по 5 человѣкъ въ годъ, то командиръ ея отрѣшался отъ должности.

5) Если въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ въ году число бѣжавшихъ въ батальонѣ было таково, что два ротныхъ командира подвергались аресту, то батальонный командиръ также подвергался аресту на 3 дня.

6) Если въ полку бѣжавшихъ въ теченіе года было 50 челов., то командиръ подвергался трехдневному комнатному аресту. При подобномъ числѣ бѣжавшихъ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду командиръ отрѣшался отъ должности [3]).

Правила эти при тогдашнемъ развитіи побѣговъ нельзя не признать строгими для начальствующихъ лицъ. Въ теченіе всего описываемаго періода мы находимъ одинъ только случай поощренія въ нашемъ полку, а именно: въ 1854 году капитанъ Сорокинъ получаетъ Монаршее благоволеніе за то, что въ его ротѣ въ теченіе двухъ лѣтъ не было бѣжавшихъ.

Сохраненіе здоровья нижнихъ чиновъ составляло предметъ особенной заботливости Великаго Князя Михаила Павловича и его августѣйшаго преемника по командованію гвардейскимъ и гренадер. корпусами, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Не проходитъ года, чтобы съ ихъ стороны не послѣдовало какихъ либо распоряженій, доказывавшихъ эту заботливость. Осебенно замѣчательно въ этомъ отношеніи секретное предписаніе Великаго Князя Михаила Павловича, за собственноручною подписью Его Высочества, полученное командиромъ полка, ген.-маіоромъ Девиттомъ, въ іюнѣ 1841 года и до сихъ поръ хранящееся въ полку, какъ историческій документъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ него выдержки.

„Большое число умирающихъ и заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ въ войскахъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса налагаетъ священный долгъ на каждаго изъ начальниковъ обратить вниманіе на важнѣйшую изъ обязанностей: сбереженіе здоровья людей и сохраненіе ихъ для службы Государю Императору и, изыскавъ причины смертности и болѣзней, опредѣлить мѣры къ прекращенію оныхъ.“

„Разсматривая во всей подробности положеніе гвардейскаго солдата, нельзя не замѣтить, что продовольствіе его при тѣхъ средствахъ, которыя опредѣлены правительствомъ, можно считать удовлетворительнымъ, и рѣшительно можно сказать, что въ первобытномъ своемъ состояніи крестьянина, онъ не могъ имѣть пищи здоровѣе и питательнѣе приготовляемой въ полкахъ гвардіи; если-же къ сему прибавить, что каждый заболѣвающій солдатъ находитъ и скорую ме-

[3]) Приказъ по гвард. корп. 1843 г. № 11. Исторія л.-гв. Финлянд. полка, т. II, стр. 81.

дицинскую помощь и всѣ удобства госпитальнаго пользованія, то съ исполненіемъ сихъ условій жизни, должны-бы быть предупреждены и особенная болѣзненность, и особенная смертность людей...“

„Изъ сего извлекаю я заключеніе, что увеличившаяся въ настоящее время болѣзненность и смертность имѣетъ другіе источники, которые заключаются частію въ томъ, что не всегда соразмѣряются занятія солдата съ физическими его силами и не довольно обращено вниманія на отдохновеніе и удовольствіе его, тогда какъ, выполняя по совѣсти эти обязанности, должно дойти до того, что и самые труды службы для солдата будутъ легки и даже исполняться съ удовольствіемъ. Въ порядкѣ вещей, что каждый изъ начальниковъ долженъ прежде заботиться о сохраненіи солдата, а потомъ объ обученіи его, и послѣднее условіе можетъ быть вполнѣ достигнуто только тогда, когда на первое обращено неусыпное попеченіе.“

„Изъ доставляемыхъ свѣдѣній нерѣдко усматриваю Я, что въ нѣкоторыхъ полкахъ назначаются полковыя, батальонныя и ротныя ученья въ день по два раза, и какъ для сихъ ученій солдатъ долженъ быть готовъ по крайней мѣрѣ за полчаса до назначеннаго времени и потомъ пройти до мѣста ученья и обратно довольно дальнее разстояніе, самыя-же ученья продолжаются обыкновенно отъ $2^1/_2$ до 3 часовъ, то и слѣдуетъ, что онъ бываетъ въ амуниціи съ ружьемъ, а во время лагеря и въ ранцѣ, до десяти часовъ въ сутки. Отъ столь продолжительныхъ занятій на ученьяхъ солдатъ утомляется въ силахъ физическихъ и нравственныхъ, что и бываетъ большею частью причиною неудачъ на ученьяхъ; ибо утомленный и разстроенный въ силахъ онъ на ученьи уже не можетъ имѣть ни того вниманія, ни бодрости, которыя необходимы во фронтѣ. Если же, по свойственному вообще русскому солдату усердію, онъ во время ученья будетъ стараться и превозмогать свою усталость, то напряженіе это имѣетъ то вредное вліяніе на здоровье, которое почти безошибочно можно полагать одною изъ первыхъ причинъ его изнуренія и болѣзненности...“ Далѣе слѣдовало наставленіе о порядкѣ производства ученій безъ утомленія людей.

„Наконецъ, я предписываю Вашему Превосходительству обратить постоянное и особенное вниманіе на нравственное развлеченіе людей и для того полагаю необходимымъ, чтобы въ воскресные

и праздничные дни солдатъ былъ совершенно свободенъ отъ занятій по службѣ, кромѣ церковныхъ парадовъ, карауловъ и дежурствъ, и чтобы обыкновеніе дѣлать въ праздники строевые расчеты, пригонку амуниціи и обмундированія, было рѣшительно запрещено; напротивъ-же каждый хорошаго поведенія солдатъ можетъ быть увольняемъ, если пожелаетъ, со двора, а послѣ Божественной службы люди могутъ имѣть нѣкоторыя развлеченія въ своихъ казармахъ и на дворахъ, т. е. надо стараться доставить способы и поощрить молодыхъ солдатъ, пріохотивъ ихъ постепенно къ играмъ, сообразнымъ званію, но безъ всякаго къ этому принужденія."

„Въ заключеніе Мнѣ остается присовокупить, что мѣры сіи, способствующія къ сохраненію здоровья людей, составляя первую и священную обязанность Вашего Превосходительства и ближайшаго начальства, за добросовѣстное исполненіе которой должно дать отвѣтъ Богу и Государю, требуютъ не одного только буквальнаго исполненія предписаннаго; и если каждый изъ начальниковъ, будучи обязанъ пещись о ввѣренныхъ ему людяхъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, вникаетъ въ сіи требованія съ искреннимъ желаніемъ облегчить трудность солдатской службы и будетъ одушевленъ усердіемъ выполнить требованія высшаго начальства, то собственное благоразуміе и опытность откроетъ ему способы, какъ къ тому, чтобы, облегчивъ ученье, не ослабить фронтовой части, такъ и къ тому, чтобы, доставивъ Высочайше ввѣреннымъ ему людямъ развлеченіе и удовольствіе, сохранить ихъ нравственность; и Я только того изъ г. г. полковыхъ командировъ и прочихъ частныхъ начальниковъ буду считать настоящимъ командиромъ своей части, заслуживающимъ полное одобреніе и довѣренность начальства, кто съ доведеніемъ до отличнаго состоянія ввѣренной ему части по фронту, совершенно сбережетъ и людей" [4]).

Въ сентябрѣ того-же года Великій Князь предписываетъ, „дабы г. г. дивизіонные начальники обращали особенное вниманіе на продовольствіе нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ имъ дивизій, ибо хорошая и питательная пища есть одно изъ главныхъ условій къ сбере-

---

[4]) Предписаніе Великаго Князя Михаила Павловича ген.-маіору Девитту, отъ 14 іюня 1841 г., за № 1195.

женію солдата.“ Начальникамъ дивизій ставилось въ обязанность, „дабы они, сколь возможно чаще и внезапно, посѣщали казармы во время обѣда или ужина нижнихъ чиновъ и въ срочныхъ донесеніяхъ своихъ объ осмотрѣ казармъ и оружія доносили также и о томъ, какого кач тва пищу находили они при посѣщеніяхъ полковъ въ теченіе мѣсяца [5]). Нерѣдко Великій Князь разсылалъ своихъ адъютантовъ пробовать приготовленную въ полкахъ пищу; по возвращеніи они обязаны были докладывать Его Высочеству о ея качествѣ.

Въ 1834 году Великій Князь, признавая весьма полезнымъ, чтобы не только полковые командиры, но батальонные и ротные ближе знакомились со средствами къ сохраненію здоровья нижнихъ чиновъ, приказалъ имѣть въ каждой ротѣ напечатанное по высочайшему повелѣнію сочиненіе главнаго медика дѣйствующ. арміи, Четыркина, подъ заглавіемъ: „Опытъ военно-медицинской полиціи“ [6]).

Въ 1835 году, по личному приказанію Великаго Князя, л.-гв. въ Литовскомъ полку были заведены какія-то намагнитизированныя пластинки для домашняго лѣченія нижнихъ чиновъ отъ ревматизма.

Въ 1843 г., приказомъ по гвард. корпусу отъ 27 января, предписывалось, въ виду распространенія цынготной болѣзни, нижнихъ чиновъ, одержимыхъ ею, отдѣлить въ особыя команды, которыя довольствовать улучшенною сообразно съ видомъ болѣзни пищею и поручить особому попеченію полковыхъ штабъ-лекарей.

Осенью 1847 года, когда Петербургъ находился подъ страхомъ ожиданія холеры, свирѣпствовавшей въ то время въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ инспекторомъ военно-медицинской части, баронетомъ *Виллье*, были изданы правила для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ и предохраненія отъ холеры. Въ то-же время при госпиталѣ л.-гв. Литовскаго полка было устроено холерное отдѣленіе на 40 человѣкъ, снабженное паровыми кроватями. Своевременно принятыя мѣры и строгость ихъ соблюденія, вѣроятно, были причи-

---

[5]) Отношеніе начальн. штаба гвард. корпуса къ командующему гвардейской пѣхотой, ген.-адъют. Ушакову, отъ 11 сентября 1841 года.

[6]) Приказъ по л.-гв. Литов. полку, отъ 25 августа 1834 года.

ной того, что холерная эпидемія, свирѣпствовавшая въ слѣдующемъ 1848 году въ самомъ Петербургѣ, выхватила въ Литовскомъ полку лишь нѣсколько одиночныхъ жертвъ. Лѣто 1848 года полкъ провелъ въ красносельскомъ лагерѣ, послѣ котораго, не возвращаясь въ казармы, провелъ осень на широкихъ квартирахъ вблизи Петербурга, въ деревняхъ Старой и Новой, Ручьи, Щеглово и другихъ [7]). Во все это время ежедневно нижнимъ чинамъ выдавалась водка съ перцемъ и улучшенная пища. Во время лагеря для пріема больныхъ въ каждой бригадѣ были устроены холерные пріемные покои, а о заболѣвшихъ командиры полковъ доносили Императору Николаю, адресуя „въ собственныя руки.“

Изъ всѣхъ этихъ распоряженій видно, что жизнь солдата въ описываемый періодъ какъ-то больше цѣнится. Въ случаѣ скоропостижной смерти солдата отъ неизвѣстныхъ причинъ командиръ полка немедленно доноситъ по командѣ. Начальникъ дивизіи, получивъ донесеніе, наряжаетъ слѣдствіе о причинахъ смерти, чего прежде не дѣлалось; если оказывалось, что смерть произошла отъ естественныхъ причинъ, то начальникъ дивизіи предписывалъ „предать дѣло волѣ Божіей“ и слѣдствіе прекратить.

Одежда солдата такъ-же неудобна, какъ и прежде: узкій и неудобный мундиръ, съ фалдами сзади, съ рукавами до того узкими, что солдатъ не могъ свободно дѣйствовать руками; шинель безъ карамановъ, что заставляло солдата всѣ мелочи класть въ киверъ; тяжелый киверъ, который во время похода привязывался къ висѣвшему сзади тесаку, отчего тотъ принималъ почти горизонтальное положеніе и билъ по ногамъ; [8]) неудобная пригонка амуниціи, — все это сильно стѣсняло и утомляло солдата. Къ числу улучшеній слѣдуетъ отнести, впрочемъ, уничтоженіе полустиблетъ и введеніе для нижнихъ чиновъ длинныхъ брюкъ, послѣдовавшее въ 1833 г. 9 мая 1844 года, вмѣсто нелюбимыхъ солдатами киверовъ, введены каски съ двумя козырьками и волосянымъ султаномъ.

Продовольствіе солдата было улучшено сравнительно съ прежъ-

---

[7]) Приказы по л.-гв. Литовскому полку за 1848 годъ.

[8]) На поляхъ сраженій всегда валялась масса русскихъ киверовъ и султановъ, брошенныхъ солдатами.

нимъ. Въ 1848 году Императоръ Николай повелѣлъ отпускать безвозмездно изъ казенныхъ соляныхъ магазиновъ по 20 фунтовъ соли на каждаго нижняго чина въ годъ. Въ 1849 году число мясныхъ порцій было увеличено до 5-ти въ недѣлю, для строевыхъ въ полъ фунта, а для нестроевыхъ въ четверть фунта вѣсомъ. Деньги на мясныя, рыбныя и винныя порціи, какъ отпускаемыя по положенію, такъ и всемилостивѣйше пожалованныя за смотры и парады, поступали въ ротную артельную сумму, на счетъ которой производилось продовольствіе солдатъ; туда-же поступала выручка отъ продажи экономическаго провіанта и переносочныя деньги, получаемыя отъ казны за мундиры. При существованіи въ полку собственныхъ огородовъ, о которыхъ мы уже упоминали, эти отпуски давали возможность производить мясную варку ежедневно. Обѣдъ состоялъ изъ щей съ говядиной или рыбой и каши; ужинъ составляли остатки отъ обѣда.

Вступленіе въ бракъ нижнихъ чиновъ, находившихся на службѣ, не встрѣчало большихъ ограниченій. Жениться могли не только унтеръ-офицеры, но и рядовые, по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ. Поэтому, число женатыхъ нижнихъ чиновъ въ Литовскомъ полку въ то время было очень велико; а число семействъ, ютившихся при полку и отчасти находившихся на попеченіи полковаго начальства, нерѣдко доходило до 200 и даже превышало эту цифру. Многія изъ семействъ имѣли квартиры въ самыхъ казармахъ полка, для остальныхъ полковая канцелярія требовала квартирныя деньги, въ размѣрѣ около 4 рублей въ треть. Впрочемъ, съ 1839 года отпускъ квартирныхъ денегъ прекращенъ, а казенныя квартиры нижнимъ чинамъ отдавались по старшинству. Бѣдныя семейства постоянно нуждались въ помощи, а потому составляли бремя для полка, и командирамъ полка приходилось оказывать пособіе тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые были обременены особенно многочисленнымъ семействомъ.

Пособія эти производились частію изъ экономическихъ суммъ полка, частію изъ собственныхъ средствъ полковыхъ командировъ. Дочерямъ нижнихъ чиновъ, умершихъ на службѣ въ полку, выдавалось изъ экономическихъ суммъ „сиротское содержаніе.“ При полку состояла повивальная бабка, имѣвшая казенную квартиру въ ка-

зармахъ и завѣдывавшая полковымъ родильнымъ покоемъ. Особенное участіе въ положеніи семейныхъ нижнихъ чиновъ принималъ баронъ Зальцъ, командовавшій полкомъ послѣ фонъ-Аммонта, отъ 1849 до 1855 года. Онъ на свой счетъ нанимаетъ повивальную бабку и даетъ средства на улучшеніе родильнаго покоя; нижнимъ чинамъ, хорошимъ по службѣ, но обремененнымъ семействомъ, помогаетъ деньгами и т. п. Кромѣ школы военныхъ кантонистовъ, состоявшей при полку, о которой мы уже говорили и которая по своимъ размѣрамъ далеко не соотвѣтствовала числу солдатскихъ мальчиковъ, при полкахъ гвардіи существовали еще училища солдатскихъ дочерей, причислявшіяся къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ 3-го разряда.

Получая отъ полка пособія, жены нижнихъ чиновъ состояли нѣкоторымъ образомъ въ подчиненіи у полковаго начальства. Нерѣдко читаемъ приказы въ родѣ слѣдующаго:

„Замѣчено мною, что жены нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, квартирующія на вольныхъ квартирахъ, исполняютъ обязанности дворниковъ; а мужья имъ въ томъ помогаютъ; а потому предписываю ротнымъ командирамъ воспретить солдатскимъ женамъ исполнять сіи обязанности, съ подтвержденіемъ, что за неисполненіе сего виновныя подвергнутся строгой отвѣтственности.“

Иногда попадаются довольно оригинальные приказы. Два рядовыхъ, въ бытность въ отпуску, женились безъ разрѣшенія начальства; приказомъ по полку предписывалось: „Наказать виновныхъ розгами по 75 ударовъ; но рядовыхъ сихъ все-таки по формулярнымъ ихъ спискамъ показывать женатыми“ [9]).

Вообще семейные нижніе чины съ ихъ женами и дѣтьми, при ихъ многочисленности, составляли непріятную для полка обузу тѣмъ болѣе, что наблюденіе за тѣми изъ нихъ, семейства которыхъ жили внѣ казармъ, было затруднительно; а потому нерѣдко въ полковыхъ приказахъ встрѣчаемъ распоряженія о томъ, чтобы не дозволялось нижнимъ чинамъ проживать на частныхъ квартирахъ; разрѣшалось отпускать ихъ къ женамъ только до вечерней переклички.

---

[9]) Приказъ по полку, отъ 19 мая 1850 года.

Въ числѣ мѣръ, необходимыхъ, по тогдашнимъ понятіямъ, для сохраненія дисциплины и поддержанія порядка, многія, не удовлетворяя цѣли, были очень стѣснительны для нижнихъ чиновъ. Напримѣръ, было строжайше воспрещено всѣмъ нижнимъ чинамъ, не исключая подпрапорщиковъ и юнкеровъ, ѣздить на извощикахъ и въ экипажахъ. Государь неоднократно подтверждалъ лично петербургскому коменданту неупустительно слѣдить за соблюденіемъ этого правила и не допускать безпорядковъ. Для нижнихъ чиновъ, посылаемыхъ въ экипажахъ по казенной надобности, установлены билеты, безъ которыхъ никто изъ нихъ не имѣлъ права сѣсть въ экипажъ. Воспрещалось также нижнимъ чинамъ посѣщать театры и публичныя библіотеки. Только въ 1853 году Наслѣдникъ Цесаревичъ разрѣшилъ входъ въ библіотеки нижнимъ чинамъ изъ дворянъ, а въ началѣ царствованія Императора Александра II, въ мартѣ 1855 г., всѣмъ подпрапорщикамъ и юнкерамъ разрѣшено было ѣздить въ экипажахъ и посѣщать библіотеки и театры,—послѣднее, впрочемъ, не иначе, какъ съ дозволенія полковаго командира.

Въ праздники, для усиленія надзора за нижними чинами, въ ротахъ наряжали двойной комплектъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ. Досугъ нижнихъ чиновъ иногда разнообразился солдатскими спектаклями, которые устраивались во время святокъ. До 1834 года существовали даже солдатскіе маскарады, въ которыхъ принимали участіе и солдатскія жены; но приказомъ по корпусу, отъ 2 января 1834 года, удовольствія этого рода были воспрещены.

Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья фельдфебеля, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и тамбуръ-мажоръ являлись въ Михайловскій манежъ, для христосованія съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и въ Зимній Дворецъ—съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Нижнимъ чинамъ этимъ въ приказѣ по полку предписывалось имѣть по одному красному яйцу.

Въ концѣ царствованія Императора Николая, когда въ полкахъ гвардіи замѣтно сравнительно большее развитіе грамотности, является новое средство для развлеченія солдата въ часы досуга—чтеніе. Такъ, въ 1854 году, по приказанію главнокомандовавшаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, Наслѣдника Цесаревича, въ каждую роту выписано иллюстрированное изданіе художника

Васильева „Русскій Солдатъ,“ а также журналъ „Чтеніе для Солдатъ.“ Уже одно появленіе въ свѣтъ этихъ солдатскихъ изданій доказываетъ, что, если не въ средѣ самихъ нижнихъ чиновъ, то въ средѣ начальствовавшихъ лицъ, является сознаніе въ необходимости развивать солдата и разнообразить его досугъ.

ГЛАВА XXII.

(1831—1855).

Мѣры къ улучшенію матеріальной обстановки офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка.—Прибавка жалованья.—Всемилостивѣйшія пособія и подарки. — Учрежденіе въ полку офицерскаго капитала и комитета по завѣдыванію онымъ.— Мѣры къ погашенію офицерскихъ долговъ.—Квартиры.—Установленіе для офицеровъ безсрочныхъ отпусковъ.—Отпуски годовые, продолжительные и кратковременные.—Отставки офицеровъ.—Брачные союзы и формальности при ихъ заключеніи.— Общій уровень образованія офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка. — Франтовство и приказъ о волосахъ.— Ежегодныя командировки офицеровъ на Кавказъ для участія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ.—Нравы тогдашней гвардейской молодежи.—Вліяніе романтизма. — Поклоненіе свѣтскимъ приличіямъ.—Point d'honneur и бреттерство.— Примѣры кровавой расправы изъ-за пустяковъ.

Въ періодъ петербургской стоянки произошли также измѣненія въ бытовой обстановкѣ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка; да и нравы сильно измѣнились.

Начнемъ съ измѣненій въ матеріальной обстановкѣ.

30-го августа 1834 года, въ торжественный день открытія памятника Императору Александру I, въ приказѣ по военному вѣдомству объявлено было, что Его Императорское Величество," въ числѣ милостей, излитыхъ на побѣдоносную Россійскую армію, изволилъ ознаменовать сей день увеличеніемъ окладовъ жалованья штабъ и оберъ-офицерамъ военно-сухопутнаго вѣдомства." По новому окладу полковникъ получалъ 1500 руб. ас., капитанъ гвардіи—1200; штабсъ-капитанъ—1000; а потомъ съ каждымъ чиномъ ниже содержаніе уменьшалось на 100 руб., такъ что прапорщикъ гвардіи получалъ 700 руб. ас. Эта прибавка не лишала, однакоже, офицеровъ права пользоваться единовременными всемилостивѣйшими пособіями, которыя заносились въ послужные списки и нѣкото-

рымъ изъ нашихъ офицеровъ выдавались почти ежегодно. Такъ, капитанъ Елчинъ въ 1833 году получаетъ 390 руб., въ 1835—390, въ 1836—1000 р., въ 1838—500, въ началѣ 1839—600 и въ сентябрѣ того-же года—800 рублей, итого — въ теченіе шести лѣтъ съ 1833 по 1839 г. г. капитанъ Елчинъ получаетъ 3680 рублей ассигнаціями [1]). Полковникъ фонъ-Аммонтъ, переведенный въ Литовскій полкъ изъ Финляндскаго въ 1832 году, получаетъ при этомъ на обзаведеніе 1300 руб. ас.; въ слѣдующемъ 1833 г.—2000 р. ас.; въ 1837 г. получаетъ въ вѣчное потомственное владѣніе 2000 десятинъ земли; въ 1839 году—подарокъ по чину изъ кабинета Его Величества, а въ концѣ того-же года—въ вѣчное владѣніе землю по чину. Такихъ примѣровъ въ тридцатыхъ годахъ можно было бы привести много. Въ ноябрѣ 1836 года командиръ 1-го батальона, полковникъ Желтухинъ, просилъ объ увольненіи его отъ службы по разстроенному здоровью; но отвѣтомъ на просьбу былъ высочайшій приказъ отъ 6 декабря, которымъ Желтухинъ назначался флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ мартѣ 1837 г. уволенъ въ годовой отпускъ за границу, съ сохраненіемъ содержанія, и кромѣ того ему выдано, по повелѣнію Государя, 500 червонцевъ на лѣченіе [2]).

Въ дѣлахъ штаба бывшаго отдѣльнаго гвардейскаго корпуса за 1834 годъ находимъ слѣдующее отношеніе военнаго министра къ Великому Князю Михаилу Павловичу, изъ котораго видно, что Государь хотѣлъ ограничить слишкомъ частые случаи выдачи офицерамъ гвардіи единовремен. вспомоществованій:

„Государь Императоръ, имѣя въ виду частыя представленія о пособіяхъ офицерамъ, по случаю женитьбы, повелѣлъ, чтобы впредь г.г. военные начальники не входили съ подобными представленіями и испрашивали денежныя пособія офицерамъ только по уважительнымъ причинамъ“ [3]).

---

[1]) Послужные списки офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка. Полковой архивъ.

[2]) На время его отпуска 1-мъ батальономъ командовалъ флиг.-адъютантъ полковникъ Грессеръ, который до того времени, числясь въ полку, занималъ постъ командовавшаго Императорской квартирой.

[3]) Отношеніе воен. министра къ Великому Кн. Михаилу Павловичу, отъ 28 августа 1834 г. № 955.

Къ числу полезныхъ мѣръ, обезпечивавшихъ матеріальное положеніе офицеровъ, относится учрежденіе въ Литовскомъ полку заемнаго офицерскаго капитала. Въ 1845 году командиръ полка, ген.-маіоръ фонъ-*Аммонтъ*, по мысли полковаго казначея капит. Малиновскаго, входя въ затруднительное положеніе офицеровъ, „большая часть которыхъ—такъ сказано въ рапортѣ фонъ-Аммонта,—не имѣя средствъ, нерѣдко находятся въ такомъ положеніи, что нуждаются въ нѣсколькихъ рубляхъ для первой надобности, а въ особенности при откомандированіи, выступленіи въ лагерь и во время болѣзни," представилъ по командѣ предположеніе о составленіи въ полку основного офицерскаго капитала, посредствомъ вычета изъ жалованья. Этотъ проэктъ былъ одобренъ начальникомъ 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, ген.-лейт. *Моллеромъ*, и командовавшимъ пѣхотой гвардейскаго корпуса Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II), а затѣмъ утвержденъ командиромъ отдѣльнаго гвард. корпуса, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ 1848 году въ полку мы уже находимъ правильно организованный комитетъ изъ старшихъ въ каждомъ чинѣ офицеровъ, который разрѣшаетъ выдачу ссудъ и рѣшаетъ всѣ вопросы этого рода.

На умѣнье офицеровъ жить по средствамъ, не дѣлать долговъ и вести свое хозяйство въ то время обращалось большое вниманіе. По одной изъ статей 5-го свода воен. постановленій изд. 1839 г. командиры полковъ при аттестаціяхъ офицеровъ должны были оговаривать: „каковъ въ хозяйствѣ." Въ 1848 году Великій Князь Михаилъ Павловичъ предписывалъ командирамъ полковъ энергичнѣе взыскивать долги офицеровъ для удовлетворенія ихъ кредиторовъ, а списки офицеровъ, имѣвшихъ долги, представлять Его Высочеству. Въ долговомъ спискѣ офицеровъ за 1848 годъ находимъ только 4-хъ офицеровъ Литовскаго полка, при чемъ у одного только цифра долга была значительна, а именно: 5205 руб. ас.

Большинство офицеровъ квартировали въ находившемся при казармахъ флигелѣ. Тѣ-же, для которыхъ тамъ не хватало мѣста, получали квартирныя деньги и жили на частныхъ квартирахъ. Офицеры загороднаго батальона жили въ деревняхъ, при своихъ ротахъ и занимали квартиры у обывателей по-отводу.

Въ 1841 году учреждены безсрочные отпуски для офицеровъ. Мѣра эта вызвана необходимостью имѣть на случай войны офицеровъ для запасныхъ войскъ. Первоначально въ безсрочный отпускъ могли быть увольняемы оберъ-офицеры, прослужившіе не менѣе 15 лѣтъ и бывшіе хотя въ одномъ противъ непріятеля походѣ, и штабъ-офицеры, состоящіе въ этихъ чинахъ не менѣе 5 лѣтъ и также сдѣлавшіе не менѣе одного похода въ офицерскихъ чинахъ. При исполненіи этихъ условій, увольнялись только тѣ офицеры, которые представляли или медиц. свидѣтельства о болѣзни, или свидѣтельства гражданскихъ губернаторовъ или предводителей дворянства, что домашнія ихъ обстоятельства требуютъ ихъ личнаго присутствія. Безсрочно-отпускные офицеры числились въ запасныхъ войскахъ, содержанія не получали и вакансій въ своихъ частяхъ не занимали. Нахожденіе въ безсрочномъ отпуску не считалось дѣйств. службой для полученія пенсіона и другихъ правъ. Безсрочно-отпускные офицеры обязаны были являться на службу только въ случаѣ призыва запасныхъ нижнихъ чиновъ. Они имѣли право служить по выборамъ дворянства, нося военный мундиръ. Прослуживъ 5 лѣтъ въ чинѣ, офицеръ запаса могъ просить о производствѣ въ слѣд. чинъ, выдержавъ экзаменъ въ знаніи службы при образцовыхъ войскахъ.

Такое производство въ гвардіи допускалось только до капитана включительно; для производства въ полковники требовалось возвращеніе на дѣйствительную службу. Съ 1850 года на увольненіе въ безсрочный отпускъ имѣли право штабъ-офицеры, командовавшіе батальономъ на законномъ основаніи не менѣе трехъ лѣтъ. Остальные могли пользоваться только годовыми, продолжительными (отъ 5 мѣсяцевъ до 1 года) и кратковременными (менѣе 5 м-цевъ) отпусками. Въ годовой и продолжительный отпускъ ежегодно увольнялись отъ полка 1 штабъ и 9 оберъ-офицеровъ. Въ кратковременный отпускъ, по 1-е марта, дозволялось обыкновенно уволить такое число офицеровъ, какое признано будетъ возможнымъ командиромъ полка, безъ ослабленія въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

Подача просьбъ объ отставкахъ въ мирное время офицерамъ разрѣшалась только въ теченіе сентябрьской трети. Если, вслѣдствіе какой либо задержки, просьба объ отставкѣ поступала въ штабъ

гвард. корпуса послѣ 1 января слѣдующаго года, то она оставалась безъ послѣдствій. Въ военное время отставки разрѣшались только по крайне разстроенному здоровью.

За самовольную отлучку, если она продолжалась менѣе сутокъ, по статьѣ 246, кн. I военно-уголов. устава изд. 1839 года, офицеръ подвергался вычету мѣсячнаго жалованья.

Заключеніе брачныхъ союзовъ было стѣснено для офицеровъ многими формальностями. Желающій вступить въ бракъ долженъ былъ подать прошеніе на высочайшее имя, при чемъ, кромѣ другихъ документовъ, прилагалось свидѣтельство о согласіи на бракъ родителей не только невѣсты, но и жениха. Если родители офицера не изъявляли своего согласія, то не давалось и разрѣшенія на вступленіе въ бракъ не только незрѣлому жениху, но и совершеннолѣтнему, потому что въ 5 ст. X тома было сказано: „Запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей.“ Нарушеніе этого закона часто влекло за собою строгія взысканія и даже преданіе военному суду. Въ 1842 году штабсъ-капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка, флигель-адъют. баронъ Розенъ, по высочайшему повелѣнію, былъ преданъ суду за то, что, испросивъ разрѣшеніе Государя, женился на дочери генер.-лейтен. *Иловайскаю*, не имѣя на то законнаго свидѣтельства ея отца. Конфирмація Императора Николая на военно-судномъ дѣлѣ:

„Подсудимаго барона *Розена* перевести маіоромъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ“ [4]). Само собою разумѣется, что, состоя подъ судомъ, баронъ Розенъ былъ лишенъ флигель-адъютантскаго званія.

Переходя къ уровню образованія офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, нужно прежде всего замѣтить, что малограмотныхъ офицеровъ въ родѣ Афанасьева или Путинцева, о которыхъ упоминалось въ предыдущихъ главахъ, въ полку въ описываемый періодъ не было. Приказомъ по гвардейскому корпусу, отъ 11 января 1838 года, предписывалось представленія унтеръ-офицеровъ къ производству въ офицеры за выслугу лѣтъ дѣлать съ большимъ разборомъ, а самыхъ нижнихъ чиновъ подвергать строжайшему экзамену въ знаніи

---

[4]) Дѣла аудиторіат. отдѣленія штаба бывш. отд. гвард. корпуса.

грамоты, 4-хъ правилъ ариѳметики и устава фронтовой службы, сначала въ полкахъ, потомъ въ дежурствахъ бригадномъ и дивизіонномъ и въ штабѣ командира всей гвардейской пѣхоты. Затѣмъ, въ штабѣ гвардейскаго корпуса производилась окончательная повѣрка всѣхъ этихъ испытаній, и если при этомъ оказывалось, что въ числѣ удостоенныхъ къ производству находились нижніе чины не довольно твердые въ какомъ либо изъ упомянутыхъ предметовъ, то войсковые начальники подвергались отвѣтственности. Къ тому-же, если и прежде случаи производства за выслугу лѣтъ въ офицеры, съ зачисленіемъ въ гвардейскіе полки, были рѣдки, то въ описываемый періодъ таковыхъ почти не встрѣчаемъ, и л.-гв. Литовскій полкъ комплектуется почти исключительно офицерами, выпущенными изъ военно-учебныхъ заведеній.

Начиная съ тридцатыхъ годовъ, въ средѣ офицеровъ Литовскаго полка замѣтно стремленіе къ высшему военному образованію, и открытая въ 1832 году Императорская военная академія привлекаетъ ежегодно въ свои стѣны нѣсколько нашихъ офицеровъ. Обыкновенно, незадолго до начала курса, вице-директоръ академіи баронъ Зедделеръ обращался къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса съ просьбой объявить въ полкахъ: не найдутся ли желающіе поступить въ академію, — и въ Литовскомъ полку желающіе всегда находились.

Въ сороковыхъ годахъ уже вошло въ обыкновеніе читать зимой публичныя лекціи офицерамъ, по предметамъ военной спеціальности, преимущественно тактики, военной исторіи и артиллеріи. Чтенія эти производились иногда въ библіотечной залѣ Главнаго штаба или же, если происходили по иниціативѣ корпуснаго командира, при штабѣ гвардейскаго корпуса.

Нельзя не упомянуть еще объ одной характерной чертѣ нашихъ офицеровъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: о франтовствѣ и подражаніи модѣ, въ ущербъ формѣ одежды. Въ 1837 году былъ отданъ приказъ по военному вѣдомству, въ которомъ говорилось, что Государь Императоръ, „находя неприличнымъ допускать въ войскахъ замѣченныя Его Величествомъ подражанія страннымъ, нерѣдко къ намъ изъ-за границы достигающимъ обычаямъ— носить длинные волосы съ разными неприличными прическами, повелѣть соиз-

волилъ: вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ г.г. военнымъ начальникамъ строго смотрѣть, дабы ни у кого изъ подчиненныхъ не было прихотливости въ прическѣ волосъ; чтобы вообще волосы стрижены были единообразно и непремѣнно такъ, чтобы спереди, на лбу и на вискахъ были не длиннѣе вершка, а вокругъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налѣво."

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество изволилъ повелѣть: не допускать никакихъ странностей въ усахъ и бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усами, то также не ниже рта, выбривая ихъ на щекахъ, противъ онаго [5])."

Несмотря на такое категорическое повелѣніе, у насъ въ полку пристрастіе къ длиннымъ волосамъ и „прихотливымъ прическамъ" было настолько сильно, что не разъ заставляло начальство прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, а въ 1848 году командиръ полка, ген. фонъ-Аммонтъ, обязалъ даже всѣхъ офицеровъ подпискою не носить длинныхъ волосъ [6]).

То-же самое было и съ сюртуками. По формѣ длина сюртука была ниже колѣна; но франты носили короткіе сюртуки, которые спереди были длиннѣе, чѣмъ сзади, вѣроятно, для того, чтобы неформенность не такъ бросалась въ глаза начальству. Подумаешь, какъ перемѣнились вкусы общества: теперь франтовскіе сюртуки шьются чуть не до пятъ.

Привычка носить лорнеты была также въ модѣ и служила признакомъ франтовства. Въ 1832 году всѣмъ пѣхотнымъ офицерамъ разрѣшено носить усы; до того времени усы составляли привиллегію только одной кавалеріи и для пѣхотной молодежи были предметомъ тайной зависти и недостижимыхъ желаній.

Многіе обычаи въ формѣ того времени составляли полнѣйшую противоположность съ нынѣшними. Офицерамъ не дозволялось, напримѣръ, бывать въ маскарадахъ иначе, какъ въ домино, и только въ 1846 г. разрѣшено бывать въ присвоенной имъ формѣ, при

---

[5]) Приказъ по воен. вѣдомству, отъ 15 ноября 1837 г., за № 115.
[6]) Полковые приказы 1848 года.

оружіи, имѣя каску или шляпу на головѣ [7]). На придворныхъ и вообще парадныхъ балахъ танцующіе офицеры присутствовали въ башмакахъ, а нетанцующіе—въ обыкновенной парадной формѣ.

Съ 1835 года начинаются ежегодныя командировки офицеровъ гвардіи на Кавказъ. Такъ какъ охотниковъ было всегда очень много, то приходилось дѣлать выборъ преимущественно изъ числа тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые не участвовали въ предшествовавшихъ кампаніяхъ. Молодежь стремилась туда съ увлеченіемъ; одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали эту страну сказочныхъ героевъ въ самомъ поэтическомъ, привлекательномъ видѣ; оттуда доносились пѣсни и поэмы Лермонтова; тамъ сосредоточено было вниманіе свѣтскаго общества, которымъ возвращавшіеся юные воители принимались, какъ герои.

Не имѣя данныхъ для перечисленія всѣхъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, ѣздившихъ на Кавказъ и принимавшихъ участіе въ экспедиціяхъ и не претендуя на полноту, упомянемъ о тѣхъ, имена которыхъ случайно попались намъ въ дѣлахъ различныхъ архивовъ и въ нашихъ полковыхъ приказахъ.

Однимъ изъ первыхъ офицеровъ Литовскаго полка былъ командированъ на Кавказъ поручикъ *Траскинъ*, возвратившійся въ полкъ въ началѣ 1837 года и получившій за дѣла съ горцами орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Въ томъ-же году были командированы поручики *Яковлевъ* и *Семеновъ* и оба также награждены орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Почти къ тому-же времени относится командированіе на Кавказъ подпоручика *Сльпцова*, который совсѣмъ перешелъ туда на службу, дослужился до генеральскихъ чиновъ и составилъ себѣ громкое боевое имя. 10-го августа 1841 года, за участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, объявлено Монаршее благоволеніе поручику *Смольяну*. Въ 1842 году посланъ на Кавказъ поручикъ *де-Сен-Лоранъ*, возвратившійся въ полкъ въ мартѣ 1843 года; за участіе въ дѣлахъ де-Сен-Лоранъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. Въ 1845 году командированъ на Кавказъ штабсъ-капитанъ Лаппа. Съ февраля до конца

---

[7]) Приказаніе по гвард. корпусу, отъ 11 февраля 1846 года.

іюля онъ участвовалъ въ безпрестанныхъ схваткахъ съ непріятелемъ и за дѣло противъ горцевъ 21 іюня былъ помѣщенъ, какъ особенно отличившійся, въ реляціи объ этомъ дѣлѣ, опубликованной въ № 165 „Русскаго Инвалида“ за 1845 годъ. Штабсъ-капитанъ Лаппа, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, оказалъ примѣрную храбрость, командуя 5-й егерской ротой генер.-адъют. князя Чернышева полка, при нападеніи горцевъ на нашъ отрядъ, слѣдовавшій изъ Андіи въ Дарго. Будучи тяжело раненъ пулею въ руку, онъ не переставалъ командовать ротою до самаго прихода отряда въ Герзель-Аулъ. За всѣ эти подвиги онъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ.

Нравы офицеровъ въ этотъ періодъ уже не представляютъ примѣровъ того дикаго удальства, о которомъ мы упоминали въ главѣ о варшавской жизни и котораго не чужды были и офицеры нашего полка. Въ провинціи, особенно въ полкахъ армейской кавалеріи въ то время, конечно, сохранились еще слѣды полуазіатской дикости, которая проявлялась въ пренебреженіи всякими житейскими правилами и приличіями и которую очертилъ Чужбинскій въ своихъ военно-бытовыхъ очеркахъ. Но въ Петербургѣ, въ гвардейскихъ полкахъ, мы не находимъ уже тѣхъ характерныхъ чертъ, которыя служили отличительнымъ признакомъ провинціальнаго офицера. Удальство хотя и проявлялось, но въ другой, болѣе утонченной, какъ сейчасъ увидимъ, формѣ; по содержанію оно было, конечно, также грубо.

Л.-гв. Литовскій полкъ, какъ и всѣ полки гвардіи, пополнялся въ то время почти исключительно офицерами изъ лучшихъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ; къ тому-же столичная жизнь клала на офицеровъ свой особый отпечатокъ форменности и порядка; она полировала ихъ, давала внѣшній лоскъ; а близость власти и дисциплина обуздывали пылкіе порывы нашей молодежи. Поэтому, вмѣсто грубаго удальства, въ нихъ мы находимъ нѣкоторыя черты того типа, который такъ талантливо изображенъ Лермонтовымъ въ лицѣ Печорина, въ романѣ „Герой нашего времени,“ типа человѣка, растрачивающаго весь запасъ своихъ нравственныхъ силъ на мелочи. Вспомнимъ, что то былъ періодъ романтизма, подъ вліяніемъ котораго тогдашняя военная молодежь то буйствовала, то подда-

валась байронизму, то болѣзненно вздыхала, зачитываясь романами Марлинскаго. Эти романы, вмѣстѣ съ повѣстями Дюма, Сю, Жанена и другихъ, переводами которыхъ былъ наполненъ распространенный въ то время „Телескопъ,“ поддерживали романтическій пылъ тогдашней петербургской молодежи вообще, а военной въ особенности; они болѣзненно настраивали фантазію и развивали ненормальный идеализмъ, ненормальный потому, что рядомъ съ нимъ уживались такія несимпатичныя черты, какъ напримѣръ, отрицаніе личности въ человѣкѣ, носящемъ сѣрую шинель или крестьянскій кафтанъ; развивали до невѣроятной степени то, что французы называютъ point d'honneur и что, вмѣстѣ съ мелочнымъ рабскимъ поклоненіемъ свѣтскимъ приличіямъ, было причиной частыхъ дуэлей безъ разбора, дуэлей, которыя въ нашъ вѣкъ не принесли бы чести ни одной изъ сторонъ.

Дуэли изъ-за пустяковъ, изъ-за несоблюденія пустыхъ свѣтскихъ правилъ условнаго приличія, вошли у насъ въ моду еще по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Франціи и цѣликомъ позаимствованы у французовъ. Французъ въ то время былъ просто невыносимъ со своимъ до болѣзненности развитымъ point d'honneur. Толкните его нечаянно на улицѣ, и если ему покажется, что вы извинились передъ нимъ не достаточно вѣжливо, онъ вызоветъ васъ на поединокъ. Одного пристальнаго взгляда на любимую имъ женщину достаточно было, чтобы вызвать на дуэль, и онъ не считалъ преступленіемъ убить васъ, лишь-бы это убійство облечено было въ извѣстныя формы свѣтской законности и совершилось при свидѣтеляхъ. Этотъ ложный дендизмъ (мы беремъ это слово, потому что тогда оно было въ ходу), эта болѣзнь, лучше сказать, перешла къ намъ послѣ наполеоновскихъ войнъ и въ описываемый періодъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, нисколько не утратила своей силы, несмотря на то, что поединки строго преслѣдовались нашими военно-уголовными законами. Общественное мнѣніе не только не клеймило участниковъ кровавой расправы за каждый косой взглядъ или неосторожно сказанное слово, но поощряло ихъ; а шрамъ, полученный на дуэли, считался почетнымъ. Даже такой талантливый представитель нашей военной молодежи того времени, какъ Лермонтовъ, былъ подверженъ той-же болѣзни, что доказываетъ исторія его пер-

вой дуэли съ сыномъ французскаго посланника де-Барантомъ, которая была затѣяна по поводу пустой фразы, сказанной однимъ изъ нихъ на балѣ у графини Лаваль и за которую поэтъ былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. (1840 г.)

Кромѣ этого извѣстнаго случая, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ поединка не изъ-за личной ненависти или мести, а изъ желанія соблюсти правила „свѣтскаго приличія.“ Они не только подтверждаютъ существованіе въ средѣ тогдашнихъ гвард. офицеровъ ложнаго дендизма и рабскаго поклоненія условнымъ формамъ свѣтскаго приличія, но и представляютъ данныя для характеристики тогдашняго нашего военно-уголовнаго законодательства.

Штабсъ-капитанъ л.-гв. Волынскаго полка *Гогель* и инженеръ-подполковникъ *Шаронъ-ля-Розъ* на балу въ знакомомъ домѣ танцуютъ мазурку. Дирижеръ танцевъ Шаронъ, какъ любитель мазурки, затянулъ ее слишкомъ долго. Одинъ изъ гостей, замѣтивъ усталость дамы, танцовавшей съ Гогелемъ, сказалъ, что „мазуркѣ, кажется, не будетъ конца.“

— „Подождите, еще подъ конецъ подполковникъ Шаронъ протанцуетъ намъ мателотъ!“ сказалъ Гогель.

Шарону, сидѣвшему по сосѣдству и слышавшему эту фразу, показалось неприличнымъ, что его, штабъ-офицера, заподозрили въ умѣньи плясать матросскій танецъ. И вотъ, изъ за этого „мателота“ возникаетъ дуэль. Дерутся гдѣ то на взморьи на другой-же день, на пистолетахъ, безъ секундантовъ и свидѣтелей, чтобы не подвергать тяжелой отвѣтственности лицъ, въ дѣлѣ не заинтересованныхъ. Шаронъ довольно опасно раненъ, но остался живъ. Оба преданы суду командиромъ гвардейскаго корпуса, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Военно-судная коммиссія, учрежденная при л.-гв. Преображенскомъ полку, несмотря на то, что на судѣ выяснилось, „что не месть заставляла враждебно дѣйствовать, а одно только свѣтское приличіе,“ на точномъ основаніи законовъ (это было до изданія свода), приговорила подсудимыхъ *къ смертной казни разстрѣляніемъ*. Существовавшіе тогда (1836 г.) военные законы не соотвѣтствовали духу времени; поэтому каждая военно-судная сентенція, представляемая на конфирмацію по командѣ, смягчалась до невѣроятной степени. Каждое начальствовавшее лицо

писало на сентенціи свое „мнѣніе,“ опредѣляя наказаніе и неизмѣримо смягчая его степень, сравнительно съ приговоромъ воен. суд. коммиссіи. Въ дѣлѣ Гогеля и Шарона мы видимъ „мнѣнія:“ начальника дивизіи, командовавшаго всей пѣхотой гвард. корпуса, ген.-адъют. Бистрома и, наконецъ, командира корпуса, Великаго Князя Михаила Павловича. По „мнѣнію“ послѣдняго слѣдовало штабсъ-капитана Гогеля выдержать въ крѣпости 3 мѣсяца и перевесть въ армію тѣмъ-же чиномъ; а Шарона, выдержавъ также въ крѣпости 3 мѣсяца, „во вниманіе потерпѣнія его отъ полученной имъ раны, по окончаніи срока аресту, обратить по-прежнему на службу въ инженерное вѣдомство.“

Конфирмація Его Императорскаго Величества: „*Быть по сему.*“ Такимъ образомъ, рана спасла зачинщика дуэли, Шарона, отъ перевода въ армію.

Еще примѣръ. Маскарадъ въ Большомъ театрѣ. Л.-гв. конно-піонернаго дивизіона подпоручикъ графъ Роникеръ, гуляя съ маской, ему незнакомой, оставилъ ее на минуту и ушелъ въ буфетъ подкрѣпиться. Въ это время къ маскѣ подошелъ подпоручикъ л.гв. Литовскаго полка Семевскій и началъ съ ней разговоръ. Вѣроятно, это было ей непріятно, потому что, увидѣвъ возвращавшагося изъ буфета графа, она сказала ему:

— Ronikeur, débarasse moi, je t'en prie!“

Семевскій на это отвѣтилъ словами французской поговорки:

— Qui va à la chasse, perd sa place.“

— Mais il revient et chasse le vaurien! продолжалъ Роникеръ слова той-же поговорки.

Тогда Семевскій, считая себя обиженнымъ, въ полголоса сказалъ:

— „Monsieur, demain à 11 heures!„

— „Enchanté de l'occasion!“ весело отвѣтилъ графъ Роникеръ.

На другой день произошла дуэль на пистолетахъ, въ 12-ти шагахъ, на седьмой верстѣ за московской заставой. Сдѣлавъ по выстрѣлу и промахнувшись, соперники, несмотря на сопротивленіе секундантовъ, стрѣляютъ въ другой разъ, при чемъ Роникеръ раненъ слегка въ грудь.

Возникаетъ, конечно, военно-судное дѣло. И соперники, и ихъ секунданты, въ концѣ концовъ, переводятся тѣми-же чинами въ армію и отсиживаютъ нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпости. (1847 г.)

Нерѣдко друзья дерутся изъ-за одного неосторожнаго слова, сказаннаго безъ всякаго оскорбительнаго намѣренія. Въ 1842 году произошла дуэль между офицерами л.-гв. гусарскаго полка, князьями Яшвилемъ и Долгоруковымъ, закадычными друзьями, дуэль, на которой Долгоруковъ былъ убитъ, изъ-за того, что сказалъ Яшвилю во время товарищескаго обѣда:

— „Тебѣ, мой другъ, уже пора перестать волочиться за актрисами: въ твои лѣта это смѣшно!“

Таковы были понятія о свѣтскихъ приличіяхъ, таковы были нравы, развившіеся подъ вліяніемъ романтическаго направленія, господствовавшаго въ то время въ средѣ нашего общества.

ГЛАВА XXIII.

(1836—1855).

Знамя запаснаго батальона.—Пожалованіе л.-гв. Литовскому полку андреевскихъ лентъ на знамена.—Открытіе тріумфальныхъ воротъ у московской заставы.—Рота Его Высочества присутствуетъ при открытіи памятника на поляхъ Бородина и заложеніи храма Христа Спасителя въ Москвѣ. — Характеристика генерала Девитта. — Фонъ-Аммонтъ.—Краткій историческій очеркъ формированія при полку запасныхъ частей до 1849 г.— Походъ л.-гв. Литовскаго полка въ 1849 г. – Кончина шефа, Великаго Князя Михаила Павловича и краткая его характеристика.— Михайловскій капиталъ. — Назначеніе команд. полка барона Зальца и характеристика его.—Пожалованіе полку новыхъ знаменъ и празднованіе 150 лѣт. юбилея.—Хроника полка, составленная капитаномъ Траскинымъ, удостоена высочайшимъ прочтеніемъ. — Расформированіе 4-го (запас.) батальона въ 1850 г. – Сформированіе 4-го (запас.) батальона въ Москвѣ въ 1854 году и приведеніе полка на военное положеніе. —Заботливость Наслѣдника Цесаревича о войскахъ, ему ввѣренныхъ. — Служба полка въ Ревелѣ.—„Туманные“ караулы и ложныя тревоги.—Анекдоты о генералѣ Овандерѣ.—Трудность караульной службы и крѣпостныхъ работъ. — Зачисленіе 4-го батальона въ число дѣйствующихъ и присоединеніе его къ полку въ Ревелѣ. — Сформированіе 5-го запас. батальона и пожалованіе ему знамени.—6-й запасный батальонъ. — Сформированіе л.-гв. Литовскаго резервнаго полка. — Стоянка дѣйствующаго полка въ Вольмарѣ. — Извѣстіе о смерти Императора Николая и присяга полка на вѣрность Императору Александру II.—Пожалованіе полку мундира почившаго Государя.

Переходимъ къ дальнѣйшему изложенію событій, прямо или косвенно касавшихся л.-гв. Литовскаго полка.

6-го мая 1837 года въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца происходила прибивка знамени, пожалованнаго для запаснаго батальона л.-гв. Литовскаго полка, на случай его сформированія изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Такъ какъ въ мирное время этотъ батальонъ не существовалъ, а мѣстомъ формированія его назначенъ г. Кіевъ, гдѣ хранились запасы обмундированія и снаря-

женія на случай войны, то вновь пожалованное знамя было отправлено для храненія въ кіевскій арсеналъ.

Въ 1838 году, высочайшимъ указомъ отъ 25 іюля, на имя военнаго министра даннымъ, л.-гв. Литовскому полку пожалованы были андреевскія ленты и скобы на знамена, на томъ основаніи, что полкъ этотъ сформированъ изъ 2-го батальона л.-гв. Преображенскаго полка, который имѣлъ эти знаки отличій. Ленты и скобы переданы л.-гв. Литовскому полку 26-го мая 1839 года Императоромъ Николаемъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ бывшемъ по этому случаю парадѣ отъ полка находился гренадерскій взводъ роты Его Высочества, подъ командой капитана Житкова.

16-го октября 1838 года происходило открытіе тріумфальныхъ воротъ у московской заставы, воздвигнутыхъ въ память подвиговъ русскихъ войскъ въ Персіи (1826—1827 г.г.), Турціи (1828—1829 г.г.), и Польшѣ (1830—1831 г.г.). Въ этотъ день, вмѣстѣ съ другими частями войскъ отдѣльн. гвард. корпуса, въ парадѣ участвовалъ отъ л.-гв. Литовскаго полка восьми-взводный батальонъ со знаменемъ, подъ командой полковника фонъ-Аммонта; батальонъ этотъ былъ составленъ изъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ знаки отличія и медали за персидскую, турецкую и польскую кампаніи [1]).

Въ 1839 году сводная рота отъ л.-гв. Литовскаго полка участвовала въ торжествѣ открытія памятника на поляхъ Бородинскихъ, гдѣ двадцать семь лѣтъ тому назадъ полкъ покрылъ себя славою. Въ ротѣ состояло 5 офицеровъ (капитанъ Житковъ 1-й, командиръ роты,—поручикъ Леонтьевъ, подпоручикъ Языковъ, прапорщикъ Лаппа и подпоручикъ Тевесъ— батальон. адъютантъ), 20 унт.-офицеровъ и 230 рядовыхъ. 3-й сводный батальонъ гвардейскаго бородинскаго отряда, составленный изъ сводныхъ ротъ полковъ 3-й гвард. пѣхотной дивизіи, находился подъ начальствомъ л.-гв. Литовскаго полка полковника Польмана; а всей сводной гвардейской и гренадерской бригадой командовалъ во время похода ге-

---

[1]) Приказаніе по отд. гвард. корпусу, отъ 14 окт. 1838 г., за № 180. Въ сводномъ батальонѣ л.-гв. Литовскаго полка въ строю находились: генер. 1, шт.-офиц. 6, об.-офиц. 18, унт.-офиц. 113, музык. 34, рядовыхъ 581, всего 753; при трехшереножномъ строѣ, по 24 ряда во взводѣ.

нералъ-маіоръ Мункъ; въ строю-же и на парадахъ—Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ [2]).

Бородинскій отрядъ выступилъ изъ С.-Петербурга 30 іюня и слѣдовалъ къ Бородину черезъ Ижору, Гудово, Новгородъ, Валдай, Вышній-Волочекъ, Торжокъ, Старицу, Волоколамскъ и Можайскъ. Слѣдованіе отряда было похоже на торжественное шествіе; на пути вездѣ предлагали всѣ удобства; помѣщики и крестьяне другъ передъ другомъ соревновали въ гостепріимствѣ. Отъ обществъ отпускали мясныя порціи и водку. Ранцы и амуницію везли на обывательскихъ подводахъ [3]).

Армія, собранная въ окрестностяхъ Бородина, численностью до 120 тысячъ, была расположена лагеремъ на историческихъ поляхъ, при чемъ сводные гвардейскіе батальоны помѣщены близъ дер. Захарьиной. 26-го августа происходило открытіе памятника; художественное описаніе этого событія составлено Жуковскимъ, очевидцемъ, какъ самой Бородинской битвы, такъ и церемоніи открытія памятника въ ея воспоминаніе. Черезъ нѣсколько дней произведенъ двухдневный маневръ, который служилъ изображеніемъ великой битвы.

8-го сентября сводные гвардейскіе батальоны вступили въ Москву, а 10-го участвовали въ парадѣ, бывшемъ по случаю заложенія храма Христа Спасителя. Въ этотъ день московское купечество устроило гвардейскому отряду большой обѣдъ въ экзерцицгаузѣ, удостоенный присутствія Государя и высочайшихъ особъ. Послѣ этого нижніе чины гвард. бородинскаго отряда, выслужившіе къ 1 января 1840 года двадцать лѣтъ, прямо изъ Москвы были уволены въ безсрочный отпускъ; остальные также уволены во временной и годовой отпуски, такъ что въ Петербургъ возвратились только одни офицеры сводной гвардейской роты.

Высочайшимъ приказомъ 22, сентября 1841 года, командиръ полка генералъ-маіоръ Девиттъ былъ назначенъ командовать 3-й

---

[2]) Дѣло о бородинскомъ отрядѣ, хранящееся въ архивѣ штаба войскъ гвардіи и Петербургск. военн. округа. Приказъ по л.-гв. Литов. полку, отъ 30 іюня 1839 г.

[3]) Исторія л.-гв. Финлянд. полка, т. II, стр. 60.

пѣхотной дивизіей, съ оставленіемъ въ спискахъ полка и съ сохраненіемъ полковаго мундира. Съ сожалѣніемъ простился л.-гв. Литовскій полкъ съ любимымъ командиромъ. Во время своего десятилѣтняго командованія полкомъ П. Я. Девиттъ былъ внимателенъ къ нуждамъ подчиненныхъ, добръ и не любилъ строгихъ мѣръ, особенно по отношенію къ офицерамъ. Объявляя въ приказахъ о найденныхъ имъ въ полку неисправностяхъ или упущеніяхъ по службѣ, онъ не любилъ упоминать фамилій провинившихся офицеровъ. Если въ крайнихъ случаяхъ и приходилось иногда прибѣгать къ мѣрамъ строгости, то Павелъ Яковлевичъ въ своихъ приказахъ сопровождалъ ихъ мягкими выраженіями и сожалѣніемъ о случившемся... „А потому, къ крайнему моему прискорбію, вынужденнымъ нахожусь..." и т. д. или ...„къ большому моему неудовольствію, долженъ сдѣлать съ него взысканіе" и т. п. Случалось, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, весьма требовательный по службѣ, замѣтивъ какую либо неисправность на смотру или на разводѣ, хорошенько его распечетъ. У другаго въ подобномъ случаѣ нерѣдко является весьма естественное желаніе въ свою очередь излить свой гнѣвъ на подчиненныхъ; но Павелъ Яковлевичъ ограничивался тѣмъ, что отдавалъ приказъ, общій смыслъ котораго былъ слѣдующій: „Г. г. батальонные и ротные командиры были сами свидѣтелями неудовольствія, изъявленнаго мнѣ вчера Великимъ Княземъ, и гнѣва Его Императорскаго Высочества, столь для меня прискорбнаго, за найденныя неисправности въ томъ-то и томъ-то, а потому остается мнѣ, объявя о семъ, повторить г.г. офицерамъ мою просьбу, усугубить еще болѣе свое стараніе, дабы удостоиться обратить милостивое вниманіе Его Высочества."

И дѣйствительно, офицеры исправляли общими силами замѣченные недостатки и, немного времени спустя, полкъ получалъ благодарность своего шефа.

Командиромъ л.-гв. Литовскаго полка послѣ генерала Девитта назначенъ былъ генералъ-маіоръ фонъ-Аммонтъ, переведенный въ Литовскій полкъ изъ л.-гв. Финляндскаго еще въ 1832 году, въ чинѣ полковника. Въ 1834 году, послѣ назначенія полковника Пущина командиромъ Вологодскаго (а вслѣдъ затѣмъ и дворянскаго) полка, фонъ-Аммонтъ принялъ отъ него 2-й батальонъ, которымъ

и командовалъ цѣлыя семь лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1841 года онъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, съ оставленіемъ при 3-й гвард. пѣхотной дивизіи, 22 сентября того-же года назначенъ командующимъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ, а 9 августа слѣдующаго 1842 года утвержденъ въ этой должности, которую занималъ до конца 1849 года, командуя вмѣстѣ съ тѣмъ и 5-й пѣхотн. гвардейской бригадой.

Фонъ-Аммонтъ былъ исполнителенъ, строгъ и требователенъ по службѣ; но это не мѣшало офицерамъ уважать его за честность, простоту и справедливое, ровное обращеніе съ подчиненными.

Въ 1848 году, по случаю волненій, потрясшихъ всю западную Европу, явилась и у насъ необходимость умножить наличное число войскъ. Тогда въ первый разъ со времени учрежденія запасныхъ войскъ сформированъ былъ на продолжительное время 4-й (запасный) батальонъ л.-гв. Литовскаго полка.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ сказано уже, что въ 1834 году Императоръ Николай уменьшилъ срокъ дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ съ 22 лѣтъ на 20. Эти два года солдатъ считался въ безсрочномъ отпуску и входилъ въ составъ контингента, долженствовавшаго образовать въ военное время запасные полубатальоны, полуэскадроны и полубатареи. Чтобы безсрочно-отпускные не отставали отъ службы, для нихъ установлены были лагерные сборы, при чемъ изъ безсрочно-отпускныхъ гвардейскихъ солдатъ, собранныхъ изъ сосѣднихъ съ Кіевской губерній, формировались въ этомъ городѣ запасные полубатальоны для полковъ 3-й гвард. пѣхотной дивизіи. На время сборовъ безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ выдавалось обмундированіе отъ комиссаріатскаго вѣдомства, изъ имѣвшихся въ Кіевѣ складовъ. Артиллерійское вѣдомство снабжало полубатальоны оружіемъ. Офицеры командировались изъ дѣйствующихъ полковъ. По окончаніи сборовъ, людей распускали по домамъ; обмундированіе и оружіе сдавали въ склады, а офицеры возвращались къ мѣстамъ своего служенія. Въ 1842 году повелѣно было изъ безсрочно-отпускныхъ формировать не полубатальоны, а полные запасные батальоны, по одному на полкъ, въ кадровомъ составѣ [4]). Въ 1847 году отъ л.-гв. Литовскаго полка были коман-

[4]) Приказъ по отд. гвард. корпусу 1842 г. № 18.

дированы 1 шт.-офицеръ и 10 об.-офицеровъ въ Кіевъ, для занятій съ безсрочно-отпускными во время сборовъ. Штаты запасныхъ батальоновъ въ то время были уже доведены до шести-сотеннаго состава, кромѣ унт.-офиц., музыкантовъ и нестроевыхъ. Въ томъ-же году Государь пріѣхалъ въ Кіевъ, смотрѣлъ запасные батальоны 3-й гвард. пѣхот. дивизіи и остался ими очень доволенъ. По окончаніи сборовъ нижніе чины были распущены по домамъ, а офицеры возвратились въ полки [5]). Въ началѣ 1848 года, какъ мы уже сказали, политическія обстоятельства требовали увеличенія наличнаго числа войскъ, а потому въ Кіевъ посланы были отъ л.-гв. Литовскаго полка кадры для формированія четырехъ-ротнаго запаснаго батальона, подъ начальствомъ полковника Житкова. Въ составъ этого кадра входили: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 10, ун.-офицеровъ 80, музыкан. 24, рядовыхъ 380 [6]). Нижніе чины избирались изъ числа старослужащихъ, слабыхъ здоровьемъ, но способныхъ обучать рекрутъ. Офицеры были назначены по личному выбору главнокомандовавшаго, Великаго Князя Михаила Павловича [7]). Этотъ маршевой батальонъ отправленъ въ Кіевъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. Вскорѣ послѣдовало новое повелѣніе, вызванное намѣреніемъ двинуть гвардію къ западной границѣ въ томъ-же 1848 году и желаніемъ Государя собрать всѣ запасные гвардейскіе батальоны въ Петербургѣ. До выступленія въ походъ полки 3-й гвард. пѣх. дивизіи должны были оставить въ столицѣ кадры для запасныхъ батальоновъ, въ которые зачислялись бы всѣ прибывающіе въ полкъ рекруты. Знамена повелѣно было прислать съ фельдъ-егеремъ изъ Кіева. Запасные батальоны 3-й гвард. пѣх. дивизіи, формировавшіеся въ Кіевѣ, принимаютъ названіе маршевыхъ батальоновъ и послѣ выступленія полковъ въ походъ къ западнымъ предѣламъ идутъ на соединеніе съ ними, для пополненія рядовъ, вмѣсто оставленныхъ въ Петербургѣ кадровъ для запасныхъ батальоновъ [8]).

---

[5]) Изъ разсказовъ генералъ-маіора Дуве.

[6]) Полковые приказы за мартъ 1848 г.

[7]) Назначены были слѣдующіе офицеры: полковникъ Житковъ 5, поручики: Сергѣевъ, Сорокинъ, Дуве и Кузьминъ; подпоручики: Гренквистъ, Ралль, Дуве 2, прапорщики: Еремѣевъ, Бергъ и фонъ-Тальбергъ.

[8]) Отношеніе воен. министра къ главноком. гвард. и гренад. корпусами, отъ 6 марта 1848 г.

Но походъ гвардіи въ 1848 году не состоялся, а потому Кіевскіе, такъ называемые, маршевые батальоны прибыли въ Петербургъ и поступили частію въ составъ формировавшихся тамъ запасныхъ батальоновъ, частію въ дѣйствующіе полки. 4-й (запасный) батальонъ л.-гв. Литовскаго полка окончательно сформированъ въ началѣ сентября 1848 года, преимущественно изъ нижнихъ чиновъ полка, выслужившихъ срокъ дѣйствительной службы, а также изъ безсрочно-отпускныхъ, призванныхъ на службу по случаю приготовленій къ войнѣ. Батальонъ состоялъ изъ четырехъ ротъ (4-й гренадерской, 10-й, 11-й и 12-й фузелерныхъ) и составлялъ одно цѣлое съ полкомъ, который на всѣ ученья и маневры, происходившіе въ сентябрѣ 1848 года, выходилъ въ четырехъ-батальонномъ составѣ. Знамя для 4-го батальона было привезено изъ Кіева. Командиромъ батальона былъ назначенъ полковникъ Житковъ. Зиму 1848—1849 г.г. полкъ просуществовалъ въ четырехъ-батальонномъ составѣ, при чемъ 1-й и 2-й батальоны занимали казармы на Выборгской сторонѣ, а 3-- и 4-й (запасный) находились въ загородномъ расположеніи: 3-й батальонъ въ с. Волы, а 4-й—въ с. Муринѣ.

Въ 1849 году Императоръ Николай, подавая помощь Императору Австрійскому для покоренія возмутившихся Венгровъ, повелѣлъ выступить войскамъ 1 арміи за границу, подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Паскевича. Въ составъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ и отд. гвард. корпусъ. Первое извѣстіе о походѣ л.-гв. Литовскій полкъ получилъ изъ устъ Государя, на общемъ парадѣ войскъ гвардейскаго корпуса, происходившемъ на Царицыномъ лугу 30 апрѣля. На другой день, послѣ пріема утреннихъ рапортовъ отъ адъютантовъ полковъ гвардейской пѣхоты, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ прочелъ находившимся въ пріемной комнатѣ начальникамъ частей и другимъ лицамъ только-что отпечатанный высочайшій манифестъ о походѣ за границу. Радостное „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ сопровождало послѣднія слова манифеста, послѣ чего Наслѣдникъ обнялъ нѣкоторыхъ ближе стоявшихъ къ нему генераловъ.

Для похода гвардія была раздѣлена на двѣ колонны: правая, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Штрандмана, а лѣвая—

генералъ-адъютанта Сумарокова; въ составъ послѣдней назначенъ былъ и л.-гв. Литовскій полкъ. Передъ выступленіемъ всѣмъ офицерамъ полка выдано не въ зачетъ третное жалованье. По выступленіи полка 4-му (запас.) батальону предписано было вступить въ Петербургъ для караульной службы и занять казармы на Выборгской сторонѣ, вмѣстѣ съ запаснымъ батальономъ л.-гв. Волынскаго полка.

16-го мая, въ $5^1/_2$ часовъ утра, отслуживъ молебенъ на полковомъ плацу, л.-гв. Литовскій полкъ, въ полномъ походномъ составѣ, прибылъ на Семеновскій плацъ, чтобы въ послѣдній разъ передъ выступленіемъ въ походъ представиться главноком. гвардейск. и гренадер. корпусами, Великому Князю Михаилу Павловичу, своему августѣйшему шефу [9]). Пройдя церемоніальнымъ маршемъ по-взводно, полкъ прямо съ плаца двинулся къ московской заставѣ. Великій Князь, остановившись у заставы и пропуская полкъ мимо себя по отдѣленіямъ, неоднократно повторялъ: „Перекреститесь, ребята,“ а потомъ обогналъ полкъ и нѣсколько верстъ проѣхалъ впереди полка верхомъ. Великая Княгиня Елена Павловна, пріѣхавшая на Семеновскій плацъ, чтобы проститься съ полкомъ, также провожала полкъ въ коляскѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы Великій Князь приказалъ полку остановиться для отдыха, самъ слѣзъ съ лошади, ласково разговаривалъ со многими изъ офицеровъ и представилъ лично нѣкоторыхъ изъ нихъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая также вышла изъ коляски и милостиво бесѣдовала съ офицерами. Въ заключеніе Великій Князь пожелалъ литовцамъ счастливаго пути и простился съ полкомъ въ самыхъ лестныхъ, полныхъ отеческой любви, выраженіяхъ. Это было Его послѣднее прощаніе съ полкомъ.

18-го мая, на переходѣ изъ Подгорнаго-Пулкова въ Гатчину, Государыня Императрица изъявила желаніе проститься съ полкомъ, для чего и выѣхала изъ Царскаго Села на гатчинское шоссе, гдѣ полкъ ожидалъ Ея Величество въ развернутомъ фронтѣ. Объѣхавъ по фронту въ коляскѣ и пропуская полкъ мимо себя, Государыня

---

[9]) Полкъ выступилъ въ слѣдующемъ числѣ: генералъ 1, шт.-офиц. 6, об.-офиц. 48, унт.-офиц. 205, музык. 132, рядовыхъ 2164, нестроев. 89, лошадей 162.

привѣтливо прощалась, обѣщая написать Государю, находившемуся въ то время въ дѣйствующей арміи, о примѣрномъ порядкѣ, радостномъ и добромъ видѣ, въ которомъ она видѣла л.-гв. Литовскій полкъ въ походѣ [10]).

Въ головѣ лѣвой колонны гвардейскаго корпуса полкъ слѣдовалъ на Гатчину, Лугу, Псковъ, Динабургъ и Вильну до г. Пружаны, Гродненской губерніи, куда вступилъ 17 іюля, послѣ девяти-недѣльнаго марша. По переходѣ черезъ двину въ Динабургѣ, полкъ вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи фельдмаршала Паскевича. Въ Гродненской губерніи гвардейскій корпусъ былъ расположенъ на квартирахъ. Штабъ л.-гв. Литовскаго полка въ г. Пружанахъ; 1-й батальонъ въ м. Малечкѣ, 2-й батальонъ въ м. Шерешовѣ, 3-й— въ Каменецъ-Литовскѣ. Штабъ дивизіи квартировалъ въ Брестѣ-Литовскомъ.

Походъ въ Литву и обратно въ Петербургъ и непродолжительная стоянка въ Пружанахъ не представляли трудностей, благодаря хорошему снабженію полка всѣми жизненными предметами. Этотъ походъ скорѣе можно назвать военной прогулкой.

25-го августа разнесся въ полку печальный слухъ о тяжкой болѣзни шефа, Великаго Князя Михаила Павловича, а потому 26-го было отслужено въ пружанской православной церкви молебствіе о дарованіи здравія Его Высочеству. Но уже 31 августа полкъ получилъ печальное извѣстіе о кончинѣ Михаила Павловича, послѣдовавшей 28 августа въ Варшавѣ. Командиръ роты имени Его Высочества, капитанъ Викманъ, фельдфебель и одинъ гренадеръ этой роты были отправлены изъ Пружанъ въ Петербургъ, гдѣ участвовали вмѣстѣ съ 4-мъ запаснымъ батальономъ въ печальной церемоніи погребенія почившаго Великаго Князя.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, вступившій въ командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, отдалъ, по поводу кончины своего августѣйшаго дяди, слѣдующій приказъ:

„Всемогущему Богу угодно было посѣтить насъ еще новымъ

---

[10]) Изъ полковой хроники и изъ разсказовъ генералъ-лейтенанта Кузьмина.

несчастіемъ: еще воззвать въ горнія селенія свои одну душу нашего семейства. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ, главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, почилъ въ Бозѣ, послѣ трудной болѣзни въ Варшавѣ, сего 23 августа, прослуживъ полвѣка вѣрою и правдою Государю и почти 23 года командуя отдѣльнымъ гвардейскимъ и 5 лѣтъ гренадерскимъ корпусами. Покоряясь передъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, Я съ искреннимъ и горькимъ душевнымъ прискорбіемъ возвѣщаю объ этомъ событіи войскамъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ."

Неожиданная кончина Великаго Князя горестно отозвалась въ сердцахъ литовцевъ. Мы уже знаемъ, какое участіе выказывалъ Великій Князь къ судьбѣ нижнихъ чиновъ ввѣренныхъ ему корпусовъ и какія мѣры принималъ онъ для облегченія участи солдата и для улучшенія его жизненныхъ условій. Не менѣе попечительнымъ начальникомъ былъ онъ и для офицеровъ. По отзыву современниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, онъ былъ очень добръ и щедръ до расточительности. Многимъ изъ недостаточныхъ офицеровъ онъ выдавалъ негласныя пособія изъ своихъ средствъ, при чемъ сумма пособій нерѣдко превышала эти средства и заставляла даже Великаго Князя дѣлать долги. Словомъ, въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ походилъ на своего августѣйшаго брата, Цесаревича Константина Павловича. Л.-гв. Литовскій полкъ былъ однимъ изъ любимыхъ полковъ Великаго Князя, пользовался особеннымъ его расположеніемъ и вниманіемъ, а потому потеря такого высокаго покровителя была для полка особенно тяжела. Еще задолго до своей смерти, въ маѣ 1843 года, Михаилъ Павловичъ завѣщалъ л.-гв. Литовскому полку на память свою полусаблю, которая была послѣ смерти Его Высочества прислана въ полкъ его душеприкащиками и донынѣ хранится въ офицерскомъ собраніи, въ особомъ ковчегѣ. Гвардейскому корпусу, въ которомъ Великій Князь провелъ почти всю свою жизнь, была завѣщана брильянтовая шпага, полученная Его Высочествомъ въ награду за войну 1831 года. Чтобы судить о томъ, какъ дорожилъ Михаилъ Павловичъ любовью подчиненныхъ, приведемъ послѣднія слова его духовнаго завѣщанія..." Благодарю всѣхъ моихъ сослуживцевъ за ихъ усердіе, за ихъ довѣренность ко мнѣ. Если я кого

обидѣлъ, по невѣдѣнію или другимъ причинамъ, то отъ всей души и искренно прошу ихъ простить меня и вѣрить мнѣ, что я не хотѣлъ ихъ огорчить съ умысломъ."

Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Сумароковъ предложилъ всѣмъ офицерамъ корпуса подписку для составленія капитала, въ память почившаго Великаго Князя, съ благотворительною цѣлью. Общество офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка рѣшило составить небольшой капиталъ, сообразно со средствами большинства и, назвавъ его Михайловскимъ, выдавать проценты въ день полковаго праздника одному изъ достойнѣйшихъ нижнихъ чиновъ полка. Составленное вслѣдъ за тѣмъ положеніе о Михайловскомъ капиталѣ л.-гв. Литовскаго полка удостоилось высочайшаго утвержденія въ 1851 году.

Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій въ Венгріи, гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе возвратиться на свои квартиры въ С.-Петербургъ; вслѣдствіе чего л.-гв. Литовскій полкъ, выступивъ изъ Пружанъ 9 сентября, слѣдовалъ по динабургскому тракту и прибылъ въ столицу 14 ноября. Въ день вступленія Императоръ Николай произвелъ смотръ полку на Адмиралтейской площади и, оставшись довольнымъ наружнымъ видомъ полка, объявилъ Монаршее благоволеніе командиру полка и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Послѣ высочайшаго смотра полка занялъ свои казармы на Выборгской сторонѣ; 3-й и 4-й (запасный) батальоны были расположены за городомъ. Со смертью шефа знамена 1-го и 2-го батальоновъ хранились не въ Михайловскомъ дворцѣ, а въ зимнемъ; знамена загородныхъ батальоновъ по-прежнему находились въ квартирахъ батальонныхъ командировъ.

Еще до выступленія въ походъ, 3 апрѣля 1849 года, командиръ полка, генералъ-маіоръ фонъ-Аммонтъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ командиромъ полка и 5-й гвардейской пѣхотной бригады. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, 6 декабря 1849 года, генералъ-лейтенантъ фонъ-Аммонтъ назначенъ начальникомъ 6 пѣхот. дивизіи, а вмѣсто него командиромъ л.-гв. Литовскаго полка и командующимъ 5-ю гвард. пѣхотн. бригадою назначенъ генералъ-маіоръ баронъ Зальцъ. До чина полковника баронъ Зальцъ служилъ л.-гв. въ Павловскомъ полку,

гдѣ пользовался репутаціей человѣка въ высшей степени симпатичнаго и умнаго. Въ исторіи Павловскаго полка мы встрѣчаемъ слѣдующую характеристику новаго командира.

„Баронъ Николай Антоновичъ Зальцъ, впослѣдствіи командиръ л.-гв. Литовскаго полка, отличался въ кругу полковой семьи павловцевъ высокими человѣческими достоинствами, невозмутимою правдивостью, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и честнѣйшимъ, чуждымъ всякаго эгоизма, отношеніемъ ко всякому, кто къ нему обращался. Онъ заботливо сглаживалъ заводившіяся въ полку шероховатости; приходившіе къ нему за совѣтомъ были заранѣе увѣрены, что совѣтъ будетъ поданъ отъ чистаго сердца и всегда принесетъ пользу [11]).

И въ Литовскомъ полку о баронѣ Зальцѣ осталось воспоминаніе, какъ о человѣкѣ образованномъ, вѣжливомъ и мягкомъ, заботливомъ начальникѣ, радушномъ и гостепріимномъ хозяинѣ. За всѣ эти качества Николай Антоновичъ справедливо пользовался особенною любовью офицеровъ и солдатъ л.-гв. Литовскаго полка.

Генералъ-лейтенантъ фонъ-Аммонтъ въ январѣ 1850 года былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Литовскаго полка, съ сохраненіемъ права носить полковой мундиръ.

1850 годъ ознаменовался для л.-гв. Литовскаго полка новой монаршей милостью—пожалованіемъ новыхъ знаменъ—и участіемъ въ празднованіи стопятидесяти-лѣтняго юбилея со дня наименованія лейбъ-гвардіею полковъ Преображенскаго и Семеновскаго и родственныхъ имъ Московскаго и Литовскаго, а также 1-й л.-гв. батарейной батареи, которая вела свое начало отъ бомбардирской роты л.-гв. Преображенскаго полка, основанной въ 1700 году. Наканунѣ праздника, 21 августа 1850 года, въ 12-ть часовъ дня, въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца, въ высочайшемъ присутствіи, происходила прибивка новыхъ знаменъ, пожалованныхъ л.-гв. Преображенскому, Семеновскому, Московскому и Литовскому полкамъ, при чемъ участвовали всѣ офицеры и фельдфебеля этихъ полковъ, по 1 унт.-офицеру и 2-хъ рядовыхъ отъ каждой роты [12]).

---

[11]) Исторія л.-гв. Павловскаго полка, стр. 354.

[12]) Приказаніе по корпусамъ, отъ 20 августа 1850 г., № 161.

29-го августа, въ 9 часовъ утра, л.-гв. Литовскій полкъ, въ четырехъ-батальонномъ составѣ, выстроился на площадкѣ передъ казармами въ дивизіонныхъ колоннахъ справа, послѣ чего, по повелѣнію командовавшаго корпусами Наслѣдника Цесаревича, въ присутствіи начальника дивизіи, полку прочтена была высочайшая грамота о пожалованіи новыхъ знаменъ. Къ $11^1/_2$ часамъ полкъ прибылъ для парада на Александровскую площадь и построился лицомъ къ Зимнему дворцу, во взводныхъ колоннахъ справа. Въ полдень прибылъ Государь и послѣ объѣзда войскъ приказалъ вынести къ полкамъ старыя знамена. По пріѣздѣ Государыни Императрицы, войска, праздновавшія юбилей, стали покоемъ вокругъ Александровской колонны, у подножія которой поставленъ былъ аналой. Старыя знамена съ почестями были отнесены во дворецъ. По командѣ „на молитву,“ новыя знамена вынесены изъ дворца и поставлены передъ аналоемъ. Послѣ молебна провозглашена вѣчная память Императору Александру I, а потомъ многолѣтіе Императорскому дому и россійскому воинству. При пушечной пальбѣ изъ крѣпости новыя знамена были окроплены святой водой. Знамена первыхъ батальоновъ Государь передавалъ въ руки полковыхъ командировъ, которые принимали этотъ даръ, преклонивъ колѣно. Затѣмъ новыя знамена съ почестями были приняты полками. Объѣзжая полки, Государь каждому изъ нихъ сказалъ краткое привѣтствіе, поручая вѣрною службою увѣнчать новыя знамена такою-же славою, какую доблестные ихъ отцы стяжали своимъ безсмертнымъ знаменамъ, видѣвшимъ и святую невзгоду Отечества и взятіе Парижа [13]).

Вслѣдъ за тѣмъ полки прошли въ первый разъ съ новыми знаменами церемоніальнымъ маршемъ по-ротно передъ Государемъ, а по окончаніи парада знамена л.-гв. Литовскаго полка были отнесены 1-мъ гренадерскимъ взводомъ въ Зимній дворецъ.

Въ тотъ день былъ отданъ слѣдующій высочайшій приказъ.

„Государь Императоръ, во вниманіе преданности и вѣрности къ престолу и всегдашней отличной и славной службѣ полковъ

---

[13]) Описаніе парада 22 августа. Архивъ штаба бывшаго отд. гвард. корпуса. Дѣло о празднованіи 150 лѣтн. юбилея. (Полковой архивъ).

л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго, коимъ нынѣ исполнилось 150 лѣтъ со дня наименованія ихъ лейбъ-гвардіею, всемилостивѣйше жалуетъ всѣмъ батальонамъ сихъ полковъ, взамѣнъ имѣющихся у нихъ, новыя георгіевскія знамена, съ надписью: 1683—1700—1850, изображающею эпохи: основанія означенныхъ полковъ и протекшаго стопятидесятилѣтія съ наименованія ихъ лейбъ-гвардіею."

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество, имѣя въ виду, что полки л.-гв. Московскій и Литовскій составлены были изъ 2-го батальона л.-гв. Преображенскаго полка, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ такія-же знамена и съ тѣми-же надписями, какія жалуются нынѣ л.-гв. Преображенскому полку, и съ сохраненіемъ имѣющейся на знаменахъ л.-гв. Московскаго и Литовскаго полковъ надписи: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году."

Старыя знамена тогда-же были оставлены въ даръ четыремъ означеннымъ полкамъ для вѣчнаго храненія въ полковыхъ церквяхъ, вмѣстѣ съ мундиромъ Императора Александра I.

„Его Величеству угодно,—писалъ князь Чернышевъ къ Наслѣднику Цесаревичу,—чтобы старыя знамена сіи выносимы были разъ въ году, въ день Рождества Христова, на торжество избавленія Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ" [14]).

Въ день юбилейнаго торжества, по высочайшему повелѣнію, выдано въ л.-гв. Литовскій полкъ изъ придворной конторы по серебряному рублю на обѣдъ для каждаго изъ нижнихъ чиновъ, всего 3735 руб. [15]). Въ тотъ-же день всѣ офицеры полковъ, праздновавшихъ юбилей, были приглашены къ высочайшему обѣденному столу.

За нѣсколько дней до юбилея Императоръ Николай пожелалъ узнать составлены-ли въ нѣкоторыхъ полкахъ гвардіи хроники полковъ. Оказалось, что въ Семеновскомъ полку было приступлено

---

[14]) Отношеніе воен. министра къ Его Императорскому Высочеству командующ. гвард. и гренад. корпусами, отъ 21 августа 1850 г. Знамена эти, съ переходомъ полка въ Варшаву, были перевезены въ церковь бывшаго королевскаго замка.

[15]) Въ этотъ день въ полку состояло: унт.-оф. 281, музык. 175, рядов. 3061, нестроев. 165, кантонистовъ 53, всего 3735.

къ составленію исторіи полка штабсъ-капитаномъ Карцовымъ; въ другихъ полкахъ гвардіи трудовъ этого рода не имѣлось, за исключеніемъ л.-гв. Литовскаго полка, въ которомъ была краткая хроника, составленная въ 1844 году полковымъ адъютантомъ, штабсъ-капитаномъ Траскинымъ. По требованію командовавшаго тогда гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, трудъ этотъ былъ представленъ въ штабъ Его Императорскаго Высочества при слѣдующей запискѣ командира полка, барона Зальца.

„Препровождая при семъ краткую исторію л.-гв. Литовскаго полка, составленную полковымъ адъютантомъ капитаномъ Траскинымъ въ 1844 году, имѣю честь присовокупить, что въ прилагаемой къ ней тетради находятся листы съ собственноручными Его Императорскаго Высочества, въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Михаила Павловича, отмѣтками, исправленные по личному указанію Его Высочества капитану Траскину и замѣненные въ книгѣ, по повелѣнію Его Высочества, другими листами, послѣ чего Его Высочеству благоугодно было послать оную исторію для прочтенія къ его сіятельству генералъ-адъют. графу Адлербергу, какъ служившему л.-гв. въ Литовскомъ полку."

Наслѣдникъ Цесаревичъ, прочтя трудъ Траскина, представилъ его черезъ военнаго министра Государю, при слѣдующей запискѣ, отъ 21 августа 1850 года.

„Препровождая къ Вашей Свѣтлости составленную полковымъ адъютантомъ л.-гв. Литовскаго полка, капитаномъ Траскинымъ, краткую исторію сего полка, покорно прошу поднести оную всемилостивѣйшему воззрѣнію Его Императорскаго Величества."

„Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что исторія эта была прочитана въ Бозѣ почивающимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и одобрена Его Императорскимъ Высочествомъ."

„Генералъ-адъютантъ Александръ."

Отношеніе военнаго министра, кн. Чернышева, къ Наслѣднику Цесаревичу, отъ 22 августа 1850 года:

„Государь Императоръ, удостоивъ принятіемъ полученную при отношеніи Вашего Императорскаго Высочества краткую исторію л.-гв. Литовскаго полка, составленную капитаномъ Траскинымъ,

всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать этому офицеру подарокъ по чину, который будетъ доставленъ, по истребованіи изъ кабинета Его Величества“ [16]).

„Военный министръ князь Чернышевъ.“

Подарокъ, полученный Траскинымъ заключался въ дорогомъ брилліантовомъ перстнѣ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что починъ въ дѣлѣ составленія полковыхъ хроникъ принадлежалъ л.-гв. Литовскому полку.

Въ началѣ сентября 1850 года началось расформированіе 4-го (запаснаго) батальона; нижніе чины всего полка, выслужившіе узаконенные сроки, были уволены въ безсрочный и годовой отпуски, а такъ какъ въ три предшествовавшіе года увольненія не было, то число отпускныхъ было теперь особенно велико. Въ 1850 году изъ л.-гв. Литовск. полка уволено въ безсрочный отпускъ 411, а въ годовой—447, всего 858 унтеръ-офицеровъ рядовыхъ и нестроевыхъ [17]).

Всѣ офицеры 4-го батальона были переведены въ дѣйствующіе батальоны; знамя передано въ С.-Петербург. арсеналъ для отправленія въ Кіевскій арсеналъ, такъ какъ Кіевъ по-прежнему оставался пунктомъ формированія запасныхъ батальоновъ 3-й гвард. пѣх. дивизіи.

26-го ноября 1852 года Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, высочайшимъ приказомъ, былъ назначенъ Главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренад. корпусами. Въ томъ-же году послѣдовало повелѣніе о сформированіи кадровъ гвард. запасныхъ батальоновъ, но уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ [18]). Въ кадры запасн. батальона отъ л.-гв. Литовскаго полка были назначены и отправлены въ Москву: штабсъ-капитанъ Меньшовъ (команд. кадра) и поручикъ Росинскій, унтеръ офицеровъ 4, музык. 2, рядовыхъ 16

---

[16]) Переписка эта найдена въ дѣлахъ штаба бывш. отд. гвард. корпуса. Подробности о юбилейномъ торжествѣ также почерпнуты изъ дѣлъ того-же архива, а также изъ полковыхъ приказовъ и дѣлъ полковаго архива.

[17]) Полковые приказы за сентябрь 1850 года. По свѣдѣніямъ, найденнымъ въ архивѣ штаба бывш. отд. гвард. корпуса, эта цифра меньше: въ безсрочный отпускъ уволено 326, въ годовой—418. Показанія полковыхъ приказовъ считаемъ болѣе вѣрными.

[18]) Приказъ по воен. вѣдомству, отъ 18 ноября 1852 года.

и нестроевыхъ 4. Знамя запаснаго батальона было перевезено изъ Кіевскаго арсенала въ Москву для храненія въ маломъ Кремлевскомъ дворцѣ [19]). Обязанности командира кадра и его помощника заключались въ веденіи отчетности по предметамъ обмундированія и снаряженія, хранившимся въ складахъ, и въ занятіяхъ съ безсрочно-отпускными при ежегодныхъ ихъ сборахъ.

Въ январѣ 1854 года новое усложненіе политическихъ событій, вызванное Турецкой войной, было причиной сбора безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ гвардіи, для приведенія полковъ на военное положеніе и формированія гвардейскихъ запасныхъ батальоновъ. Для этой послѣдней цѣли, въ началѣ февраля, отъ л.-гв. Литовскаго полка былъ отправленъ въ Москву полковникъ Риманъ и 12 оберъ-офицеровъ, которые, вмѣстѣ съ двумя бывшими тамъ офицерами кадра, должны были войти въ составъ запаснаго батальона. Числительность батальона въ началѣ опредѣлена была въ 600 человѣкъ.

Въ то-же время дѣйствующіе батальоны л.-гв. Литовскаго полка приведены на военное положеніе и дѣятельно готовились къ походу изъ Петербурга въ Эстляндію, для защиты ея береговъ, угрожаемыхъ англо-французскимъ флотомъ. Обстоятельства потребовали скорѣйшаго, чѣмъ вначалѣ предполагалось, сосредоточенія полковъ 3-й гвардейской пѣхотн. дивизіи въ окрестностяхъ гор. Ревеля, а потому л.-гв. Литовскому полку предписано было выступить изъ Петербурга 26 февраля. Передъ выступленіемъ послѣдовало распоряженіе о переводѣ 4-го запаснаго батальона изъ Москвы въ Петербургъ, а также о сформированіи въ Петербургѣ 5-го запаснаго батальона; поэтому отъ каждой роты дѣйствующихъ бат-новъ назначено въ кадры по 5 унт.-офицер., 15 ефрейторовъ и по 2 музыканта. Кадры эти предписано было передать 4-му запасному батальону, который въ это время находился еще въ Москвѣ. Всѣ рекруты, неокончившіе шестимѣсячнаго образованія, а такихъ въ л.-гв. Литовскомъ полку было около ста человѣкъ, отправлены въ образцовый пѣхотный полкъ, гдѣ находились до прибытія 4-го запаснаго батальона въ Петербургъ. Для командованія пятымъ ба-

[19]) Журналъ важнѣйшихъ событій, до полка относящихся, за 1852 годъ.

тальономъ въ Петербургѣ оставленъ полковникъ Менделѣевъ; офицеровъ назначено всего два. Всѣхъ рекрутъ, окончившихъ шестимѣсячное образованіе, предписано было зачислить во фронтъ въ дѣйствующіе батальоны и взять въ походъ. Передъ выступленіемъ всѣмъ офицерамъ полка всемилостивѣйше пожаловано не въ зачетъ третное жалованье.

26-го февраля, отслуживъ молебенъ, л.-гв. Литовскій полкъ, въ трехъ-батальонномъ составѣ, выступилъ въ походъ въ г. Ревель [20]). До Нарвы полкъ слѣдовалъ по маршруту, обыкновеннымъ порядкомъ, съ дневками. Но въ Нарвѣ, куда полкъ вступилъ 6 марта, получено было секретное предписаніе: слѣдовать далѣе безъ дневокъ, а для ускоренія движенія—брать обывательскія подводы для ранцевъ и слабыхъ нижнихъ чиновъ. Полковыя тяжести, двигавшіяся за полкомъ на обывательскихъ подводахъ, дабы онѣ не могли замедлять движеніе, предписано оставить въ Нарвѣ. Такое ускореніе движенія произошло вслѣдствіе представленія генералъ-адъютанта Берга, назначеннаго командующимъ войсками въ Эстляндіи на правахъ командира отдѣльнаго корпуса.

Суровая, почти зимняя погода не благопріятствовала походу; зато предупредительность и радушіе жителей тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя полку приходилось проходить, облегчали трудность форсированнаго марша. Особеннымъ гостепріимствомъ отличалось Эстляндское дворянство. Офицеры съ радушіемъ принимались въ помѣщичьихъ домахъ; нижнихъ чиновъ размѣщали въ крестьянскихъ избахъ. Ни разу не встрѣчалось недостатка даже въ подводахъ, этомъ источникѣ постоянныхъ пререканій между войсками и земствомъ.

18-го марта полкъ вступилъ въ Ревель. Еще за городомъ онъ былъ встрѣченъ командовавшимъ войсками, генералъ-адъют. Бергомъ, въ присутствіи котораго совершено благодарственное молебствіе по случаю благополучнаго прибытія. Въ этотъ день офицерамъ полка былъ предложенъ завтракъ отъ дворянства; нижнихъ

---

[20]) Составъ полка: генералъ 1, штабъ-офиц. 3, оберъ-офиц. 40, ун.-оф. 201, музык. 146, рядовыхъ 1877, нестроевыхъ 68, фурштатовъ 67. (Дѣло о выступленіи л.-гв. Литовскаго полка въ Эстляндію).

чиновъ угощало купечество. На другой день, 19 марта, офицеры полка представлялись генералъ-адъютанту Бергу въ его квартирѣ. Второй и третій батальоны и полковой штабъ были расположены въ самомъ Ревелѣ (2-й батальонъ въ кантонистскихъ казармахъ, 3-й— въ казармахъ гарнизоннаго батальона); первый батальонъ расквартированъ вблизи, на мызахъ Розенгагенъ и Маартъ. Офицеры расположены были очень тѣсно и неудобно на обывательскихъ квартирахъ; имъ назначено по одной комнатѣ на роту [21]).

Чтобы судить о томъ, какъ заботливъ былъ въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II, по званію своему Главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, какъ вникалъ Онъ въ положеніе высочайше ввѣренныхъ ему войскъ, достаточно привести слѣдующій рапортъ, полученный командиромъ Литовскаго полка, барономъ Зальцомъ, по приходѣ въ Ревель, отъ адъютанта Его Высочества, ротмистра Слѣпцова.

„Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство почтить меня доставленіемъ слѣдующихъ свѣдѣній, необходимыхъ для составленія донесеній Его Императорскому Высочеству. 1) Не имѣютъ-ли нижніе чины ввѣреннаго Вашему Превосходительству полка какихъ либо претензій на обывателей или мѣстное начальство и наоборотъ: мѣстное начальство или обыватели не приносили-ли жалобъ на войска. 2) Отъ усиленныхъ переходовъ не было-ли замѣчено усиленіе болѣзненности и какія мѣры были приняты Вами и другими лицами для отвращенія затрудненій, облегченія и пользованія чиновъ ввѣреннаго Вамъ полка. 3) Показать подробно, сколько было заболѣвшихъ и умершихъ, обозначая отъ натуральныхъ-ли причинъ заболѣли, или отъ труда. 4) Хорошо-ли размѣщенъ полкъ въ настоящее время и не имѣете-ли сообщить какія либо замѣчанія для улучшенія или отвращенія неудобствъ на будущее время. Всѣ эти обстоятельства покорнѣйше прошу объяснить со всею подробностію, для доклада Его Императорскому Высочеству, который въ постоянной заботливости о войскахъ повелѣлъ мнѣ, отобравъ всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія, немедленно донести Себѣ.“

---

[21]) Изъ дѣлъ полковаго архива.

Изъ отношенія барона Зальца къ Слѣпцову видно, что полкъ вездѣ на пути былъ принятъ съ предупредительностію и претензій не было; что несмотря на ускоренное движеніе безъ дневокъ, умершихъ въ теченіе всего похода не было, а изъ 53 легко заболѣвшихъ, 35 выздоровѣло во время пути [22]).

Въ день вступленія полка въ Ревель начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Овандеръ, доносилъ Наслѣднику Цесаревичу:

...„Войска ввѣренной мнѣ дивизіи въ отношеніи здоровья и бодрости духа вполнѣ соотвѣтствуютъ высокой о нихъ попечительности Вашего Высочества. Къ поддержанію столь превосходнаго состоянія войскъ весьма много способствовали: всемилостивѣйше пожалованная лишняя противъ положенія, ежедневно вечеромъ розданная чарка вина на человѣка и облегченіе людей отъ ноши ранцевъ. Въ особенности-же горжусь счастіемъ свѣдѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ о благородномъ воодушевленіи всѣхъ воинскихъ чиновъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ осуществленія высокой цѣли настоящаго ихъ назначенія.“

„Изъ представляемой при этомъ вѣдомости о больныхъ, Ваше Высочество изволите усмотрѣть, что болѣзненность не только самая умѣренная, но что она сравнительно гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно бываетъ при расположеніи войскъ на постоянныхъ квартирахъ. Умершихъ вовсе не было.“

„Мѣстное начальство, дворянство и вообще жители съ восторгомъ встрѣчали войска и предупреждали наши желанія. Не взирая на глубокіе снѣга, дороги были приведены въ возможно лучшее состояніе; во взиманіи подводъ нигдѣ не встрѣчалось препятствій [23]).

Съ приходомъ на мѣсто новой стоянки для полка началась трудная служба. Въ началѣ апрѣля, по очисткѣ рейда отъ льда, Ревель, угрожаемый непріятельскимъ флотомъ, объявленъ въ осадномъ положеніи. Городъ и его окрестности были раздѣлены на раіоны; въ каждомъ раіонѣ назначенъ особый начальникъ и сборный пунктъ на случай тревоги. Составлена была инструкція

---

[22]) Изъ дѣлъ полковаго архива.

[23]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Овандера Наслѣднику Цесаревичу, за № 2243. Архивъ штаба быв. отд. гвардейскаго корпуса.

для дѣйствій на случай приближенія непріятельскаго флота, бомбардированія города или высадки непріятельскаго десанта. Прибрежье охранялось цѣпью сторожевыхъ постовъ и береговыми караулами. На ночь и въ туманную погоду отъ каждаго полка кромѣ того назначались по двѣ дежурныя роты. Сборный пунктъ л.-гв. Литовскаго полка на случай тревоги былъ назначенъ на Тенисбергѣ. Ежедневно назначался одинъ изъ штабъ-офицеровъ нашей дивизіи дежурнымъ по прибрежнымъ карауламъ; кромѣ повѣрки постовъ и карауловъ, на него возложена обязанность вызывать дежурныя роты на позицію при появленіи тумана на морѣ и доносить о томъ записками командующему войсками и начальнику дивизіи. Туманъ страшенъ былъ потому, что могъ маскировать приближеніе непріятельскаго флота, и поэтому требовалъ особенной бдительности. Начальники карауловъ, расположенныхъ по берегу моря, должны были доносить дежурному по прибрежью о наступленіи тумана днемъ, почему и караулы прозваны были „туманными.“ Для тумана установлено было слѣдующее мѣрило: тумана нѣтъ, пока видны острова Наринъ и Вульфъ, находящіеся въ 13 верстахъ отъ Ревеля. Какъ только эти острова скрывались изъ виду, дежурныя роты вызывались на позицію и занимали „засады,“ расположенныя вблизи береговыхъ батарей. Ночью, отъ начала сумерекъ до утра, дежурныя роты всегда находились на позиціяхъ. Если въ прибрежной аванпостной цѣпи раздавался выстрѣлъ, то офицеръ стоявшаго за цѣпью караула, въ сопровожденіи горниста, поспѣшалъ на мѣсто происшествія и, убѣдившись, что выстрѣлъ не нечаянный или данъ не по какой либо рыбачьей лодкѣ, незнавшей отзыва, а что, дѣйствительно, показались непріятельскія суда съ дессантомъ, онъ приказывалъ трубить тревогу, которая принималась по всей береговой линіи, повторялась хоромъ горнистовъ, нарочно для этого стоявшихъ на башнѣ св. Олая, а потомъ распространялась по городу. Для дежурства на башнѣ Олая и наблюденія за оптическими сигналами, отъ л.-гв. Литовскаго полка было назначено нѣсколько самыхъ надежныхъ и грамотныхъ унтеръ-офицеровъ. Для передачи тревоги въ разныхъ пунктахъ города выставлены ефрейторскіе караулы съ горнистомъ при каждомъ изъ нихъ. Въ разныхъ частяхъ города учреждены были перевязочные пункты, куда кромѣ военныхъ

врачей должны были являться по росписанію и городскіе медики. Для переноски раненыхъ сформированы санитарныя команды изъ рекрутъ и городскихъ обывателей [24]).

Зная весь этотъ сложный механизмъ береговой охраны, можно себѣ представить, какая суматоха происходила при ложныхъ тревогахъ, бывавшихъ очень часто. То сонный горнистъ приметъ за тревогу какой нибудь сигналъ, то въ цѣпи раздастся случайный выстрѣлъ, то съ передоваго пункта подадутъ ошибочный оптическій сигналъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ, по всей береговой линіи, начинаютъ трубить тревогу; съ береговыхъ батарей раздаются сигнальные выстрѣлы, взвиваются ракеты; хоръ левитовъ, поставленныхъ на башнѣ св. Олая, распространяетъ тревогу по городу; войска торопятся на сборные пункты; повсюду скачутъ ординарцы и адъютанты; горожане-добровольцы спѣшатъ къ перевязочнымъ пунктамъ въ команды носильщиковъ; почтари и извощики несутся для усиленія пожарной команды, которая также изготавливается въ полномъ составѣ въ ожиданіи бомбардированія Ревеля. Однимъ словомъ, „тревога“ была тревогой въ полномъ значеніи этого слова. Во избѣжаніе напраснаго безпокойства войскъ и мѣстныхъ жителей, разныя мѣры принимались для прекращенія ложныхъ тревогъ. Горнистамъ и барабанщикамъ, ненаходившимся на постахъ, совершенно запрещено было бить и играть всѣ сигналы, кромѣ одного, означавшаго „приближеніе къ берегамъ непріятельскаго флота,“ для обученія которому горнистовъ выводили далеко въ поле. Сигналъ этотъ сочиненъ былъ начальникомъ дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Овандеромъ, и состоялъ изъ самыхъ простыхъ переливовъ звука, похожихъ, то на утреннюю зорю, то на „тревогу“ [25]).

---

[24]) Дѣло о распоряженіяхъ на случай тревоги въ г. Ревелѣ въ 1854 г. Полковой архивъ.

[25]) О происхожденіи этого сигнала разсказываютъ слѣдующее:

Самъ Василій Яковлевичъ Овандеръ сочинилъ его сначала на фортепіано; нужно было переложить его на рожокъ; для этого Овандеръ приказалъ позвать къ себѣ штабъ-горниста л.-гв. Литовскаго полка. Это былъ старый, бравый солдатъ, высокаго роста, дородный, любившій подъ часъ кутнуть. Прослушавъ сигналъ, проигранный генераломъ на фортепіано, горнистъ безошибочно сыгралъ его на рожкѣ и взялся къ слѣдующему утру обучить этому искусству горнистовъ всей дивизіи. Овандеръ былъ въ восторгѣ и, снявъ съ себя золотые часы, подарилъ ихъ штабъ-горнисту со словами:

Но несмотря на всѣ эти предосторожности, ложныя тревоги повторялись довольно часто и, при оригинальномъ характерѣ гене-

— „Никто въ жизни меня такъ не утѣшилъ, какъ ты сегодня. За это дарю тебѣ эти часы, полученные мною отъ покойнаго отца."

Литовецъ смѣло и бойко отблагодарилъ.

— „А умѣешь-ли ты, братецъ, узнавать время по часамъ?"

Получивъ отрицательный отвѣтъ, генералъ принялся обучать неграмотнаго горниста искусству узнавать время. Послѣ довольно продолжительныхъ усилій ему удалось добиться удовлетворительныхъ результатовъ: штабъ-горнистъ съ трудомъ могъ узнавать время по часамъ. Онъ былъ отпущенъ домой съ приказаніемъ на другой день къ $8^1/_2$ часамъ утра представить горнистовъ всей дивизіи, обученныхъ новому сигналу. Явившись къ полковому адъютанту, капитану Траскину, штабъ-горнистъ доложилъ ему о полученномъ порученіи и просилъ разрѣшенія отправиться въ другіе полки дивизіи. По дорогѣ онъ зашелъ въ питейный домъ, напился до безчувствія и остался тамъ до слѣдующаго утра. На другой день Траскинъ, видя, что горнисты ничего не знаютъ, и зная слабость своего подчиненнаго, приказалъ его розыскать и собралъ самъ горнистовъ всей дивизіи. Въ восьмомъ часу утра заблудшая овца была найдена и послѣ продолжительныхъ обливаній приведена въ чувство. Сигналъ скоро былъ разученъ, но горнисты представились начальнику дивизіи не въ $8^1/_2$ часовъ, а часомъ позже. Генералъ Овандеръ, выслушавъ ихъ игру, нашелъ, что сигналъ усвоенъ хорошо и, отпустивъ всѣхъ домой, приказалъ остаться штабъ-горнисту л.-гв. Литовскаго полка.

— „Къ которому часу было тебѣ приказано представить горнистовъ?"

— „Къ $8^1/_2$, ваше превосходительство."

— „А теперь сколько?"

— „Виноватъ, ваше превосходительство; запамятовалъ читать по часамъ!"

Овандеръ снялъ съ него часы и, положивъ ихъ въ свой карманъ, сказалъ:

— „Глупому сыну не помощь богатство."

Вообще объ Овандерѣ разсказываютъ много анекдотовъ.

Однажды онъ приказалъ всѣмъ ротнымъ командирамъ собраться къ нему на квартиру къ $8^1/_2$ часамъ утра. Штабсъ-капитанъ Пригоровскій, опоздавъ на 2 минуты, пришелъ въ то время, когда генералъ уже бесѣдовалъ съ ротными командирами.

— „Почему вы опоздали, г. штабсъ-капитанъ?"

— „На моихъ часахъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, вынимая часы,—половина девятаго, а въ приказѣ было сказано собраться въ половинѣ девятаго."

— „Никогда я не отдавалъ такого приказа!"

Командиръ полка заявилъ, что, дѣйствительно, приказано было собраться въ половинѣ девятаго.

„Я удивляюсь, генералъ, отвѣчалъ Овандеръ, какъ вы рѣшаетесь заступаться за своего офицера. Повторяю вамъ, что я никогда не отдавалъ такого приказа. Было сказано къ $8^1/_2$, а не къ половинѣ девятаго.

— „Ваше превосходительство, это вѣдь все равно."

— Нѣтъ-съ, далеко не все равно. Къ половинѣ 9-го—у васъ все вертится въ головѣ цифра девять, и вы опаздываете; а если-бы вы повторяли: къ $8^1/_2$, къ $8^1/_2$ къ $8^1/_2$, такъ пришли-бы во-время и даже раньше."

рала Овандера, часто служили источникомъ курьозныхъ сценъ. Однажды произошла ложная тревога въ тотъ день, когда дежурнымъ по прибрежью былъ назначенъ л.-гв. Литовскаго полка полковникъ Николай Ивановичъ Поповъ. Къ его несчастью, какую то рыбачью лодку приняли за непріятельскій флотъ; открылась пальба, загремѣла тревога; войска стали въ ружье. На прибрежье пріѣхалъ Овандеръ; но Попова не было. Начальникъ дивизіи отправился отыскивать дежурнаго по карауламъ, объѣхалъ всю цѣпь, но нигдѣ Попова не нашелъ. Убѣдившись, что тревога произошла по ошибкѣ, онъ распустилъ войска и уѣхалъ домой, приказавъ отыскать и прислать къ себѣ Попова. Всѣ поиски были безуспѣшны, да и не мудрено, потому что линія цѣпи тянулась на нѣсколько верстъ. На слѣдующій день, при смѣнѣ, Поповъ является къ генералу Овандеру.

„Гдѣ вы были, полковникъ, вчера во время тревоги?“

— „На сахарномъ заводѣ, ваше превосходительство.“

Сахарный зоводъ находился неподалеку отъ расположенія дежурныхъ ротъ Литовскаго полка, но о пребываніи тамъ Попова никто не зналъ.

— „Почему вы именно на этомъ пунктѣ находились все время, полковникъ?“

— „Потому, ваше превосходительство, что это самый важный пунктъ.“

— „А почему вы считаете его самымъ важнымъ пунктомъ?“

— „Потому, что это единственный пунктъ, на которомъ можетъ высадиться непріятель.“

— „Господа, помилуйте! Ни я, ни командующій войсками, ни Государь Императоръ не спимъ дни и ночи, ожидая высадки непріятеля, и не знаемъ, гдѣ онъ высадится; а полковникъ Поповъ знаетъ и никому этого не говоритъ! Да вы просто преступникъ, полковникъ Поповъ!“

Постоянное напряженное ожиданіе непріятельскаго флота и высадки дессанта ложилось тяжелымъ бременемъ на войска, составлявшія гарнизонъ Ревеля. По приказанію начальника дивизіи, при каждой ротѣ постоянно находился одинъ офицеръ; всѣ остальные, съ 10-ти часовъ вечера до 9-ти утра, должны были безотлучно находиться на своихъ квартирахъ. Въ началѣ апрѣля, со вскрытіемъ

рейда отъ льда, опасность увеличилась, а потому генералъ-адъютантъ Бергъ приказалъ посылать нижнихъ чиновъ на работы и въ разныя должности не иначе, какъ въ полной походной и боевой амуниціи съ ружьями и боевыми патронами. Въ случаѣ тревоги офицеры, наряжаемые съ командами рабочихъ, должны были вести свои команды прямо на сборный пунктъ полка. Каждому офицеру вмѣнено было въ обязанность хорошо знать мѣстность своего полковаго раіона, для чего розданы были подробныя карты Эстляндской губерніи. Отъ полковъ потребованы списки офицеровъ, говорившихъ по-англійски; въ Литовскомъ полку такихъ оказалось три человѣка: полковникъ *Тевесъ*, прапорщики *Буяльскій 1* и *Буяльскій 2* [26]).

Кромѣ тяжелой караульной службы, л.-гв. Литовскій полкъ несъ другую—тяжелыя крѣпостныя работы, на которыя ежемѣсячно наряжалось отъ полка отъ 10 до 15 тысячъ рабочихъ.

Работы эти не обходились безъ несчастныхъ случаевъ: въ началѣ іюня, при перевозкѣ 24 фунтоваго орудія, былъ раздавленъ рядовой Дегтярчукъ.

Въ концѣ апрѣля 1854 года, по повелѣнію Государя, приказомъ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ, 4-й запасный батальонъ повелѣно было зачислить въ полкъ, назвать дѣйствующимъ и считать въ командировкѣ отъ полка. Этотъ батальонъ, о сформированіи котораго въ Москвѣ мы уже упоминали, 10 апрѣля прибылъ въ Петербургъ, подъ командой полковника *Римана*, а послѣ смотра Цесаревича, 18 апрѣля, переведенъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ расположился въ казармахъ л.-гв. Волынскаго полка и поступилъ въ вѣдѣніе начальника ораніенбаумскаго отряда, генералъ-маіора Андреянова. Въ то-же время въ Петербургѣ былъ сформированъ 5-й батальонъ и вскорѣ приведенъ въ шестисотенный составъ; изъ пятыхъ (запасныхъ) батальоновъ полковъ гвардейской пѣхоты была сформирована гвардейская запасная дивизія, которая лѣто 1854 года провела въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Тамъ-же пятымъ батальонамъ пожалованы были знамена, освященныя въ высочайшемъ присутствіи, на военномъ полѣ, 27 іюня, въ день битвы подъ

---

[26]) Дѣло о разныхъ распоряженіяхъ въ Ревелѣ, полковой архивъ.

Полтавою. По окропленіи святой водой, Императоръ Николай собственноручно передалъ знамена батальоннымъ командирамъ.

Между тѣмъ, 4-й батальонъ получилъ повелѣніе выступить въ Ревель и присоединиться къ полку. Въ началѣ августа батальонъ выступилъ изъ Ораніенбаума въ семисотенномъ составѣ; но на маршѣ къ нему присоединилась команда въ 30 рядовыхъ и 270 рекрутовъ, для пополненія его до тысячнаго состава. Въ концѣ августа 4-й батальонъ благополучно присоединился къ полку и былъ расположенъ за городомъ.

Въ концѣ августа послѣдовало повелѣніе о формированіи и отправленіи въ Петербургъ кадровъ для 6-го запаснаго батальона. Для командованія этимъ новымъ батальономъ назначенъ былъ полковникъ Сигнеусъ, 4 офицера для командованія ротами и 6 субалтернъ офицеровъ. Нижніе чины въ составъ этого кадра назначены были большею частію изъ вновь прибывшаго 4-го батальона, а недостававшее число унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ—изъ первыхъ трехъ батальоновъ. Вслѣдъ затѣмъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе довести численность пятыхъ батальоновъ до 1000 человѣкъ, а шестыхъ до 600 и назвать 5-й батальонъ резервнымъ, а шестой—запаснымъ; но вскорѣ потомъ повелѣно сформировать гвардейскіе резервные полки, бригады и дивизіи; въ составъ резервныхъ полковъ должны были войти 4-й (дѣйствующій), 5-й (резервный) и 6-й (запасный) батальоны, численность которыхъ повелѣно уравнять и всѣ три наименовать резервными. Поэтому 4-й батальонъ 9 ноября выступилъ изъ Ревеля, укомплектовавъ первые три батальона до полнаго тысячнаго состава, [27]) 4 декабря вступилъ въ Петербургъ и, войдя въ составъ л.-гв. Литовскаго резервнаго полка, расположился вмѣстѣ съ 5-мъ и 6-мъ батальонами въ полковыхъ казармахъ на Выборгской сторонѣ. Командиромъ 4-го батальона былъ назначенъ еще въ Ревелѣ полковникъ Траскинъ вмѣсто Римана, который принялъ 1-й батальонъ дѣйствующаго полка. Командиромъ л.-гв. Литовскаго резервнаго полка былъ сначала назначенъ ген.-маіоръ Фоттъ; 3-й гвард. пѣхотной резервной дивизіей командовалъ бывшій командиръ литовцевъ, генералъ-лейтенантъ Девиттъ.

---

[27]) Всего перечислено было въ дѣйствующій полкъ 418 человѣкъ.

Роты и батальоны резервнаго полка носили общую нумерацію съ соотвѣтствующими частями дѣйствующаго полка, такъ что, напримѣръ, 5-й резервный батальонъ состоялъ изъ 5-й гренадерской, 13, 14 и 15-й фузелерныхъ ротъ; 6-й батальонъ—изъ 6-й гренадерской, 16, 17 и 18-й фузелерныхъ.

Существованіе двухъ сродныхъ между собою Литовскихъ полковъ, дѣйствующаго и резервнаго, представляло много особенностей, отчасти доказывающихъ несовершенство тогдашней системы формированія частей въ военное время. Офицеры л.-гв. Литовскаго резервнаго полка, назначенные изъ дѣйствующаго полка, смотрѣли на свое „резервное“ начальство, какъ на временное, и поддерживали прежнюю связь съ полкомъ. Выдѣляя изъ себя резервныя части, дѣйствующій полкъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на подчиненныя, и долго не могъ свыкнуться съ существованіемъ самостоятельной единицы—л.-гв. Литовскаго резервнаго полка, съ которымъ онъ имѣлъ много общихъ интересовъ, которые къ тому-же часто сталкивались. Уходя изъ Петербурга, л.-гв. Литовскій дѣйствующій полкъ оставилъ въ своихъ казармахъ всѣ ненужные въ походѣ предметы полковаго хозяйства; тамъ-же оставались и семейства нѣкоторыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ до выступленія казенныя квартиры. Командовавшій резервнымъ Литовскимъ полкомъ, генералъ-маіоръ Фогтъ, долженъ былъ по необходимости удалить эти семейства, чтобы очистить помѣщенія для офицеровъ и нижнихъ чиновъ своего полка. Обстоятельство это повліяло на отношенія командировъ обоихъ полковъ.

Осенью 1854 года л.-гв. Литовскій (дѣйствующій) полкъ предполагалось перевести на зимнія квартиры въ Ковенскую губернію, но потомъ дислокація была измѣнена; въ началѣ ноября получено новое росписаніе для полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которомъ л.-гв. Литовскому полку для зимовки былъ назначенъ гор. Вольмаръ, Лифляндской губерніи, съ его окрестностями. Вся дивизія поступила въ распоряженіе князя Суворова, командовавшаго войсками въ Лифляндіи. Начальникомъ дивизіи, вмѣсто генералъ-лейтенанта Овандера, назначенъ генералъ-маіоръ баронъ Корфъ; штабъ дивизіи и 5-й гвардейской бригады помѣщенъ въ Вольмарѣ.

5-го ноября л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Ревеля и, слѣдуя черезъ Перновъ и Феллинъ, 15 ноября вступилъ въ Вольмаръ, гдѣ и расположился на широкихъ квартирахъ. При слѣдованіи черезъ г. Перновъ полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи были встрѣчены съ замѣчательнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ; по иниціативѣ барона Корфа, объ этомъ было доложено Государю, и Его Величество выразилъ удовольствіе по этому поводу.

Въ Вольмарѣ помѣщенъ былъ только штабъ л.-гв. Литовскаго полка; штабъ 1-го батальона расположенъ въ Салисбургѣ, 2-го—въ Трикатенѣ, 3-го—въ Лемзалѣ. На каждую роту приходилось около 300 дворовъ. Квартирный раіонъ былъ такъ обширенъ, что нѣкоторыя роты были расположены отъ полковаго штаба въ 50-ти, 60-ти и даже 65-ти верстахъ [28]). Нижніе чины въ теченіе всей зимы довольствовались приваркомъ отъ обывателей.

Вольмаръ небольшой городокъ, а потому размѣщеніе полковаго штаба было очень неудобно; полковой канцеляріи пришлось вести усиленную бумажную перестрѣлку съ городскимъ ратгаузомъ, ордынгсъ-герихтомъ и бургомистромъ Шванкомъ, чтобы добыть мало-мальски сносныя помѣщенія для полковаго лазарета, разныхъ командъ и учрежденій полковаго штаба, а также квартиры для штабныхъ офицеровъ, которыя вообще были, по недостатку помѣщеній въ городѣ, изъ рукъ вонъ плохи. [29]).

11-го ноября 1854 года Императоръ Николай, принимая во вниманіе, что полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ продолженіе всего лѣта съ отличнымъ порядкомъ и усердіемъ исполняли обязанности службы, требовавшей при осадномъ положеніи Ревеля особой бдительности и исправности, и что, несмотря на перенесенные труды, полки этой дивизіи находятся въ отличномъ состояніи, изъявилъ, въ числѣ прочихъ, особенное монаршее благоволеніе генералъ-маіору барону Зальцу и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го бат-новъ л.-гв. Литовскаго полка. По ходатайству гене-

---

[28]) Дѣло о походѣ полка въ Вольмаръ и расквартированіи его тамъ. Полковой архивъ.

[29]) Полковые приказы за 1854 годъ и дѣло о расквартированіи полка въ Вольмарѣ.

ралъ-адъютанта Берга, Государь разрѣшилъ выдать нижнимъ чинамъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи по 2 рубля, назначить по лишней парѣ сапогъ и сократить на одинъ годъ срокъ носки шинелей. Это доказываетъ, насколько трудна была служба въ Ревелѣ.

Это была послѣдняя милость, оказанная Императоромъ Николаемъ л.-гв. Литовскому полку. Наступилъ бѣдственный для Россіи 1855 годъ, въ началѣ котораго ея Верховный Вождь, мощно державшій русское знамя въ своихъ державныхъ рукахъ, покинулъ ее. 22-го февраля л.-гв. Литовскій полкъ получилъ горестное извѣстіе о смерти Государя и предписаніе командовавшаго дивизіей о присягѣ на вѣрность Императору Александру II.

По причинѣ разбросаннаго расположенія полка, баронъ Зальцъ приводилъ батальоны къ присягѣ въ пунктахъ ихъ расположенія: 2-й батальонъ въ Вольмарѣ — 28 февраля, 1-й батальонъ въ Салисбургѣ—1 марта, 3-й батальонъ въ Лемзалѣ—2 марта.

27-го февраля л.-гв. Литовскій резервный полкъ участвовалъ въ печальной церемоніи, по случаю перенесенія тѣла почившаго Императора Николая изъ дворца въ Петропавловскій соборъ. Мундиръ почившаго Государя, пожалованный полку высочайшимъ приказомъ 19 февраля, принятъ былъ резервнымъ полкомъ 6 марта. Въ этотъ день резервный Литовскій полкъ былъ выстроенъ покоемъ передъ полковою церковью. Мундиръ Императора Николая, перенесенный изъ Зимняго дворца штабъ-офицеромъ съ двумя ассистентами, при 1-мъ гренадерскомъ взводѣ 4-го батальона, былъ принятъ съ почестями, положенъ на аналой, а послѣ панихиды отнесенъ въ полковую церковь, для храненія въ особомъ ковчегѣ.

ГЛАВА XXIV.

(1855—1862).

Дѣйствующій полкъ снова въ Ревелѣ. — Назначеніе командиромъ полка генералъ-маіора Федорова. — Сформированіе стрѣлковыхъ ротъ въ резервномъ и дѣйствующемъ полкахъ.—Стоянка въ Везенбергскомъ уѣздѣ. — Назначеніе командиромъ полка барона Меллера-Закомельскаго. — Перемѣны полковыхъ командировъ въ л.-гв. Литовскомъ резервномъ полку.—Передвиженіе частей резервнаго полка во время лѣта 1855 года. — Зимнія занятія резервнаго и дѣйствующаго л.-гв. Литовскихъ полковъ.—Новая система обученія войскъ. — Переходъ дѣйствующаго полка изъ Везенберга въ Красное Село. — Расформированіе л.-гв. Литовскаго резервнаго полка.— Походъ дѣйствующаго полка въ Москву.—Жизнь и служба въ Москвѣ. — Назначеніе шефа.—Переѣздъ въ Красносельскій лагерь и лѣтнія занятія войскъ. — Загородное расположеніе полка и расформированіе 3-го батальона.—Перемѣщеніе въ Семеновскія казармы. — Постепенное развитіе и усовершенствованіе новой системы обученія.— Развитіе грамотности въ полку.—Выборъ книгъ для солдатскаго чтенія. — Военныя бесѣды и военная игра въ полку. — Важнѣшія распоряженія по военному вѣдомству за этотъ періодъ.— Командированіе ротъ въ Новгородъ для празднованія тысячелѣтія Россіи. — Зачисленіе Великаго Князя Константина Николаевича въ списки л.-гв. Литовскаго полка.—Отправленіе полка въ Варшаву, въ составѣ гвардейскаго отряда.

Зимняя стоянка дѣйствующаго л.-гв. Литовскаго полка въ Вольмарскомъ, Валкскомъ и Перновскомъ уѣздахъ Лифляндской губерніи продолжалась до половины апрѣля 1855 года, послѣ чего полкъ двумя эшелонами снова былъ двинутъ въ г. Ревель, куда эшелоны вступили 23 и 26 апрѣля. Войсками, въ Эстляндіи расположенными, командовалъ въ то время уже не Бергъ, а генералъ-адъютантъ Граббе. Какъ и въ предшествовавшее лѣто, Ревель находился въ осадномъ положеніи, а служба войскъ, составлявшихъ его гарнизонъ, была по-прежнему трудна. Ежедневно отъ л.-гв. Литовскаго полка наряжалась одна рота на аванпосты; цѣпь передовыхъ постовъ этой роты занимала пространство отъ р. Бригитовки

до Екатеринентальскихъ батарей [1]). Кромѣ того, двѣ роты отъ полка, по-очереди, отправлялись на двѣ-три недѣли на полуостровъ Вимсъ, въ составъ передоваго наблюдательнаго отряда, гдѣ ежедневно одинъ взводъ находился на аванпостахъ. Въ диспозиціи, отданной генералъ-адъютантомъ Граббе на случай тревоги, л.-гв. Литовскій полкъ назначался для прикрытія линіи береговыхъ батарей, отъ Штрикберга до обѣихъ Нарвскихъ батарей включительно, при чемъ два батальона назначались въ 1-ю линію, а третій—въ резервъ, на площадкѣ у Екатеринентальскаго дворца. Кромѣ прежнихъ распоряженій на случай тревоги, для передачи сигнала былъ устроенъ на башнѣ острова Карлоса фонарь съ рефракторомъ, невидимый съ моря, но ясно различаемый съ военной гавани и башни Олая.

Лѣто 1855 года, подобно предшествовавшему, прошло спокойно, въ напрасныхъ ожиданіяхъ непріятельской высадки. Только однажды непріятельская канонерская лодка подошла къ полуострову Вимсу и спустила шлюпку, по которой караульный взводъ отъ л.-гв. Литовскаго полка, подъ командой поручика Буяльскаго 1, открылъ пальбу. Съ непріятельской шлюпки было также сдѣлано нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, а канонерка пустила три 68 фунтовыхъ ядра, непричинившихъ намъ никакого вреда. Шлюпка поспѣшно отошла назадъ, послѣ чего видно было, какъ изъ нея перетаскивали на пароходъ нѣсколько раненыхъ [2]).

4-го мая, вмѣсто генералъ-маіора барона Зальца, назначеннаго С.-Петербургскимъ вторымъ комендантомъ, въ командованіе полкомъ вступилъ генералъ-маіоръ Федоровъ.

Въ концѣ лѣта 1855 года, на основаніи высочайшаго повелѣнія, какъ въ дѣйствующемъ, такъ и въ резервномъ Литовскихъ полкахъ, было приступлено къ формированію стрѣлковыхъ ротъ. Сначала сформирована одна стрѣлковая рота на полкъ, въ составъ которой вошли всѣ штуцерные. Рота дѣлилась на три взвода, соотвѣтственно числу батальоновъ. Но вскорѣ, съ увеличеніемъ числа нарѣзныхъ ружей, отпущенныхъ въ полки, явилась возмож-

---

[1]) Пикетъ у бригитовскаго дома; главный караулъ на сахарномъ заводѣ.

[2]) Рапортъ поручика Буяльскаго командиру полка, отъ 26 іюня, за № 2.

ность сформировать въ каждомъ полку по 3 роты, по одной на батальонъ [3]). Въ мирное время, для однообразія въ обученіи, стрѣлковыя роты подчинялись особому штабъ-офицеру; въ строю стрѣлковыя роты находились при своихъ батальонахъ и дѣлились на 2 взвода, которые становились въ двухшереножномъ строю, на флангахъ батальоновъ [4]). Командирами стрѣлковыхъ ротъ предписано было назначать способнѣйшихъ къ стрѣлковому дѣлу офицеровъ, въ чинѣ поручика. Въ резервномъ полку формированіе стрѣлковыхъ ротъ было окончено въ августѣ, а въ дѣйствующемъ — въ сентябрѣ. Въ дѣйствующемъ полку для завѣдыванія стрѣлками былъ назначенъ полковникъ Каталей, а для командованія стрѣлковыми ротами—поручики Іолшинъ, Ерличъ и Петрушевскій [5]). Насколько измѣнился въ описываемое время взглядъ на обученіе солдата, можно видѣть изъ тѣхъ требованій, которымъ долженъ былъ удовлетворять каждый рядовой стрѣлковой роты. „Хорошій стрѣлокъ не только долженъ умѣть стрѣлять, владѣть оружіемъ, примѣняться къ мѣстности и быть въ полной мѣрѣ ловкимъ и расторопнымъ солдатомъ, онъ долженъ болѣе того: понимать бой, т. е. внимательно слѣдить за ходомъ сраженія, мыслить, когда онъ долженъ стрѣлять противу непріятельскихъ стрѣлковъ, когда противу колоннъ и батарей; распознавать непріятельскихъ офицеровъ и начальниковъ и умѣть находиться въ минуту опасности, не ожидая всегда указаній своего офицера или унтеръ-офицера [6]).

11-го ноября дѣйствующій л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ изъ Ревеля на кантониръ-квартиры въ Везенбергскій уѣздъ Эстляндской губерніи. Полковой штабъ былъ помѣщенъ въ самомъ Везенбергѣ, а роты расквартированы по деревнямъ и мызамъ уѣзда, съ продовольствіемъ отъ обывателей. При выступленіи изъ Ревеля,

---

[3]) Первоначальный составъ стрѣлковыхъ ротъ: 4 оберъ-офиц., 10 унт.-офиц., 4 горниста и 96 стрѣлковъ въ каждой.

[4]) Отношеніе военнаго министра къ главнокомандующему графу Ридигеру, отъ 13 іюля 1855 г.

[5]) Субалтернъ-офицерами были назначены: Витторфъ 2, Нолькенъ, Карповъ 1, Гернетъ, Витторфъ 3 и Каррасъ. (Изъ дѣла о сформированіи стрѣлковыхъ ротъ).

[6]) Приказъ по корпусу, отъ 10 декабря 1855 г. № 464.

полкъ оставилъ тамъ, для службы на береговыхъ батареяхъ 2-хъ офицеровъ, 9 унтеръ-офицеровъ и 102 рядовыхъ.

Вскорѣ по прибытіи полка въ Везенбергъ, высочайшимъ приказомъ отъ 23 ноября, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка, а генералъ-маіоръ Федоровъ—командиромъ 1-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи. Впрочемъ, въ ожиданіи прибытія новаго полковаго командира, генералъ-маіоръ Федоровъ командовалъ полкомъ до начала 1856 года.

Непродолжительное командованіе генералъ-маіора Федорова не ознаменовалось для полка ничѣмъ достопримѣчательнымъ. Новый полковой командиръ, баронъ Николай Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, началъ службу въ Семеновскомъ полку, гдѣ командовалъ ротою Его Величества, а въ 1849 году, по производствѣ въ полковники, назначенъ командиромъ Самогитскаго гренадерскаго полка, откуда переведенъ въ Литовскій полкъ.

Почти одновременно смѣнялись и командиры л.-гв. Литовскаго резервнаго полка. Въ концѣ марта 1855 года командиромъ этого полка назначенъ генералъ-маіоръ Лыщинскій, окончательно принявшій полкъ отъ Фогта 25 мая. 23 ноября, въ одинъ день съ назначеніемъ барона Меллеръ-Закомельскаго въ дѣйствующій полкъ, командующимъ резервнымъ Литовскимъ полкомъ назначенъ былъ, вмѣсто генерала Лыщинскаго, зачисленнаго по арміи, полковникъ Дрентельнъ, который однакоже, не знаемъ почему, къ полку не прибылъ; резервнымъ полкомъ, до самаго его расформированія въ 1856 году, временно командовали старшіе батальонные командиры, сначала полковникъ Менделѣевъ, а послѣ его кончины—полковникъ Кузьминъ.

Весну 1855 года резервный полкъ провелъ въ казармахъ на Выборгской сторонѣ, неся караульную службу въ столицѣ. 10 марта 6-й батальонъ, приведенный также въ тысячный составъ, переведенъ въ с. Рыбацкое, Шлисс. уѣзда, а въ маѣ выступилъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ былъ до 15 іюня. 9-го іюня въ Большой залѣ красносельскаго дворца, въ высочайшемъ присутствіи, происходила прибивка знаменъ, пожалованныхъ шестымъ гвардейскимъ резервнымъ батальонамъ, а на другой день, 10 іюня, впереди авангарднаго лагеря, состоялось освященіе этихъ знаменъ.

Въ началѣ іюня 4-й и 5-й батальоны, по приказанію графа Ридигера, также очистили казармы на Выборгской сторонѣ, въ которыхъ предполагалось устроить военно-временный госпиталь; 4-й батальонъ расположился въ Новой и Старой Деревнѣ, а 5-й—въ манежѣ Инженернаго замка. Въ половинѣ іюня всѣ три батальона резервнаго полка были передвинуты въ Сестрорѣцкъ и вошли въ составъ сестрорѣцкаго отряда, командиромъ котораго былъ назначенъ генералъ-маіоръ Лыщинскій. На пути одинъ батальонъ былъ оставленъ на Лисьемъ носу для защиты построенныхъ тамъ укрѣпленій. Это передвиженіе вызвано было извѣстіемъ о намѣреніи непріятеля сдѣлать высадку на сѣверномъ берегу Финскаго залива. Въ половинѣ іюля полкъ выступилъ изъ Сестрорѣцка и расположился въ Парголовѣ, Новой и Старой Деревнѣ. 28-го сентября 4-й и 5-й батальоны снова заняли свои казармы на Выборгской сторонѣ, а 6-й батальонъ сначала былъ командированъ для вязки туровъ и фашинъ въ дер. Колтуши, а 15-го октября отправленъ на зимнія квартиры въ село Мурино. Стрѣлковыя роты, сформированныя въ августѣ, сначала стояли въ Парголовѣ, а на зиму, для удобнѣйшаго занятія стрѣльбой, расквартированы въ окрестностяхъ Краснаго Села.

Осенью 1855 года къ резервному Литовскому полку была прикомандирована Олонецкая стрѣлковая дружина № 1-го, съ цѣлью обученія военному дѣлу. Дружина помѣщалась вмѣстѣ съ полкомъ, въ казармахъ на Выборгской сторонѣ, и подчинялась въ строевомъ отношеніи командиру полка, который за ея строевое обученіе отвѣчалъ, какъ за одинъ изъ своихъ батальоновъ. Несмотря, однакожъ, на такое подчиненіе, командиръ дружины, дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ Булычовъ, сносится съ командиромъ полка, какъ съ равнымъ по должности. Это прикомандированіе продолжалось до 1 января 1856 года, когда дружина выступила на зимнія квартиры.

Съ наступленіемъ зимы 1855—1856 г.г. произошли большія измѣненія въ системѣ обученія войскъ, вызванныя опытомъ крымской войны, показавшей недостатки прежней системы. Дѣйствующій Литовскій полкъ въ Везенбергѣ, а резервный—въ Петербургѣ всю зиму 1855—1856 г.г. провели въ усиленныхъ занятіяхъ стрѣль-

бой, фехтованіемъ и гимнастикой. Болѣе сосредоточенное и удобное расположеніе резервнаго полка давало возможность точнѣе придерживаться новой системы обученія, предначертанной главнокомандующимъ гвардейскими [7]) и гренадерскими корпусами, графомъ Ридигеромъ. Въ январѣ 1856 года при л.-гв. Литовскомъ резервномъ полку, кромѣ стрѣлковыхъ ротъ, сформирована команда изъ 300 запасныхъ стрѣлковъ, наполовину вооруженная нарѣзными ружьями. Эта команда была отправлена въ загородное расположеніе, въ село Рыбацкое, и находилась въ вѣдѣніи командира 6-го батальона, полковника Зеланда. Стрѣлковыя роты усиленно занимались всю зиму стрѣльбой въ окрестностяхъ Краснаго Села, а 4-й и 5-й батальоны ходили для этого на Куликово поле. Если морозъ былъ больше 5°, то стрѣльба отмѣнялась. Гимнастикѣ и фехтованію отведено было должное мѣсто въ ряду предметовъ солдатскаго обученія. Изъ годоваго отчета за 1855 годъ видно, что въ резервномъ Литовскомъ полку существовали учебная гимнастическая и учебная фехтовальная команды, [8]) въ которыхъ подготовлялись инструкторы для обученія общей массы нижнихъ чиновъ.

„На бывшемъ 24 января 1856 года высочайшемъ смотру,—читаемъ въ одномъ изъ приказовъ графа Ридигера,—фехтовальныя команды доставили истинное удовольствіе Всемилостивѣйшему Государю своею готовностью къ успѣхамъ. Онѣ доказали, что русскій солдатъ на все способенъ, что для него на службѣ Государя все возможно и нѣтъ препятствій.“ Затѣмъ графъ Ридигеръ, прося офицеровъ и нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ фехтовальныхъ командахъ, продолжать усовершенствованіе свое и обучать другихъ, выражалъ надежду, „что къ веснѣ вся пѣхота будетъ умѣть не только славно стрѣлять, но и биться на штыкѣ, и тѣмъ представится еще болѣе грозною врагамъ.“ ...„Пуля и штыкъ — два оружія пѣхоты; стало

---

[7]) Въ то время гвардейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ было два: дѣйствующій и резервный; первымъ командовалъ генералъ-адъютантъ Витовтовъ, 2-мъ — ген.-адъют. Барятинскій.

[8]) Гимнастическая команда состояла изъ 2 офицеровъ, 12 унтеръ-офицеровъ и 24 рядовыхъ; фехтовальная—изъ 1 офицера, 15 унт.-офиц., 33 вице-унт.-офиц. и 72 рядовыхъ.

быть умѣть стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ должно быть главною, боевою, молодецкою наукою пѣхотинца."

За смотръ фехтовальной команды завѣдывавшій ею, подпоручикъ Лагенборнъ получилъ именное высочайшее благоволеніе, а нижніе чины—по 1 р. на человѣка. Вскорѣ затѣмъ Государь произвелъ смотръ гимнастическимъ командамъ въ манежѣ Инженернаго замка и объявилъ высочайшее благоволеніе завѣдывавшему командой л.-гв. Литовскаго резервнаго полка, прапорщику Нарбуту.

Для соблюденія однообразія и правильности въ занятіяхъ фехтованіемъ и гимнастикой, наблюденіе за ходомъ ихъ въ полкахъ гвардейской пѣхоты графъ Ридигеръ возложилъ на генералъ-маіора Алопеуса. Кромѣ того, офицеры, завѣдывавшіе въ полкахъ гимнастическими и фехтовальными командами, должны были еженедѣльно по воскресеньямъ являться къ начальнику штаба гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ и лично представлять ему отчеты о ходѣ занятій. Для обученія офицеровъ фехтованію и гимнастикѣ въ Петербургѣ открытъ былъ фехтовально-гимнастическій залъ, въ которомъ еженедѣльно устраивались общіе бои [9]).

Новое нарѣзное оружіе, которымъ постепенно снабжались полки гвардейской пѣхоты, частію вновь изготовленное, частію передѣланное изъ ударнаго гладкоствольнаго, давало возможность доводить стрѣльбу до 1000 шаговъ. Отпускъ патроновъ былъ достаточенъ и представлялъ возможность для дѣйствительной практики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ставилъ самый предметъ обученія стрѣльбѣ въ ряду главнѣйшихъ занятій; на каждое нарѣзное ружье отпускалось по 225 патроновъ въ годъ [10]). Стрѣльба была обязательна и для офицеровъ; наблюденіе за стрѣльбой офицеровъ гвардейской пѣхоты было поручено свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіору Глинкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе и на содержаніе оружія. Въ мартѣ 1856 года главнокомандовавшій корпусами, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ недавно отпущенныя нарѣзныя ружья попорчены, обращаетъ вниманіе командировъ частей на обученіе нижнихъ чиновъ правильному обращенію съ ору-

---

[9]) Полковые приказы за 1855 и 1856 г. г.

[10]) Исторія л.-гв. Финляндскаго полка, т. II, стр. 3.

жіемъ. Для достиженія этого, въ дѣйствующемъ Литовскомъ полку принята была слѣдующая мѣра: нѣсколько человѣкъ отъ каждой роты прикомандировывались къ оружейной мастерской, гдѣ оружейный мастеръ знакомилъ нижнихъ чиновъ съ частями ружья, правилами разборки, чистки и т. п. По прошествіи недѣли обученная команда замѣнялась другою, и такимъ образомъ въ непродолжительномъ времени всѣ нижніе чины ознакомились съ оружіемъ.

Вскорѣ за тѣмъ вышло въ свѣтъ и принято для руководства, какъ въ дѣйствующемъ, такъ и въ резервномъ полкахъ, „наставленіе для солдатъ о томъ, какъ должно обращаться съ ружьемъ и учиться стрѣлять," составленное л.-гв. Семеновскаго полка капитаномъ Карцовымъ.

Съ началомъ весны особенное вниманіе было обращено на обученіе разсыпному строю и примѣненіе къ мѣстности. Въ изданной для этого инструкціи читаемъ: ...„При началѣ боя должно основывать успѣхъ свой преимущественно на дѣйствіи стрѣлковой цѣпи и сомкнутыя части вводить въ дѣло только въ то время, когда цѣпь противника будетъ опрокинута или когда она схватится въ рукопашный бой съ наступающею цѣпью."

Приказомъ по военному вѣдомству, отъ 24 января 1856 года, всѣ роты предписано именовать въ каждомъ полку по порядку №№, кромѣ стрѣлковыхъ, которыя имѣли свою нумерацію. Названія ротъ: фузелерныя, гренадерскія, егерскія, карабинерныя и т. п. были уничтожены. Роты резервнаго полка имѣли общую нумерацію съ дѣйствующими, такъ что, напримѣръ, 6-й батальонъ л.-гв. Литовскаго резервнаго полка состоялъ изъ 21, 22, 23, 24 и 6 стрѣлковой ротъ. Въ то-же время былъ нѣсколько упрощенъ строевой уставъ, но строй оставался трехшереножный до 1860 года.

8-го апрѣля 1856 года дѣйствующій полкъ отслужилъ въ везенбергской православной церкви благодарственное молебствіе по случаю заключенія мира съ Англіей, Франціей и Портой, а въ концѣ апрѣля выступилъ изъ Везенберга и, слѣдуя двумя эшелонами черезъ Нарву, Ямбургъ и Кипень, 16 мая прибылъ въ Красное Село, гдѣ въ ожиданіи лагеря былъ расположенъ по квартирамъ [11]).

---

[11]) Штабъ полка и 1-й батальонъ—въ слободѣ Павловской, 2-й бат.—въ слободѣ Братошинской, 3-й—въ Коломенской, стрѣлковыя роты—въ д. Михайловской.

Свободное до лагеря время полкъ употребилъ на постройку обмундированія для нижнихъ чиновъ, по новой формѣ. Прежніе неудобные и тѣсные мундиры, съ фалдами сзади, были замѣнены широкими и свободными полукафтанами, при шитьѣ которыхъ обращалось вниманіе на то, чтобы подъ мундиръ можно было надѣть теплую куртку или фуфайку.

Въ началѣ іюня л.-гв. Литовскій полкъ перешелъ въ авангардный лагерь; тамъ-же былъ расположенъ и л.-гв. Литовскій резервный полкъ. 6 іюня Государь произвелъ смотръ обѣимъ дивизіямъ, 3-й гвардейской дѣйствующей и 3-й гвардейской резервной; по окончаніи смотра Его Величество изволилъ сказать:

„Войска 3-й гвардейской дивизіи найдены Мною въ такомъ-же блестящемъ состояніи, въ какомъ Я привыкъ ихъ видѣть всегда.“

9-го іюня послѣдовало высочайшее повелѣніе о расформированіи 3-й гвардейской пѣхотной резервной дивизіи, при чемъ батальоны дѣйствующихъ полковъ повелѣно пополнить такъ, чтобы, по увольненіи нижнихъ чиновъ въ безсрочный отпускъ, въ каждомъ было 920 нижнихъ чиновъ, считая унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ и нестроевыхъ. Расформированіе резервнаго полка дало возможность увеличить составъ стрѣлковыхъ ротъ дѣйствующаго полка почти вдвое [12]). Нижніе чины л.-гв. Литовскаго резервнаго полка были уволены частію въ отставку, безсрочный годовой и временный отпуски, частію переведены въ дѣйствующіе батальоны. Въ дѣйствующій полкъ переведены также всѣ штабъ и оберъ офицеры резервнаго Литовскаго полка, 6 полковниковъ и 57 об.-офицеровъ [13]).

---

[12]) 11 унтеръ-офицеровъ и 168 рядовыхъ.

[13]) Въ дѣйствующій полкъ переведены полковники: Дрентельнъ, Поповъ, Кузьминъ, Клемъ, Дуве 1 и Талквистъ; капитаны: Желтухинъ, Гренквистъ, Даниловичъ, Меньшовъ, Козакевичъ, Гартманъ, Бергъ, Мексмонтанъ; штабсъ-капитаны: Тваневъ, Исаенко, Ожиговъ, Больдтъ 1, фонъ-Вендландъ, Носовичъ, Россинскій, Мѣнкинъ и Скородумовъ; поручики: Носовичъ 2, Мазуркевичъ, Сиверсъ, Больдтъ 2, Шимановъ, Муравлевъ, Мерчанскій, Олендскій, Нивинскій, Котиковъ, Риттеръ, Цитовичъ 1, Шульгинъ, Соболевскій, Ростковскій; подпоручики: Высоцкій, Манькинъ-Невструевъ, Арцышевскій, графъ О'Руркъ 1, графъ О'Руркъ 2, Юргенсонъ, Акимовъ, Матвѣевъ, Менделѣевъ, Руссовъ, Карповъ 2, Золотаревъ, Шелковниковъ, Цитовичъ 2; прапорщики: Сперансовъ, Покровскій, Фоминъ, Нарбутъ 2, Быковъ, Самойловичъ, Лукандеръ, Лагусъ, Дубровинъ, Франкъ; прикомандированные: Новоингерманландскаго полка поручикъ Дружининъ и Якутскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Бялый. Многіе изъ этихъ офицеровъ числились только по спискамъ полка.

Знамена резервнаго полка были перевезены въ Москву для храненія въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Лагерь 1856 года продолжался не долго и посвященъ былъ не столько систематическимъ занятіямъ, какъ приготовленіямъ къ походу въ Москву для присутствія при священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Оставивъ въ Красномъ Селѣ батальонъ молодыхъ солдатъ съ соотвѣтствовавшимъ числомъ офицеровъ, л.-гв. Литовскій полкъ 19 іюля вступилъ въ Петербургъ, а 21 іюля двумя эшелонами перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Съ 23-го полкъ расположился лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, подъ Москвой. 17-го августа происходилъ торжественный въѣздъ въ Москву Императорской Четы; въ тотъ-же день л.-гв. Литовскій полкъ участвовалъ въ парадѣ, а 20-го находился на высочайшемъ смотру. 26-го августа, въ день коронованія, въ парадѣ участвовала только 1 рота полка, подъ командою капитана Пригоровскаго. Въ тотъ-же день генералъ-адъютантъ Сумароковъ, командовавшій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами послѣ смерти графа Ридигера, возведенъ въ графское достоинство и назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а командиромъ гвардейскаго корпуса назначенъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ. Высочайшимъ приказомъ того-же 26-го августа полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій произведенъ въ генералъ-маіоры. Всѣмъ офицерамъ полка всемилостивѣйше пожаловано третное жалованье, а имѣвшимъ верховыхъ лошадей—полугодовое.

10-го сентября л.-гв. Литовскій полкъ вступилъ въ Москву и сначала расположился въ городскомъ экзерцицгаузѣ, а потомъ перешелъ въ Кремлевскія (1-й батальонъ) и Хамовницкія казармы (2-й и 3-й батальоны), гдѣ и провелъ зиму 1856—1857 годовъ.

6-го ноября 1856 года, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, л.-гв. Литовскій полкъ былъ осчастливленъ слѣдующею телеграммою Государя Императора: „Поздравляю л.-гв. Литовскій полкъ съ рожденіемъ Шефа, Великаго Князя Николая Николаевича.“ „Александръ.“

На другой день былъ отданъ приказъ по полку о зачисленіи Шефа въ первую роту полка, которую предписано именовать ротою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Въ тотъ-же день ген.-маіоръ Меллеръ-Закомельскій выѣхалъ въ

Петербургъ для принесенія поздравленія Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему.

Въ день св. крещенія новорожденнаго Шефа внутренній караулъ въ Зимнемъ дворцѣ занималъ 1-й взводъ роты Его Высочества, подъ командой поручика Носовича.

Въ теченіе зимы л.-гв. Литовскій полкъ, неся караульную службу въ Москвѣ черезъ 4 дня въ 5-й, дѣятельно занимался стрѣльбой, фехтованіемъ и гимнастикой. Занятія эти, какъ видно, велись подъ руководствомъ людей, знавшихъ свое дѣло; такъ, въ февралѣ 1857 г. учитель гимнастики и фехтованія войскъ, въ Москвѣ расположенныхъ, Пуаре, доноситъ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту барону Корфу, что при обученіи фехтованію ротъ не нужно заботиться о темпѣ и однообразіи пріемовъ цѣлыхъ шеренгъ, а слѣдуетъ добиваться развитія ловкости лишь въ пріемахъ поодиночкѣ. По примѣру Петербурга, въ Москвѣ, по предложенію того-же Пуаре, для офицеровъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи былъ устроенъ фехтовальный залъ. Стрѣльба въ цѣль производилась въ теченіе зимы въ тирѣ Александровскаго Сиротскаго корпуса; по окончаніи стрѣльбы ротъ, стрѣляли офицеры; офицерская стрѣльба была обязательна, и завѣдывавшій ею, прапорщикъ Крымъ-Гирей-Адиль-Гирей, еженедѣльно представлялъ отчеты о ея результатахъ командиру полка, барону Меллеру-Закомельскому.

Съ началомъ весны стрѣльба производилась на Ходынскомъ полѣ противъ Всесвятской рощи; къ концу лѣта предполагалось дойти до дальнихъ дистанцій, 600—800 шаговъ.

На содержаніе оружія въ исправности было обращено должное вниманіе; „артиллерійскою частію“ въ полку завѣдывалъ полковникъ Талквистъ. Его помощникъ, подпоручикъ Цитовичъ производитъ повѣрку унтеръ-офицеровъ въ знаніи правилъ сбереженія и чистки ружей. Въ полку существовала кромѣ того оружейная школа и мастерская.

Школа кантонистовъ въ полку находилась въ хорошемъ состояніи. Инспекторъ школъ донесъ командиру корпуса, что при производствѣ годичныхъ экзаменовъ онъ нашелъ школу кантонистовъ л.-гв. Литовскаго полка, какъ по внутреннему устройству, такъ и по успѣхамъ въ наукахъ, въ очень хорошемъ состояніи, за что гене-

ралъ-адъютантъ Плаутинъ, въ приказѣ по корпусу отъ 9 марта, объявилъ благодарность завѣдывавшему школой, штабсъ-капитану фонъ-Тальбергу и его помощнику, подпоручику Красильникову.

Всѣ эти занятія, а также мечты объ осѣдлости въ Москвѣ были неожиданно прерваны повелѣніемъ перевезти 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію въ Красносельскій лагерь, а оттуда въ Петербургъ. Эта мѣра была вызвана предположеніемъ сократить въ полкахъ гвардейской пѣхоты число дѣйствующихъ батальоновъ съ трехъ на два.

Полкъ ѣхалъ до Колпина по Николаевской желѣзной дорогѣ тремя эшелонами, по одному батальону со стрѣлковою ротою въ каждомъ, подъ командой своихъ батальонныхъ командировъ, полковниковъ: Каталея, Тевеса и Кузьмина. По прибытіи въ Колпино эшелоны немедленно переходили въ д. Московскую Славянку для ночлега, а на другой день черезъ Царское Село слѣдовали въ лагерь, куда всѣ эшелоны собрались 5 іюня. 9 іюля Государь произвелъ смотръ полкамъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ котораго Его Величеству представлялись ординарцы отъ л.-гв. Литовскаго полка [14]).

Чтобы судить о томъ, какъ измѣнилась система обученія войскъ въ описываемый періодъ, приведемъ вкратцѣ распредѣленіе занятій полковъ гвардейской пѣхоты во время лагерныхъ сборовъ 1857 года.

Отъ вступленія въ лагерь до 20-го іюня пѣхота занималась устройствомъ лагеря и приготовленіемъ стрѣльбища. Свободные отъ работъ люди занимались стрѣльбой.

Отъ 20 до 27 іюня пѣхота занималась малыми маневрами поротно и стрѣльбою въ цѣль; черезъ день батальонныя ученья.

Отъ 26 іюня до 3 іюля—батальонные маневры, стрѣльба и черезъ день полковыя ученья.

Отъ 3—8 іюля—полковые маневры съ кавалеріей и артиллеріей; черезъ день дивизіонныя ученья на военномъ полѣ и стрѣльба въ цѣль.

---

[14]) Поручикъ Мерчанскій 2-й, унтеръ-офицеръ роты Его Высочества Кочубей и рядовой той-же роты Слауцкій.

Стрѣльба въ Литовскомъ полку производилась почти ежедневно съ такимъ расчетомъ времени, чтобы часть, бывшая на ученьѣ или маневрахъ утромъ, выходила на стрѣльбу послѣ обѣда, а часть, которая должа быть на ученьѣ вечеромъ, занималась стрѣльбой утромъ. Линейныя роты стрѣляли изъ гладкоствольныхъ ружей; стрѣлковыя—изъ нарѣзныхъ.

Ротные маневры состояли въ занятіи аванпостовъ и въ указаніи правилъ примѣненія строя къ мѣстности. Батальонные маневры имѣли ту-же цѣль, но съ преимущественнымъ вниманіемъ къ распоряженіямъ офицеровъ. Полковые маневры служили, главнымъ образомъ, школою для батальонныхъ, ротныхъ и эскадронныхъ командировъ. Всѣ безъ исключенія маневры были двухсторонними и велись по особо составленной инструкціи.

Въ началѣ 1857 года, для ознакомленія офицеровъ со всѣми предметами, до ручнаго оружія и стрѣльбы относящимися, и для приготовленія свѣдущихъ въ стрѣлковомъ дѣлѣ инструкторовъ, въ Царскомъ Селѣ учреждена была офицерская стрѣлковая школа, первымъ начальникомъ которой былъ полковникъ Ванновскій (нынѣ военный министръ). Эта школа обращала на себя особенное вниманіе Государя своимъ благоустройствомъ, а ея начальникъ — знаніемъ дѣла. Состоявшій при школѣ л.-гв. Литовскаго полка штабсъ-капитанъ Іолшинъ въ теченіе лѣта 1857 года троекратно получаетъ именныя высочайшія благоволенія и чинъ капитана за отличіе.

Лагерные сборы 1857 года закончились высочайшими смотрами стрѣльбы (29 и 30 іюля), большими маневрами (8 и 9 августа) и общимъ парадомъ (10 августа) въ присутствіи Государя. На смотру стрѣльбы изъ гладкоствольныхъ ружей участвовала, по жребію, рота Его Высочества, а изъ нарѣзныхъ — сводная рота изъ стрѣлковъ. За парадъ и маневры объявлены монаршія благоволенія генералъ-маіору Меллеръ-Закомельскому и батальоннымъ командирамъ, полковникамъ: Тевесу, Кузьмину, Каталею и Клему. 2-го августа происходило, въ высочайшемъ присутствіи, состязаніе офицеровъ гвардейскаго корпуса въ стрѣльбѣ, при чемъ объявлено монаршее благоволеніе за отличную стрѣльбу л.-гв. Литовскаго полка капитанамъ Пригоровскому, Коху и Мексмонтану, штабсъ-капитанамъ Россинскому и Гилленшмидту и полковнику Дуве.

По окончаніи лагеря, въ ожиданіи, пока очистится мѣсто въ казармахъ, л.-гв. Литовскій полкъ былъ расположенъ по квартирамъ близъ Петербурга, въ посадѣ Федоровскомъ и прилежащихъ къ нему деревняхъ. Во время этой загородной стоянки, въ сентябрѣ, послѣдовало распоряженіе о приведеніи полка въ двухъ-батальонный составъ, съ двумя стрѣлковыми ротами, вызванное необходимостью, въ видахъ экономическихъ сбереженій, довести штаты мирнаго времени до minimum'а. Третій батальонъ былъ названъ резервнымъ и въ мирное время расформировывался, для чего изъ полка были уволены въ безсрочный отпускъ всѣ нижніе чины, прослужившіе 13, 14 и 15 лѣтъ, всего около 600 человѣкъ. Штатъ мирнаго времени, для каждаго изъ оставшихся двухъ батальоновъ, опредѣленъ былъ въ 80 унтеръ-офицеровъ и 760 рядовыхъ. Всѣ офицеры 3-го батальона распредѣлены по ротамъ двухъ первыхъ.

До 16 октября полкъ пробылъ въ загородномъ расположеніи, а потомъ вступилъ въ Петербургъ и занялъ Семеновскія казармы; стрѣлковыя роты остались за городомъ въ Федоровскомъ посадѣ и д. Виттолово.

Конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ ознаменованы дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ новой системы обученія и воспитанія войскъ. Въ октябрѣ 1857 г. командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Плаутинъ, признавая необходимымъ для пользы службы, чтобы всѣ унт.-офицеры знали грамоту, предписалъ во всѣхъ полкахъ учредить унтеръ-офицерскія школы грамотности на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ школы назначать всѣхъ неграмотныхъ ун.-офиц. и кандидатовъ на это званіе; 2) завѣдываніе школою поручить одному изъ способнѣйшихъ къ этому дѣлу офицеровъ; 3) въ школахъ обучать русской грамотѣ, ариѳметикѣ, обращенію съ оружіемъ и теоріи стрѣльбы [15]).

Первымъ начальникомъ унтеръ-офицерской школы грамотныхъ въ зиму 1857—1858 г.г. былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Мѣнкинъ.

Въ январѣ, при инспекторскомъ смотрѣ, начальникъ дивизіи,

---

[15]) Приказъ по корпусу за № 307.

произведя испытаніе въ школѣ, нашелъ, что нижніе чины л.-гв. Литовскаго полка обучались грамотѣ съ большимъ успѣхомъ [16]).

Въ слѣдующую зиму 1858—1859 г.г. школою грамотности завѣдывалъ прапорщикъ Нарбутъ 3. Въ концѣ 1858 года были учреждены также и ротныя школы, для обученія грамотѣ возможно большаго числа людей, съ тѣмъ, чтобы съ наступавшаго 1859 года не только въ унтеръ-офицеры, но и въ ефрейторы производить грамотныхъ.

Распространеніе въ войскахъ грамотности вызвало необходимость увеличить число изданій для солдатскаго чтенія. Въ 1858 году, по иниціативѣ генералъ-адъютанта Плаутина, Погоскому было разрѣшено издавать второй, по времени выхода въ свѣтъ, журналъ: „Солдатская Бесѣда." Это изданіе, отличавшееся хорошимъ выборомъ статей, написанныхъ простымъ, понятнымъ простолюдину языкомъ, принесло неоспоримую пользу дѣлу развитія солдата. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на строгій выборъ книгъ, предназначаемыхъ для чтенія нижнихъ чиновъ. „Сколько мнѣ извѣстно,—писалъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ,—нѣкоторыя книги и журналы, предназначаемые для народнаго чтенія, по своему содержанію не всегда согласуются съ началами, на которыхъ зиждется воспитаніе солдата. Между тѣмъ, добросовѣстный и вполнѣ соотвѣтственный выборъ сочиненій и журналовъ для солдатскаго чтенія составляетъ предметъ первостепенной важности, такъ какъ отъ него много зависитъ правильное нравственное развитіе солдата. А потому предписываю, чтобы книги, выбираемыя для нижн. чиновъ, въ каждой ротѣ были записываемы въ особую шнуровую тетрадь, съ тѣмъ, чтобы г. г. полковые командиры и высшіе начальники имѣли полную возможность слѣдить за этимъ, весьма могущественнымъ средствомъ къ соотвѣтственному направленію образованія солдата" [17]).

Насколько успѣшно велось дѣло обученія грамотѣ въ послѣдующее время видно изъ того, что въ 1862 году, по вѣдомости, представленной командиру корпуса, въ Литовскомъ полку значится: грамотныхъ 40,63%, обучавшихся грамотѣ 42,20% и только 17,17%

[16]) Приказъ по дивизіи, отъ 7 февраля.

[17]) Приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу, отъ 9 іюня 1862 года.

неграмотныхъ. Что эти цифры не были фиктивными, ручательствомъ служатъ ежегодныя повѣрки, производившіяся начальникомъ дивизіи и особо назначавшимися для того лицами не только въ унтеръ-офицерской школѣ, но и въ ротахъ. Начальники частей, представлявшіе невѣрныя и преувеличенныя цифры, подвергались строгой отвѣтственности.

Не менѣе успѣшно развивались и другіе отдѣлы новой системы обученія. Стрѣльба производилась зимой въ тирѣ, а лѣтомъ, на далекія разстоянія—въ полѣ и признана обязательною для офицеровъ, которые были дѣйствительными наставниками нижнихъ чиновъ. Ежегодно производились состязанія въ стрѣльбѣ для офицеровъ, въ высочайшемъ присутствіи, и не проходило года, чтобы нѣкоторые изъ офицеровъ Литовскаго полка не получили призовъ [18]). Въ 1862 году снабженіе всего полка шестилинейными нарѣзными винтовками дало новый толчекъ и еще болѣе усилило занятія стрѣльбой. Занятія фехтованіемъ и гимнастикой велись также систематически зимой и лѣтомъ. Для зимнихъ упражненій л.-гв. Литовскому полку назначенъ былъ манежъ при домѣ главноуправлявшаго путями сообщеній. При инспекторскихъ смотрахъ начальникъ дивизіи смотрѣлъ также фехтованіе, гимнастику и стрѣльбу отличныхъ стрѣлковъ, производилъ повѣрку грамотности и другихъ теоретическихъ предметовъ.

Командиръ корпуса, генералъ-адъютантъ Плаутинъ, стоявшій вполнѣ на высотѣ своего призванія, хорошо понималъ преимущества новой системы обученія, сочувствовалъ ей и при каждомъ удобномъ случаѣ старался выказать ея превосходство. Нерѣдко, послѣ какого либо смотра или парада въ высочайшемъ присутствіи, онъ отдавалъ приказы въ родѣ слѣдующаго:

„Нижніе чины становятся болѣе развязными, безъ робости, смѣло смотрятъ на начальника, держатъ себя непринужденно и вообще

---

[18]) Призами награждены: въ 1858 г.—капитаны Пригоровскій и Мексмонтанъ и поручикъ Россинскій; въ 1859 — генералъ-маіоръ Меллеръ-Закомельскій, капитанъ Мексмонтанъ, штабсъ-капитанъ Брюховъ, поручики Буяльскій и фонъ-Витторфъ; въ 1861—подпоручикъ Тяжельниковъ, полковникъ Мексмонтанъ, штабсъ-капитанъ Скородумовъ и поручикъ Горчаковъ.

замѣтно дѣлаются болѣе ловкими.“ Относя это къ принятной системѣ обученія, генералъ-адъютантъ Плаутинъ съ удовольствіемъ заключалъ, что она приноситъ плоды и что начальники частей вникаютъ въ сущность дѣла.

Обращалось вниманіе и на теоретическое образованіе офицеровъ. Въ теченіе зимы 1858—1859 г.г., въ канцеляріи л.-гв. Литовскаго полка, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Ротъ устраиваетъ съ офицерами полка бесѣды о разныхъ военныхъ предметахъ. Занятія военной игрой въ Литовскомъ полку введены раньше, чѣмъ въ другихъ полкахъ гвардіи, и обратили на себя вниманіе командира корпуса, который въ одномъ изъ своихъ приказовъ выразилъ желаніе, „чтобы эти полезныя занятія, нынѣ успѣшно веденныя въ Литовскомъ полку, распространились и въ другихъ полкахъ“ [19]). Большое число офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, ежегодно поступавшихъ въ военныя академіи (напримѣръ, въ 1858 г. 15 человѣкъ), свидѣтельствуетъ о высокомъ уровнѣ ихъ образованія.

Къ числу важнѣйшихъ распоряженій по военному вѣдомству, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, слѣдуетъ отнести учрежденіе эмеритальной кассы, увеличеніе окладовъ жалованья офицерамъ, упрощеніе уставовъ, введеніе двухшереножнаго строя, отмѣну тѣлесныхъ наказаній и изданіе новаго дисциплинарнаго устава. Эмеритальная касса учреждена въ 1859 году и составлена, какъ извѣстно, изъ 6% вычетовъ. Жалованье офицерамъ увеличено съ 1 января 1860 года; опредѣленные тогда оклады существуютъ до-нынѣ.

Въ 1860 году изданъ новый строевой уставъ, значительно упрощенный сравнительно съ прежнимъ; главное отличіе новаго устава заключалось въ замѣнѣ прежняго трехшереножнаго строя двухшереножнымъ. Разсыпной строй въ новомъ уставѣ получилъ большее примѣненіе и развитіе, сообразно со свойствами новаго оружія.

Въ началѣ сентября 1862 года, для торжества открытія памятника тысячелѣтія Россіи, въ Новгородъ были командированы,

---

[19]) Приказъ по корпусу, отъ 21 апрѣля 1858 года.

въ составѣ своднаго гвардейскаго полка, роты Его Высочества и 1-я стрѣлковая. Своднымъ полкомъ командовалъ командиръ преображенцевъ, князь Барятинскій; третьимъ батальономъ, состоявшимъ изъ 1-хъ ротъ полковъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи—л.-гв. Литовскаго полка полковникъ Тевесъ, а стрѣлковыми ротами — полковникъ Желтухинъ [20]). 8 сентября, въ высочайшемъ присутствіи, происходило открытіе памятника; а черезъ нѣсколько дней послѣ того роты присоединились къ полку.

Между тѣмъ, л.-гв. Литовскій полкъ дѣятельно готовился къ переѣзду на мѣсто новой стоянки, въ Варшаву. Еще въ іюлѣ 1862 года Намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ былъ назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; Государю угодно было образовать при Немъ варшавскій гвардейскій отрядъ, въ составъ котораго вошли: 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, бригада гвардейской кавалеріи и 3-я гвардейская и гренадерская артиллерійская бригада. Гвардейскій отрядъ былъ подчиненъ начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту барону Корфу, на правахъ корпуснаго командира. Весь отрядъ считался въ командировкѣ отъ гвардейскаго корпуса. Приготовленія къ отъѣзду начались въ концѣ лѣта; баронъ Корфъ заблаговременно съѣздилъ въ Варшаву и, по осмотрѣ казарменныхъ помѣщеній, составилъ предположеніе о расквартированіи войскъ гвардейскаго отряда, по которому штабъ, 1 батальонъ и стрѣлковыя роты Литовскаго полка должны были помѣститься въ Уяздовскихъ казармахъ, а 2-й батальонъ — въ Іерусалимскихъ. Эта дислокація была утверждена Великимъ Княземъ Намѣстникомъ [21]).

9-го сентября высочайше повелѣно зачислить въ списки л.-гв. Литовскаго полка Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича, по случаю чего изъ Варшавы полкомъ была получена милостивая телеграмма Его Высочества, слѣдующаго содержанія:

---

[20]) Командиры ротъ: Его Высочества—капитанъ Тваневъ, 1-й стрѣлковой—поручикъ Кюстеръ; батальонный адъютантъ Каррасъ; субалтернъ-офицеры: поручика—Юргенсонъ и Тяжельниковъ 1; подпоручики: баронъ Шиллингъ, Цитовичъ 2, Котиковъ 2; прапорщики Бялый, Ватаци, Тяжельниковъ и фонъ-Вендландъ. (Дѣло объ отправленіи отряда въ Новгородъ).

[21]) Изъ дѣлъ архива штаба войскъ гвардіи.

„Петербургъ. Командиру л.-гв. Литовскаго полка.“

„Счастливъ, что Государь удостоилъ записать Меня въ ряды славнаго Литовскаго полка и радуюсь скоро его видѣть здѣсь. Добро пожаловать. Константинъ“ [22]).

17-го сентября Государь произвелъ прощальный смотръ полку на Марсовомъ полѣ, послѣ котораго всѣмъ офицерамъ объявлено высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ выдано по 1 рублю. На другой день всѣ офицеры полка удостоились приглашенія къ высочайшему обѣденному столу, послѣ котораго Его Величество милостиво простился съ офицерами и пожелалъ имъ счастливаго пути.

Двумя эшелонами 22 и 24 сентября полкъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ составѣ мирнаго времени, по Варшавской желѣзной дорогѣ и по пріѣздѣ въ Варшаву занялъ Уяздовскія и Іерусалимскія казармы, по заранѣе составленной дислокаціи.

Передъ отправленіемъ въ походъ всѣмъ офицерамъ полка были выданы подъемныя деньги, въ размѣрѣ двухъ третей годоваго оклада жалованья.

Съ прибытіемъ въ Варшаву начался новый фазисъ въ исторіи л.-гв. Литовскаго полка.

---

[22]) Телеграммы Высочайшихъ Особъ. Полковой архивъ.

ГЛАВА XXV.

ВЪ МЯТЕЖНОЙ СРЕДѢ.

Первыя варшавскія впечатлѣнія. — Военное положеніе въ царствѣ Польскомъ и трудность службы.— Мѣры на случай неожиданнаго нападенія на казармы.—Способъ дѣйствія мятежническихъ шаекъ въ царствѣ въ 1863 году. — Участіе л.-гв. Литовскаго полка въ усмиреніи мятежа.—Дѣло въ Болимовскомъ лѣсу. — Дѣло 8 апрѣля въ Марьяновскомъ лѣсу, близь Бжузы; потери и награды.— Слова Государя Императора, сказанныя поручику фонъ-Витторфу въ Петербургѣ, на обѣдѣ, данномъ 2-й стрѣлковой ротѣ городскимъ обществомъ.— Дѣла у д. д. Нова-Весь и Пясечно; потери и награды.—Формированіе 3-го батальона. — Назначеніе генералъ-маіора Фуругельма командиромъ полка; его предшествовавшая служба.—Послѣдній приказъ барона Меллеръ-Закомельскаго.—Польская система террора. — Покушеніе на жизнь графа Берга.—Репрессивныя мѣры. —Депутація отъ общества офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка подноситъ семилѣтнему шефу первую шашку.—Служба полка въ 1864 году.— Зачисленіе Государя Императора и графа Берга въ списки полка. — Разсказъ Берга о началѣ его служебной карьеры. — Новый командиръ полка, генералъ-маіоръ В. В. Каталей.—Подарокъ Великаго Князя Константина Николаевича и учрежденіе въ полку Константиновскаго капитала. — Поднесеніе Государю альбома съ портретами офицеровъ полка.—Приведеніе полка въ мирный составъ.

Трудный періодъ переживала Варшава въ концѣ 1862 г. и тяжелое впечатлѣніе производила она въ то время на каждаго вновь пріѣхавшаго русскаго. Прежде всего въ глаза бросалась какая-то пустота и мертвенность на улицахъ, даже и въ праздничные дни, и всеобщій трауръ. Недоброжелательство и вражда къ русскимъ ясно высказывались на каждомъ шагу. При входѣ русскаго офицера въ кондиторскую или ресторанъ всѣ разговоры умолкали, на физіономіяхъ появлялись недовольныя мины и на вошедшаго бросались недружелюбные, вызывающіе взгляды. Нуженъ былъ большой тактъ и ангельское терпѣніе, чтобы, наружно по крайней мѣрѣ, не обращать вниманія на всѣ эти явные знаки ненависти и отчужденія.

Къ пріѣзду полка Уяздовскія и Іерусалимскія казармы, по приказанію Намѣстника, были отремонтированы. Въ Уяздовскихъ баракахъ отведено приличное помѣщеніе для дежурной комнаты, офицерской столовой и библіотеки. Почти всѣ офицеры полка имѣли казенныя кватиры въ казармахъ, что было необходимо при тогдашнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ. Враждебное отношеніе польскаго общества, исключавшее всякую возможность сближенія съ нимъ и даже заставлявшее нашихъ офицеровъ избѣгать появленія на улицѣ, способствовало группировкѣ ихъ вокругъ полковаго очага и тѣсному сближенію въ одну семью. Съ пріѣздомъ въ Варшаву трудная караульная служба, бывшая слѣдствіемъ тревожнаго времени, легла на полкъ всею своею тяжестью, несмотря на то, что полкъ былъ приведенъ на военное положеніе и численность обоихъ батальоновъ, сборомъ безсрочноотпускныхъ, доведена до 1000 человѣкъ въ каждомъ. Съ началомъ 1863 года революціонное движеніе настолько созрѣло, что перешло въ открытый мятежъ. Въ разныхъ мѣстахъ царства, въ лѣсахъ и дебряхъ собирались и формировались вооруженныя шайки, которыя вскорѣ перешли къ враждебнымъ дѣйствіямъ, задерживая почты и, наконецъ, неожиданно и вѣроломно нападая на небольшія части русскихъ войскъ, расположенныхъ въ провинціи. Постановленіемъ Великаго Князя Намѣстника, военное положеніе, временно снятое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ царства, 11-го января снова возстановлено во всей силѣ, какъ въ Варшавѣ, такъ и во всѣхъ губерніяхъ царства Польскаго. Варшава раздѣлена на военные отдѣлы, при чемъ IV отдѣлъ подчиненъ генералъ-маіору Меллеръ-Закомельскому и составлялъ раіонъ л.-гв. Литовскаго полка. Кромѣ обыкновенныхъ городскихъ карауловъ, было учреждено много временныхъ: на заставахъ, при вокзалѣ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, въ военныхъ госпиталяхъ и т. п. Ежедневно, для конвоированія обыкновенныхъ и экстренныхъ поѣздовъ, отъ л.-гв. Литовскаго полка наряжалась команда въ 40 или 60 человѣкъ, при офицерѣ, которая сопровождала поѣздъ до Ловича или Петрокова, а потомъ возвращалась на поѣздѣ, шедшемъ обратно въ Варшаву. На случай открытаго возстанія въ самой Варшавѣ, назначены были сборные пункты для войскъ, на которыхъ днемъ и ночью стояли дежурныя части. Отъ л.-гв. Литов-

скаго полка ежедневно назначалась одна рота, въ полномъ составѣ, на Саксонскую площадь.

Въ январѣ 1863 года нормальное теченіе дѣлъ въ полку было нарушено. Полковыя мастерскія закрыты, постройка обмундированія прекращена; о правильномъ обученіи нижнихъ чиновъ нечего было и думать. Воспоминанія о 1830 годѣ, а также нѣсколько свѣжихъ примѣровъ вѣроломнаго нападенія на войска, вызвали разныя предохранительныя мѣры на случай нападенія злоумышленниковъ на казармы. „При внезапномъ нападеніи, — читаемъ въ полковомъ приказѣ,—люди поспѣшно выходятъ на дворъ въ шинеляхъ и полной походной амуниціи; ружей безъ приказанія не заряжаютъ, а дѣйствуютъ наступательно холоднымъ оружіемъ. Пока рота одѣвается, каждое наружное окно защищаютъ два человѣка. Дежурная рота прежде всѣхъ выбѣгаетъ на дворъ, безъ ранцевъ; 20 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ бѣгутъ прямо въ дежурную комнату для защиты знаменъ, 20 человѣкъ — ко второму офицерскому флигелю, а остальные бросаются на ворвавшихся въ казарменный дворъ злодѣевъ. Полковой караулъ защищаетъ артиллерію, денежный и патронные ящики, до прибытія дежурной роты“ [1]).

Холодное оружіе было отпущено; обозъ предписано привести въ такое состояніе, чтобы онъ не препятствовалъ полку выступить въ экспедицію въ теченіе двухъ часовъ по полученія о томъ приказа. Въ виду опасности положенія, семейнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ предложено было, если пожелаютъ, отправить свои семейства въ Имперію по желѣзнымъ дорогамъ, съ платою за переѣздъ по уменьшенному тарифу.

Способъ дѣйствій мятежническихъ бандъ, появившихся въ разныхъ мѣстностяхъ царства, извѣстенъ,— это способъ партизанскій. Небольшія партіи, вооруженныя чѣмъ попало, а преимущественно косами, собирались въ лѣсныхъ дебряхъ, быстро переходили или переѣзжали на крестьянскихъ подводахъ съ мѣста на мѣсто, вредили, гдѣ только могли, русскимъ войскамъ, рѣдко вступая съ ними въ открытый бой, и, въ случаѣ неудачи или настойчиваго преслѣдованія, разбивались на мелкія партіи, неуловимыя для правильно организованныхъ русскихъ отрядовъ.

[1]) Приказъ по полку, отъ 22 января 1863 г.

Для уничтоженія шаекъ формировались, такъ называемыя, подвижныя колонны, состоявшія обыкновенно изъ одной или нѣсколькихъ ротъ пѣхоты и небольшой кавалерійской части, а иногда съ придачей двухъ орудій. Узнавъ о появленіи мятежныхъ шаекъ въ какой нибудь мѣстности, начальникъ отдѣла быстро формировалъ подвижную колонну и отправлялъ ее по желѣзной дорогѣ или форсированнымъ маршемъ къ мѣсту расположенія мятежниковъ.

Участіе л.-гв. Литовскаго полка въ усмиреніи польскаго возстанія 1863 года не представляетъ, конечно, какихъ либо громкихъ подвиговъ; ихъ не могло быть потому, что шайки рѣдко выказывали упорное сопротивленіе. Полкъ только переживалъ крайне безпокойное время и несъ крайне трудную службу, пріучавшую къ выносливости; отдѣльныя его части, назначенныя въ экспедицію, нерѣдко дѣлали, какъ увидимъ ниже, не пѣхотные, а чисто кавалерійскіе переходы, измѣрявшіеся не верстами, а десятками верстъ; настигали мятежныя шайки, разбивали и преслѣдовали ихъ, до полнаго истощенія силъ.

Дѣйствія мелкими частями, давая инициативу частнымъ начальникамъ (батальоннымъ, ротнымъ и даже взводнымъ командирамъ), развивали въ нихъ находчивость и самостоятельность.

Такъ какъ за каждымъ русскимъ отрядомъ слѣдили десятки враждебныхъ глазъ, то приходилось дѣлать различныя ухищренія, чтобы скрыть направленіе и цѣль движенія и ввести въ заблужденіе шпіоновъ. Чтобы захватить, напримѣръ, какую нибудь шайку, отрядъ распускалъ слухъ о движеніи въ другую сторону, куда и шелъ вначалѣ, а потомъ сворачивалъ, куда слѣдовало, дѣлалъ быстрый переходъ ночью и захватывалъ непріятеля врасплохъ. Нерѣдко экспедиціонный отрядъ, исходивъ по-напрасну десятки верстъ, возвращался домой, не встрѣтивъ ни одного мятежника.

Въ ряду множества экспедицій, совершонныхъ ротами л.-гв. Литовскаго полка въ 1863 году, заслуживаютъ вниманія: поискъ 2-й стрѣлковой роты въ окрестностяхъ Болимова, дѣло 8 апрѣля въ Марьяновскомъ лѣсу и стычки 6 и 7 мая у д. д. Нова-Весь и Пясечно.

I.

25-го января 2-й стрѣлковой ротѣ приказано было быстро изготовиться для отправленія въ экспедицію. Къ назначенному часу рота, подъ командой поручика фонъ-Витторфа, при подпоручикѣ Костаревѣ и прапорщикѣ Ватаци, прибыла на вокзалъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, гдѣ для нея готовился экстренный поѣздъ. Передъ отъѣздомъ генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ далъ поручику фонъ-Витторфу словесную инструкцію. Цѣль экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы пройти и осмотрѣть Болимовскій лѣсъ, дойти до м. Мѣдневицы и возвратиться въ Скерневицы, а въ случаѣ встрѣчи съ мятежниками дѣйствовать по усмотрѣнію.

Отъ Варшавы до Скерневицъ рота ѣхала по желѣзной дорогѣ со слѣдующими предосторожностями. Одинъ полувздъ, съ прапорщикомъ Ватаци, ѣхалъ въ нѣсколькихъ верстахъ впереди, въ особомъ шнель-цугѣ; на прапорщикѣ Ватаци лежала кромѣ того обязанность подъѣзжая къ каждой станціи, запирать телеграфы, дабы отнять возможность у желѣзнодорожныхъ чиновниковъ, на вѣрность которыхъ нельзя было полагаться, сообщить заблаговременно, кому слѣдуетъ, о приближеніи воинскаго поѣзда.

Переночевавъ въ Скерневицахъ и взявъ оттуда одинъ взводъ 4-го стрѣлковаго батальона, поручикъ фонъ-Витторфъ 26-го, рано утромъ, направился къ Болимову. Войдя въ лѣсъ, онъ выслалъ впередъ цѣпь стрѣлковъ и боковые патрули по сторонамъ. Въ лѣсу рота встрѣтила нѣсколько казаковъ, которые сообщили о стычкѣ, происходившей между мятежниками и двумя ротами 4-го стрѣлковаго батальона, посланными изъ Ловича, и просили поспѣшить на поддержку этихъ ротъ. Около 7-ми верстъ прошла 2-я стрѣлковая рота, то шагомъ, то бѣгомъ, по лѣсной чащѣ и утомленная этимъ движеніемъ достигла поляны, на которой виднѣлся лагерь повстанцевъ; но уже въ то время ловичскій отрядъ почти покончилъ дѣло: повстанцы бросили лагерь и, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ труповъ, засѣли въ густой чащѣ лѣса. Фонъ-Витторфъ, разсыпавъ въ цѣпь одинъ полувзводъ, вошелъ въ эту чащу; мятежники дали залпъ, а потомъ бросились впередъ съ косами въ рукахъ, но встрѣченные бѣглымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ обратились въ

бѣгство, оставивъ на мѣстѣ еще около 20 труповъ. Въ лагерѣ найдены были небольшіе запасы продовольствія, нѣсколько штукъ скота, много сукна, холста и мундирной одежды. Въ 8 часовъ вечера рота возвратилась въ Скерневицы, а на другой день благополучно присоединилась къ полку, не понеся никакихъ потерь [2]).

II.

Вскорѣ затѣмъ поручику фонъ-Витторфу съ его молодецкой ротой пришлось побывать въ болѣе серьезномъ дѣлѣ.

4-го апрѣля изъ Варшавы выступилъ отрядъ, подъ начальствомъ барона Меллеръ-Закомельскаго, для поиска въ лѣсахъ, тянущихся по теченію рѣки Пилицы. Отрядъ состоялъ изъ 8-й и 2-й стрѣлковой ротъ л.-гв. Литовскаго полка, лейбъ-эскадрона л.-гв. Уланскаго Его Величества полка, 6-й сотни донскаго казачьяго № 39 полка и двухъ орудій л.-гв. батарейной № 5 батареи. Вечеромъ 6-го апрѣля, прибывъ въ м. Варку, лежащее на границѣ Варшавской и Радомской губерній, на лѣвомъ берегу р. Пилицы, баронъ Меллеръ-Закомельскій рѣшилъ дать отдыхъ отряду на 7-е число, съ тѣмъ, чтобы, пользуясь стеченіемъ народа въ мѣстечко, по случаю воскреснаго дня, добыть болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о пребываніи мятежныхъ бандъ. Кромѣ того, съ этою-же цѣлью за р. Пилицу утромъ 7 апрѣля отправлены были кавалерійскіе разъѣзды и въ подкрѣпленіе имъ 2-я стрѣлковая рота Кіевскаго гренадерскаго полка, взятая изъ Тарчина съ разрѣшенія командовавшаго войсками въ Варшавѣ и окрестностяхъ, генералъ-адъютанта барона Корфа, на усиленіе отряда, такъ какъ слухи о численности шаекъ заставляли дѣйствовать осторожнѣе. Въ 6 час. вечера уланскій разъѣздъ привезъ извѣстіе, что казаки напали на слѣдъ мятежниковъ, но не рѣшились удаляться слишкомъ далеко, опасаясь наткнуться на сильный мятежный отрядъ. Тотчасъ-же посланъ былъ за рѣку Пилицу есаулъ Кулишевъ со всей казачьей сотней, а вслѣдъ за

---

[2]) Рапортъ фонъ-Витторфа командиру полка, отъ 4 февраля, за № 11; разсказъ участника, полковника А. И. Костарева.

ними отправлена одна рота л.-гв. Литовскаго полка съ полковникомъ Тевесомъ. Поздно вечеромъ рекогносцировочный отрядъ возвратился, а Кулишевъ доложилъ, что имъ найдены слѣды большого лагеря, оставленнаго инсургентами.

8-го апрѣля, рано утромъ, отрядъ барона Меллеръ-Закомельскаго выступилъ изъ Варки двумя колоннами; правая, состоявшая изъ двухъ ротъ пѣхоты (8-я рота л.-гв. Литовскаго полка и 2-я стрѣлковая Кіевскаго гренадерскаго полка), 20 казаковъ, взвода уланъ и двухъ орудій, подъ личнымъ начальствомъ командира л.-гв. Литовскаго полка, должна была слѣдовать черезъ д. д. Грабовъ и Гловачевъ къ м. Бжуза; лѣвая— подъ начальствомъ полковника Тевеса, состояла изъ 2-й стрѣлковой роты л.-гв. Литовскаго полка, лейбъ-эскадрона уланскаго Его Величества полка и сотни донскихъ казаковъ и должна была, выступивъ изъ Варки въ $3^1/_4$ часа утра, слѣдовать сначала внизъ по р. Пилицѣ, къ д. Закржувъ, а затѣмъ, повернувъ къ сѣверу, дойти до лагеря, покинутаго инсургентами, отыскать дорогу, по которой они ушли, и преслѣдовать ихъ, имѣя въ виду соединиться съ правой колонной въ м. Бжузѣ.

Лѣвая колонна, какъ было приказано, достигла лагеря, покинутаго инсургентами наканунѣ, и затѣмъ шла по ихъ слѣдамъ черезъ деревни Цыхровска-Воля, Ленковице и Ходковъ до дер. Севериновой. Тутъ казаки нашли того самаго проводника, который велъ банду; съ нимъ колонна прошла черезъ д. Марьяновъ. У Марьяновскаго лѣса казачій взводъ, шедшій впереди подъ командой хорунжаго Сутулова, встрѣтилъ конный пикетъ мятежниковъ. Преслѣдуя его неутомимо по лѣсу, казаки наткнулись на многочисленную банду, которая встрѣтила ихъ залпомъ; казачій взводъ, отстрѣливаясь, отступилъ; а когда подоспѣла вся сотня, подъ командой есаула Кулишева, то казаки снова произвели атаку, встрѣченную сильнымъ огнемъ мятежниковъ, при чемъ были убиты два казака и одинъ раненъ. Самъ Кулишевъ былъ раненъ пулей въ ключицу и осколкомъ ружейной картечи въ затылокъ, но не оставлялъ своей сотни до конца боя. Казаки отступили; но въ это время прискакали уланы, имѣя впереди цѣпь наѣздниковъ; это дало возможность казакамъ спѣшиться, завязать перестрѣлку и удерживать мятежниковъ до прихода пѣхоты.

Спустя полчаса послѣ первыхъ выстрѣловъ, къ мѣсту боя подоспѣла 2-я стрѣлковая рота л.-гв. Литовскаго полка. Совершивъ до того переходъ въ 42 версты, послѣднія двѣ версты она прошла бѣгомъ; стрѣлковая цѣпь изъ одного взвода, подъ личнымъ начальствомъ командира роты, поручика фонъ-Витторфа, открыла въ 70 шагахъ отъ непріятельской цѣпи сильный огонь. Мятежники отвѣчали тѣмъ-же и ранили у насъ одного унтеръ-офицера и двухъ стрѣлковъ. Спустя нѣсколько минутъ, фонъ-Витторфъ скомандовалъ „ура," дружно подхваченное стрѣлками, а также казаками и уланами. Мятежники, не выдержавъ этого дружнаго натиска, начали въ безпорядкѣ отступать и вышли изъ лѣса на поляну. Въ это время полковникъ Витте, проскакавъ со своими уланами черезъ лѣсъ, атаковалъ отступавшихъ съ тыла и отбросилъ ихъ въ лѣсъ; а полковникъ Тевесъ, разсыпавъ въ цѣпь еще одинъ полувзводъ литовцевъ, подъ командой поручика Тяжельникова I, произвелъ общее наступленіе съ фронта. Мѣткій огонь стрѣлковъ и быстрый ихъ натискъ произвели желаемое дѣйствіе: инсургенты обратились въ бѣгство. Позднее время, густой лѣсъ и незнаніе мѣстности не позволили продолжать преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что мятежники бросились въ разсыпную во всѣ стороны. Начальствовавшій колонною, полковникъ Тевесъ, приказалъ трубить сборъ и вывелъ отрядъ на поляну, лежащую впереди Марьянова.

Узнавъ въ Гловачевѣ, что лѣвая колонна вступила въ бой, генералъ-маіоръ Меллеръ-Закомельскій, оставивъ обозъ на мѣстѣ, быстро двинулся къ мѣсту боя, но пришелъ туда, когда все уже было окончено. Затѣмъ, весь отрядъ перешелъ на ночлегъ въ м. Бжуза. По показаніямъ плѣнныхъ, которыхъ взято было всего 14 человѣкъ, разбитая банда состояла изъ 400 пѣшихъ и конныхъ людей, изъ которыхъ 100 были вооружены двухстволками, а остальные—косами, пиками и кіями. Въ день боя лѣвая колонна, а съ нею 2-я стрѣлковая рота, отъ м. Варки, до мѣста боя и обратно до Бжузы, сдѣлала около 70 верстъ.

„Утѣшительно было слышать,—писалъ баронъ Меллеръ-Закомельскій въ своемъ донесеніи Великому Князю, — что никто изъ убитыхъ не былъ ограбленъ, и офицеры подтверждаютъ, что видѣли тѣла повстанцевъ, на которыхъ не были тронуты даже часы. Это

можетъ служить разительною противоположностью звѣрскому поруганію, совершонному надъ трупами двухъ убитыхъ казаковъ, которыхъ не успѣли вынести изъ боя при первоначальномъ отступленіи“ [3]).

За дѣло въ Марьяновскомъ лѣсу награждены орденами: полковникъ Тевесъ—св. Владиміра 3-й степени; штабсъ-капит. Петрушевскій и поручикъ фонъ-Витторфъ—св. Владиміра 4-й степ. съ мечами и бантомъ; поручикъ Тяжельниковъ 1-й—св. станислава 3-й степ. съ мечами; подпоручики Тяжельниковъ 2-й и Ватаци — св. Анны 4-й ст. на шпагу. Нижнимъ чинамъ 2-й стрѣлковой роты, наиболѣе отличившимся, Великій Князь Главнокомандующій пожаловалъ 6 знаковъ отличія военнаго ордена [4]). Кромѣ того, Государь повелѣлъ благодарить отъ Имени Его Величества всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи.

Не знаемъ, случайно или въ награду за успѣшное дѣло, 19-го апрѣля 2-я стрѣлковая рота была отправлена въ Петербургъ, съ партіей рекрутъ, гдѣ ей оказанъ былъ самый радушный пріемъ. 27-го апрѣля командиръ роты, поручикъ фонъ-Витторфъ, телеграфической депешей изъ Петербурга сообщилъ командиру полка, что на обѣдѣ, данномъ городскимъ обществомъ 2-й стрѣлковой ротѣ, какъ представительницѣ русскихъ войскъ, дѣйствующихъ въ царствѣ Польскомъ, Государь Императоръ осчастливилъ его слѣдующими словами:

„Передай, что Я желаю здоровья всѣмъ твоимъ товарищамъ и радуюсь, что вы оправдали довѣріе Мое и всей Россіи, высказанное вамъ при отправленіи“ [5]).

III.

Не прошло и мѣсяца со времени боя въ Марьяновскомъ лѣсу, какъ частямъ л.-гв. Литовскаго полка снова пришлось побывать въ дѣлѣ.

---

[3]) Рапортъ ком. л.-гв. Литов. полка Его Имп. Высоч. Намѣстнику, за № 1107.

[4]) Общій списокъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, получившихъ знаки отличія военнаго ордена за дѣла съ польскими мятеж. въ 1863 г., см. въ прилож. № 8.

[5]) Депеша фонъ-Витторфа объявлена въ приказѣ по полку отъ 28 апрѣля.

3-го мая изъ Варшавы на югъ выступилъ летучій отрядъ, подъ начальствомъ барона Меллеръ-Закомельскаго; въ составъ этого отряда вошли 4-я, 8-я и 1-я стрѣлковая роты л.-гв. Литовскаго полка. Двигаясь по радомскому шоссе, 4 мая отрядъ прибылъ въ Гройцы, откуда баронъ Меллеръ-Закомельскій отправилъ нарочнаго къ начальнику равскаго отряда, подполковнику Бремзену, въ Нове-Място, для полученія свѣдѣній о непріятелѣ. Курьеръ барона Меллеръ-Закомельскаго настигъ равскій отрядъ въ Уловѣ и привезъ въ Гройцы, въ 3 часа ночи съ 4-го на 5-е, мая извѣстіе о томъ, что шайка Древновскаго, преслѣдуемая подполковникомъ Бремзеномъ, взяла направленіе на Высмержице, куда вслѣдъ за нею выступитъ 5-го мая Равскій отрядъ.

Вслѣдствіе этого донесенія, баронъ Меллеръ-Закомельскій выступилъ немедленно по шоссе къ Бялоржегамъ, куда прибылъ въ 11-мъ часу и гдѣ засталъ отрядъ полковника Эрнрота, который сообщилъ, что колонны подполковника Бремзена и барона Радена преслѣдуютъ мятежниковъ, перешедшихъ черезъ варшавско-радомское шоссе и взявшихъ направленіе на д. Стромецкую-Волю. Генералъ Меллеръ-Закомельскій, полагая силы отрядовъ барона Радена и Бремзена (8 ротъ и 2 орудія) вполнѣ достаточными для нанесенія удара шайкѣ и считая совершенно безполезнымъ двигаться по пятамъ этихъ отрядовъ, рѣшился направиться лѣвымъ берегомъ Пилицы на Варку, съ цѣлью предупредить переходъ мятежниковъ въ Варшавскую губернію. Впослѣдствіи оказалось, что мятежники были заранѣе извѣщены о направленіи противъ нихъ отряда барона Меллера, но расчитывали, что онъ, сдѣлавъ переходъ изъ Гроецъ въ Бялоржеги, остановится тамъ на ночлегѣ, и потому въ 7-мъ часу вечера переправились на лѣвый берегъ Пилицы, у д. Лиханецъ.

Въ то-же время генералъ-маіоръ Меллеръ-Закомельскій, выступивъ изъ Бялоржегъ къ Варкѣ и прибывъ въ 10-мъ часу въ Михаловъ, получилъ свѣдѣніе о переходѣ шайки черезъ Пилицу у д. Лиханецъ. Посланный впередъ съ командой казаковъ исправлявшій должность офицера генеральнаго штаба въ отрядѣ, л.-гв. Литовскаго полка штабсъ-капитанъ Петрушевскій, привезъ извѣстіе, что инсургенты, дѣйствительно, переправились у Лиханца въ 7 часовъ вечера и взяли изъ деревни подводы, которыя еще не возвращались.

Получивъ эти свѣдѣнія, баронъ Меллеръ-Закомельскій остановилъ отрядъ на дорогѣ въ походномъ порядкѣ и сталъ ожидать разсвѣта. Въ 3-мъ часу по-полуночи отрядъ тронулся впередъ и двигался по свѣжимъ слѣдамъ черезъ Опожджевъ къ мызѣ Нова-Весь. Пройдя лѣсомъ около двухъ верстъ, разъѣзды дали знать, что они видѣли конный непріятельскій пикетъ, который, замѣтивъ ихъ, ускакалъ назадъ. Командующій 3-мъ эскадр. л.-гв. Уланскаго Его Величества полка, ротмистръ баронъ Шиллингъ, тотчасъ-же повелъ эскадронъ рысью впередъ и увидѣлъ двѣ большія колонны инсургентовъ, прикрывавшихъ обозъ, который направлялся отъ мызы Нова-Весь къ лѣсу. Чтобы не дать мятежникамъ уйти, Шиллингъ рѣшился, не ожидая прибытія пѣхоты, немедленно атаковать ихъ и направилъ уланъ по-полуэскадронно по обѣимъ сторонамъ деревни. Полуэскадронъ, направленный влѣво, былъ встрѣченъ стрѣлками инсургентовъ, но атаковавъ и отбросивъ ихъ, продолжалъ движеніе и, выйдя на поляну, быстро атаковалъ назначенную ему колонну, которая, не выдержавъ натиска, разсыпалась во всѣ стороны, оставивъ въ нашихъ рукахъ обозъ и много плѣнныхъ. Другой полуэскадронъ, проскакалъ въ карьеръ около версты, бросился разсыпной атакой на правую колонну мятежниковъ и, несмотря на ружейный залпъ инсургентовъ, опрокинулъ эту колонну и обратилъ мятежниковъ въ бѣгство.

Въ то время пѣхота, подъ начальствомъ полковника Эйхена, съ бывшими при отрядѣ 2-мя орудіями пѣшей артиллеріи, спѣшила къ мѣсту боя. Это было приблизительно около $4^1/_2$ часовъ утра. Полковникъ Эйхенъ, желая поскорѣе поддержать кавалерію и вступить въ дѣло, повелъ головную часть, состоявшую изъ полувзводовъ 4-й и 8-й линейныхъ и 1-й стрѣлк. ротъ, подъ начальствомъ поручика Кюстера, перешелъ глубокую канаву, наполненную водой, и двинулся съ этими тремя полувзводами бѣгомъ по пахатному полю, изрѣзанному глубокими и широкими канавами. Пробѣжавъ съ полверсты, полковникъ Эйхенъ хотѣлъ было дать вздохнуть своимъ людямъ, но въ это время къ нему прискакалъ посланный отъ Шиллинга уланъ съ просьбой итти поскорѣе на выручку кавалеріи, противъ которой начали собираться непріятельскіе всадники. Огонь нашихъ стрѣлковъ и появленіе артиллеріи заставили кавалерію мятежниковъ удалиться въ лѣсъ.

По мѣрѣ прибытія остальныхъ частей отряда, литовцы постепенно вступали въ бой съ инсургентами, которые занимали полукругомъ всю опушку лѣса къ сѣв. отъ мызы Нова-Весь. Около $5^1/_2$ часовъ противъ нашего праваго фланга выступили двѣ сильныя колонны косиньеровъ, но встрѣченныя двумя удачными картечными выстрѣлами колонны эти, потерявъ до 80 челов. убитыми, совершенно смѣшались и въ безпорядкѣ бросились назадъ. Это было окончательнымъ ударомъ для инсургентовъ, которые на всѣхъ пунктахъ обратились въ совершенное бѣгство и разсѣялись въ разныя стороны. При д. Черной нѣкоторые изъ нихъ, засѣвъ въ домахъ, встрѣтили выстрѣлами преслѣдовавшихъ ихъ литовцевъ, но были выбиты штыками, при чемъ мы захватили въ плѣнъ 20 человѣкъ; остатки шайки окончательно разсѣялись по лѣсу.

Въ этомъ дѣлѣ мятежники потеряли убитыми до 150 человѣкъ. Въ плѣнъ взято 180 человѣкъ, изъ которыхъ 40 раненыхъ послѣ перевязки сданы были, подъ росписку, управляющему мызой и отправлены въ городскую больницу въ Гройцы. Предводитель шайки, Древновскій, бѣжалъ еще раньше, а принявшій послѣ него начальство графъ Грабовскій ускакалъ во-время. У мятежниковъ отбитъ обозъ, нѣсколько лошадей, много оружія и амуниціи, 3 знамени, разныя бумаги и т. п. Съ нашей стороны ранены легко 3 улана; роты л.-гв. Литовскаго полка никакого урона не имѣли.

Послѣ двухчасоваго отдыха у м. Нова-Весь, отрядъ двинулся по дорогѣ въ Пясечно и, дойдя до д. Хыновъ, свернулъ направо въ м. Гуру-Кальварію, съ цѣлью воспрепятствовать остаткамъ шайки пробраться въ Люблинскую губернію. Въ Гуру-Кальварію отрядъ прибылъ въ седьмомъ часу вечера, сдѣлавъ въ продолженіе 36 часовъ около 80 верстъ и нанеся въ это время пораженіе одной изъ многочисленнѣйшихъ шаекъ.

Сочувствіе, выказанное плѣннымъ жителями м. Гуры-Кальваріи, а также извѣстіе, полученное въ этомъ городѣ отъ находившагося тамъ съ сотнею казаковъ войсковаго старшины Краснова, что онъ наканунѣ открылъ непріятельскій пикетъ, заставили барона Меллеръ-Закомельскаго предполагать, что въ лѣсу находится шайка инсургентовъ; поэтому, въ ночь съ 6 на 7 мая онъ отправилъ въ Варшаву къ ген.-адъют. барону Корфу эстафету съ просьбой вы-

слать къ нему на встрѣчу въ д. Лубно (между Пясечно и Гурой) часть войскъ, что дало-бы возможность дѣйствовать противъ шаекъ, не стѣсняясь прикрытіемъ плѣнныхъ. Высланный съ этою цѣлью изъ Варшавы полковникъ Насвѣтевичъ съ отрядомъ изъ 5-й роты л.-гв. Литовскаго полка и 4-го эскадрона л.-гв. Улан. Его Величества полка, прибывъ 7 мая въ $3^1/_2$ часа по-полудни въ м. Пясечно, остановился тамъ для отдыха и послалъ 2-й полуэскадронъ впередъ для открытія сообщеній съ отрядомъ барона Меллеръ-Закомельскаго. Въ лѣсу у д. Лубно уланы были встрѣчены ружейнымъ огнемъ и вслѣдъ за тѣмъ со всѣхъ сторонъ окружены толпою инсургентовъ. Несмотря на трудность положенія, уланы геройски защищались и потеряли плѣнными только 4 человѣка, у которыхъ убиты лошади; остальные пробились и прискакали частію въ Пясечно, частью къ отряду барона Меллеръ-Закомельскаго. Получивъ извѣстіе о случившемся, полковникъ Насвѣтевичъ послалъ на подводахъ одинъ взводъ 5-й роты, вслѣдъ за которымъ выступилъ съ остальными частями отряда. Мятежники, атакованные на опушкѣ лѣса, близъ Пясечно, нашею цѣпью, подъ командой командира роты, капитана Вендланда 1, бѣжали и были преслѣдуемы въ направленіи къ Хынову, при чемъ уланы, пользуясь рѣдкимъ лѣсомъ, неоднократно производили разсыпную атаку. Изъ Хынова 5-я рота направилась на сборный пунктъ въ д. Лубно, гдѣ присоединилась къ отряду барона Меллеръ-Закомельскаго [6]).

Столкновеніе съ мятежниками у Пясечно стоило 5-й ротѣ дорого: она потеряла двухъ убитыми и четырнадцать ранеными; изъ числа послѣднихъ шестеро умерли вскорѣ по доставленіи ихъ въ госпиталь [7]).

За дѣла 6 и 7 мая у д. Нова-Весь и м. Пясечно участникамъ-офицерамъ л.-гв. Литовскаго полка пожалованы слѣдующія награды: командиру полка, ген.-маіору барону *Меллеръ-Закомельскому*—золо-

---

[6]) Дополненіе къ журн. воен. дѣйствій въ царствѣ Польскомъ, съ 3 по 7 мая 1863 г.

[7]) Полковые приказы. Убиты рядовые *Дмитріевъ* и *Кривошеевъ*; умерли отъ ранъ: рядов. Сергѣевъ, Харитоновъ, Трифоновъ, Козлихинъ, Волхонскій и Бѣлкинъ; ранены рядовые: Лещукъ, Батожокъ, Грищенко, Филиповъ, Кравченко, Бабенко, Суровъ и горнистъ Вареновъ.

тая сабля; полковнику *Эйхену* и капит. фонъ-*Вендланду* — орд. св. Владиміра IV ст. съ мечами и бантомъ; штабсъ-капит. *Эльжановскому*, *Котикову 1* и *Мерчанскому* — орд. св. Анны III ст. съ мечами и бантомъ; поручику *Кюстеру* тотъ-же орденъ; поручику *Шелковникову*, подпоручикамъ: фонъ-*Вендланду 2* и *Бачманову* — орд. св. Анны IV ст., „за храбрость“ и поручику *Котикову 2*—орд. св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ. Списокъ нижнихъ чиновъ, получившихъ знаки отличія военнаго ордена, помѣщенъ въ приложеніи № 8.

Въ теченіе всего 1863 года и даже въ началѣ 1864 года части л.-гв. Литовскаго полка входили въ составъ подвижныхъ колоннъ и летучихъ отрядовъ. Главная трудность этихъ частыхъ экспедицій заключалась въ быстрыхъ, большихъ и крайне утомительныхъ переходахъ, при чемъ нерѣдко безъ выстрѣла достигались весьма благопріятные результаты. Въ двадцатыхъ числахъ мая, напримѣръ, 1-я, 2-я, 3-я и 6-я роты л.-гв. Литовскаго полка участвовали въ экспедиціи противъ шайки Кононовича. Шайка была уничтожена, самъ Кононовичъ и его помощники разстрѣляны; взяты безъ потерь большіе запасы огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, нѣсколько лошадей и разное имущество, принадлежавшее бандѣ [8]).

Но было много экспедицій совершенно безплодныхъ; послѣ большихъ и трудныхъ переходовъ, въ составѣ подвижныхъ колоннъ или летучихъ отрядовъ, роты возвращались къ полку, не встрѣтивъ непріятеля. Перечисленіе всѣхъ этихъ поисковъ, по ихъ многочисленности, было бы затруднительно и не представило бы никакого военно-историческаго интереса, тѣмъ болѣе, что общій характеръ экспедицій достаточно выяснился изъ предшествовавшихъ примѣровъ.

Въ концѣ апрѣля 1863 года было получено въ полку распоряженіе объ отправленіи въ Петербургъ кадровъ для сформированія 3-го батальона. Эти кадры, въ составѣ 6 оберъ-офицеровъ и 92

---

[8]) Донесеніе барона Меллеръ-Закомельскаго барону Корфу, отъ 25 мая.

нижнихъ чиновъ, подъ командой полковника *Сорокина*, отправились въ Петербургъ 2 мая съ экстреннымъ поѣздомъ [9]). Для пріема вещей и оружія во вновь формируемый батальонъ былъ командированъ, кромѣ того, въ Петербургъ полковой казначей, капитанъ *Ожиговъ*.

Въ Петербургѣ кадровая команда помѣстилась въ конно-гвардейскихъ казармахъ. 7-го мая она была представлена на смотръ командиру гвардейскаго корпуса, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, который выразилъ свое удовольствіе словами:

„Славный народъ! Несмотря на всю трудность службы, смотрятъ молодцами и имѣютъ прездоровый видъ!“

Въ то время, какъ изъ безсрочнаго отпуска прибывали нижніе чины во вновь формировавшійся 3-й батальонъ, мастеровые кадра были заняты постройкой обмундированія, большая часть котораго, однакоже, по недостатку мастеровыхъ, шилась при л.-гв. Преображенскомъ полку.

15-го мая Государь смотрѣлъ кадры всей дивизіи на Марсовомъ полѣ; проходили церемоніальнымъ маршемъ въ одной сомкнутой колоннѣ. По окончаніи смотра Его Величество изволилъ благодарить офицеровъ и нижнихъ чиновъ за службу въ царствѣ Польскомъ, а затѣмъ, обращаясь къ чинамъ л.-гв. Литовскаго полка, поздравилъ ихъ съ новыми славными дѣлами ихъ товарищей [10]).

По окончательномъ сформированіи, 3-й батальонъ 15 іюня выѣхалъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, а 18-го прибылъ въ Варшаву и расположился вмѣстѣ съ другими двумя батальонами лагеремъ на площадкѣ передъ Уяздовскими казармами. Прибытіе 3-го батальона пришлось очень кстати, потому что полкъ изнемогалъ подъ тяжестью караульной службы. Лѣтомъ 1863 года случаи нарушенія порядка въ самой Варшавѣ стали очень часты. Русскимъ

---

[9]) Составъ кадра: полковникъ Сорокинъ, кап. Брюховъ, шт.-кап. Ерличъ, поручики: графъ О'Руркъ, Юргенсонъ и Тяжельниковъ и подпоручикъ Франкъ; 30 унт.-офиц., 16 ефрейторовъ, 16 мастеровыхъ и 30 стрѣлковъ — всего 7 офицер. и 92 ниж. чин.

[10]) Донесенія полковника Сорокина командиру полка. Полковой архивъ.

опасно было показываться на улицѣ; въ патрульныхъ и часовыхъ бросали камнями; съ русскихъ женщинъ на людныхъ улицахъ среди бѣлаго дня срывали кринолины. Противъ злоумышленниковъ, дерзнувшихъ бросать камнями въ воинскія команды, разрѣшено употреблять оружіе. По всѣмъ улицамъ города днемъ и ночью посылались усиленные офицерскіе разъѣзды и патрули, при чемъ начальникамъ пѣшихъ патрулей разрѣшалось быть верхомъ. Для охраны артиллеріи, отъ л.-гв. Литовскаго полка ежедневно наряжалась дежурная рота въ Іерусалимскія казармы.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее изложеніе событій, мы должны сдѣлать маленькое отступленіе и упомянуть о важнѣйшихъ правительственныхъ распоряженіяхъ этого періода.

17-го апрѣля 1863 года въ войскахъ отмѣнены тѣлесныя наказанія. Вскорѣ затѣмъ изданъ дисциплинарный уставъ, въ которомъ ясно и подробно опредѣлены отношенія начальниковъ и подчиненныхъ и размѣры предоставленной каждому власти. Въ частяхъ учреждены суды общества офицеровъ и совѣты посредниковъ [11]).

Высочайшимъ приказомъ 18 іюня 1863 года командиромъ л.-гв. Литовскаго полка былъ назначенъ генералъ-маіоръ Фуругельмъ, а его предшественникъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій — помощникомъ начальника варшавскаго гвардейскаго отряда. Учрежденіе въ полкахъ хозяйственныхъ комитетовъ дало возможность барону Меллеръ-Закомельскому, до пріѣзда новаго полковаго командира, сдать полкъ комитету, состоявшему изъ ротныхъ командировъ, квартермистра и казначея, подъ предсѣдательствомъ младшаго штабъ-офицера, капитана Ожигова.

„Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ подписывая въ послѣдній разъ приказъ по полку, писалъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, я уношу съ собою самыя пріятныя воспоминанія почти восьмилѣтняго командованія онымъ. Утѣшаюсь мыслію, что не совсѣмъ разстаюсь съ почтенными моими сослуживцами и смѣю вѣрить, что славные подвиги ихъ будутъ и впредь радовать мое сердце. Искренно благодарю всѣхъ и каждаго за добросовѣстный трудъ и похвальную дѣятель-

---

[11]) Приказъ по военному вѣдомству 1863 г., № 242.

ность, давшіе мнѣ возможность представлять всегда ввѣренную мнѣ часть въ отличномъ видѣ по всѣмъ отраслямъ, какъ строеваго образованія, такъ и полковаго хозяйства. Нисколько не сомнѣваюсь, что благосостояніе полка будетъ улучшаться все болѣе и болѣе. При полномъ желаніи всего лучшаго, я останусь къ нему навсегда душою преданнымъ."

Высочайшимъ приказомъ 7 іюля генер.-адъют. баронъ Корфъ былъ назначенъ командующимъ войсками варшавскаго военнаго отдѣла, съ подчиненіемъ ему гвардейскаго отряда, на правахъ командира неотдѣльнаго корпуса, а баронъ Меллеръ-Закомельскій — командующимъ 3-ю гвард. пѣхот. дивизіею, съ зачисленіемъ въ списки л.-гв. Литовскаго полка и правомъ носить полковой мундиръ.

Новый полковой командиръ, Оттонъ Васильевичъ Фуругельмъ, началъ службу въ Семеновскомъ полку, гдѣ служилъ до чина полковника, потомъ командовалъ 4-мъ резервнымъ гренад. полкомъ; по расформированіи его, въ 1857 году назначенъ командиромъ 4-го резерв. батальона Галицкаго пѣхот. полка, а затѣмъ командиромъ Таврическаго гренад. полка. Въ чинъ генер.-маіора произведенъ въ началѣ 1863 года и до назначенія командиромъ л.-гв. Литовскаго полка управлялъ 1-мъ округомъ внутр. стражи.

27-го августа 1863 года Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ семействомъ оставилъ Варшаву и уѣхалъ за границу, а 3-го ноября намѣстникомъ въ царствѣ и главнокомандующимъ назначенъ графъ Бергъ. Великокняжескій поѣздъ конвоировала до границы рота Его Высочества л.-гв. Литовскаго полка. Отъѣздъ Его Высочества изъ Варшавы совершился въ то время, когда революціонеры, сознавъ невозможность борьбы открытою силою, перемѣнили тактику и приняли систему убійствъ изъ-за угла, организовавъ для этого партію кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Эта ужасная система практиковалась поляками съ такою настойчивостью, достойною лучшаго дѣла, что каждый русскій, на улицѣ и у себя дома, не могъ быть спокоенъ за свою жизнь. Замѣчательно, что въ числѣ пострадавшихъ находился и одинъ рядовой 11-й роты л.-гв. Литовскаго полка. 7-го октября, въ 7 часовъ вечера, на улицѣ онъ былъ

окруженъ неизвѣстными людьми, которые нанесли ему 5 ранъ кинжалами [12]).

7-го сентября произведено покушеніе на жизнь графа Берга. Подробности этого преступленія достаточно извѣстны. Въ домѣ Замойскаго, изъ котораго была брошена разрывная бомба, конфискованномъ правительствомъ, помѣщенъ на житье 3-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, подъ командою полковника Журавлева.

Рядъ убійствъ, совершонныхъ въ Варшавѣ по распоряженію подпольнаго „жонда," побудилъ правительство принять самыя энергичныя мѣры къ ихъ прекращенію и розысканію виновныхъ. Пять жандармовъ-вѣшателей (подмастерья разныхъ цеховъ), пойманныхъ на улицахъ Варшавы на мѣстѣ покушеній на жизнь преданныхъ правительству лицъ, были разстрѣляны, по конфирмаціи командовавшаго войсками варшавскаго отдѣла, ген.-адъют. барона Корфа. Въ городѣ по-прежнему въ полной силѣ дѣйствовали всѣ правила военнаго положенія. Съ наступленіемъ сумерекъ никто изъ жителей не имѣлъ права выходить на улицу безъ зажженнаго фонаря, а послѣ 10 часовъ вечера совершенно запрещено ходить по городу. Изъ этого правила были исключены только офицеры, чиновники военнаго вѣдомства и тѣ изъ обывателей, которые имѣли особое дозволеніе. На всѣхъ заставахъ, вмѣсто прежнихъ унтеръ-офицерскихъ, учреждены офицерскіе караулы, которымъ вмѣнено въ обязанность отъ 7 часовъ вечера до разсвѣта, ни въ городъ, ни изъ города, ни подъ какимъ предлогомъ, не пропускать рѣшительно никого, кромѣ почты, эстафетъ и курьеровъ, но и то послѣ самаго тщательнаго осмотра.

Несмотря на трудность службы, обычныя лѣтнія занятія въ 1863 году въ л.-гв. Литовскомъ полку шли своимъ чередомъ и увѣнчались успѣшнымъ результатомъ. Инспектировавшій по высочайшему повелѣнію войска варшавскаго округа, ген.-адъют. баронъ Врангель, нашелъ л.-гв. Литовскій полкъ выше всѣхъ другихъ частей по стрѣльбѣ, гимнастикѣ, фронту, грамотности и хозяйству [13]).

---

[12]) Впослѣдствіи выздоровѣлъ.

[13]) Общій архивъ Главнаго штаба.

Мѣры строгости оказали свое вліяніе на усмиреніе мятежа, и система террора, принятая революціонерами, потерпѣла неудачу. Возстаніе было уже при послѣднемъ издыханіи, и къ концу 1863 г. только въ лѣсахъ бродили небольшія шайки жандармовъ-вѣшателей, противъ которыхъ высылались небольшіе летучіе отряды.

6-го ноября 1863 года августѣйшему шефу л.-гв. Литовскаго полка исполнилось 7 лѣтъ, возрастъ, въ которомъ Ихъ Императорскіе Высочества производятся въ первый офицерскій чинъ. Общество офицеровъ полка, желая ознаменовать чѣмъ либо этотъ день, просило разрѣшенія поднести Его Императорскому Высочеству первую офицерскую шашку. Съ высочайшаго соизволенія, въ Петербургъ къ этому дню отправилась депутація, состоявшая изъ начальника дивизіи, генер.-лейт. барона Меллеръ-Закомельскаго, командира полка, ген.-маіора Фуругельма, командировъ: 1-го батальона—полковника Тевеса—и роты Его Высочества—капитана Скородумова, полковаго адъютанта, поручика Шелковникова, и фельдфебеля роты Его Высочества, Федота Алексѣева. При представленіяхъ Государю, Его Величество неоднократно выражалъ свое благоволеніе л.-гв. Литовскому полку и благодарилъ полкъ черезъ полковаго командира за усердную, молодецкую боевую службу“ [14]).

Наступилъ 1864 годъ. Мятежъ утихъ, но служба войскъ варшавскаго гарнизона была по-прежнему тяжела и требовала особенной бдительности. Занимая караулы по IV отдѣлу Варшавы, л.-гв. Литовскій полкъ ежедневно, кромѣ полковаго наряда, посылалъ на службу отъ 250 до 300 нижнихъ чиновъ и отъ 7 до 10 офицеровъ. Независимо отъ карауловъ, ежедневно назначались взводы и даже цѣлыя роты для сопровожденія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, транспортовъ, рекрутскихъ партій, конвоированія политическихъ преступниковъ, въ помощь полиціи для сбора недоимокъ, конскриптовъ и т. п. Насколько трудна была служба, можно судить по тому, что Государь разрѣшилъ, по представленію графа Берга, выдать въ пѣхотныя части варшавскаго гвардейскаго отряда на каждаго нижняго чина по одной лишней парѣ сапогъ.

---

[14]) Изъ дѣлъ архива, при штабѣ варшав. воен. округа находящагося, и полковыхъ приказовъ.

17-го апрѣля 1864 года Государь осчастливилъ л.-гв. Литовскій полкъ новою милостью—зачисленіемъ своего Державнаго Имени въ списки полка и роты Его Высочества. Черезъ два дня, высочайшимъ приказомъ 19 апрѣля, въ списки полка былъ зачисленъ также главнокомандовавшій и намѣстникъ въ царствѣ, графъ Бергъ. По поводу своего зачисленія въ Литовскій полкъ и пожалованія ему полковаго мундира графъ Бергъ впослѣдствіи припоминалъ, какъ онъ въ своей молодости нѣсколько минутъ числился въ этомъ полку.

Въ 1812 году Калужскаго пѣхот. полка прапорщикъ Бергъ состоялъ при графѣ Эссенѣ, генералъ-губернаторѣ Риги. Къ этому городу подступилъ прусскій непріятельскій отрядъ, который расположился лагеремъ за Двиной. Бергу поручено было отыскать бродъ на Двинѣ, а затѣмъ ночью провести на другой берегъ два батальона, для нечаяннаго нападенія на непріятельскій лагерь. Предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и Бергъ, какъ главный его виновникъ, былъ отправленъ въ Петербургъ къ Государю съ донесеніемъ о побѣдѣ. Посланный встрѣтилъ Императора Александра на почтовой станціи близъ Выборга. „Черезъ отворенныя изъ сѣней двери обѣихъ комнатъ было видно, какъ государь, сидя у стола, внимательно читалъ письмо Эссена, при чемъ два раза перекрестился. Затѣмъ князь Волконскій, войдя въ комнату, гдѣ была свита, громко сказалъ: „Прапорщикъ Бергъ, къ Государю!“ Я пошелъ за нимъ. Его Величество, увидя мою совершенно статскую фигуру (незадолго передъ тѣмъ Бергъ поступилъ на службу изъ дерптскихъ студентовъ), улыбнулся и сказалъ:

„Эссенъ пишетъ, что вы вели обходную колонну и можете передать подробности дѣла.“

Окончивъ разсказъ и уходя изъ комнаты, Бергъ ясно слышалъ слова Государя, обращенныя къ Волконскому:

„Бойкій юноша; изъ него будетъ толкъ. Перевести его за отличіе въ Литовскій полкъ.“

Кто-то изъ свиты, полагая, что Бергъ знаетъ, что такое Литовскій полкъ, сказалъ ему:

„Поздравляю васъ, прапорщикъ, гвардейскимъ офицеромъ.“

— „Какъ гвардейскимъ! Я не хочу въ гвардію: она всегда въ

резервѣ; а я желаю быть въ дѣлахъ. Для того я бросилъ и университетъ, чтобы служить въ авангардахъ!“

Всѣ засмѣялись. Слышно было, какъ Государь, улыбаясь, говорилъ Волконскому:

„Слышишь, отказывается! спроси его, чего онъ желаетъ?“

Волконскій подошелъ къ неопытному студенту-прапорщику и сказалъ:

„Какъ вы смѣете отказываться отъ гвардейскаго мундира! Это дерзость! Извольте-же говорить, чего вы хотите?

— Хочу въ колоновожатые.“

И Бергъ былъ зачисленъ въ генеральный штабъ.

„Вотъ вамъ разсказъ о томъ,—говорилъ онъ одному изъ генераловъ,—почему я нѣсколько минутъ могъ считаться офицеромъ Литовскаго полка и почему теперь Государю угодно было пожаловать мнѣ мундиръ этого полка“ [15]).

Высочайшимъ приказомъ 19 іюля 1864 года командиръ Кексгольмскаго гренадерскаго полка, генералъ-маіоръ Каталей, былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка, вмѣсто генерала Фуругельма, зачисленнаго по гвардейской пѣхотѣ. Василій Васильевичъ Каталей служилъ сначала въ Якутскомъ пѣхотномъ полку, потомъ занималъ должность старшаго адъютанта въ штабѣ 3-й гвард. пѣхотн. дивизіи, а потомъ переведенъ въ Литовскій полкъ, гдѣ командовалъ сначала стрѣлковыми ротами, а потомъ—1-мъ батальономъ. Въ 1860 году Каталей назначенъ командиромъ Днѣпровскаго пѣхот. полка; въ 1863 — Кексгольмскаго гренадерскаго, а въ слудующемъ 1864 году—л.-гв. Литовскаго, которымъ командовалъ пять лѣтъ, до 30 августа 1869 года, т. е. до назначенія начальникомъ мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа. Впослѣдствіи онъ занималъ постъ начальника мѣстныхъ войскъ Петербургскаго военнаго округа, въ 1876 году назначенъ начальникомъ тыла дѣйствующей арміи; а во время войны, командуя 3-ей гвард. пѣхотной дивизіей, палъ въ бою подъ Петричевымъ. Хорошее образованіе, неутомимая энергія, преданность службѣ, олицетворенная

---

[15]) „Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.“ Разсказъ П. П. Карцова, помѣщенный въ „Русской Старинѣ“ 1883 года, № 2.

честность, скромность, строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ—были отличительными чертами этого въ высшей степени симпатичнаго, добраго и честнаго человѣка.

Въ августѣ 1864 года въ полку былъ полученъ портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, въ формѣ Литовскаго полка, при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ Его Высочества на имя генералъ-маіора Каталея:

„Посылаю Вашему Превосходительству, для л.-гв. Литовскаго полка, портретъ мой въ мундирѣ полка. Прошу полкъ принять его въ память труднаго времени, которое мы вмѣстѣ провели въ Варшавѣ и въ знакъ Моей благодарности за ту постоянную привязанность, которую Мнѣ полкъ всегда оказывалъ. Вдали, какъ и вблизи, Я постоянно слѣдилъ съ удовольствіемъ за доблестною и славною службою Литовцевъ и прошу Васъ передать всѣмъ сослуживцамъ Вашимъ увѣреніе, что любовь Моя къ полку останется навсегда неизмѣнною.

$\frac{\text{30 іюля}}{\text{11 августа}}$ 1864 г. „Константинъ.“

Вскорѣ затѣмъ, въ средѣ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка созрѣла мысль: въ память нахожденія полка подъ начальствомъ Великаго Князя Константина Николаевича учредить особый капиталъ имени Его Высочества для ежегодной выдачи процентовъ одному изъ раненыхъ или увѣчныхъ нижнихъ чиновъ полка. Въ составленіи капитала участвовали командиръ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка, а также состоявшіе въ его спискахъ: генералъ-адъютантъ графъ Бергъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій и старый командиръ, генералъ-маіоръ Фуругельмъ.

Прочтя постановленіе о составленіи капитала, Великій Князь удостоилъ полкъ слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя его командира.

„Василій Васильевичъ. Я увидѣлъ съ искреннимъ удовольствіемъ постановленіе г.г. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ ввѣреннаго Вамъ полка объ учрежденіи въ память нашей совмѣстной службы въ Варшавѣ особаго капитала, для выдачи процентовъ съ онаго одному изъ раненыхъ или увѣчныхъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ учрежденіи Я вижу со стороны моихъ храбрыхъ сослуживцевъ

новое доказательство тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыми Я всего болѣе дорожу и которыя составляютъ для меня искреннее утѣшеніе, при воспоминаніи о времени, проведенномъ вмѣстѣ съ вами въ царствѣ Польскомъ.

„Прошу Васъ выразить лицамъ, составившимъ помянутый капиталъ, Мою сердечную благодарность и передать имъ, что, желая также участвовать въ ихъ добромъ дѣлѣ, я опредѣляю отъ себя таковую-же сумму для присоединенія къ ихъ капиталу и употребленія процентовъ съ оной на томъ-же основаніи, въ пособіе другому раненому или увѣчному изъ нижнихъ чиновъ.“

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Іосифовна, сочувствуя цѣли образованія Константиновскаго капитала и желая участвовать въ этомъ благотворительномъ дѣлѣ, пожертвовала съ своей стороны для присоединенія къ этому капиталу 300 руб. сер. Такимъ образомъ, капиталъ возросъ до 1500 рублей. Положеніе о Константиновскомъ капиталѣ высочайше утверждено въ ноябрѣ 1864 г.

8-го ноября того-же года, въ день полковаго праздника, генералъ-маіоръ Каталей имѣлъ счастіе представить Государю Императору, отъ имени общества офицеровъ, роскошный альбомъ съ портретами генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, въ память зачисленія Его Величества въ списки полка [16]). При этомъ въ кабинетѣ Государя въ Зимнемъ дворцѣ присутствовали Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Августѣйшій Шефъ полка, а также находился командиръ роты Его Высочества, капитанъ Скородумовъ. Государь былъ видимо тронутъ, съ удовольствіемъ принялъ альбомъ, любовался его отдѣлкой, поручилъ командиру полка передать офицерамъ Его „душевную благодарность за дорогой подарокъ“ и затѣмъ изволилъ замѣтить, что отовсюду Онъ слышитъ самые лестные отзывы объ отличномъ духѣ полка, примѣрной нравственности и усердной службѣ, что и покойный Великій Князь Константинъ Павловичъ, съ глубокою горестью разставаясь въ 1831 году съ полками гвардіи, въ томъ числѣ и съ Литов-

---

[16]) На крышкѣ альбома было въ миньятюрѣ вышито полковое знамя со всѣми надписями и отличіями. Работа исполнена съ замѣчательною отчетливостью.

скимъ, бывшимъ въ Варшавѣ подъ Его начальствомъ, выразилъ по этому поводу свою скорбь въ письмѣ къ графу Курутѣ. Въ заключеніе Его Величество поручилъ генералъ-маіору Каталею благодарить всѣхъ чиновъ полка за отличную службу, строгій порядокъ и дисциплину и передать, что службы полка въ Варшавѣ Онъ никогда не забудетъ.

Въ сентябрѣ 1864 года уволены въ безсрочный отпускъ всѣ нижніе чины полка старшихъ сроковъ службы, до 1849 года включительно; а вскорѣ затѣмъ получено было распоряженіе о приведеніи полка въ усиленный мирный составъ и увольненіи во временной отпускъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 14-ть и 13-ть лѣтъ, а также семейныхъ—12, 11 и 10-ти-лѣтняго сроковъ службы.

ГЛАВА XXVI.

Дѣятельность В. В. Каталея по командованію л.-гв. Литовскимъ полкомъ. Его стремленіе поднять нравственный уровень нижнихъ чиновъ.—Общество трезвости. Развлеченія въ часы досуга.—Прощальный приказъ Каталея, какъ характеристика общества офицеровъ Литовскаго полка въ то время. — Назначеніе командиромъ полка С. Е. В. генералъ-маіора барона А. Н. Корфа. — Вооруженіе полка винтовками системы Крынка.—Трудъ прапорщика Ратке. — Пріѣздъ Государя въ Варшаву въ 1871 году. — Назначеніе генералъ-фельдмаршала графа Берга вторымъ шефомъ л.-гв. Литовскаго полка.—Отправленіе отъ полка депутаціи на погребеніе генералъ-фельдмаршала гр. Берга.— Прощальный приказъ барона Корфа и пріемъ полка новымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ барономъ Арнсгофенымъ. — Пріѣздъ Государя Императора въ Варшаву въ 1875 году и зачисленіе Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича въ списки л.-гв. Литовскаго полка. — Поздравительная телеграмма Шефа. — Формированіе въ полку четвертой стрѣлковой роты и 4-го батальона. Пріѣздъ Государя въ Варшаву въ 1876 году.— Празднованіе совершеннолѣтія Шефа полка и зачисленіе въ списки полка Е. И. В. Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго.—Эпизодъ изъ Сербской войны.

Дѣятельность В. В. Каталея по командованію л.-гв. Литовскимъ полкомъ заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Это былъ первый полковой командиръ, обратившій серьезное вниманіе на нравственную сторону солдата, стремившійся къ его облагороженію и развитію въ немъ чувства собственнаго достоинства и употреблявшій для этого весь свой внѣ-служебный досугъ. „Я стремлюсь къ облагороженію солдата, — писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ,—стремлюсь къ тому, чтобы и малѣйшее замѣчаніе было чувствительно для заслужившаго таковое, забочусь, чтобы каждый солдатъ проникнулся разумнымъ сознаніемъ своего долга, благоговѣлъ передъ добрымъ именемъ полка и передавалъ вновь поступающимъ въ полковую семью людямъ любовь къ ней, уваженіе

къ порядку, честность и правду“ [1]). По свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ В. В., это не были одни только слова.

Считая неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ главною причиною всѣхъ солдатскихъ пороковъ и преступленій и называя водку солдатскимъ зміемъ, Василій Васильевичъ употреблялъ всѣ мѣры къ искорененію этого зла, бывшаго неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той кочевой, безпокойной жизни, которую пришлось вести полку во время возстанія. Но и тутъ на первомъ планѣ стояли не мѣры строгости, а стремленіе развить въ человѣкѣ убѣжденіе во вредѣ, приносимомъ разгульною жизнію. Примѣромъ этого можетъ служить учрежденное въ полку общество трезвости. Никто изъ членовъ этого общества, возникшаго по идеѣ двухъ офицеровъ полка, графа О'Рурка и шт.-кап. Галицкаго, и пользовавшагося особеннымъ покровительствомъ генерала Каталея, не имѣлъ права взять въ ротъ вина; кромѣ того, каждый изъ нихъ обязанъ былъ оказывать нравственное вліяніе на своихъ товарищей, предававшихся пьянству. Существованіе общества было непродолжительно и, какъ кажется, не принесло ожидаемой отъ него пользы; но уже самый фактъ его появленія достаточно обрисовываетъ господствовавшее тогда въ полку настроеніе [2]).

Стараясь отвлечь нижнихъ чиновъ отъ корчмы и трактира, генералъ Каталей поощрялъ все то, что могло служить для нихъ полезнымъ и пріятнымъ развлеченіемъ въ часы досуга; онъ любилъ солдатскія игры, пѣсни и пляску; по его приказанію въ ротахъ были образованы хоры пѣсенниковъ, заведены незатѣйливые солдатскіе музыкальные инструменты: бубны, скрипки, колокольчики и дудки; появились отличные плясуны. Будучи самъ малороссомъ, Василій Васильевичъ любилъ особенно малороссійскія пѣсни и даже составилъ отдѣльный хоръ изъ пѣсенниковъ малороссовъ. Онъ говорилъ, что пѣсня веселитъ солдата, заставляетъ его забывать служебныя невзгоды, разбиваетъ тоску по родинѣ и, главное, отвлекаетъ отъ пьянства и разгула.

Будучи самъ строго нравственнымъ и религіознымъ, Василій

---

[1]) Приказъ по полку, отъ 30 января 1867 года.

[2]) Изъ разсказовъ Н. Ф. Нандельштедта и П. П. Логинова.

Васильевичъ радовался всякому проявленію этихъ качествъ въ средѣ своихъ подчиненныхъ. Однажды онъ зашелъ въ полковую церковь, гдѣ, по просьбѣ трехъ солдатъ, священникъ служилъ молебенъ; всѣ они молились съ большимъ усердіемъ. „Я былъ тронутъ ихъ молитвой,—писалъ Каталей въ приказѣ того дня,— и самъ молился о дарованіи имъ благополучія въ службѣ и въ жизни. По окончаніи молебна, спрашиваю одного изъ нихъ, по какому случаю просили они отслужить молебенъ: не именинникъ-ли кто изъ нихъ?“

— „Нѣтъ, отвѣчалъ солдатъ, —такъ, по нашему усердію.“

„Если-бы побольше было въ полку такихъ добрыхъ, богобоязненныхъ людей,—читаемъ дальше въ приказѣ,— поменьше было-бы подсудимыхъ и разврата. Я увѣренъ, что молившіеся вышли изъ церкви съ отрадой въ душѣ, готовые на все доброе. Тѣ-же, которые ищутъ утѣшенія по кабакамъ и въ присвоеніи чужой собственности, конечно, лишены душевнаго покоя“ [3]).

Пользуясь любовью всѣхъ чиновъ полка, В. В. Каталей имѣлъ на нихъ огромное нравственное вліяніе, возвысившее въ полку общій нравственный уровень.

Изъ приведеннаго очерка видно, какъ широко понималъ В. В. Каталей свою задачу. Это, однакоже, не отвлекало его отъ главныхъ цѣлей, и л.-гв. Литовскій полкъ, во все время его командованія, по строевому образованію, дисциплинѣ и внутреннему порядку стоялъ вполнѣ на высотѣ своего призванія.

Высочайшимъ приказомъ 30 августа 1869 г. генералъ-маіоръ Каталей былъ назначенъ и. д. начальника мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и съ зачисленіемъ по гвардейской пѣхотѣ. Тѣмъ-же приказомъ начальникъ штаба Рижскаго военнаго округа, С. Е. В. генералъ-маіоръ баронъ Корфъ, назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка, съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В. Привожу прочувствованный приказъ Каталея, при прощаніи съ Литовскимъ полкомъ:

„Я имѣлъ честь служить въ л.-гв. Литовскомъ полку 10 лѣтъ, командовалъ имъ болѣе 5 лѣтъ, служилъ въ этой дивизіи 21 годъ; поэтому, не только лучшій періодъ моей жизни, но $^2/_3$ всей моей службы

---

[3]) Приказъ по полку, отъ 16 августа 1869 г.

провелъ я въ рядахъ славной дивизіи и потому съ горестью оставляю нынѣ полкъ, который я любилъ всѣми силами души моей и считалъ родиной моей службы."

„Обращаюсь къ Вамъ, г. г. офицеры. Государю Императору благоугодно было поставить меня такъ близко къ себѣ не за личныя мои заслуги, а за то нравственное состояніе полка, за тотъ внутренній въ полку порядокъ, которые составляютъ нашу общую гордость и радость, такъ какъ всѣ мы добросовѣстно заботились объ этомъ основаніи военной службы. Моя заслуга заключается лишь въ томъ, что я постояннымъ личнымъ присутствіемъ при занятіяхъ желалъ внушить каждому изъ Васъ необходимость полюбить свою часть и заботиться о ней. Къ счастію, я совершенно успѣлъ въ этомъ и твердо вѣрю, что всѣ, служившіе со мною, будутъ всегда истинно полезными слугами Царю и Отечеству и добрыми гражданами. Отличный духъ, строго честное направленіе, любовь къ дѣлу, забота о солдатѣ, дружелюбіе между собою, сочувствіе всѣмъ моимъ по управленію полкомъ мѣрамъ—вотъ тѣ качества Ваши, которыя пріобрѣли навсегда глубокое мое къ каждому изъ Васъ уваженіе, мою ничѣмъ неизлѣчимую печаль при разлукѣ съ Вами, которыя, наконецъ, оцѣнены и Государемъ Императоромъ, осчастливившимъ меня вензелемъ Имени Своего [4]).

Приказъ этомъ можетъ служить наилучшей характеристикой общества литовскихъ офицеровъ того времени, весьма цѣнной уже по одному тому, что она сдѣлана человѣкомъ высоко-честнымъ и никогда никому не льстившимъ.

Дальнѣйшій нашъ разсказъ, до начала послѣдней русско-турецкой войны, по необходимости будетъ имѣть характеръ перечня важнѣйшихъ событій, до полка относящихся, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Подробную характеристику полковыхъ командировъ и офицеровъ, которые, конечно, еще живы, мы находимъ неудобнымъ производить теперь и предоставляемъ это будущему историку л.-гв. Литовскаго полка.

Въ ноябрѣ 1870 года весь полкъ вооруженъ винтовками системы Крынка, при чемъ было приступлено къ систематическому

---

[4]) Приказъ 18 сентября 1869 года.

обученію, какъ обращаться съ ними. Тогда-же изданы правила сбереженія винтовокъ и учреждена должность ротнаго инструктора въ званіи унтеръ-офицера. Въ декабрѣ того-же года бароном *Меллеръ-Закомельскимъ* одобрены и напечатаны для руководства въ дивизіи записки для учебныхъ командъ, составленныя прапорщикомъ нашего полка *Ратке*, заключавшія въ себѣ правила внутренней и гарнизонной службы, дисциплинарный уставъ, свѣдѣнія по части военно-судной, о поступленіи на службу и прохожденіи ея нижними чинами, о солдатскомъ довольствіи и т. п. Въ приказѣ по дивизіи составителю руководства, прапорщику Ратке, была объявлена благодарность.

Въ началѣ 1871 года, по представленію Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерскаго званія было высочайше разрѣшено посѣщать театры и ѣздить въ экипажахъ. Въ томъ-же году, въ половинѣ іюля, Варшава была осчастливлена посѣщеніемъ Государя. Л.-гв. Литовскій полкъ въ это время, какъ и въ предыдущіе годы, стоялъ лагеремъ на площадкѣ близъ казармъ, противъ ботаническаго сада, между аллеями Уяздовскою и Шуха, и участвовалъ во всѣхъ смотрахъ въ высочайшемъ присутствіи [5]). 19-го іюля, при отъѣздѣ изъ Варшавы, Его Величество изволилъ милостиво проститься съ офицерами полка, собранными передъ лагеремъ.

„Благодарю Васъ, господа, за вашу службу, за ваше всегдашнее усердіе. Душевно радъ, что видѣлъ полкъ въ этомъ году такимъ же молодецкимъ, какъ и въ прошедшемъ, и надѣюсь, что и впредь такъ будетъ.“

---

[5]) На этомъ мѣстѣ л.-гв. Литовскій полкъ располагается лагеремъ ежегодно, начиная съ 1862 года. Въ самый разгаръ польскаго возстанія, въ 1863 году, по распоряженію начальства всѣ полки 3-й гвард. пѣхот. дивизіи были расположены лагеремъ на плацахъ или площадкахъ, ближайшихъ къ ихъ казармамъ, что и было принято за правило до устройства общаго лагеря для трехъ младшихъ полковъ дивизіи на Мокотовскомъ полѣ. Л.-гв. Литовскій полкъ и послѣ устройства этого лагеря оставленъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ по особому высочайшему повелѣнію, лично объявленному барону *Меллеръ-Закомельскому* въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ II. Одобривъ проэктъ лагеря для трехъ полковъ дивизіи, Государь изволилъ высказать при этомъ слѣдующее желаніе: „Но Я надѣюсь, что вы оставите Мнѣ Литовскій на прежнемъ его мѣстѣ.“ Желаніе покойнаго Государя свято исполняется и до-нынѣ.

На станціи желѣзной дороги Государь еще разъ повторилъ: „Благодарю Моихъ литовцевъ.“

Въ іюлѣ 1872 г. генералъ-фельдмаршалъ графъ *Бергъ* назначенъ вторымъ шефомъ л.-гв. Литовскаго полка. Этимъ назначеніемъ Государю благоугодно было ознаменовать шестидесятилѣтній юбилей служенія этого государственнаго человѣка въ офицерскихъ чинахъ [6]).

Въ началѣ января 1874 года въ Петербургѣ скончался главнокомандовавшій войсками варшавскаго военнаго округа, генералъ-фельдмаршалъ графъ *Бергъ*, второй шефъ л.-гв. Литовскаго полка. Для участія въ погребеніи покойнаго отъ полка отправлена была депутація, состоявшая изъ командира Е. В. роты, шт.-кап. графа *О'Рурка*, унтеръ-офицера той-же роты *Пожальчука* и рядоваго *Николаева*.

Въ томъ-же году, высочайшимъ приказомъ отъ 17 апрѣля, баронъ Андрей Николаевичъ *Корфъ* назначенъ командующимъ 11-ю пѣхот. дивизіею, а командующимъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ назначенъ командиръ л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества батальона, флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Аристофенъ. 10-го мая происходило на Уяздовской площади представленіе полка новому командиру. Свой послѣдній приказъ, отъ 9 мая, баронъ Андрей Николаевичъ закончилъ слѣдующими словами:

„Завтра сдаю я полкъ вновь назначенному командиру. Подписывая въ послѣдній разъ приказъ по полку, я хочу, чтобы послѣднимъ словомъ въ этомъ приказѣ была моя сердечная благодарность г.г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ полка за тѣ $4^1/_2$ года, которые я такъ отрадно прожилъ съ полкомъ.

„Благодарю всѣхъ за службу и за дружбу.“

„Пока живъ буду, буду носить въ сердцѣ своемъ любовь къ дорогимъ литовцамъ и надѣюсь дожить до того дня, когда прежняя боевая слава полка снова прогремитъ въ новыхъ побѣдахъ надъ врагами нашего Государя и Отечества.“

---

[6]) О назначеніи этомъ объявлено въ приказѣ по полку, отъ 27 іюля 1872 г.

Этому сердечному желанію барона Корфа вскорѣ суждено было осуществиться...

Вскорѣ затѣмъ, въ приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа, барону Корфу была объявлена благодарность командовавшаго войсками, графа Коцебу, за его труды по командованію Литовскимъ полкомъ и заботливость о Николаевскомъ пріютѣ солдатскихъ дѣтей, коего онъ былъ предсѣдателемъ.

12-го декабря 1874 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о снабженіи нижнихъ чин. гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій малокалиберными винтовками.

Лагерное время 1875 года было особенно знаменательно для литовцевъ. 17-го іюня Государь пріѣхалъ въ Варшаву и въ тотъ-же день произвелъ на Мокотовскомъ полѣ парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ близъ Варшавы. 20-го происходилъ смотръ стрѣльбы линейныхъ ротъ, 21-го—двухсторонній маневръ всѣмъ войскамъ, 22-го—смотръ стрѣльбы стрѣлковыхъ ротъ, и все въ высочайшемъ присутствіи. 22-го же Государь вызвалъ л.-гв. Литовскій полкъ по тревогѣ, остался вполнѣ доволенъ и осчастливилъ полкъ зачисленіемъ въ его списки Наслѣдника Цесеревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича. На телеграмму, посланную барономъ Арпсгофенымъ августѣйшему Шефу полка съ донесеніемъ объ этомъ, Его Высочество отвѣтилъ:

„Покорнѣйше благодарю за сообщеніе радостной вѣсти. Привѣтствую васъ, г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ монаршимъ благоволеніемъ, выраженнымъ столь лестнымъ образомъ нашему полку.“

Генер.-адъют. графъ Коцебу въ то-же время былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Волынскаго полка.

Въ январѣ 1876 года, на основаніи приказа по военному вѣдомству, въ полкахъ 1-й, 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій приступлено къ формированію четвертыхъ стрѣлковыхъ ротъ. Въ Литовскомъ полку первымъ командиромъ 4-й стрѣлковой роты былъ поручикъ Урнежевскій; унтеръ-офицеры и ефрейторы назначены изъ трехъ другихъ стрѣлковыхъ ротъ, рядовые же частію изъ стрѣлковыхъ, частію изъ линейныхъ ротъ полка. Недоставшее число пополнено новобранцами. Изъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й стрѣлко-

выхъ ротъ предписано было сформировать четвертые батальоны. Четвертому батальону л.-гв. Литовскаго полка дано знамя 4-го батальона л.-гв. Литовскаго резервнаго полка, расформированнаго въ 1856 году; знамя доставлено изъ С.-Петербурга въ Варшаву въ декабрѣ 1875 года.

Въ 1876 году Государь также посѣтилъ Варшаву. Пріѣздъ Его Величества состоялся 18-го августа вечеромъ, а отъѣздъ утромъ 26-го. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ обычныхъ парадовъ и смотровъ, Государь изволилъ произвести ученье 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, вызвавъ ее по тревогѣ. Сначала Его Величество поднялъ по тревогѣ л.-гв. Литовскій полкъ и лично привелъ его на Мокотовское поле, а затѣмъ вызвалъ остальные полки дивизіи, послѣ чего происходило ученье въ высочайшемъ присутствіи. Прощаясь съ офицерами полка при отъѣздѣ, Государь сдѣлалъ намекъ на возможность близкой войны и выразилъ увѣренность, что по требованію Его литовцы не остановятся ни передъ какими жертвами.

6-го ноября того-же года праздновалось совершеннолѣтіе Шефа полка, Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго. Къ этому дню, по высочайшему повелѣнію, отъ полка отправлена въ г. С.-Петербургъ депутація, для поздравленія Его Высочества, въ которой, кромѣ командира полка барона Аристофена, принимали участіе: командиръ роты Его Высочества, капитанъ Логиновъ, полковой адъютантъ, поручикъ Полторжицкій и фельдфебель Его Высочества роты, Щерба. Въ день празднованія въ полковой церкви отслужено было благодарственное молебствіе, а вскорѣ затѣмъ получено радостное извѣстіе о новой монаршей милости—зачисленіи въ списки полка Августѣйшаго Родителя нашего Шефа, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Его Высочество извѣстилъ о томъ полкъ слѣдующею телеграммою:

„Сегодня, въ день рожденія и присяги вашего Шефа, Его Величеству благоугодно было осчастливить меня зачисленіемъ въ славный л.-гв. Литовскій полкъ. Я счастливъ и горжусь, что ношу теперь мундиръ столь славнаго полка.“

Два дня спустя, въ день полковаго праздника, Государь осчастливилъ полкъ слѣдующей телеграммой:

„Поздравляю литовцевъ съ полковымъ праздникомъ и съ зачисленіемъ Мною въ полкъ отца вашего шефа; повторяю мое спасибо за всегда вѣрную и усердную службу.“

Поздравительныя телеграммы были получены также отъ Шефа и другихъ Августѣйшихъ Особъ.

Сочувствіе къ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ и Сербской войнѣ, составлявшей собою какъ бы прелюдію войны Русско-Турецкой, выразилось въ полку весьма осязательнымъ образомъ. Четверо изъ офицеровъ полка, а именно: поручикъ Р. Н. Флейшеръ и подпоручики В. В. Ивановъ, М. Н. Левашевъ 2-й и В. Е. Лазо [7]), оставили полкъ и отправились на театръ военныхъ дѣйствій, въ самый разгаръ ихъ, въ августѣ 1876 года.

Офицеры эти принимали замѣтное участіе въ сраженіяхъ, а одинъ изъ нихъ поплатился даже жизнью; поэтому было-бы непростительно не упомянуть вкратцѣ объ этомъ эпизодѣ.

По прибытіи въ Бѣлградъ добровольцы наши были немедленно зачислены въ сербскую службу: Флейшеръ — капитаномъ 1 класса, Ивановъ и Левашевъ — капитанами 2 класса, а Лазо — поручикомъ, и опредѣлены въ Тимокско-Моравскую армію генерала Черняева. На слѣдующій же день, послѣ пригонки обмундированія въ Бѣлградской цитадели, они выѣхали въ главную квартиру арміи, которая въ то время, послѣ алексинацкихъ неудачъ, перешла въ Делиградъ, куда и прибыли 26-го августа. Отсюда они были немедленно отправлены въ Рудницкую бригаду, занимавшую позицію у Кревета, въ густомъ дубовомъ лѣсу. Флейшеръ и Левашевъ были назначены въ Качарскій, а Ивановъ и Лазо въ Черногорскій батальоны этой славной бригады, которая уже побывала въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и успѣла потерять половину своихъ офицеровъ. Черезъ два дня капитанъ Флейшеръ получилъ отъ главнокомандовавшаго предписаніе принять начальство надъ войсками, занимавшими Креветъ и Каонаки, сформировать штабъ и немедленно приступить къ укрѣпленію

---

[7]) Послѣдній въ то время числился по армейской пѣхотѣ, хотя и былъ прикомандированъ къ полку. Переводъ его въ полкъ состоялся въ бытность его въ Сербіи.

позиціи. Отрядъ въ то время состоялъ изъ трехъ батальоновъ Рудницкой бригады и двухъ горныхъ орудій. 16-го сентября, по рѣшенію военнаго совѣта, позиція была усилена еще 12 батальонами и двумя батареями, и всѣмъ этимъ войскамъ было приказано перейти въ наступленіе, занять впереди-лежащую высоту, на которой засѣли войска Сулеймана-паши, и во чтобы то ни стало установить тамъ 2 горныхъ орудія. Вылазка эта имѣла цѣлью отвлечь часть турецкихъ силъ и тѣмъ облегчить главную атаку сербовъ на правомъ флангѣ. (Креветъ находился почти въ центрѣ).

Креветскій отрядъ демонстрировалъ 16-го сентября вполнѣ удачно, занялъ послѣ жаркаго дѣла турецкую высоту и передовыя укрѣпленія и продержался тамъ до самаго вечера, но вслѣдствіе неудачнаго исхода главной атаки долженъ былъ отойти на свою позицію. Въ этотъ день погибъ геройскою смертію подпоручикъ Левашевъ. По своему желанію, онъ при наступленіи командовалъ правымъ флангомъ и во главѣ Качарскаго батальона бросился на турецкія траншеи. Во время одной изъ перебѣжекъ онъ былъ раненъ пулей въ руку, наскоро перевязалъ рану носовымъ платкомъ, ободрилъ замявшійся нѣсколько батальонъ и снова пошелъ съ нимъ впередъ, но передъ самой траншеей былъ убитъ на-повалъ пулею въ грудь. Батальонъ занялъ траншеи. Тѣло Левашева, вынесенное изъ боевой линіи батальоннымъ священникомъ, было погребено вмѣстѣ съ другими въ братской могилѣ. Два дня спустя, капитанъ Флейшеръ приказалъ раскопать могилу; трупъ Левашева былъ узнанъ по образку, подаренному товарищами-литовцами при отправленіи на войну, и торжественно похороненъ въ дер. Каонаки, въ саду сельской школы [8]). Послѣ 18 сентября Креветская позиція была усилена до 21 батальона пѣхоты, 8 батарей и эскадрона кавалеріи. Въ такомъ составѣ отрядъ держался на Креветѣ до 6-го октября, а затѣмъ, вслѣдствіе отступленія всей линіи, отошелъ къ Каонакамъ, гдѣ держался до 18 октября, т. е. до джюнисской ката-

---

[8]) Впослѣдствіи сербы разсказывали, что послѣ джюнисской катастрофы турки заняли Каонаки, разрыли могилу Левашева и выбросили его бренные останки.

строфы. Въ этотъ день Флейшеръ, Ивановъ и Лазо принимали дѣятельное участіе въ сраженіи, такъ какъ Каонаки прилегаютъ къ Джюниссу. 22-го октября было заключено перемиріе съ турками. Въ полкъ офицеры наши возвратились во второй половинѣ ноября [9]).

---

[9]) Замѣтки участника сербской войны Р. Н. Флейшера.

ГЛАВА XXVII *).

(1877).

Признаки войны: командированіе чиновъ полка въ составъ конвоя Его Величества и въ Кавказскую армію. — Мобилизація полка и выступленіе изъ Варшавы. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Фратешти.—Первые переходы за Дунаемъ. — Переходъ черезъ Горный Студень и встрѣча полка Государемъ. — Стоянка въ Эски-Баркачѣ.—Телишъ.—Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ входитъ въ линію обложенія Плевны.—Постройка редута Мирковича. — Караулы въ траншеяхъ на Волынской горѣ. Постройка редута Старынкевича.— Бивачная жизнь подъ Плевной. — Ночь наканунѣ сдачи Плевны. — Дѣйствія л.-гв. Литовскаго полка 28 ноября. — Трофеи полка въ этотъ день.

12-го апрѣля 1877 года послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей, восторженно встрѣченный всей Россіей, и въ тотъ-же день войска дѣйствующихъ армій перешли границу на Кавказѣ и въ Румыніи. Войска же варшавскаго военнаго округа оставались пока на мирномъ положеніи. Въ первыхъ числахъ мая въ полку получено было распоряженіе командировать 1 унтеръ-офицера, 1 музыканта и 16 нижнихъ чиновъ въ составъ почетнаго конвоя Его Величества, а въ половинѣ іюня уже прочтена была телеграмма Государя объ участіи пѣхотной полуроты этого конвоя въ переправѣ черезъ Дунай:

„Представители гвардіи вполнѣ оправдали Мое довѣріе; имъ досталась почти исключительно штыковая работа; они показали себя героями; но зато изъ пѣхотной полуроты, участвовавшей въ дѣлѣ, убито не мало.“

---

*) Разсказъ объ участіи полка въ послѣдней кампаніи составленъ нами по неизданнымъ запискамъ трехъ нашихъ однополчанъ; капитана Федорова и поручиковъ Евдокимова и Поспѣлова.

Въ половинѣ лѣта Великій Князь Михаилъ Николаевичъ просилъ Государя командировать на Кавказъ офицеровъ гвардіи; вслѣдствіе чего послѣдовало высочайшее повелѣніе о командированіи отъ всѣхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ по 4 офицера въ составъ Кавказской арміи. Изъ Литовскаго полка назначены были штабсъ-капитаны Урнежевскій и Сахновскій, поручики Брунъ и Машлыкинъ. Всѣ они, послѣ непродолжительныхъ сборовъ, 28 іюня, выѣхали изъ Варшавы, напутствуемые пожеланіями однополчанъ и знакомыхъ. Изъ Тифлиса они были отправлены въ Игдырь, гдѣ былъ расположенъ штабъ Эриванскаго отряда и куда прибыли 14-го іюля; а затѣмъ всѣ четверо были назначены въ 73 пѣхотный Крымскій полкъ, расположенный въ то время на Арговскомъ посту, близь Арарата. Крымцы приняли нашихъ офицеровъ радушно; а по приказанію командира бригады, генералъ-маіора Броневскаго, всѣ наши офицеры получили роты; но не такъ радушно встрѣтила ихъ перемѣна климата, и почти всѣ они на первыхъ порахъ заболѣли лихорадкой. Съ Крымскимъ полкомъ литовскіе офицеры участвовали въ отступленіи къ Игдырю, а затѣмъ въ передвиженіи къ Абазгельскому перевалу, гдѣ Крымскій полкъ часто находился въ рекогносцировкахъ, сопровождавшихся перестрѣлками. Затѣмъ Крымскій полкъ снова былъ отведенъ къ Игдырю, вблизи котораго и расположился лагеремъ, ввиду турокъ. Во время этой стоянки, получено было распоряженіе о возвращеніи гвардейскихъ офицеровъ къ своимъ частямъ, вызванное мобилизаціей гвардіи. Въ началѣ сентября наши офицеры выѣхали въ обратный путь, но къ полку присоединились въ разное время уже подъ Плевной [1]).

Относительно полученія извѣстій съ театра войны на Дунаѣ, полкъ находился въ благопріятныхъ условіяхъ. Одинъ изъ офицеровъ полка, капитанъ Логиновъ, занималъ должность старшаго адъютанта въ полевомъ штабѣ и имѣлъ возможность телеграфировать въ полкъ о всѣхъ выдающихся событіяхъ войны. Такимъ путемъ литовцы своевременно узнали о переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай и о подвигахъ ихъ товарищей, находившихся въ конвоѣ Его Величества. П. П. Логиновъ сообщилъ также полку извѣстіе о по-

---

[1]) Замѣтки С. Н. Урнежевскаго.

жалованіи Августѣйшему его Шефу ордена Св. Георгія 4-й степени, за отличіе при переправѣ, что дало возможность литовцамъ своевременно поздравить съ тѣмъ Его Высочество.

Объявленіе мобилизаціи застало л.-гв. Литовскій полкъ среди мирныхъ занятій въ то время, когда онъ былъ расположенъ лагеремъ на площадкѣ передъ Уяздовскими казармами, безъ всякой надежды на возможность принять участіе въ войнѣ. Обыденный характеръ занятій въ то время далеко не соотвѣтствовалъ тому необыкновенному настроенію, въ которомъ находились всѣ чины полка; борьба съ Турціей занимала все ихъ вниманіе; всѣ напряженно слѣдили за ея ходомъ, съ восторгомъ привѣтствуя каждый успѣхъ нашей доблестной арміи. Не только офицеры, но и нижніе чины отдавали весь свой досугъ разсказамъ о войнѣ. Чтобы удовлетворить любопытство послѣднихъ, выражавшееся въ разспросахъ, обращаемыхъ ими къ офицерамъ, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ стали даже выписывать для своихъ ротъ газеты.

Незадолго до приведенія на военное положеніе было получено приказаніе готовиться къ мобилизаціи, вызвавшее всеобщую радость. Но радость эта перешла въ безграничный восторгъ, когда въ полку полученъ былъ отзывъ начальника штаба варшавскаго военнаго округа, отъ 22-го іюля, въ которомъ сообщалось высочайшее повелѣніе о приведеніи на военное положеніе всего гвардейскаго корпуса, со включеніемъ варшавскаго гвардейскаго отряда, о сформированіи запасныхъ батальоновъ и маршевыхъ эскадроновъ и о призывѣ съ этою цѣлью запасныхъ нижнихъ чиновъ. Восторженное „ура“ было отвѣтомъ на поздравленія начальствовавшихъ лицъ съ этимъ радостнымъ событіемъ. Слова командира бригады, генерала Философова, которыми онъ закончилъ поздравительную рѣчь къ полку, были особенно памятны. „Отечество не въ опасности; но честь Отечества въ опасности,—какъ намъ не справиться съ Турками?! Пойдемъ и справимся!“ Радостное и долго неумолкавшее „ура“ было на нихъ отвѣтомъ.

Со дня объявленія мобилизаціи въ полку закипѣла лихорадочная дѣятельность; въ небольшой промежутокъ времени предстояло сдѣлать много; работы хватало для всѣхъ, и никто не сидѣлъ безъ дѣла. Полковыя мастерскія были завалены работой, не прекра-

щавшейся даже и по праздникамъ. Расходъ нижнихъ чиновъ въ ротахъ увеличился настолько, что нерѣдко не оставалось ни одного свободнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ это время потребовалось много людей для сформированія разныхъ командъ и кадровъ для запаснаго батальона. Такъ напримѣръ, капитанъ Сиверскій съ нѣсколькими нижними чинами былъ командированъ въ Тамбовъ для пріема и покупки лошадей; нѣсколько нижнихъ чиновъ были командированы въ распоряженіе С.-Петербургскаго гренадерскаго полка капитана Иванова, для принятія запасныхъ нижнихъ чиновъ. Въ составъ дивизіоннаго лазарета отъ л.-гв. Литовскаго полка былъ назначенъ поручикъ Вестенрикъ 2-й и 23 рядовыхъ (1 писарь, 6 служителей, 2 мастеровыхъ и 14 обозныхъ). Подпоручикъ Яроцкій назначенъ командиромъ роты носильщиковъ, въ составъ которой назначено отъ полка 53 человѣка. Наконецъ, выдѣлены были кадры запаснаго батальона, въ составѣ 1-го штабъ-офицера, 6-ти оберъ-офицеровъ, 57 строевыхъ и 2 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ [2]).

Вскорѣ было получено приказаніе принять изъ Александровской цитадели боевые комплектные патроны, по 120 на каждое ружье, и приступить къ отточкѣ холоднаго оружія, т. е. штыковъ и тесаковъ. Одновременно съ этимъ старшій полковой врачъ приступилъ къ медицинскому осмотру нижнихъ чиновъ, какъ служившихъ въ полку, такъ и прибывшихъ изъ запаса, для выдѣленія неспособныхъ къ службѣ. Результатомъ этого было увольненіе на родину 58 слабыхъ.

23 іюля прибыла въ полкъ первая партія запасныхъ нижнихъ чиновъ, что продолжалось затѣмъ почти ежедневно во все время мобилизаціи. Командиръ полка лично разбивалъ вновь прибывшихъ по ротамъ, на которыхъ лежала трудная обязанность приведенія ихъ въ надлежащій воинскій видъ. Прибывали кавалеристы, артиллеристы, хоровые музыканты, барабанщики, лазаретные служи-

---

[2]) Командиромъ запаснаго батальона былъ назначенъ полковникъ баронъ Икскуль. Капитаны: Вильгельмъ и Бараніусъ и штабсъ-капитаны: фонъ-Фестъ и Гавеманъ назначались на должности ротныхъ командировъ этого батальона; поручикъ Фургельмъ и подпоручикъ Рябинкинъ должны были занять штабныя должности.

теля, мастеровые и т. п.—матеріалъ крайне неудобный для пѣхотнаго строя—и требовали со стороны офицеровъ большихъ трудовъ и усилій. Нужно, однакожъ, отдать справедливость въ томъ, что во всѣхъ нижнихъ чинахъ, призванныхъ изъ запаса, было замѣтно рвеніе усвоить все нужное солдату и не отстать отъ своихъ младшихъ товарищей, на которыхъ они смотрѣли съ какою-то гордостью, какъ люди, несущіе вторичную службу. Это рвеніе было причиной того, что вскорѣ офицеры чинамъ запаса отдавали предпочтеніе передъ людьми младшихъ сроковъ службы. По мѣрѣ поступленія въ роты, вновь прибывшіе снабжались тамъ всѣмъ необходимымъ по положенію военнаго времени; затѣмъ начиналось одиночное обученіе ихъ и ознакомленіе съ новымъ оружіемъ, котораго многіе изъ нихъ еще не видѣли; наконецъ, приступлено было къ занятіямъ полевымъ, т. е. къ ученьямъ ротнымъ и батальоннымъ, аванпостной службѣ, саперным работамъ и т. п.

Въ теченіе мѣсяца полкъ принялъ въ свой составъ 1475 запасныхъ нижнихъ чиновъ, изъ нихъ—215 унтеръ-офицеровъ и 1260 рядовыхъ, что дало возможность считать за норму 42 ряда въ полуротѣ, при 20 унтеръ-офицерахъ на роту. Число офицеровъ также увеличилось переводомъ двухъ офицеровъ изъ другихъ частей и производствомъ одного изъ портупей-юнкеровъ и восьми изъ военно-учебныхъ заведеній (пажескаго корпуса и трехъ военныхъ училищъ) [3]).

21-го августа отслуженъ полками дивизіи напутственный молебенъ на Уяздовскомъ плацу, при чемъ въ строй было выведено по 80 рядовъ въ ротѣ при полномъ числѣ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Послѣ молебна командовавшій войсками варшавскаго военнаго округа, ген.-адъют. графъ Коцебу, объѣзжалъ войска и поздравлялъ ихъ съ походомъ:

„Я не только надѣюсь—сказалъ онъ литовцамъ—но и вполнѣ увѣренъ, что литовцы въ предстоящемъ походѣ и, если приведетъ

---

[3]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о мобилизаціи полка, особенно въ хозяйственномъ отношеніи (комплектованіе лошадьми, организація медицинской части, мѣры санитарныя и т. п.), помѣщены въ неизданномъ трудѣ г. Поспѣлова: „Описаніе мобилизаціи л.-гв. Литовскаго полка.“

Богъ, такъ и въ бою, будутъ тѣми-же молодцами, какими я привыкъ ихъ видѣть на учебномъ полѣ.“ Оглушительное и долго неумолкавшее „ура“ было отвѣтомъ на эти слова.

25-го августа въ приказѣ по полку объявлено было раздѣленіе полка на 6 эшелоновъ для движенія по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ, въ теченіе двухъ дней, 29 и 30 августа, полкъ оставилъ Варшаву и двинулся по маршруту на Брестъ, ст. Здолбуново, ст. Жмеринку, ст. Раздѣльную, г. Кишиневъ и Унгены. По румынской территоріи полкъ двигался черезъ г. Яссы, ст. Текучъ, г. Бухарестъ и утромъ 9 сентября достигъ мѣстечка Фратешти, конечнаго пункта румынской желѣзной дороги.

Проведя ночь на бивакѣ, утромъ 10 сентября полкъ двинулся въ д. Путенги. Такъ какъ по случаю сильныхъ жаровъ въ полку было много отсталыхъ, то и рѣшено на будущее время выступать послѣ полудня. Поэтому на слѣдующій день полкъ прибылъ на мѣсто ночлега въ с. Бригадиръ въ часъ ночи. 12-го сентября совершонъ былъ переходъ въ *Зимницу*; выступивъ въ 4 часа по-полудни, полкъ прибылъ въ Зимницу только въ 3 часа по-полуночи, благодаря внезапно наступившему ненастью, и получилъ приказаніе стать бивакомъ на одномъ изъ острововъ Дуная. 14-го сентября литовцы перешли Дунай по мосту, при радостныхъ крикахъ „ура,“ и поздно вечеромъ достигли д. Акчаиръ, сильно пострадавшей отъ Турокъ. 15-го сентября въ Акчаирѣ начальникъ дивизіи, ген. Каталей произвелъ смотръ полку и остался имъ вполнѣ доволенъ. 16-го приказано было перейти къ с. Овчей-Могилѣ. Неподалеку отъ Горпаго-Студня полкъ былъ встрѣченъ сначала своимъ Августѣйшимъ Шефомъ, а потомъ Великимъ Княземъ Главнокомандовавшимъ, который объявилъ радостную вѣсть, что Государю Императору угодно видѣть полкъ при переходѣ черезъ это селеніе. Въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины рядами полкъ прошелъ мимо Государя, при чемъ Его Величество изволилъ милостиво привѣтствовать и хвалить каждый батальонъ. Выразивъ свое удовольствіе по поводу отличнаго состоянія полка, Государь тутъ-же произвелъ Шефа, Великаго Князя Николая Николаевича младшаго, въ слѣдующій чинъ полковника. Ободренные милостивымъ словомъ Монарха, литовцы продолжали путь къ с. Овчая-Могила. Восьмидневная бивачная

стоянка у этого селенія не пропала даромъ: производились ежедневно ученья; при маневрированіяхъ батальона противъ батальона, провѣрялась аванпостная служба. Завѣдывающій оружіемъ произвелъ въ ротахъ осмотръ ружей. Одежда и обувь, нѣсколько уже пострадавшія отъ ненастья и похода, исправлены.

Въ ночь съ 23-го на 24-е сентября получено было экстренное приказаніе слѣдовать далѣе по направленію къ г. Плевнѣ. Первый переходъ къ с. Вино остался надолго въ памяти у всѣхъ. У с. Волчьи-Ямы дорога, идущая по краю обрыва, была такъ плоха, что не представилось никакой возможности перевезти артиллерію. Застрявшее орудіе загородило дорогу, и полкъ долженъ былъ провести ночь въ грязи, подъ проливнымъ дождемъ. Обозъ, конечно, отсталъ и потому у нижнихъ чиновъ не было ничего, кромѣ сухарей и соли, а у офицеровъ—ровно ничего. Блуждая по грязи подъ дождемъ, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ случайно наткнулись на костеръ, разведенный въ лощинѣ у дороги, вокругъ котораго сидѣли нѣсколько человѣкъ; можно себѣ представить изумленіе ихъ, когда въ одномъ изъ сидѣвшихъ они узнали Донъ-Карлоса. Принцъ также выразилъ свое удивленіе, говоря, что до сихъ поръ не считалъ возможнымъ узнать по фотографической карточкѣ человѣка, котораго никогда не видѣлъ въ лицо. Онъ былъ очень любезенъ, представилъ литовцамъ своихъ адъютантовъ; разсказывалъ о положеніи русскихъ войскъ подъ Плевной, откуда самъ ѣхалъ; удивлялся мужеству нашего солдата, хвалилъ лошадей нашей артиллеріи и въ заключеніе роздалъ на память свои фотографическія карточки и записалъ въ свою памятную книжку фамиліи всѣхъ офицеровъ, съ которыми его случайно свела судьба.

На другой день, исправивъ дорогу, полкъ двинулся дальше и къ вечеру достигъ д. Вино, а 26-го перешелъ къ с. Пелишатъ. При проходѣ черезъ Порадимъ представлялся князю Карлу Румынскому, командовавшему отрядомъ обложенія Плевны, въ составъ коего входила и 3-я гвард. пѣхот. дивизія.

Переходъ отъ Пелишата къ Ралеву былъ крайне затруднителенъ, по размокшей проселочной дорогѣ, изобилующей крутыми подъемами и спусками. На слѣдующій день, 29-го сентября, полкъ поднятъ былъ по тревогѣ и двинутъ поспѣшно для захвата турецка-

го транспорта, двигавшагося по плевнинскому шоссе. Непріятельскій транспортъ успѣлъ, однакожъ, скрыться въ одинъ изъ своихъ редутовъ, а полкъ лишь къ 8 часамъ вечера достигъ Эски-Баркача, гдѣ и расположился бивакомъ. Дождь, шедшій цѣлый день, обратилъ всѣ дороги въ сплошное море грязи. Всѣ промокли до костей и не имѣли возможности обсушиться, потому что въ Эски-Баркачѣ не нашлось даже дровъ; обозъ остался далеко назади и присоединился къ полку только 4-го октября; въ теченіе всего этого времени люди питались только мясомъ и кукурузой, сваренными въ котелкахъ; хлѣба и соли не было. Холмъ, на которомъ былъ расположенъ бивакъ полка, названъ поэтому Голодной горой.

У Эски-Баркача простояли до 8 октября, а затѣмъ оба полка 1-й бригады были передвинуты обратно къ д. Ралево, гдѣ простояли до 12 числа. Въ ночь съ 11-го на 12-е получено приказаніе на утро выступить къ д. Учинъ-Долъ, расположенной противъ праваго фланга плевнинскаго укрѣпленнаго лагеря. Поэтому на слѣдующій день, послѣ напутственнаго молебна, 1-я бригада съ ея артиллеріею, подъ начальствомъ ген.-лейт. Каталея, двинулась въ указанномъ направленіи, имѣя цѣлью удержать напоръ войскъ Осман-Паши въ томъ случаѣ, если-бы онъ, послѣ паденія Горнаго Дубняка, предпринялъ вылазку съ намѣреніемъ пройти на шоссе въ Ловчу. Кромѣ того, войска 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, демонстрируя у д. Учинъ-Долъ, должны были отвлечь часть непріятельскихъ силъ отъ Горнаго-Дубняка, гдѣ въ то время кипѣлъ отчаянный бой.

Прибывъ къ Учину-Долу, л.-гв. Литовскій полкъ перестроился въ боевой порядокъ въ двѣ линіи. 3-й и 4-й батальоны, въ ротныхъ колоннахъ, имѣя впереди густыя стрѣлковыя цѣпи, составляли 1-ю линію; 1-й и 2-й батальоны, въ батальонныхъ колоннахъ изъ середины, стояли во 2-й линіи. Цѣпи первой линіи нѣсколько разъ подавались впередъ, чтобы обратить на себя вниманіе непріятеля, а артиллерія, занявшая позицію на лѣвомъ флангѣ расположенія полка, у самой деревни, сдѣлала съ тою-же цѣлью нѣсколько выстрѣловъ, но турки скрывались за укрѣпленіями и не отвѣчали.

Въ 5 часовъ командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ объѣхалъ войска, послѣ чего получено приказаніе возвратиться въ д. Ралево. 13-го бригада была передвинута къ д. Чириково, лежащей на

р. Видъ; на пути встрѣчалось много раненыхъ, шедшихъ и ѣхавшихъ изъ Горнаго-Дубняка. 14-го бригада направлена къ Горному-Дубняку, куда и прибыла къ 3 часамъ по-полудни. 16-го октября полки 1 бригады выступили къ Телишу для занятія этого пункта и къ 10 часамъ утра вышли къ обширному редуту, устроенному на восточной сторонѣ Телиша и занятому 3—4 тысячами турокъ, при 4-хъ орудіяхъ и нѣсколькихъ сотняхъ черкесовъ. Прикрываясь гребнемъ небольшой высоты, бригада перестроилась въ боевой порядокъ: Кексгольмскій гренадерскій Императора Австрійскаго — впереди, л.-гв. Литовскій—въ резервѣ. Около 11 часовъ дня турки открыли ружейную и пушечную пальбу; первая турецкая граната ударилась всего въ 10 шагахъ передъ фронтомъ нашего 4-го батальона, но къ счастію не разорвалась. Нѣсколько гранатъ перелетѣли черезъ головы. Съ нашей стороны также открыли сильный артиллерійскій огонь, дѣйствіемъ котораго въ редутѣ были зажжены шалаши. Въ 2 часа по-полудни турки выкинули бѣлый флагъ. Л.-гв. Литовскій полкъ двинулся впередъ, ожидая засады, какъ это часто случалось; на этотъ разъ турки, дѣйствительно, сдались, хотя и тутъ не обошлось безъ обмана: несмотря на бѣлый флагъ, выкипутый турками, черкесы начали быстро выбираться изъ редута по направленію къ Орханіе, и когда наша кавалерія двинулась имъ наперерѣзъ, то турецкая цѣпь открыла по ней огонь. 4-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка прогналъ эту цѣпь, но черкесы успѣли отступить къ Орханіе.

По распоряженію генер.-лейт. Каталея 1-й батальонъ былъ оставленъ въ самомъ редутѣ для сбора, сортировки, описи и сдачи оставленнаго турками имущества и провизіи. Остальные батальоны расположились бивакомъ южнѣе Телиша, гдѣ и провели весь слѣдующій день. 18-го октября, въ 6 часовъ утра, л.-гв. Литовскій полкъ, оставивъ 4-ю роту въ редутѣ, комендантомъ котораго былъ назначенъ полковникъ Бушъ, двинулся къ с. Радомирцамъ, куда прибылъ около 2-хъ часовъ по-полудни. Турокъ нигдѣ не было, но близъ Радомирца найденъ недавно брошенный турецкій лагерь съ большими запасами патроновъ и продовольственныхъ припасовъ. Шалаши и патроны уничтожены, нѣсколько укрѣпленій незначительной профили срыты, послѣ чего отрядъ возвратился на прежнее

мѣсто, къ Телишу. Вскорѣ туда-же прибылъ адъютантъ Главнокомандовавшаго и передалъ полку благодарность Его Высочества за молодецкое дѣло подъ Телишемъ.

На другой день полкъ перешелъ къ с. Крушевица: на пути получено извѣстіе, что турки ввиду нашего приближенія оставили с. Дольній-Дубнякъ и отступили къ Плевнѣ. 20-го октября л.-гв. Литовскій и Кексгольмскій гренадерскій полки подошли на ружейный выстрѣлъ къ передовымъ позиціямъ турокъ подъ Плевной и расположились на линіи такъ наз. Волынскихъ горъ. Такимъ образомъ, 1-я бригада 3-й гв. дивизіи соединилась со второю, которая, подъ начальствомъ ген.-маіора фонъ-Бремзена, въ то время уже укрѣпилась на одной изъ высотъ по правому берегу р. Вида, названной Главнокомандовавшимъ „Волынской горой."

Войдя въ линію обложенія плевнинскихъ укрѣпленій, л.-гв. Литовскій полкъ долженъ былъ прежде всего окопаться, т. е. возвести линію ложементовъ и ровиковъ для стрѣлковъ, которые поочередно занимались частями полка. Кромѣ того, 21 октября 4-й батальонъ принималъ участіе въ постройкѣ редута, возведеннаго южнѣе Волынской горы и названнаго редутомъ „Мирковича." 13-я и 16-я роты, окопавшись впереди мѣста постройки, охраняли работавшихъ волынцевъ отъ нападенія турокъ; двѣ другія роты 4-го батальона производили вспомогательныя работы; часть 14-й роты, подъ командой подпоручика Брандта, выставила впереди наблюдательные пикеты. Во все время работъ турки поддерживали усиленный ружейный и артиллерійскій огонь, но, благодаря ошибочному опредѣленію разстоянія, всѣ 124 гранаты, выпущенныя ими, дали перелеты. Къ вечеру редутъ вчернѣ былъ уже оконченъ, и 4-й батальонъ провелъ въ немъ ночь, не снимая амуниціи, безъ палатокъ и горячей пищи, подъ проливнымъ дождемъ. Только 23-го октября онъ былъ смѣненъ вторымъ батальономъ волынцевъ и отошелъ за Волынскую гору, къ берегу р. Вида. На другой день къ нему присоединились 1-й и 3-й батальоны, которые на пути были осчастливлены встрѣчею съ Государемъ, возвращавшимся послѣ объѣзда плевнинскихъ укрѣпленій въ свою главную квартиру. Поровнявшись съ головой колонны, Его Величество изволилъ остановить свою коляску, поздоровался съ литовцами и благодарилъ ихъ за дѣ-

ло 16-го октября. Громкое и задушевное „ура“ было отвѣтомъ на слово Царское.

Вечеромъ того-же дня получено было распоряженіе выслать одинъ изъ батальоновъ вправо для поддержанія связи съ отрядомъ ген.-лейт. Скобелева 2, вслѣдствіе чего 3-й батальонъ немедленно отправленъ въ Картажабенское ущелье. Участокъ 3-й гв. пѣхот. дивизіи, отъ лѣваго фланга расположенія отряда Скобелева до праваго берега Вида, былъ названъ пятымъ участкомъ обложенія Плевны. Быстро былъ разбитъ тутъ полотняный городокъ, и началась тяжелая траншейная и аванпостная служба. Такъ какъ 2-й батальонъ занималъ д. Трнинъ, а 3-й—былъ посланъ въ Картажабенское ущелье, то занятіе траншей на Волынской горѣ въ первую очередь, 25 октября, пало на 4-й батальонъ, который принялъ тамъ настоящее крещеніе огнемъ.

Волынскія траншеи шли въ двѣ линіи и въ началѣ не вездѣ имѣли достаточную глубину. Среднее разстояніе отъ первой линіи до непріятельскихъ укрѣпленій равнялось приблизительно 1500 шагамъ, но мѣстами оно не превосходило 500 шаговъ. Обыкновенно двѣ роты батальона занимали первую линію траншей, а двѣ другія роты—вторую, при чемъ отъ одной изъ ротъ второй линіи отдѣлялся взводъ въ особый ложементъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, въ сторонѣ д. Трнинъ. Смѣна ротъ первой линіи второю производилась на разсвѣтѣ ввиду того, что турки зорко слѣдили за каждымъ передвиженіемъ въ траншеяхъ.

Варка пищи производилась на бивакѣ у р. Видъ, куда караульныя роты ходили по-очередно небольшими частями, дѣлая, во избѣжаніе опасности, кружный путь. Ежедневно завязывалась перестрѣлка съ турками, ослабѣвавшая только съ наступленіемъ темноты; но она не была такъ докучлива, какъ постоянно моросившій осенній дождикъ, благодаря которому нигдѣ нельзя было найти сухаго мѣстечка.

Съ наступленіемъ темноты отъ ротъ 1-й линіи выставлялись аванпосты и секреты и высылались патрули; послѣдніе, пользуясь туманомъ, доходили вплоть до турецкихъ траншей и нерѣдко, за-

ставъ врасплохъ задремавшаго непріятельскаго часового, брали его живьемъ и приводили домой [4]).

На мѣстѣ бивака у р. Видъ оставался только 1-й батальонъ полка, но и то ненадолго. 27-го октября, на разсвѣтѣ, онъ смѣнилъ роты С.-Петерб. гренадер. полка, занимавшія редутъ „Мирковича.“ Около полудня туда пріѣхалъ ген.-адъют. Гурко, въ сопровожденіи генер.-лейтенантовъ Каталея и Скобелева 2-го. Желая видѣть, хорошо-ли обстрѣливается съ редута Мирковича ближайшій къ нему турецкій редутъ, ген.-адъют. Гурко приказалъ сдѣлать въ него два залпа, на которые турки отвѣчали десяткомъ гранатъ, непричинившихъ намъ никакого вреда. При этомъ генералъ Гурко высказалъ мнѣніе о необходимости сближенія съ противникомъ и намѣтилъ впереди сосѣднюю высоту, на которой долженъ быть возведенъ новый редутъ. Проведя ночь въ редутѣ, 1-й батальонъ, въ 7 часовъ утра 28 октября, возвратился на свой бивакъ. Всѣмъ приказано было хорошенько выспаться ввиду предстоявшей ночной работы. Въ седьмомъ часу вечера батальонъ, подъ командой полковника Буша, выступилъ съ бивака по направленію къ редуту Мирковича, но, по случаю сильнаго тумана, заблудился и принужденъ былъ остановиться. Вскорѣ получено было приказаніе расположиться бивакомъ вблизи редута Мирковича ввиду того, что туманъ не даетъ возможности различить высоту, на которой предполагалось возвести укрѣпленіе. Добравшись до назначеннаго мѣста, батальонъ составилъ ружья и расположился подъ открытымъ небомъ. Въ 2 часа ночи всѣ были разбужены страшною ружейною и орудійною пальбою: въ эту ночь Скобелевъ 2-й атаковалъ и оставилъ за собою „Зеленыя Высоты.“

---

[4]) Нерѣдко съ патрулями отправлялись и офицеры. Однажды начальникомъ патруля, составленнаго изъ 18 охотниковъ, назначенъ былъ поручикъ Флейшеръ 2-й. Патруль благополучно пробрался подъ покровомъ ночи къ непріятельскимъ шалашамъ, но былъ открытъ турками и быстро сталъ отступать, подъ сильнымъ огнемъ. Пробѣжавъ нѣсколько сотъ шаговъ, охотники залегли въ оврагѣ; турки не преслѣдовали ихъ, но осыпали градомъ пуль. Лежа въ оврагѣ, рядовой 13-й роты Мухинъ прикрылъ собою отъ выстрѣловъ поручика Флейшера и, хотя былъ раненъ въ ногу, во все время, пока продолжалась стрѣльба, не хотѣлъ открыть своего начальника. За этотъ подвигъ рядовой Мухинъ произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Съ разсвѣтомъ батальону приказано было подтянуть манерки и амуницію, для устраненія бряцанья, перебросить ружья за плечи и разобрать туры, заготовленные наканунѣ Кексгольмскимъ гренад. полкомъ и сложенные вблизи редута Мирковича.

Строго воспрещено было курить и разговаривать. Длинной вереницей, гуськомъ, съ турами за плечами, потянулись солдаты къ мѣсту работъ; въ туманѣ это шествіе походило на караванъ верблюдовъ. Тишина была полная; но, конечно, нельзя было уберечься отъ кашля и чиханья, вызывавшихъ со стороны офицеровъ мимическіе выговоры виновнымъ.

Когда роты Волынскаго полка, шедшія въ головѣ колонны, поднялись на высоту, на которой предстояло возвести редутъ, туманъ разсѣялся, и непріятель открылъ перестрѣлку; батальонъ Волынскаго полка перестроился въ боевой порядокъ и оттѣснилъ насѣдавшую цѣпь черкесовъ. Въ то-же время роты л.-гв. Литовскаго полка взбѣжали на высоту и занялись постановкой туровъ, по указанію завѣдывавшаго работами, инженеръ-полковника Старынкевича. При громѣ артиллерійской и ружейной пальбы, при свѣтѣ яркихъ лучей восходившаго солнца, придававшихъ высотамъ чудный колоритъ, работа кипѣла, и брустверъ быстро росъ.

Въ 10 часовъ утра Литовскій батальонъ былъ отведенъ въ резервъ, на полверсты за укрѣпленіе. Въ 4-мъ часу по-полудни, по приказанію ген.-маіора Мирковича, отъ этого батальона выслана была полурота, подъ командой подпоручика Евдокимова, для рубки кустарника, находившагося передъ укрѣпленіемъ, съ цѣлью доставить свободный обстрѣлъ. Въ это время редутъ былъ уже почти оконченъ, и четыре орудія стояли на платформахъ. Ружейная перестрѣлка лѣниво велась между передовою нашею цѣпью и черкесами: видимо, турки примирились съ мыслію видѣть передъ собою новый редутъ. Окончивъ свою опасную работу, полурота подпоруч. Евдокимова возвратилась въ редутъ, куда вскорѣ приведенъ былъ хоръ музыкантовъ л.-гв. Волынскаго полка. Генералъ Мирковичъ приказалъ навести орудія въ амбразуры противолежащаго турецкаго редута, а когда все было готово, взошелъ на брустверъ, поздравилъ людей съ успѣшнымъ окончаніемъ труднаго дѣла и подалъ знакъ для залпа, сопровождавшагося криками „ура“ и звуками на-

роднаго гимна. Въ отвѣтъ турки послали только одну шрапнель; но дѣйствіе ея было страшное: она вывела изъ строя весемь человѣкъ.

Къ вечеру генер. Мирковичъ отпустилъ полуроту подпоручика Евдокимова, поручивъ ему поздравить полковника Буша съ успѣшнымъ окончаніемъ работы и передать приказаніе: вести батальонъ къ биваку полка.

Вновь построенный редутъ получилъ, въ честь своего строителя, названіе редута „Старынкевича."

Въ теченіе 29 октября изъ строя 1-го батальона выбыло два человѣка: убитъ рядовой Демидъ Левченко, раненъ ряд. Дзюба, оба 3-ей роты.

1-го ноября на бивакъ возвратился и 4-й батальонъ, занимавшій Волынскія траншеи. 2-го—бивакъ объѣзжалъ Великій Князь Главнокомандующій, при чемъ Его Высочество благодарилъ литовцевъ за Телишъ и за постройку редутовъ „Мирковича" и „Старынкевича" (21 и 29 октября), прибавивъ, что за каждое дѣло имъ назначены въ полкъ знаки отличія военнаго ордена. 3-го ноября эти кресты были получены и розданы: въ 1-й и 4-й батальоны по 4, во 2-й и 3-й—по два; тринадцатый былъ именной и пожалованъ фельдшеру Пенкусовичу, отличившемуся особенною неустрашимостью при перевязкѣ раненыхъ 29 октября.

4-го ноября л.-гв. Литовскій полкъ, находившійся тогда уже въ сборѣ, принималъ на своемъ бивакѣ и угощалъ обѣдомъ Кіевскихъ гренадеровъ, двигавшихся къ Дольнему-Дубняку. 8-го ноября полкъ отпраздновалъ свой полковой праздникъ съ такимъ комфортомъ и весельемъ, какіе только были возможны при тогдашнихъ условіяхъ. Затѣмъ опять потянулась скучная и однообразная бивачная жизнь съ караулами въ траншеяхъ. 9-го—4-й батальонъ занялъ траншеи, а 1-й и 3-й принялись за устройство землянокъ, необходимость которыхъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствовалась. 10-го—1-й батальонъ строилъ редутъ на Волынской горѣ, позади траншей. Вообще около половины ноября служба сдѣлалась труднѣе: наряды въ караулы смѣнялись нарядами на работы по вязкѣ туровъ, фашинъ и проч., для чего команды ходили за 5 и болѣе верстъ, за р. Видъ, которую приходилось переходить въ бродъ.

Постройка землянокъ преобразила полковой бивакъ въ „Литовскую слободу,“ въ которой появилась и офицерская улица. Въ свободное время и хорошую погоду, подъ вечеръ, офицеры собирались у заваленокъ своихъ импровизованныхъ жилищъ, выстроенныхъ каждымъ на свой манеръ; въ дождливую-же погоду всѣ прятались по своимъ норамъ, принимая мѣры къ тому, чтобы онѣ не были затоплены водой. Заѣзжій маркитантъ, несмотря на баснословныя цѣны, имъ назначенныя, былъ всегда желаннымъ гостемъ на бивакѣ; въ часъ—два всѣ его скудные запасы раскупались нарасхватъ [5]). Обыденнымъ развлеченіемъ служила зоря съ церемоніей, производившаяся ежедневно, при всякой погодѣ. Остатокъ вечера, до 10-11 часовъ, посвящался толкамъ о переживаемыхъ событіяхъ; жажда новизны и желаніе каждаго быть первымъ вѣстникомъ того или другаго слуха и вѣрить тому, чему хотѣлось вѣрить, были причиной многихъ ложныхъ извѣстій: Османъ-паша раза два стрѣлялся, нѣсколько разъ убѣгалъ изъ Плевны, разъ десять былъ раненъ. Главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ новостей служили показанія перебѣжчиковъ и болгаръ, переходившихъ на русскія линіи.

Между 10 и 15 ноября 1-й и 3-й батальоны полка принимали участіе въ постройкѣ укрѣпленій 2-й линіи въ долинѣ Вида и на Медованскихъ высотахъ. 17-го всѣмъ войскамъ обложенія Плевны была произведена примѣрная тревога, по которой каждая часть занимала указанное ей мѣсто въ ряду укрѣпленій 2-й линіи. Л.-гв. Литовскій полкъ былъ назначенъ для занятія Медованскихъ высотъ. На слѣдующій день 3-й батальонъ строилъ редутъ на Волынской горѣ; на эту работу назначались по-очередно части отъ всѣхъ полковъ дивизіи.

Между тѣмъ, слухи о намѣреніи Османа прорваться изъ Плевны съ каждымъ днемъ становились настойчивѣе, а соотвѣтственно этому усиливалась и бдительность нашихъ войскъ. Служба въ это время была особенно трудна и велась почти безъ отдыха: работы по укрѣпленію позицій смѣнялись нарядами въ траншеи и на аванпо-

---

[5]) Во время стоянки подъ Плевною за фунтъ сахара платили отъ $2\frac{1}{2}$ до 3-хъ франковъ (около 1 р. 20 к.); то-же стоилъ и фунтъ свѣчей. Сухой пшеничный хлѣбъ, фунта въ 2 вѣсомъ, стоилъ 80 коп.

сты [6]). Приходилось бодрствовать цѣлыя сутки, и только близость ожидаемой развязки поддерживала упадающія силы и заставляла преодолѣвать всѣ трудности.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда взовьются на Медованскихъ высотахъ три сигнальныя ракеты и возвѣстятъ о началѣ отчаяннаго боя. Каждаго занимала мысль, куда направится Османъ, кому придется выдержать его отчаянный натискъ.

Съ 24-го ноября въ частяхъ войскъ ежедневно получались предостереженія о приготовленіяхъ турокъ къ прорыву, а потому полковой обозъ былъ уложенъ и въ случаѣ тревоги долженъ былъ двинуться въ д. Медованъ. Сухарныя сумки перебѣжчиковъ ясно доказывали, что Османъ-паша готовится къ вылазкѣ; онѣ были наполнены галетами, рисомъ и солью.

Ночь съ 27-го на 28-е ноября была особенно тревожна и казалась нескончаемою. Патрули и разъѣзды, посылаемые къ сторонѣ непріятеля, сообщали о необычайномъ движеніи и шумѣ колесъ, нарушавшихъ ночную тишину. Около 3-хъ часовъ по-полуночи отъ ген. Мирковича было получено свѣдѣніе, что турки оставляютъ свои передовыя позиціи и стягиваются къ р. Виду. Около 5-ти часовъ утра командовавшій полкомъ, флиг.-адъют. баронъ Аршгофенъ, вслѣдствіе приказанія начальника дивизіи, назначилъ 3-й батальонъ, подъ командой полковника Радзишевскаго, въ число шести батальоновъ 3-й гвард. дивизіи, долженствовавшихъ составить резервъ 2-й гвардейской дивизіи. Въ $5^1/_2$ часовъ 3-й батальонъ двинулся къ мѣсту назначенія, подъ общимъ начальствомъ командира 2-й бригады 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, ген.-маіора Курлова.

Въ 7 часовъ 20 минутъ утра достопамятнаго для всѣхъ 28 ноября грянулъ со стороны непріятеля первый выстрѣлъ, а за нимъ у гренадеровъ, а затѣмъ и съ Медованскихъ высотъ взвились сигнальныя ракеты. Черезъ нѣсколько минутъ звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ слились уже въ непрерывные неумолкаемые раскаты грома, и турки неудержимымъ потокомъ кинулись на позиціи гренадерскаго корпуса.

---

[6]) Съ 20 окт. по 28 ноября, т. е. въ теченіе 40 дней, 4-й батальонъ, напримѣръ, провелъ въ траншеяхъ 22 дня, въ остальные дни наравнѣ съ другими назначался на работы и за все время имѣлъ только 7 дней отдыха.

Въ это время л.-гв. Литовскій полкъ, кромѣ 3-го батальона, посланнаго въ помощь гренадерамъ, былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 1-й батальонъ—въ укрѣпленіяхъ, построенныхъ передъ д. Трнинъ; 2-й батальонъ —въ резервѣ за нимъ, по-ротно въ 2 линіи. При этихъ батальонахъ находился командовавшій полкомъ. 4-й батальонъ занималъ траншеи на Волынской горѣ.

Желая узнать, насколько ослаблены были непріятельскія силы въ траншеяхъ и редутахъ, расположенныхъ противъ д. Трнинъ и Волынской горы, начальникъ волынской позиціи, генер.-маіоръ Мирковичъ составилъ сводную роту изъ полуротъ Литовскаго и Волынскаго полковъ, подъ командой командира 15-й роты Литовскаго полка, капитана Нандельштедта, и приказалъ ей сдѣлать вылазку. Рота спустилась съ горы правѣе Волынскаго редута и двинулась къ „нейтральной горкѣ," подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, безъ выстрѣла. Приблизившись къ турецкимъ позиціямъ шаговъ на 200, капитанъ Нандельштедтъ залегъ съ ротой за разными мѣстными закрытіями и только тогда приказалъ открыть огонь по непріятельскимъ колоннамъ, пытавшимся зайти во флангъ волынской позиціи. Во время четырехчасовой перестрѣлки изъ рядовъ сводной роты выбыло 9 нижнихъ чиновъ: 1 убитъ и 8 ранены.

Одновременно съ этимъ изъ д. Трнинъ на „Сахарную голову" для рекогносцировки высланы отъ л.-гв. Литовскаго полка 7-я рота и полурота Его Высочества роты, подъ командою поручика Брупа, и 40 охотниковъ изъ л.-гв. Волынскаго полка. Части эти начали наступленіе въ 12 часовъ дня и, подойдя къ кладбищу, залегли за холмомъ и открыли огонь. Непріятель отвѣчалъ частой стрѣльбой. Перебѣгая звеньями и по-одиночкѣ, наши достигли $^3/_4$ высоты горы; когда-же замѣтили, что турки начинаютъ подаваться назадъ, то бросились съ крикомъ „ура" впередъ и заняли высоту. Поручикъ Брунъ взбѣжалъ первымъ. Въ подкрѣпленіе 7-й ротѣ посланъ былъ первый батальонъ, такъ какъ поручикъ Брунъ прислалъ сказать, что турки въ значительныхъ силахъ показались противъ „Сахарной головы." Но едва 1-й батальонъ успѣлъ пройти половину разстоянія, отдѣлявшаго его отъ 7-й роты, какъ по всей линіи послышалось побѣдное „ура," и непріятель на всѣхъ пунктахъ спѣшилъ поднять бѣлые флаги. Знаменный взводъ бросился въ ближайшій ре-

дутъ, на брустверѣ котораго и было водружено знамя батальона. Въ то-же время 4-й батальонъ, подъ команд. полковника Бялаго, вышелъ изъ своихъ траншей и безъ боя занялъ лежавшій противъ нихъ турецкій редутъ.

3-й батальонъ, входившій въ составъ резерва 2-й гренад. дивизіи, непосредственнаго участія въ бою не принималъ.

Трофеями л.-гв. Литовскаго полка въ тотъ день были: паша Гусейнъ-Авни, до 40 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 2000 солдатъ. Взято множество огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, шанцевыхъ инструментовъ, патроновъ, зарядовъ и нѣсколько орудій съ зарядными ящиками. Потери полка: убитъ 1 ряд., ранены 11 ряд. и контуженъ 1 унт.-офицеръ.

29-го ноября въ плевнинскомъ православномъ соборѣ, служившемъ складомъ патроновъ и снарядовъ и наскоро очищенномъ, было отслужено благодарственное молебствіе, въ присутствіи Государя Императора. 30-го ноября было отслужено молебствіе для войскъ 3-й гвард. пѣхотн. дивизіи, послѣ котораго генералъ Каталей благодарилъ полки за службу и поздравилъ съ походомъ къ г. Орханіе, на соединеніе съ гвардейскимъ корпусомъ.

ГЛАВА XXVIII.

Отъ Плевны до Орханіе.

2-го декабря, послѣ высочайшаго смотра, л.-гв. Литовскій полкъ, прямо съ парада двинулся въ походъ къ Орханіе, въ составѣ дивизіи. Первый небольшой переходъ къ Дольнему-Дубняку совершонъ былъ легко; тѣмъ не менѣе въ рядахъ царствовало молчаніе и серьезное настроеніе: шли къ Балканамъ; ожидали горячихъ дѣлъ и труднаго зимняго похода, которому далеко не соотвѣтствовало состояніе обмундированія солдатъ и офицеровъ. На второмъ переходѣ къ Телишу встрѣтили транспортъ раненыхъ и обмороженныхъ, шедшій изъ Орханіе; стоны несчастныхъ наводили каждаго на мысли, далеко не веселыя. Слѣдующій переходъ полка къ д. Блазеваць, какъ по разстоянію (25 в.), такъ и по качествамъ дороги можно было назвать форсированнымъ. Скверное шоссе, проходившее по гористой мѣстности, изобиловало спусками и подъемами; дождь и глинистая почва сдѣлали движеніе весьма затруднительнымъ; у каждаго моста или крутаго подъема стояло нѣсколько завязшихъ повозокъ, а иногда и орудій, для помощи которымъ требовались усилія цѣлыхъ ротъ. Люди выбивались изъ силъ, и число отсталыхъ увеличивалось. Только въ десятомъ часу вечера полкъ достигъ д. Блазеваць, гдѣ размѣщеніе по квартирамъ окончилось не ранѣе полуночи. 4-й батальонъ былъ оставленъ у входа въ деревню для прикрытія артиллеріи; но она не пришла до утра, и батальонъ напрасно провелъ ночь на бивакѣ, при весьма неблагопріятной погодѣ.

На слѣдующій день, 5 декабря, ввиду приказанія ген.-адъют. Гурко ускорить маршъ и итти безъ дневокъ, полкъ выступилъ рано, и горячая пища была вылита. При сборѣ всѣмъ бросилось въ глаза, насколько можетъ измѣниться наружность солдата отъ перехода, подобнаго предшествовавшему: сапоги и одежда до пояса были покрыты сплошною корою засохшей грязи. Переходъ къ д. Малый Болгарскій Изворъ былъ не лучше; разница заключалась только въ томъ, что, придя на мѣсто, полкъ долженъ былъ въ первый разъ ночевать на снѣгу, подъ открытымъ небомъ. Обозъ совсѣмъ отсталъ; не было ни пищи, ни спирта, ни топлива. Офицеры и нижніе чины ночевали въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ: среди поля и безъ всего.

На слѣдующій день, 6-го, получено было приказаніе: взять изъ обоза все необходимое и раздать нижнимъ чинамъ на руки; но оно не было приведено въ исполненіе потому, что обоза не было. Въ этотъ день совершонъ переходъ къ д. Правица, при условіяхъ, сходныхъ съ предыдущими. 7-го полкъ вступилъ въ Орханіе; версты за двѣ отъ города онъ былъ встрѣченъ ген.-адъют. Гурко который благодарилъ за службу подъ Плевной. Пройдя Орханіе, литовцы были сначала двинуты къ д. Врачешъ, но потомъ повернули къ д. Скрвены, безъ дорогъ и съ дурнымъ проводникомъ. Морозило. Не прошли $^1/_4$ версты въ этомъ направленіи, какъ наткнулись на быструю рѣчку; перешли ее въ бродъ выше колѣна и двинулись параллельно ея руслу. Рѣченка была извилиста, а потому разъ десять приходилось переходить ее въ бродъ. Всѣ были утомлены, перезябли и страдали отъ опухоли и боли въ ногахъ. Приходятъ, наконецъ, поздно вечеромъ въ деревню; но оказывается, что она занята л.-гв. Семеновскимъ полкомъ, а потому простояли еще часа два въ ожиданіи квартиръ.

Проведя 8-е въ Скрвенахъ, 9 декабря полкъ пришелъ въ Орханіе, гдѣ отведено было на роту по 3—4 избы. Хоть тѣсно, да тепло. Въ Орханіе командиръ полка объявилъ о предстоявшемъ переходѣ Балканъ и просилъ употребить все возможное для приведенія въ порядокъ обуви и одежды нижнихъ чиновъ. Но это не легко было исполнить, потому что никакихъ матеріаловъ не было: въ Орханіе уже болѣе мѣсяца стояли наши войска и забрали все, год-

ное для починки обуви и одежды. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе 9, 10, 11 и 12 декабря, которые полкъ провелъ въ этомъ городѣ, мундирная одежда была кое какъ заплатана и у каждаго на ногахъ было что нибудь надѣто или намотано, начиная отъ сапоговъ и болгарскихъ опанокъ и оканчивая простыми тряпками, прикрытыми сверху невыдѣланной кожей.

Въ Орханіе полкъ несъ гарнизонную службу, а на 12 декабря получено было приказаніе послать съ утра 2-й батальонъ для расчистки прохода Чмургачъ, что дало возможность этому батальону ранѣе другихъ испытать и оцѣнить трудности предстоявшаго перехода черезъ Балканы.

Прибывъ въ д. Врачешъ и взявъ тамъ шанцевые инструменты, батальонъ, предшествуемый проводникомъ, двинулся по Балканскому корридору и къ 10 часамъ достигъ того мѣста, откуда начинался подъемъ. День былъ ясный, но морозъ достигалъ 20 градусовъ. Проходъ Чмургачъ въ началѣ былъ не очень крутъ и, представляя собою тропинку шириною около двухъ аршинъ, давалъ возможность двигаться рядами. Но по мѣрѣ углубленія въ него ширина его дѣлалась меньше, а подъемъ круче. Вскорѣ офицеры, по примѣру проводника-болгарина, вооружились остроконечными палками, а нижнимъ чинамъ разрѣшено было опираться на ружья и лопаты. Но и это не помогало: всѣ скользили и падали; каждый шагъ впередъ стоилъ большихъ усилій. Пересѣкавшіе путь ручьи и водопады сильно затрудняли движеніе, которое сдѣлалось настоящимъ мученіемъ [1]). Около 3-го часа пополудни батальонъ вышелъ на площадку, гдѣ былъ устроенъ получасовой привалъ и откуда глазамъ представилась живописная картина горъ. Вершины то голыя, снѣжныя, то покрытыя лѣсомъ, имѣли особенный колоритъ, встрѣчаемый только въ горныхъ пейзажахъ; однѣ изъ нихъ были освѣщены солнцемъ и ослѣпительно блестѣли, другія находились въ тѣни и глядѣли дико и мрачно. Внизу чернѣлись пропасти. На площадкѣ есть признаки жизни: это маленькій шалашикъ, а вблизи него огородъ и маленькое стадо боязливыхъ козъ. Изъ шалаша выходитъ сѣдой,

---

[1]) Колонна ген.-лейт. Вельяминова, которой пришлось потомъ итти черезъ проходъ Чмургачъ, бросила, какъ извѣстно, всю свою артиллерію.

какъ лунь, болгаринъ, зашитый въ бараньи шкуры, безъ всякихъ признаковъ другой одежды; грудь разстегнута и на ней виднѣется мѣдный крестъ. Лицо старика оживлено и блещетъ радостью; снявъ шапку, онъ креститъ офицеровъ и солдатъ и приглашаетъ желанныхъ гостей къ своему костру. Изъ его отрывистаго разсказа можно понять, что въ 1828 году онъ сопровождалъ „Руссъ-Царя Николая“ и получилъ „златицу,“ которую хранитъ и до-нынѣ, какъ святыню.

Отдохнувъ тутъ, батальонъ двинулся дальше и вскорѣ достигъ вершины перевала, гдѣ дружно принялся за работу и скоро окончилъ свой урокъ. Обратный путь съ горы былъ легче, и къ 12 часамъ ночи батальонъ былъ уже въ Орханіе [2]). Какъ убитые, заснули офицеры и солдаты; но сонъ былъ непродолжителенъ: съ разсвѣтомъ л.-гв. Литовскій полкъ выступалъ на Балканы.

Переходъ черезъ Балканы.

По диспозиціи начальника отряда, ген.-адъют. Гурко, полкъ долженъ былъ слѣдовать по Старо-Софійской дорогѣ, въ колоннѣ генералъ-маіора Философова, впереди коей двигались колонны генераловъ Рауха и Курлова. Приготовленія къ походу были несложны: нижнимъ чинамъ выдано по 8 ф. сухарей, по 2 ф. мяса, по 2 чарки спирта, небольшое количество чая и сахара и по 105 патроновъ. Весь обозъ оставлялся въ Орханіе; для каждой роты взято лишь по одной вьючной лошади. Офицеры также имѣли вьючныхъ лошадей, пріобрѣтенныхъ ими на собственныя средства.

Съ этими-то скудными запасами и перевозочными средствами полкъ выступилъ 13 декабря въ 6 часовъ утра на борьбу съ природой и людьми. День былъ морозный и ясный, а при входѣ въ Балканскій корридоръ подулъ рѣзкій непріятный вѣтеръ. Въ этотъ день литовцы прошли немного, такъ какъ сначала получено было приказаніе остановиться, пока не втянутся въ горы переднія колонны,

---

[2]) Въ этотъ день во 2-мъ батальонѣ около 15 нижнихъ чиновъ получили легкія ознобленія рукъ или ногъ.

а въ 5 часовъ по-полудни послѣдовало распоряженіе стать бивакомъ и разбить палатки. Тутъ-же полкъ простоялъ и весь слѣдующій день, прошедшій довольно оживленно, благодаря раздачѣ нижнимъ чинамъ знаковъ отличія военнаго ордена, пожалованныхъ за Плевну [3]). Вечеромъ у костровъ вездѣ поздравляли новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ и поднимали ихъ съ криками „ура.“

15-го декабря Литовскій полкъ передвинулся по ущелью только на 3 версты впередъ и снова заночевалъ у самой подошвы подъема. 16-го съ утра былъ сдѣланъ расчетъ для движенія: 2-му, 3-му и 4-му батальонамъ поручено взвозить двѣ батареи (1-ю и 6-ю) 3-й гвард. и гренад. артиллерійской бригады, полковниковъ Альтфатера и Ильяшевича. На каждую роту пришлось по одному орудію или зарядному ящику; рота дѣлилась на двѣ смѣны, изъ коихъ одна, безъ ружей, тащила артиллерію, а другая несла двойной комплектъ ружей. 1-й батальонъ двигался безъ артиллеріи и тащилъ только свою полковую аптечную одноколку, единственную повозку изъ всего полковаго обоза, взятую изъ Орханіе. Подъемъ на Балканы начался въ 10 часовъ утра шедшимъ впереди четвертымъ батальономъ, по Старо-Софійской дорогѣ; дорога эта была давно заброшена, но къ описываемому времени расчищена. Какъ всѣ горные пути, она вилась зигзагами, выбирая болѣе отлогія мѣста, но несмотря на это, мѣстами она представляла до такой степени крутые подъемы, что на первый взглядъ движеніе по ней, даже и въ одиночку, казалось невозможнымъ. А тутъ еще приходилось тащить артиллерію.

По мѣрѣ движенія впередъ, общая крутизна ската увеличивалась. Сдѣланныя по дорогѣ ступеньки занесло снѣгомъ, падавшимъ съ самаго утра. Люди скользятъ, падаютъ, поднимаются и снова лѣзутъ впередъ, употребляя для этого сверхъестественныя усилія. Подвигаются впередъ и пушки, но какъ!... Орудіе дотащено до крутаго, чуть не отвѣснаго подъема, крутизна котораго, конечно, выходитъ изъ рамокъ ситуаціонной шкалы штриховъ. Останавливаются, отдыхаютъ; затѣмъ по командѣ офицера „берись“ впрягаются въ орудіе: одни берутся за дышло, другіе—за веревки, привязанныя къ лафету; третьи-за колеса; остальные толкаютъ сзади... „Разъ,

[3]) По три знака отличія на роту; въ 7-ю же и 15-ю роты—по 4.

два, три—берись!“ командуетъ офицеръ, и орудіе взлетаетъ вверхъ; но часто еще стремительнѣе несется оно внизъ, таща за собой и людей. Снова остановка. А вѣтеръ бушуетъ, снѣгъ почти заноситъ людей; другая смѣна мерзнетъ и проситъ работы, чтобы согрѣться. Приходитъ и ея чередъ; но и она скоро выбивается изъ силъ...

„Откровеннѣй, братцы! тащи откровеннѣй! кричатъ въ одномъ мѣстѣ.—Не лукавь, Василій Митричъ—слышно въ другомъ. Иногда хоромъ затянутъ свою родную „дубинушку,“ или другой подходящій къ случаю мотивъ; но дико звучатъ эти пѣсни въ балканскихъ ущельяхъ, а надорванная грудь скоро заставляетъ умолкнуть.

Это была поистинѣ нечеловѣческая работа; сколько молодыхъ, цвѣвшихъ здоровьемъ людей погубила она!...

Во время одной изъ остановокъ слышны крики „посторонись!“ Ѣдетъ казакъ, а за нимъ священникъ; казакъ сворачиваетъ немного съ дороги и молча указываетъ священнику пропасть. Тотъ пытается заглянуть въ ея ужасную глубину; но ясно, что туда добровольно не сходятъ люди. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и при внезапно наступившей благоговѣйной тишинѣ молится за упокой души погибшаго. Никто не разспрашиваетъ; всѣмъ ясно, что случилось и что при малѣйшей оплошности можетъ случиться съ каждымъ. По примѣру священника, бросили въ пропасть по три горсти снѣгу и молчаливо двинулись дальше.

Стемнѣло. Движеніе впередъ еще болѣе замедлилось вслѣдствіе окончательнаго изнеможенія и разныхъ непредвидѣнныхъ остановокъ. Тянутъ орудіе изо всѣхъ силъ, и скатъ не очень крутъ, а оно ни съ мѣста, точно пригвождено. Что за притча такая? Еще разъ поналегли—ни на дюймъ не подается впередъ. Оказывается, что лафетъ зацѣпился за пень, а въ темнотѣ-то и не замѣтили.

Было совершенно темно, когда получено приказаніе ночевать тамъ, гдѣ застигла остановка, и вскорѣ Балканы опоясались линіей костровъ. Солдаты и офицеры усѣлись вокругъ этихъ костровъ, подкрѣпились, чѣмъ Богъ послалъ, но со сномъ боролись, боясь замерзнуть. Кто-то не выдержалъ и заснулъ; его замѣтили и разбудили; но онъ кричитъ уже, какъ обожженный. Натерли его снѣгомъ и спиртомъ и тѣмъ спасли; а другимъ наука. Съ завистью смотрятъ всѣ на офицера, имѣвшаго гутаперчевый теплый мѣшокъ; разло-

жилъ онъ его на снѣгу, снялъ сапоги, залѣзъ въ него и спитъ, какъ убитый.

Съ разсвѣтомъ 17-го декабря балканскіе бурлаки снова впряглись въ орудія, и опять началось то-же, что и наканунѣ. Около 12 часовъ дня полкъ взобрался, наконецъ, на вершину перевала, построилъ артиллерію и самъ сталъ въ батальонныя колонны. Природа, какъ бы досадуя на смѣлость людей, встрѣтила ихъ недружелюбно: пронзительный вѣтеръ пронималъ до костей, завывалъ въ ущельяхъ и, казалось, хотѣлъ засыпать смѣльчаковъ снѣгомъ, падавшимъ почти непрерывно. Несмотря на это, роты радостно отвѣчали на поздравленіе полковаго командира, а затѣмъ вызвали пѣсенниковъ, и вершины Великихъ Балкановъ огласились звуками русской солдатской пѣсни.

Между тѣмъ, орудія и зарядные ящики были сняты съ передковъ, заряды вынуты, расчетъ людей сдѣланъ, и полкъ сталъ спускаться внизъ. На этотъ разъ съ артиллеріей пришлось возиться 1-му, 2 и 3-му батальонамъ, а 4-й б-нъ двинутъ по боковой тропинкѣ и ночь съ 17 на 18 декабря провелъ въ д. Чуріакъ. Съ началомъ движенія сразу обозначились его трудности; спускъ былъ еще круче и обрывистѣе подъема, и никакія усилія не могли удержать несущіяся внизъ орудія; люди падали и волочились вслѣдъ за пушками, разрывая послѣднюю одежду. Наконецъ, придумали слѣдующій способъ: срубленное съ вѣтвями дерево привязывали къ орудію сзади и на вѣтви этого дерева накладывали побольше хворосту, отчего образовывалось нѣчто въ родѣ саней, на которыя при крутыхъ спускахъ садилось побольше людей; сидѣвшій на хоботѣ артиллеристъ ногами давалъ направленіе орудію, какъ при спускѣ съ ледяныхъ горъ.

При этихъ приспособленіяхъ спускались довольно быстро; но къ 6-ти часамъ вечера движеніе было пріостановлено, вслѣдствіе какой-то задержки впереди, и полкъ расположился бивакомъ въ сторонѣ отъ дороги, на свободной отъ лѣса площадкѣ. Погода весь день была холодная, а къ вечеру морозъ усилился до 20° и при рѣзкомъ вѣтрѣ казался нестерпимымъ. Положеніе было весьма серьезное и, по свидѣтельству всѣхъ, участвовавшихъ въ кампаніи,

ночь съ 17-го на 18-е декабря для полка была безспорно самою тяжелою и дорого стоила полку.

Пищи никакой не было; спирту было мало, и его рѣшено употребить на растираніе ознобившихся. Костры развели съ трудомъ, но ихъ задуваетъ вѣтромъ, а сырые дрова не горятъ, а только дымятъ. А между тѣмъ, страшная усталость всѣхъ клонитъ ко сну, и многіе засыпаютъ, несмотря на грозную опасность и на увѣщанія офицеровъ, всю ночь на пролетъ бродившихъ по биваку и старавшихся поддержать въ своихъ подчиненныхъ энергію. То тамъ, то здѣсь слышны крики ознобленныхъ; нужно помочь имъ, но у всѣхъ окоченѣли руки, и тяжело возиться съ мерзлымъ снѣгомъ. Вотъ, на встрѣчу идущимъ офицерамъ бѣжитъ солдатъ съ горящими головнями въ голыхъ рукахъ; онъ кричитъ отъ боли и, видимо, не помнитъ, что дѣлаетъ, потому что приказаніе бросить огонь не дѣйствуетъ. Головни насильно вырываютъ изъ отмороженныхъ и страшно обожженныхъ рукъ страдальца.

Къ двумъ часамъ ночи вѣтеръ стихъ; но морозъ стоялъ лютый. На бивакѣ всѣ пообтерпѣлись и притихли; одни кучами лежали въ палаткахъ, стараясь согрѣвать одинъ другаго; другіе сидѣли, снявъ сапоги, вокругъ костровъ; лица сидящихъ блѣдны, пасмурны; зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Долго тянулась и памятна всѣмъ эта страшная ночь.

Наконецъ, стало свѣтать. Многіе молятся, и по ихъ лицамъ видно, съ какимъ усердіемъ благодарятъ они Бога за посланный день. Бивакъ загудѣлъ; время подвести итоги потерь, понесенныхъ въ эту ночь. Полковой врачъ обходитъ роты и даетъ совѣты [4]); фельдшера оказываютъ кое-какую помощь; офицеры считаютъ ознобленныхъ, число которыхъ среднимъ счетомъ простиралось до 10 человѣкъ на роту [5]).

---

[4]) Докторъ медицины В. М. Величко всю кампанію сдѣлалъ верхомъ съ полкомъ и, несмотря на свои преклонные годы, всегда и вездѣ исполнялъ свои обязанности съ самоотверженіемъ, пріобрѣвшимъ ему всеобщую благодарность.

[5]) Въ числѣ пострадавшихъ были также и офицеры: капитанъ Нарбутъ, подпоручики Бурмейстеръ, Панинъ и Волковъ 3-й.

18-го день къ счастію былъ теплый и солнечный; всѣ отогрѣлись и въ 11 часовъ начали спускаться съ горъ.

Тѣ-же крики, та-же крутизна спуска, тѣ-же воздушные полеты орудій. Часамъ къ 8 вечера весь полкъ былъ уже у подошвы горъ и потянулся на ночлегъ въ д. Чуріакъ. Деревня мала и занята войсками 2 бригады 3-й гвард. дивизіи, которая, однакожъ, въ часъ ночи выступила въ дальнѣйшій путь, уступивъ мѣсто Литовскому полку. Но отдыхъ продолжался недолго: въ 4 часа утра полкъ двинулся въ дальнѣйшій путь, оставивъ въ д. Чуріакъ больныхъ, подъ наблюденіемъ назначеннаго комендантомъ капитана Бадера.

Бой подъ Ташкисеномъ.

Въ этомъ бою л.-гв. Литовскій полкъ принималъ незначительное участіе. Тѣмъ не менѣе, для ясности изложенія, необходимо въ общихъ чертахъ разсказать ходъ всего боя.

Войска, назначенныя для атаки Ташкисена, поручены были общему командованію начальника 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, ген.-лейт. Каталея, и состояли изъ трехъ колоннъ: генераловъ Рауха, Курлова и Философова. Колонна генер. Философова, въ составъ которой входилъ и л.-гв. Литовскій полкъ, стояла въ резервѣ. Бой начатъ въ 9 часовъ утра 19 декабря отрядомъ генерала Рауха, которому поручено было, демонстрируя съ фронта, охватывать съ фланга турецкую позицію у д. Ташкисенъ. Затѣмъ вступили въ бой и части колонны генер. Курлова у д. Чеконцово. Энергическое наступленіе л.-гв. Волынскаго полка имѣло результатомъ занятіе высоты, находившейся впереди Ташкисена, послѣ чего отрядъ Рауха атаковалъ д. Ташкисенъ, а отрядъ Курлова сталъ на шоссе изъ Ташкисена въ д. Дольные-Комарцы. Генералъ Каталей лично повелъ батальоны Прусскаго и Костромскаго полковъ къ д. Комарцы по ущелью, подъ сильнымъ навѣснымъ ружейнымъ огнемъ, а затѣмъ развернулъ эти батальоны; но встрѣченъ былъ столь сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, что не рѣшился начать дальнѣйшее наступленіе безъ под-

крѣпленій и послалъ поэтому въ резервъ, за батальономъ л.-гв. Литовскаго полка, до прибытія котораго наступившая темнота прекратила огонь съ обѣихъ сторонъ.

Въ этотъ день л.-гв. Литовскій полкъ оставилъ рано квартиры и послѣ довольно продолжительнаго ожиданія выступилъ изъ д. Чуріакъ. Верстахъ въ двухъ отъ этой деревни получено было приказаніе оставить въ Чуріакѣ одинъ батальонъ л.-гв. Литовскаго полка и двѣ батареи 3-й гвардейской и гренад. бригады. Оставленъ былъ первый батальонъ, который съ этого времени дѣйствовалъ совершенно отдѣльно отъ полка и присоединился къ нему по частямъ, послѣ 5-го января 1878 г. Остальные 3 батальона продолжали движеніе къ Ташкисену сперва по дорогѣ, а потомъ безъ дороги, по глубокому снѣгу и мѣстности крайне пересѣченной. Проходя черезъ село Черкесское узнали, что близъ Ташкисена идетъ жаркій бой и что командиръ л.-гв. Волынскаго полка, генералъ Мирковичъ, раненъ. Около 2 часовъ по-полудни 2-й и 3-й батальоны выбрались, наконецъ, на Софійское шоссе, гдѣ получено было приказаніе отправить одинъ батальонъ на поддержку колонны Курлова, дѣйствовавшей, какъ выше сказано, на нашемъ правомъ флангѣ. Назначенъ былъ 2-й батальонъ, который и двинулся вправо отъ шоссе. 3-й батальонъ оставался на мѣстѣ въ резервѣ; а 4-й—ночевавшій съ 18 на 19 въ д. Негашево, назначенъ въ помощь войскамъ, атаковавшимъ Ташкисенъ.

2-й батальонъ шелъ по равнинѣ, легко подымавшейся къ лежащимъ впереди высотамъ; снѣгъ былъ выше колѣна и замедлялъ движеніе. Съ горъ доносились частые звуки ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ; на южныхъ отлогостяхъ высотъ повсюду лежали раненые л.-гв. Волынскаго, С.-Петербургскаго гренадерскаго и Костромскаго пѣхотнаго полковъ, вокругъ которыхъ суетились санитары. У подошвы высотъ батальонъ былъ встрѣченъ ординарцемъ генерала Каталея, который повелъ его по ущелью, вслѣдъ за батальономъ Прусскаго полка. Ущелье, по мѣрѣ движенія впередъ, все болѣе и болѣе суживалось; въ срединѣ оно представляло глубокій оврагъ, по стѣнамъ котораго лѣпились карнизы около шага шириною. По этимъ то карнизамъ и двигался батальонъ, справа по одному человѣку.

Между тѣмъ, пули стали падать чаще и чаще и вырвали изъ рядовъ нѣсколько раненыхъ [6]). Пришлось пройти одно совершенно открытое пространство въ нѣсколько шаговъ шириною, обстрѣливаемое сосредоточеннымъ непріятельскимъ огнемъ, при чемъ батальонъ потерялъ еще 5 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Достигнувъ боевой линіи, батальонъ былъ встрѣченъ начальникомъ дивизіи, который объявилъ, что дѣло 19-го, по случаю темноты, окончено. 5-я рота отправлена на аванпосты, остальныя ночевали на мѣстѣ, но безъ бивачныхъ костровъ.

До какой степени доходила усталость войскъ, дравшихся въ этотъ день подъ Ташкисеномъ, можетъ показать слѣдующій случай. Идя на аванпосты, 5-я рота натыкается на батальонъ С.-Петербург. гренад. полка: ружья составлены въ козлы, и всѣ до послѣдняго человѣка спятъ мертвымъ сномъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ окончили бой. Если бы не богатырскій храпъ, то можно было бы подумать, что батальонъ находится въ летаргическомъ снѣ... И это въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ турецкой цѣпи.

3-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка, оставленный, какъ выше сказано, у Софійскаго шоссе, провелъ на томъ-же мѣстѣ и ночь съ 19 на 20-е, также безъ огня и пищи. 4-й батальонъ находился въ резервѣ за войсками, атаковавшими Ташкисенъ, а по взятіи этой деревни получилъ приказаніе занять ее, при чемъ командиръ батальона, полковникъ Бялый назначенъ былъ временнымъ комендантомъ.

Дѣла при Дольныхъ-Комарцахъ, 20 декабря, и подъ Петричевымъ, 21 декабря. Занятіе Петричева.

20-го, съ разсвѣтомъ всѣмъ было извѣстно о продолженіи боя и всѣ готовились къ серьезному дѣлу. Но вскорѣ замѣтно стало

---

[6]) Въ это время пуля попала въ древко знамени 3-го батальона и, отскочивъ, ранила въ ногу ассистента, унт.-офиц. 5-й роты Филоненко. Филоненко о ранѣ не думалъ, но сокрушался, что Богъ не привелъ его сойтись ближе съ врагомъ. Онъ выздоровѣлъ и прибылъ къ полку послѣ окончанія военныхъ дѣйствій.

отступленіе турокъ. За пересѣченною мѣстностью нельзя было опредѣлить: намѣревались-ли они занять и защищать Комарцы или-же отошли неподалеку и заняли позицію параллельно вчерашней. 2 и 3-й батальоны Литовскаго полка, вмѣстѣ съ войсками генер. Курлова, начали наступленіе на д. Комарцы, при чемъ 2-й батальонъ пошелъ правѣе, для обхода этой деревни справа. По мѣрѣ приближенія становилось замѣтнымъ, что турки очищаютъ Комарцы; но глубокій снѣгъ сильно затруднялъ наступленіе и парализировалъ общее желаніе догнать ихъ. Часа черезъ два 3-й батальонъ перестроился въ боевой порядокъ и съ пальбой наступалъ на Комарцы съ фронта, въ то время, какъ второй обходилъ эту деревню съ лѣваго фланга непріятеля. Деревня была, наконецъ, занята, но турки успѣли уже отойти назадъ версты на двѣ на вершину позади лежащей горы, откуда открыли огонь изъ заранѣе устроенныхъ ложементовъ. Позиція ихъ была весьма выгодна, и можно было предположить, что она обойдется намъ весьма дорого; но когда вся первая линія отряда генер. Курлова, въ томъ числѣ 2 и 3-й батальоны литовцевъ, двинулась со стрѣльбой впередъ, то турки стали поспѣшно отступать. Преслѣдованіе пѣхотой продолжалось еще часа два, а потомъ приказано остановиться. Подошелъ и 4-й батальонъ полка. Часа $1\frac{1}{2}$ простояли, и когда подошла артиллерія, остававшаяся все время позади, двинулись впередъ; а въ 4 часа по-полудни полкъ былъ расположенъ бивакомъ на высокой горѣ, усѣянной турецкими ложементами. Вскорѣ прибыли туда и офицерскіе вьюки, встрѣченные съ большою радостью. Разложены костры, идутъ оживленные разговоры. Многіе съ завистью слушаютъ преувеличенные разсказы прибывшихъ съ вьюками деньщиковъ о богатствѣ сосѣднихъ деревень и надѣются на скорое улучшеніе настоящаго положенія. Вскорѣ получено приказаніе итти на ночлегъ въ черкесскую деревню Теличъ, куда полкъ, послѣ утомительнаго движенія, прибылъ къ 11 часамъ вечера. Деревня была, какъ видно, только что покинута жителями и изобиловала жизненными припасами. Въ каждомъ дворѣ можно было найти большіе запасы кукурузы, зерноваго хлѣба, муки и картофеля. Избы цѣлы и въ достаточнымъ количествѣ. Усердно благодаря Бога, солдаты хорошо поѣли и на мягкомъ сѣнѣ заснули крѣпкимъ сномъ.

21-го, утромъ ген.-лейт. Каталей получилъ приказаніе выступить въ 5 часовъ утра и энергически преслѣдовать турокъ до д. Петричево, которую по возможности занять и затѣмъ войти въ связь съ отрядомъ ген.-маіора Дандевиля, который въ тотъ-же день долженъ былъ спуститься съ горъ въ Златицкую долину. Поэтому въ 3 часа утра 3-я гвард. пѣхот. дивизія была поднята и двинута къ Петричеву для дальнѣйшаго преслѣдованія турокъ. Въ авангардѣ шелъ батальонъ Кексгольмскаго полка съ 4-мя орудіями; затѣмъ шли остальные батальоны Кексгольмскаго полка, л.-гв. Литовскій и Волынскій полки. С.-Петербургскій полкъ долженъ былъ итти на Мирково и оттуда на Петричево. У моста черезъ р. Мирково-дере авангардъ былъ остановленъ съ цѣлью дать возможность подтянуться остальнымъ частямъ дивизіи. Въ 1 часу дня генер. Каталей лично повелъ авангардъ по долинѣ р. Мирково-дере, выславъ впередъ, за пеимѣніемъ кавалеріи, четырехъ казаковъ, состоявшихъ при штабѣ дивизіи въ качествѣ вѣстовыхъ. Долина рѣки Мирково-дере, верстахъ въ трехъ отъ Петричева, суживается въ дефиле, и дорога идетъ по косогору, обстрѣливаемому съ сосѣднихъ высотъ.

При первыхъ турецкихъ выстрѣлахъ генер. Каталей приказалъ авангардному батальону разсыпать цѣпь и самъ со штабомъ выѣхалъ на линію ея. По группѣ этой турки открыли сосредоточенный огонь, на который генералъ сначала не обращалъ вниманія. Когда-же онъ повернулъ лошадь, чтобы отъѣхать назадъ, то шальная пуля попала ему въ спину и убила на-повалъ. Тутъ-же были ранены командиръ 1-й бригады 3-й гвард. пѣхот. дивизіи, ген.-маіоръ Философовъ, и бригадный адъютантъ, л.-гв. Литовскаго полка капитанъ Сиверскій [7]).

---

[7]) Генералъ Философовъ умеръ черезъ нѣсколько дней. Сиверскій былъ раненъ въ колѣно, выѣхалъ изъ сферы огня верхомъ и былъ отправленъ въ Систово. Тамъ ему предложили ампутировать ногу, но онъ не согласился; нога была отрѣзана позднѣе, но безполезно: открылась рожа, и Сиверскій скончался 19 марта, въ полной памяти. За два дня до смерти онъ написалъ письмо товарищамъ-литовцамъ, въ которомъ говоритъ, что послѣднею его мыслью передъ смертью будетъ родной полкъ. Написавъ на письмѣ „Марта“ 1878 года, бѣдный страдалецъ просилъ сестру милосердія проставить день его смерти и отправить письмо по назначенію. Воля его была точно исполнена. Письмо это, помѣченное 19 марта, и донынѣ хранится, какъ драгоцѣнное воспоминаніе, у одного изъ друзей покойнаго.

Вступившій во временное командованіе дивизіей старшій изъ полковыхъ командировъ, ген.-маіоръ Курловъ, ввиду невозможности овладѣть съ фронта позиціею турокъ, рѣшилъ пріостановить наступленіе съ фронта и направить изъ резерва сильныя колонны для обхода фланговъ. Несмотря на значительныя силы, направленныя на лѣвый флангъ противника (2 батальона Кексгольмскаго и батальонъ С.-Петербургскаго полковъ), наступленіе здѣсь не имѣло успѣха, но зато лѣвая колонна (два батальона С.-Петербургскаго полка) заняла угрожающее положеніе противъ праваго фланга и отчасти тыла турецкой позиціи и много способствовала очищенію занятой турками позиціи. Въ подкрѣпленіе ей посланъ былъ 2-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка.

Въ то время, когда все это происходило впереди, л.-гв. Литовскій полкъ подошелъ къ мѣсту боя и поставленъ въ резервъ за Кексгольмскимъ батальономъ, дѣйствовавшимъ съ фронта. Турки занимали подковообразную позицію на высотахъ, съ которыхъ вся долина рѣки обстрѣливалась сосредоточеннымъ огнемъ. Первая линія вела перестрѣлку съ непріятелемъ и ожидала результата обхода; оттуда поминутно проносили раненыхъ мимо Литовскаго полка, стоявшаго близь дороги въ колоннахъ. Вскорѣ показались болгарскія дровни, на которыхъ лежало прикрытое плащемъ тѣло покойнаго В. В. Каталея. Безъ команды повернулись батальоны лицомъ къ дорогѣ и стали на колѣни; у многихъ на глазахъ были слезы.

Стемнѣло уже, когда л.-гв. Литовскій полкъ получилъ приказаніе двинуться влѣво на подкрѣпленіе батальоновъ С.-Петерб. полка, атаковавшихъ правый турецкій флангъ. Пришлось итти въ гору по страшной крутизнѣ; верховые офицеры спѣшились. Впереди шелъ или, лучше сказать, ползъ, цѣпляясь за кусты, командиръ полка, баронъ Арнсгофенъ со штабомъ; за нимъ гуськомъ, по-одиночкѣ, остальные. Послѣ довольно продолжительнаго движенія, совершеннаго въ такомъ порядкѣ и почти наобумъ, потому что темнота не позволяла ничего видѣть въ пяти шагахъ, 3 и 4-й батальоны присоединились къ батальонамъ С.-Петерб. полка. Принявъ общее начальство, баронъ Арнсгофенъ приказалъ нашимъ батальонамъ стать бивакомъ вблизи гренадеровъ, а къ сторонѣ Петричева выслалъ патру-

ли, которые вскорѣ донесли, что въ деревнѣ этой слышны страшные вопли женщинъ. На другой день оказалось, что турки собрали въ болгарской церкви женщинъ и дѣвушекъ и тамъ совершали надъ ними безчинства и истязанія.

2-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка двигался къ Петричеву нѣсколько иной дорогой, черезъ д. Камарли, которая носила на себѣ самые краснорѣчивые слѣды недавняго пребыванія турокъ; въ деревнѣ ни одной живой души и множество болгарскихъ труповъ. Движеніе по горамъ также затруднительно; та-же „балканская“ форма строя, та-же усталость. Уже за полночь, а батальонъ все карабкается по горамъ. Къ счастію взошла луна, а вскорѣ показались и признаки боевой линіи—раненые С.-Петерб. полка. Одни изъ нихъ шли сами, другихъ вели, третьихъ несли, но безъ носилокъ; стоны ихъ производятъ тяжелое впечатлѣніе. Наконецъ, батальонъ остановился на одной изъ высотъ, и глазамъ представилось громадное пространство, усѣянное пылавшими кострами нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Неподалеку, влѣво и нѣсколько впереди, находились биваки лѣвой обходной колонны, т. е. двухъ батальоновъ С.-Петербургскаго и двухъ—Литовскаго полковъ.

22-го, съ разсвѣтомъ началось наступленіе на Петричево; но оно уже было очищено турками (это былъ арьергардъ арміи Ахмеда-Али), отступившими па Поэбрень. Деревня была страшно разорена, а потому, по полученіи приказанія дать войскамъ отдыхъ, л.-гв. Литовскій полкъ на другой-же день перешелъ въ д. Смольско, гдѣ и расположился по квартирамъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эта болгарская деревня уцѣлѣла отъ ярости турокъ, а разбѣжавшіеся было жители ея стали возвращаться въ свои жилища. Первой заботой полковаго командира было устройство внѣшней охраны и внутренняго порядка, а главное — продовольствія. Собственныхъ перевозочныхъ средствъ не было; полковой подрядчикъ также не прибылъ; оптовой закупки сдѣлать негдѣ. Рѣшено, чтобы каждый изъ ротныхъ командировъ самъ заботился о продовольствіи своей роты.

Покупали рогатый скотъ, овецъ и кукурузную муку, изъ которой болгарскія женщины пекли лепешки. Соли не было.

Наступилъ праздникъ Рождества. Наканунѣ къ полковому командиру призванъ былъ болгарскій священникъ для переговоровъ о совершеніи праздничнаго богослуженія; онъ объявилъ, что ризы и колокола забрали турки. Послали въ д. Мирково за ризами, а вмѣсто колокола послужилъ мѣдный листъ. Въ день праздника батальоны собрались вокругъ церкви; головныя роты были съ ружьями. Командиръ полка обошелъ ряды, поздравилъ съ праздникомъ, а затѣмъ всѣ вошли въ церковь, и началось болгарское церковное служеніе, во время котораго пѣвчіе-болгары невыносимо рѣзали слухъ своимъ пѣніемъ. Подъ конецъ пріѣхалъ священникъ л.-гв. Волынскаго полка, болгаръ убрали съ клироса, а на ихъ мѣсто стали офицеры и солдаты-пѣвчіе. Стройное пѣніе и правильное служеніе произвели на всѣхъ, а въ особенности на болгаръ, большое впечатлѣніе.

Къ вечеру 25-го получено было извѣстіе о наступленіи турокъ на Мечку, а 26-го съ разсвѣтомъ л.-гв. Литовскій полкъ выступилъ черезъ Петричево въ Поэбрень, въ сильную стужу. Дорога отъ Петричева до Поэбрени вьется въ видѣ тропинки по карнизу, находящемуся на страшной высотѣ. Сперва полкъ шелъ по два въ рядъ, затѣмъ—по одному; тропинка дѣлается все уже и уже и опасность сорваться въ пропасть увеличивается. Многіе блѣднѣютъ; но дѣться некуда: будь, что будетъ; лучше быстрѣе пробѣжать опасное пространство... Спасъ Богъ, миновала опасность... и каждому хочется взглянуть назадъ и внизъ. Тамъ въ пропасти грудами навалены турецкіе тѣла, живые съ мертвыми. Два дня 21-го и 22-го отступали турки по этой чертовой дорогѣ, усѣянной ихъ трупами.

Въ д. Поэбрень полкъ расположился по квартирамъ и выслалъ одинъ батальонъ на аванпосты. Утромъ 29-го 4-й батальонъ выступилъ къ Мечкѣ, на подкрѣпленіе л.-гв. Волынскаго и Прусскаго полковъ, стоявшихъ ввиду укрѣпленной турецкой позиціи.

Въ ночь на 30-е турки оставили эту позицію, а 31-го декабря 4-й батальонъ при колокольномъ звонѣ вступилъ въ богатую деревню Панагюриште. На встрѣчу вышли духовенство въ облаченіи и съ хоругвями и всѣ жители, на лицахъ коихъ была написана неподдѣльная радость. Церковное пѣніе перемѣшивалось съ радостными кликами народа. Начальнику отряда старѣйшины поднесли хлѣбъ-соль, а затѣмъ началось размѣщеніе по квартирамъ.

Болгаре деревни Панагюриште отличались особеннымъ радушіемъ, обнимались съ солдатами, наперерывъ другъ передъ другомъ предлагали имъ свои жилища и угощали всѣмъ, что у нихъ было: мясомъ, молокомъ, сыромъ, медомъ, фруктами и виномъ въ изобиліи. Давно уже 4-й батальонъ не былъ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, а потому новый годъ встрѣченъ былъ довольно весело. На другой день, при выступленіи, болгаре горячо прощались со своими желанными гостями и провожали ихъ далеко за деревню. „Слава, Царъ Александръ! Слава, Руссъ! добры, добры души!“

„Спасибо, спасибо! Прощайте, братушки!“ кричали имъ въ отвѣтъ наши солдаты.

2-й и 3-й батальоны оставались въ Поэбрени, откуда выступили 31 декабря. Новый годъ встрѣтили въ д. Быта далеко не съ такимъ комфортомъ, какъ 4-й батальонъ. 1-го января всѣ три батальона совершили сорокаверстный переходъ къ д. Денисъ-Беглы, лежащей въ 12-ти верстахъ отъ г. Татаръ-Базарджика. На другой день, 2 января, новый начальникъ дивизіи, ген.-лейт. Дандевиль, назначилъ батальоны л.-гв. Литовскаго полка въ авангардъ.

Но настигнуть непріятеля въ этотъ день не удалось. Съ наступленіемъ темноты вся дивизія добралась къ д. Челапцамъ, гдѣ и расположилась на ночь, выславъ на аванпосты 4-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка.

Бой подъ Филиппополемъ, 3 января 1878 года.

3-го января, съ разсвѣтомъ, полкъ выступилъ, въ составѣ дивизіи, къ г. Филиппополю. Морозъ болѣе 20°, и долгое ожиданіе на улицахъ деревни, пока 2-я бригада пройдетъ впередъ, было крайне томительно. Всѣхъ, конечно, интересовали вопросы: занятъ-ли городъ или оставленъ турками и будетъ-ли-бой. Замѣтно общее желаніе поскорѣе войти въ Филиппополь и тамъ оправиться, почистить одежду и собраться съ силами. Выйдя на шоссе, встрѣтили артиллерію 2-й гвард. пѣхот. дивизіи и 2-й стрѣлковый батальонъ; очевидно, что всѣ войска отряда собирались къ одному пункту, а потому общій интересъ возрасталъ.

Верстахъ въ восьми отъ Филиппополя полкъ сдѣлалъ небольшой привалъ близь шоссе, у кургана. Пошли толки о предстоящемъ дѣлѣ: одни говорили, что турки не дураки и городъ даромъ не отдадутъ; другіе утверждали, что непріятель навѣрное бѣжалъ, и насъ ждутъ въ Филиппополѣ всѣ блага земныя—хорошія квартиры, турецкія бани и прекрасный столъ.

Затѣмъ полкъ двинулся дальше и былъ встрѣченъ генераломъ Гурко. Вскорѣ глазамъ представился и Филиппополь, красиво расположенный въ долинѣ, съ его минаретами, церквями и оригинальными постройками. Отсутствіе въ городѣ турокъ почти не подлежитъ сомнѣнію: полковая музыка и пѣсенники вызваны впередъ; жалонеры также идутъ впереди. Полковой протоіерей, о. Николай, несмотря на свой седьмой десятокъ лѣтъ, ѣдетъ верхомъ передъ 2-мъ батальономъ; онъ всегда относился недовѣрчиво ко всякимъ благопріятнымъ слухамъ, но на этотъ разъ по его лицу видно, что и онъ вѣритъ въ возможность близкаго отдыха... До города остается версты двѣ, пѣсенники готовы начать лихую пѣсню... какъ вдругъ, справа съ горъ раздался звукъ пушечнаго выстрѣла, а затѣмъ послышался свистъ гранаты, пролетѣвшей надъ головами.

„Вотъ, господа, и туреція бани начались," раздражительно замѣтилъ о. Николай, отъѣзжая назадъ.

Вскорѣ гранаты полетѣли одна за другой. Л.-гв. Литовскій полкъ сошелъ съ шоссе вправо и перестроился въ боевой порядокъ: 4-й и 2-й батальоны въ первой, а 3-й батальонъ во второй линіи. Часовъ около двухъ по-полудни началось общее наступленіе; турки участили орудійный огонь и открыли ружейный изъ города. Открытое пространство до сѣвернаго предмѣстья города полкъ прошелъ счастливо, потерявъ только одного офицера и 2 нижнихъ чиновъ легко ранеными [1]). Въ городскомъ предмѣстьи полкъ сталъ въ резервѣ за Волынскимъ и Прусскимъ полками, которые, разсыпавъ цѣпи по околицѣ предмѣстья, вели съ турками оживленную перестрѣлку.

Такъ какъ мостъ на р. Марицѣ былъ сожженъ турками, и атака города съ сѣверной его стороны представляла большія трудности,

---

[1]) Раненъ подпоручикъ Поспѣловъ.

то генер.-лейт. Дандевиль приказалъ флигель-адъютанту барону Арпсгофену, командовавшему въ то время 1-й бригадой, двинуться съ бригадой въ обходъ къ броду, найденному ген.-маіоромъ Красновымъ, переѣхать тамъ черезъ Марицу на крупахъ кавалерійскихъ лошадей и затѣмъ ударить на восточную окраину Филиппополя.

Фланговое движеніе вдоль берега Марицы, подъ огнемъ турокъ было крайне затруднительно; приходилось перейти въ бродъ нѣсколько впадающихъ въ Марицу ручьевъ, а затѣмъ итти гуськомъ безъ дороги. Была уже ночь, а потому переправа черезъ Марицу отложена до слѣдующаго утра, и полкъ остановился на ночлегъ въ небольшой деревушкѣ Войводкіой. 4-й батальонъ былъ посланъ къ броду на р. Мариці, гдѣ и имѣлъ перестрѣлку съ турками, засѣвшими на противоположной сторонѣ, продолжавшуюся до 12 часовъ ночи. Во время этой перестрѣлки батальонъ потерялъ ранеными 5 нижнихъ чиновъ. Пролежавъ затѣмъ до 4 часовъ утра на снѣгу, при сильномъ морозѣ, батальонъ возвратился въ д. Войводкіой, имѣя въ каждой ротѣ много озноблениыхъ.

ГЛАВА XXIX.

(1878).

Переправа 4 января черезъ р. Марицу и вступленіе въ Филиппополь.—Бой подъ Кргачемъ, въ ночь съ 4 на 5 января.—Трофеи и потери полка. — Движеніе къ Паша-Махале.—Бой 5-го января.—Стоянка въ Станимакахъ.– Походъ къ Адріанополю.

4-го янв., съ разсвѣтомъ, бригада была поднята и двинута къ броду на Марицѣ; 2-й и 3-й батальоны л.-гв. Литовскаго полка шли въ головѣ колонны; 4-й батальонъ въ хвостѣ, за Кексгольмскимъ гренадерскимъ полкомъ. Достигнувъ берега, батальоны стали въ колоннахъ, укрывшись за мѣстными преградами. Жестокій морозъ перспективу переправы въ бродъ дѣлалъ не особенно привлекательною.

Турецкіе костры горѣли еще на противоположной сторонѣ, но вскорѣ стало ясно, что турки ушли: адъютантъ 2-го батальона, подпоручикъ Лазо, переѣхалъ на другую сторону верхомъ и удостовѣрился въ отступленіи непріятеля.

Вскорѣ къ броду пріѣхала кавалерія, и началась переправа пѣхоты на кавалерійскихъ лошадяхъ. Для этого половина людей каждаго эскадрона спѣшивалась, уступая свое мѣсто пѣхотинцамъ; затѣмъ, эскадроны справа по одному шли въ воду, при чемъ каждый кавалеристъ велъ въ поводу лошадь пѣхотинца. Достигнувъ противоположнаго берега, эскадроны спѣшивали пѣхоту и возвращались обратно для перевозки слѣдующихъ.

Къ часу дня переправа была окончена, и начальникъ отряда, ген.-маіоръ Красновъ, получилъ приказаніе вступить въ Филиппополь. Но едва отрядъ, имѣя кавалерію впереди, съ музыкой и пѣс-

нями двинулся съ мѣста, какъ въ горахъ, за городомъ, грянули пушечные выстрѣлы, а вскорѣ получено было другое приказаніе: итти черезъ Филиппополь на Станимаки для дѣйствій въ тылъ туркамъ, отступавшимъ передъ отрядомъ графа Шувалова. Съ музыкой и пѣснями л.-гв. Литовскій полкъ прошелъ черезъ Филиппополь при восторженныхъ кликахъ болгаръ: „Виватъ, Царъ Александръ! Виватъ, Руссъ! добра душъ Царъ Александръ; добры души братушки!“

На седьмой верстѣ отъ Филиппополя по дорогѣ въ Станимаки отрядъ генерала Краснова былъ остановленъ, и вскорѣ всѣ узнали, что находившаяся вправо деревня Карагачъ сильно занята турецкими войсками. Несмотря на близость сумерекъ, ген. Красновъ рѣшилъ измѣнить направленіе движенія, перестроиться въ боевой порядокъ фронтомъ къ Карагачу и атаковать турокъ. Съ этой цѣлью драгунская бригада была выслана впередъ; два орудія конной батареи заняли близь-лежащую высоту; 2-й батальонъ л.-гв. Литовскаго полка перестроился въ боевой порядокъ влѣво отъ нихъ, а 3-й—вправо. 1-й батальонъ Кексгольмскаго полка и 4-й батальонъ литовцевъ составили резервъ. Въ такомъ порядкѣ начато было наступленіе къ Карагачу. Мѣстность представляла равнину, слегка возвышавшуюся къ сторонѣ Карагача; пространство за деревней, составлявшее позицію турокъ, имѣло видъ предгорій, пересѣченныхъ обрывистыми оврагами; самая деревня лежитъ также на мѣстности волнистой, имѣетъ много садовъ и каменныхъ оградъ, удобныхъ для обороны. Но стратегическимъ ключемъ позиціи турокъ была высота на правомъ флангѣ, съ потерей которой отступленіе турокъ на Станимаки сильно затруднялось. На этой-то высотѣ стояла турецкая батарея въ 12 орудій, а вблизи на дорогѣ, кромѣ того, находились еще 3 орудія, и весь правый флангъ былъ сильно занятъ пѣхотою. На лѣвомъ флангѣ у самаго Карагача стояли двѣ батареи въ 5 и 3 орудія, а деревня была занята пѣхотой. Позиція эта была занята съ цѣлью охранять общее отступленіе турецкой арміи къ Станимакамъ.

Наступленіе начато было въ шестомъ часу по-полудни уступами слѣва, при чемъ второму батальону л.-гв. Литовскаго полка генер. Красновъ приказалъ охватить правый флангъ турокъ, а третьему—наступать фронтально. Съ началомъ наступленія турки не отвѣча-

ли на огонь нашихъ орудій, но тѣмъ не менѣе движеніе по рыхлому глубокому снѣгу было весьма затруднительно, такъ какъ мѣстность покрыта была виноградниками и кукурузными полями, а сумерки настолько сгустились, что предметы можно было различать съ трудомъ. Къ тому-же 4 января для л.-гв. Литовскаго полка было шестымъ днемъ безостановочнаго движенія и вторымъ днемъ боя, а потому всѣ были до крайности утомлены. Турки открыли пальбу только тогда, когда 2 и 3 батальоны прошли около половины разстоянія, отдѣлявшаго ихъ отъ непріятеля. Наша цѣпь сначала отвѣчала также огнемъ, но такъ какъ онъ не приносилъ туркамъ особеннаго вреда по случаю темноты, а между тѣмъ обнаруживалъ наше расположеніе, отъ чего потери наши, подъ огнемъ многочисленной турецкой артиллеріи значительно увеличились, то и рѣшено было продолжать наступленіе безъ огня. Отъ этого потери наши уменьшились, и явилась возможность скрыть недостаточность нашихъ силъ, сравнительно съ турецкими. Помня приказаніе генералъ-маіора Краснова и вполнѣ сознавая важность атаки на правый турецкій флангъ, командовавшій 2-мъ батальономъ, *капитанъ Нарбутъ*, съ 6-ю и 8-ю ротами своего батальона, охватывалъ этотъ флангъ, не прерывая связи съ другими ротами. Въ разстояніи 100—150 шаговъ отъ турецкихъ орудій 2-й батальонъ остановился, ввелъ въ цѣпь всѣ свои поддержки и открылъ учащенный огонь, скрываясь за мѣстными закрытіями. Турецкія батареи на минуту было смолкли, но вслѣдъ затѣмъ послышался оглушающій залпъ, сопровождаемый какимъ то особеннымъ звономъ, непривычнымъ для уха. „Казалось, говоритъ очевидецъ, что вся почва вокругъ насъ разсыпалась въ дребезги, и каждый подумалъ, что онъ раненъ, потому что всѣ были осыпаны снѣгомъ, землей, а многіе и картечью. Это былъ залпъ картечи. Какъ бы въ отвѣтъ на него, съ нашей стороны послышался сигналъ „атака“ и роты 2-го батальона бросились на турецкія батареи праваго фланга и прежде, чѣмъ пѣхотныя ихъ прикрытія успѣли подойти, взяли ихъ съ боя, послѣ ожесточенной рѣзни съ артиллерійской прислугой.

Турецкіе артиллеристы дрались отчаянно и почти всѣ были перебиты при орудіяхъ; а многіе изъ нашихъ солдатъ вышли изъ боя со страшными слѣдами ихъ сабельныхъ ударовъ. Разгоряченные

удачнымъ боемъ нижніе чины въ одиночку бросались на цѣлыя группы турокъ и били направо и налѣво. Тѣмъ не менѣе, положеніе было серьезное, потому что предстояла еще борьба съ турецкими резервами, приближавшимися со всѣхъ сторонъ. Офицеры съ большимъ трудомъ собрали свои части, встрѣтили турокъ дружнымъ огнемъ и опрокинули ихъ ударомъ въ штыки. Почти въ то-же время 3-й батальонъ, подъ командой капитана *Никитина*, бросается на батареи лѣваго фланга турокъ и завладѣваетъ ими съ такимъ-же успѣхомъ, а затѣмъ переноситъ бой въ деревню.

Было около 12 часовъ ночи. Турецкая артиллерія лишена была возможности вредить намъ, но ружейные залпы гремѣли почти непрерывно, освѣщая поле битвы зловѣщимъ блескомъ. Крики „Алла, Алла!“ и русское „ура“ заглушали стоны раненыхъ. Второй батальонъ, сильно уже пострадавшій и раздѣленный на небольшія кучки, отражаетъ три атаки турецкой пѣхоты и, неутомимо сражаясь съ превосходными турецкими силами, достигаетъ восточной стороны д. Карагачъ, атакованной 3-мъ батальономъ съ фронта. Турки бросаются въ промежутокъ между батальонами, но тамъ встрѣчаетъ ихъ сперва 5-я рота, во время боя нѣсколько отдѣлившаяся отъ своего батальона, а потомъ и 4-й батальонъ литовцевъ, подоспѣвшій вовремя изъ резерва на выручку своихъ.

Турки не выдерживаютъ одновременной атаки 3-го и 4-го батальоновъ, поддержанныхъ справа 4-мъ батальономъ Кексгольмскаго полка, и отступаютъ. Затѣмъ, 3-мъ и 4-мъ батальонамъ поручено было очистить Карагачъ отъ турокъ, а 2-й батальонъ отозванъ въ резервъ [2]).

---

[2]) Вторымъ батальономъ въ бою командовалъ капитанъ Нарбутъ; ротами: 5-ю—шт.-кап. Федоровъ, 6-ю—подп. Ячиновскій, 7-ю—поруч. Брунъ, 8-ю—шт.-капит. Витте. Субалт.-офиц. поручики Новоселовъ и Гедлундъ, подпор. Долгинскій, Суликовскій и Волковъ 2-й. 3-мъ батальономъ командовалъ капитанъ Никитинъ; ротами: 9-ю—поруч. Петеровъ 2-й, 10-ю—шт.-кап. Флейшеръ 1, 11-ю—шт.-кап. Сахновскій, 12-ю—поруч. Пирамидовъ; субалтернъ-офицеры: подпоручики: Орловскій, Васильевъ, Смецкой, Флейшеръ 3 и Шульскій и прап. Бурмейстеръ. 9, 10 и часть 11-й роты овладѣли батареею въ пять, а 12-я и другая часть 11-й роты—въ 3 орудія. 4-мъ батальономъ командовалъ полковникъ Бялый; ротами 13-й— поручикъ Флейшеръ 2, 14-ю—поручикъ Рябинкинъ 1, 15-ю—капит. Нандельштедтъ, 16-ю—поручикъ Машлыкинъ; субалт.-офиц. подпор. Нордлингъ, Мясоѣдовъ, Брандтъ, Вріони, Мельниковъ и Сомовъ и прапорщ. Маржицкій.

Когда турки совершенно отступили изъ Карагача, отъ начальника отряда, генер.-маіора Краснова, получено было приказаніе убрать своихъ убитыхъ и раненыхъ, а также отбитыя у турокъ орудія, и отступить къ Паша-Махале. Послѣ непродолжительнаго отдыха на мѣстѣ боя, отрядъ ген.-маіора Краснова приступилъ къ уборкѣ раненыхъ подъ сильнымъ огнемъ турокъ, занявшихъ предгорія. Къ счастью турки не переходили въ наступленіе, а потому уборка раненыхъ была окончена благополучно, съ небольшими потерями; пѣхотные аванпосты смѣнены драгунской цѣпью, и отрядъ двинулся къ Паша-Махале, таща отбитыя непріятельскія орудія, у которыхъ во время боя были перебиты всѣ лошади.

При этомъ въ помощь 2-му батальону, изнемогавшему подъ тяжестью своихъ раненыхъ и турецкихъ орудій, были присланы нѣсколько ротъ Кексгольмскаго полка.

Такъ кончился ночной бой у Карагача, въ которомъ л.-гв. Литовскій полкъ покрылъ себя славою, вынеся главную его тяжесть на своихъ плечахъ. Цыфра понесенныхъ имъ потерь весьма значительна, а именно: изъ числа 32 офицеровъ и 1050 нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ строю, убитъ офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 63; ранены: офицеровъ 10, ниж.-чин. 153, контужены: офицеровъ 2, нижн. чин. 5. Всего выбыло изъ строя 13 офицеровъ и 221 нижній чинъ, что составляетъ по отношенію къ наличному числу, для офицеровъ 47% и для нижнихъ чиновъ 22,75%. Убитъ подпоручикъ С. А. Орловскій. Изъ числа раненыхъ умерли отъ ранъ подпоручики Бурмейстеръ и Ячиновскій. Изъ остальныхъ раненыхъ офицеровъ наиболѣе тяжелыя увѣчья пришлись на долю поручика Э. И. Бруна, шт.-кап. А. А. Сахновскаго, поручика В. А. Гедлунда и шт.-кап. І. И. Полторжицкаго. Новоселовъ, Рутковскій и Волковъ получили также серьезныя пораненія. Капитанъ Никитинъ, поручикъ Шульскій и подпоручикъ Сомовъ, легко контуженные, остались въ строю.

Въ бою подъ Карагачемъ л.-гв. Литовскій полкъ отбилъ у турокъ 23 орудія, при чемъ 15 орудій взяты вторымъ, а 8— третьимъ батальонами. Къ сожалѣнію, въ Паша-Махале было доставлено только 19, а остальные 4 оставлены на дорогѣ, какъ кажется, дра-

гунами которымъ первоначально поручено было везти эти солидные трофеи.

Цѣль Карагачскаго боя—задержать отступленіе турецкой арміи—была вполнѣ достигнута. Небольшой отрядъ, состоявшій всего изъ шести батальоновъ (Литовскаго и Кексгольмскаго полковъ), врѣзался въ сто-таборную армію Сулеймана, ошеломилъ непріятеля смѣлостью и, пользуясь покровомъ ночи, скрывавшимъ его малочисленность, задержалъ его отступленіе къ Станимакамъ и далъ возможность главнымъ силамъ отряда ген.-адъют. Гурко нанести непріятелю окончательное пораженіе, на слѣдующій день 5-го января.

За этотъ молодецкій бой командовавшіе 2-мъ и 3-мъ батальонами, вынесшими главную тяжесть боя, капитаны *Нарбутъ* и *Никитинъ*, а также особенно отличившійся при атакѣ на турецкія батареи подпоручикъ *Суликовскій* [3]) были награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени. Число знаковъ отличія, пожалованныхъ въ роты для награжденія нижнихъ чиновъ, наиболѣе отличившихся, было неодинаково: 6-я и 8-я роты, завязавшія бой и наиболѣе пострадавшія, получили наибольшее число знаковъ, а именно: 6-я р.—19, 8-я р.—16. Тринадцать унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей награждены знаками отличія того же ордена 3-й степени, а особенно отличившимся, унтеръ-офицеру Бельгаму и фельдфебелямъ: Лягину, Гориславцу и Дмитріеву были пожалованы тѣ-же знаки 2-й степени (золотые) [4]).

Во всякомъ бою иниціатива частныхъ начальниковъ (въ данномъ случаѣ взводныхъ, ротныхъ и батальонныхъ командировъ) играетъ важную роль; но въ ночномъ бою подъ Карагачемъ она имѣла особенно важное значеніе. Тѣмъ не менѣе, было бы непростительно не упомянуть о лицахъ, руководившихъ боемъ. Мы уже упоминали о генералѣ Красновѣ, которому принадлежала иниціатива боя и общее имъ руководство. Генералъ-маіоръ баронъ Арпсгофенъ,

---

[3]) Подпоручикъ Суликовскій, бывшій на лѣвомъ флангѣ 2-го батальона, при 8-й ротѣ, ближе другихъ къ турецкой линіи, кинулся первымъ къ орудіямъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Нарбутомъ. Успѣхъ боя у орудій былъ еще сомнителенъ, когда онъ закричалъ: „Считай орудія.“

[4]) Списки георгіевскихъ кавалеровъ, убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ смотр. въ приложеніяхъ №№ 9, 10, 11 и 12.

временно командовавшій бригадой, и полковникъ А. И. Костаревъ, ком. полкомъ, сдѣлали все, что зависѣло отъ нихъ и своими распоряженіями способствовали успѣху. Баронъ Арпсгофенъ, несмотря на сильную простуду, не оставлялъ до конца дѣла своего поста и только на другой день, окончательно сломленный болѣзнью, оставилъ полкъ.

Часамъ къ 8 утра л.-гв. Литовскій полкъ достигъ Паша-Махале, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ 3-й гвард. пѣхотной дивизіи, ген.-лейт. Дандевилемъ, прибывшимъ со 2-й бригадой своей дивизіи изъ Филиппополя, по тревогѣ.

„Здравствуйте, молодцы литовцы! Поздравляю васъ съ побѣдою! Орудія таскаете, какъ дрова!“

Эти слова начальника дивизіи произвели сильное впечатлѣніе, и всѣ отвѣчали на нихъ радостными кликами.

Отдыхъ въ Паша-Махале былъ весьма непродолжителенъ, и въ 10 часовъ утра полкъ былъ поднятъ по тревогѣ и снова двинутъ къ д. д. Карагачу и Бѣлесницѣ, гдѣ уже шелъ бой, фазы котораго были видны, какъ на ладони. Картина боя помогла забыть усталость и пробудила угасавшую энергію. Войдя въ сферу огня, полкъ перестроился въ боевой порядокъ за правымъ флангомъ 1-й линіи, т. е. за л.-гв. Волынскимъ полкомъ, находившимся противъ Бѣлесницы, а потомъ, когда фронтъ растянулся, 4-й и 3-й батальоны вошли въ интервалъ между полками 2-й бригады, а 2-й — поставленъ въ резервѣ, у монастыря св. Георгія. Огонь изъ Бѣлесницы съ каждой минутой дѣлался чаще, но пересѣченная мѣстность, представлявшая закрытія почти для каждой роты, предохраняла полкъ отъ большихъ потерь и давала возможность удерживать позицію безъ резервовъ.

Съ появленіемъ подкрѣпленій [5]) турки не выдержали и обратились въ безпорядочное бѣгство, бросивъ артиллерію, обозы и оружіе. Въ одиночку и цѣлыми группами бѣжали они по ущельямъ и оврагамъ, находившимся передъ фронтомъ занятой полкомъ позиціи, подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ, въ отчаяніи карабкались на скалы и были убиваемы, какъ дичь.

---

[5]) Части отряда графа Шувалова.

ПЛАНЪ
НОЧНАГО БОЯ
при Д. КАРАГАЧЪ
4го Января 1878 года.

МАСШТАБЪ
въ англійскомъ дюймѣ 400 саженъ.

400 200 0 400 саженъ

Д. КАРАГАЧЪ

Черт. Поручикъ Поспѣловъ

въ лит. В. Главчевскаго въ Варшавѣ.

Побѣда была полная; непріятель не существовалъ, и о преслѣдованіи его никто не думалъ. 2-й батальонъ собрался въ Карагачѣ, 3-й и 4-й—у монастыря св. Георгія. Послѣ непродолжительнаго отдыха и хорошаго ужина на турецкій счетъ, полкъ возвратился въ Паша-Махале за полночь. 1-я и 2-я роты полка, возвратившіяся изъ Софійскаго отряда, участвовали также въ дѣлѣ этого дня, находясь сперва въ резервѣ, а потомъ до поздней ночи занимаясь уборкой раненыхъ.

Въ сраженіи 5 января въ полку было 6 раненыхъ и 6 контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

За Карагачскій бой и 5-е января полку Высочайше пожаловано отличіе на головной уборъ съ надписью: „За Филиппополь 3, 4 и 5 января 1878 года“ [6]).

6-го января утромъ полкъ снова поднятъ по тревогѣ и двинутъ въ Станимаки, гдѣ простоялъ до 10-го янв., въ турецкой части города, совершенно пустой. Во все это время хлѣбъ получался изъ Филиппополя, а мясо покупалось на мѣстѣ за безцѣнокъ. Обоза по-прежнему не было, и варка пищи производилась въ походныхъ котелкахъ.

10-го января вся 3-я гвард. пѣхот. дивизія выступила къ Адріанополю. Этотъ семидневный походъ, безъ дневокъ, съ переходами въ 25—30 верстъ, въ распутицу, съ ночлегами въ разоренныхъ деревняхъ, съ продовольствіемъ крайне скуднымъ, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ. Впереди слѣдовали 1-я и 2-я гвардейскія пѣхот. дивизіи, оставляя массы отсталыхъ людей и повозокъ, затруднявшихъ движеніе полковъ 3-й гвардейской дивизіи.

Путь къ Адріанополю представлялъ необычайное зрѣлище. Пространство по обѣимъ сторонамъ шоссе на значительное разстояніе покрыто было массами убитыхъ и раненыхъ турокъ и болгаръ, трупами животныхъ, обломками повозокъ и разными принадлежностями домашняго обихода. Картины одна ужаснѣе другой, на каждомъ шагу; для приваловъ нельзя было найти мѣста, свободнаго отъ труповъ людей и животныхъ, и приходилось сворачивать подаль-

---

[6]) Высочайшая грамота полку, отъ 6 іюля 1878 г.

ше отъ шоссе. Одинъ изъ офицеровъ, однажды, хотѣлъ сосчитать число валявшихся на дорогѣ осей и въ теченіе получаса насчиталъ 1400.

Это были послѣдствія паники, овладѣвшей мусульманскимъ населеніемъ западной Болгаріи послѣ уничтоженія арміи Сулеймана.

Всѣ семь переходовъ къ Адріанополю въ общемъ походили одинъ на другой. Та-же усталость, тѣ-же картины смерти и разрушенія, то-же отсутствіе хорошей воды. Днемъ тепло, и у всѣхъ развивается жажда; по канавкамъ, окаймляющимъ шоссе, стоитъ вода отъ тающаго снѣга, но въ ней лежатъ трупы и всякія нечистоты; офицеры уговариваютъ солдатъ не пить этой воды, но нерѣдко и сами не выдерживаютъ мученій томившей ихъ жажды.

16-го января, около 4 часовъ пополудни, л.-гв. Литовскій полкъ подходилъ къ Адріанополю. Погода была дождливая, а рѣзкій холодный вѣтеръ прохватывалъ до костей, что было особенно чувствительно при частыхъ остановкахъ, неизбѣжныхъ при движеніи войскъ большими массами. Благодаря этимъ остановкамъ, полкъ вошелъ въ городъ уже вечеромъ и, пройдя въ темнотѣ по невообразимо грязнымъ улицамъ, остановился въ турецкомъ кварталѣ одного изъ предмѣстій. Вездѣ вонь, грязь и тѣснота; въ домахъ массы турокъ, бѣжавшихъ изъ другихъ мѣстъ, а самые дома въ страшномъ безпорядкѣ.

На другой день по вступленіи въ Адріанополь всѣ роты полка размѣстились поудобнѣе, очистили свои помѣщенія отъ нечистотъ и приступили къ исправленію одежды, обуви и амуниціи, находившихся въ самомъ жалкомъ состояніи.

Предмѣстье, въ которомъ расквартированъ былъ полкъ, отдѣлялось отъ города р. Марицей, черезъ которую пролегалъ огромный мостъ древней постройки. Отсюда великолѣпный видъ на городъ съ его величественными минаретами и множествомъ оригинальныхъ построекъ. По мѣрѣ приближенія къ городу, однакожъ, престижъ начинаетъ пропадать; на берегу Марицы множество нечистотъ и падали; ведущія въ городъ улицы кривы, грязны и дурно вымощены. Лучшая часть города представляетъ сплошную мелочную лавку и ресторанъ низшаго разряда, набитые евреями и греками. И тѣ, и другіе, по своей жадности къ наживѣ, напоминали собою братьевъ ру-

мынъ, и наши офицеры, давно не видѣвшіе комфорта, невольно сдѣлались жертвами ихъ эксплоататорской дѣятельности.

19-го января, вечеромъ, улицы Адріанополя огласились восторженными кликами „ура," отголоски котораго донеслись и въ предмѣстье, гдѣ стоялъ Литовскій полкъ. Никто не зналъ еще причины крика, но, догадываясь, что произошло какое-то радостное событіе, каждый подхватывалъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Вскорѣ прибывшіе изъ города офицеры разсказали о пріѣздѣ турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о перемиріи, о кавасахъ, везшихъ золотое перо и чернильницу, и о томъ, что Великій Князь Главнокомандующій лично объявилъ о заключеніи перемирія.

20-го января къ полку присоединился и вступилъ въ командованіе Свиты Его Величества ген.-маіоръ баронъ Аршгофенъ, остававшійся за болѣзнію въ Филиппополѣ.

24-го въ полку полученъ былъ извѣстный приказъ главнокомандовавшаго о заключеніи перемирія, чтеніе котораго во всѣхъ ротахъ полка вызвало новыя проявленія радости и восторга.

Между тѣмъ, слухи о походѣ къ Константинополю дѣлались все настойчивѣе, и вскорѣ былъ полученъ приказъ ген.-адъют. Гурко, въ которомъ сказано, что 3-я гвард. пѣхотная дивизія выступитъ къ Константинополю 29 января. Въ этотъ день, рано утромъ, вся дивизія была построена на обширномъ дворѣ недавно сгорѣвшихъ турецкихъ казармъ. Шефъ полка, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, объѣхалъ ряды литовцевъ, въ полковомъ мундирѣ, и горячо благодарилъ за службу и бой 4 января. Вскорѣ затѣмъ прибылъ и Великій Князь Главнокомандующій, которому полкъ отдалъ честь по командѣ своего Шефа. Подъѣхавъ ко 2-му и 3-му батальонамъ, главнымъ участникамъ боя 4-го января, Его Высочество благодарилъ ихъ за лихую штыковую работу и передалъ благодарность Государя Императора. Слова эти сопровождались задушевнымъ „ура." Окончивъ объѣздъ дивизіи, Главнокомандовавшій снова остановился передъ серединой полка и, вызвавъ офицеровъ, сказалъ имъ:

„Ваше дѣло 4-го, подъ Карагачемъ, было дѣло чисто офицерское, безпримѣрно-славное, молодецкое! Государь Императоръ при-

казалъ васъ благодарить. Примите-же и Мое поздравленіе, а также и Мою благодарность."

Затѣмъ Его Высочество вызвалъ впередъ капитановъ Никитина и Нарбута, обнялъ ихъ и навѣсилъ Георгіевскіе кресты; а потомъ скомандовалъ полку „на караулъ" и поздравилъ литовцевъ съ тремя новыми георгіевскими кавалерами. Подпоручикъ Суликовскій за раной находился въ Филиппополѣ, и его крестъ Великій Князь передалъ командиру полка.

ГЛАВА XXX.

(1878).

Походъ полка къ Константинополю.—Описаніе отдѣльныхъ дѣйствій ротъ 1-го батальона.—Стоянка полка въ Кумъ-Бургасѣ и Эпиватесѣ. — Своеобразность греческихъ нравовъ.—Заключеніе мира и праздникъ въ Эпиватесѣ.—Стоянка въ Кшастеро и Ялосѣ.—Буюкъ-Чекмеджи.—Эремъ-Бургасъ.—Амбарли. — Парадъ у Ай-Мама и возвращеніе въ Россію.

Въ тотъ-же день л.-гв. Литовскій полкъ, сдѣлалъ переходъ къ д. Хавса, на другой день, 30 января — къ д. Алопла, 31-го—къ Люле-Бургасу, 2-го февраля — къ Чифликіой, гдѣ и расположился по квартирамъ. Чифликіой, хотя и небольшая, но уцѣлѣвшая отъ разрушенія деревня, а потому въ ней можно было найти сносныя квартиры. Благодаря принятымъ въ полку мѣрамъ, нижніе чины имѣли около фунта хлѣба и до 2 фунтовъ мяса въ день.

Утромъ 8 февраля полкъ выступилъ къ г. Чорлу, оставивъ въ Чифликіоѣ, при комендантѣ полковникѣ Бушѣ, 2-ю роту. По дорогѣ, въ д. Кариштиранѣ, до прибытія 2-й бригады, была также оставлена рота Его Высочества для охраненія турецкаго обоза, захваченнаго Кекгольмскимъ полкомъ. 9-го полкъ прибылъ въ Чорлу, 10-го принялъ тамъ запасъ сухарей и перешелъ на ночлегъ въ д. Чанты, а 11-го, при отличной солнечной и теплой погодѣ, къ полудню, подходилъ уже къ Силиври. При видѣ Мраморнаго моря всѣми овладѣло радостное чувство. „Всѣ мы съ дѣтства привыкли, пишетъ очевидецъ, считать Царьградъ и это море недосягаемо далекими; теперь-же вотъ оно: наши ноги ступаютъ по мрамору, выброшенному на его берегъ волнами. Беремъ кусочки мрамора на память, и странно вспомнить, куда занесла насъ судьба.“

„Въ Силиври насъ встрѣтили греки съ предложеніемъ услугъ. Располагаемся въ турецкой части города, разрушенной и заваленной нечистотами. Дома безъ оконъ, дверей и даже лѣстницъ; въ комнатахъ и на дворахъ массы нечистотъ; вездѣ кровь, трупы и вонь невыносимая. Греческая часть города совершенная противоположность: улицы чистыя, дома прекрасные, но заняты штабами нашихъ войскъ“ [1]).

15-го февраля утромъ полкъ выступилъ изъ Силиври и, пройдя по берегу моря черезъ Эниватесъ, остановился въ д. Кумъ-Бургасѣ, гдѣ простоялъ до 17-го. Кумъ-Бургасъ лежитъ у самаго берега Мраморнаго моря, и эта близость моря развлекала всѣхъ. Солдаты забирались въ стоявшія у берега греческія лодки и воображали, что плывутъ въ Россію.

Стоянка въ Кумъ-Бургасѣ ознаменовалась для полка событіемъ огромной важности: прибытіемъ обоза, оставленнаго въ Орханіе. Вмѣстѣ съ обозомъ къ полку присоединились 3-я и 4-я его роты, бывшія въ отдѣлѣ почти два мѣсяца. Радостная встрѣча и разсказы безъ конца.

Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшій разсказъ, намъ придется вернуться назадъ и сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ 1-го батальона въ софійскомъ отрядѣ.

* * * *

Выше было сказано уже, что 1-й батальонъ 10 декабря былъ оставленъ въ д. Чуріакъ для прикрытія 1-й и 3-й батарей и 8-ми зарядныхъ ящиковъ 3-й гвард. и гренад. бригады. За болѣзнію полковника Буша батальономъ командовалъ капитанъ Шерферъ. 20-го декабря, по приказанію генерала Философова, батальонъ съ артиллеріею перешелъ въ д. Потанъ, гдѣ ночевалъ въ избахъ. 21-го совершонъ утомительный переходъ къ Негошеву, во время котораго литовцы тащили артиллерію на своихъ плечахъ. 1-я и 2-я роты, несмотря на небольшой переходъ, такъ и не добрались къ Негошеву и ночевали съ одной батареей у подошвы крутаго подъема.

[1]) Изъ записокъ капитана Федорова.

23-го батальонъ присоединился къ отряду ген.-лейт. Вельяминова въ дер. Куманицѣ, а 24 вступилъ въ г. Софію, незадолго передъ тѣмъ оставленную турками. 26-го декабря, вслѣдствіе приказа по софійскому отряду, батальонъ выступилъ къ г. Ихтиману для присоединенія къ кавалерійскому отряду графа де-Бальмена. 31-го капитанъ Шерферъ получилъ приказаніе оставить въ Ихтиманѣ одну роту и слѣдовать далѣе, вслѣдствіе чего была оставлена 4-я рота, командиръ которой, штабсъ-капит. Шульманъ, былъ назначенъ комендантомъ города. Остальныя три роты ночевали въ разоренной черкесской деревнѣ Іенъ-Магалесси. 1-го января 1878 года батальонъ прошелъ черезъ Траяновы ворота, таща артиллерію съ такимъ усердіемъ, что командиръ 1-й бригады 1-й гвард. пѣхотн. дивизіи, Принцъ Ольденбургскій, замѣтилъ это и благодарилъ людей по прибытіи въ Вѣтреново.

2-го января 1-я и 2-я роты выступили къ Татаръ-Базарджику за 1-й гвард. пѣхотн. дивизіей, а 3-я рота оставлена въ Вѣтреновѣ съ 300 плѣнныхъ турокъ. Пройдя черезъ объятый пламенемъ Татаръ-Базарджикъ и переночевавъ въ д. Канаре-Дувалкіой, 1-я и 2-я роты 3-го января выступили вслѣдъ за 1-й гвард. дивизіей по шоссе къ Филиппополю и во время боя колонны графа Шувалова, вмѣстѣ съ л.-гв. Сапернымъ батальономъ, находились въ резервѣ. Вечеромъ 2-я рота оставлена въ д. Хаскіой при перевязочномъ пунктѣ, а рота Его Высочества со знаменемъ отправлена въ Филиппополь, гдѣ и размѣстилась въ предмѣстьи города. 5-го января, утромъ, послѣ переправы черезъ Марицу, частію на паромѣ, частію въ бродъ, рота Его Высочества прибыла къ Паша-Махале, гдѣ по приказанію начальника дивизіи, генер.-лейт. Дандевиля, немедленно занялась уборкой раненыхъ, а вечеромъ того-же дня вмѣстѣ со 2-й ротой присоединилась къ своему полку.

4-я рота, оставленная въ Ихтиманѣ, принявъ отъ л.-гв. Финляндскаго полка 316 плѣнныхъ турокъ, 3-го января вмѣстѣ съ ними перешла въ Вѣтреново, гдѣ и присоединилась къ 3-й ротѣ. 5-го обѣ роты, подъ командой штабсъ-капит. Россинскаго, вмѣстѣ съ плѣнными, находившимися въ крайне жалкомъ состояніи, прибыли въ Татаръ-Базарджикъ, гдѣ по-очереди занимали караулы, для охраненія плѣнныхъ и поддержанія порядка въ городѣ. Плѣнными за-

вѣдывалъ подпор. Евдокимовъ, наблюдавшій также и за ихъ продовольствіемъ, которое получалось отъ жителей. 6-го января въ городъ явилась депутація жителей дер. Пештеръ (въ 18 верстахъ отъ Татаръ-Базарджика) съ просьбой о помощи противъ баши-бузуковъ, грабившихъ деревню, вслѣдствіе чего на мѣсто была отправлена полурота 4-й роты подъ начальствомъ подпоручика Панина. На слѣдующій день отъ Панина получено донесеніе, что башибузуки при его приближеніи отступили къ д. Осиново, но что число ихъ жители опредѣляютъ въ 2 или 3 тысячи. Донесеніе заключалось просьбой о присылкѣ подкрѣпленія. Вслѣдствіе этого, полковникъ Рожновъ (завѣдывавшій хозяйствомъ л.-гв. Литовскаго полка), прибывшій въ Татаръ-Базарджикъ наканунѣ и принявшій на себя обязанность коменданта, послалъ къ Панину другую полуроту 4-й роты. Получивъ подкрѣпленіе и вооруживъ наскоро нѣсколько сотъ болгаръ, Панинъ выступилъ со всѣми своими силами къ д. Осиново. При приближеніи къ деревнѣ онъ выслалъ въ цѣпь болгаръ, которыми руководили охотники изъ нижнихъ чиновъ роты. Сначала башибузуки открыли огонь, но затѣмъ, видя рѣшительное наступленіе 4-й роты, очистили Осиново и отступили въ сосѣднюю деревню Сельдзе. Тутъ они защищались упорнѣе, но были выбиты болгарами, потерявшими при этомъ 5 человѣкъ убитыми, и въ безпорядкѣ отступили въ горы. Въ 4-й ротѣ убитъ горнистъ Маркъ Медвѣдевъ.

О дѣлѣ этомъ полковникъ Рожновъ донесъ ген.-адъютанту Гурко, отъ котораго получено приказаніе оставить роту въ д. Пештеры, а присланный адъютантъ отъ имени его высокопревосходительства благодарилъ людей 4-й роты за дѣло при Осиново и Сельдзе.

25-го января 3-я и 4-я роты, вмѣстѣ съ полковымъ обозомъ, сдавъ плѣнныхъ прибывшимъ на смѣну, выступили изъ Татаръ-Базарджика для присоединенія къ полку; 2-го февраля прибыли въ Адріанополь, гдѣ по приказанію командира полка простояли до 7-го, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ одежды и обуви, и присоединились къ полку только 17-го февраля въ Кумъ-Бургасѣ.

* * *

17-го февраля, по приказанію начальника дивизіи, 2-й и 4-й батальоны для болѣе свободнаго расквартированія переведены въ близлежащій городокъ Эпиватесъ, лежащій у самаго берега моря, въ гористой мѣстности. Эпиватесъ отличается чистотой и опрятностью; улицы, хотя узкія и кривыя, но чистыя; дома деревянные, изящной отдѣлки. Сплошное населеніе города составляютъ греки, занимающіеся по-преимуществу торговлей. Въ городѣ есть нѣсколько кафе-ресторановъ и даже одинъ пансіонъ для дѣвицъ. Встрѣча жителей города была очень радушна и оставила навсегда пріятное воспоминаніе для нашихъ однополчанъ. Не только офицеры, но и солдаты пользовались широкимъ гостепріимствомъ грековъ; не было дома, въ которомъ-бы не вышла на встрѣчу красивѣйшая дочь семейства съ подносомъ варенья и кофе. Офицеры пользовались полнымъ комфортомъ, а къ коменданту города, полковнику Бялому, греки относились чуть не съ благоговѣніемъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ сдѣлали визиты директрисѣ пансіона, въ которомъ, кстати сказать, было много очень красивыхъ дѣвицъ, и скоро сдѣлались у нея своими людьми: танцовали у нея на вечерахъ, сидѣли въ классахъ въ роли экзаменаторовъ и даже пѣли съ дѣвицами на клиросѣ пансіонской церкви, по гречески. Знакомству офицеровъ съ обществомъ много содѣйствовалъ докторъ и учитель пансіона Фотіусъ, единственный почти (кромѣ пансіона) человѣкъ въ городѣ, имѣвшій видъ европейца. Онъ всегда былъ безотлучно съ нашими офицерами, сочинялъ имъ адресы, за обѣдами и на площадяхъ говорилъ рѣчи, пѣлъ свои національныя пѣсни, а также пѣсни въ честь Россіи и ея Государя.

Насколько оригинальны нравы жителей Эпиватеса, можетъ послужитъ примѣромъ слѣдующій эпизодъ, описанный однимъ изъ нашихъ однополчанъ.

19-го февраля ожидали подписанія мирнаго договора, а въ Санъ-Стефано назначенъ былъ парадъ нашимъ войскамъ; поэтому и въ Эпиватесѣ рѣшено было по достоинству отпраздновать этотъ знаменательный для каждаго русскаго день. Нѣкоторые изъ офицеровъ утверждали, что и греки не прочь отпраздновать этотъ день съ нами. Стали ихъ допрашивать; они, видимо, рады были празднику, но отъ фактическаго участія въ его устройствѣ уклонялись.

Дѣлать нечего, рѣшено было устроить балъ на собственныя средства, пригласить побольше красивыхъ гречанокъ, а отъ грековъ тоже уклоняться. Жители отвели для вечера двухъ-этажный домъ и съ утра толпились вокругъ него. Времени мало, матеріаловъ для сносной обстановки почти никакихъ; обратились кое зачѣмъ къ новымъ своимъ друзьямъ, но тѣ за все просятъ денегъ. Дѣйствуя, однакожъ, черезъ прекрасный полъ, распорядители добыли кое-какую мебель, посуду и цвѣты. На стѣнахъ помѣщены портреты Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и Императора Вильгельма; греки принесли портреты Короля и Королевы Эллиновъ, прося помѣстить и ихъ, при чемъ старались повѣсить ихъ повыше. Зала и подъѣздъ были украшены военными арматурами, флагами и цвѣтами.

19-го, утромъ, былъ отслуженъ молебенъ для всего полка, а послѣ обѣда на площади играла полковая музыка. Греки бросали на офицеровъ заискивающіе взгляды, а нѣкоторые даже сами просили позволенія прійти на вечеръ. Какъ ни сопротивлялись, но въ 7 часовъ вечера всѣ гости мужескаго пола были уже на лицо; просятъ ѣсть и говорятъ, что пора начинать. Ни одна изъ дамъ не явилась. За разрѣшеніемъ этой загадки обращаются къ доктору Фотіусу; тотъ сначала говорилъ, что по ихъ обычаю дамамъ нельзя бывать въ публичныхъ собраніяхъ, но потомъ посовѣтовалъ сдѣлать такъ: выпроводить гостей безъ церемоніи и объявить, что пустятъ только того, кто пріѣдетъ съ дамой. Такъ и сдѣлали, и черезъ часъ залъ наполнился красавицами Эпиватеса, которыя только и были задержаны пробудившеюся у мущинъ ревностью.

Вечеръ прошелъ очень удачно и весело; дамы не умѣли, правда, танцовать, но офицеры подучили ихъ, и танцы шли оживленно. Угощеніе для дамъ было обильное и ихъ подпоили; мущинъ угощали умѣренно, но и они были веселы и попросили позволенія протанцовать по-своему. Явилась греческая музыка, отъ которой у нашихъ рѣзало въ ушахъ, а греки умилялись; мущины сняли сюртуки и, ставъ въ кругъ съ дамами, начали подпѣвать, дѣлая на на подобіе „журавля.“ Затѣмъ наша музыка грянула „камаринскую,“ подъ звуки которой пустились въ танецъ ротные плясуны. Въ ан-

трактахъ между танцами пансіонерки пѣли довольно стройно національныя пѣсни.

За ужиномъ получено было извѣстіе о заключеніи мира; всѣ еще болѣе оживились, поздравляли другъ друга, и тостамъ не было конца... [2]).

20-го февраля въ приказѣ по полку объявлено о пожалованіи Его Высочествомъ Главнокомандовавшимъ, за переходъ черезъ Балканы и дѣла 3-го, 4-го и 5-го января подъ Филиппополемъ, 208 знаковъ отличія военнаго ордена 4-й степени, при чемъ изъ этого числа предписано было наградить и тѣхъ нижнихъ чиновъ (90 человѣкъ) которые были представлены къ именнымъ крестамъ, заслуженнымъ ими по статуту [3]).

24-го весь полкъ былъ собранъ въ Эпиватесѣ и выступилъ въ Силиври, гдѣ пробылъ до 27-го, а затѣмъ переведенъ въ д. д. Кшастеро и Ялосъ, гдѣ простоялъ до 14 марта. Этой стоянкой всѣ были довольны: хорошее продовольствіе, чистыя квартиры и прелестная южная погода. Тѣмъ не менѣе скука одолѣвала и офицеровъ и солдатъ, и тѣ и другіе жили со дня на день, въ ожиданіи посадки на суда и желаннаго возвращенія на родину. Новости получались преимущественно изъ старыхъ газетъ или отъ штабныхъ, часто ѣздившихъ въ Санъ-Стефано.

14-го марта по новой дислокаціи л.-гв. Литовскій полкъ былъ переведенъ въ Буюкъ-Чекмеджи, грязный, полуразрушенный городокъ, оставленный жителями-турками. Близость Константинополя давала возможность правильно продовольствовать полкъ, такъ какъ хлѣбъ получался ежедневно съ судовъ. Изъ Россіи получена была мундирная одежда и обувь. Кромѣ того, были ротныя швальни для шитья гимнастич. рубахъ и шинелей.

Ученья производились ежедневно, но все-таки свободнаго времени было много, и всѣ тосковали по далекой родинѣ. Еще въ февралѣ всѣ собирались домой, но вотъ уже и апрѣль и ввиду нѣтъ не только близкаго возвращенія, а напротивъ поговариваютъ о стоянкѣ въ Турціи до окончанія Берлинскаго конгресса.

---

[2]) Изъ записокъ капитана Федорова.
[3]) См. приложеніе № 10, списокъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Солдаты развлекаются пѣснями, которыя слышатся по всему прибрежью, играми и пляской; на мосту древней римской постройки, близь Буюка, цѣлое гулянье; многіе сидятъ, свѣсивъ ноги надъ моремъ, и ведутъ все одну и ту-же бесѣду о родинѣ.

Офицеры живутъ такъ скученно, что разговаривать можно черезъ окно съ кѣмъ угодно, но также скучаютъ. Читать нечего; русскія газеты получаются черезъ мѣсяцъ, а „La Turquie“ и „L'Orient,“ случайно попавшія, выучены чуть не наизусть. Предложитъ кто нибудь прогулку верхомъ, и вотъ ѣдутъ въ Каликратъ за новостями, во 2-ю бригаду, офицеры которой также отъ скуки ѣдутъ къ намъ. Приходъ почты составляетъ радостное событіе; всѣ бѣгутъ за письмами; но, конечно, не всѣ получаютъ. „Ну, что тебѣ пишутъ?—освѣдомляются у офицера, получившаго письмо.

— Да ничего: это отъ старухи бабушки.

„А, господа, отъ бабушки! раздается общій крикъ: „бабушка все знаетъ, читай Бога ради!“ И письмо отъ бабушки, дѣйствительно, читается вслухъ.

— Вотъ такъ бабушка! шумятъ всѣ.—Хорошая бабушка, славная бабушка! Нужно выпить за здоровье бабушки!

Къ концу стоянки установилось болѣе правильное сообщеніе, что дало возможность получать книги и газеты, а главное, послѣдовало разрѣшеніе увольнять офицеровъ въ Константинополь. Раздѣлились на очереди, и почти всѣ офицеры перебывали въ турецкой столицѣ; но поѣздки эти обходились такъ дорого, что не многіе рѣшались поѣхать туда во второй разъ.

Въ концѣ апрѣля въ Буюкѣ появилась тифозная эпидемія, а потому полкъ былъ выведенъ и расположенъ лагеремъ близь дороги изъ Буюка въ Константинополь. Эпидемія не усиливалась, но и не прекращалась. Во время стоянки въ лагерѣ насъ посѣтилъ командовавшій гвардейскимъ корпусомъ, ген.-адъют. графъ Шуваловъ. Онъ произвелъ смотръ, законченный весьма удачнымъ маневромъ, остался доволенъ и благодарилъ.

4-го мая вся дивизія была переведена ближе къ Константинополю, къ Эремъ-Бургасу и расположена лагеремъ на горѣ, близь Кучукъ-Чекмеджійскаго залива. Стоянку эту можно назвать самою томительною изъ всѣхъ. Кругомъ все голо, жары страшныя,

и эпидемія принимаетъ большіе размѣры. Ученья, военныя прогулки, исправленіе дорогъ и другія занятія продолжаются по-прежнему, но терпѣніе у всѣхъ истощается: всѣ сдѣлались раздражительны. Однажды только однообразіе этой стоянки было нарушено „тревогой," по которой л.-гв. Литовскій полкъ былъ выдвинутъ на позицію впереди д. Амбарли, противъ моста изъ Кучукъ-Чекмеджи, который, въ случаѣ наступленія турокъ, предполагалось взорвать. Простоявъ на позиціи до вечера, полкъ вернулся въ лагерь.

24-го іюня полкъ переведенъ былъ къ д. Амбарли и расположенъ лагеремъ на высокой горѣ, откуда открывался великолѣпный видъ на Босфоръ, Константинополь, острова Принца и азіатскій берегъ. Въ окрестностяхъ лагеря множество фруктовъ и винограда. 4-го іюля офицеры праздновали въ семейномъ кружкѣ полугодовщину Карагачскаго боя, а многіе изъ нихъ участвовали въ поѣздкахъ на Принцевы острова.

Съ началомъ августа началась постройка пристаней въ Санъ-Стефано, Каликратѣ и Эрекли для посадки войскъ на суда. Съ этою цѣлью въ Каликратъ отъ полка отправлены пять ротъ, а подпоручикъ Мясоѣдовъ назначенъ въ помощь офицеру, завѣдывавшему посадкой.

5-го августа полкъ участвовалъ въ парадѣ, произведенномъ главнокомандовавшимъ, генер.-адъют. Тотлебенымъ, въ 7 верстахъ отъ Константинополя, у д. Ай-Мама. По окончаніи парада, который произвелъ на тысячи присутствовавшихъ иностранцевъ сильное впечатлѣніе многочисленностью и прекраснымъ видомъ войскъ, л.-гв. Литовскій полкъ возвратился на свою стоянку у Амбарли. 11-го августа полкъ передвинулся, ввиду предстоявшей посадки, къ д. Пулая-Кіой, находящейся въ одной верстѣ отъ Каликрата. 20-го, послѣ напутственнаго молебна, приступили къ посадкѣ на суда, при чемъ на пароходѣ „Чихачевъ" помѣстились 1 и 2, а на датскомъ пароходѣ „Нордкапъ" 3-й и 4-й батальоны. Плаваніе въ Черномъ морѣ ознакомило всѣхъ съ морской болѣзнью, такъ какъ 21 и 22 качка давала себя сильно чувствовать. 23-го качка была менѣе замѣтна, и всѣ оправились, а 24-го наши мореплаватели увидѣли русскій берегъ. „Нордкапъ" вошелъ въ Одесскій портъ въ 11 часовъ утра; мѣсто высадки было украшено флагами и цвѣтами,

а на берегу стояли толпы народа, встрѣтившія приближавшійся пароходъ крикомъ „ура.“ Въ числѣ встрѣчавшихъ находился и бывшій командиръ Литовскаго полка, генералъ-лейт. баронъ Корфъ, въ нашемъ полковомъ мундирѣ. Войдя на берегъ и принявъ поздравленіе отъ генерала Дренякина, назначеннаго встрѣчать прибывающія изъ Турціи войска, съ благополучнымъ возвращеніемъ, 3-й и 4-й батальоны прошли на соборную площадь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ двинулись за городъ, на мѣсто бивака.

Въ 4 часа по-полудни причалилъ „Чихачевъ“ съ 1-мъ и 2-мъ батальонами, встрѣченными такимъ-же образомъ.

Пятидневная стоянка въ Одессѣ прошла незамѣтно, такъ какъ всѣ пользовались сравнительной свободой и отъ души, съ сознаніемъ людей, сдѣлавшихъ свое дѣло, предавались удовольствіямъ большаго города. Въ лагерѣ оставались только дежурные офицеры; остальные жили на квартирахъ, предложенныхъ городомъ; вездѣ встрѣчали они радушный пріемъ и пріятное общество. Баронъ Андр. Никол. Корфъ, о которомъ въ полку сохранились наилучшія воспоминанія, въ эти дни былъ почти неразлученъ съ литовцами, со вниманіемъ слушая ихъ разсказы о минувшей кампаніи.

28-го августа лагерь нашъ посѣтилъ командовавшій войсками Одесскаго военнаго округа, ген.-адъют. Семека, послѣ чего нижнимъ чинамъ предложено было угощеніе отъ города. 30 августа совершено было молебствіе по случаю тезоименитства Государя, а затѣмъ началась посадка въ вагоны желѣзной дороги для возвращенія въ Варшаву. 3-го и въ ночь на 4-е сентября эшелоны полка прибыли въ этотъ городъ и были встрѣчены съ энтузіазмомъ варшавянами. Однакоже, въ видахъ дезинфекціонныхъ, полку приказано было расположиться лагеремъ на Повонзкахъ, что при холодной погодѣ представляло много неудобствъ.

12-го сентября въ лагерь пріѣхалъ командовавшій войсками, графъ Коцебу, который привѣтствовалъ полкъ и поздравлялъ съ возвращеніемъ. Прибывшая съ нимъ депутація отъ города предложила нижнимъ чинамъ угощеніе, послѣ котораго городъ давалъ обѣдъ въ честь офицеровъ всего гвардейскаго отряда въ залѣ Швейцарской Долины.

ГЛАВА XXXI.

(1878—1881).

Казарменное размѣщеніе полка послѣ войны и демобилизація.—Назначеніе новаго полковаго командира, ген.-маіора Водара. — Теоретическія занятія офицеровъ.— Посѣщеніе Варшавы Государемъ въ 1879 году и милости, оказанныя полку. — Назначеніе полковника Никитина флигель-адъютантомъ.—Высочайшее посѣщеніе офицерскаго собранія. — Картина Карагачскаго боя.

Въ концѣ сентября 1878 года л.-гв. Литовскій полкъ перешелъ изъ лагеря въ свои прежнія казармы; 1-й и 4-й батальоны съ полковымъ штабомъ размѣстились въ Уяздовскихъ казармахъ, а 2-й и 3-й—въ Кирасирскихъ, называвшихся такъ потому, что въ нихъ до 1830 года квартировалъ Подольскій кирасирскій полкъ. Собственно ни тѣ, ни другія не заслуживали названія казармъ: это были деревянные одноэтажные бараки, весьма ветхіе и холодные, съ большимъ трудомъ приспособленные для житья при помощи разныхъ средствъ и вообще представлявшіе весьма жалкій видъ, какъ внутри, такъ и снаружи. Несмотря на усиленную вентиляцію черезъ щели, въ покояхъ въ ночное время отъ сырости стоялъ густой паръ, гнилыя половицы деревяннаго пола нерѣдко проваливались подъ ногами; оконныя рамы были также стары, и отъ оконъ въ холодное время страшно дуло, несмотря на то, что на ночь онѣ снаружи закрывались цыновками. Только одинъ 4-й батальонъ размѣщенъ былъ въ новой каменной двухъ-этажной казармѣ.

Нынѣшнее расположеніе полка составляетъ полнѣйшую противоположность. Часть прежнихъ Уяздовскихъ бараковъ разобра-

на, и на мѣстѣ ихъ постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, выстроены двухъ-этажныя, каменныя, свѣтлыя и просторныя казармы, по одной на каждый батальонъ, съ отдѣльными помѣщеніями для столовыхъ (также по одному на батальонъ), которыя въ часы зимнихъ фронтовыхъ занятій и практическихъ упражненій служатъ весьма удобными учебными залами. Сообщеніе между казарменными постройками, въ сырое время года, облегчено каменной мостовой, проложенной вдоль казарменныхъ построекъ, во всю длину обширнаго двора Уяздовскихъ казармъ, отъ Раздорожья до Маршалковской улицы. До постройки этой мостовой ни одинъ извощикъ, въ осеннюю и весеннюю распутицу, не рисковалъ въѣхать на полковой дворъ, представлявшій собою необозримое море грязи.

Но этимъ не окончились улучшенія нашего казарменнаго размѣщенія: предполагается выстроить помѣщенія для полковаго штаба и его хозяйственныхъ отдѣловъ; флигель для офицерскихъ квартиръ, въ которомъ будетъ помѣщаться и офицерское собраніе, и проч. Старые бараки, наводящіе унынie своимъ видомъ, будутъ окончательно снесены; разрушатъ и баракъ, служившій помѣщеніемъ для офицерскаго собранія, съ которымъ связано столько дорогихъ для полка, хотя, можетъ быть, и грустныхъ воспоминаній.

Демобилизація полка и приведеніе въ порядокъ всего того, что было разстроено войной, т. е. главнымъ образомъ, хозяйства и письменной части, представляли не мало хлопотъ. Слѣды войны сохранились въ полку надолго, что можно вѣдѣть изъ слѣдующаго примѣра. По возвращеніи въ Варшаву въ спискахъ полка числились въ госпиталѣ 371 больныхъ, изъ которыхъ мѣстонахожденіе 226 ниж. чиновъ не было извѣстно. Почти пять лѣтъ полковая канцелярія вела переписку съ разными учрежденіями и присутственными мѣстами (полицейскими управленіями, госпиталями и т. п.) съ цѣлью розысканія слѣдовъ этихъ людей. Судьба многихъ была обнаружена, но 51 человѣкъ такъ и остались нерозысканными и только въ 1883 году исключены изъ списковъ полка.

Въ концѣ 1878 года ген.-маіоръ баронъ Арнсгофенъ оставилъ полкъ. Новымъ командиромъ назначенъ ген.-маіоръ Александръ Карловичъ Водаръ [1]), прибывшій въ полкъ и вступившій въ коман-

[1]) Высочайшій приказъ отъ 1 декабря 1878 года.

дованіе въ концѣ декабря того-же года. Барону Арпсгофену высочайше пожалованъ полковой мундиръ, а имя его занесено въ списки полка.

Съ возвращеніемъ въ Варшаву для полка наступила вновь обыденная жизнь мирнаго времени, оживляемая, впрочемъ, свѣжими еще воспоминаніями недавняго прошлаго. Замкнутые снова въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, офицеры л.-гв. Литовскаго полка лучшимъ и пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени считали бесѣды о минувшей кампаніи, принимавшія всегда самый оживленный, задушевный характеръ.

Въ обученіи нижнихъ чиновъ полка послѣ войны произошли измѣненія, о которыхъ нельзя не упомянуть. Въ строевомъ уставѣ многое измѣнено, сообразно съ условіями и обстановкой современнаго боя. Разсыпной строй и маневрированіе получили преобладающее значеніе, при чемъ отмѣнены нѣкоторыя отжившія формы сомкнутаго строя. Курсъ стрѣльбы значительно расширенъ, а порядокъ обученія этой важной отрасли военнаго дѣла совершенно измѣненъ. На всѣ эти перемѣны, конечно, большое вліяніе оказалъ опытъ минувшей кампаніи. Теоретическому обученію нижнихъ чиновъ полка отведено должное мѣсто; отъ офицеровъ требовалось, чтобы при занятіяхъ этого рода они не упускали случая пріучать нижнихъ чиновъ къ мышленію, возвышая тѣмъ общій уровень ихъ развитія.

Внѣслужебныя занятія офицеровъ ведутся съ большею, чѣмъ прежде, послѣдовательностью. Кромѣ тактическихъ занятій, совершенно систематизированныхъ и заключающихся въ рѣшеніи задачъ на планахъ и въ полѣ, молодымъ офицерамъ поручается разработка темъ, преимущественно военно-историческихъ, для которыхъ послѣдняя кампанія представляетъ богатый матеріалъ. Всесторонее изученіе какого либо вопроса и публичное изложеніе его въ присутствіи офицеровъ всего полка и начальствующихъ лицъ [2]), пріучаетъ нашу полковую молодежь къ самостоятельному труду,

---

[2]) Чтенія эти, происходившія въ офицерскомъ собраніи, удостаивали своимъ присутствіемъ: командующій войсками, генералъ-адъютантъ Гурко, генералъ отъ инфантеріи баронъ Криденеръ, начальникъ дивизіи, ген.-лейт. Дандевиль, и другіе.

а для нѣкоторыхъ по всей вѣроятности, послужитъ первымъ шагомъ къ болѣе серьезнымъ военно-историческимъ изслѣдованіямъ.

Къ числу воспитательныхъ мѣръ, принятыхъ въ полку послѣ войны, слѣдуетъ отнести увеличеніе состава полковой школы солдатскихъ дѣтей почти вдвое и улучшеніе положенія учениковъ. Кромѣ желанія обезпечить участь малолѣтнихъ сыновей нижнихъ чиновъ, служившихъ въ полку, къ этому побуждала также и необходимость имѣть въ полку опытныхъ писарей, закройщиковъ, музыкантовъ и проч. Для этой цѣли удалось выхлопотать свободное помѣщеніе въ одномъ изъ бараковъ кирасирскихъ казармъ. Присмотръ за дѣтьми и ихъ обученіемъ возложенъ на одного изъ офицеровъ полка, освобожденнаго отъ всякихъ другихъ служебныхъ занятій. При этомъ нельзя не упомянуть съ благодарностью объ участіи, принимаемомъ нѣкоторыми полковыми дамами въ судьбѣ дѣтей семейныхъ нижнихъ чиновъ полка.

* * *

Въ августѣ 1879 года Государь Императоръ осчастливилъ Варшаву своимъ посѣщеніемъ. Кто могъ думать, что это посѣщеніе было послѣднимъ? Обычный парадъ на Мокотовскомъ полѣ прошелъ хорошо, и Его Величество оказалъ полку особенное вниманіе: послѣ прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу и подвиги въ минувшую кампанію; георгіевскихъ кавалеровъ вызывалъ изъ фронта и благодарилъ отдѣльно, а старшаго изъ нихъ въ полку, полковника Никитина, къ сожалѣнію въ то время отсутствовавшаго, назначилъ Своимъ флигель-адъютантомъ. 20-го августа Государь совершенно неожиданно осчастливилъ полкъ посѣщеніемъ нашего офицерскаго собранія, скромнаго по обстановкѣ, но богатаго воспоминаніями изъ полковой жизни. Офицеры обѣдали на верандѣ, когда Его Величество подъѣхалъ въ коляскѣ къ садику нашего собранія.

„Я привыкъ васъ видѣть на ученьяхъ, смотрахъ и парадахъ. Теперь Я вижу васъ внѣ службы, въ вашей домашней обстановкѣ, сказалъ Государь.“

Затѣмъ Его Величество изволилъ обойти все помѣщеніе собранія, осмотрѣлъ всѣ, висѣвшіе по стѣнамъ, портреты, при чемъ проявилъ замѣчательную память, такъ какъ не только называлъ фамиліи всѣхъ старыхъ командировъ л.-гв. Литовскаго полка, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ давалъ и Свои отзывы. Подойдя къ портрету Василія Васильевича Каталея, Его Величество изволилъ выразить сожалѣніе о немъ словами: „Бѣдный Каталей.“

Въ тотъ-же пріѣздъ въ Варшаву общество офицеровъ полка имѣло счастье поднести Его Величеству картину Карагачскаго боя, написанную художникомъ Ковалевскимъ. Государь долго разсматривалъ картину, благодарилъ г.г. офицеровъ полка и приказалъ поставить ее въ одной изъ залъ Бельведерскаго дворца, гдѣ она и нынѣ находится [3]).

Въ память посѣщенія Государемъ офицерскаго собранія, въ одной изъ комнатъ его повѣшена мраморная доска, съ соотвѣтственною надписью.

Вѣсть о злодѣяніи 1 марта 1881 года, повергшемъ всю Россію въ трауръ и скорбь, болѣзненно отозвалась въ сердцахъ литовцевъ. Съ чувствомъ глубокой скорби о потерѣ обожаемаго Государя и Отца, мы принесли присягу Его Державному Преемнику, давъ мысленно обѣщаніе служить Ему съ прежнимъ усердіемъ.

* * *

Этимъ мы заканчиваемъ историческое изслѣдованіе прошлой жизни л.-гв. Литовскаго полка. Да проститъ намъ читатель тѣ невольныя ошибки и промахи, которыя, можетъ быть, вкрались въ нашъ трудъ, главнымъ основаніемъ котораго служила историческая правда.

КОНЕЦЪ.

---

[3]) Первоначальный эскизъ этой картины, кисти того-же художника, принесенъ въ даръ офицерами полка своему бывшему главнокомандующему, Генералъ-Фельдмаршалу Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему. Въ залѣ офицерскаго собранія находится копія картины, писанная также масляными красками.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ИСТОРІИ

Л.-ГВ. ЛИТОВСКАГО ПОЛКА.

I.

Августѣйшіе Шефы л.-гв. Литовскаго полка.

1. *Его Императорское Высочество Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ.*
2. *Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ.*
3. *Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.*

II.

Особы Императорской Фамиліи, состоявшія и нынѣ числящіяся въ спискахъ полка.

I. *ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.*

II. *ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, нынѣ благополучно Царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.*

III. *Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ.*

IV. *Его Императорское Высочество Генералъ-Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.*

III.

Лица, числящіяся въ спискахъ полка.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, баронъ Николай Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій.

Генералъ-адъютантъ баронъ Андрей Николаевичъ Корфъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Карлъ Генриховичъ Аппельгофенъ.

Генералъ-маіоръ Александръ Карловичъ Водаръ.

Приложеніе № 1.

СПИСОКЪ

офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, переведенныхъ изъ 2-го батальона л.-гв. Преображенскаго полка 8 ноября 1811 года.

Штабсъ-капитаны: Петръ Сергѣевъ Арцыбашевъ, графъ Иракліи Иракліевъ Полиньякъ, Владиміръ Ивановъ Николевъ, Дмитрій Ивановъ Шульгинъ.

Поручики: Александръ Николаевъ Алексѣевъ, Петръ Петровъ Калечицкій 1-й (батальонный адъютантъ), Петръ Александровъ Исленьевъ, Аполонъ Ивановъ Уваровъ.

Подпоручики: Александръ Васильевъ Аничковъ, Ѳедоръ Аркадьевъ Алымовъ, Василій Сергѣевъ Рагозинъ, Николай Николаевъ Пущинъ 1-й.

Прапорщики: Владиміръ Петровъ Веревкинъ, Михайло Петровъ Калечицкій 2-й, Василій Павловъ Коробьинъ.

Батальонный лѣкарь Ефимъ Ивановъ Андреевскій.

Приложеніе № 2.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ-офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка по-ротно, при сформированіи полка въ 1811 году.

Въ какихъ ротахъ	Чины и фамиліи.	Откуда поступили.
1-й грен.	Капитанъ графъ Полиньякъ .	Изъ л.-гв. Преображен. п.
	Подпоручикъ Алымовъ . . .	„ „
	„ Юкичевъ . . .	Изъ Кексгольмскаго п.
	Прапорщикъ Веревкинъ . . .	Изъ л.-гв. Преображен. п.
	Полковой адъютантъ, поручикъ Калечицкій 1-й	„ „

въ какихъ ротахъ.	Чины и фамиліи.	Откуда поступили.
	Полковой казначей, поручикъ Костюринъ	Изъ Кексгольмскаго полка.
	Полковой квартермистръ, поручикъ Буйвидъ	— Грен. Гр Аракчеева п.
1-й фуз.	Штабсъ-капитанъ Шульгинъ .	— л.-гв. Преображен. п.
	Подпоручикъ Рагозинъ . . .	,, ,, ,,
	Прапорщикъ Борзовъ. . . .	— Лейбъ-Гренадерскаго п.
	,, Адлербергъ . .	— камеръ-пажей.
2-й фуз.	Штабсъ-капитанъ Назимовъ .	— Петровскаго пѣхот. п.
	Подпоручикъ Варпаховскій . .	— Дворянскаго п.
	,, Щербачевъ . .	— Грен. Гр. Аракчеева п.
	,, Габбе.	— 1-го кадетскаго корп.
	Прапорщикъ Беклешовъ. . .	— камеръ-пажей.
3-й фуз.	Подполковникъ Шварцъ. . .	— Кексгольмскаго п.
	Штабсъ-капитанъ Мичуринъ .	,, ,, ,,
	Поручикъ Алексѣевъ . . .	— л.-гв. Преображ. п.
	Подпоручикъ Аничковъ . . .	,, ,, ,,
2-й грен.	Капитанъ Арцыбашевъ . . .	,, ,, ,,
	Подпоручикъ Матафтинъ . .	— лейбъ-гренадерскаго п.
	Прапорщикъ Пестель. . . .	— камеръ-пажей.
4-й фуз.	Подполковникъ Тимофѣевъ. .	— Грен. Гр. Аракчеева п.
	Штабсъ-капитанъ Габбе. . .	— Кексгольмскаго п.
	Батальонный адъютантъ, подпоручикъ Нѣдовъ . . .	— Грен. Гр. Аракчеева п.
5-й фуз.	Капитанъ Самбурскій. . . .	,, ,, ,,
	Поручикъ князь Шаховской. .	— лейбъ-Гренадер. п.
	Прапорщикъ Пущинъ 2-й . .	— камеръ-пажей.
6-й фуз.	Штабсъ-капитанъ Брезовскій .	— Азовскаго пѣхотн. п.
	Поручикъ Еврейновъ. . . .	— лейбъ-гренадерск. п.
	Подпоручикъ Энгельманъ . .	— артиллеріи.
	Прапорщикъ Лукашевичъ . .	— камеръ-пажей.
3-й грен.	Полковникъ Удомъ.	Шефъ Кексгольм. пѣх. п.
	Капитанъ Кишкинъ	Изъ Кексгольмскаго п.
	Поручикъ Невѣровскій . . .	,, ,, ,,
	Батальонный адъютантъ, поручикъ Вердеревскій . .	— Кексгольмскаго п.

въ какихъ ротахъ.	Чины и фамиліи.	Откуда поступили.
7-й фуз.	Штабсъ-капитанъ Дурасовъ .	Изъ лейбъ-Гренадер. п.
	Подпоручикъ Давыдовъ . . .	— Азовскаго пѣхотн. п.
	Прапорщикъ Калечицкій 2-й .	— л.-гв. Преображен. п.
	„ Окуневъ . . .	— камеръ-пажей.
8-й фуз.	Штабсъ-капитанъ Николевъ .	— л.-гв. Преображен. п.
	Подпоручикъ Пущинъ 1-й . .	„ „ „
	Прапорщикъ Коробьинъ. . .	„ „ „
9-й фуз.	Подполковникъ Угрюмовъ . .	— Ярославскаго пѣх. п.
	Поручикъ Исленьевъ	— л.-гв. Преображен. п.
	„ Уваровъ.	„ „ „
	Подпоручикъ Острожскій . .	— Грен. Гр. Аракчеева п.
	Штабъ-лѣкарь Говоровъ. . .	„ „ „

Приложеніе № 3.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ-офицеровъ, состоявшихъ л.-гв. въ Литовскомъ полку въ 1812 году, при его выступленіи въ походъ.

Полковникъ Иванъ Ѳедоровичъ Удомъ, полковой командиръ.

Подполковники: Павелъ Александровичъ Угрюмовъ, командиръ 3-го батальона, Василій Ивановичъ Тимофѣевъ, командиръ 2-го батальона, Алексѣй Ефимовичъ Шварцъ, командиръ 1-го батальона.

Капитаны: Петръ Сергѣевичъ Арцыбашевъ, графъ Ираклій Иракліевичъ Полиньякъ, Акимъ Петровичъ Самбурскій, Василій Михайловичъ Кишкинъ, Андрей Петровичъ Назимовъ, Апполонъ Васильевичъ Брезовскій.

Штабсъ-капитаны: Владиміръ Ивановичъ Николевъ, Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ, Валентинъ Макаровичъ Мичуринъ, Сергѣй Александровичъ Дурасовъ, Христіанъ Андреевичъ Габбе 1-й, Александръ Николаевичъ Алексѣевъ, Петръ Петровичъ Калечицкій (полковой адъютантъ).

Поручики: Петръ Александровичъ Исленьевъ, Апполонъ Ивановичъ Уваровъ, Николай Францевичъ Буйвидъ, Петръ Ивановичъ Вердеревскій, Яковъ Ивановичъ Еврейновъ, князь Александръ Петровичъ Шахов-

ской, Василій Александровичъ Костюринъ 1-й. Александръ Петровичъ Невѣровскій, князь Михаилъ Михайловичъ Долгорукій, Александръ Васильевичъ Аничковъ, Ѳедоръ Аркадьевичъ Алымовъ, Василій Сергѣевичъ Рагозинъ, Николай Николаевичъ Пущинъ 1-й, Дмитрій Сергѣевичъ Алсуфьевъ, Карлъ-Фердинандъ Георгіевичъ Энгельманъ, Петръ Евдокимовичъ Варпаховскій, Михаилъ Петровичъ Калечицкій 2-й.

Подпоручики: Александръ Дмитріевичъ Неѣловъ, Андрей Ивановичъ Островскій, Александръ Николаевичъ Щербачевъ, Алексѣй Петровичъ Матафтинъ, Василій Ивановичъ Юкичевъ, Христоforъ Ивановичъ Давыдовъ, Владиміръ Петровичъ Коробьинъ. Лаврентій Осиповичъ Горшковскій, Николай Ивановичъ Борзовъ, Михаилъ Петровичъ Окуневъ. Александръ Андреевичъ Габбе 2-й.

Прапорщики: князь Николай Егоровичъ Жеваховъ, Дмитрій Степановичъ Ивановъ 1-й, Иванъ Афанасьевичъ Велинбаховъ, Иванъ Ѳадѣевичъ Воропановъ, баронъ Христіанъ Карловичъ Герздорфъ, Михаилъ Андреевичъ Габбе 3-й. Павелъ Ивановичъ Пестель, Эдуардъ Ѳедоровичъ Адлербергъ, Николай Николаевичъ Пущинъ 2-й. Михаилъ Ефимовичъ Лукашевичъ, Платонъ Николаевичъ Беклешовъ 1-й, Василій Аполоновичъ Ушаковъ, Карлъ Карловичъ Оде-де-Сіонъ, Павелъ Александровичъ Ивановъ, Владиміръ Ѳедоровичъ Чаадаевъ, Алексѣй Александровичъ Беклешовъ 2-й, Иванъ Николаевичъ Пущинъ 3-й. Александръ Михайловичъ Исленьевъ, графъ Александръ Васильевичъ Толстой. Владиміръ Степановичъ Храповицкій, Петръ Александровичъ Костюринъ 2-й, баронъ Яковъ Борисовичъ Икскуль, Дмитрій Владиміровичъ Измайловъ.

Аудиторъ, титулярный совѣтникъ Никонъ Александровъ Щегловъ.
Инвалидной полуроты поручикъ Акимъ Григорьевъ Григорьевъ.
Штабъ-лькарь Добровольскій.
Батальонные лькаря: Говоровъ и Андреевскій.
Полковой священникъ Андреяновъ.

Приложеніе № 4.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ-офицеровъ 3-го батальона л.-гв. Литовскаго полка, командированныхъ въ г. Варшаву въ 1814 году.

Полковникъ Василій Михайловичъ Кишкинъ.

Капитаны: Владиміръ Ивановичъ Николевъ, Сергѣй Александровичъ Дурасовъ, Александръ Николаевичъ Алексѣевъ 1-й.

Поручики: Дмитрій Сергѣевичъ Алсуфьевъ, Василій Семеновичъ Юкичевъ, Алексѣй Степановичъ Карновичъ, Карлъ-Фердинандъ Георгіевичъ Энгельманъ.

Подпоручики: Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ, Иванъ Ѳадѣевичъ Воропановъ, Петръ Андреевичъ Габбе 3-й, Иванъ Афанасьевичъ Велинбаховъ, Николай Николаевичъ Пущинъ.

Прапорщики: Василій Аполоновичъ Ушаковъ, графъ Александръ Васильевичъ Толстой, Дмитрій Владиміровичъ Измайловъ, Михаилъ Ивановичъ Жеребцовъ, Николай Ивановичъ Лореръ.

Приложеніе № 5.

СПИСОКЪ

офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, удостоенныхъ наградъ за Бородинское сраженіе.

Командиръ полка, флигель-адъютантъ полковникъ Удомъ.		
Подполковники:	Угрюмовъ.	
	Тимофѣевъ.	
Подпоручики:	Охичевъ.	Слѣдующіе чины.
	Энгельманъ.	
	Варпаховскій.	
	Калечицкій 2-й.	
Прапорщики:	Окуневъ.	
	Борзовъ.	
Подполковники:	Угрюмовъ.	Орденъ св. Георгія 4-го класса
	Тимофѣевъ.	
Капитанъ Байковъ.		Орденъ св. Владиміра 4-го класса съ бант.
Штабсъ-капитанъ Тургеневъ.		
Поручики:	Исленьевъ 1-й.	
	Уваровъ.	
	Вердеревскій.	
	Алымовъ.	
	Рогозинъ.	
Князь Шаховской.		Орденъ св. Владиміра 4 класса съ бантомъ.
Олсуфьевъ.		
Прапорщикъ Борзовъ.		
Капитанъ Арцыбашевъ.		Орденъ св. Анны 2-й ст., алмазами украш.
Штабсъ-капитанъ Граббе.		
Поручикъ Пущинъ, орденъ св. Анны 2-й степ.		
Прапорщики:	Ивановъ	Орденъ св. Анны 3 кл.
	Воропановъ.	
	Адлербергъ.	
	Лукашевичъ.	
	Беклешовъ 1-й.	
	Ушаковъ.	

Поручикъ князь Долгорукій.
Подпоручики: Нефёловъ.
Островскій.
Давыдовъ.
Веревкинъ.
Гортковскій.
} Золотыя шпаги съ надписью „за храбрость.“

Матафтинъ, орденъ св. Анны 3 степени.

Прапорщики: князь Жеваховъ.
Велинбаховъ.
Баронъ Гермедорфъ.
Пестель.
Пущинъ.
} Золотыя шпаги съ надписью „за храбрость.“

Граббе 1-й.
Граббе 2-й.
} Орденъ св. Анны 3 ст.

Штабъ-лѣкарь, коллежскій ассесоръ Бекъ, за усердную службу во время войны получилъ единовременно 600 рублей.

Приложеніе № 6.

СПИСОКЪ

штабъ и оберъ офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, удостоенныхъ за кампанію 1830—1831 г. г. Высочайшихъ наградъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ Граббе 2-й, св. Анны 2-й степ. и чинъ генералъ-маіора.

Полковники: Бибиковъ, орденъ св. Анны 2 степ., Императорскою короною украшенный.

Жеребцовъ
Пущинъ
} Орденъ св. Анны 2 степени.

Штабсъ-капитаны: Фохтъ, орденъ св. Георгія 4 класса (при штурмѣ Варшавы командовалъ бат. охотниковъ).
Кишкинъ, Высочайшее благоволеніе.
Житковъ 1-й, орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бант.
Малиновскій, Высочайшее благоволеніе.
Тиньковъ
Обручевъ
} Орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бант.

Форсманъ
Житковъ 2-й
Корниловичъ
Сумароковъ
} Орденъ св. Анны 3 ст. съ бант.

Подпоручикъ Ѳедоровъ 2-й, орденъ св. Анны 4 ст. на шпагу, съ надписью „за храбрость.“

Подпоруч: Одинцовъ 1-й, Крыжановскій } Орденъ св. Анны 4 ст. на шпагу, съ надписью „за храбрость."

Прапорщики: Мартюшевъ, Суровцевъ 2-й } Орденъ св. Анны 4 ст. на шпагу съ надписью „за храбрость."

Барановскій, орденъ св. Владиміра 4 степени.

Ѳедоровъ 4-й, орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость."

Ѳедоровъ 5-й за отличіе, оказанное въ сраженіи подъ г. Вильною, награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ и за взятіе приступомъ г. Варшавы—4 ст. съ бантомъ.

Одинцовъ 2-й, орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (при штурмѣ Варшавы контуженъ ядромъ въ лѣвую ногу).

Лыщинскій, орденъ св. Анны 3 ст. съ бант.

Аршеневскій, орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бант.

Дурасовъ, Обырнъ, Плавскій, Житковъ 4-й } Высочайшее благоволеніе.

Сакенъ за отличіе, оказанное въ сраженіи 7 іюня 1831 г. подъ г. Вильною, у Понарскихъ высотъ, награжденъ орденомъ св. Анны 4 степ. на шпагу, съ надписью „за храбрость."

Фокъ 2. Высочайшее благоволеніе.

Нестроевые:

Штабъ-лѣкарь Генрици, орденъ св. Анны 2 степ. съ Императорскою короною.

Полковой квартермистръ 9-го класса, Жебелевъ, орденъ св. Анны 3 ст.

Полковой священникъ Троянскій, орденъ св. Анны 3 ст.

Приложеніе № 7.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, награжденныхъ знаками отличія военнаго ордена въ 1831 году:

За штурмъ Варшавы, 26 августа 1831 г.

Фельдфебеля: Андрей Юревичъ. Казиміръ Процута, Арсеній Чертухинъ, Василій Стерневъ, Сила Трофимовъ. Яковъ Клементьевъ, Яковъ Мельниченко.

Унтеръ-офицеры: Иванъ Шутовичъ, Петръ Теленевъ, Семенъ Кушнеръ, Францъ Шейдинъ, Василій Дмитріевъ, Никита Лучковъ, Анисимъ Чупинъ, Яковъ Шинкинъ.
Барабанщикъ Феофанъ Менкинъ.
Рядовые: Филиппъ Ивановъ, Степанъ Гайка, Яковъ Черкасъ, Илья Павловъ, Ерофей Бутовскій, Иванъ Филиповъ, Степанъ Сваржевскій, Вакулъ Михайловъ, Абрамъ Олейниковъ, Андрей Пухлицкій, Петръ Липка, Тимофѣй Гусевъ, Иванъ Горовъ, Павелъ Ульчукъ, Григорій Козыревъ, Петръ Кушнеръ, Яковъ Рунма, Маркъ Цезарукъ, Яковъ Голованчукъ, Илья Гранковъ, Андрей Моника, Андрей Ращукъ, Павелъ Головатюкъ, Тимофѣй Мельниковъ.

За отличіе при отступленіи къ Тыкочину и въ битвѣ подъ Остроленкою.

Унтеръ-офицеры: Семенъ Потѣшко, Семенъ Долинскій.
Рядовой Никита Станиславовъ.

Приложеніе № 8.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ л. гв. Литовскаго полка, получившихъ знаки отличія военнаго ордена за дѣла съ польскими мятежниками въ 1863 г.

За дѣло въ Маріяновскомъ лѣсу, 8 апрѣля.

Фельдфебель Тимофѣй Ивановъ.
Унтеръ-офицеръ Михаилъ Ульяновъ.
Стрѣлки: Емельянъ Филанѣевъ, Матвѣй Маторикъ, Иванъ Нестеренко, Тимофѣй Константиновъ.

За дѣло 6 и 7 мая при дер. Нова-Вѣсь и м. Пясечно.

Фельдфебеля: Иванъ Николаевъ, Вакулъ Черевко, Василій Зенцовъ.
Унтеръ-офицеры: Моисей Задубинъ, Семенъ Зоринъ.
Тамбуръ-мажоръ Василій Паскевичъ.
Горнисты: Поликарпъ Капустинъ, Корнѣй Вареновъ.
Рядовые: Иванъ Лещукъ, Василій Чесноковъ, Иванъ Воронцовъ, Михаилъ Хватцовъ, Ѳедоръ Ивановъ, Кондратій Семка, Павелъ Евстафьевъ и Филиппъ Данилюкъ.

Приложеніе № 9.

СПИСОКЪ

офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, награжденныхъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Подполковники: Угрюмовъ, Тимофѣевъ. — За Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года.

Полковникъ Поповъ, за отличія въ сраженіяхъ при Малоярославцѣ и Вязьмѣ, въ 1812 году.

Штабсъ-капитанъ Фогтъ, командовалъ 5-мъ полубатальономъ гвардейскихъ охотниковъ при штурмѣ Варшавы 15 августа 1831 г.

Капитаны: Никитинъ, Нарбутъ; Подпоручикъ Суликовскій — За взятіе турецкихъ батарей въ ночномъ бою подъ Карагачемъ, 4 января 1878 г.

Приложеніе № 10.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка, удостоившихся получить въ Турецкую кампанію 1877—1878 г. г. знаки отличія военнаго ордена.

I) Получившіе знаки отличія военнаго ордена 2-й степени (золотой крестъ, безъ банта) за отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ турками 3, 4 и 5 января 1878 г. подъ Филиппополемъ, у дер. Карагачъ.

6-й роты фельдфебель Иванъ Лягинъ—знакъ подъ № 959; 5-й р. старш. унт.-офиц. Тимофѣй Бельгамъ—960; 9-й р. фельдф. Иванъ Гориславецъ—961; 14-й р. фельдф. Егоръ Дмитріевъ—962.

II) Получившіе знаки отличія военнаго ордена 3-й степени (серебряный крестъ съ бантомъ).

а) За отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ турками по переходѣ Балканъ, 19 декабря у дер. Ташкисенъ и 21 декабря 1877 года у дер. Петричево.

6-й роты фельдфебель Иванъ Лягинъ—№ 3897; 5-й р. ст. унт.-оф. Тимофѣй Бельгамъ 4263; 9-й р. фельдф. Иванъ Гориславецъ — 4264; 14-й р. фельдф. Егоръ Дмитріевъ—3898.

б) За отличія, оказанныя въ дѣлахъ съ турками 3, 4 и 5 января 1878 г. подъ г. Филиппополемъ, у дер. Карагачъ.

5-й роты ст. унт.-оф. Петръ Ивановъ (3887); 8-й р. ст. унт.-оф. Варлаисъ Бузбыганъ (3888); 13-й р. фельдф. Иванъ Ивановъ (3889); 14-й р. ст. унт.-оф. Акимъ Агафоновъ (3890); 15-й р. фельд. Максимъ Некрасовъ (3891); 5-й р. ряд. Яковъ Шарудило (3892); 7-й р. старш. унт.-офиц. Тимофѣй Буглаевъ (3893); 5-й р. старш. унт.-офиц. Кириллъ Водолапскій (3594); 6-й р. старш. унт.-офиц. Дарінъ (3895); 10-й р. фельд. Данило Сырой (4265); 11-й старш. унт.-офиц. Яковъ Шитовъ (4266); 16-й р. старш. унт.-офиц. Іосифъ Павлюкъ (3896); 12-й р. фельд. Алексѣй Золотниковъ (4267); 16-й р. фельдф. Андрей Симонайтисъ (4268).

Получившіе знаки отличія, военнаго ордена 4 степени (серебряный крестъ безъ банта).

а) За отличіе, оказанное въ дѣлѣ съ турками при взятіи укрѣпленія Телишъ, 16 октября 1877 года.

Е. В. роты ст. унт.-оф. Афанасій Паршинъ (53764); 10-й р. фельд. Самуилъ Мѣняйловъ (53765); 5-й р. старш. унт.-офиц. Петръ Ивановъ (53766); 16-й р. фельдф. Андрей Симонайтисъ (53767).

б) За отличія, оказанныя при постройкѣ редутовъ и траншей на Меджанской позиціи, подъ Плевной, въ октябрѣ и ноябрѣ 1877 г.

2-й роты фельдф. Арсентій Бадушкинъ (53801); 3-й р. фельдф. Михаилъ Касенко (53802); 4-й р. старш. унт.-офиц. Акимъ Каралисъ (53803); 6-й р. фельд. Иванъ Лягинъ (53805); 12-й р. фельд. Антонъ Шитиковъ (53804); 13-й р. фельд. Иванъ Ивановъ (53806); 14-й р. фельд. Егоръ Дмитріевъ (53807); 15-й р. фельд. Максимъ Некрыловъ (53808); Н. р. мл. мед. фельдш. Павелъ Пинкусовичъ (53841).

в) За отличіе, оказанное въ дѣлѣ съ турками при взятіи гор. Плевны, 28 ноября 1878 года.

Е. В. р. рядовые: Евсѣй Киркинъ (54474), Николай Ювковичъ (54478), Вильманъ Стрѣльникъ (54479); 2-й р. фельд. Петръ Селинъ (54477); 2-й р. фельдф. Игнатій Радіоновъ (54476); старш. унт.-офиц. Алексѣй Гускинъ (54467); 3-й р. старш. унт.-офицеры: Мартынъ Терновецъ (54468), Антонъ Савельевъ (54469), Иванъ Прушка (54470); 4-й р. фельд. Филипъ Пойлановъ (54460); старш. унт.-уфицеры: Иванъ Шуруповъ (54458), Петръ Савицкій (54455); 5-й р. ст. унт.-офиц.: Тимофѣй Бельгамъ (55456), Федоръ Филиповъ (54452), Кириллъ Водолапскій (54466); 6-й роты фельд. Григорій Артемьевъ (54450), ст. унт.-оф. Дмитрій Савиновъ (54459) и Василій Дарінъ (54457); 7-й р. фельдф. Михаилъ Лобовъ (54453), ст. унт.-офиц. Иванъ Ласточкинъ (54454) и Тимофѣй Бугляевъ (54465); 8-й р.: ст. унт.-оф. Афанасій Томилинъ (54451),

фельд. Вилюмъ Цѣлюмъ (54471) и ст. унт.-оф. Варѳоломей Бухдыганъ (54461); 9-й р. ст. ун.-оф. Николай Каменевъ (54475), фельд. Иванъ Гориславцевъ (54473) и ст. унт.-офиц. Иванъ Ушаковъ (54464); 10 р.: фельд. Данило Сырой (54462), ст.-унт.-офиц. Иванъ Тугаровъ (54491) и Иванъ Иванисъ (54481); 11-й роты: фельдф. Кирило Дашковъ (54482), ст. унт.-оф. Яковъ Шитовъ (54463) и ефрейторъ Иванъ Осипенко (54472); 12-й роты: фельд. Алексѣй Золотниковъ (54492), ст. унт. офиц. Селинъ Афанасьевъ (54485) и Кузьма Вертецкій (54484); 13-й роты: стар. унт.-офиц. Иванъ Полонскій (54493), Василій Разумовъ (54845) и Парфилъ Орловъ (54494); 14-й роты: ст. унт.-оф. Акимъ Агафоновъ (54496), мл. унт.-оф. Иванъ Тяшкунъ (54495) и ефрейт. Иванъ Горбачевъ (54487); 15-й р. ст. унт.-оф. Петръ Маншетовъ (54489), Иванъ Феночкинъ (54490) и ефрейт. Григорій Возный (54488); 16-й роты: ст. унт.-офи. Осипъ Павлюкъ (54497), рядовые: Осипъ Штукъ (54498) и Платонъ Цалонарчикъ (54486).

г) За отличіе, оказанное при переходѣ черезъ Балканы 19 декабря 1877 г. и въ дѣлахъ съ турками 3, 4 и 5 января 1878 г. подъ г. Филиппополемъ, у дер. Карагачъ.

16-й фельдфебель Иванъ Луцъ (67907); М. К. фельдф. Борисъ Хрѣновъ (67900); Е. В. роты: стар. унт.-офиц. Трофимъ Погребной (67897), Іовъ Жаботинскій (67892), Федоръ Слискоухъ (67894), Иванъ Лапицкій (67896), Евстафій Мошковскій (67880), Гаврило Лукьянчукъ (67882), 2-й роты: ст. унт.-офиц. Василій Складановскій (67886) и Иванъ Кильянъ (67887); 3-й р. старш. унт.-офиц. Николай Павловскій (67872) и Иванъ Мрозовскій (67876); 4-й роты: ст. унт,-оф. Петръ Ткачевъ (67866) и Матвѣй Статиновъ (67875); 5-й роты: ст. унт.-оф. Афанасій Воробьевъ (67986), Ератъ Апсъ (67868) и Петръ Поляковъ (67874); 6-й роты: ст. унт.-оф. Никифоръ Селентіевъ (67881), Иванъ Головъ (67859) и Василій Коптевъ (67941); 7-й р. ст. унт.-оф. Прокофій Степаненко (68000), Федоръ Кривошеевъ (67851), Митрофанъ Кандуровъ (67997), Кондратій Троицынъ (67978), Михаилъ Вакула (67975) и Емельянъ Ильинъ (67855); 8-й роты: ст. унт.-оф. Романъ Никѣевъ (67981), Кондратій Костенко (67953) и Михаилъ Кузьминъ (67960); 9-й роты: ст. унт.-оф. Яковъ Азаренко (67964), Викентій Бѣгайловъ (67957), Антонъ Паничъ (67970) и Павелъ Золотаревъ (67963); 10-й роты: ст. унт.-оф. Карлъ Голубовскій (67924); 11-й роты: ст. унт.-оф. Осипъ Кобзинъ (68035), Францъ Моргановичъ (67980), Василій Винаковъ (68027), Данило Сурмило (68026) и Кузьма Миняевъ (68037); 12-й роты: ст. унт.-оф. Гуго Гунько (68002), Александръ Вишневскій (67902), Петръ Паутовъ (68032) и Леонтій Майборода (68006); 17-й роты: ст. ун.-оф. Иванъ Леонтьевъ (68025), Мартынъ Жамойчикъ (67938), Василій Ивановъ (67934) и Ефимъ Бараненко (67936); 15-й роты: ст. унт.-оф. Иванъ Трофимовъ (67944), Яковъ Поздняковъ (67925), Федоръ Долгинъ (67945); 16-й роты: ст. ун.-оф. Осипъ Александровъ (67932), Михаилъ Худзинскій (67908), Степанъ Потемкинъ (67945), Алексѣй Апненковъ (67912) и Александръ Михайловъ (67913); Е. В. роты: млад. унт.-оф. Харлампій Бардадимовъ 67895), Александръ Росманъ (67889), Генрихъ Росманъ (67869) и Иванъ

Сливницкій (67890); 3-й роты мл. унт.-оф. Терентій Шпиль (67870); 4-й р. мл. унт.-оф. Ефимъ Буханецъ (67923); 5-й р. мл. унт.-оф. Маркъ Демьяновъ (67864); 6-й роты: мл. унт.-оф. Иванъ Луцъ (67839) и Станиславъ Вольдманъ (67930); 7-й р. мл. унт.-оф. Андрей Солодовъ (67973); 8-й роты: мл. унт.-оф. Григорій Шевчукъ (67833), Іосифъ Маевскій (67921) и Трофимъ Аникинъ (67850); 9-й роты: мл. унт.-оф. Александръ Авратовъ (67954), Григорій Зенченко (67849), Павелъ Зиновьевъ (67965) и Андрей Быстролетовъ (67967); 10-й роты: мл. унт.-оф. Ефимъ Никитинъ (68022) и Потапъ Нестеренко (68040); 11-й роты: мл. унт.-офиц. Николай Заваричевъ (68018) и Федоръ Плешко (68034); 12-й роты: мл. унт.-оф. Максимъ Сколотенко (68013) и Лука Гришечка (67918); 13-й роты: мл. унт.-оф. Иванъ Крикливый (68014) и Трофимъ Соловей (68019); 14-й роты: мл. унт.-оф. Николай Порфимовичъ (67838) и Юргенсъ Капуста (67931); 15-й роты: мл. ун.-оф. Трофимъ Ковальчукъ (67933), Данило Козаковичъ (67917) и Алексѣй Потихонскій (67847); М. К. мл. унт.-оф. Іуда Ивановъ (67899) и Андрей Штрау (67897); 2-й роты: ефрейт. Федоръ Шевердинъ (67891); 4-й р. ефрейт. Степанъ Сулимовъ (67879), Ларіонъ Шмидтъ (67833), Амилій Еремченко (67834) и Константинъ Скрипкинъ (67856); 5-й роты: ефрейт. Герасимъ Заря (67762) и Иванъ Рудаевъ (67860); 6-й р. ефрейт. Юрій Браль (67840); 7-й роты: ефрейт. Василій Скоропуповъ (67985) и Иванъ Глушковъ (67903); 8-й роты: ефрейт. Денисъ Абрамовъ (67998), Спиридонъ Михаличъ (67977), Михаилъ Антоненко (67974) и Афанасій Козловъ (67940); 9-й роты: ефрейт. Ефремъ Кифорчукъ (67955) и Николай Паршинъ (67848); 10-й роты: Фокій Кириченко (67961/5), Устинъ Гришкинъ (67845) и Иванъ Павловъ (67910); 11-й роты: ефрейт. Климентій Цицарукъ (68012), Осипъ Михалякъ (68029), Леонъ Шешинъ (67901) и Захаръ Александровъ (68023), 12-й р. ефрейт. Степанъ Волошинъ (67844); 13-й роты: ефрейт. Иванъ Богачевъ (68010), Карлъ Пугачъ (68007) и Иванъ Захаровъ (68005); 14-й роты: ефрейт. Федоръ Качуринъ (67915), Степанъ Савинъ (67946) и Корнѣй Черный (67909); 15-й роты: ефрейт. Никита Гривковъ (67906); 16-й р. ефрейт. Ефимъ Пшеничный (67926); 2-й роты рядовые: Максимъ Николаенко (67842), Иванъ Хижный (67884), Никита Задорожный (67885) и Григорій Тарковскій (67888); 3-й роты рядовые: Константинъ Макареревчъ (67858), Дмитрій Карповъ (67865) и Герасимъ Гаевой (67867); 4-й роты рядовые: Василій Пляковъ (67857), Венедиктъ Махуръ (67878) и Александръ Баркосій (67877); 5-й роты рядовые: Яковъ Шарудило (67852), Никита Карчикъ (67989), Матвѣй Гончаренко (67927), Федоръ Кузьмичевъ (67987), Григорій Кароль (67914), Прокофій Радковъ (67861), Григорій Дергачъ (67988), Семенъ Губинъ (67990); 6-й роты рядовые: Максимъ Пичкуръ (67983), Михаилъ Ларіоновъ (67984), Дмитрій Корабейниковъ (67851), Феликсъ Скиба (67982), Николай Прокофьевъ (67994), Ермолай Савельевъ (67873), Никита Усовъ (67992), Семенъ Чистюхинъ (67995), Яковъ Овертюкъ (67991) и Михаилъ Цохоровъ (67993); 7-й роты рядовые: Акимъ Григорьевъ (67971), Андрей Морозовъ (67996), Ефимъ Цѣпковъ (67999) и Дмитрій Мамалыга (67976); 13-й роты рядовые: Серѣй Щетинскій (68004), Францъ Виттъ (68009), Василій Герагинъ (68020), Иванъ Якулинъ

(68017) и Николай Тряховъ (68036); 10-й роты рядовой Карлъ Панковъ (70653); 14-й роты рядовые: Кипріянъ Антонюкъ (67935), Петръ Сафоновъ (68024), Адамъ Клавинскій (67919) и Илья Гайдинъ (67937); 15-й роты рядовые: Федоръ Пастушко (67904), Филиппъ Тарасовъ (67920), Феодосій Гусаровъ (67905), Павелъ Татаринцовъ (67949), Петръ Блажковъ (67992) и Иванъ Строкинъ (67950); 16-й роты рядовые: Канонъ Семеновъ (67928), Егоръ Нюшинъ (67939), Петръ Кантиловичъ (67943), Никита Никаноровъ (67911) и Александръ Голубевъ (67947); 16-й роты ефрейторъ Лаврентій Щедринъ (67922); Н. р. мл. мед. фельдш. Андрей Петрушевскій (67853): Н. р. кварт. капт. Федоръ Вайваленко (67863); Н. р. рот. фельдф. Антонъ Пырхъ (67846); 8-й роты рядовые: Марко Жиръ (67841), Андрей Савась (67843), Илья Захарченко (67972), Яковъ Георгіевскій (67979), Иванъ Алексѣевъ (67956) и Василій Шапка (67962); 9-й роты рядовые: Иванъ Зубенко (67951), Матвѣй Ивлевъ (67968), Федоръ Петрига (67566), Яковъ Петрунекъ (67929) и Макаръ Бондаревъ (67969); 10-й роты рядовые: Семенъ Веретельниковъ (68038), Погоній Бунеско (67836), Егоръ Рябининъ (68039), Андрей Федорчукъ (67958), Андронъ Берлинскій (67952), Иванъ Нерубенко (68033) и Карпъ Попковъ (70653); 11-й роты рядовые: Митрофанъ Андрейковецъ (68028) и Игнатій Липскій (68001); 12 р. Иванъ Клименко (68011), Павелъ Лифаръ (68030), Емельянъ Стадниковъ (68021), Парфентій Левковъ (68016), Яковъ Васильевъ (68003), Герасимъ Орловскій (68015) и Василій Володкевичъ (67835); 13-й р. ряд. Давидъ Силинъ (68008); Н. р. ротн. фельдш. Ефимъ Бережной (67871), Василій Сергѣевъ (67959), Никифоръ Выкличъ (67966), Нарцызъ Вишневскій (68031); Н. р. обозн. ряд. Ефимъ Гришинъ (67893); Н. р. каз. деньщ. Петръ Заворотченко (67837).

Нижніе чины полка, получившіе знаки отличія военнаго ордена 4 степ., но находившіеся въ командировкахъ.

I. Состоявшіе въ почетномъ конвоѣ Его Императорскаго Величества.

а) За дѣло при переправѣ черезъ Дунай у Систова, 15 іюня 1877 года.

Е. В. роты фельдфебель Иванъ Щерба (30024) и рядовой Никита Евдошкинъ (80133).

б) За дѣло при взятіи Ловчи, 22 августа 1877 года.

Рядовые: Василій Гончаренко (70596) и Егоръ Кулишинъ (70579).

II. Состоявшіе на службѣ въ подвижномъ лазаретѣ 3-й гвард. пѣхот. дивизіи:

За отличія, оказанныя въ разновременныхъ дѣлахъ съ турками.

5-й роты унт.-офиц. Евдокимъ Дергачъ (70320); 16-й р. ефрейторъ Павелъ Содаитисъ (70318).

Всего для чиновъ полка пожаловано знаковъ отличія:
2-й степени 4, 3-й степени 18 и 4-й степени 277.

По-ротно знаки эти были распредѣлены:

№№ ротъ	2 степ.	3 степ.	4 степ.	№№ ротъ	2 степ.	3 степ.	4 степ.	№№ ротъ	2 степ.	3 степ.	4 степ.
Е. В. роты	—	—	18	7 роты	—	1	16	13 роты	—	1	15
2 роты	—	—	11	8 роты	—	1	19	14 роты	1	2	17
3 роты	—	—	10	9 роты	1	1	18	15 роты	—	1	17
4 роты	—	—	14	10 роты	—	1	18	16 роты	—	2	18
5 роты	1	4	19	11 роты	—	1	16	Нестр.	—	—	10
6 роты	1	2	20	12 роты	—	1	18	М. ком.	—	—	3

Приложеніе № 11.

СПИСОКЪ

офицеровъ л.-гв. Литовскаго полка, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ въ теченіе турецкой кампаніи 1877—1878 годовъ.

Генералъ-лейтенантъ Каталей, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, числился въ спискахъ полка, убитъ 21 декабря 1877 г. въ дѣлѣ при д. Петричево.

Капитанъ Сиверскій (адъютантъ 1-й бригады 3-й гв. пѣхотной дивизіи) раненъ въ дѣлѣ при деревнѣ Петричево, 21 декабря 1878 г., умеръ отъ ранъ 19 марта 1878 г. въ г. Систовѣ.

Поручикъ Поспѣловъ раненъ 3 января 1878 года при занятіи съ боя сѣверной части Филиппополя.

Капитанъ Никитинъ контуженъ въ дѣлѣ 4 января.

Штабсъ-капитанъ Полторжицкій
Штабсъ-капитанъ Сахновскій
Поручикъ Брунъ
„ Гедлундъ
„ Новоселовъ
Подпоручикъ Суликовскій
„ Волковъ 2-й

} Ранены въ дѣлѣ съ турками 4 января 1878 года, при деревнѣ Карагачъ, близъ г. Филиппополя.

Подпоручики Шульскій и Сомовъ контужены въ дѣлѣ съ турками 4 января 1878 года при дер. Карагачъ.

Подпоручики: Фонъ Бурмейстеръ и Ячиновскій (числился по армейской пѣхотѣ и въ прикомандированіи къ л.-гв. Литовскому полку) ранены и скончались въ г. Филиппополѣ отъ ранъ; подпоручикъ фонъ Бурмейстеръ 17 января 1878 г., а подпоручикъ Ячиновскій 24 января 1878 года.

Приложеніе № 12.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ л.-гв. Литовскаго полка убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ теченіе кампаніи 1877—1878 годовъ.

1. Подъ Плевной.

Убитые: 3-й роты ряд. Деомидъ Левченко, 29 октября 1877 года.
15-й р. Григорій Дячекъ, 12 ноября, и Казиміръ Танкусъ, 28 ноября.
13-й р. Федоръ Башлаевъ, 31 октября.

Раненые: 3-й р. ряд. Данилъ Дзюба, 29 октяб.
7-й р. Яковъ Шибаевъ, Лаврентій Ковалевъ и Андрей Головковъ,
12-й р. Василій Гавриленко, 23 октября,
13-й р. унт.-оф. Макаръ Мухинъ, 28 октября,
14-й р. ряд. Максимъ Клемовецъ, 12 ноября,
15-й р. Дмитрій Романенко, 12 ноября, Трофимъ Куликовъ, 12 ноября, Гордѣй Кондратьевъ, 28 ноября, Илья Шевелевъ, 28 ноября, Францъ Змечеровскій 28 ноября, Федоръ Хековой, 28 ноября, Никита Венедиктовъ, 28 ноября, Степанъ Ходыревъ, 28 декабря, и Филиппъ Карповичъ, 28 декабря,
16-й р. Карлъ Краузъ, 28 декабря.
15-й р. Арсентій Селивановъ, конт. 28 дек.

2. При Дольних-Комарцахъ, 19 декабря 1877 г.

Раненые: 5-й р. унт.-оф. Федотъ Фелоненко и Иванъ Усенко.
8-й р. Иванъ Жарковъ и Семенъ Каргата.
10-й р. Николай Шумиловъ.
15-й р. Алексѣй Пономаренко.

Контуженъ 5-й р. ун.-оф. Апсъ.

3. У дер. Петричево, 19—21 декабря 1877 г.

Раненые: 5-й роты ряд. Самсонъ Таранецъ и Данилъ Грушъ.
8-й р. Григорій Марченко.

12-й р. Филимонъ Курсовъ.
15-й р. Константинъ Воскресенскій и Ларіонъ Разумѣйко.
Контуженные: 15-й р. Осипъ Скебицкій и Демьянъ Будулакъ.
5-й р. ун.-оф. Терентій Езефатовъ.
10-й р. Антонъ Хижниковъ.

4. Подъ г. Филиппополемъ, 3 января 1878 г.

Убитъ 7-й р. ряд. Василій Яровой.
Ранены: 15-й р. ряд. Трифонъ Дурицкій.
13-й р. Илья Боравковъ.
15-й р. Иванъ Стрюкинъ и Сазонъ Антоновъ.
Контужены: 14-й р. Адамъ Клявинскій, Куприянъ Антонюкъ и Францъ Гайдукъ.
15-й р. Карпъ Усатюкъ.

5. У д. Караачъ, 4 января 1878 г.

Убитые: 5. р. ряд. Сергѣй Ивановъ, Ефимъ Семергѣй, Демидъ Полторескулъ и Стефанъ Тихолазъ.

6-й роты: фельд. Григорій Артемьевъ, ун.-оф. Викентій Гимикъ, рядовые: Федоръ Линкевичъ, Іонъ Леоновъ, Афанасій Владиміровъ, Петръ Шподовъ, Фридрихъ Оттъ, Александръ Оледовскій, Петръ Антушевъ, Войцехъ Шулимъ, Евстафій Быковъ, Иванъ Павловъ, Федоръ Шматка, Герасимъ Васильевъ, Павелъ Цымбаловъ и Иванъ Васильевъ.

7-й р. Абрамъ Шимулинъ, Ларіонъ Аноховъ, Игнатій Гавриловичъ, Семенъ Башлаевъ, Калистратъ Черноскулъ и Иванъ Жировъ.

8-й р. унт.-оф. Венедиктъ Осадчикъ, Прокофій Голощаповъ, ряд. Михаилъ Заболотниковъ, Иванъ Волосатовъ, Капитонъ Федоровъ, Алексѣй Жемеровъ, Францъ Капчинскій, Никифоръ Кисный, Андрей Згерскій, Василій Милковъ, Яковъ Бѣликъ, Марко Радіоновъ, Андрей Короткій, Михаилъ Кравцевъ, Романъ Гулько.

9-й р. ун.-оф. Василій Ярошевичъ, Елисей Лимаръ, Александръ Солдатенко, Пахомъ Плетенчукъ и Амвросій Соколовскій.

10-й ун.-оф. Антонъ Тарасовъ и Антонъ Деревянко; ряд. Григорій Васильевъ, Авраамъ Турченко и Іосифъ Мацукевичъ.

11-й р. ун.-оф. Иванъ Бородиякъ, Осипъ Солочанскій, Романъ Хорковенко, Михаилъ Лазаренко и Ларіонъ Дмитріенко.

12-й р. ун.-оф. Григорій Матвѣевъ; ряд. Иванъ Шеховцевъ, Николай Ивановъ, Артемъ Булакъ, Семенъ Артамоновъ и Августинъ Ковалко.

15-й р. ряд. Казиміръ Дурицкій.

Ранены: 5-й р. ун.-оф. Тимофѣй Бельгамъ, Петръ Поляковъ, Марко Демьяновъ; ряд. Матвѣй Гончаренко, Трофимъ Кучеренко, Василій Шиманскій, Василій Петровъ, Антонъ Зайцевъ, Семенъ Кальмусъ, Федоръ Кузьмичевъ, Прокофій Радько, Григорій Крупчинскій и Андрей Десятниковъ.

6-й р. фельд. Иванъ Лягинъ; ун.-оф. Василій Даринъ, Василій Коптевъ, Иванъ Луцъ и Алексѣй Трегубовъ; рядовые: Иванъ Кова-

левъ 2-й, Юрій Браль, Федоръ Карецкій, Михаилъ Ларіоновъ, Василій Слѣпко Максимъ Пичкуръ, Ананій Бондаренко и Рубанъ Женгизъ.

7-й фельдф. Михаилъ Лобовъ; ун.-оф. Михаилъ Козаковъ, Тимофѣй Буглаевъ, Прокофій Степаненко; рядовые: Иванъ Матвѣевъ, Юрій Самбартъ, Петръ Мищенко, Акимъ Григорьевъ, Григорій Рябицкій, Иванъ Скальдицкій, Яковъ Кожевниковъ, Андрей Морозъ, Демьянъ Коваль, Филиппъ Васильевъ, Игнатій Сѣренко, Трофимъ Деченко и Павелъ Мельниковъ.

8-й р. ун.-оф. Григорій Шевчукъ, Устинъ Сичевъ, Кузьма Шендерей и Афанасій Томилинъ; рядовые: Андрей Савось, Марко Жиръ, Василій Власенко, Илья Захарникъ, Борисъ Меретинъ, Иванъ Панченко, Иванъ Плугаревъ, Василій Негодяевъ, Алексѣй Шинкаревъ, Денисъ Абрамовъ, Яковъ Матвѣевскій, Тимофѣй Коницуловъ, Иванъ Выбойченко, Канонъ Кравцевъ и Андрей Наливайко.

9-й р. ун.-оф. Иванъ Безгоденъ и Григорій Зенченко; рядовые: Индрикъ Теренкансъ, Максимъ Кравченко, Иванъ Черненко, Петръ Гаврилюкъ, Иванъ Чуенко, Варфоломей Дубовикъ, Иванъ Зубенко, Федоръ Гайдученко, Николай Панченко, Иванъ Винникъ, Иванъ Жакъ. Никита Денчукъ, Иванъ Сазоновъ, Іонъ Прохоровъ, Данила Стаженко, Макаръ Бондаревъ, Антонъ Янушъ, Акимъ Мондрика, Василій Вороной, Иванъ Безгоденъ и Афанасій Азаренко.

10-й р. ун.-оф. Ѳома Кукуцъ, Карлъ Голубовскій, Андрей Болошинскій, Иванъ Повшидной и Сидоръ Алесинчикъ; рядовые: Іосифъ Пержокъ, Михаилъ Комарниковъ, Дикловъ Лойникъ, Іосифъ Майкарусъ, Афанасій Ткаченко. Игнатій Чучшанъ, Андрей Адоричъ, Викентій Ковальчукъ, Пагоній Буниско, Иванъ Анисимовъ, Петръ Катюшкинъ, Ѳома Матура, Степанъ Невдохъ, Александръ Котельниковъ, Ефимъ Колосовъ, Францъ Чуйка, Станиславъ Стентель, Дмитрій Кролевичъ, Борисъ Дѣевъ, Семенъ Елисѣевъ, Иванъ Неруденко и Леонъ Монастыревъ.

11-й р. фельд. Хрисанфъ Мельниченко; ун.-оф. Василій Винаковъ, Федоръ Петроковъ и Михаилъ Кастюковъ; рядовые: Леонъ Шешинъ, Антонъ Словинскій, Семенъ Михаличенко, Михаилъ Мазаловъ, Яковъ Исаковъ, Василій Налегачъ, Иринархъ Андичукъ, Николай Заваричевъ, Игнатій Липскій, Никаноръ Чернышевъ, Алексѣй Есинъ, Василій Легой и Тимофѣй Бѣлолицкій.

12-й ун.-оф. Николай Вареничъ, Василій Жировъ, Гуго Генько; ефрейт. Ефимъ Евсючій, Василій Афанасьевъ, Филиппъ Сафроновъ, Викентій Матушукъ и Евдокимъ Юрьевъ; рядовые: Анисимъ Бурлакъ, Ларіонъ Романюкъ, Иванъ Ушаковъ, Исаакъ Скобель, Григорій Вѣтровъ, Василій Володкевичъ, Григорій Рагозинъ, Петръ Зайберлинъ, Егоръ Шульга, Осипъ Поплавскій и Лаврентій Брусакъ.

13-й р. Савелій Фишаръ, Константинъ Лукистранецъ.

14-й р. Иванъ Антиповъ.

15-й р. Трофимъ Дурицкій.

16-й р. Касьянъ Шныцеръ.

6-й р. ун.-оф. Иванъ Головъ и Никифоръ Селентьевъ.

8-й Вилюмъ Халюмъ, Іосифъ Маевскій и Яковъ Егорьевскій.

14-й р. ун.-оф. Ефимъ Бараненко и Николай Порфимовичъ.
15-й р. Максимъ Никрыловъ, Федоръ Долгинъ и Петръ Блажковъ.

6. У д. Осиково 11 января.

Убитъ 4-й р. Маркъ Медвѣдевъ.

При переправѣ черезъ Дунай, 15 іюля 1877 г.

Ранены: Е. В. р. фельд. Иванъ Щерба, ун.-оф. Никита Евдошкинъ; рядов: Федоръ Кошмаковъ; 5-й р. Зосимъ Арестовъ.

Въ цифрахъ потери выражаются слѣдующ. образомъ:

Подъ Плевной:

Убито	4
Ранено	17
Контуженъ	1

19 Декабря, подъ Ташкисеномъ.

Убитъ	1
Ранено	5
Контуженъ.	1

20 декадря 1877 года, подъ Дольними-Комарцами.

Убитъ	1

21 декабря 1877 года, подъ Петричевымъ.

Ранено	6
Контужено.	4

3 января 1878 года, подъ Филиппополемъ.

Убитъ.	1
Ранено	3
Контужено	4

4 января, въ ночномъ бою подъ Карагачемъ.

Убито	63
Ранено	153
Контужено.	5

5 января 1878 года, подъ Карагачемъ.

Ранено	6

Легко контужено 6 (не помѣщены въ спискѣ).

11 января при Осиковѣ.

Убитъ. 1

При переправѣ черезъ Дунай.

Ранено 4 (изъ конвоя Его Императорскаго Величества).

Всего за всю кампанію выбыло изъ строя:

Убитыхъ . . .	70
Раненыхъ . . .	195
Контуженныхъ .	15
Итого 280 чел.	

Приложеніе № 13.

СПИСОКЪ

офицеровъ, служившихъ л.-гв. въ Литовскомъ полку съ 1811 по 1886 годъ.

1. Удомъ, Иванъ Федоровичъ, 19 ноября 1811 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка изъ шефовъ Кексгольмскаго полка. Будучи ген.-маіоромъ, 19 мая 1816 г. уволенъ въ отпускъ до излѣченія болѣзни, съ отчисленіемъ отъ должности командира полка.
2. Угрюмовъ, Павелъ Александровичъ, 7 ноября 1811 г. переведенъ изъ Ярославскаго пѣхотн. полка. 30 августа 1816 г. произведенъ въ генер.-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 17-й пѣхотной дивизіи.
3. Тимофѣевъ, Василій Ивановичъ, 7 ноября 1811 г. переведенъ изъ Гренадерскаго гр. Аракчеева полка. 30 августа 1816 г. произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 18-й пѣхотной дивизіи.
4. Шварцъ, Алексѣй Ефимовичъ, 7 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмаго пѣхотнаго полка. Состоя въ чинѣ подполковника, убитъ въ Бородинскомъ сраженіи и 30 октября 1812 г. исключенъ изъ списковъ полка.
5. Поповъ, Иванъ Ивановичъ, 19 марта 1812 г. переведенъ изъ Томскаго пѣхот. полка (оставаясь командиромъ его). Къ полку не прибывалъ. 30 августа 1816 года произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 24-й пѣхотной дивизіи.
6. Скобелевъ, Иванъ Николаевичъ, до перевода въ полкъ, 27 ноября 1812 года, состоялъ по армейской пѣхотѣ, оставаясь при генер.-

фельдмаршалѣ князѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ-Смоленскомъ. Будучи полковникомъ, 16 декабря 1813 года, назначенъ шефомъ Рязанскаго полка. Впослѣдствіи былъ генераломъ отъ инфантеріи и комендантомъ С.-Петербургской крѣпости.

7. Жемчужниковъ, Александръ Николаевичъ, 21 сентября 1813 года переведенъ изъ Кексгольмскаго гренадерскаго полка (состоя полковымъ командиромъ Перновскаго полка). Будучи полковникомъ и командиромъ Перновскаго полка, 23 іюня 1817 г. преданъ суду и исключенъ изъ списковъ полка.

8. Солониновъ, Иванъ Николаевичъ, 18 ноября 1811 года переведенъ изъ Павловскаго гренадерскаго полка (оставаясь С.-Петербургскимъ плацъ-адъютантомъ). Будучи полковникомъ, 30 августа 1816 г. переведенъ въ Петровскій полкъ.

9. Самбурскій, Акимъ Петровичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Гренадерскаго гр. Аракчеева полка. Будучи полковникомъ, 1 іюня 1815 года, назначенъ командиромъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

10. Кишкинъ, Василій Михайловичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка. Будучи генералъ-маіоромъ, 22 января 1818 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка. 1 іюня 1829 г. произведенъ въ генер.-лейтенанты и назначенъ состоять при Литовскомъ отдѣльномъ корпусѣ. Будучи начальникомъ 24-й пѣхотной дивизіи, умеръ 20 сентября 1831 года.

11. Назимовъ, Андрей Петровичъ, 1 декабря 1811 г. переведенъ изъ Петровскаго пѣхот. полка. Будучи полковникомъ, 3 февраля переведенъ въ 7-й Егерскій полкъ.

12. Брезовскій, Антонъ Васильевичъ, 20 декабря 1811 г. переведенъ изъ Азовскаго полка. Будучи полковникомъ, 23 марта 1816 года уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ.

13. Бакшеевъ, Иванъ Дмитріевичъ, 5 мая 1812 г. переведенъ изъ Изюмскаго гусарскаго полка съ оставленіемъ адъютантомъ ген.-лейтенанта Лаврова; 15 мая 1814 г. произведенъ въ полковники, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

14. Молоствовъ, Петръ Ѳедоровичъ, 15 февраля 1813 г. переведенъ изъ Таврическаго гренадерскаго полка. Будучи полковникомъ, 2 апрѣля 1814 года назначенъ командиромъ Кременчугскаго пѣхотнаго полка.

15. Кожуховъ, Василій Павловичъ, 22 ноября 1812 г. переведенъ изъ Украинскаго пѣхотн. полка, оставаясь адъютантомъ ген. фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго. Будучи полковникомъ, 31 января 1816 г. уволенъ отъ службы за ранами, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники.

16. Кальмъ, Иванъ Ивановичъ, 20 ноября 1812 г. переведенъ изъ Костромскаго пѣхотнаго полка (оставаясь адъютантомъ князя Щербатова). 28 января 1816 года произведенъ въ полковники, съ переводомъ во Владимірскій пѣхотн. полкъ.

17. Тургеневъ, Александръ Михайловичъ, 5 марта 1812 г. переведенъ изъ л.-гв. Драгунскаго полка, съ оставленіемъ адъютантомъ гер-

цога Александра Виртембергскаго. Состоя затѣмъ адъютантомъ ген.-адют. гр. Строганова, 1 мая 1814 г. уволенъ отъ службы за ранами, капитаномъ, съ мундиромъ.

18. Арцыбашевъ, Петръ Сергѣевичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи полковникомъ, 26 января 1816 года уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсіей.

19. Графъ Полиньякъ, Ираклій Иракліевичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи полковникомъ, 14 января 1814 года назначенъ командиромъ Апшеронскаго пѣхот. полка.

20. Габбе 1-й, Христіанъ Андреевичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхот. полка. 20 октября 1816 г. произведенъ въ полковники, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

21. Николевъ, Владиміръ Ивановичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 4 октября 1816 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ полковникомъ.

22. Шульгинъ, Дмитрій Ивановичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи полковникомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

23. Дурасовъ, Сергѣй Александровичъ, 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ лейбъ-гренадерскаго полка. 30 октября произведенъ въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 25-й пѣх. дивизіи.

24. Баронъ Остенъ-Сакенъ, Дмитрій Ерофѣевичъ, 23 февраля 1813 г. переведенъ изъ Елисаветградскаго гусарскаго полка. Будучи адъютантомъ гр. Милорадовича, 28 января 1816 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ. Въ 1874 г. членъ Государственнаго Совѣта и комитета раненыхъ, шефъ 7-го Уланскаго Ольвіопольскаго имени своего полка, генер.-адъютантъ, возведенъ въ графское достоинство.

25. Шульцъ, Егоръ Васильевичъ, 24 апрѣля 1813 г. переведенъ изъ 12-го Егерскаго пѣхотн. полка (оставаясь адъютантомъ генерала отъ кавелеріи гр. Ланжерона); въ той-же должности 28 января 1815 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Пензенскій пѣхотный полкъ.

26. Гречковъ, Михаилъ Степановичъ, 1 іюля 1813 г. переведенъ изъ Дворянскаго полка. Будучи капитаномъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

27. Мичуринъ 1-й, Валентинъ Макаровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка. Будучи полковникомъ, 2 марта 1817 года переведенъ во 2-й кадетскій корпусъ.

28. Клейстъ, Федоръ Григорьевичъ; 30 апрѣля 1814 г. переведенъ изъ Черниговскаго пѣхот. полка (оставаясь адъютантомъ генералъ-лейтенанта Коновницына), а 15 іюля 1815 г. переведенъ въ Перновскій гренадерскій полкъ капитаномъ.

29. Алексѣевъ 1-й, Александръ Николаевичъ; 19 декабря 1811 г. переведенъ изъ Преображенскаго полка. 25 января 1816 г. уволенъ отъ службы за ранами, полковникомъ, съ мундиромъ.

30. Калечицкій 1-й, Петръ Петровичъ; 29 декабря 1811 г. переведенъ изъ Преображенскаго полка. 2 марта 1817 года уволенъ по болѣзни, полковникомъ, съ мундиромъ.

31. Исленьевъ 1-й, Петръ Александровичъ; 19 декабря 1811 г. переведенъ изъ Преображенскаго полка. 2 марта 1817 года уволенъ отъ службы за ранами, полковникомъ, съ мундиромъ.

32. Уваровъ, Аполонъ Ивановичъ, 19 декабря 1811 г. переведенъ изъ Преображенскаго полка. Будучи полковникомъ, 12 октября 1817 г., переведенъ въ Московскій полкъ.

33. Невѣровскій, Дмитрій Дмитріевичъ; 7 ноября 1811 г. переведенъ изъ Павловскаго гренадерскаго полка. Состоя въ чинѣ поручика, 15 ноября 1812 г. исключенъ умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи.

34. Кн. Долгоруковъ, Михаилъ Михайловичъ; 7 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Будучи капитаномъ, 24 января 1811 г. уволенъ отъ службы.

35. Буйвидъ, Николай Францовичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Гренадерскаго гр. Аракчеева полка. 16 августа 1817 г. переведенъ въ Волынскій пѣхотный полкъ, полковникомъ.

36. Вердеревскій, Петръ Ивановичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхотн. полка. 13 декабря 1817 г. уволенъ отъ службы, за ранами, капитаномъ, съ мундиромъ.

37. Еврейновъ, Яковъ Ивановичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка. 15 мая 1814 года уволенъ отъ службы по болѣзни, полковникомъ.

38. Кн. Шаховской, Александръ Петровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Будучи полковникомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

39. Костюринъ, Василій Александровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго полка. 2 марта 1817 г. переведенъ въ Тенгинскій пѣхот. полкъ, маіоромъ.

40. Васильевъ, Константинъ Ильичъ; 17 сентября 1812 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхот. полка (оставаясь С.-Петербургскимъ плацъ-адъютантомъ). Будучи штабсъ-капитаномъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. въ Московскій полкъ.

41. Гротенгельмъ, Александръ Максимовичъ; 1 іюля 1813 г. переведенъ изъ Дворянскаго полка. Будучи штабсъ-капитан., 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

42. Карновичъ, Болеславъ Игнатьевичъ; 1 іюля 1813 г. переведенъ изъ Дворянскаго полка. Состоя въ чинѣ поручика, 28 октября 1814 г. выписанъ въ Тарнопольскій пѣхотн. полкъ, тѣмъ-же чиномъ.

43. Акининъ, Николай Афонасьевичъ; 5 марта 1814 г. назначенъ адъютантомъ къ ген.-маіору Удому, вмѣстѣ съ переводомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ изъ л.-гв. Павловскаго полка. Въ чинѣ поручика 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

44. Приклонскій, Николай Григорьевичъ; 2 апрѣля 1814 г. переведенъ изъ Тамбовскаго пѣхот. полка, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-

лейтенанту кн. Щербатову. Будучи прапорщикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

45. Шишкинъ, Петръ Михайловичъ; 18 ноября 1814 г. переведенъ изъ Бѣлозерскаго пѣхот. полка. Оставаясь адъютантомъ генералъ-лейтенанта кн. Горчакова 2-го, 2 декабря 1816 года уволенъ отъ службы, по болѣзни, штабсъ-капитаномъ.

46. Навроцкій, Яковъ Васильевичъ; 16 ноября 1815 г. переведенъ изъ Колыванскаго пѣхот. полка. 9 апрѣля 1822 г. переведенъ въ Волынскій пѣхотный полкъ, подполковникомъ.

47. Митзоргенъ, Алексѣй Павловичъ; 24 апрѣля 1816 г. переведенъ изъ Кіевскаго гренадерскаго полка. 20 декабря 1820 г. уволенъ отъ службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

48. Аничковъ 1-й, Александръ Васильевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи капитаномъ, 12 октября 1817 года переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

49. Алымовъ, Ѳедоръ Аркадіевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи капитаномъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

50. Рагозинъ, Василій Сергѣевичъ; 16 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 2 февраля 1816 г. уволенъ отъ службы за ранами, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ.

51. Пущинъ 1-й, Николай Николаевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 2 марта 1817 года переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ капитаномъ.

52. Алеуфьевъ, Дмитрій Сергѣевичъ; 18 ноября 1811 г. переведенъ изъ квартирмейст. части. Будучи капитаномъ свиты Его Величества. 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

53. Неѣловъ, Александръ Дмитріевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Невскаго пѣхотн. полка. Будучи капитаномъ, 12 октября 1817 г, переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

54. Островскій, Андрей Ивановичъ; 19 ноября 1811 года переведенъ изъ Невскаго пѣхотнаго полка. Состоя въ чинѣ поручика, 9 декабря 1812 года исключенъ умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи.

55. Щербачевъ, Александръ Николаевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Невскаго пѣхот. полка. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 года переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

56. Матафтинъ, Алексѣй Петровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ лейбъ-Гренадерскаго полка. Состоя въ чинѣ подпоручика, 7 февраля 1814 года исключенъ умершимъ.

57. Ювичевъ, Василій Ивановичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ Кексгольмскаго пѣхот. полка. Будучи полковникомъ, 1 мая 1822 года зачисленъ по армейской пѣхотѣ.

58. Энгельманъ, Карлъ Георгіевичъ; 12 декабря 1811 г. переведенъ изъ 5-й резервной артиллерійской бригады. 9 декабря 1827 года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ полку и съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 24-й пѣхот. дивизіи. 28 іюля

1829 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка, а 24 октября 1831 г. исключенъ умершимъ.

59. Давыдовъ, Христофоръ Ивановичъ; 20 декабря 1811 г. переведенъ изъ Азовскаго пѣхот. полка. Будучи поручикомъ, 17 іюня 1815 г. переведенъ въ Александропольскій пѣхот. полкъ, тѣмъ же чиномъ.

60. Варпаховскій, Петръ Евдокимовичъ; 20 декабря 1811 г. переведенъ изъ Дворянскаго полка. Будучи полковникомъ, 20 февраля 1825 года назначенъ командиромъ Минскаго пѣхот. полка.

61. Горшковскій, Лаврентій Осиповичъ; 11 мая 1812 г. опредѣленъ изъ ротмистровъ бывшихъ польскихъ войскъ. Будучи поручикомъ, 19 января 1816 года уволенъ отъ службы, за ранами, съ мундиромъ.

62. Римскій-Корсаковъ, Григорій Александровичъ; 25 января 1813 г. переведенъ изъ Московскаго пѣхотн. полка за отличіе въ сраженіяхъ. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

63. Князь Хилковъ, Яковъ Ивановичъ; 12 мая 1815 г. переведенъ изъ Могилевскаго пѣхот. полка; 26 января 1816 г. переведенъ въ Костромской пѣхот. полкъ, штабсъ-капитаномъ.

64. Баронъ Фридрихсъ 1-й, Борисъ Андреевичъ; 29 марта 1816 г. переведенъ изъ Павлоградскаго гусарскаго полка. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

65. Веревкинъ, Владиміръ Петровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

66. Калечицкій 2-й, Михаилъ Петровичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 12 октября 1817 года переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

67. Коробьинъ 1-й, Петръ Михайловичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. Будучи подпоручикомъ, 31 октября 1812 года исключенъ убитымъ въ сраженіи.

68. Князь Жеваховъ, Николай Егоровичъ; 10 ноября 1811 г. зачисленъ изъ дворянъ 2-го кадетскаго корпуса; 7 февраля 1814 г. исключенъ умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи.

69. Ивановъ 2-й, Дмитрій Степановичъ; 10 ноября 1811 г. зачисленъ изъ дворянъ 2-го кадетскаго корпуса. Будучи полковникомъ, 5 декабря 1823 г., уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ.

70. Вилинбаховъ, Иванъ Афонасьевичъ; 10 ноября 1811 г. зачисленъ изъ дворянъ 2-го кадетскаго корпуса. Будучи полковникомъ, 29 іюля 1827 года назначенъ командиромъ Несвижскаго карабинернаго полка.

71. Борзовъ, Николай Ивановичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 года переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

72. Воропановъ, Иванъ Фадѣевичъ; 19 ноября 1811 г. переведенъ изъ 2-й запасной артиллерійской бригады. Будучи штабсъ-капитаномъ, 4 октября 1819 года уволенъ отъ службы.

73. Габбе 2-й, Александръ Андреевичъ; до перевода въ полкъ, 11 декабря 1811 г., состоялъ по армейской пѣхотѣ. Будучи полковникомъ, 9 марта 1819 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ.

74. Баронъ Гердорфъ, Александръ Карловичъ, 12 декабря 1811 г. переведенъ изъ Углицкаго пѣхотн. полка. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

75. Пестель, Павелъ Ивановичъ; 14 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. Будучи подпоручикомъ, 26 августа 1814 года переведенъ въ л.-гв. Кавалергардскій полкъ.

76. Адлербергъ, Эдуардъ Федоровичъ; 14 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

77. Пущинъ 2-й, Николай Николаевичъ; 14 декабря 1811 г. зачисленъ изъ камеръ-пажей. Будучи капитаномъ, 18 сентября 1823 г. переведенъ въ Литовскій пѣхот. полкъ рядовымъ; 28 января 1826 года переведенъ обратно въ полкъ капитаномъ. Будучи полковникомъ, 11 февраля 1834 г. назначенъ командиромъ Вологодскаго пѣхот. полка, а потомъ командиромъ Дворянскаго полка.

78. Лукашевичъ, Михаилъ Екимовичъ; 14 декабря 1811 г. зачисленъ изъ камеръ-пажей. 27 января 1816 г. уволенъ отъ службы по болѣзни поручикомъ.

79. Окуневъ, Михаилъ Петровичъ; 14 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. Будучи подпоручикомъ, 29 мая 1813 г. исключенъ умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ.

80. Беклешовъ 1-й, Платонъ Николаевичъ; 14 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

81. Габбе 3-й, Михаилъ Андреевичъ; 24 декабря 1811 г. переведенъ изъ 5-й резервной артиллерійской бригады. Будучи капитаномъ, 12 октября 1817 г., зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

82. Ушаковъ, Василій Аполлоновичъ; 31 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. 3 ноября 1819 г. уволенъ отъ службы за ранами, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ.

83. Оде-де-Сіонъ, Яковъ Викторовичъ; 31 декабря 1811 г., изъ камеръ-пажей. Въ чинѣ прапорщика, 20 августа 1813 года, переведенъ въ Нашебургскій пѣхот. полкъ.

84. Ивановъ 2-й, Павелъ Ивановичъ; 13 августа 1812 г. зачисленъ изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

85. Чаадаевъ, Владиміръ Федоровичъ, 13 августа 1812 г. переведенъ портупей-прапорщикомъ. 21 января 1816 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, поручикомъ.

86. Беклешовъ 2-й, Платонъ Петровичъ; 27 августа 1811 г., изъ камеръ пажей. Въ чинѣ прапорщика, 28 ноября 1813 г. исключенъ убитымъ въ сраженіи.

87. Пущинъ 3-й, Иванъ Николаевичъ; 27 августа 1811 г., изъ камеръ-пажей. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

88. Юкичевъ, Василій Дмитріевичъ; 18 декабря 1812 г., изъ подпрапорщиковъ. 15 іюля 1815 г. уволенъ отъ службы за ранами, подпоручикомъ съ мундиромъ и пенсіей.
89. Исленьевъ, Александръ Михайловичъ; 24 декабря 1812 г., изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи поручикомъ, 12 октября 1817 г. зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
90. Гр. Толстой, Александръ Васильевичъ; 24 декабря 1812 г., изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи поручикомъ, 2 февраля 1816 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.
91. Храповицкій, Владиміръ Степановичъ; 24 декабря 1812 г., изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
92. Костюринъ, Петръ Александровичъ; 24 декабря 1812 г., изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 г. зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
93. Баронъ Икскуль, Яковъ Борисовичъ; 24 декабря 1812 г., изъ портупей-прапорщиковъ.
94. Измайловъ, Дмитрій Владиміровичъ; 12 іюня 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ. Будучи подпоручикомъ. 12 октября 1811 г. зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
95. Дометій, Александръ Карловичъ; 12 іюля 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ, подпоручикомъ. 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
96. Жеребцовъ, Михаилъ Ивановичъ; 12 іюня 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ. 16 февраля 1826 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ. 1 августа 1827 г. переведенъ обратно въ полкъ; 22 апрѣля 1834 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 11-й пѣхот. дивизіи.
97. Ренненкампфъ, Иванъ Дмитріевичъ; 12 іюня 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 г. зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
98. Витвицкій, Іосифъ Константиновичъ; 12 іюня 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ, въ чинѣ прапорщика. 1 февраля 1816 г. переведенъ въ польскій уланскій полкъ, поручикомъ.
99. Юрьевъ, Яковъ Петровичъ; 13 іюня 1813 года переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.
100. Лореръ, Николай Ивановичъ; 13 іюня 1813 г. переведенъ изъ состоявшихъ по армейской пѣхотѣ. 11 января 1819 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.
101. Великопольскій, Николай Николаевичъ; 13 іюня 1813 г. зачисленъ изъ камеръ-пажей. 3 ноября 1819 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.
102. Николевъ, Александръ Ивановичъ; 13 іюня 1813 г. изъ камеръ-пажей. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 г. зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

103. Мансуровъ, Николай Александровичъ, 13 іюня 1813 г., изъ камеръ-пажей. Будучи подпоручикомъ, 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

104. Жилинскій, Карлъ Осиповичъ; 29 мая 1816 г. переведенъ изъ Гренадерскаго Его Величества Императора Австрійскаго полка; въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 года зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

105. Щербачевъ, 2-й Михаилъ Николаевичъ; 20 октября 1813 г. зачисленъ изъ подпрапорщиковъ. 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ прапорщикомъ.

106. Приклонскій 1-й, Александръ Григорьевичъ; 2 апрѣля 1814 г. переведенъ изъ Тамбовскаго пѣхотнаго полка поручикомъ. Состоя въ томъ же чинѣ, 12 октября 1817 г. былъ зачисленъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

107. Мичуринъ Валеріанъ Макаровичъ, 16 ноября 1815 г. переведенъ изъ 26 конно-артиллерійской роты. Будучи капитаномъ, 13 октября 1827 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ, съ мундиромъ.

108. Брандорфъ, Александръ Степановичъ; 1 мая 1815 г. переведенъ изъ баталіона Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны. Состоя въ томъ же чинѣ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, прапорщикомъ.

109. Воейковъ 1-й, Александръ Павловичъ; 4 іюня 1816 г. переведенъ изъ Пермскаго пѣхотнаго полка. Состоя въ томъ же чинѣ, 12 октября 1817 г. переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, прапорщикомъ.

110. Баронъ Строгановъ, Сергѣй Григорьевичъ; 4 іюня 1815 г. переведенъ изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. 24 января 1816 г. переведенъ въ л.-гв Гусарскій полкъ, съ производствомъ въ штабсъ-ротмистры и съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу отъ кавалеріи барону Винценгероде.

111. Геннинскій, Николай Яковлевичъ; 22 октября 1816 г. переведенъ изъ л.-гв. Егерскаго полка съ производствомъ въ полковники; 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

112. Чевакинскій, Павелъ Ивановичъ; 23 сентября 1816 г. зачисленъ изъ подпрапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 11 января 1819 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.

113. Васильевъ 1, Василій Ивановичъ; 15 іюля 1815 г. переведенъ изъ 20 егерскаго полка. Будучи полковникомъ, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

114. Хвощинскій, Дмитрій Ивановичъ; 23 сентября 1816 г. зачисленъ изъ подпрапорщиковъ. 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка, прапорщикомъ.

115. Желтухинъ, Владиміръ Петровичъ; 23 сентября 1816 г., изъ подпрапорщиковъ. Будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, 6 декабря 1840 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 23 сентября 1866 г. зачи-

сленъ въ списки полка, состоя генераломъ отъ инфантеріи, членомъ военнаго совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній.

116. Князевъ, Александръ Пахомовичъ; 23 сентября 1816 г. изъ подпрапорщиковъ. Будучи поручикомъ, 10 декабря 1820 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.

117. Леванидовъ, Андрей Александровичъ; 23 сентября 1816 г., изъ подпрапорщиковъ. Состоя въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 года былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

118. Князь Енгалычевъ, Любимъ Андреевичъ; 30 сентября 1816 г., изъ подпрапорщиковъ. Состоя въ чинѣ, прапорщика, 12 октября 1817 года поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

119. Граббе, Петръ Христофоровичъ; 12 августа 1817 г. переведенъ изъ Дворянскаго полка. Будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, 6 октября 1831 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 3 гренадерской дивизіи.

120. Баронъ Фредериксъ, Федоръ Андреевичъ; 7 января 1817 г. переведенъ изъ Иркутскаго гусарскаго полка съ оставленіемъ адъютантомъ генерала князя Лобанова-Ростовскаго. Будучи Штабсъ-капитаномъ, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

121. Уваровъ, Степанъ Ивановичъ; 15 августа 1817 г. переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка, въ чинѣ поручика. 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

122. Высоцкій, Иванъ Кирилловичъ; 23 августа 1817 г. переведенъ изъ Саратовскаго пѣхотнаго полка. 25 декабря 1827 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

123. Новиковъ, Василій Ипполитовичъ; 26 іюня 1817 г., изъ портупей прапорщиковъ. Въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

124. Адлербергъ 2, Михаилъ Ѳедоровичъ; 26 іюня 1817 г., изъ портупей прапорщиковъ. Въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

125. Толстой, Владиміръ Андреевичъ; 26 августа 1817 г., изъ портупей прапорщиковъ. Въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

126. Купріяновъ, Павелъ Александровичъ; 26 августа 1817 г., изъ портупей-прапорщиковъ. Въ чинѣ прапорщика, 12 октября 1817 г. поступилъ въ составъ л.-гв. Московскаго полка.

127. Марачинскій, Иванъ Алексѣевичъ; 7 мая 1818 г., переведенъ изъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Будучи полковникомъ, 27 августа 1822 года переведенъ въ Житомірскій пѣхотный полкъ.

128. Колотовъ, Андрей Лукичъ; 7 мая 1818 г. переведенъ изъ л.-гв. Павловскаго полка. 10 марта 1823 года произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Бѣлостокскій пѣхотный полкъ.

129. Владыкинъ, Харлампій Ивановичъ; 27 іюля 1818 г. переведенъ изъ капитановъ 49 Егерскаго полка. 20 февраля 1825 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Житомірскій пѣхотный полкъ.

130. Баронъ Ренне, Викторъ Платоновичъ; 26 января 1818 г. переведенъ изъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады. Будучи штабсъ-капитаномъ, 16 апрѣля 1819 г. переведенъ л.-гв. конной артиллеріи въ летучую № 3 батарею.

131. Жеребцовъ, Григорій Ивановичъ; 2 апрѣля 1818 г. переведенъ изъ поручиковъ 3 піонернаго батальона. Будучи капитаномъ, 24 февраля 1831 г. исключенъ умершимъ.

132. Герштенцвейгъ, Иванъ Евстафьевичъ; 12 декабря 1817 г. переведенъ изъ 27-го Егерскаго полка. 11 января 1819 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

133. Анненковъ, Александръ Ивановичъ; 4 марта 1818 г. переведенъ изъ прапорщиковъ Волынскаго пѣхотн. полка. 14 января 1832 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

134. Плещъ, Иванъ Ивановичъ; 4 марта 1818 г. переведенъ изъ прапорщиковъ Волынскаго пѣхотн. полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 19 октября 1828 г. переведенъ по болѣзни въ комиссаріатскій штатъ, съ чиномъ 7 класса.

135. Кіяковскій, Вячеславъ Константиновичъ; 11 апрѣля 1818 г. изъ подпрапорщиковъ. 12 ноября 1823 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, штабсъ-капитаномъ.

136. Леванидовъ 2-й, Федоръ Федоровичъ; 11 апрѣля 1818 г. изъ подпрапорщиковъ. 12 января 1824 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.

137. Мельгуновъ, Евлампій Захаровичъ; 8 іюня 1818 г. переведенъ изъ Бородинскаго пѣхотн. полка. Будучи подпоручикомъ, 22 марта 1821 г. уволенъ отъ службы по болѣзни.

138. Энгельгардтъ, Платонъ Ивановичъ; 14 мая 1818 г. переведенъ изъ 50-го Егерскаго полка. 16 декабря 1822 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, капитаномъ, съ мундиромъ.

139. Бабиковъ, Аполлонъ Ильичъ; 14 мая 1818 г. переведенъ изъ 49-го Егерскаго полка. 15 октября 1833 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, генералъ-маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіей.

140. Фохтъ, Карлъ Ивановичъ, 29 января 1819 г. переведенъ изъ л.-гв. Павловскаго полка. 29 мая 1838 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Бывши генералъ-маіоромъ, 27 марта 1855 г. назначенъ командующимъ л.-гв. Литовскимъ резервнымъ полкомъ. 27 марта того-же 1855 г. назначенъ командующимъ 5-й резервной гвардейской пѣхотной бригадою, съ зачисленіемъ по гвардейской пѣхотѣ.

141. Анненковъ, Михаилъ Ивановичъ; 1 февраля 1819 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса. Будучи поручикомъ, 3 декабря 1827 года исключенъ умершимъ.

142. Кишкинъ, Константинъ Михайловичъ; 1 февраля 1819 г. изъ 1-го кадет. корпуса. 6 декабря 1834 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

143. Грессеръ 1-й, Петръ Александровичъ; 20 марта 1819 г., изъ камеръ-пажей. Будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, ис-

правлялъ должность коменданта главной Императорской квартиры. 19 февраля 1839 г. назначенъ командиромъ гренадерскаго Принца Евгенія Виртембергскаго полка, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта.

144. Житковъ 1-й, Петръ Никифоровичъ; 16 мая 1819 г. переведенъ изъ Виленскаго пѣхотн. полка. 6 декабря 1834 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ.

145. Хвощинскій, Александръ Петровичъ; 4 октября 1819 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 19 декабря 1821 г., уволенъ отъ службы, по болѣзни.

146. Малиновскій 1-й, 4 октября 1819 г. изъ подпрапорщиковъ. Будучи полковникомъ, 12 января 1837 г. уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ и пенсіей.

147. Малиновскій, 2-й Францъ Францовичъ; 4 октября 1819 г. изъ подпрапорщиковъ. 16 августа 1822 г. переведенъ въ Житомирскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ.

148. Іолшинъ, Александръ Осиповичъ; 21 октября 1828 г. переведенъ изъ Волынскаго полка съ оставленіемъ старшимъ адъютантомъ 25-й пѣхотн. дивизіи. Будучи капитаномъ, 21 ноября 1832 года, переведенъ въ корпусъ жандармовъ, подполковникомъ.

149. Поповъ, Александръ Ивановичъ; 21 октября 1828 г. переведенъ изъ Староингерманландскаго пѣхотн. полка съ оставленіемъ адъютантомъ генералъ-адъютанта барона Розена. 16 апрѣля 1837 г. назначенъ командующимъ Апшеронскимъ пѣхотн. полкомъ, съ переименованіемъ въ подполковники.

150. Квицинскій, Леопольдъ Александровичъ; 19 іюля 1829 г. переведенъ изъ Самогитскаго гренадерскаго полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 7 февраля 1833 г. переведенъ въ л.-гв. Уланскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полкъ.

151. Войцехъ, Андрей Ѳедоровичъ; 5 августа 1829 г. переведенъ изъ Брестъ-Литовскаго пѣхотн. полка съ оставленіемъ адъютантомъ генерала отъ инфантеріи Доре. 2 іюля 1839 г. произведенъ въ полковники, съ зачисленіемъ по арміи.

152. Баронъ Врангель, Александръ Александровичъ; 21 октября 1828 г. переведенъ изъ 1-го Морского полка съ оставленіемъ адъютантомъ генералъ-адъютанта барона Розена 1. 5 октября 1837 года произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала Князя Варшавскаго, Графа Паскевича Эриванскаго полка. Въ 1877 году генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта.

153. Озеровъ, Сергѣй Петровичъ; 24 ноября 1826 г. изъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго лицея. Будучи полковникомъ, флигель-адъютантомъ и исправлявшимъ должность директора 2-го Московскаго кадетскаго корпуса, 6 декабря 1851 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ утвержденіемъ въ этой должности и съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Состоя въ чинѣ генералъ-лейтенанта почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта и управляющимъ больницею Всѣхъ Скорбящихъ въ Паже-

скомъ Его Величества корпусѣ, 24 ноября 1876 года зачисленъ въ списки полка.

154. Чернякъ, Ѳома Матвѣевичъ; 5 декабря 1819 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Въ чинѣ прапорщика, 11 декабря 1821 г. переведенъ въ 49 егерскій полкъ тѣмъ-же чиномъ.

155. Обручевъ, Николай Афанасьевичъ; 20 января 1820 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 6 декабря 1835 г. произведенъ въ полковники съ переводомъ въ Астраханскій карабинерный полкъ.

156. Грессеръ 2-й, Александръ Александровичъ; 27 января 1820 г. изъ камеръ-пажей. Будучи полковникомъ и адъютантомъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, 3 мая 1845 г. уволенъ въ отставку, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ награжденіемъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

157. Житковъ 2-й, Михаилъ Андреевичъ; 29 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка. Въ чинѣ прапорщика, 6 декабря 1849 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по гренадерскому корпусу.

158. Афанасьевъ 1-й, Николай Алексѣевичъ; 29 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка прапорщикомъ. 9 декабря 1824 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, поручикомъ.

159. Дмитріевъ, Василій Ивановичъ, 29 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка прапорщикомъ. Будучи капитаномъ, 11 марта 1832 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ.

160. Корниловичъ, Петръ Петровичъ; 29 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка прапорщикомъ. 16 апрѣля 1841 г. произведенъ въ полковники, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

161. Сумароковъ, Сергѣй Григорьевичъ, 20 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка прапорщикомъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 23 октября 1832 г. переведенъ въ Бѣлевскій полкъ маіоромъ.

162. Леванскій, Юрій Фаустиновичъ; 20 сентября 1820 г. переведенъ изъ 1-го гренадерскаго полка прапорщикомъ. Будучи капитаномъ, 16 апрѣля 1837 г. переведенъ въ Азовскій пѣхотн. полкъ подполковникомъ.

163. Дурасовъ, Сергѣй Ивановичъ, 20 сентября 1820 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 4 января 1825 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ.

164. Афанасьевъ, Павелъ Ѳомичъ; 11 октября 1820 г. изъ унтеръ-офицеровъ полка. Будучи подпоручикомъ, 14 апрѣля 1828 г. переведенъ въ гвардейскую передвижную инвалидную № 14 роту, поручикомъ.

165. Де-Бринкенъ, Николай Федоровичъ; 25 ноября 1820 г. принятъ на службу изъ Виртембергскихъ войскъ. Будучи поручикомъ, 24 января 1832 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ повышеніемъ въ чинѣ.

166. Мазуркевичъ, Каэтанъ Осиповичъ; 14 мая 1821 г. изъ портупей-

прапорщиковъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 4 декабря 1832 года зачисленъ по армейской пѣхотѣ маіоромъ.

167. Федоровъ 1-й, Василій Антоновичъ; 14 мая 1821 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 29 декабря 1827 г. уволенъ отъ службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

168. Федоровъ 2-й, Николай Антоновичъ; 14 мая 1821 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 14 октября 1829 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

169. Головинъ Николай Ивановичъ; 14 мая 1821 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 4 января 1826 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, подпоручикомъ.

170. Рихтеръ, Ѳедоръ Егоровичъ; 20 августа 1822 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 9 декабря 1824 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, подпоручикомъ.

171. Дурасовъ 2-й, Петръ Ивановичъ; 20 августа 1822 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 5 января 1826 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, подпоручикомъ.

172. Кучъ, Никшичъ, Андрей Ивановичъ; 20 августа 1822 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Состоя въ чинѣ прапорщика, 4 мая 1825 года переведенъ въ Минскій пѣхотн. полкъ, поручикомъ.

173. Казариновъ, Иванъ Поликарповичъ; 20 августа 1822 г. изъ унтеръ-офицеровъ полка. Будучи капитаномъ, 12 мая 1836 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

174. Перхуровъ Александръ Николаевичъ; 23 января 1824 г. изъ капитановъ л.-гв. Волынскаго полка. 24 октября 1828 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, съ мундиромъ.

175. Аслановичъ, Григорій Варфоломѣевичъ; 18 апрѣля 1826 г. переведенъ изъ Луцкаго гренадерскаго полка штабсъ-капитаномъ. 4 іюня 1833 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

176. Ротъ 9-й, Константинъ Христіановичъ; 16 февраля 1824 г. переведенъ изъ Карабинернаго полка поручикомъ. 9 декабря 1833 года переведенъ въ Екатеринбургскій пѣхотн. полкъ, полковникомъ.

177. Ротъ 8-й, Александръ Христіановичъ; 2 марта 1823 г. переведенъ изъ Карабинернаго полка отдѣльнаго Литовскаго корпуса. 3 февраля 1833 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ подполковникомъ.

178. Форсманъ, Иванъ Яковлевичъ; 8 марта 1825 г. переведенъ изъ Брестскаго пѣхотн. полка поручикомъ. Будучи капитаномъ, 4-го іюня 1838 г. исключенъ умершимъ.

179. Миготинъ, Каэтанъ Семеновичъ; 23 августа 1826 г. переденъ изъ Несвижскаго карабинернаго полка, съ оставленіемъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Будучи штабсъ-капитаномъ и старшимъ адъютантомъ штаба дѣйствующей арміи, 13 ноября 1831 г. исключенъ умершимъ.

180. Житковъ 3-й, Константинъ Андреевичъ; 10 февраля 1825 г. переведенъ изъ 2-го гренадерскаго полка подпоручикомъ. Будучи полковникомъ, 17 марта 1851 г. исключенъ умершимъ.

181. Лишинъ, Андрей Федоровичъ, 19 іюня 1826 г. переведенъ изъ Жито-

мірскаго пѣхотн. полка подпоручикомъ, съ оставленіемъ адъютантомъ начальника 25 пѣхотной дивизіи. Будучи директоромъ строительнаго училища путей сообщенія и публичныхъ зданій, 15 января 1852 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ переводомъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія.

182. Одинцовъ 1-й, Алексѣй Алексѣевичъ; 27 февраля 1823 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса. 11 августа 1842 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ. Скончался въ чинѣ генерала отъ инфантеріи.

183. Крыжановскій, Павелъ Антоновичъ; 20 августа 1823 г. изъ камеръ-пажей. Будучи капитаномъ, 13 октября 1838 г. искл. умершимъ.

184. Кореневъ 1-й, Геннадій Ивановичъ; 26 ноября 1823 г. переведенъ изъ Брестскаго пѣхотн. полка. 22 декабря 1827 г., уволенъ отъ службы, по болѣзни, подпоручикомъ.

185. Елчинъ, Александръ Петровичъ; 22 сентября 1823 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 21 января 1840 г. уволенъ отъ службы по болѣзни, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

186. Случановскій, Людвигъ Осиповичъ; 22 сентября 1823 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 19 декабря 1827 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, подпоручикомъ.

187. Суровцевъ 1-й, Александръ Андреевичъ; 22 сентября 1823 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 27 февраля 1832 г. переведенъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ капитаномъ.

188. Федоровъ 3-й, Павелъ Антоновичъ; 22 сентября 1823 г. изъ портупей прапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 25 сентября 1831 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.

189. Романовскій, Петръ Карловичъ; 26 ноября 1823 г. изъ унтеръ-офицеровъ полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 31 декабря 1835 года уволенъ отъ службы, по болѣзни.

190. Энгельманъ, Василій Григорьевичъ; 26 ноября 1823 г. переведенъ изъ Саратовскаго пѣхотн. полка прапорщикомъ. Будучи подпоручикомъ, 29 апрѣля 1831 г. переведенъ въ Великолуцкій пѣхотн. полкъ, тѣмъ же чиномъ.

191. Бѣляевъ, Николай Ивановичъ; 18 января 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 19 декабря 1827 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, подпоручикомъ.

192. Катенинъ, Ѳедоръ Андреевичъ; 31 мая 1824 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 21 декабря 1828 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, подпоручикомъ.

193. Корвинъ-Красинскій, Александръ Ивановичъ; 31 мая 1824 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 17 августа 1844 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Орловскій-Бахтина кадетскій корпусъ.

194. Мартюшевъ, Константинъ Константиновичъ; 10 февраля 1825 года переведенъ изъ 2 Гренадерскаго полка резервнаго корпуса войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича. 24 мая 1841 г. назначенъ командиромъ Митавскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, подполковникомъ.

195. Овандеръ, Яковъ Яковлевичъ; 10 января 1826 г. переведенъ изъ Литовскаго піонернаго батальона, подпоручикомъ. 2 апрѣля 1831 года исключенъ изъ списковъ умершимъ.

196. Путинцовъ, Игнатій Яковлевичъ; 4 мая 1825 г. изъ фельдфебелей полка. Начальникъ инвалидной команды. 27 января 1832 года исключенъ изъ списковъ умершимъ.

197. Суровцовъ 2-й, Петръ Андреевичъ; 18 марта 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 3 февраля 1833 г. переведенъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, капитаномъ.

198. Сагатинскій, Богуславъ Константиновичъ; 18 мая 1825 изъ портупей-прапорщиковъ. 8 апрѣля 1827 года исключенъ изъ списковъ умершимъ.

199. Барановскій, Тамерланъ Захарьевичъ; 18 мая 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 3 февраля 1832 г. уволенъ отъ службы за ранами, подпоручикомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

200. Пузыня, Іосифъ Игнатьевичъ; 18 мая 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 4 января 1841 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

201. Федоровъ 4-й, Михаилъ Антоновичъ; 18 мая 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи поручикомъ, 19 января 1834 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ. 4 апрѣля 1835 г. вновь поступилъ въ полкъ. 17 марта 1848 года уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ, съ мундиромъ и пенсіей.

202. Федоровъ 5-й, Дмитрій Антоновичъ; 18 мая 1825 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи капитаномъ, 26 января 1841 г., уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ мундиромъ.

203. Одинцовъ 2-й, Андрей Алексѣевичъ; 27 января 1827 г. переведенъ изъ 1-й гренадерской артиллерійской батарейной роты резервнаго корпуса войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича. 27 февраля 1832 г. переведенъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, поручикомъ.

204. Плавскій Александръ Осиповичъ; 25 іюня 1827 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса. Будучи капитаномъ, 11 февраля 1842 г. исключенъ умершимъ.

205. Лыщинскій, Ансельмъ Амвросіевичъ; 25 іюня 1827 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи капитаномъ, 27 января 1846 г. переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ. Въ чинѣ генералъ-маіора, 27 марта 1855 г. назначенъ командующимъ л.-гв. Измайловскимъ резервнымъ полкомъ. 23 ноября того-же года зачисленъ по армейской пѣхотѣ. Командуя 2-ю бригадою 14 пѣхотн. резервной дивизіи, 26 января 1857 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ и пенсіей.

206. Аршеневскій, Александръ Александровичъ; 25 іюня 1827 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи поручикомъ, 29 декабря 1832 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ.

207. Дурасовъ Павелъ Ивановичъ; 25 іюня 1827 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 16 апрѣля 1837 г. переведенъ въ Казанскій егерскій полкъ маіоромъ.

208. Обырнъ, Ѳома Яновичъ; 25 іюня 1827 г. изъ подпрапорщиковъ. 3 августа 1846 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.
209. Житковъ 4-й, Дмитрій Никифоровичъ; 12 августа 1828 г. изъ портупей-прапорщиковъ. Будучи полковникомъ, 14 марта 1850 года назначенъ командиромъ Сѣвскаго пѣхотн. полка.
210. Сакенъ, Александръ Федоровичъ; 12 августа 1828 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 16 ноября 1844 г. переведенъ въ Тифлисскій егерскій полкъ подполковникомъ.
211. Абрамовичъ, Іосифъ Игнатьевичъ; 12 мая 1829 г. изъ подпрапорщиковъ. 2 февраля 1839 г уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, подпоручикомъ.
212. Бучацкій, Викентій Игнатьевичъ; 25 іюня 1829 г. изъ подпрапорщиковъ. 27 февраля 1832 г. переведенъ въ Бѣлевскій пѣхот. полкъ подпоручикомъ.
213. Гине, Иванъ Ивановичъ; 25 іюня 1829 г. изъ подпрапорщиковъ. 18 декабря того же 1829 г. въ чинѣ прапорщика уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ.
214. Фокъ 1-й, Федоръ Петровичъ; 25 іюня 1829 г. изъ подпрапорщиковъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 12 августа 1842 г. исключенъ умершимъ.
215. Гидждеу, Фаддѣй Фаддѣевичъ; 6 декабря 1827 г. переведенъ изъ Волынскаго пѣхотн. полка, съ оставленіемъ адъютантомъ начальника 25 пѣхотной дивизіи. 6 декабря 1834 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Прагскій пѣхотн. полкъ.
216. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ 25 іюня 1831 г. назначенъ шефомъ полка, состоя онымъ по день кончины, 19 сентября 1849 года.
217. Девиттъ, Павелъ Яковлевичъ; генералъ-маіоръ, командиръ, полка. До назначенія командующимъ полкомъ, 24 октября 1831 г., состоялъ при войскахъ гвардейскаго корпуса. 22 сентября 1841 г. назначенъ командующимъ 3-ею гвард. пѣхотн. дивизіею. 10 ноября того же 1841 г. зачисленъ въ списки полка. Будучи генераломъ отъ инфантеріи и членомъ генералъ-аудиторіата, 10 сентября 1864 года исключенъ умершимъ.
218. Шрейдеръ, Павелъ Петровичъ; 6 декабря 1831 г. переведенъ въ чинѣ капитана изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 1 декабря 1832 года уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, полковникомъ, съ мундиромъ.
219. Фонъ-Аммонтъ, Василій Антоновичъ; 14 января 1832 г. переведенъ въ чинѣ капитана изъ л.гв. Финляндскаго полка. 16 апрѣля 1841 года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ при 2-й гвард. пѣхотн. дивизіи. 22 сентября того-же года назначенъ командующимъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ. Въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 6 декабря 1849 г. назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи. 14 января 1850 г. зачисленъ въ списки полка. 25 декабря 1851 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

220. Бѣлокопытовъ, Николай Дмитріевичъ; 1 іюля 1832 г. переведенъ изъ Софійскаго пѣхотн. полка, съ оставленіемъ адъютантомъ Астраханскаго воен. губернатора. 29 іюля 1837 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ подполковникомъ.

221. Князь Оболенскій, Владиміръ Андреевичъ; 2 декабря 1831 г. переведенъ изъ Самогитскаго гренадерскаго полка. 16 ноября 1834 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, поручикомъ.

222. Симолинъ, Григорій Федоровичъ; 20 февраля 1832 г. изъ подпрапорщиковъ. 7 октября 1838 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.

223. Развадовскій, Владиміръ Ивановичъ; 6 апрѣля 1832 г. изъ подпрапорщиковъ. 22 сентября 1843 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

224. Развадовскій 2-й, графъ, Константинъ Ивановичъ; 6 апрѣля 1832 года произведенъ изъ подпрапорщиковъ полка въ прапорщики. Назначенъ командиромъ 24-го пѣхотн. Симбирскаго полка 21 іюня 1849 года. Зачисленъ вновь въ списки полка 26 августа 1876 года. Скончался въ 1885 году въ чинѣ генерала отъ инфантеріи.

225. Бялый, Александръ Онуфріевичъ; 6 августа 1832 г. переведенъ изъ пѣхотнаго Графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена полка. 29 декабря 1852 г. назначенъ командиромъ якутскаго пѣхотн. полка.

226. Леонтьевъ 1-й, Петръ Николаевичъ; 30 августа 1832 г. изъ камеръ-пажей. Будучи капитаномъ, 20 сентября 1847 г. переименованъ въ надворные совѣтники, съ назначеніемъ директоромъ Императорской шпалерной фабрики.

227. Толбузинъ, Петръ Николаевичъ; 7 сентября 1832 г. переведенъ изъ Преображенскаго полка. 7 ноября 1836 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

228. Топорнинъ, Федоръ Ивановичъ; 7 сентября 1832 г. переведенъ прапорщикомъ изъ Преображенскаго полка. 16 ноября 1834 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, подпоручикомъ.

229. Массонъ, Александръ Петровичъ; 14 августа 1831 г. переведенъ изъ Самогитскаго гренадерскаго полка. 15 февраля 1832 г. переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ командиру 3 резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералу отъ кавалеріи гр. Витту.

230. Дебу, Александръ Осиповичъ; 1 марта 1832 г. переведенъ изъ Тенгинскаго пѣхотн. полка, съ оставленіемъ старшимъ адъютантомъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса. 17 августа 1844 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ.

231. Траскинъ, Константинъ Семеновичъ; 23 марта 1832 г. переведенъ изъ 1 учебнаго карабинернаго полка. 9 марта 1840 г. переведенъ въ Кабардинскій егерскій полкъ, маіоромъ.

232. Макаровъ, Николай Петровичъ; 13 августа 1830 года изъ подпрапорщиковъ полка. 19 января 1834 года уволенъ отъ службы, по

домашнимъ обстоятельствамъ, поручикомъ. 13 февраля 1836 года опредѣленъ въ полкъ подпоручикомъ. 16 іюля 1837 г. переведенъ въ Рижскій драгунскій полкъ капитаномъ.

233. Плудовскій, Станиславъ Семеновичъ; 13 августа 1830 г. изъ подпрапорщиковъ полка. 28 мая 1837 г. переведенъ въ Азовскій пѣхотный полкъ, капитаномъ.

234. Боуфалъ, Францъ Сигизмундовичъ; 13 августа 1830 г. изъ подпрапорщиковъ. 12 января 1837 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.

235. Малиновскій, Иванъ Францовичъ; 30 декабря 1831 г. переведенъ изъ л.-гв. Волынскаго полка. 20 декабря 1834 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, поручикомъ.

236. Грибовскій, Яковъ Кириловичъ; 6 декабря 1832 г. переведенъ изъ л.-гв. Финляндскаго полка. 7 ноября 1836 г., въ чинѣ полковника, уволенъ отъ службы, по болѣзни, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, статскимъ совѣтникомъ.

237. Назимовъ, Владиміръ Ивановичъ; 8 ноября 1833 г. переведенъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 22 апрѣля 1834 г. переведенъ обратно въ л.-гв. Преображенскій полкъ, полковникомъ.

238. Гурбантъ, Фридрихъ Егоровичъ; 22 апрѣля 1834 г. переведенъ изъ л.-гв. Павловскаго полка. 4 декабря 1834 г., въ чинѣ полковника, назначенъ помощникомъ окружнаго генерала 8 округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи.

239. Небольсинъ, Василій Петровичъ; 22 апр. 1834 г. переведенъ изъ л.-гв. Павловскаго полка, въ чинѣ полковника. 21 апр. 1835 года перев. обратно въ Павловскій полкъ.

240. Кононовъ, Василій Ивановичъ; 22 апр. 1834 г. перев. изъ л.-гв. Гренад. п., въ чинѣ полковника. 24 окт. 1836 г. перев. въ Севастопольскій пѣх. полкъ.

241. Трембицкій, Казиміръ Антоновичъ, флигель-адъютантъ. 9 ноября 1834 г. опредѣленъ изъ отставки полковникомъ. 10 окт. 1843 г. произв. въ генер.-маіоры, съ назначеніемъ и. д. Калишскаго губернатора.

242. Адлербергъ, Густавъ Яковлевичъ; 22 сент. 1832 г. перев. изъ Украинскаго пѣхот. п., съ оставленіемъ Ревельскимъ плацъ-адъютантомъ. 30 авг. 1838 г. произв. въ полковники, съ переводомъ въ гренад. принца Вильгельма Прусскаго полкъ.

243. Путилинъ, Михаилъ Тимофѣевичъ; 22 апр. 1834 г. переведенъ капитаномъ изъ Гренад. Императора Австрійскаго полка. 21 авг. 1840 г. произв. въ полковники, съ перев. въ Рязанскій пѣхотный полкъ.

244. Бутурлинъ 2, Сергѣй Петровичъ; 16 апр. 1833 г. перев. штабсъ-капитаномъ изъ Кавалергардскаго Ея Величества полка, съ оставленіемъ адъютантомъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Будучи полковникомъ и товарищемъ начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 19 февр. 1844 г. переведенъ въ генеральный штабъ.

245. Дорогой, Федоръ Алексѣевичъ; 8 іюня 1835 г. перев. изъ пѣхотн.

Принца Карла Прусскаго полка. Будучи капитаномъ, 13 апрѣля 1841 г. исключенъ умершимъ.

246. Семеновъ 1, Владиміръ Александровичъ; 2 апр. 1839 г. перев. изъ гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка. Будучи поручикомъ, 4 апр. 1836 г. перев. въ Тверской драгунскій полкъ, капитаномъ.

247. Яковлевъ, Павелъ Андреевичъ; 2 апр. 1839 г. перев. изъ Петровскаго пѣх. полка. Въ чинѣ полковника, 15 янв. 1855 г. назначенъ командующимъ гренадерскимъ Короля Фридриха Вильгельма III полкомъ.

248. Сорокинъ, Александръ Александровичъ; 25 дек. 1832 г. перев. изъ л.-гв. Коннаго полка, прапорщикомъ. 16 декабря 1834 г. перев. въ Самогитскій гренадерскій полкъ, штабсъ-капитаномъ.

249. Похвисневъ, Михаилъ Михайловичъ, 7 сент. 1832 г. перев. прапорщикомъ изъ л.-гв. Саперная баталіона. 30 ноября 1839 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ.

250. Глуховъ, Андрей Семеновичъ; 7 сент. 1832 г. перев. изъ л.-гв. Саперная баталіона. Въ чинѣ подпоручика, 25 авг. 1836 г. исключенъ умершимъ.

251. Бекбулатовъ, Иванъ Максимовичъ; 16 дек. 1832 г. изъ 2 кадетскаго корпуса. 11 іюня 1839 г. переведенъ въ 1-й Оренбургскій казачій полкъ, ротмистромъ.

252. Семеновъ 2, Николай Александровичъ; 2 апр. 1833 г. перев. изъ Костромскаго пѣх. полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 6 ноября 1842 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ.

253. Михайловскій, Романъ Семеновичъ; 13 апр. 1833 г. изъ подпрапорщиковъ полка. 20 декабря 1847 г. назначенъ оберъ-кригсъ-комиссаромъ въ штабъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскими корпусами, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, подполковникомъ.

254. Ивановъ, Константинъ Максимовичъ; 13 апр. 1833 г. изъ подпрапорщиковъ. Будучи капитаномъ и С.-Петербургскимъ плацъ-адъютантомъ, 6 декабря 1849 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ коммиссаріатскій штатъ и съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

255. Маевскій, Александръ Сергѣевичъ; 5 сент. 1833 г. изъ камеръ-пажей. 22 сент. 1840 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ.

256. Болтинъ, Николай Петровичъ; 22 ноября 1834 г. изъ подпрапорщиковъ. 22 февраля 1837 г. переведенъ въ 27-й флотскій экипажъ, лейтенантомъ.

257. Ребиндеръ, Платонъ Александровичъ; 18 декабря 1834 г. изъ Дворянскаго полка. 2 октября 1835 г., въ чинѣ прапорщика, исключенъ умершимъ.

258. Невѣровскій, Александръ Андреевичъ; 30 декабря 1834 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 6 декабря 1840 г. переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.

259. Коцебу, Егоръ Евстафьевичъ; 30 дек. 1834 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 5 ноября 1838 г. переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, капитаномъ.

260. Слѣсаревъ, Николай Демьяновичъ; 6 апр. 1835 г. изъ 1-го кадетс. корпуса. 24 мая 1849 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

261. Гущинъ, Иванъ Даниловичъ; 8 іюня 1835 г. перев. изъ Тенгинскаго пѣх. полка капитаномъ. 16 апр. 1841 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Муромскій пѣх. полкъ.

262. Риманъ, Карлъ Федоровичъ; 20 августа 1835 г. изъ Дворянскаго полка. 6 августа 1855 г. назначенъ командующимъ 4-мъ гренадерскимъ запаснымъ полкомъ, съ переводомъ въ л.-гв. гренадерскій Екатеринославскій Его Величества полкъ.

263. Смольянъ, Александръ Павловичъ; 20 авг. 1835 г. изъ Дворянскаго полка. 17 дек. 1841 г. переведенъ въ Екатеринославскій гренадерскій полкъ, капитаномъ.

264. Гадолинъ, Алексѣй Вильгельмовичъ; 20 авг. 1835 г. изъ Дворянскаго полка. 22 мая 1837 г., въ чинѣ прапорщика, исключенъ умершимъ.

265. Викманъ, Константинъ Товитовичъ; 20 авг. 1835 г. изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Будучи полковникомъ, 26 янв. 1855 г. назначенъ командующимъ резерв. егерскимъ полкомъ 3-й пѣхотн. дивизіи.

266. Христофоровъ, Василій Григорьевичъ; 7 сентября 1835 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 17 ноября 1842 г. перев. въ генеральный штабъ, капитаномъ.

267. Яновицкій, Никандръ Ивановичъ; 7 сент. 1835 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 6 дек. 1840 г. переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.

268. Тевесъ, Федоръ Федоровичъ; 6 дек. 1835 г. перев. прапорщикомъ изъ л.-гв. Финляндскаго полка. 14 сент. 1864 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 3-й гвард. пѣхотн. дивизіи.

269. Сигнеръ, Густавъ Захаровичъ; 26 дек. 1835 г. перев. прапорщикомъ изъ Литовскаго егерскаго полка. 28 іюня 1855 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командующимъ резервнымъ егерскимъ полкомъ 1-й пѣх. дивизіи.

270. Фонъ-Шелькингъ, Александръ Романовичъ; 28 февр. 1836 г. перев. подпоручикомъ изъ Колыванскаго пѣх. полка. 8 окт. того-же 1836 г. исключенъ умершимъ.

271. Харковъ, Павелъ Николаевичъ; 2 авг. 1836 г. изъ 2-го кадетскаго корпуса. 22 янв. 1845 г. переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, штабсъ-капитаномъ.

272. Языковъ, Николай Ивановичъ; 2 авг. 1836 г. изъ Дворянскаго полка. 29 мая 1841 г. переведенъ въ Новоингерманландскій пѣхотн. полкъ, капитаномъ.

273. Тиньковъ, Сергѣй Николаевичъ; 10 января 1823 г. опредѣленъ изъ

отставки подпоручикомъ. Будучи полковникомъ, 8 авг. 1836 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ.

274. Польманъ, Василій Петровичъ; 1 дек. 1836 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. гренадерскаго полка. 16 апр. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

275. Шелькингъ, Эмилій Львовичъ; 17 дек. 1836 г. переведенъ изъ гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго полка, прапорщикомъ. 25 іюня 1854 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ Финляндскій полкъ.

276. Жемчужниковъ, Владиміръ Лукичъ; 1 янв. 1837 г. перев. прапорщикомъ изъ л.-гв. Измайловскаго полка. 7 окт. 1838 г. уволенъ отъ службы подпоручикомъ.

277. Скибичевскій, Всеволодъ Святославовичъ; 1 янв. 1837 г. изъ л.-гв. Егерскаго полка. 24 янв. 1846 г. переведенъ въ гренадерскій Императора Франца 1-го полкъ.

278. Вольфъ, Александръ Александровичъ; 1 янв. 1837 г. перев. прапорщикомъ изъ л.-гв. Егерскаго полка. 30 іюня 1846 г. переведенъ въ гренадерскій Короля Фридриха Вильгельма III полкъ, маіоромъ.

279. Перцовъ, Николай Петровичъ; 1 янв. 1837 г. изъ подпрапорщиковъ. 1 дек. 1841 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

280. Слѣпцовъ, Николай Павловичъ; 1 янв. 1837 г. изъ подпрапорщиковъ полка. 16 іюня 1840 г. переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, штабсъ-капитаномъ.

281. Полтининъ, Федоръ Петровичъ; 24 мая 1837 г. переведенъ изъ гренадерскаго Императора Франца 1-го п. подпрапорщикомъ. 12 февр. 1844 г. перев. въ гренадерскій Императора Франца 1-го полкъ, маіоромъ.

282. Колзаковъ, Александръ Прокофьевичъ; 25 іюля 1837 г. переведенъ изъ л.-гв. Измайловскаго полка капитаномъ; полковникомъ, 2 іюля 1840 г. переведенъ л.-гв. въ Павловскій полкъ.

283. Козловъ, Александръ Павловичъ; 16 іюля 1837 г. переведенъ изъ л.-гв. гренадерскаго полка, полковникомъ. 22 октября того же года уволенъ отъ службы, съ мундиромъ.

284. Боуфалъ, Леопольдъ Сигизмундовичъ; 27 авг. 1837 г. изъ 2 кадетскаго корпуса. 26 янв. 1845 г. переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.

285. Хрущевъ, Дмитрій Николаевичъ; 27 авг. 1837 г. изъ Московскаго кадетскаго корпуса; 9 мая 1846 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ переводомъ въ Измайловскій полкъ.

286. Князь Вадбольскій, Иванъ Михайловичъ; 13 нояб. 1837 г. переведенъ изъ л.-гв. Волынскаго полка, поручикомъ. 30 янв. 1841 г. переведенъ въ Егерскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича полкъ, маіоромъ.

287. Лагода, Иванъ Ивановичъ; 7 дек. 1837 г. перев. изъ л.-гв. Егерскаго полка, капитаномъ. 21 марта 1839 г. перев. л.-гв. въ Московскій полкъ, полковникомъ.

288. Турчаниновъ, Левъ Александровичъ; 6 дек. 1837 г. изъ Преобра-

женскаго полка. 12 окт. 1839 г. уволенъ отъ службы, прапорщикомъ.

289. Скибичевскій, Святославъ Святославовичъ; 6 дек. 1839 г. изъ подпрапор. 28 нояб. 1844 г. уволенъ отъ службы, капитаномъ.

290. Давыдовъ, Николай Николаевичъ; 6 дек. 1837 г. изъ подпрап. полка. 27 апр. 1842 г. переведенъ въ л.-гв. Уланскій полкъ, поручикомъ.

291. Князь Оболенскій, Николай Алексѣевичъ; 6 янв. 1837 г. изъ подпр. 4 ноябр. 1839 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

292. Рычковъ, Григорій Федоровичъ; 7 февраля 1838 г. перев. изъ гренадерскаго короля прусскаго полка, штабсъ-капитаномъ. Будучи капитаномъ, 24 мая 1843 г. исключенъ умершимъ.

293. Траскинъ 2-й, Николай Семеновичъ; 10 авг. 1838 г. изъ камеръ-пажей. Будучи полковникомъ, 27 марта 1855 г. перев. въ л.-гв. Измайловскій резерв. полкъ.

294. Кругликовъ, Николай Ивановичъ; 29 окт. 1838 г. перев. изъ гренадерскаго Императора Франца 1-го полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 20 іюня 1847 г. уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ переводомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ.

295. Лаппа, Павелъ Вильгельмовичъ; 28 янв. 1839 г. изъ подпрапорщиковъ. 26 авг. 1853 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

296. Порошинъ, Сергѣй Степановичъ; 28 янв. 1839 г. изъ подпрапорщиковъ. 8 апр. 1848 г. перев. во Владимірскій пѣх. полкъ, маіоромъ.

297. Болтинъ, Иванъ Петровичъ; 28 янв. 1839 г. изъ подпрапорщиковъ. 6 ноября 1839 г. перев. въ Финляндскій драгунскій полкъ, поручикомъ.

298. Столаршъ-Таватъ, Александръ Борисовичъ; 19 авг. 1839 г. перев. изъ гренад. короля прусскаго полка, подпоручикомъ. 30 янв. 1849 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.

299. Дементьевъ, Александръ Евграфовичъ; 22 авг. 1839 г. перев. изъ Минскаго пѣх. полка. Будучи поручикомъ, 31 янв. 1842 г. уволенъ отъ службы.

300. Ширинъ, Устинъ Осиповичъ; 19 авг. 1839 г. перев. изъ Грузинскаго гренад. полка. 25 іюня 1854 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

301. Юрасовъ, Иванъ Матвѣевичъ; 14 апр. 1840 г. перев. изъ гренад. Императора Франца 1-го полка. 14 іюня 1846 г. назначенъ командиромъ Петрозаводскаго внутренняго гарниз. баталіона.

302. Князь Оболенскій, Михаилъ Алексѣевичъ; 21 апр. 1840 г. перев. изъ подпрапорщиковъ полка. 20 февр. 1843 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

303. Тишинъ, Иванъ Васильевичъ; 21 апр. 1840 г. изъ подпрапорщиковъ полка. 13 мая 1851 г. перев. во Владимірскій пѣхотный полкъ, маіоромъ.

304. Лаппа, Александръ Петровичъ; 22 іюля 1840 г. изъ 1-го кадетск. корпуса. 6 дек. 1854 г. назначенъ командиромъ Витебскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона, съ переименованіемъ въ подполковники.

305. Вибергъ 2, Иванъ Карловичъ; 22 іюля 1840 г. изъ 1 кад. корп. 23 іюля 1840 г., въ чинѣ шт.-кап. исключенъ умершимъ.
306. Семевскій, Василій Николаевичъ; 7 сентября 1841 г. изъ грен. короля Фридриха Вильгельма III полка. 2 февр. 1842 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.
307. Сорока, Юрій Юрьевичъ; 30 авг. 1841 г. изъ Павловскаго корпуса. Будучи шт.-кап. 18 марта 1849 г. исключ. умершимъ.
308. Сергѣевъ, Матвѣй Васильевичъ; 30 авг. 1841 г. изъ Полт. кадетск. корпуса. Будучи шт.-кап., 22 окт. 1848 г. исключенъ умершимъ.
309. Дуве, Владиміръ Оттовичъ; 30 авг. 1841 изъ Новгородск. кад. корп. 13 мая 1858 г. уволенъ отъ службы, полковникомъ съ мундиромъ.
310. Нарбутъ, Александръ Ивановичъ; 30 авг. 1841 г. изъ Полоцк. кад. кор. 28 янв. 1849 г. перевед. въ генеральн. штабъ капитаномъ.
311. Де-Сенъ-Лоранъ, Андрей Васильевичъ; 25 нояб. 1841 г. перев. изъ гренад. Императора Франца I полка. Будучи полковникомъ, 8 іюля 1855 г. назнач. командиромъ Волынск. пѣх. п.
312. Муковскій, Алексѣй Владиміровичъ; 10 іюня 1842 г. перев. изъ гренадерск. Императора Франца I полка. 23 нояб. 1844 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.
313. Бурмейстеръ, Александръ Адольфовичъ; 10 іюня 1842 г. перев. изъ гренад. Императора Франца I полка. Будучи поручикомъ, 4 октяб. 1844 г. увол. для опредѣл. къ статск. дѣламъ.
314. Мясоѣдовъ, Николай Ивановичъ; 11 авг. 1842 г. перевед. полковн. изъ л.-гв. Егерскаго п. 25 нояб. 1843 г. перев. въ Финляндск. п.
315. Талквистъ, Федоръ Петровичъ; 8 авг. 1842 г. изъ 1 кадетск. корп. Будучи полковникомъ, 9 іюля 1860 г. уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.
316. Князь Крапоткинъ, Михаилъ Степановичъ; 8 іюля 1842 г. изъ 1 кадетск. корп. 2 іюня 1856 г. произв. въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Семеновскій п.
317. Батезатулъ, Николай Михайловичъ; 8 авг. 1842 г. изъ Дворянскаго полка. 28 янв. 1849 г. перев. въ ген. штабъ, капитаномъ.
318. Медвѣдевъ, Орестъ Петровичъ; 8 авг. 1842 г. изъ подпрапорщиковъ. 6 нояб. 1847 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.
319. Одаховскій, Генрихъ Игнатьевичъ; 8 авг. 1842 г. изъ Дворянскаго полка. 4 октяб. 1843 г. перев. въ Кременч. егерскій п. поручикомъ.
320. Макшеевъ, Алексѣй Ивановичъ; 8 авг. 1842 г. изъ Дворянскаго п. 1 янв. 1848 г. перев. въ генер. штабъ поручикомъ.
321. Желтухинъ, Василій Романовичъ; 8 авг. 1842 г. изъ Тульскаго кад. корп. Будучи полковникомъ, 30 авг. 1863 г. назнач. командиромъ Брестскаго пѣх. полка.
322. Девиттъ, Петръ Александровичъ; 28 авг. 1842 г. изъ унт.-офицеровъ полка. Будучи шт.-кап., 8 марта 1852 г. исключ. умершимъ.
323. Ратковскій, Викторъ Петровичъ; нояб. 14 1842 г. перев. изъ грен. гр. Румянцева-Задунайскаго полка. Будучи полковникомъ, 22 нояб. 1855 г. назнач. командиромъ пѣх. короля Неаполитанск. п.
324. Валронтъ, Степанъ Александровичъ; 29 октяб. 1842 г. перевед. изъ финляндскаго линейнаго № 5 батальона, прапорщикомъ. 17 іюня

1847 г. перевед. въ егерскій Великаго Князя Михаила Павловича полкъ, шт.-капитаномъ.

325. Офросимовъ, Евгеній Никандровичъ; 5 янв. 1843 г. переведенъ изъ Московскаго караб. полка. 25 мая 1848 г. уволенъ отъ службы поручикомъ, съ мундиромъ.

326. Сорокинъ, Павелъ Николаевичъ; 18 февр. 1843 г. перев. изъ Капорскаго егерск. полка, подпоручикомъ. Будучи полковникомъ, 7 іюля 1863 г. назначенъ командиромъ Алексопольскаго пѣх. полка.

327. Ковалевъ, Дмитрій Александровичъ; 18 февр. 1843 г. перев. изъ гренад. графа Румянцева-Задунайскаго полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 19 нояб. 1851 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ.

328. Гренквистъ, Федоръ Ивановичъ; 2 авг. 1843 г. изъ Финляндскаго кадетск. корпуса. 3 апр. 1860 г. произведенъ въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

329. Даниловичъ, Григорій Григорьевичъ; 2 авг. 1843 г. изъ Полоцкаго кадетск. корпуса. 28 октября 1866 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по арм. пѣхотѣ.

330. Казаковичъ, Михаилъ Васильевичъ; 19 янв. 1844 г. перев. изъ гренадерск. графа Румянцева-Задунайскаго полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 29 окт. 1859 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ.

331. Скордули, Александръ Дмитріевичъ; 17 авг. 1844 г. перев. полковн. изъ л.-гв. Московск. полка. 2 дек. 1851 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ.

332. Пригоровскій, Александръ Васильевичъ; 10 авг. 1844 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса. 5 ноября 1858 г. назначенъ командиромъ Кронштадскаго линейнаго № 2 батальона, съ переименованіемъ въ подполковники.

333. Гилль, Александръ Васильевичъ; 10 авг. 1844 г. изъ Павловскаго кадетскаго корпуса. 13 іюня 1854 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ, маіоромъ.

334. Окербломъ, Христіанъ Густавовичъ; 10 авг. 1844 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. Будучи капитаномъ, 27 марта 1855 г. перев. въ гвардейскій генеральный штабъ.

335. Гартманъ, Николай Николаевичъ; 10 авг. 1844 г. изъ Дворянскаго полка. Будучи капитаномъ, при училищѣ правовѣдѣнія, 24 сентября 1860 г. переименованъ въ коллежскіе совѣтники.

336. Дуве, Николай Оттовичъ; 4 нояб. 1844 г. изъ Новгородскаго кадетскаго корпуса. Будучи полковникомъ, 25 іюня 1861 г. назначенъ командиромъ 4-го резервнаго батальона Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка.

337. Кохъ, Феликсъ Ивановичъ; 4 ноября 1844 г. перев. изъ гренадерскаго генералиссимуса князя Суворова полка. Будучи капитаномъ, 30 ноября 1857 г. исключенъ умершимъ.

338. Еремѣевъ, Николай Петровичъ; 10 авг. 1845 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса. Будучи полковникомъ, 22 ноября 1860 г. переведенъ въ л.-гв. Волынскій полкъ.

339. Степановъ, Василій Васильевичъ; 10 марта 1844 г. изъ кадетскаго корпуса. Въ чинѣ штабсъ-капитана исключенъ умершимъ.
340. Верховскій, Александръ Михайловичъ; 10 Марта 1844 г. изъ 2 кадетск. корпуса. Будучи поручикомъ, 29 дек. 1852 г. исключенъ умершимъ.
341. Пацковскій, Павелъ Петровичъ; 10 авг. 1845 г. изъ 1-го Московск. корпуса. 16 мая 1857 г. уволенъ отъ службы, за раною, капитаномъ, съ мундиромъ и полной пенсіей.
342. Бергъ, Петръ Андреевичъ; 10 авг. 1845 г. изъ Финляндск. кадетск. корп. 23 апр. 1861 г. произв. въ полковники, съ переводомъ въ Брестскій кадетск. корп.
343. Больдтъ, Александръ Егоровичъ; 10 авг. 1845 г. изъ Финляндск. кадетск. корп. 21 янв. 1858 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, капитаномъ, съ мундиромъ.
344. Юрковскій. Николай Адамовичъ; 10 авг. 1845 г. изъ Дворянскаго полка. 4 апр. 1846 г. искл. умершимъ.
345. Баронъ Таубе, Максимъ Антоновичъ; 10 авг. 1845 г. изъ Дворянск. полка. Будучи подпоручикомъ, 23 окт. 1848 г. переведенъ л.-гв. въ конную артиллерію.
346. Кривцовъ, Николай Александровичъ, 10 янв. 1846 г. перев. изъ гренад. Императора Франца 1-го полка, поручикомъ. Будучи полковникомъ, 11 нояб. 1858 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ мундиромъ.
347. Кузьминъ, Илья Александровичъ; 10 янв. 1846 г. перев. изъ гренад. Императора Франца 1-го полка. Будучи полковникомъ, 26 іюня 1860 г. назначенъ командиромъ Подольскаго п. п.
348. Плантинъ-Ковандеръ, Карлъ Карловичъ; 17 янв. 1846 г. перев. изъ Нарвскаго егерскаго полка. Будучи поручикомъ, 8 марта 1850 г. искл. умершимъ.
349. Меньшовъ, Евгеній Михайловичъ; 26 февр. 1846 г. перев. изъ гренад. Короля Фридриха Вильгельма III полка. 3 апр. 1860 г. произв. въ полковники, съ переводомъ л.-гв. въ Павловскій п.
350. Кохановъ, Федоръ Аполоновичъ; 12 авг. 1846 г. изъ кадетск. корп. Будучи капитаномъ, 22 авг. 1860 г. уволенъ отъ службы, полковникомъ, съ мундиромъ.
351. Тваневъ, Александръ Ивановичъ; 12 авг. 1846 г. изъ 1-го кадетск. корп. 4 мая 1860 г. перев. л.-гв. въ Волынскій полкъ, полковникомъ.
352. Шульгинъ, Валеріанъ Александровичъ; 12 авг. 1846 г. изъ 1-го Московскаго кадетск. корп. Будучи шт.-капитаномъ, 26 февр. 1859 г. уволенъ отъ службы.
353. Быковскій, Егоръ Савельевичъ; 12 авг. 1846 г. изъ Дворянскаго полка. 1 сент. 1847 г. перев. л.-гв. въ Волынскій полкъ, прапорщикомъ.
354. Хитровъ, Николай Николаевичъ; 4 авг. 1847 г. изъ школы гвард. подпр. Будучи подпоручикомъ. 28 янв. 1851 г. уволенъ отъ службы.
355. Суковкинъ 1, Василій Петровичъ; 14 авг. 1847 г. изъ школы гвард. подпр. 26 апр. 1859 г. уволенъ отъ службы, капитаномъ.
356. Суковкинъ 2, Іосифъ Петровичъ; 14 авг. 1847 г. изъ школы подпр.

Будучи поручикомъ, 9 февр. 1854 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.

357. Путята, Александръ Дмитріевичъ; 14 авг. 1847 г. изъ Дворянскаго полка. 20 февр. 1852 г. переведенъ въ Рязанскій пѣх. полкъ, шт.-капитаномъ.

358. Князь Аргутинскій-Долгоруковъ, Александръ Николаевичъ; 19 марта 1848 г. перев. изъ пѣх. графа Паскевича Эриванскаго полка, поручикомъ. 12 мая 1851 г. перев. въ означенный выше полкъ, капитаномъ.

359. Плещовъ, Владиміръ Ивановичъ; 22 ноября 1853 г. перевед. изъ гренадерск. Великаго Князя Николая Николаевича полка. 27 іюня 1862 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, шт.-капитаномъ.

360. Верещагинъ, Александръ Львовичъ; 13 іюля 1848 г. изъ школы подпрапорщиковъ. 12 февр. 1849 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, прапорщикомъ.

361. Ожиговъ, Викторъ Федоровичъ; 13 іюля 1848 г. изъ 1 кадетс. корп. Будучи полковникомъ, 8 февр. 1864 г. искл. умершимъ.

362. Менделѣевъ, Павелъ Павловичъ; 13 іюня 1848 г. изъ 2 кадет. корп. Будучи подпоручикомъ, 10 янв. 1851 г. уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

363. Россинскій, Александръ Львовичъ; 13 іюня 1848 г. изъ 2 кадет. корп. 19 мая 1863 г. произведенъ въ полковники, съ перевод. въ л.-гв. Волынскій полкъ.

364. Станкевичъ, Владиславъ Осиповичъ; 13 іюня 1848 г. изъ Павловск. кад. корп. Будучи полковникомъ, 31 іюля 1867 г. назнач. командиромъ 30 пѣх. Полтавскаго п.

365. Теслевъ, Карлъ Ивановичъ; 13 іюня 1848 г. изъ Финляндскаго кад. корп. 19 ноября 1851 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

366. Фонъ-Вендландъ, Антонъ Адольфовичъ; 13 іюня 1848 г. изъ Финляндскаго кад. корп. 19 апр. 1864 г. произв. въ полковники, съ перевод. въ л.-гв. Волынскій п. 19 мая 1864 перевед. обратно. 26-го марта 1867 г. назнач. командиромъ 120 пѣх. Серпуховск. п.

367. Брюховъ, Владиміръ Павловичъ; 13 іюня 1848 г.; изъ Новгородск. кадетск. корп. 4 іюля 1863 г. уволенъ отъ службы, полковникомъ, съ мундиромъ.

368. Гилленшмидтъ, Иванъ Ивановичъ; 13 іюля 1848 г. изъ Новгородск. кад. корп. Будучи капитаномъ, 10 янв. 1860 г. искл. умершимъ.

369. Носовичъ, Павелъ Ивановичъ; 13 іюня 1848 г. изъ Новгородскаго кад. корп. 1 янв. 1858 г. перевед. въ генеральный штабъ, подполковникомъ.

370. Панкратьевъ, Ростиславъ Никитичъ; 26 февр. 1849 г. перевед. изъ пѣхотн. гр. Дибича Забалканскаго п. поручикомъ. 17 іюня 1853 г. уволенъ отъ службы, шт.-кап., съ мундиромъ.

371.Ознобишинъ, Илья Ивановичъ; 26 мая 1849 г. изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. 3 марта 1855 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

372. Никитинъ, Николай Петровичъ; 26 мая 1849 г. изъ школы гвардей-

скихъ подпрапорщиковъ. Будучи подпоручикомъ, 29 іюля 1852 г. уволенъ отъ службы.

373. Бачмановъ, Петръ Васильевичъ; 26 мая 1849 г. изъ 2 кадетскаго корпуса. Будучи шт.-капитаномъ, 14 мая 1848 г. перев. въ корп. жандармовъ, маіоромъ.

374. Коссинскій, Владиміръ Дмитріевичъ; 26 мая 1849 г. изъ 2 кадетск. корпуса. 30 окт. 1854 г. переведенъ въ Могилевскій пѣхотн. полкъ, капитаномъ.

375. Лидерсъ, Александръ Константиновичъ; 26 мая 1849 г. изъ Павл. кад. корпуса. 11 марта 1851 г. перев. въ Житомирскій егерскій полкъ, поручикомъ.

376. Циклинскій, Василій Саввичъ; 26 мая 1849 г. изъ Новгородскаго кад. корпуса. Будучи штабсъ-капитаномъ, 27 февр. 1858 г. перев. въ генеральный штабъ тѣмъ-же чиномъ.

377. Носовичъ, Сергѣй Ивановичъ; 26 мая 1849 г. изъ Новгородскаго кад. корпуса. 7 янв. 1865 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ, подполковникомъ.

378. Менкинъ, Василій Дмитріевичъ; 26 мая 1849 г. изъ Дворянскаго полка. 17 апр. 1866 г. произв. въ полковники, съ зачисленіемъ по арм. пѣхотѣ.

379. Мазуркевичъ 1-й, Леопольдъ Гавриловичъ; 28 мая 1849 г. перев. изъ Вологодскаго пѣх. полка. 20 дек. 1853 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

380. Мазуркевичъ 2-й, Іосифъ Гавриловичъ; 28 мая 1849 г. перев. изъ Вологодскаго пѣх. полка. Будучи полковникомъ, 21 марта 1871 г. назначенъ командиромъ 158 пѣх. Кутаисскаго полка.

381. Фонъ-Аммонтъ, Августъ Васильевичъ; 28 мая 1849 г. перев. изъ л.-гв. Финскаго стрѣлк. батальона. Будучи поручикомъ, 18 февр. 1858 г. исключенъ умершимъ.

382. Баронъ Зальцъ, Николай Антоновичъ; 6 дек 1849 г., въ чинѣ генерала-маіора, назнач. командиромъ полка. 4 мая 1855 г. назн. команд. 1 гвард. пѣх. дивизіею, съ оставленіемъ въ спискахъ полка. Будучи генер.-лейт. и С.-Петербургскимъ комендантомъ, 21 іюня 1862 г. исключенъ умершимъ.

383. Поповъ, Николай Ивановичъ; 22 авг. 1850 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. гренад. п., 18 мая 1854 г. назначенъ командующимъ запасною бригадою 11-й пѣх. дивизіи.

384. Загорскій, Феликсъ Титовичъ; 22 авг. 1850 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. Финляндскаго п. 14 іюля 1853 г. переведенъ въ корпусъ жандармовъ.

385. Мекемонтанъ, Фридрихъ Леонардовичъ; 19 авг. 1850 г. переведенъ изъ пѣх. принца Карла прускаго полка. Будучи полковникомъ, 11 іюля 1862 г. перев. въ л.-гв. Гатчинскій полкъ.

386. Петрушевскій 2-й, Михаилъ Ѳомичъ, 8 авг. 1850 г. изъ 1-го кад. корпуса. 25 февр. 1865 г. переведенъ въ генеральный штабъ, подполковникомъ.

387. Шимановъ, Василій Николаевичъ; 8 авг. 1850 г. изъ 2-го кад. кор-

пуса. 7 апр. 1857 г. зачисленъ по полевой пѣшей артиллеріи, шт.-капитаномъ.

388. Ерличъ, Адольфъ Іосифовичъ; 8 авг. 1850 г. изъ Дворянскаго п. Будучи капитаномъ, 31 дек. 1866 г. искл. умершимъ.

389. Муравьевъ, Егоръ Алексѣевичъ; 8 авг. 1850 г. изъ Дворянскаго п. 12 янв. 1861 г. перев. въ ген. штабъ, капитаномъ.

390. Олендзскій, Казиміръ Станиславовичъ; 8 авг. 1850 г. изъ Дворянскаго п. 1 янв. 1859 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

391. Мерчанскій, Андрей Васильевичъ; 8 авг. 1850 г. изъ Полоцкаго кадетск. корп. Будучи шт.-капитаномъ, 17 апр. 1861 г. уволенъ отъ службы.

392. Лучницкій, Дмитрій Пантелеймоновичъ; 8 авг. 1850 г. изъ Петровскаго Полтавск. кадетск. корп. 12 янв. 1861 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

393. Дубинскій, Михаилъ Федоровичъ; 18 апр. 1850 г. перев. изъ гренад. графа Румянцева-Задунайскаго п. поручикомъ. 23 апр. 1861 г. произвед. въ полковники, съ переводомъ въ л.-гв. въ Финляндскій п.

394. Буяновскій, Василій Ильичъ; 7 авг. 1851 г. изъ школы гвард. подпр. 6 авг. 1863 г. увол. отъ службы, капитаномъ.

395. Шелковниковъ, Николай Яковлевичъ; 7 авг. 1851 г. изъ Новгородскаго кадетск. корп. Въ чинѣ прапорщика, 28 мая 1853 г. исключ. умершимъ.

396. Цитовичъ, Илларіонъ Илларіоновичъ; 7 авг. 1851 г. изъ Новгородскаго кадетск. корп. 2 дек. 1866 г. зачисл. по армейск. пѣхотѣ, подполковникомъ.

397. Ильинскій, Федоръ Федоровичъ; 7 авг. 1851 г. изъ Орловскаго кадетск. корп. 1 янв. 1858 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

398. Бобровскій, Павелъ Іосифовичъ; 7 авг. 1851 г. изъ Орловскаго кадетск. корп. 1 янв. 1859 г перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

399. Риттеръ, Александръ Павловичъ; 7 авг. 1851 г. изъ Орловскаго кадетск. корп. Будучи полковникомъ, при 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ, 13 октября 1871 г. перев. въ военно-учебное вѣдомство.

400. Дудицкій-Лишинъ, Дмитрій Степановичъ; 26 сент. 1851 г. полковникомъ перев. изъ л.-гв. Егерскаго п. 26 янв. 1853 г. зачисл. по арм. пѣх.

401. Вибергъ, Александръ Карловичъ; 27 іюля 1845 г. перев. изъ гренад. Императора Франца 1-го полка, подпоручикомъ. 18 февр. 1852 г. перев. въ гренад. Великаго Князя Константина Николаевича полкъ, капитаномъ.

402. Ланпа 3, Петръ Петровичъ; 7 апр. 1852 г. перев. изъ Кабардинскаго полка, подпоручикомъ. 9 апр. 1858 г. уволенъ отъ службы, капитаномъ, съ мундиромъ.

403. Грессеръ, Николай Антоновичъ; 10 апр. 1852 г. перев. изъ гренад. Императора Австрійскаго полка, подпоручикомъ. 30 окт. 1854 г. перев. въ пѣх. короля Неаполитанскаго п., капитаномъ.

404. Іолшинъ, Михаилъ Александровичъ; 10 апр. 1852 г. перев. изъ гре-

над. короля Фридриха Вильгельма III полка, подпоручикомъ. 3 мая 1859 г. зачисл. по арм пѣх., подполковникомъ.

405. Сиверсъ, Ѳома Ричардовичъ; 9 авг. 1852 г. перев. изъ гренад. Эрцъ Герцога Франца-Карла полка. Будучи поручикомъ, 2 дек. 1866 г. зачисленъ по гвард. пѣхотѣ, капитаномъ.

406. Зембковскій, Николай Николаевичъ; 13 апр. 1852 г. изъ школы гвард. подпрапорщиковъ. 7 марта 1857 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

407. Пантелѣевъ, Владиміръ Ильичъ, 13 апр. 1852 г. изъ школы гвард. подпрапорщиковъ. 20 марта 1864 г. уволенъ отъ службы, шт.-капитаномъ, съ мундиромъ.

408. Шульгинъ 2-й, Михаилъ Михайловичъ; 13 авг. 1852 г. изъ 2 кад. корпуса. 12 янв. 1861 г. перев. въ генеральный штабъ, штабсъ-капитаномъ.

409. Витторфъ, Михаилъ Павловичъ; 13 авг. 1852 г. изъ 1-го Московскаго кад. корпуса. Будучи поручикомъ, 11 нояб. 1858 г. уволенъ отъ службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ.

410. Высоцкій, Вацлавъ Станиславовичъ; 13 авг. 1852 г. изъ Павловск. кад. корпуса. Будучи полковникомъ, при 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ, 13 окт. 1871 г. перев. въ военно учебное вѣдомство.

411. Самохваловъ, Михаилъ Петровичъ; 13 авг. 1852 г. изъ Дворянскаго полка. 16 ноября того-же года перев. въ Новоингерманландскій пѣх. п., поручикомъ.

412. Манькинъ-Невструевъ, Александръ Ивановичъ; 13 авг. 1852 г. изъ Орловскаго пѣх. кад. корпуса. 12 іюня 1861 г. перев. въ ген.-штабъ, шт.-капитаномъ.

413. Ростковскій, Владиславъ Ромуальдовичъ; 13 авг. 1852 г. изъ Брестскаго кад. корпуса. 12 янв. 1861 г. переведенъ въ генеральный штабъ, шт.-капитаномъ.

414. Линденбаумъ, Евгеній Павловичъ; 7 февр. 1853 г. перев. изъ гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III п., прапорщикомъ. 8 іюня 1866 г. зачисленъ по арм. пѣх., подполковникомъ.

415. Нарбутъ, Николай Александровичъ; 16 марта 1853 г. перев. изъ егерскаго Великаго Князя Михаила Николаевича полка. 21 янв. 1860 г. перев. въ погранічную стражу, капитаномъ.

416. Арцышевскій, Корнилій Юстиновичъ; 16 марта 1853 г. перев. изъ егерскаго Великаго князя Михаила Николаевича полка. По 1877 годъ состоялъ въ чинѣ полковника, при штабѣ Оренбургскаго военнаго округа. 17 дек. 1882 г. уволенъ въ отставку.

417. Арбузовъ, Сергѣй Федоровичъ; 11 мая 1853 г. перев. изъ л.-гв. Павловскаго полка. 13 окт. 1854 г. назначенъ помощникомъ окружн. генерала 2-го округа корпуса внутренней стражи, съ зачисленіемъ по арм. пѣхотѣ.

418. Больдтъ 2-й, Федоръ Егоровичъ; 30 іюля 1853 г. перев. изъ гренадерск. Эрцъ Герцога Франца-Карла полка, подпоручикомъ. Будучи капитаномъ, 1 сент. 1865 г. зачисленъ по гвард. пѣхотѣ.

419. Буяльскій 2-й, Петръ Ильичъ; 18 авг. 1853 г. изъ школы подпрапор-

щиковъ. 9 января 1860 года переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.

420. Соколовскій, Францъ Андреевичъ; 18 авг. 1853 г. изъ Павловскаго кадетскаго корп. Будучи поручикомъ, 14 апрѣля 1861 г. уволенъ отъ службы.

421. Матвѣевъ, Константинъ Константиновичъ; 3 окт. 1853 г. перевед. изъ Шлиссельбургск. пѣх. п. прапорщикомъ. 21 сент. 1863 г. перев. въ 90 пѣх. п., капитаномъ.

422. Фонъ-Витторфъ, Владиміръ Павловичъ; 23 октяб. 1853 г. перевед. изъ л.-гв. Волынскаго полка прапорщикомъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 4 іюня 1865 г. назначенъ начальникомъ Рижскаго юнкер. учил., съ переименованіемъ въ маіоры.

423. Графъ о'Руркъ 1-й, Ричардъ Корниловичъ; 31 мая 1854 г. перевед. изъ Екатеринославскаго гренадерс. Наслѣдника Цесаревича полка, прапорщикомъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 21 ноября 1863 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ.

424. Графъ о'Руркъ 2-й, Рудольфъ Корниловичъ; перевед. изъ того же полка. Будучи полковникомъ, 20 ноября 1871 г. назнач. командиромъ 69 резервн. бат.

425. Кюстеръ, Викторъ Карловичъ; 31 мая 1854 г. перевед. изъ гренад. гр. Румянцева-Задунайскаго п. подпоручикомъ. Будучи полковникомъ, 13 янв. 1872 г. назнач. командиромъ 11 гренадерск. Фанагорійскаго п.

426. Юргенсонъ, Николай Павловичъ; 13 іюня 1854 г. перев. изъ грен. Императора Австрійскаго полка. Будучи полковникомъ, 9 іюня 1873 г. начнач. командир. 40 пѣх. Колыванскаго п.

427. Гернетъ, Константинъ Андреевичъ; 17 іюля 1854 г. изъ школы гвардейск. подпрапорщ. Будучи подпоручикомъ, 18 октяб. 1857 г. перев. въ Кабардинскій пѣх. п., капитаномъ.

428. Золотаревъ, Василій Григорьевичъ; 17 іюня 1854 г. изъ 1 Московск. кад. корп. 13 янв. 1864 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

429. Фонъ-Витторфъ 3-й, Николай Павловичъ; 17 іюня 1854 г. изъ 1-го Московск. кад. корп. Будучи полковникомъ, 12 сент. 1871 г. перевед. въ военно-учебное вѣдомство.

430. Карповъ, Александръ Дмитріевичъ; 17 іюня 1854 г. изъ 1 московск. кад. корп. 26 апр. 1859 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

431. Лагерборгъ, Рудольфъ Васильевичъ; 17 іюня 1854 г. изъ Финляндск. кад. корп. Будучи подпоручикомъ, 29 мая 1856 г. перев. въ л.-гв Финскій стрѣлк. бат.

432. Шелковниковъ, Иванъ Яковлевичъ; 17 іюня 1854 г. изъ Новгородск. кад. корп. Будучи полковникомъ, 17 янв. 1871 г. назнач. командиромъ 70 Ряжскаго п.

433. Акимовъ, Василій Петровичъ; 21 іюня 1854 г. перевед. изъ гренад. гр. Румянцева-Задунайскаго полка, подпоручикомъ. 1 янв. 1859 г. перев. въ генер. штабъ, поручикомъ.

434. Перренъ, Константинъ Петровичъ; 30 авг. 1854 г. переведенъ полковникомъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка. 25 мая 1855 г. переведенъ въ Преображенскій резерв. п.

435. Котиковъ, Александръ Алексѣевичъ; 8 окт. 1854 г. переведенъ изъ Тобольскаго пѣх. п., подпоручикомъ. Будучи шт.-капитаномъ, 1 сент. 1865 г. зачисл. по арм. пѣхотѣ, маіоромъ.

436. Баронъ-Фонъ-Нелькенъ, Густавъ Александровичъ; 20 окт. 1854 г. перев. изъ гренад. Короля Фридриха Вильгельма III полка, подпоручикомъ. 5 апр. 1859 г. уволенъ отъ службы, поручикомъ.

437. Красильниковъ, Владиміръ Александровичъ; 20 окт. 1854 г. перев. изъ гренад. Короля Фридриха Вильгельма III п., подпоручикомъ. 27 мая 1860 г. увол. отъ службы, по болѣзни, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ.

438. Руссовъ, Федоръ Федоровичъ; 17 апр. 1855 г. перев. изъ гренад. Императора Австрійскаго п., подпоручикомъ. 11 іюля 1870 года произв. въ полковники, съ зачисленіемъ по гвард. пѣхотѣ.

439. Лукандеръ, Рейнгольдъ Ивановичъ; 11 іюня 1855 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. Будучи полковникомъ, 23 мая 1875 г. исключенъ умершимъ.

440. Лагусъ, Августъ Фердинандовичъ; 11 іюня 1855 г. изъ Финляндск. кад. корпуса. 23 сент. 1858 г., переведенъ въ Поселенный № 7 Біорнеборгскій Финскій стрѣлк. бат., поручикомъ.

441. Фрейеръ, Иванъ Людвиговичъ; 11 іюня 1855 г. изъ Константиновскаго кад. корпуса. Будучи подпоручикомъ, 22 янв. 1862 г. перев. въ генер. штабъ, поручикомъ.

442. Самойловичъ, Михаилъ Ильичъ; 4 іюня 1855 г. изъ Константиновскаго кад. корпуса. Будучи шт.-капитаномъ, 14 авг. 1866 г. зачисленъ по гвард. пѣхотѣ. 23 дек. 1867 г. перев. обратно въ полкъ. Будучи капитаномъ, 20 іюня 1869 г. зачисл. по гвард. пѣхотѣ.

443. Быковъ, Григорій Григорьевичъ; 11 іюня 1855 г. изъ Орловскаго кад. корпуса. Будучи шт.-капитаномъ, въ іюнѣ 1865 г., зачисл. въ постоянный кадръ учебнаго пѣх. батальона.

444. Нарбутъ, Михаилъ Александровичъ; 11 іюня 1855 г. изъ Воронежскаго кад. корпуса. Будучи капитаномъ, 28 іюля 1867 г. назнач. начальникомъ Казанскаго пѣх. юнкерскаго училища, съ переименованіемъ въ подполковники, оставаясь въ этомъ полку. Будучи полковникомъ, 18 іюля 1876 г. перев. въ генеральный штабъ.

445. Сперансовъ, Илья Степановичъ; 11 іюня 1855 г. изъ 2-го Московскаго кад. корпуса. 3 іюня 1859 г., въ чинѣ прапорщ., перев. въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду.

446. Покровскій, Викторъ Григорьевичъ; 11 іюня 1855 г. изъ 2 Московскаго кад. корпуса. Будучи поручикомъ, 5 окт. 1862 г. уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ.

447. Фоминъ, Николай Дмитріевичъ; 11 іюня 1855 г. изъ 1 кад. корпуса. Въ чинѣ прапорщ., 29 іюня 1858 г. переведенъ въ л.-гв. Саперный батальонъ.

448. Карассъ, Иванъ Александровичъ; 11 іюня 1855 г. изъ 1 Московскаго кад. корпуса. Въ 1877 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ 8 пѣх. Эстляндскаго п.

449. Бибиковъ, Валеріанъ Александровичъ; 27 марта 1855 г. перев. изъ

л.-гв. Измайловскаго полка, полковникомъ. 8 сентября того-же 1885 г. произв. въ генер.-маіоры, съ зачисл. по арм. пѣх.

450. Клемъ, Оскаръ Карловичъ; 22 окт. 1855 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 30 янв. 1859 г. назначенъ помощникомъ окружнаго генерала внутренней стражи, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

451. Соболевскій, Антонъ Францовичъ; 21 нояб. 1851 г. перев. изъ гренадерскаго князя Суворова полка, поручикомъ. Въ томъ-же чинѣ, 22 дек. 1857 г. уволенъ, для опредѣл. къ статскимъ дѣламъ.

452. Дрентельнъ, Александръ Романовичъ; 23 ноября 1855 г. назначенъ командующимъ л.-гв. резервнымъ Литовскимъ полкомъ. 17 сентяб. 1856 г. назначенъ командиромъ гренадерск. Эрцъ-Герцога Франца Карла полка.

453. Цытовичъ, Василій Илларіоновичъ; 12 дек. 1855 г. перевед. въ резервный полкъ изъ Одесскаго егерскаго полка, подпоручикомъ. Состоя въ томъ-же чинѣ, 21 мар. 1863 г. искл. умершимъ.

454. Скородумовъ, Никандръ Ивановичъ; 18 янв. 1856 г. перевед. изъ Якутскаго полка, штабсъ-капитаномъ. Будучи полковникомъ, 11 іюня 1869 г. назначенъ командиромъ 121 пѣх. Пензенскаго п.

455. Франкъ, Николай Александровичъ; 23 марта 1856 г. изъ юнкеровъ л.-гв. Сапернаго резервн. полубат. Будучи полковникомъ, 24 апр. 1873 г. назнач. командиромъ 25 пѣх. рез. бат.

456. Дубровинъ, Сергѣй Николаевичъ; 26 іюля 1856 г. переведенъ изъ Тульскаго пѣх. п. Будучи подпоручикомъ, 30 іюня 1862 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.

457. Федоровъ, Дмитрій Петровичъ; 4 мая 1856 г. въ чинѣ генералъ-маіора назначенъ командующимъ полкомъ. 23 ноября 1855 г. назнач. командиромъ 1 бриг. 1 пѣх. див.

458. Карповъ, Константинъ Дмитріевичъ; 27 мая 1855 г. переведенъ изъ гренад. Императора Австрійскаго полка, подпоручикомъ. Будучи штабсъ-капитаномъ, 3 сент. 1864 г. перевед. въ корпусъ жандармовъ, маіоромъ.

459. Тяжельниковъ, Аркадій Ивановичъ; 18 іюня 1855 г. перевед. изъ Могилевскаго пѣх. полка, подпоручикомъ. 29 іюня 1858 г. назнач. рязанскимъ полиціймейстеромъ, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, капитаномъ.

460. Каталей, Василій Васильевичъ; 30 авг. 1855 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 26 дек. 1860 г. назначенъ командиромъ Днѣпровскаго пѣх. п. Состоя генералъ-маіоромъ и командиромъ Кексгольмскаго гренадерскаго Императора Австрійскаго полка, 19 іюля 1864 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Литовскаго полка. 30 авг. 1869 г. назн. въ свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и и. д. Начальника мѣстн. войскъ Казанскаго военнаго округа, съ зачисленіемъ по гвард. пѣхотѣ. Въ ноябрѣ того же года зачисленъ въ списки полка. Состоя въ чинѣ генералъ-лейтенанта начальникомъ мѣстныхъ войскъ Петербургскаго воен. округа, назнач. въ 1877 г. начальникомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, а потомъ начальни-

комъ 3 гвардейской пѣхотной дивизіи. 21 декабря 1877 г. убитъ въ бою подъ Петричевымъ.

461. Фонъ-Тизенгаузенъ 1-й, Павелъ Германовичъ; 1 нояб. 1855 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 24 августа 1860 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

462. Фонъ-Тизенгаузенъ 2-й, Карлъ Германовичъ; 1 ноября 1855 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 26 августа 1858 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

463. Баронъ Шиллингъ, Федоръ Александровичъ; 1 нояб. 1855 г. изъ портупей-прап. 5 окт. 1862 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

464. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, Николай Ивановичъ; 23 нояб. 1855 г. въ чинѣ генер.-маіора, назнач. командующимъ полкомъ. 26 авг. 1859 г. утвержденъ командиромъ полка. 18 іюня 1863 г. назнач. помощ. начальн. гвард. Варш. отряда. 30 авг. того-же года зачисл. въ списки полка. Будучи генер.-лейт. и генер.-адъютантомъ, назн. начальникомъ 3 гвард. пѣх. див. Скончался въ 1887 году, состоя въ званіи генер.-адъют., въ чинѣ генерала отъ инфантеріи.

465. Фонъ-Раммъ, Адольфъ Николаевичъ; 20 ноябр. 1855 г. изъ портупей-прап. 20 февр. 1860 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

466. Фонъ-Деллингаузенъ, Иванъ Даниловичъ; 29 марта 1856 г. изъ портупей-прап. 31 дек. 1859 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

467. Сигуновъ, Александръ Григорьевичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 2 кадет. корп. 2 іюня 1859 г. перев. въ 3 гвард. гренад. артил. бригаду, поручикомъ.

468. Лобко 1-й, Левъ Львовичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 4 Московскаго кадетск. корп. 24 окт. 1865 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

469. Лобко 2, Павелъ Львовичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 1 Московскаго кадетск. корп. Будучи поручикомъ, 19 февр. 1863 г. перев. въ гвард. генер. штабъ.

470. Игнатьевъ, Григорій Дмитріевичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 1 Московскаго кадетск. корп. 17 авг. 1863 г. перев. въ военные инженеры, штабсъ-капитаномъ.

471. Цытовичъ, Иванъ Илларіоновичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Павловскаго кадетск. корп. Назначенъ въ 1877 г. командиромъ 10 Малороссійскаго п.

472. Крымъ-Гирей-Адиль-Гирей, Николай Александровичъ; изъ Павловскаго кадетск. корп. 5 сент. 1861 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, подпоручикомъ.

473. Свищевъ, Викторъ Александровичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Константиновскаго кадетск. корп. 24 марта 1865 г. уволенъ отъ службы, шт.-капитаномъ.

474. Рожновъ, Леопольдъ Ивановичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Константиновскаго кадетск. корп. Состоя въ чинѣ полковника, въ 1878 г. назн. командиромъ 34 пѣхотн. Сѣвскаго п.

475. Христичъ, Павелъ Афанасьевичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Константи-

новскаго кадетск. корп. 30 авг. 1869 г. произв. въ капитаны, съ зачисл. по гвард. пѣх.

476. Андреевъ, Николай Петровичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Новгородскаго кадетск. корп. 24 іюля 1858 г. перев. въ гвард. гренад. арт. бриг., поручикомъ.

477. Ковальчевскій, Евгеній Антоновичъ; 16 іюня 1856 г. изъ Новгородскаго кадетск. корп. 14 дек. 1859 г. перев. во Владимірскій пѣх. п., поручикомъ.

478. Деньковскій, Степанъ Михайловичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 2 Московскаго кадетск. корп. 2 окт. 1864 г. перев. въ генер. штабъ, шт.-капитаномъ.

479. Костаревъ, Антонъ Ивановичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 2 Московскаго кад. корпуса. Въ чинѣ полковника, 29 іюня 1885 г. назнач. командиромъ 80 пѣх. Кабардинскаго полка.

480. Бойковъ, Титъ Ивановичъ; 16 іюня 1856 г. изъ 2 Московскаго кад. корпуса. 21 окт. 1856 г. перев. въ л.-гв. 2-й стрѣлковый батал. прапорщикомъ.

481. Бялый, Владиміръ Леонардовичъ; 19 авг. 1856 г. перев. изъ Якутскаго пѣх. полка. Въ чинѣ полковника, 8 февр. 1884 г. назнач. командиромъ 103 пѣх. Петрозаводскаго п.

482. Станкевичъ 2-й, Просперъ Фома Осиповичъ; 16 іюня 1856 г. перев. изъ гренад. Короля Фридриха-Вильгельма III полка. Будучи поручикомъ, 10 іюня 1861 г. зачисленъ по арм. пѣхотѣ.

483. Фонъ Раммъ 2-й, Эрнестъ Николаевичъ; 23 іюня 1856 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 20 февр. 1860 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

484. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ младшій, Шефъ полка съ 6 ноября 1856 г.

485. Тяжельниковъ, Иванъ Ивановичъ; 10 февр. 1857 г. перев. изъ Смоленскаго пѣх. полка. 20 апр. 1869 г. произведенъ въ полковники, съ перев. въ л.-гв. Волынскій п.

486. Котиковъ 2-й, 6 іюня 1857 г. изъ 2 кад. корпуса. 5 мая 1860 г. перев. въ л.-гв. конную артиллерію, прапорщикомъ.

487. Нарбутъ 2-й, Дмитрій Александровичъ; 6 іюня 1857 г. изъ Павловскаго кад. корпуса. 16 марта 1868 г. перев. во 2 Туркестанскій лин. батал. маіоромъ.

488. Огонь-Догоновскій, 6 іюня 1857 г. изъ Константиновскаго кад. корпуса. 24 іюля 1858 г. перев. въ Смоленскій пѣхотный полкъ, поручикомъ.

489. Севастьяновъ, 6 іюня 1857 г. изъ Воронежскаго кад. корпуса. 21 окт. 1871 г. перев. въ военно-учебное вѣдомство, капитаномъ.

490. Лазовъ, 4 авг. 1857 г. перев. изъ Минскаго пѣх. п. Будучи поручикомъ, 20 апр. 1864 г. исключенъ умершимъ.

491. Ватаци, Иванъ Ивановичъ; 13 авг. 1857 г. изъ портупей-прапорщиковъ. 18 окт. 1865 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ, капитаномъ.

492. Горчаковъ, Иванъ Александровичъ; 14 дек. 1857 г. переведенъ изъ

Смоленскаго гренад полка. Будучи штабсъ-капитаномъ, 21 сент. 1863 г. уволенъ отъ службы, съ мундиромъ.

493. Эрнстъ, Вильгельмъ Вильгельмовичъ; 4 іюня 1857 г. перев. изъ Екатеринбургскаго пѣхот. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича полка. 28 авг. 1863 г. уволенъ отъ службы, шт.-капитаномъ, съ мундиромъ.

494. Лучицкій 2, Михаилъ Пантелеймоновичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Полтавскаго кадетск. корп. 26 окт. 1874 г. зачисл. по арм. пѣх., капитаномъ.

495. Андржейковичъ, Александръ Петровичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Брестскаго кадетск. корп. 1 нояб. 1859 г. перев. л.-гв. въ Драгунскій п.

496. Тохтаревъ, Михаилъ Константиновичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Воронежскаго кадетск. корп. 10 іюня 1861 г. перев. л.-гв. въ 1-ю арт. бриг., прапорщикомъ.

497. Верещагинъ, Иванъ Николаевичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Воронежскаго кадетск. корп. 18 іюня 1830 г. перев. въ 4 стрѣлк. батал., поручикомъ.

498. Кондыревъ, Николай Васильевичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Воронежскаго кадетск. корп. 5 іюня 1859 г. увол. отъ службы, по домашн. обстоятельствамъ.

499. Михайловскій, Михаилъ Николаевичъ; 30 іюня 1858 г. изъ Новгородскаго кадетск. корп. 31 янв. 1861 г. перев. въ Калужскій пѣх. Короля Прусскаго п., поручикомъ.

500. Тяжельниковъ, 30 мая 1859 г. перев. изъ Кексгольмскаго гренад. полка. 3 апр. 1874 г. увол. отъ службы, полковникомъ.

501. Венландъ, Александръ Адольфовичъ; 19 авг. 1859 г. перев. изъ Перновскаго гренад. Короля Прускаго п. 8 мая 1875 г. назнач. Инсарскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ, съ зачисл. по арм. пѣх., подполковникомъ,

502. Шелковниковъ, Александръ Яковлевичъ, 25 нояб. 1860 г. перев. изъ Перновскаго гренад. Короля Прусскаго п. 14 мая 1866 г. перев. въ 1 Оренбургскій лин. бат.. маіоромъ.

503. Котиковъ, Алексѣй Алексѣевичъ; 12 іюля 1861 г. перев. изъ Тобольскаго пѣх. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича полка. Будучи полковникомъ, 28 ноября 1875 г. искл. умершимъ.

504. Вейнтраубъ, Дмитрій Михайловичъ; 30 авг. 1861 г. перев. изъ С.-Петербургскаго гренад. п. 17 іюня 1866 г. перев. въ Варшавское окружное интендант. управл., съ зачисл. по армейск. пѣх. подполковникомъ.

505. Барабашъ, Яковъ Федоровичъ; 16 іюля 1861 г. перев. изъ Ростовскаго гренад. п. 3 апр. 1866 г. перев. въ генер. штабъ, шт.-капитаномъ.

506. Бунаковъ, Василій Александровичъ; 16 авг. 1861 г. перев. изъ Таврическаго гренад. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича п. 11 янв. 1866 г. перев. въ генер. штабъ, капитаномъ.

507. Новицкій, Владиміръ Петровичъ; 15 авг. 1861 г. перев. изъ Тавриче-

ского гренад. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка. 29 дек. 1864 г. перев. въ генер. штабъ, шт.-капитаномъ.

508. Шелковниковъ, Владиміръ Яковлевичъ; 18 янв. 1862 г. перев. изъ 1 грен. артил. бригады. Будучи полковникомъ, 31 авг. 1871 г. назнач. командиромъ 3 резерв. пѣх. батальона.

509. Фонъ-Бремзенъ, Александръ Густавовичъ; 26 іюня 1862 г. перев. изъ Подольскаго пѣх. полка капитаномъ. 10 янв. 1863 г. перев. въ Кексгольмскій гренад. полкъ, подполковникомъ.

510. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ 9 сент. 1862 г. зачисленъ въ списки полка.

511. Эйхенъ, Федоръ Федоровичъ; 30 авг. 1862 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 26 окт. 1863 г. назначенъ командиромъ Томскаго пѣх. п.

512. Насвѣтевичъ, Владиміръ Александровичъ; 30 авг. 1862 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Гатчинскаго полка. 8 апр. 1865 г. назначенъ командиромъ 102 пѣх. Вятскаго п.

513. Бачмановъ, Аркадій Васильевичъ; 2 марта 1863 г. перев. изъ 6 резервн. стрѣлк. батальона. 13 апр. 1876 г. зачисл. по армейской пѣхотѣ, подполковникомъ.

514. Бушъ, Альфонсъ Ивановичъ; 15 марта 1863 г. перев. изъ 12 стрѣлковаго батальона. 21 авг. 1880 г., въ чинѣ полковн. назначенъ штабъ-офицеромъ въ военно-юридическую академію, съ зачислен. по гвард. пѣхотѣ.

515. Фуругельмъ, Оттонъ Оттоновичъ; въ чинѣ генер.-маіора назначенъ командиромъ п.. Будучи въ томъ-же чинѣ, 19 іюля 1864 г. назнач. состоять при войскахъ въ царствѣ Польскомъ, съ оставленіемъ въ спискахъ полка. Въ чинѣ генер.-лейт. 18 іюня 1883 г. исключенъ умершимъ.

516. Графъ О-Рурке 2, Ипполитъ Морицовичъ; 29 іюня 1863 г. перев. изъ 1-го резерв. стрѣл. бат. 12 сент. 1874 г. назнач. Миргородскимъ уѣздн. воинск. нач., съ переим. въ маіоры.

517. Ожиговъ, Николай Семеновичъ; 29 іюня 1863 г. перев. изъ Кексгольмскаго гренад. п. 23 янв. 1871 г. назнач. командиромъ 2 пѣх. бат. Забайкальскаго казач. войска, съ переимен. въ войсковые старшины.

518. Журавлевъ, Арсеній Степановичъ; 30 авг. 1863 г. перев. полковн. изъ л.-гв. Волынскаго полка. 5 мар. 1866 г. назнач. командиромъ 27 пѣх. Витебскаго п.

519. Фонъ-Таубе, Вольдемаръ Антоновичъ; 5 сент. 1863 г. перев. изъ С.-Петербургскаго гренад. п. полковникомъ. 13 авг. 1864 г. назн. командиромъ 32 пѣхот. резерв. бат., съ переим. въ маіоры.

520. Фонъ-Шульцъ, Эдуардъ Эдуардовичъ; 1 декаб. 1863 г. перевед. изъ 4 стрѣлков. батал. 20 ноября 1866 г. зачисленъ по армейской пѣхотѣ, маіоромъ.

521. Куницкій, Александръ Петровичъ; 1 декаб. 1863 г. перевед. изъ 4 стрѣлковаго батальона. 6 авг. 1873 г. перевед. въ пограничную стражу, маіоромъ.

522. Савеловъ 1-й, Леонидъ Васильевичъ; 27 дек. 1863 г. перевед. изъ лейбъ-гренад. Екатеринославск. Его Величества п. 29 авг. 1868 г. уволенъ отъ службы, по домашн. обст., съ мундиромъ.
523. Савеловъ 2-й, Михаилъ Васильевичъ; 27 дек. 1863 г. перевед. изъ того-же полка. 1 октяб. 1871 г. перевед. въ 6-й восточно-сибирскій лин. бат., маіоромъ.
524. Фонъ-Розенъ, Карлъ Владиміровичъ; 9 янв. 1864 г. переведенъ изъ Лифляндскаго пѣх. п. Въ чинѣ подпоручика 12 апр. 1866 г. зачисл. по гвард. пѣхотѣ.
525. Фонъ-Бадеръ, Юлій Карловичъ; 27 дек. 1863 г. перев. изъ 2 стрѣлк. батал. прапорщикомъ. Полковникъ, батал. командиръ.
526. Фонъ-Древицъ, Викторъ Христофовичъ; 28 янв. 1854 г. перев. изъ Ладожскаго пѣхот. полка. Будучи поручикомъ, 23 мая 1868 г. исключенъ умершимъ.
527. Цугаловскій, Петръ Григорьевичъ; 14 марта 1864 г. перевед. изъ Низовскаго пѣх. полка. 8 ноября 1871 г. перевед. въ корпусъ жандармовъ, маіоромъ.
528. Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ 17 апрѣля 1864 г. осчастливилъ полкъ зачисленіемъ Своего Имени въ списки.
529. Графъ Бергъ, Федоръ Федоровичъ; 19 апр. 1864 г. зачисл. въ списки полка. Будучи генералъ-фельдмаршаломъ, 26 іюля 1872 г. назн. 2 шефомъ полка. 8 янв. 1874 г. искл. умершимъ.
530. Литницкій, Генрихъ Ивановичъ; 19 апрѣля 1864 г. переведенъ изъ Московск. п., подпоручикомъ.
531. Фонъ-Нандельштедтъ, Николай Федоровичъ; 12 апр. 1864 г. перев. изъ Московск. гренад. Великаго Герцога Мекленбургскаго полка. Полковникъ, батал. командиръ.
532. Протопоповъ, Петръ Григорьевичъ; 12 апр. 1864 г. переведенъ изъ Московскаго гренад. полка. 7 янв. 1871 г. искл. умершимъ.
533. Федоровъ, Петръ Петровичъ; 22 іюля 1868 г. перев. изъ 5 гренад. Кіевскаго полка. 13 мая 1887 г. назн. команд. 32 рез. бат.
534. Тухолка, Левъ Федоровичъ, 8 іюля 1864 г. перевед. изъ 24 пѣхотн. Симбирскаго п. 27 марта 1866 г. произв. въ надворные совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы.
535. Логиновъ, Петръ Петровичъ; 4 авг. 1864 г. перев. изъ 1 сапернаго батал. въ чинѣ полковника. 5 сентяб. 1885 г. назначенъ командиромъ 146 пѣх. Царицынскаго п.
536. Десимонъ, Александръ Константиновичъ; 4 авг. 1864 г. перев. изъ 5 Кіевскаго п. 13 авг. 1871 г. увол. отъ службы, шт.-капитаномъ.
537. Тихменевъ, Александръ Денисовичъ; 30 авг. 1864 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 7 мар. 1865 г. назнач. командиромъ 13 резервн. пѣх. батальона.
538. Бараніусъ, Николай Павловичъ; 17 сент. 1864 г. перевед. прапорщикомъ изъ 6 резервнаго стрѣлков. батал. 3 сент. 1881 г. уволенъ отъ службы, съ производствомъ въ полковники.
539. Никитинъ, Андрей Александровичъ; 1 янв. 1865 г. перев. подпоручикомъ изъ Эстляндскаго пѣх. п. 21 авг. 1879 г. назначенъ фли-

гель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Съ 30 авг. 1880 г. состоитъ командиромъ батальона, въ чинѣ полковника.

540. Сверчковъ, Исидоръ Дмитріевичъ; 1 янв. 1865 г. перевед. изъ Ревельскаго пѣхотн. п. подпоручикомъ. Въ томъ же чинѣ, 13 августа 1866 г. перевед. въ Оренбургскій стрѣлковый батальонъ, штабсъ-капитаномъ.

541. Вильгельмъ, Федоръ Фридриховичъ; 1 янв. 1865 г. перевед. изъ 3 стрѣлковаго батал. Въ чинѣ полковника, 15 авг. 1886 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

542. Карассъ, Александръ Александровичъ; 24 янв. 1865 г. перев. изъ 9 стрѣлковаго батал. подпоручикомъ. Въ томъ же чинѣ, 11 марта 1867 г. исключенъ умершимъ.

543. Баронъ Эрта, Эдуардъ Густавовичъ; 1 янв. 1865 г. перевед. изъ 10 стрѣлковаго батал. 13 августа 1882 г., будучи полковникомъ, исключенъ умершимъ.

544. Швейцеръ, Павелъ Ивановичъ; 31 янв. 1865 г. перев. изъ 8 стрѣлковаго батал. подпоручикомъ. 8 іюля 1873 г. уволенъ отъ службы, по домашн. обстоят., шт.-капитаномъ.

545. Радзишевскій, Петръ Ивановичъ; 4 апр. 1865 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 30 мая 1867 г. назначенъ командиромъ 20 пѣх. рез. бат.

546. Разгильдѣевъ, Петръ Анемподистовичъ; 4 апр. 1865 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 8 авг. 1877 г. назначенъ командиромъ 55 пѣх. резервн. бат.

647. Фонъ-Фестъ, Максимильянъ Евстафьевичъ; 6 іюня 1865 г. перевед. изъ 2 гренад. стрѣлков. батал. прапорщикомъ. Состоя въ чинѣ капитана, 1 мая 1879 г. назначенъ Мценскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ.

548. Баронъ Вревскій, Алексѣй Борисовичъ; 5 апрѣля 1866 г. изъ портупей-юнкеровъ. 23 мая 1871 г. уволенъ отъ службы, по домашн. обстоятельствамъ, шт.-капитаномъ.

549. Фонъ-Аммонтъ, Эдуардъ Васильевичъ; 15 мая 1866 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. стрѣлковаго батал. 23 марта 1869 г. назначенъ командиромъ л.-гв. Царскосельск. бат.

550. Шерферъ, Николай Николаевичъ; 12 сент. 1866 г. перев. изъ Кексгольмск. гренад. п. прапорщикомъ. 9 дек. 1878 г. перев. въ 40 резервн. пѣх. бат. подполковникомъ.

551. Адамовъ, Михаилъ Петровичъ; 21 сент. 1868 г. перев. изъ того-же полка прапорщикомъ. 31 мая 1872 г. перевед. въ 30 пѣхотн. Полтавскій п., капитаномъ.

552. Гавеманъ, Николай Филипповичъ; 21 сент. 1866 г. перев. изъ того-же полка прапорщикомъ. 5 авг. 1877 г. исключ. изъ списковъ полка въ запасн. батал.

553. Норрингъ, Александръ Андреевичъ; 26 нояб. 1866 г. перевед. изъ 7 стрѣлковаго батал. подпоручикомъ. 19 марта 1872 г. перев. въ 10 Туркестанскій лин. батал., капитаномъ.

554. Урнежевскій, Александръ Николаевичъ; 26 нояб. 1866 г. перевед.

изъ 7 гренад. Самогитскаго полка. Будучи шт.-капитаномъ, 12 мая 1876 г. уволенъ отъ службы, по домашн. обстоят.

555. Вестенрикъ 1, Александръ Ивановичъ; 26 ноября 1866 г. перевед. изъ подпоручиковъ С.-Петерб. гренад. п. 14 апр. 1878 г. зачисленъ по гвард. пѣх. капитаномъ.

556. Россинскій, Иванъ Львовичъ; 26 нояб. 1866 г. перев. изъ С.-Петербургскаго гренад. полка прапорщикомъ. Нынѣ капитанъ, командиръ 3 роты.

557. Краббе, Евгеній Яковлевичъ; 26 нояб. 1866 г. перев. изъ 7 гренад. Самогитскаго п. прапорщикомъ. 12 марта 1867 г. перев. въ л.-гв. Волынскій п.

558. Кишкинъ, Сергѣй Семеновичъ; 26 ноября 1866 г. переведенъ изъ 4 стрѣлковаго батал. прапорщикомъ. 12 марта 1867 г. перевед. въ л.-гв. Волынскій п.

559. Львовъ, Александръ Петровичъ; 15 іюля 1867 г. перевед. прапорщикомъ изъ Кексгольмскаго гренадер. п. Будучи шт.-капитаномъ, 24 іюня 1876 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни.

560. Рыдзевскій, Леонардъ Донатовичъ; 30 августа 1867 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго полка. 6 декаб. того-же года назнач. командиромъ Пермскаго губернск. бат.

561. Небогинъ, Петръ Ивановичъ; 30 августа 1867 г. перевед. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго полка. 31 марта 1868 года переведенъ обратно.

562. Фуругельмъ 1, Эдуардъ Ивановичъ; 25 декаб. 1867 г. перевед. изъ С.-Петербургскаго гренад. п. Въ чинѣ капитана, 4 декабря 1880 г. переведенъ въ 7 Тавастгустскій Финскій стрѣлков. батальонъ, подполковникомъ.

563. Нарбутъ 3, Василій Александровичъ; 25 декаб. 1867 г. перев. подпоручикомъ изъ 7 гренад. Самогитскаго п. 13 апр. 1886 г. произв. въ полковники и командуетъ батальономъ.

564. Витте, Бруно Альбертовичъ; 25 декаб. 1867 г. перевед. подпоручикомъ изъ 24 пѣхотн. Симбирскаго п. 13 окт. 1879 г. перев. въ 14 Туркестанскій лин. бат., подполковникомъ.

565. Богаевскій, Михаилъ Ильичъ; 25 декаб. 1867 г. перевед. изъ 124 пѣхотн. Воронежскаго п. подпоручикомъ. Состоя въ чинѣ капитана, при 2 воен. Константиновскомъ училищѣ, 22 нояб. 1881 г. перевед. въ военно-учебное вѣдомство, подполковникомъ.

566. Коноваловъ, Дмитрій Николаевичъ; 25 декаб. 1867 г. перевед. изъ 35 пѣхотн. Брянскаго п. 16 янв. уволенъ отъ службы, по болѣзни, съ производствомъ въ полковники.

567. Полкарай-Никитенко, Михаилъ Афанасьевичъ; 25 дек. 1867 г. перевед. изъ 123 пѣхотн. Козловскаго полка. 8 февр. 1881 г., состоя въ чинѣ капитана, зачисленъ по армейск. пѣхотѣ, съ переименованіемъ въ подполковники.

568. Полторжицкій, Іосифъ Семеновичъ; 25 декаб. 1867 г. перевед. изъ 123 пѣхотнаго Козловскаго полка, прапорщикомъ. Капитанъ, командиръ роты.

569. Урнежевскій, Сергѣй Николаевичъ, 22 іюля 1868 г. перев. подпоручикомъ изъ 141 пѣх. Можайскаго полка. 5 апр. 1887 г. произв. въ полковники, съ перев. въ л.-гв. Волынскій п.
570. Сахновскій, Александръ Акимовичъ; 22 іюля 1868 г. перев. прапорщикомъ изъ 12 грен. Астраханскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича п. Капитанъ, командиръ 5 роты съ 27 сент. 1881 года.
571. Ратке, Федоръ Фридриховичъ; 22 іюля 1868 г. перев. изъ 20 пѣх. Галицкаго полка. 12 янв. 1874 г. перев. въ Орловскую-Бахтина воен. гимн. поручикомъ.
572. Фуругельмъ, Рольфъ Ивановичъ; 12 іюля 1868 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. 21 авг. 1883 г. уволенъ отъ службы, полковникомъ.
573. Сполатбогъ, Николай Николаевичъ; 31 мая 1869 г. перев. изъ Кексгольмскаго гренад. полка. 22 февр. 1876 г. перев. во 2 Туркест. линейный батальонъ, капитаномъ.
574. Эрнстремъ, Карлъ Густавовичъ; 12 іюля 1869 г. изъ камеръ-пажей. 5 авг. 1874 г. перев. въ 23 артиллер. бригаду, поручикомъ.
575. Шульманъ 1, Магнусъ Александровичъ; 12 іюля 1869 г. изъ камеръ-пажей. Съ 8 апр. 1881 г. состоитъ въ Финляндскомъ кад. корп., подполковникомъ.
576. Муромцевъ, Николай Алексѣевичъ; 12 іюля 1869 г. изъ Николаевскаго кавалер. училища. 24 апр. 1870 г. исключенъ умершимъ.
577. Фонъ-Терне, Іоганъ Іогановичъ; 12 іюля 1869 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. Будучи поручикомъ, 29 сент. 1874 г. уволенъ отъ службы.
578. Портнягинъ, Александръ Ивановичъ; 10 авг. 1868 г. перев. въ полкъ подпоручикомъ. 5 іюня 1873 г. перев. въ корпусъ жандармовъ, шт.-капитаномъ.
579. Голохвастовъ, Василій Прокофьевичъ; 10 авг. 1868 г. перев. прапорщикомъ изъ состоявшихъ по арм. пѣх. Капитанъ, командиръ 9 р. съ 28 авг. 1878 г.
580. Константиновъ, Николай Николаевичъ; 10 авг. 1868 г. перев прапорщикомъ изъ состоявшихъ по арм. пѣх. 16 іюня 1874 г. перев. въ Забайкальское казачье войско, сотникомъ.
581. Рябинкинъ 1, Константинъ Трофимовичъ; 10 авг. 1868 г. перев. прапорщикомъ изъ состоявшихъ по арм. пѣхотѣ. Капитанъ, командиръ 4 р.
582. Левашевъ, Николай Николаевичъ; 10 авг. 1868 г. перев. въ полкъ прапорщикомъ. 30 сент. 1876 г. переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.
583. Баронъ Корфъ, Андрей Николаевичъ; 10 авг. 1869 г., будучи начальн. штаба Рижскаго военнаго округа, свиты Его Величества генер.-маіоромъ, назнач. командиромъ л.-гв. Литовскаго полка. 17 апр. 1874 г. назнач. командующимъ 11 пѣх див. 8 окт. того-же года зачисленъ въ списки полка. Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейт., командующій войсками При-Амурскаго военнаго округа.
584. Гренквистъ, Христіанъ Петровичъ; 21 іюня 1870 г. изъ камеръ-

пажей. 23 окт. 1871 г. перев. въ 1 батар. 3-й гвард. гренад. артил. бригады.

585. Шульманъ II, Карлъ Александровичъ; 21 іюля 1870 г. изъ камеръ-пажей. 19 іюня 1874 г. перев. въ 37 пѣхот. Екатеринбургскій п., поручикомъ.

586. Баронъ Икскуль, Александръ Карловичъ; 16 апр. 1872 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго п. 5 авг. 1877 г. исключ. изъ списковъ полка въ запасн. бат.

587. Строевъ, Андрей Николаевичъ; 15 мая 1872 г. перев. изъ 35 пѣхот. Брянскаго п. 27 дек. 1882 г. въ чинѣ капитана исключ. умершимъ.

588. Фонъ-Вестенрикъ 2, Константинъ Ивановичъ; 3 іюня 1872 г. перев. прапорщикомъ изъ 16 пѣхот. Ладожскаго п. Зачисл. по арм. пѣх., подполковникомъ.

589. Баронъ Грипенбергъ, Робертъ Севастьяновичъ, 17 іюня 1872 г. изъ Финляндскаго кадетск. корп. 30 янв. 1874 г. перев. въ Свеаборгскую крѣпост. артил., подпоручикомъ.

590. Флейшеръ 2, Рафаилъ Николаевичъ; 14 авг. 1872 г. перев. прапорщикомъ изъ Кексгольмскаго гренад. п. Капитанъ, командиръ 13 р. съ 20 іюля 1877 г.

591. Александровъ, Николай Фомичъ; 2 сент. 1872 г. перев. въ полкъ прапорщикомъ. 1 іюля 1877 г. перев. шт.-капитаномъ въ воен. инженеры.

592. Семеновъ, Яковъ Петровичъ; 2 сент. 1872 г. перев. прапорщикомъ 1 іюля 1877 г. перев. въ военные инженеры, шт.-капитаномъ.

593. Гроттусъ, Матвѣй Фаддѣевичъ; 2 сент. 1872 г. перевед. прапорщикомъ. 11 нояб. 1874 г. исключ. умершимъ.

594. Левашевъ, Эммануилъ Николаевичъ; 27 окт. 1872 г. изъ портупей-юнкеровъ. 4 дек. 1876 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

595. Пославскій, Илья Титовичъ; 2 авг. 1873 г. перев. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. По окончаніи курса въ Николаевской инженерной академіи, 8 іюня 1873 г. переведенъ въ военные инженеры.

596. Машлыкинъ, Леонидъ Васильевичъ; 2 авг. 1873 г. перев. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. Капитанъ, командиръ 16 р. съ 6 окт. 1877 г.

597. Монастырскій, Степанъ Ивановичъ; 2 авг. 1873 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 13 дек. 1878 г. перев. въ генер. штабъ.

598. Яроцкій, Богданъ Ивановичъ; 2 авг. 1873 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣх. Шт.-капитанъ, командиръ роты.

599. Пирамидовъ, Владиміръ Михайловичъ; 2 авг. 1873 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 27 іюня 1879 г. перевед. въ корпусъ жандармовъ.

600. Дементьевъ, Константинъ Александровичъ; 2 авг. 1872 г. перев. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. 22 апр. 1861 г. перев. въ 37 Екатеринбургскій п., шт.-капитаномъ.

601. Панпушко, Іосифъ Васильевичъ; 2 авг. 1873 г. изъ прапорщиковъ арм. пѣхоты. 31 окт. 1875 г. уволенъ отъ службы, подпоручикомъ.

602. Ивановъ, Викторъ Васильевичъ; 2 авг. 1873 г. изъ подпоручиковъ

арм. пѣхоты. 20 нояб. 1879 г. перев. капитаномъ въ отдѣльный корпусъ жандармовъ.

603. Фонъ-Сиверсъ, Романъ Егоровичъ; 10 авг. 1873 г. изъ камеръ-пажей. 20 января 1877 г. перев. въ 14 Туркестанскій линейн. бат., шт.-капитаномъ.

604. Гедлундъ, Викторъ Александровичъ; 10 авг. 1873 г. изъ Финляндскаго кадетск. корп. Съ 12 февр. 1881 въ Финляндскомъ кадетск. корп., въ должности ротнаго офицера, въ чинѣ шт.-капитана.

605. Баронъ Арнсгофенъ, Карлъ Генриховичъ; 17 апр. 1874 г. назнач. командующимъ полкомъ. 1 дек. 1878 г., будучи генер.-маіоромъ свиты Его Величества, отчисленъ отъ должности. 2 мая 1879 г. зачисленъ въ списки полка. Генер.-лейтенантъ, начальникъ 4-й стр. бригады.

606. Защукъ 1, Іосифъ Іосифовичъ; 24 марта 1874 г. перев. поручикомъ изъ С.-Петербургскаго гренад. п. Капитанъ, командиръ роты Его Величества въ 1 воен. Павловскомъ училищѣ.

607. Тишевскій, Павелъ Николаевичъ; 30 авг. 1874 г. перев. поручикомъ изъ С.-Петербургскаго грен. п., съ оставленіемъ при 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ.

608. Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Высочайшій приказъ о зачисленіи въ списки п. состоялся въ 21 день іюня 1875 г.

609. Петеровъ 1, Эрнестъ Касперовичъ; 17 авг. 1875 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Штабсъ-капитанъ, командиръ 8 р.

610. Волковъ, Петръ Петровичъ; 17 авг. 1875 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Въ 1885 г. уволенъ въ отставку, капитаномъ.

611. Сулимовъ, Николай Ильичъ; 17 авг. 1875 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Штабсъ-капитанъ, командиръ роты.

612. Швенднеръ, Александръ Петровичъ; 17 авг. 1875 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Высочайшимъ приказомъ въ 8 день марта 1877 г. переведенъ въ 44 пѣхотный Камчатскій полкъ, поручикомъ.

613. Рябинкинъ 2, Александръ Трофимовичъ; 17 авг. 1875 г. перев. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. 25 января 1883 года исключенъ умершимъ.

614. Хомичевскій, Дмитрій Ивановичъ; 10 іюня 1876 г. перевед. прапорщикомъ изъ 2 Туркестанскаго линейн. бат. 8 нояб. 1885 г. переведен. въ Закаспійскій стрѣлков. батал., капитаномъ.

615. Фонъ-Бурмейстеръ, Максимиліанъ Карловичъ; 6 іюля 1876 г. произв. изъ портупей-юнкеровъ. Въ 1876 г. исключенъ изъ списковъ полка умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлѣ съ турками.

616. Федяй, Аркадій Елисѣевичъ; 20 марта 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. Будучи шт.-капитаномъ, 27 мар. 1886 г. назнач. полиціймейст. Императорскаго Московск. Большого театра. 6 сент. того-же года исключ. умершимъ.

617. Новоселовъ, Николай Васильевичъ; 20 марта 1876 г. перевед. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. Съ 26 ноября 1880 г. состоитъ въ 3 военн. Александровскомъ учил., въ чинѣ шт.-капитана.

618. Андреяновъ, Николай Евгеніевичъ; 20 августа 1876 г. перевед. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. Нынѣ шт.-капитанъ.
619. Рутковскій, Иванъ Станиславовичъ; 20 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ армейск. пѣхоты. Шт.-капитанъ; состоитъ воспитателемъ въ Псковскомъ кад. корп. съ 24 янв. 1886 г.
620. Бокщанинъ, Францъ Викентьевичъ; 20 авг. 1876 г. перевед. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. Штабсъ-капитанъ, командиръ 11 роты.
621. Лазо, Владиміръ Георгіевичъ; 20 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. 11 окт. 1879 г., въ чинѣ поручика, уволенъ въ отставку.
622. Мачуговскій, Александръ Васильевичъ; 20 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. 18 апр. 1878 г. исключенъ изъ списковъ полка, прапорщикомъ.
623. Шульскій, Николай Юстиновичъ; 20 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 5 дек. 1879 г. перевед. капитаномъ въ 1-й Туркестанскій стрѣлк. бат.
624. Буссовъ, Константинъ Ивановичъ; 20 авг. 1876 г. переведенъ изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. Штабсъ-капитанъ командиръ. 15 роты.
625. Петеровъ 2, Константинъ Касперовичъ; 20 авг. 1876 г. перев. поручикомъ изъ Кексгольмскаго гренад. полка. Шт.-капитанъ, командиръ 10 роты.
626. Холодовскій, Иванъ Ивановичъ; 1 окт. 1876 г. перевед. поручикомъ изъ 46 Днѣпровскаго п. Капитанъ, командиръ роты въ офицерск. стрѣлк. школѣ.
627. Его Императорское Высочество Генералъ-Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Высочайшій приказъ о зачисленіи въ списки полка состоялся въ 6 день ноября 1876 г.
628. Брунъ, Эдмундъ Ивановичъ; 17 іюля 1872 г. перев. изъ Финляндскаго кадетск. корп. 17 іюля 1883 г. уволенъ отъ службы капитаномъ по причинѣ ранъ.
629. Геллеръ, Алексѣй Степановичъ; 10 авг. 1876 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. 5 мая 1877 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ.
630. Нордлингъ, Федоръ Францовичъ; 10 авг. 1876 г. изъ Финляндскаго кад. корпуса. 8 авг. 1881 г. переведенъ въ 1 Нюландскій Финскій батальонъ, капитаномъ.
631. Флейшеръ, Сергѣй Николаевичъ; 10 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 23 дек. 1882 г. переведенъ въ Уманскій конный п. Кубанскаго каз. войска, есауломъ.
632. Шпигель, Карлъ Васильевичъ; 10 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Штабсъ-капитанъ, воспитатель Псковскаго кад. корпуса.
633. Долгинскій, Митрофанъ Владиміровичъ; 10 авг. 1876 г. переведенъ изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. 28 января 1882 г. зачисленъ по арм. пѣхотѣ.
634. Суликовскій, Михаилъ Феликсовичъ; 10 авг. 1876 г. переведенъ изъ

подпоручиковъ арм. пѣхоты. Будучи штабсъ-капитаномъ, переведенъ въ генер. штабъ, капитаномъ.

635. Евдокимовъ, Леонидъ Викторовичъ; 10 авг. 1876 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 16 сент. 1882 г. перев. въ военно-судеб. вѣдомство, капитаномъ.

636. Волковъ, Александръ Петровичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. Штабсъ-капитанъ; приком. ко 2 воен. Констант. училищу.

637. Брандтъ, Антонъ Іосифовичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Шт.-капитанъ, командиръ 2 роты.

638. Смецкой, Семенъ Семеновичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 27 іюля 1886 г. перев. въ военно судебн. вѣдомство, капитаномъ.

639. Орловскій, Сергѣй Александровичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 15 марта 1878 г. исключенъ убитымъ въ дѣлѣ съ турками.

640. Поспѣловъ, Сергѣй Матвѣевичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Шт.-капитанъ, командиръ 7 роты.

641. Васильевъ, Федоръ Николаевичъ; 10 авг. 1876 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 22 окт. 1886 г. переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ.

642. Каталей, Александръ Георгіевичъ; 10 іюня 1877 г. изъ камеръ-пажей. 11 ноября 1881 г уволенъ отъ службы, поручикомъ.

643. Фонъ-Траубенбергъ; 7 дек. 1877 г. перев. изъ Кексгольмскаго гренад. полка. 7 дек. 1877 г. отчисленъ въ запасъ арміи.

644. Маржицкій, Станиславъ Михайловичъ; 31 іюля 1877 г. изъ портупей-юнкеровъ полка. Поручикъ, команд. нестроевой роты.

645. Хоменко, Георгій Ивановичъ; въ авг. 1878 г. перев. подпоручикомъ. 29 іюля 1885 г. уволенъ въ отставку, штабсъ-капитаномъ, съ мундиромъ.

646. Радзишевскій, Иванъ Ивановичъ; 8 ноября 1877 г. перев. полковникомъ изъ л.-гв. Волынскаго полка. 31 окт. 1878 назначенъ командиромъ 28 резервн. батальона.

647. Сербскій, Николай Савиновичъ; перев. 6 ноября 1877 г. Штабсъ-капитанъ, состоитъ въ стрѣлк. офиц. школѣ.

648. Вріони, Сергѣй Платоновичъ; 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; состоитъ въ полку шт.-капитаномъ.

649. Мельниковъ, Петръ Ивановичъ; 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; состоитъ въ полку поручикомъ.

650. Сомовъ, Алексѣй Алексѣевичъ; 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; состоитъ въ полку поручикомъ.

651. Панинъ, Николай Ивановичъ; 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 5 дек. 1878 г. исключенъ умершимъ.

652. Мясоѣдовъ, Михаилъ Николаевичъ, 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. 13 дек. 1881 г. исключенъ умершимъ.

653. Волковъ, Николай Владиміровичъ; 10 іюня 1877 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.

654. Графъ Развадовскій, Иванъ Александровичъ; 7 дек. 1877 г. перев. изъ С.-Петербургскаго гренад. п., прапорщикомъ. 5 марта 1881 г. уволенъ отъ службы, по болѣзни, поручикомъ.

655. Прозоркевичъ, Михаилъ Александровичъ; 21 авг. 1878 г. перев. изъ подпоручиковъ 122 пѣх. Тамбовскаго полка. 16 февр. 1881 г. уволенъ отъ службы, шт.-капитаномъ.

656. Шульманъ, Рудольфъ Александровичъ; 13 февр. 1880 г. переведенъ прапорщикомъ изъ Кексгольмскаго гренад. полка. 8 авг. 1881 г. перев. въ 1-й Нюландскій Финскій батальонъ.

657. Свѣчинъ, Сергѣй Алексѣевичъ; 13 февр. 1880 г. перев. прапорщикомъ изъ Кексгольмскаго гренад. полка. Поручикъ, полковой казначей.

658. Скрынниковъ, Павелъ Михайловичъ; 26 сент. 1878 г. перев. подпоручикомъ изъ С.-Петербургскаго гренад. полка; поручикъ, завѣдывающій оружіемъ.

659. Маркграфскій, Андрей Николаевичъ; 5 ноября 1878 г. переведенъ поручикомъ изъ л.-гв. резерв. полка. Высочайшимъ приказомъ 19 ноября 1884 г. перев. въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, штабсъ-ротмистромъ, съ назначеніемъ старшимъ-адъютантомъ управленія Варшавск. жанд. округа.

660. Солонина, Владиміръ Константиновичъ; 5 ноября 1878 г. перев. подпоручикомъ изъ л.-гв. резервн. полка. Штабсъ-капитанъ, командиръ роты.

661. Борматовъ, Валеріанъ Алексѣевичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. Въ чинѣ шт.-капитана переведенъ въ генеральный штабъ.

662. Загорянскій 1, Валеріанъ Прокофьевичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 7 іюля 1884 г. переведенъ въ военные инженеры, шт.-капитаномъ.

663. Абакумовъ, Виталій Федоровичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; состоитъ въ полку поручикомъ.

664. Фонъ-Клингенбергъ, Карлъ Аркадіевичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; перев. въ генер. штабъ.

665. Загорянскій 2, Николай Прокофьевичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.

666. Пенинскій, Дмитрій Владиміровичъ; 16 апр. 1878 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.

667. Водаръ, Александръ Карловичъ; 1 дек. 1878 г. въ чинѣ генералъ-маіора назначенъ командиромъ полка. Въ ноябрѣ 1886 г. назначенъ начальникомъ 2 военнаго Константиновскаго училища и зачисленъ въ списки полка. 30 авг. 1887 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

668. Новогребельскій, Александръ Станиславовичъ; 23 сент. 1878 г. перев. изъ 3-го желѣзно-дорожнаго батальона, прапорщикомъ. Поручикомъ уволенъ отъ службы.

669. Зараковскій, Иванъ Ивановичъ; 14 дек. 1878 г. перев. подпоручикомъ изъ 1-го сапернаго бат. Поручикъ.

670. Рашпиль, Григорій Григорьевичъ; 8 авг. 1879 г. изъ камеръ-пажей; поручикъ.
671. Тяжельниковъ, Иванъ Ивановичъ; 8 авг. 1879 г. изъ пажескаго корпуса. 16 ноября 1881 г. переведенъ въ Амурскій пѣшій полубатальонъ, поручикомъ.
672. Волковъ 4, Дмитрій Владиміровичъ; 8 авг. 1879 г. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты. Полковой адъютантъ, поручикъ.
673. Ходоровичъ, Николай Александровичъ; 8 авг. 1879 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
674. Старынкевичъ, Константинъ Ильичъ; 8 авг. 1879 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты. 20 февр. 1883 г. уволенъ отъ службы.
675. Рябинкинъ, Федоръ Трофимовичъ; 25 авг. 1879 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
676. Коцебу, Александръ Оттоновичъ; 16 сент. 1880 г. перев. прапорщикомъ изъ 1-го стрѣлковаго бат. 28 ноября 1882 г. зачисленъ въ запасъ гвард. пѣхоты.
677. Модль, Павелъ Альфредовичъ; 10 мая 1880 г. перев. прапорщик. изъ л.-гв. Финляндскаго п.; поручикъ.
678. Галле, Антонъ Францевичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
679. Юрьевичъ, Іосифъ Ромуальдовичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручик. арм. пѣхоты; поручикъ.
680. Марковъ 1, Сергѣй Дмитріевичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
681. Павловъ, Дмитрій Петровичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
682. Троцкій, Дмитрій Павловичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
683. Марковъ 2, Александръ Дмитріевичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
684. Новогребельскій, Константинъ Станиславовичъ; 8 авг. 1880 г. изъ подпоруч. арм. пѣхоты; поручикъ.
685. Лелюхинъ, Константинъ Николаевичъ; 28 марта 1881 г. перев. изъ л.-гв. Семеновскаго п., прапорщикомъ. 2 іюня 1886 г. перев. въ отд. корп. жандармовъ, шт.-ротмистромъ.
686. Мацкевичъ, Иванъ Ивановичъ; 9 апр. 1881 г. перев. изъ С.-Петербургскаго гренад. полка. Шт.-капитанъ, состоитъ во 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ.
687. Марковъ 3, Владиміръ Ивановичъ; 8 авг. 1881 г. изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса; поручикъ.
688. Жуковскій, Михаилъ Евгеніевичъ; 9 сент. 1881 г. изъ подпрапорщиковъ. 23 окт. 1881 г. уволенъ отъ службы, прапорщикомъ.
689. Сымонъ, Антонъ Петровичъ; 8 авг. 1881 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
690. Мельниковъ, Григорій Павловичъ; 8 авг. 1881 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
691. Юденичъ, Николай Николаевичъ; 8 авг. 1881 г. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты; поручикъ.

692. Новиковъ, Андрей Федоровичъ; 8 авг. 1881 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
693. Кольбе, Владиміръ Никитичъ; 7 авг. 1882 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
694. Манакинъ, Михаилъ Михайловичъ; 7 авг. 1882 г. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты; поручикъ.
695. Ромишевскій, Владиміръ Владиславовичъ; 12 авг. 1883 г. изъ камеръ-пажей. 27 марта 1887 г. переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, подпоручикомъ.
696. Новиковъ, Сергѣй Федоровичъ; 22 іюля 1884 г. перев. изъ 30 пѣх. Полтавскаго полка; поручикъ.
697. Бартновскій; Петръ Ивановичъ; 7 авг. 1882 г. изъ 3 воен. Александровскаго училища; поручикъ.

Подпоручики:

698. Маслянниковъ, Николай Николаевичъ; 12 авг. 1883 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.
699. Мартыновъ, Евгеній Ивановичъ; 12 авг. 1883 г. изъ подпоручиковъ армейской пѣхоты.
700. Шеинъ, Алексѣй Павловичъ; 12 авг. 1883 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.
701. Тиньковъ, Сергѣй Афанасьевичъ; 12 авг. 1883 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.
702. Голенко, Митрофимъ Степановичъ; 12 авг. 1883 г. перев. изъ подпоручиковъ арм. пѣхоты.
703. Алексѣевъ, Александръ Павловичъ; 14 авг. 1884 г. изъ 2 военнаго Константиновскаго училища.
704. Тарановскій, Викторъ Петровичъ; 14 авг. 1884 г. изъ 2 военнаго Константиновскаго училища.
705. Леонтьевъ, Владиміръ Георгіевичъ, 7 авг. 1885 г. изъ 1 военнаго Павловскаго училища.
706. Быковъ, Леонидъ Николаевичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 3 военнаго Александровскаго училища.
707. Войцеховскій, Сергѣй Ивановичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 1 военнаго Павловскаго училища.
708. Булюбашъ, Владиміръ Ивановичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 3 воен. Александровскаго училища.
709. Фонъ-Брадке, Вячеславъ Михайловичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 3 воен. Александровскаго училища.
710. Григорьевъ, Михаилъ Михайловичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 2 военнаго Константиновскаго училища.
711. Левшинъ, Дмитрій Михайловичъ; 7 авг. 1885 г. изъ 3 военн. Александровскаго училища.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ФАМИЛІЙ.

Александръ I, Павловичъ, Императоръ Всероссійскій, стр. 1, 2, 4—6, 10, 37, 73, 74, 94, 96, 98, 203—205.

Александръ II, Николаевичъ, Императоръ Всероссійскій, стр. 211, 380, 381, 384, 433, 436, 442, 443, 510.

Александръ III, Александровичъ, Императоръ Всероссійскій, стр. 444.

Александра Іосифовна, Великая Княгиня, стр. 436.

Адлербергъ, графъ, Влад. Федор., генер.-адъют., стр. 37, 78, 380.

Аммонтъ (фонъ), к-ръ л.-гв. Литовск. полка, стр. 334, 335, 356, 369, 370, 376.

Арпегофенъ, баронъ, Карлъ Генр., к-ръ л.-гв. Литовскаго полка, стр. 443—445, 480, 491, 508.

Артемьевъ, рядовой, стр. 143.

Арцыбашевъ, капит., стр. 28—30.

Афанасьевъ, прапорщ., стр. 170.

Багратіонъ, князь, стр. 17, 18, 20, 33,

Барклай-де-Толли, графъ, генер.-фельдмаршалъ, стр. 17, 33, 41, 43, 45, 111, 116, 117.

Бачмановъ, подпор., стр. 427.

Бергъ, графъ, Фед. Фед., стр. 383, 433, 434, 443.

Беклешовъ, прапорщ., стр. 86.

Бибиковъ, полковн., стр. 208.

Брантъ, прусск. генер., стр. 14, 56.

Бринкенъ (де), поруч., стр. 244.

Брунъ, Э. И., поручикъ, стр. 450, 465, 489, 490.

Бурмейстеръ, подпор., стр. 490.

Бялый, В. Л., полковн., стр. 477, 489, 501.

Вандамъ, маршалъ Франц., ст. 86.

Ванновскій, П. С., полковникъ, стр. 407.

Варпаховскій, полковн., стр. 173.

Ватаци, прапорщ., стр. 418.

Вендландъ (фонъ), капит., стр. 426, 427.

Веревкинъ, ген.-маіоръ, стр. 115.

Веретянинъ, фельдф., стр. 169, 170

Веригинъ, подпор., стр. 175.

Вильсонъ, сэръ Робертъ, 46, 49, 64.

Витторфъ (фонъ), поручикъ, стр. 418, 419, 421, 422.

Водаръ, А. К., к-ръ л.-гв. Литовск. полка, стр. 508.

Высоцкій, Петръ, 219, 226, 227.

Габбе, шт.-капит., стр. 173, 175.

Гедлундъ, В. А., поруч., стр. 490.

Гессъ, живописецъ, стр. 38.

Гогель, шт.-капит., стр. 364.

Гордѣйчукъ, рядовой, стр. 302.

Горецкій, поруч. польск. войскъ, стр. 248.

Граббе, флигель-адъютантъ, полковникъ, стр. 51, 144, 231, 257, 292, 293.
Грессеръ I, капитанъ, адъютантъ Цесаревича, стр. 233, 235.
Грессеръ 2, поруч., стр. 233, 236.
Гурко, I. Влад., ген.-адъютантъ, стр. 460, 468.

Даву, маршалъ, стр. 17, 18, 22.
Давыдовъ, воен. писат., стр. 102.
Дандевиль, В. Д., Нач. 3 гв. п. див., стр. 479, 485, 492.
Девиттъ, П. Я., к-ръ л.-гв. Литовскаго полка, стр. 293, 305, 368, 369, 391.
Де-Лазари, поручикъ, стр. 186.
Дибичъ-Забалканскій, графъ, ген.-фельдмарш., стр. 258, 261, 262.
Доврe, прапорщикъ, стр. 181.
Дохтуровъ, Д. С., стр. 21, 30, 35.
Дуве, полковникъ, стр. 407.
Дурасовъ, полковникъ, стр. 123.

Елена Павловна, Великая Княгиня, стр. 373.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., стр. 4, 7—9, 11, 12, 75, 76, 89, 94, 160.
Есаковъ, к-ръ л.-гв. Волынск. п., стр. 142, 229, 230, 282, 341.

Жандръ, генералъ-маіоръ, стр. 225, 226.
Жеваховъ, прапорщ., стр. 88.
Желтухинъ, Влад. Петр., стр. 118, 172, 315.
Жимирскій, польскій генералъ, стр. 128, 131.

Забѣлло, прапорщ., стр. 300, 301.
Заіончекъ, намѣстникъ, стр. 115, 135, 207.
Зальцъ, баронъ Ник. Антон., стр. 350, 377, 396.
Замойскій, графъ, президъ. сената, стр. 210; офицеръ польскихъ войскъ, стр. 239.

Ивановъ. В. В. подпор., стр. 446.
Измайловъ, поруч., стр. 190—192.

Іолшинъ, капитанъ, стр. 407.

Каршницкій, подпрап., 231, 301.
Каталей, В. В., стр. 397, 406, 407, 434, 438—441, 479, 480.
Катенинъ, капитанъ, стр. 27.
Кишкинъ, Вас. Мих., к-ръ л.-гв. Литовск. полка, стр. 36, 118, 199, 200, 214.
Клемъ, полковникъ, стр. 407.
Козляниновъ, полковн., стр. 18.
Коленкуръ, герцогъ Виченскій, 94.
Коновницынъ, генералъ, стр. 19, 20, 23, 28, 30, 34.
Константинъ Павловичъ, Цесаревичъ, Великій Князь, 4, 7, 8. 10, 13, 36, 63, 70, 86, 110, 114—119, 135—144, 156, 160, 174 — 188, 191, 202 — 207, 211, 225, 238, 239, 242, 243, 248, 249.
Константинъ Николаевичъ, Великій Князь, стр. 412, 413, 430, 435, 436.
Корвинъ-Красинскій, прапорщ., стр. 233, 298.
Корабьинъ, подпоруч., стр. 36.
Корниловичъ, поручикъ, стр. 234. 245, 246.
Корфъ, баронъ, нач. 3 гв. пѣх. див., стр. 392, 412, 430.
Корфъ, бероиъ, А. Н., к-ръ л.-гв. Литовск. полка, стр. 440, 443, 444, 506.
Костаревъ, А. И., полковн., стр. 418, 492.
Котиковъ, поручикъ, стр. 427.
Коцебу, графъ, П. Е., стр. 444.
Красинскій, гр. Винцентій, ген.-адъют., стр. 129.
Кузнецовъ, Тимоффѣй, рядовой, 3.
Кузьминъ, полковникъ, стр. 398, 406, 407.
Кулишевъ, есаулъ, стр. 419, 420.
Курнатовскій, дивиз. генер. стр. 129, 180, 229.

Курута, графъ, Дм. Дм., стр. 191, 206, 207, 275, 278, 279.
Кутузовъ-Смоленскій, князь, Мих. Иллар., стр. 13, 16, 17, 34, 38—41, 43, 47, 50, 54—58, 60, 61, 68, 73, 78, 79.
Кутузовъ, полковникъ, стр. 18, 19, 24, 25, 38.
Кюстеръ, поручикъ, стр. 427.

Лавровъ, ген.-лейт., 13. 16, 18. 60.
Лазо, поручикъ, 446. 486.
Ланпа, капитанъ, 360, 361.
Латуръ-Мобуръ, кавал. генералъ, стр. 22, 31.
Левашовъ, М. Н., подпоручикъ, стр. 446, 447.
Лишинъ, А. Ф., поручикъ, 233, 298—300.
Логиновъ, П. П., капит., 445, 450.
Лористонъ, графъ, 47.
Лопатинъ, рядовой, 143.
Любовицкій, вице-презид. Варшавы, 225.

Макаровъ, лексикогр., 189, 233, 295—298.
Малиновскій, капитанъ, 355.
Мануйловъ, рядовой, 163.
Машлыкинъ, Л. В., капит., 450.
Меллеръ-Закомельскій, баронъ, Ник. Ив.; 398, 404, 407; 415. 420—426, 429, 430, 432.
Менделѣевъ, полковн., 383, 398.
Милорадовичъ, графъ, 14, 41, 43, 47, 52, 101, 104.
Мирковичъ, к-ръ л.-гв. Волынск. полка, 461, 462, 476.
Михаилъ Павловичъ, Великій Князь, 211, 281, 290, 315, 316, 344, 345, 373—376.
Михайловскій-Данилевскій, писатель, 23.
Мичуринъ, капит., 36, 189, 190.
Мишо, полковникъ 45.
Мюратъ, Король Неаполитанскій, 17, 22, 23, 41, 50.

Нандельштедтъ, Н. Ф., полковн., 465, 489.
Нансути, франц. генер., 22, 26, 31.
Наполеонъ I, стр. 12, 17, 21, 33, 48, 52.
Нарбутъ, В. А., капитанъ, 474, 488, 489, 491, 496.
Невѣровскій, поручикъ, стр. 36.
Ней, маршалъ, 17, 22, 38, 68, 69.
Никитинъ, А. А., полковн., флигель-адъют., 489, 491, 496, 510.
Николай I, Павловичъ, Императоръ Всероссійскій, 38, 211, 214, 215, 323, 325.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, генералъ-фельдм., 442, 445, 446, 495, 496.
Николай Николаевичъ Младшій, Великій Князь, 432, 445, 495.
Николевъ, капит., стр. 37.
Новоселовъ, шт.-капит., 490.

Оболенскій, князь, 285.
Овандеръ, к-ръ л.-гв. Волынскаго полка, 282, начальн. 3 гв. пѣх. див., 326, 385, 387—389.
Одинцовъ, А. А., генер. отъ инф., 139, 228, 285, 314, 315, 330.
Орловскій, С. А., подпор., 490.
Орловъ, графъ, А. Ф., ген.-адъют., стр. 252, 253.
Остенъ-Сакенъ, баронъ, 276, 277.
Островскій, графъ, 241.

Паскевичъ-Эриванскій, графъ, Ив. Фед., 283, 284.
Панинъ, подпоручикъ, 500.
Паули (де), 329, 330.
Петрушевскій, шт.-кап., 422, 423.
Пестель, Павелъ, поручикъ, 36.
Плаутинъ, ген.-адъют., 408—411.
Полторжицкій, капит., 445, 490.
Понятовскій, Станиславъ, 18, 114,
Поповъ, полковникъ, 51, 389.
Потоцкій, Станиславъ, польск. генер., стр. 239.
Поццо-ди-Борго, австрійскій полковникъ, 137.

Пахольчукъ, рядовой, 288, 290.
Путинцевъ, прапорщ.: 305, 306.
Пущинъ, Н. Н., 173—177, 268.

Развадовскій, гр. К. Ив., 301, 302.
Развадовскій, В. Ив., 301, 302.
Ралль, полковникъ, 186.
Ренгау (Вагнеръ), 137, 328, 329.
Ридигеръ, графъ, главнокоманд., стр. 400, 401.
Рихтеръ 2, генер.-лейт., стр. 128, 184, 229, 293.
Рожнецкій, польскій генералъ, 22, 216, 248.
Рожновъ, полковникъ, 500.
Роникеръ, графъ, 364.
Рутковскій, шт.-капит., 490.
Рябчикъ, Францъ, рядовой, 163.

Савельевъ, унт.-офиц., 163.
Сахновскій, А. А., капит., 450, 490.
Семевскій, подпоручикъ, 364.
Семеновъ, поручикъ, 360.
Сенъ-Лоранъ (де), поруч., 360.
Сиверскій, капитанъ, 479.
Слѣпцовъ, поручикъ, 360.
Смольянъ, поручикъ, 360.
Суликовскій, поручикъ, 491, 496.

Тевесъ, полковникъ. стр. 406, 407, 420—422.
Тимофѣевъ, В. И., генералъ, 4, 9, 20, 24—30, 36, 38.
Толь, графъ, 275, 284, 285.
Трембицкій, польскій генер., 139, 217, 248.
Траскинъ, капитанъ, стр. 360, 380, 381, 391.
Тяжельниковъ, поруч., 421, 422.

Удомъ, Ив. Фед., к-ръ л.-гв. Литовск. полка, 2—4, 7, 8, 24, 28, 36, 38, 49, 78, 80, 105.
Угрюмовъ, П. А., полковникъ, 9, 32, 36, 38.
Урнежевскій, С. Н., 444, 450.
Ушаковъ, полковникъ, 115, 186.

Фаевой, кантонистъ, стр. 300.
Федоровъ. к-ръ л.-гв. Литовск. п., стр. 396, 397.
Философоръ, генер.-маіоръ, стр. 451, 479.
Фуругельмъ, От. Вас.. к-ръ л.-гв. Литовск. п., 429, 430.
Фэнъ, франц. писатель, 56.

Хлопицкій, диктаторъ, 247, 297.
Храповицкій, к-ръ Измайловскаго полка, 7, 9, 18, 23, 30.

Чарторыжскій, Адамъ, князь, 241.

Шварцъ, А. Е., подполковникъ, 4 9, 32, 36.
Шаронъ-ла-Розъ, полковн., стр. 363, 364.

Эльжановскій, шт.-капит., 427.
Энгельманъ, Карлъ Георг., к-ръ л.-гв. Литовск. полка, 183, 184, 215, 229, 230, 292, 294, 295.
Эйхенъ, полковн., 424, 426, 427.

Ячиновскій, подпор., 490.
Турно, полковн. польск. войскъ, стр. 235, 248, 251.